

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические записи.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические записи.
Не отправляйте в систему Google автоматические записи любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

1030

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

STALL STUDY

CHARGE

FILED

68²⁰ 05
p 89

ДЕКАБРЬ.

1896.

РУССКОЕ ПОГЯТСТВО

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 12.

ЛЕНИНСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Пл. Мясная, д. 8.

№ 4451 м. 48.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.

1896.

ИЮЛ 1939

Δ
P Lav 620.5 ($\frac{1896}{12}$)

✓

61 * 2

СОДЕРЖАНІЕ:

	СТРАН.
1. Ярмарочныя картинки. I. Самокаты. II. Мамоны. <i>С. Я. Ематьевскаго</i>	5— 21
2. Жанъ Массе. Страничка изъ исторіи народнаго образованія во Франціи. <i>Е. Г. Бартеневой</i>	22— 48
3. Наша кляча. Разсказъ. <i>М. Конопницкой</i> . Переводъ съ польскаго	49— 77
4. Инородцы и инородческій вопросъ на нижегородской всероссійской выставкѣ. <i>П. Е. Кулакова</i>	78—100
5. Молохъ. Повѣсть <i>А. И. Куприна</i>	101—169
6. Кустарная промышленность на выставкѣ 1896 г. <i>М.</i> <i>А. Плотнокова</i>	170—200
7. Изъ Ады Негри. Стихотвореніе <i>А. М. Федорова</i>	201
8. Императрица Екатерина и литературное движеніе ея эпохи. <i>А. Е. Грузинскаго</i>	202—216
9. Жертва. Святочный разсказъ. <i>И. Н. Потапенко</i>	217—228
10. Философское наслѣдіе XIX вѣка. <i>В. В. Лесевича</i>	229—268
11. Новые матеріалы по вопросу о нормировкѣ рабочаго времени. <i>Н. Тимковскаго</i>	1— 13
12. Морисъ Шиффъ. <i>П. Левашева</i>	13— 26
13. Новыя книги:	

Gedicht von Iwanna Ssawitsch Nikitin. Übertragungen von
Friedrich Fiedler.—Людвигъ Берне. Сочиненія.—Джонъ Мор-
лей. О компромиссѣ.—К. Вагнеръ. Молодежь, ея настоящее и
будущее.—К. Вагнеръ. Мужество, какъ идеаль дѣятельной жизни.—
Эдуардъ Тэйлоръ. Первобытная культура.—М. Гернесь. Исторія

См. на оборотѣ.

первобытнаго челоѣчества.—I. Гоннегеръ. Исторія челоѣче- ской культуры.—Русскій біографическій словарь.—Шарль Летур- но. Физиологія страстей.—Цезарь Ломброзо. Безуміе прежде и теперь.—Памяти К. Д. Ушинскаго.—Комиссія по организаціи домашняго чтенія. Программы на 2-й годъ систематическаго курса.—Новыя книги, поступившія въ редакцію	26— 60
14. Изъ Франціи. <i>Н. К.</i>	61— 74
15. Изъ Германіи. <i>А. Коерова</i>	75— 93
16. Дневникъ журналиста. <i>С. Н. Южакова.</i>	93—114
17. Литература и жизнь. <i>Н. К. Михайловскаго</i>	115—143
18. Хроника внутренней жизни: I. Поиски ва мѣстными органами министерства земледѣлія,—II. Могилев- ская эпопея и ея параллели. <i>О. В. А.</i> III. Правительственное сообщеніе о студенче- скихъ безпорядкахъ.	153—170
19. Отчетъ конторы редакціи журнала «Русское Богатство».	
20. Объявленія.	

Открыта подписка на 1897 годъ
на ежемѣсячный ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ИЗДАВАЕМЫЙ

Н. В. Михайловской и Вл. Г. Короленко.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ съ доставкой и пересылкой 9 р.;
безъ доставки въ Петербургъ и Москвѣ 8 р.; за границу 12 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ въ конторѣ журнала—*Бассейная ул., 10.*

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы—*Никитскія ворота,
д. Газарина.*

При непосредственномъ обращеніи въ контору или въ отдѣленіе, допускается разсрочка: для городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ съ доставкой: при подпискѣ 5 р. и къ 1-му іюля 4 р., или при подпискѣ 3 р., къ 1-му апрѣля 3 р. и къ 1-му іюля 3 р.

Другихъ условій разсрочки не допускается.

Для городскихъ подписчиковъ въ Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки допускается разсрочка по 1 р. въ мѣсяцъ съ платежомъ впередъ въ декабрѣ за январь, въ январѣ за февраль и т. д. по іюль включительно.

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ только 40 коп. съ каждого годового экземпляра.

Подписка въ разсрочку отъ книжныхъ магазиновъ не принимается;

Подписчики «Русскаго Богатства» пользуются уступкой при выпискѣ книгъ изъ петербургской конторы журнала или изъ московскаго отдѣленія конторы.

Каталогъ книгъ печатается въ каждой книжкѣ журнала на первыхъ страницахъ.

Редакторы: П. Быковъ, С. Поповъ.

Въ конторѣ журнала «РУССКОЕ БОГАТСТВО»

(Петербургъ, Бассейная ул., 10)

и въ отдѣленіи конторы журнала
(Москва, Никитскія ворота, д. Галарина)

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

Н. Ггаринъ. Очерки и рассказы. Т. I Изд. второе. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Очерки и рассказы. Т. II. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

— Гимназисты. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Вл. Короленко. Вспомогательный годъ. Изд. второе. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Очерки и рассказы. Книга первая. Изд. седьмое. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Очерки и рассказы. Книга вторая. Изд. третье. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

— Слѣпой музыкантъ. Этюдъ. Изд. второе. Ц. 75 к., съ пер. 80 к.

Н. К. Михайловскій. Критическіе опыты.

— Левъ Толстой. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

— Н. Щедринъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Иванъ Грозный въ русской литературе. Переводъ съ французскаго. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

В. В. Шеллгуновъ. Сочиненія. Два тома. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 60 к.

Очерки русской жизни. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 40 к.

А. И. Протопоповъ. Литературно-критическія характеристики. Ц. 2 р. 20 к., съ пер. 2 р. 50 к.

С. Н. Южаконъ. Соціологическіе этюды. Т. I. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Соціологическіе этюды. Т. II. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

— Соціологическіе этюды. Т. III. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Д. Маминъ-Сибирякъ. Горькая жизнь. Романъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

— Жизнь и творчество. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

С. Я. Елпатьяевскій. Очерки Сибири. 2-е изданіе. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

К. М. Станюковичъ. Очерки. Романъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

— Морскіе чины. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Н. Стверовъ. Рассказы, очерки и наброски. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

В. Строчевскій. Якутскіе рассказы. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Ю. Безродная. Офорты. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

А. Шабельская. Наброски карандашомъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

В. Немировичъ-Данченко. Волчья сѣть. Романъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

П. Доброворскій. Рассказы, очерки и наброски. Два вым. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Э. Арнольдъ. Свѣтъ Азии: жизнь и ученіе Будды. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Э. Реклю. Земля. Шесть выпусковъ. Ц. 6 р. 80 к., съ пер. 8 р. 50 к.

И. И. Дитятинъ. Статьи по исторіи русскаго права. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 90 к.

Г. Гиббинсъ. Промышленная исторія Англіи. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Ц. Делурно. Соціологія, основанная на этнографіи. Вып. I. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

М. С. Корелинъ. Паденіе античнаго міросозерцанія. Ц. 75 к., съ пер. 80 к.

С. Сигало. Преступная толпа. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.

Н. А. Карышевъ. Крестьянскія вѣнчальники. Аренды. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

— Вѣчно-наслѣдственный наемъ земель на континентѣ Зап. Европы. Ц. 2 р. 25 к.

Н. И. Карцевъ. Историко-философскіе и соціологич. этюды. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Г. Буассе. Очерки общественнаго строенія времени дезарей. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 45 к.

С. Р. Гардинеръ. I. Пуритане и Стюарты. II. О. Эйри. Реставрація Стюартовъ и Людовикъ XIV. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

С. Н. Кривенко. На распутьи. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Э. К. Ватсонъ. Этюды и очерки по общ. вопросамъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Н. А. Рубакинъ. Этюды о русской читающей публикѣ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

— Разсказы о великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы. Изд. 3-е. Ц. 18 к., съ пер. 29 к.

С. Я. Надсонъ. Литературные очерки. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

В. Острогорскій. Изъ исторіи моего учительства. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Р. Левенфельдъ. Графъ Л. Н. Толстой (на простой бумагѣ). Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

— (на веленовой бумагѣ). Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

А. Н. Анненская. Анна. Романъ для дѣтей. Изданіе второе. Ц. 60 к., съ пер. 77 к. (Можно послать почт. марками).

Дж. Мармери. Прогрессъ науки. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Э. Реклю. Земля и люди. Швеція и Норвегія. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Дж. К. Ингрэмъ. Исторія рабства. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

І. К. Блунчли. Исторія общаго государственнаго права и политики. Цѣна (мѣсто 3 р.) 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к. Большею уступки не дѣляется.

Д. Ж. Леббокъ. Какъ надо жить. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

В. А. Гольцевъ. Законодательство и нравы въ Россіи XIII вѣка. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 45 к.

Е. Н. Водовозова. Жизнь европейскихъ народовъ. I т. Жители Юга. II т. Жители Сѣвера. III т. Жители Средней Европы. Ц. за каждый томъ 3 р. 75 к., съ пер. 4 р. 40 к.

— Умственное и нравственное развитіе дѣтей. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

В. И. Водовозовъ. Новая русская литература. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

— Словесность въ образцахъ и разборахъ. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 45 к.

— Очерки изъ русской исторіи XVIII вѣка. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Э. Тэйлоръ. Первобытная культура. Въ двухъ томахъ. Ц. 3 р. съ пер. 3 р. 50 к.

Г. Геттнеръ. Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка. Т. I. Англійская литература. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Съ благотворительной цѣлью:

Путь-дорога. Художественно-литературный сборникъ. (На простой бумагѣ). Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

— (На веленовой бумагѣ). Ц. 5 р., съ пер. 6 р.

Въ добрый часъ. Сборникъ. (Въ обложкѣ). Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 85 к.

— (Въ переплетѣ). Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р. 10 к.

Т. Хиггинсонъ. Здравый смыслъ и женскій вопросъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Подписчики «Русскаго Богатства», при покупкѣ книгъ, пользуются уступкой въ размѣрѣ стоимости пересылки.

При выпискѣ книгъ, не слѣдуетъ руководствоваться каталогами предыдущихъ номеровъ журнала, такъ какъ нѣкоторыя книги могутъ быть распроданы.

Полные экземпляры журнала «Русское Богатство» за 1893, 1894 и 1895 года.

Цѣна за годъ: безъ перес. 8 р., съ перес. 10 р. 50 к.

Открыта подписка
на шесть томовъ сочиненій

Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО.

Издание редакціи журнала «Русское Богатство».

УДЕШЕВЛЕННОЕ

изданіе большого формата, въ два столбца, въ 30 печатныхъ листовъ каждый томъ,

съ портретомъ автора,

который будетъ приложенъ къ IV тому.

Подписная цѣна 9 рублей.

Въ отдѣльной продажѣ цѣна за шесть томовъ 12 р.

Подписка съ наложеннымъ платежомъ не принимается.

Подписавшіеся раньше на I и II томъ доплачиваютъ за остальные четыре тома 6 рублей.

Вышли и раздаются подписчикамъ I и II тт.

Содержаніе I т. 1) Предисловіе. 2) Что такое прогрессъ? 3) Теорія Дарвина и общественная наука. 4) Аналогическій методъ въ общественной наукѣ. 5) Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха. 6) Борьба за индивидуальность. 7) Вольница и подвижники. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

Содержаніе II т. 1) Преступленіе и наказаніе. 2) Герои и толпа. 3) Научныя письма. 4) Патологическая магія. 5) Еще о герояхъ. 6) Еще о толпѣ. 7) На вѣнской всемірной выставкѣ. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г. 9) Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Петербургѣ—въ конторѣ журнала «Русское Богатство — Бассейная ул., 10.

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы—Никитскія ворота, д. Гагарина.

НОВАЯ КНИГА:

Л. Мельшинъ.

ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ.

Записки бывшаго каторжника.

Издание редакціи журнала «Русское Богатство».

Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Подписчики «Русскаго Богатства» за пересылку не платятъ.

СКЛАДЫ ИЗДАНІЯ:

Въ Петербургѣ.—Контора «Русскаго Богатства», Бассейная ул., 10.

Въ Москвѣ.—Отдѣленіе конторы «Русскаго Богатства», Никитскія ворота, д. Гагарина.

ЯРМАРОЧНЫЯ КАРТИНКИ.

I.

САМОЕАТЫ.

— Деньги-то оставили?
— Со мной,—успокаиваю я собесѣдника.
— Нѣтъ, ужъ пожалуйста, оставьте. Возьмите пятишну, и ладно.

Я пробую возражать. Мой собесѣдникъ говоритъ рѣшительно:

— Сдѣлайте милость... а то я буду беспокоиться. Неловко на самокатѣ съ деньгами-то. Да и часики оставили-бы, а то цѣпочка-то золотая.

Часики я отказался оставить и спѣшу одѣваться.

Мой собесѣдникъ, нижегородскій мѣщанинъ, знатокъ самокатовъ, давно общавшій сводить меня, сидитъ у меня въ комнатѣ и критически осматриваетъ мой костюмъ.

— Эхъ, пиджачокъ-то поплоче-бы, да вотъ что,—надѣньте-ка вонъ тотъ картузикъ, вмѣсто шляпы.

Наконецъ, мой спутникъ удовлетворился, хотя и не совсѣмъ, моимъ костюмомъ, и мы отправились.

— Вы ужъ, кажется, слишкомъ боитесь, Маркель Степановичъ,—смѣюсь я.—Такъ ужъ непременно и ограбятъ.

— Не одно это. Развязки такой не будетъ. Увидать—баринъ, а со своимъ то человѣкомъ—разговоръ другой. Любопытствуете повидать, все нужно осмотрѣть. Да и думаете—не ограбятъ? Такъ-ли обработаютъ—любо-дорого. Посмотрите (мы подходили къ ярко освѣщенной площади)—вотъ тутъ гостинница была: бывало—напоятъ да и спустятъ въ прудъ. Теперь-то, конечно, это повывелось, а всетаки, небось, читаете въ газетахъ: «Найдень утромъ неизвѣстный, въ безсознательномъ состояніи на самокатской площади». Откуда неизвѣстный-то взялся? Вотъ и соображайте. Теперь мы къ пріятелю зайдемъ. Слышалъ, большой ассортиментъ привезъ въ этомъ году.

Двухъэтажный домъ, выстроенный изъ барочныхъ бревенъ, съ «галдареями» и балконами. Половицы шатаются подъ но-

гами, плохо прилаженные обои шелестят на стѣнахъ, грязный полъ, грязные столики и салфетки, грязная прислуга, но электрическое освѣщеніе, гудитъ музыка, есть сцена и публика, и артисты—цѣлый «ассортиментъ» артистовъ.

Насъ проводятъ на самую сцену, къ одному изъ четырехъ столиковъ, предназначенныхъ для почетныхъ гостей. Кромѣ насъ, тамъ засѣдаютъ: почтенный старикъ-купецъ, съ сѣдой бородой, въ длинномъ кафтанѣ, съ краснымъ лицомъ и пьяненькими глазами, какой-то пиджакъ, мирно спавшій, положивъ голову на столикъ, уставленный пивными бутылками, чета супруговъ, должно быть пріѣзжихъ мѣщанъ, пугливо озиравшихся по сторонамъ.

Огромный залъ-сарай былъ биткомъ набитъ. Вдали и по одной сторонѣ зала были разставлены столики, другая сторона и середина были заняты публикой, которую отдѣляла отъ сцены натянутая на столбахъ веревка. Это были грузчики съ судовъ, матросы, каменщики и тотъ особенный контингентъ ярмарочной публики, которую можно встрѣтить только на самокатахъ. Мнѣ особенно бросились въ глаза стоявшіе впереди у самой веревки, огромнаго роста и атлетическаго сложенія ломовикъ, въ холщевомъ балахонѣ, съ почернѣвшей отъ загара шеей, съ краснымъ потнымъ лицомъ и налитыми кровью глазами,—фигура просившаяся на картину, и рядомъ съ нимъ татаринъ въ тибетейкѣ, съ смѣющимся лицомъ и бѣлыми зубами; изъ-за плечъ татарина выглядывало болѣзненное лицо безусаго и безбородаго молодого парня, не отрывавшагося глазами отъ сцены. Кругомъ видѣлись все мохнатые головы, красныя потныя лица, запыленные, грязныя, съ жаднымъ любопытствомъ неподвижно смотрѣвшія на сцену,—публика заплатила пятакъ за входъ и хочетъ взять за него все отъ сцены.

Было жарко и душно, какой-то сизый туманъ висѣлъ надъ головами. На сценѣ сидѣлъ хоръ владимірцевъ-рожечниковъ, въ суконныхъ поддевкахъ, съ павлиньими перьями на круглыхъ шляпахъ и игралъ «Не будите меня молодую».

— Да-съ, влетѣло въ копѣчку!—объяснялъ намъ хозяинъ, юркая худенькая фигура, въ засаленномъ сюртукѣ.—Вотъ къ примѣру, гудочники, электричество, опять-же артисты...

Мой спутникъ сочувственно вздыхалъ и чокался съ хозяиномъ нѣжинской рабиной.

— Прошлогодніе артисты-то?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ-съ, помируйте. Такихъ ни у кого здѣсь нѣтъ... Агафья Петровна! Къ намъ подошла дѣвица въ трико, съ глуповатымъ лицомъ и крупными формами молодого тѣла.

— Вотъ неудобно-ли освидѣтельствовать.

Дѣвица согнула въ локтѣ правую руку, и мой спутникъ потрогалъ обтянутые въ трико, массивные мускулы плеча...

— Да-съ, можно сказать дѣвица!—почему-то вздохнувши, проговорилъ онъ и галантно предложилъ нѣжинской рябины.

— Казанскія будете?

— Мамадышская,—отвѣтила Агафья Петровна.

— А что собственно, позвольте узнать, изображаете?

Хозяинъ замахалъ руками и перебилъ:

— А вотъ сами увидите, какъ номеръ кончится.

«Нумеромъ» былъ одѣтый въ грязное трико, съ погремушками—гимнастѣ, вертѣвшійся на трапеціи, поднимавшій зубами желѣзную полосу и дѣлившій апплодисменты публики со своей дочкой, дѣвочкой лѣтъ семи-восьми, и также одѣтой въ трико съ погремушками, также вертѣвшейся на трапеціи, выдѣливавшей сальто-мортале на грязномъ коврѣ, и также, какъ и отецъ, посылавшей поцѣлуи своими маленькими пальчиками живой стѣнѣ человѣческихъ тѣлъ, жадно глядѣвшихъ на сцену.

Трапеція убрана. На сценѣ поставлены два стула, на столько далеко одинъ отъ другаго, что Агафья Петровна лежитъ на одномъ изъ нихъ затылкомъ, а на другомъ—пятками. Два лакея устанавливаютъ на ней боченки съ водой, а хозяинъ обращается къ публикѣ съ коротенькой рѣчью:

— Ежели, господа, у кого сомнѣніе на счетъ обмана... Прошу покорно. Семь боченковъ — тридцать пять пудовъ. Прошу покорно. Кому угодно? Сдѣлайте одолженіе!

Толпа молчитъ, и только изъ заднихъ рядовъ раздается одинокій голосъ.

— Господинъ купецъ, будьте столь любезны, просимъ покорнѣйше...

Благообразный купецъ подошелъ къ стульямъ, съ серьезнымъ видомъ поднялъ и покачалъ два боченка, отчего вода булькнула въ нихъ, и степенно обратился къ толпѣ:

— Правильно, господа, будьте безъ сумлѣнія.

Семь боченковъ въ тридцать пять пудовъ лежатъ на животѣ, на груди и на ногахъ Агафьи Петровны,—мнѣ кажется, ужасно долго лежатъ, — и вся толпа, какъ одинъ человѣкъ, какъ-то всколыхнулась, когда сняли боченки, и примадонна съ багровымъ лицомъ стала раскланиваться передъ публикой.

— Да-съ, можно сказать дѣвица!—опять вздохнувши сказать мой спутникъ. Хозяину лестно, но онъ дѣлаетъ равнодушное лицо.

— Что-жъ, Агафьей Петровной я доволенъ... Одобряютъ. Только вотъ, посмотрите,—сегодня у меня дебютъ: артистъ новый—этотъ еще позанятнѣе будетъ. Изъ Сарапула выписанъ.

Опять на сценѣ два стула, и опять затылкомъ и пятками

лежить на нихъ человекъ въ трико. Ему кладутъ на животъ наковальню и съ обѣихъ сторонъ становятся по лакею, съ кузнечными молотками въ рукахъ. Снова вступительное слово антрепренера: «Ежали сумлѣніе... Прошу покорно»...

На сцену выскакиваетъ изъ толпы молодой парень, съ серьгой въ ухѣ, пробуетъ наковальню, молотъ и громко и весело объявляетъ:

— Настояшша, робята...

Короткіе, сухіе удары падаютъ на наковальню и такъ страшно, громко раздаются въ шипящій насторожившейся толпы. Я слышу, одинъ я, до толпы это не доходитъ, какъ за каждымъ ударомъ вырывается изъ груди лежащаго на стульяхъ человекъ, не то вздохомъ, не то стономъ, сдавленное «ухъ!»

Толпа придвинулась къ самой сценѣ, ломовикъ какъ-то покраснѣлъ еще болѣе, и волосатые, жилистые руки впились въ веревку. Татаринъ въ полномъ восторгѣ и весело скалитъ свои бѣлые зубы, молодой парень очутился впереди, страшно худой и костлявый, весь обсыпанный известкой и странно бѣлый, со своимъ блѣднымъ лицомъ и прилипшими ко лбу совсѣмъ свѣтлыми волосами; онъ жадно, не отрываясь, смотритъ, какъ, ударъ за ударомъ, опускаются молоты на наковальню, и время отъ времени открываетъ и закрываетъ ротъ, словно глотаетъ воздухъ, какъ рыба, вынутая изъ воды.

И еще ударъ, и еще ударъ... и вдругъ я услышалъ, какъ изъ сдѣвленныхъ зубовъ вырвался хриплый шопотъ, отъ котораго я вадрогнулъ: «б-б-бей шибче!»... Дебютантъ хочетъ успѣха, артистъ ищетъ славы, требуетъ лавровъ!

Успѣвшій проснуться пиджакъ неистово хлопаетъ, надъ толпой подымается гулъ, когда замолчали удары, и артистъ, пошатываясь, кланяется публикѣ.

— Бульно брюхо здоровъ! — вырывается веселый голосъ татарина: — ай, здоровъ брюхо!

— Би-ли! — презрительно говоритъ ломовикъ, поворачивая голову къ кому-то, стоящему сзади его. — Только слава, что били... Омманъ одинъ... Дали-бы вдарить разокъ! Мошенники!

Ломовикъ плюнулъ и разсерженный ушелъ. Ушелъ и татаринъ, стала рѣдѣть толпа, и молодой парень долго стоялъ одинъ среди зала, словно застывши, съ глазами, устремленными на сцену.

— Чего, дубина, стоишь! — крикнули ему сзади: — только зайтишь.

Молодой парень растерянно оглянулся кругомъ, глубоко вздохнулъ и заплетающимися шагами поплелся къ выходу.

— Смотрите, это жулики кутятъ.

Маркель Степановичъ указалъ мнѣ на столикъ; недалеко отъ веревки, уставленный бутылками, за которымъ кутила ком-

панія людей неопредѣленной профессіи. Командовалъ высокій, бритый съ рыжими усами, военной складки человекъ, тотъ, который крикнулъ на парня. Онъ видимо бахвалился, требовалъ «шипучаго», угощалъ бродившихъ по залу арфистокъ и кричалъ на хозяина за то, что лакей подаль ему пережаренный бивштексъ.

— Вы почему знаете, что это жулики?—спросилъ я Маркела Степановича.

— Еще-бы не знать!—отвѣтилъ онъ,—рыжій-то это купеческій сынъ изъ...—онъ называлъ городъ—прежде торговалъ, лавка своя была, а теперь на ярмаркѣ пьяненькихъ купцовъ обрабатываетъ. Познакомится съ пьянымъ, заведетъ въ кабинетъ или въ номеръ—и готово. А тотъ, толстый, что на помѣщика похожъ, на пароходахъ ѣздитъ, въ карты играетъ, и остальные-то изъ его шайки.

Зала опять стала наполняться. Пиджакъ, сидѣвшій на сценѣ, началъ буянить и былъ выведенъ лакеями; только благообразный купецъ продолжалъ сидѣть, угощалъ Агафью Петровну нѣжинской рябиной и, совсѣмъ пьяный, что-то говорилъ ей заплетающимся языкомъ.

— Ну какъ, Маркель Степановичъ?—спросилъ хозяинъ.—Сарапульскій-то похлеще Агафьи Петровны будетъ?

— Твердый человекъ, что и говорить. Только и Агафья Петровна свою цѣну имѣетъ,—счелъ нужнымъ заступиться мой спутникъ.—А можно артиста-то въ компанію нашу пригласить?

— Отчего-же.

— Не могутъ они, отдыхаютъ,—вернулся съ отвѣтомъ посланный лакей.

— Вотъ и смотрите, Маркель Степановичъ, — жаловался хозяинъ. — Агафья Петровна, Сарапульскій, владимірцы, атлетъ,—всѣхъ кормить-пить нужно... Здѣсь, вѣдь, не деревня, сами знаете, народъ бывалый, съ чѣмъ-то нибудь не сунешься. Опять-же вотъ, «лодка».

— Развѣ лодка?—Повидимому, мой собесѣдникъ сильно заинтересовался.—Гдѣ атамана розыскали?

— Въ Камышинѣ. Эсауль-то знакомый, онъ у нихъ труппу держать.

На сценѣ передъ фисгармоніей стоятъ восемь человекъ, одѣтыхъ въ косоворотки и короткіе казакины. Впереди всѣхъ огромнаго роста, вродѣ ломовика—атаманъ, говоритъ монологъ, сильно жестикулируя:

«Не стая вороновъ слеталась
«На груды тлѣющихъ костей,
«За Волгой, ночью,—вкругъ огней
«Удалыхъ шайка собиралась.

Монологъ кончился. Мѣрно раскачиваясь и ударяя въ

такъ ладонями,—что должно изображать плескъ веселья,—подъ аккомпаниментъ фисгармоніи поютъ: «Внизъ по матушкѣ—по Волгѣ».

Мотивъ рѣзко отличается отъ обычнаго и кажется мнѣ болѣе сильнымъ и одушевленнымъ.

— Эсауль!—густымъ басомъ кричитъ атаманъ послѣ первой строфы.

— Что угодно, атаманъ?

— А посмотри въ подозрительную трубу.

Эсауль, худенькій, чахоточнаго вида человѣчекъ, въ казакинѣ, обшитомъ позументомъ, изображаетъ посредствомъ двухъ кулаковъ «подозрительную трубу» и тоненькимъ теноркомъ кричитъ:

— Ви-жу!—и поясняетъ, что вдали виднѣется дружина воеводы. Разгнѣванный басъ атамана гремитъ:

— Што намъ воевода... Развѣ ты не знаешь, что я волжскій атаманъ?

Дѣло съ дружиной оканчивается благополучно, и снова плескъ веселья, и мѣрно раскачивающіяся фигуры, снова поетъ фисгармонія и два альта мальчиковъ-подростковъ красиво несутся: «По широкому раздолью».

— Эсауль!

— Что угодно, атаманъ?

— А посмотри...

Эсауль смотритъ и докладываетъ, что на горѣ показалось село.

Довольный атаманъ командуетъ:

— Эй, ребята, причаливай! Пора и намъ, добрымъ молодцамъ, отдохнуть, меду-браги хлебнуть, съ красными дѣвицами погулять.

Онъ командируетъ эсаула объявить, что онъ, волжскій атаманъ, въ гости ѣдетъ.

Эсауль приноситъ неутѣшительныя вѣсти: всякаго добра тамъ много, и пиръ идетъ на славу, а его, волжскаго атамана, принимать не хотятъ.—Намъ рады тамъ, какъ чертямъ,—доканчивается онъ свой докладъ.

Атаманъ приходитъ въ ярость и гремитъ:

— Али ты порядку мово не знаешь, — моей воли не сполняешь. Ножикъ въ бокъ, да въ кулекъ, да въ матушку-Волгу.

Атаманъ выпрямляется и становится выше, его огромный кулакъ поднимается въ воздухъ и поясняетъ, какъ нужно было расправиться, а въ голосъ звучать ноты, отъ которыхъ дѣлается жутко.

Неизвестно, чѣмъ кончился инцидентъ съ деревней, но снова плескъ веселья, и лодка плыветъ далѣе внизъ по матушкѣ—по Волгѣ.

— Эй, атаманъ, причаливай къ нашему берегу!—раздалось, какъ только «лодка» кончилась, съ того стола, гдѣ кутила подозрительная компанія.

«Лодка» перешла къ ихъ столу, и оттуда снова раздались: «Эсаулъ!—Что угодно, атаманъ»...

— Скажите, пожалуйста, господинъ атаманъ,—обратился я, когда атаманъ, оказавшійся добродушнымъ человѣкомъ и любителемъ долговской водки, освободился и подсѣлъ къ нашему столику:—откуда вяли вы первый монологъ: «Не стая вороновъ слеталась»?

— А изъ господина Пушкина. Не изволите развѣ помнить: «Братья Разбойники!» Я служилъ зиму эту въ Царыцынѣ, такъ тамошній атаманъ такъ начинается,—мнѣ и понравилось. И напѣвъ тамошній—низовый. У насъ, вѣдь, все такъ: гдѣ одно словечко, гдѣ другое услышишь и вставишь. Ищемъ какъ-бы получше да поновѣе.

Наше общество разстроилось. Мимо меня въ маленькую дверь «кабинета» проскользнула молодая женщина въ шикарномъ костюмѣ, съ головой, такъ укутанной кружевнымъ платкомъ, что лица ея я не могъ хорошенько разсмотрѣть.

Хозяинъ ужасно заволновался. Онъ кинулся въ кабинетъ, тотчасъ выскочилъ и, бросивши на ходу лакеямъ:—Рожечники!—куда-то скрылся, снова бросился въ кабинетъ и, вообще, обнаруживалъ признаки необыкновеннаго волненія. Да и не онъ одинъ: лакеи съ озабоченными лицами торопливо носили въ кабинетъ водку, пиво, разноцвѣтныя бутылки, закуски; атаманъ розыскалъ эсаула, пировавшего все въ той-же подозрительной компаніи, пошептался съ нимъ о чемъ-то, послѣ чего эсаулъ юркнулъ въ кабинетъ; гудочки играли оживленно, совсѣмъ не такъ, какъ на сценѣ,—вообще, всѣ волновались и куда-то спѣшили. Маркель Степановичъ былъ очень заинтересованъ и, улучивъ минутку, перехватилъ бѣгавшаго въ кабинетъ и обратно хозяина.

— Что это у васъ, Иванъ Андреевичъ, какая такая особа?

— Груша Тамбовка, знаете, солистка изъ...—онъ назвалъ одну изъ самыхъ шикарныхъ ярмарочныхъ гостяницъ.

Черезъ нѣкоторое время, должно быть управившись, хозяинъ подсѣлъ къ намъ и вполголоса сталъ рассказывать.

— Кутить пріѣхала. Отчаянной души дѣвица! Какъ обрабатываетъ какого-нибудь купца, такъ и кутить здѣсь всю ночь. Прошлый разъ триста рублей оставила.

— Что же она тутъ дѣлаетъ?—съ изумленіемъ спросилъ Маркель Степановичъ.

— Вотъ соберетъ всѣхъ артистовъ (въ это время изъ кабинета несло: «Эсаулъ!—Что угодно, атаманъ?»)—перепойтъ ихъ всѣхъ, винъ требуетъ, закуски; потомъ пѣтъ заставить, плясать.

Маркель Степановичъ все не понималъ и недоумѣвающими глазами смотрѣлъ на хозяина.

— Какая же польза ей?

— Характеръ у ней такой. Тамъ надъ ней куражатся, а здѣсь она удовольствіе свое имѣетъ. И все одно—какъ купцы съ ними, арфистками, такъ и она... Садится на колѣни, кого угодно цѣлуетъ, деньги бросаетъ имъ и все, что ей любо, дѣлаетъ. А вотъ подождите попозже, народъ разойдется, выйдетъ на сцену,—сама плясать пойдетъ и всѣхъ заставитъ. И плясать только... И что тутъ будетъ... пьяные всѣ!

Изъ кабинета несло «Не бѣлы снѣги.» Густой басъ атамана, сильное контральто и красивые альты покрывали весь хоръ. Лакеи пронесли новый запасъ бутылокъ, и когда я уходилъ, изъ кабинета слышались топотъ плясавшихъ ногъ и дикіе окрики женскаго голоса.

Караулъ, караулъ!
Охъ разбой, разбой, разбой,
Сударыни мои! *)

Пьяная пѣсня неслась съ другого конца, гдѣ кутили жулики. Подвыпившія арфистки съ набѣлными лицами, въ кричащихъ, аляповатыхъ костюмахъ, сидѣли на колѣняхъ гостей, пили пиво и горланили пѣсни...

Я съ нѣкоторымъ чувствомъ облегченія вышелъ на свѣжій воздухъ.

Самокатская площадь залита электричествомъ. Ее обступили кругомъ такіе же двухъэтажные дома, какъ и тотъ, изъ котораго мы вышли, съ такими же «голдареями» и балконами. Изъ открытыхъ настежь оконъ выглядывали набѣленные и нарумяненные женскія лица, онѣ же сновали между группами народа, наполнявшими площадь и переходившими отъ трактира къ трактиру. Кто-то кого-то билъ, пьяная растерзанная женщина валялась въ пыли и пронзительно кричала на всю площадь. Пьяныя пѣсни неслись изъ оконъ.

Конфетка моя леденистая,
Полюбила я милого, румянистаго—

пѣлъ одинъ трактиръ.

Бей, бей, бей посуду,
Лей, лей, лей въ посуду,
Чтобъ трещало все кругомъ,
Чтобы сущій былъ содомъ!...

вторилъ ему другой трактиръ.

А дикій крикъ: «Караулъ! Караулъ! Охъ, разбой, разбой, разбой!..—долго еще продолжалъ звенѣть въ моихъ ушахъ.

*) Припѣвъ модной въ тотъ годъ ярмарочной пѣсни.

II.

М А М О Н Ы.

Передняя вся уставлена лавровыми деревьями. Расторопные швейцары въ русскихъ костюмахъ принимаютъ шляпы и палки, по устланной коврами лѣстницѣ то и дѣло шныряютъ лакеи въ безукоризненно чистыхъ костюмахъ, сверху доносятся звуки музыки и гулъ голосовъ, на стѣнѣ, надъ лѣстницей фотографическія карточки артистовъ и артистокъ въ разнообразныхъ костюмахъ, и въ срединѣ ихъ большой портретъ пышной красавицы, сильно декольтированной.

«Премированная красавица» — поясняетъ мнѣ хозяинъ гостиницы. Залитое электрическимъ свѣтомъ, зало биткомъ набито. Метръ д'отель во фракѣ и бѣломъ галстухѣ долго водить меня между тѣсно разставленными и занятыми публикой столиками, пока меня не окликнулъ и не пригласилъ къ себѣ знакомый, сидѣвшій одиноко за столомъ. Звали его Алексѣемъ Петровичемъ. Это былъ немножко купецъ, немножко комиссіонеръ, агентъ, я не знаю что еще, — человекъ на всѣ руки, знавшій ярмарку, какъ свои пять пальцевъ.

— Вотъ пропустили, — встрѣтилъ онъ меня, — только что танцы живота кончили. Ловко тутъ одна Бенъ-Бая орудовала!

Къ намъ скоро присоединился еще знакомый, также безплодно искавшій свободный столъ, — старичокъ докторъ, давно практикующій на ярмаркѣ.

На эстрадѣ стоялъ хоръ пѣвицъ, одѣтыхъ въ одинаковые костюмы, съ яркими лентами черезъ плечо.

Праздникомъ свѣтлымъ

Вся жизнь предо мною...

пѣла стоявшая въ срединѣ тоненькая и худенькая, съ несложившимися формами дѣвушка, какимъ-то дѣтскимъ, слабенькимъ, но чистымъ, какъ серебро, дрожащимъ и трогательнымъ голосомъ.

Я играю,

Слезъ не знаю,

Мнѣ все въ жизни

Трынть-трава! —

вторила ей сильнымъ контральто стоявшая рядомъ пѣвица съ какой-то особенной свободной манерой держаться, съ смѣлыми сѣрыми глазами, равнодушно и холодно оглядывавшими толпу, наполнявшую залъ. Мнѣ показалось, что я гдѣ-то слышалъ этотъ голосъ.

... все въ жизни

Трынть-трава! —

подхватываетъ хоръ.

Раздаются аплодисменты. На эстрадѣ появляется высокій, худой, съ истощеннымъ лицомъ солистъ и, надрываясь и поднимаясь на носкахъ, поетъ:

«Смѣйся, паяцъ...

— Извѣстность, — замѣчаетъ Алексѣй Петровичъ. — Въ оперѣ пѣлъ... Онъ назвалъ одинъ изъ видныхъ провинціальныхъ городовъ. — Можетъ быть, еще помните: въ газетахъ очень хвалили. И тотъ, что аккомпанируетъ—видите, тоже когда-то шумѣлъ, — концерты давалъ.

А вотъ и премированная красавица. Она не идетъ, а шествуетъ и великолѣпно несетъ свое холеное бѣлое тѣло. Красавица честно исполняетъ принятыя на себя передъ хозяиномъ обязательства, — обнажила все, что можно обнажить безъ полицейскаго протокола, и надѣла на себя всѣ свои драгоценности; брилліанты горятъ въ ушахъ, въ колье, въ булавкахъ, воткнутыхъ въ волосы, въ кольцахъ и въ браслетахъ, во множествѣ надѣтыхъ на пальцы и руки, и необыкновенно импозантна въ роскошномъ платьѣ съ своимъ крупнымъ тѣломъ и тупымъ выраженіемъ откормленной коровы. На эстрадѣ она не фигурируетъ, — не поетъ и не танцуетъ; но за то шампанское и ликеры пьетъ въ неопредѣленномъ количествѣ, а дорогіе фрукты ѣстъ въ поражающихъ воображеніе размѣрахъ. Она — для отдѣльныхъ кабинетовъ, для хорошихъ гостей, которые любятъ изслѣдовать вмѣстимость желудка и стойкость въ напиткахъ армарочныхъ дамъ и, по первому слову красавицы, берутъ изъ буфета корзиночки фруктовъ въ пятьдесятъ рублей, десятирублевыхъ коробки конфетъ и суютъ ей за корсажъ сто-рублевыхъ бумажки.

На эстрадѣ стоялъ одѣтый въ рваную крестьянскую лопоть артистъ, съ помятымъ жирнымъ лицомъ прокутившагося актера. Онъ рассказывалъ анекдоты изъ крестьянской жизни съ сальными намеками, кривлялся, гнусилъ и откалывалъ трепака вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, крошечнымъ мальчикомъ, одѣтымъ въ плисовую поддевичку, въ шляпѣ съ павлиньимъ перомъ.

Артисту много аплодировали; въ особенности неистовствовала, стучала ногами и звенѣла ножами по тарелкамъ сильно выпившая компанія человекъ въ семь-восемь, сидѣвшая недалеко отъ насъ, за двумя сдвинутыми вмѣстѣ столами. Больше всего меня поразило блѣдное, усталое лицо съ выпученными, какими-то стеклянными глазами одного изъ нихъ.

— Онъ совсѣмъ больной, — невольно выговорилъ я.

— Будешь больной, когда попьешь изо дня въ день до четырехъ часовъ ночи. Такая ужъ служба у него, — отвѣтилъ Алексѣй Петровичъ.

— Какъ такая служба?

— Довѣренный онъ... Онъ назвалъ одну изъ крупныхъ фирмъ.

— Что же изъ того?—продолжалъ недоумѣвать я.

— Значить—пить долженъ. Вы порядковъ-то ярмарочныхъ не знаете, видно. Настоящій покупатель безъ угощенія и товаръ записывать не будетъ. Ты сначала пропутайся съ нимъ три-четыре дня, да такъ его ублаготвори, чтобы чувствовалъ. Вѣдь вотъ они, навѣрно, ужъ въ двухъ-трехъ ресторанахъ побывали, — видите, готовы, а отсюда возьмутъ коляски да на откосъ и непременно съ дѣвицами.

Я дѣйствительно тогда не зналъ еще ярмарочныхъ порядковъ и искренно удивлялся.

— Но вѣдь это дорого стоитъ?

— Неужели, вы думаете, онъ на свой счетъ?—смѣялся Алексѣй Петровичъ. — Фирма отпускаетъ ему на представительство, то есть, по просту говоря, на пропой двѣнадцать тысячъ, — вотъ вы и ухитритесь пропить ихъ въ мѣсяцъ съ тѣмъ-нибудъ. Есть фирмы, которыя отчисляютъ на угощеніе покупателей на ярмаркѣ и двадцать тысячъ. Да непременно и самъ пей, а то обидятся. А попробуй-ка вотъ съ такими попить,—указалъ онъ на сидѣвшихъ за тѣмъ столомъ, — это все сибиряки, напой-ка ихъ!

Видя, что я все еще не въ курсѣ, онъ продолжалъ:

— Попутаются такъ-то, а потомъ и товаръ записывать станутъ, и ужъ тутъ довѣренный пользуется. Ситчикъ, что изъ моды вышелъ, спустить, что вообще позалежалось запишетъ, уговорять процентиковъ на двадцать товару побольше взять,—однимъ словомъ, продаетъ не то, что нужно покупателю купить, а что нужно фирмѣ продать. И опять выпьютъ и расплутятся, довѣренный покупателя на пароходъ проводить—и ужъ, конечно, пріятели: на слѣдующую ярмарку, къ кому же, какъ не къ Ивану Ивановичу!

Столъ былъ уставленъ бутылками рейнъ-вейна и шампанскаго. Угощавшій довѣренный шепнулъ что-то лакею, и къ компаніи подошла женщина въ восточномъ костюмѣ, — одна изъ плясавшихъ «танцы живота». Мнѣ невольно пришлось услышать короткій діалогъ:

— Такъ въ отдѣльномъ кабинетѣ пятнадцать?

— Oui, monsieur. Пятнадцать рублей,—ломаннымъ языкомъ отвѣтила женщина.

Компанія грузно поднялась и направилась къ дверямъ кабинета.

— Ну, теперь у нихъ пойдетъ сурьезное,—замѣтилъ Алексѣй Петровичъ, завистливыми глазами провожая пробиравшихся между столиками сибиряковъ.

На эстрадѣ стояла дебелая нѣмка, значившаяся на афишѣ

«фуроръ», и пѣла нѣмецкую шансонетку о своихъ приключеніяхъ съ прусскимъ лейтенантомъ. Она дѣлала подъ козырекъ, изображала всякія военныя эзерциціи, выпячивала грудь, какъ берлинскій офицеръ, но «фурора» не вышло, и ее смѣнила француженка, которую афиша называла étoile. У француженки былъ маленькій голосокъ, но она такъ толково мимикой и тѣлодвиженіями дополняла то, на что не хватало голоса, что публика кричала bis и неистово хлопала; а когда на bis она спѣла еще шансонетку и въ заключеніе перевернулась на эстрадѣ вверхъ ногами, — восторгъ публики достигъ высшаго размѣра.

Потомъ на сценѣ плясали и что-то пѣли четверо загримированныхъ еврейми, за ними слѣдовалъ кошачій дуэтъ, — кавалеръ и дама, одѣтые котомъ и кошкой, объяснялись другъ другу въ любви, и выли, и мяукали, и царапались, и въ особенности старались показать публикѣ свои хвосты; потомъ на эстрадѣ опять появился хоръ и пѣлъ: «Наша жизнь коротка», а изъ кабинета неслись дикіе, завывающіе звуки музыки «танцевъ живота».

— Вотъ будетъ игра! — оживленно заговорилъ Алексѣй Петровичъ, — Москва двинулась... Это ужъ *сами* пожаловали!

Въ залъ входили «сами». Ихъ сопровождалъ хояинъ, метръ д'отель, почтительно выгибая спину, указывалъ глазами на освободившійся передъ сценой столикъ, но «сами» окинули лѣнвымъ равнодушнымъ взглядомъ сидѣвшую въ залѣ публику и направились въ отдѣльный кабинетъ. За ними тотчасъ же двинулся весь хоръ и величественно проплыла премированная красавица.

— Я на минуточку, — не могъ утерпѣть Алексѣй Петровичъ. — Мнѣ съ Павломъ Степановичемъ поговорить надо... И онъ юркнулъ въ кабинетъ вслѣдъ за красавицей.

Столики освобождались и снова занимались, публика мѣнялась, но главное ядро составляли такія же мужскія компаніи, какъ и та съ довѣреннымъ, которая сидѣла рядомъ съ нами. Въ центрѣ зала, вокругъ нѣсколькихъ столовъ размѣстилось большое общество купцовъ, судя по костюмамъ — пріѣзжихъ изъ глухого провинціального угла, съ женами, взрослыми дочерьми и двумя маленькими дѣвочками. Они расположились совсѣмъ по домашнему, громко смѣялись, стучали крышками чайниковъ, мужчины пили водку, дамы пригубливали другіе напитки и были очень веселы и съ большимъ интересомъ слѣдили за всѣмъ, что происходило на эстрадѣ. У стѣны за дальнимъ столикомъ сидѣлъ молодой красивый татаринъ, очевидно съ женой, — изъ подъ низко спущенной на лобъ чадры виднѣлись черные сердитые женскіе глаза, на шеѣ горѣли крупные брилліанты. Татаринъ улыбался глазами и что-то говорилъ,

указывая на эстраду, жена упорно отворачивалась и отвѣчала сердитыми односложными словами.

Въ углу два армянина вели жаркіе разговоры съ арфистками, а рядомъ съ ними нѣсколько сартовъ въ своихъ бѣлыхъ чалмахъ и пышныхъ халатахъ сидѣли, какъ истуканы.

Въ кабинетъ, занятый «самими», все ходили артисты, эстрада опустѣла, и публика начала волноваться. Нѣсколько инженеровъ, давно пировавшихъ у самой эстрады, шумно поднялись съ мѣстъ и демонстративно вышли изъ зала.

— Чортъ знаетъ что!—кричалъ одинъ изъ нихъ на метрѣ д'отеля,—помахали у васъ передъ носомъ сторублевой бумажкой—вы и ошалѣли...

Стали стучать ногами, вызывать хозяина; наконецъ, на эстрадѣ показалась пѣвица.

— Вотъ обратите вниманіе,—замѣтилъ докторъ.—Послушайте-ка.

На сценѣ стояла худая, съ блѣднымъ лицомъ молодая женщина. Она была одѣта въ какое-то странное безъ всякихъ украшеній темное длинное платье; прелестные черные волосы были распущены и закрывали ее всю. Съ необыкновеннымъ чувствомъ, чуднымъ меццо-сопрано она пѣла шубертовскій романсъ «Близка пора разлуки» и, не смотря на комедию переодѣванья, она производила такое сильное впечатлѣніе и была такъ трогательна и такъ странна въ этомъ кабакѣ,—въ этомъ гомонѣ пьяныхъ голосовъ и скабрзныхъ словъ, что я невольно сказалъ:

— Въ этомъ есть что-то трагическое!

— Да, трагическое,—задумчиво сказалъ докторъ,—въ такихъ мамонахъ,—онъ обвелъ глазами залъ,—много трагического элемента... Вѣдь вотъ, эта пѣвица консерваторію окончила, въ оперѣ должна была пѣть, будущность предсказывали и—видите: на нижегородской ярмаркѣ очутилась.

И на мой недоумѣвающий взглядъ онъ продолжалъ:

— Мерзавецъ одинъ окрутилъ ее. Пьетъ она очень много, и все коньякъ... Сдѣлайте милость, она и такія штуки поетъ, что мужчинѣ стыдно станеть, а набѣжить минутка и споетъ что-нибудь вродѣ нынѣшняго. Да одна-ли она!..

Старичокъ воодушевился.—Вотъ актеръ этотъ, что мужика-то ломалъ... Тоже вѣдь извѣстность. Первый любовникъ,—Гамлета игралъ, Чацкаго, а теперь съ сынишкой трепака откалываетъ. А эти арфистки... кого, кого тутъ нѣтъ! копните только... Я много лѣчилъ ихъ. Тутъ столько трагедій. И потомъ—странныя натуры встрѣчаются... — Со мной какой случай на дняхъ былъ,—продолжалъ рассказчикъ.—Подходить ко мнѣ вотъ здѣсь-же арфистка одна, изъ замѣтныхъ; я немножко зналъ ее, лѣчилъ отъ инфлуэнціи.—Какъ вы думаете, докторъ,—

№ 451 экз. ф.

спрашивает, — возьмутъ меня въ холерный госпиталь? — Захвораєте, такъ разумѣется возьмутъ, — смѣюсь я. — Я, говоритъ, за больными хочу ухаживать. — Думаю, фокусничаетъ, порисоваться хочетъ. — Сдѣлайте одолженіе, говорю, охотниковъ на это не очень много. — А какъ это сдѣлать? — Какъ сдѣлать? Сходите, да заявите, — вотъ и все. Указалъ ей и забылъ потомъ про разговоръ. Только прѣвжаю какъ-то въ госпиталь, — просили справиться объ одномъ больномъ, — встрѣчаетъ сидѣлка — и не узналъ даже сначала, — самая эта артистка. Вотъ вы и смотрите. Всю холеру работала, и вѣдь хозяйка на платишкѣ удержала за неустойку... Всего насмотрѣлся я тутъ на ярмаркѣ, — закончилъ докторъ.

— Ну что, Алексѣй Петровичъ, жарко тамъ?

— Тепленько... — Алексѣй Петровичъ вернулся красный и возбужденный. — Представьте, — рассказывалъ онъ, — крошоны сдѣлали и стали бросать въ него сторублевые бумажки... Ну, — говорятъ, — стерлядки, ловите! Арфистки и бросились. Потѣха была! А Павелъ Степановичъ своей кралѣ гурьевскую кашку заказалъ въ три тысячи.

— Что-же, изъ жемчуга, что-ли? — спросилъ докторъ.

— Въ этомъ родѣ... Принесли ей порцію гурьевской кашки, она ѣла, ѣла, а потомъ и зацѣпила ложкой за что-то. Вынимаетъ, а на днѣ-то красная коробочка оказалась съ брилліантовой брошкой. И дѣвчонка такъ-себѣ. Вотъ зацѣпляетъ-то.

Приди, приди ко мнѣ скорѣй,
Прижмись къ груди моей сильнѣй —

несся изъ кабинета нѣжный, дрожащій голосокъ.

— Да вѣдь она совсѣмъ дѣвочка! — невольно выговорилъ я, вспоминая худенькую, несложившуюся фигуру солистки, дѣтскимъ голосомъ увѣрявшей ярмарочную публику, что «праздникомъ свѣтлымъ вся жизнь передъ нею».

— Ей ужъ шестнадцать, — возразилъ Алексѣй Петровичъ, — не знаю, выгорить-ли дѣло у Павла Степановича. Въ азартъ пошелъ, шестьдесятъ тысячъ уже даетъ, а отецъ просить сто.

И я, и докторъ въ первую минуту не поняли.

— Какъ отецъ просить? Какой отецъ?

— Ея отецъ, дѣвчонки-то... Видѣли — въ хорѣ, толстый такой...

— И онъ продаетъ дочь?

— Такъ вѣдь онъ не для себя же. Мнѣ, говоритъ, ничего не надо, только купите домъ на ея имя въ сто тысячъ. А Павелъ Степановичъ на шестидесяти уперся. Вотъ и не сойдутся.

— А дочь-то? — допытывается докторъ.

— Да вѣдь все равно пропадать-то, — убѣждалъ Алексѣй Петровичъ. Сами посудите — въ такой жизни развѣ уберется.

Нынче бокальчикъ шампанскаго, завтра рюмочку ликерцу, нынче Павелъ Степанычъ, а завтра Степанъ Павлычъ...

На эстрадѣ снова ломался и плясалъ трепака старый актеръ, маукали и царапались кошки, маршировала фуроръ-нѣмка и étoile-француженка стояла вверхъ ногами; но намъ надоѣло смотрѣть, и мы слушали Алексѣя Петровича, который рассказывалъ подробности послѣдней новости, облетѣвшей ярмарку, новости о томъ, какъ купецъ зарѣзавъ арфистку.

— Вотъ изъ этой самой гостинницы... Да вы, вѣроятно, видѣли,—обратился онъ ко мнѣ—бѣленькая она такая... еще малороссійскій танецъ плясала. И его, быть можетъ, замѣтили,—вотъ тутъ всякій вечеръ сидѣлъ,—онъ указалъ на столикъ у двери въ проходѣ, по которому гуляли арфистки.

Я отлично замѣтилъ его, и онъ очень интересовалъ меня. Одно время мнѣ довольно часто приходилось посѣщать эту гостинницу, и всякій разъ на одномъ и томъ же мѣстѣ сидѣлъ молодой человекъ въ старомодномъ темномъ пиджакѣ и въ жилеткѣ, застегнутой до самой шеи. Тронутое оспой худое лицо съ еле пробивающимися темными усами и бородкой, строгое, какое-то молитвенное лицо, съ тяжелымъ взглядомъ глубоко посаженныхъ глазъ—оно рѣзко выдѣлялось на фонѣ ярмарочнаго разгула. Предъ нимъ всегда стояла откупоренная бутылка пива, до которой, очевидно, онъ не дотрогивался. Вспомнилась и она, дѣйствительно «бѣленькая»—смѣющееся молодое личико въ рамкѣ бѣлокурыхъ вьющихся волосъ съ вздернутымъ носикомъ, пунцовыми губами и бойкими задорными глазами. Она ходила въ малороссійскомъ костюмѣ, вся увѣшанная лентами, со множествомъ бусъ на открытой шеѣ, въ расшитой сорочкѣ и яркой пестрой плахтѣ.

Когда она танцевала, ленты вились во всѣ стороны, бусы звенѣли, бѣлокурые волосы развѣвались, и вся она, молоденькая и смѣющаяся, вертѣлась, какъ какое-то пестрое веселое облако, и всегда возбуждала восторгъ публики. А еще болѣе она была знаменита въ отдѣльных кабинетахъ своей манерой говорить, съ видомъ ничего не понимающей институтки, самыя грязныя циничныя вещи.

Иногда она подсаживалась къ одинокому молодому человеку, и я наблюдалъ, какъ онъ съ угрюмой настойчивостью говорилъ ей что-то, а она смѣялась ему въ лицо, высовывала языкъ и дѣлала носъ, а одинъ разъ, проходя мимо, ущипнула его и со словомъ «зючка», уѣхала съ какимъ-то гостемъ.

— Онъ изъ N... — Алексѣй Петровичъ назвалъ одинъ изъ волжскихъ городовъ,—извѣстная фирма, съ отцомъ-то его я пріятель былъ. Въ прошломъ году померъ. Веселый былъ мужикъ,—хоть и по старой вѣрѣ, а закатится на ярмарку, и сигарочку рублевую любилъ, и бифштексикъ въ середу, и стер-

лядокъ-то этихъ, что въ кабинетахъ сторублевки ловятъ, одобрялъ. Дома его въ струнѣ держали: жена у него, мать этого-то, король-баба, воевода, на всю округу известна... Вотъ вы не бывали въ такихъ домахъ,—оживился рассказчикъ,—просто, знаете, у нихъ жуть брала. Домъ длинный, темный этакій, комнатъ много, всё въ рядъ, и въ каждой дѣвушки за пальцами; бѣлые платочки низко на лобъ спущены, блѣдныя всё такія. Тишь въ комнатахъ, кажется, никогда тамъ и смѣху не могло быть. Бывало, пройдешь изъ кабинета черезъ комнаты, и не оглянута, развѣ вздохнетъ кто. А сама молчитъ все, только бывало бровью поведетъ и промолвитъ: «Иванъ Алексѣичъ!» — инѣтъ Ивана Алексѣича. Старухи около нея старыя, злыя, заборъ высокій, до второго этажа хваталъ, гвоздями убитъ, собаки на цѣпяхъ, словно львы, садъ огромный, темный, къ самой рѣкѣ спускался. Сына она ни на шагъ отъ себя не отпускала, одинъ онъ у нея. Все посты, да моленья, да стоянія, да скиты, да странники,—и выпелъ вылитая мать, и обличемъ, и характеромъ. Молчитъ все, каменный человекъ, дѣло сразу повелъ въ полномъ видѣ, служащихъ вотъ какъ подтянулъ. Въ первый разъ на ярмарку пріѣхалъ, вотъ его и захлестнула бѣленькая-то. Все уговаривалъ: «брось, не путайся»... А она ему: «Что я съ тобой, чертушкой, дѣлать-то буду?» Замужъ взять предлагалъ. Ну и пырнулъ. Да ничего, легонько, — закончилъ Алексѣй Петровичъ, — вырвалась она. Слышалъ, миромъ у нихъ дѣло кончится.

Было поздно, залъ пустѣлъ. Я собирался уходить, когда двери кабинета съ шумомъ распахнулись, и оттуда выскочила толпа арфистокъ. Впереди, откинувши голову назадъ и блестя сѣрыми влажными глазами, какая-то дикая и изступленная, неслась въ безумной пляскѣ и выкрикивала: «Караулъ! караулъ! охъ, разбой, разбой, разбой, сударыни мои!»... Груша Тамбовка, которую я не сразу узналъ въ началѣ вечера. Это было что-то отчаянное, какая-то безумная вакханалія. Разбрасывая руками стулья, встрѣчавшіеся на пути, она неслась между столиками, увлекаая за собою толпу полупьяныхъ арфистокъ, заламывала руки надъ головой, и дикіе окрики рѣзкаго контральто смѣшивались съ охрипшими полупьяными голосами хора. Публика встала съ своихъ мѣстъ и съ жаднымъ любопытствомъ слѣдила за тонкой гибкой фигурой, безумно плясавшей въ дальнемъ концѣ зала, а въ дверяхъ кабинета стояли четыре господина, съ красными, пьяными лицами и хохотали на все сало.

Какъ тихи усталыя августовскія ночи! Какое высокое, какое звѣздное небо! Городъ заснулъ... Какъ звѣзды, свѣтятся

огоньки городскихъ домовъ, разбросанныхъ по темной горѣ, мерцающими звѣздами дрожать и качаются огни фонарей на судовыхъ мачтахъ, темнымъ лѣсомъ протянувшихся по Окѣ и Волгѣ, куда только достаетъ глазъ. Чуть журчитъ вода, бьющаяся о барки моста, неяснымъ шумомъ доносится плескъ веселъ плывущей лодки, тяжело и глухо прогудѣлъ пароходъ, а тамъ, далеко, кто-то переговаривается въ рупоръ на баржахъ, словно ауются голоса въ глубинѣ лѣса...

Пожаромъ горитъ ярмарка. Бѣлымъ свѣтлымъ куполомъ стоитъ надъ ней свѣтъ электрическихъ фонарей, гремятъ коляски, гулъ идетъ изъ открытыхъ оконъ трактировъ и изрѣдка къ сонной рѣкѣ донесется, какъ раздражающій вопль: «Караулъ! Караулъ! Охъ разбой, разбой, разбой!»

С. Елпатьевскій.

Жанъ Массе.

Страничка изъ исторіи народнаго образованія во Франціи.

Дѣятельность сенатора Жана Массе, обнимавшая сорокалѣтній періодъ времени, за послѣдніе десять-двѣнадцать лѣтъ обратила на себя вниманіе и русскихъ сторонниковъ частнаго почина, въ дѣлѣ народнаго образованія; ранѣе Массе извѣстенъ былъ у насъ не столько какъ практическій дѣятель, сколько какъ талантливый писатель-популяризаторъ, главнымъ образомъ, какъ авторъ двухъ переведенныхъ у насъ еще въ шестидесятыхъ годахъ книжекъ: «Исторія кусочка хлѣба» и «Слуги желудка». О главной дѣятельности его сообщалось, однакоже, кое что и въ восьмидесятыхъ годахъ. Но только начиная съ 1889 года русская публика начала получать болѣе подробныя свѣдѣнія о дѣятельности Массе на поприщѣ народнаго образованія во Франціи. Статьи о ней стали печататься въ русскихъ педагогическихъ журналахъ, рефераты читались въ петербургскомъ и харьковскомъ комитетѣ грамотности. Въ 1889 г. въ Парижѣ собирався съѣздъ подъ предсѣдательствомъ Массе. Этимъ съѣздомъ положено начало «Международной Лиги народнаго образованія», служащей дальнѣйшимъ развитіемъ собственно французской Лиги. Въ свое время, въ газетахъ были отчеты о трудахъ названнаго конгресса.

Имя Массе тѣсно связано съ исторіей развитія педагогическаго дѣла и у насъ въ Россіи; наши дѣятели не могли не обратить вниманія на того, кто примѣнялъ всѣ виды и формы народнаго просвѣщенія: сельскія библіотечки, школы для дѣтей, курсы для взрослыхъ, педагогическіе музеи, опытные поля, полковыя библіотеки и разнаго рода общества для распространенія народнаго просвѣщенія.

Плодотворная дѣятельность Жана Массе въ концѣ концовъ отразилась и на самомъ французскомъ законодательствѣ и привела къ коренному преобразованію французской школьной системы, развившемуся въ знаменитомъ законѣ Жюль Ферри о бесплатномъ, обязательномъ и независимомъ отъ католической церкви народномъ образованіи. Законъ этотъ былъ выработанъ Жаномъ Массе за долго до его официального введенія и не только выработанъ, но и привить французскому обществу чуждому сознанію путемъ многолѣтняго

и неутомимаго распространенія и въ печати и на практикѣ. Жюль Ферри и палата депутатовъ только дали ему санкцію и обезпечили его распространеніе на все французское населеніе.

I.

Жанъ Маса скончался 80-ти лѣтъ отъ роду, сохранивъ до конца жизни душевную бодрость и не переставая работать на томъ поприщѣ, которому посвятилъ всю свою дѣятельную, честную жизнь. Отличительными свойствами его была необыкновенная скромность, самое искреннее забвеніе себя и непоколебимая вѣра въ успѣхъ своего дѣла, вопреки всевозможнымъ трудностямъ и тормозящимъ вліяніямъ.

По всей вѣроятности, сподвижники Маса составятъ его біографію, которая явится также и историческимъ очеркомъ народнаго образованія во Франціи почти за все послѣднее пятидесятилѣтіе, такъ какъ вся дѣятельность покойнаго неразрывно связана съ дѣломъ народнаго образованія. Въ настоящее же время имѣется доведенная до 1885 года біографія Маса, написанная Дессоа, у котораго мы и заимствуемъ свѣдѣнія о жизни и дѣятельности одного изъ замѣчательнѣйшихъ и симпатичнѣйшихъ людей современной Франціи. Дессоа ничего не говоритъ о происхожденіи Маса, но пишущей эти строки приходилось слышать отъ его друзей, что основатель Лиги народнаго образованія родился въ крестьянской семьѣ и отличался, между прочимъ, чисто крестьянскимъ упрямствомъ въ преслѣдованіи своей цѣли, незлобивымъ юморомъ, а также и необыкновенною простотою обращенія, которой не измѣнилъ и сдѣлавшись сенаторомъ и однимъ изъ популярнѣйшихъ людей во Франціи. Начало политическаго поприща Маса относится къ 1848 году. Въ ту пору его волновалъ, главнымъ образомъ, вопросъ объ избирательной реформѣ, приведшей къ праву всеобщей подачи голосовъ. Позднѣе, когда декабрьскій переворотъ, съ неумолимою жестокостію, показалъ къ чему можетъ приводить всеобщая подача голосовъ, когда подкладкой ей служить народная темнота, Маса отдалъ всѣ свои силы на служеніе народному просвѣщенію...

Въ январѣ 48 года броженіе умовъ во Франціи достигло высочайшей степени. Революція была близка. Оппозиція требовала распространенія избирательнаго права на всѣхъ гражданъ. Уступитъ ли правительство? Если уступить, то на какой точкѣ оно найдетъ нужнымъ остановиться? Эти тревожные вопросы, шесть недѣль спустя, привели къ паденію Луи Филиппа. Важное значеніе того политическаго момента захватило и Маса, до той поры не интересовавшагося политикой. Онъ захотѣлъ присоединиться къ движенію. Въ это время появилась его первая брошюра: «*Lettres d'un garde national à son voisin*»). (Письма національнаго гвардейца къ сосѣду). Вотъ какъ авторъ объясняетъ, подъ давленіемъ

ніемъ какого чувства она написана: «Мнѣ было въ то время около тридцати трехъ лѣтъ, и я до тѣхъ поръ не принималъ никакого участія въ политическихъ дѣлахъ. Иными словами, я не относился серьезно къ своимъ обязанностямъ гражданина, такъ какъ никто не внушалъ мнѣ этого въ томъ возрастѣ, когда это слѣдовало-бы дѣлать. Никогда не забуду того момента моей жизни, когда вопросы справедливости и гражданского долга впервые предстали предо мною во всемъ своемъ величій и завладѣли моею душой, едва успѣвъ коснуться ея. Я сидѣлъ въ своей маленькой комнаткѣ, забывая о пищѣ и снѣ, все время пока совершался во мнѣ внутренній, душевный переворотъ. Мнѣ казалось, что крайне дерзко имѣть свое собственное мнѣніе о вопросахъ такой важности, а въ особенности еще и печатать такое мнѣніе; я придирался къ каждому своему слову, боясь, что зайду слишкомъ далеко и, вмѣстѣ съ тѣмъ, желая выразить всю свою мысль. Въ тѣ времена слово «радикалъ» уже было въ ходу и, признаюсь, оно какъ-то непріятно звучало въ моихъ ушахъ, что всегда бываетъ съ людьми, равнодушно относящимися къ политикѣ и не дающими себѣ труда осмотрѣть въ корень вещей. Велико-же было мое удивленіе, когда я замѣтилъ, что самъ дѣлаюсь радикаломъ!»

Извѣстно съ какою внезапностью нагрянула февральская революція и какъ провозглашено было всеобщее избирательное право. Всѣ ликовали, но въ самомъ этомъ ликованіи таилась опасность, коренившаяся въ незнаніи той народной массы, которая только что получила въ свои руки грозное, обоюдоострое оружіе. Франція не была подготовлена къ пользованію правомъ всеобщей подачи голоса и призвала къ власти наполеоновскую имперію.

На другой день послѣ февральскаго переворота Массе написалъ свою вторую политическую брошюру, озаглавленную: «*Les vertus du républicain*». Обѣ брошюры проникнуты искреннимъ демократическимъ чувствомъ, горячимъ сочувствіемъ къ бѣдняку и глубокою, безпощадною ироніей по отношенію къ тѣмъ, кому право подачи голоса дается цензомъ, то есть въ силу извѣстнаго достатка.

Вслѣдствіе участія въ политической борьбѣ, послѣ 13 го іюня 1849 года Жану Массе пришлось укрываться отъ преслѣдованій реакціи въ Нормандіи, у школьнаго товарища. Четыре мѣсяца спустя, приказъ объ арестованіи Массе былъ, однако, отмѣненъ, и онъ имѣлъ возможность вернуться въ Парижъ, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя отправился въ Эльзасъ съ цѣлью доставлять корреспонденціи газетѣ «*La République*». Эта поѣздка привела его въ эльзасское селеніе Бебленгеймъ, сдѣлавшееся впоследствии колыбелью «Лиги народнаго образованія». Послѣ декабрьскаго переворота онъ переселился въ тихій Бебленгеймъ и принялся за педагогическую дѣятельность въ сосѣднемъ пансіонѣ для дѣвицъ, носившемъ названіе *Petit Château*. До 1870 г. Бебленгеймъ оставался центромъ дѣятельности «Лиги», а послѣ франко-прусской войны отошелъ къ Герма-

ни. Пансіонъ, въ которомъ давалъ уроки Маса, былъ перенесенъ въ Энскій департаментъ, въ Монтъе. Сюда-же переселился и Маса и здѣсь прожилъ до конца своихъ дней, совершая по всей Франціи для чтенія лекцій и организаціи отдѣленій Лиги и съѣздовъ.

Разносторонне образованный, чуждый всякаго рода рутинѣ, Маса съ самого начала своей педагогической дѣятельности умѣлъ внушать любовь къ наукѣ и передавать свои научныя знанія въ чарующей формѣ, обращаясь къ воображенію и сердцу своихъ ученицъ. Въ теченіи десятилѣтняго пребыванія въ Бебленгеймѣ онъ написалъ: «Исторію кусочка хлѣба», «Дѣдушкину ариметику», «Слуги желудка», «Сказки» и нѣсколько театральныхъ пьесъ для юношества. Первые три книжки были настоящимъ откровеніемъ въ педагогической литературѣ и останутся образцовою популяризацией научныхъ знаній.

Тяжелый гнетъ наполеоновскаго режима болѣзненно отзывался въ сердцѣ Маса. Онъ былъ убѣжденнымъ республиканцемъ и педагогическая дѣятельность, притомъ въ ограниченной сферѣ пансіона для дѣвицъ, не могла заставить его забыть о грозномъ призракѣ народнаго невѣжества. Скоро онъ нашелъ новое поприще для своей дѣятельности въ основаніи сельскихъ библиотекъ.

II.

Въ 1860 г. само министерство народнаго просвѣщенія, въ лицѣ тогдашняго министра Рулана, нашло полезнымъ учрежденіе общинныхъ библиотекъ и выразило свои соображенія по этому поводу въ соответствующемъ циркулярѣ. Находили нужнымъ сдѣлать что нибудь для народной массы. Само собою разумѣется, что заявленіе наполеоновскаго министра вытекало не изъ искренняго желанія просвѣщать эту массу, а предназначалось главнымъ образомъ къ тому, чтобы блеснуть демократизмомъ предъ лицомъ оппозиціи. Циркуляръ остался мертвой буквой. Въ немъ говорилось, между прочимъ, и о желательности частнаго почина, но этотъ починъ былъ крайне затрудненъ самимъ правительствомъ, а потому Маса не могъ рассчитывать на сотрудничество.

Въ 1862 г. Маса явился въ бебленгеймскую мѣрію и принесъ нѣсколько книжекъ. Ихъ поставили на полку. На корешкѣ книжекъ красовалась надпись: «Бебленгеймская общинная библіотека». Придаться къ неблагонамѣренности этихъ книжекъ не было возможности даже для наполеоновскаго правительства. Это былъ «Bulletin de la société d'acclimatation». По словамъ самого Маса, «книги были такъ благонамѣренны, что ихъ никто и никогда не читалъ». Но библиотекѣ было положено начало. Книгамъ разрѣшено было стоять на полкѣ. Затѣмъ явились другія, и ихъ уже стали читать. Мѣсяцъ спустя библіотека была официально утверждена муницип-

пальнымъ совѣтомъ и ассигновано на нее 50 франковъ. Прошло два года, и въ ней имѣлось уже 1345 томовъ.

Первый шагъ былъ сдѣланъ, Массе заявилъ о немъ въ одной изъ мѣстныхъ газетокъ и добрый примѣръ сталъ находить подражателей. Вначалѣ, однако, дѣло шло крайне туго. Откликнулся на призывъ какой-то добродушный префектъ, основалась библіотека въ окрестностяхъ того-же Бебленгейма. Но годъ спустя устройствомъ бебленгеймской библіотеки заинтересовался одинъ изъ крупнѣйшихъ фабрикантовъ въ Мюльгаузенѣ, извѣстный Энгель-Дольфусъ. Такимъ образомъ человекъ, который въ силу своего общественнаго положенія могъ оказать солидную поддержку дѣлу, былъ найденъ.

Около того-же времени бебленгеймскій муниципальный совѣтъ выразилъ свое сочувствіе Массе въ засѣданіи, на которомъ обсуждалось положеніе библіотеки. Массе посѣпшилъ воспользоваться такимъ доброжелательнымъ настроеніемъ и спросилъ у префекта, не встрѣтятся-ли затрудненія, если организуется общество для учрежденія въ департаментѣ общинныхъ библіотекъ, подъ условіемъ невмѣшательства въ религіозные и политическіе вопросы. Префектъ поморщился, но далъ разрѣшеніе. Массе извѣстилъ Дольфуса и, посоветовавшись съ нимъ, напечаталъ въ «*Industriel Alzazien*» проектъ устава библіотечнаго общества, которое и было основано четыре мѣсяца спустя. Съ перваго-же дня оно насчитывало 813 членовъ. Общество получило наименованіе «Верхнерейнскаго Общества общинныхъ библіотекъ». Ближайшею цѣлью поставлено было распространеніе самой идеи о пользѣ подобныхъ библіотекъ въ Верхнерейнскомъ департаментѣ и поощреніе частнаго почина во всѣхъ общинахъ, куда будутъ имѣть доступъ члены общества. Они должны собирать и ежегодно печатать свѣдѣнія о библіотекахъ, раздавать преміи общинамъ, которыя выкажутъ наибольшую энергію въ библіотечномъ дѣлѣ, награды за усердіе библіотекарямъ, наконецъ дѣлать и денежныя пожертвованія, когда то потребуется. Книги должны выбираться самими членами. Членскій взносъ равнялся только 5 франкамъ въ годъ. Библіотекари освобождались отъ него. Общество обязывалось воздерживаться отъ какихъ-бы то ни было постороннихъ цѣлей. Постояннымъ президентомъ избранъ былъ мюльгаузенскій фабрикантъ Дольфусъ, потомъ депутатъ германскаго рейхстага, въ которомъ онъ энергично отстаиваетъ права эльзасцевъ. Секретаремъ выбрали Массе. Остальные двадцать четыре члена комитета принадлежали къ средѣ фабрикантовъ, адвокатовъ и разныхъ должностныхъ лицъ. Люди всѣхъ званій, состояній и всевозможныхъ оттѣнковъ мнѣній (за исключеніемъ клерикальныхъ) выражали свое сочувствіе новому обществу, но католическое духовенство не замедлило ополчиться на него. Не разъ съ церковной кафедры раздавались проклятія по его адресу, и это не потому, чтобы книги, распространяемыя обществомъ, казались вредными духовенству, а потому что, какъ выразился одинъ сельскій

священникъ въ бесѣдѣ съ мѣромъ: «прочтя эти книжки, они захотятъ и другихъ!»

Въ теченіи перваго года существованія общества (1863-го) имъ израсчено было на библіотеки въ Верхнерейнскомъ департаментѣ 6000 франковъ. Послѣ 1864 г. дѣло развилось и въ восточной Франціи; рѣдкая община не имѣетъ своей, хотя-бы небольшой библіотеки.

Общество не нашло полезнымъ создавать разомъ возможно большее количество библіотекъ, не ожидая спроса со стороны самихъ общинъ. Оно справедливо полагало, что такіа библіотеки не имѣли-бы жизненности. Цѣлью его было не столько учреждать читальни, сколько вызывать ихъ самостоятельное возникновеніе.

Имѣлось въ виду, главнымъ образомъ, повліять на общественное мнѣніе, выяснить пользу и необходимость библіотеки, такъ чтобы она оказалась не только дѣломъ нѣсколькихъ преданныхъ дѣлу народнаго просвѣщенія лицъ, но дѣломъ самой общины, санкціонированнымъ муниципальнымъ совѣтомъ и пользующимся отъ него и матеріальною поддержкою.

Интересенъ отчетъ Маса о первомъ годѣ существованія бебленгеймской библіотеки, послужившей отправной точкой для всего дальнѣйшаго просвѣтительнаго движенія библіотечнаго общества. Начали съ того, что купили книгъ на 16 франковъ и 10 сантимовъ, т. е. рублей на пять; скромный шкафикъ съ книгами ютился въ корридорѣ сельской школы, но скоро книги стали прибывать, число читателей быстро возрастало, книгамъ стало тѣсно въ шкафикѣ, пришлось заказать новый шкафъ, который уже поставили въ «большую залу», а въ бюджетѣ появилась солидная цифра: 400 франковъ на одни только переплеты! За чтеніе брали отъ 5 до 2 франковъ въ годъ. Немущихъ положено было освобождать отъ платы, но никто не предъявилъ желанія пользоваться этою льготой. Не было также замѣчено и никакихъ злоупотребленій: ни одинъ томъ не былъ потерянъ, ни одной книжки не разорвали. Въ уставѣ съ самаго начала отсутствовала статья о штрафахъ, практика дѣла только подтвердила ея бесполезность.

II.

Въ то самое время, когда Жанъ Маса старался возбудить частный починъ въ дѣлѣ народнаго образованія въ тѣсной рамкѣ одного изъ французскихъ департаментовъ, другое, болѣе широкое движеніе, проникнутое одинаковыми просвѣтительными стремленіями, но въ значительной степени облегчаемое конституціонной свободой соотвѣтнаго государства, возникало въ Бельгіи. По закону, изданному тамъ въ 1842 г. (во Франціи такой-же законъ былъ изданъ въ 1850 г.) народное образованіе предоставлялось духовенству. Нѣсколько бельгійскихъ либераловъ составили проектъ общества, которое, развѣт-

вляясь по всей странѣ, группировало-бы въ каждомъ кантонѣ людей, проникнутыхъ убѣжденіемъ въ необходимости парализованія клерикальнаго обскурантизма. Имѣлось въ виду вліять на общественное мнѣніе и въ то-же время вырабатывать планы желательныхъ реформъ въ различныхъ отрасляхъ народнаго просвѣщенія. Общество было основано въ 1865 г. Оно носило названіе «Лиги народнаго образованія».

Въ слѣдующемъ году (1866) Массе, принадлежавшій къ числу членовъ, присутствовалъ на годичномъ сѣздѣ новаго Общества и былъ изумленъ необычайнымъ успѣхомъ, котораго удалось достигнуть въ такой короткій срокъ. Онъ увидѣлъ практическое осуществленіе мысли, одушевлявшей его самого при основаніи библиотечнаго Общества въ Верхнерейнскомъ департаментѣ. Его библиотеки и читальни были, т. сказать, частичнымъ примѣненіемъ той-же общей идеи, которая положена была въ основу бельгійской Лиги. Но когда, разставаясь съ бельгійскими единомышленниками, онъ высказалъ намѣреніе сдѣлать во Франціи попытку основанія подобнаго-же Общества, ему отвѣчали недовѣрчивой улыбкой. Въ самомъ дѣлѣ, возможно-ли было думать о такой попыткѣ во Франціи, при существованіи имперіи Наполеона III?

Это казалось наивнымъ. Массе, однако, не терялъ надежды: вѣдь наканунѣ основанія верхнерейнскаго библиотечнаго Общества и эта затѣя казалась многимъ неосуществимой, однако, ее удалось провести въ жизнь. Почему-же не попытаться расширить и обобщить то, что уже стало дѣйствительностью? Въ октябрѣ 1866 г. Массе помѣстилъ въ газетѣ «Opinion Nationale» свое первое воззваніе. Въ немъ онъ объяснялъ организацію бельгійской Лиги и спрашивалъ почему-бы не основать такое-же общество и во Франціи. «Правда, замѣчалъ онъ въ концѣ своего воззванія, мы не живемъ въ одинаковыхъ съ нашими бельгійскими сосѣдями политическихъ условіяхъ. Намъ пришлось бы испрашивать разрѣшенія, въ которомъ они не нуждаются, и программа, которую мы могли-бы представить на утвержденіе, была-бы менѣе широкой, чѣмъ бельгійская. Но когда дѣло идетъ о вопросѣ такой первостепенной важности, слѣдуетъ-ли останавливаться передъ такимъ затрудненіемъ и не пытаться сдѣлать то, что возможно при данныхъ условіяхъ?» Воззваніе заключалось слѣдующими словами: «Говорятъ о реформѣ въ организаціи нашего войска, почему-же, рядомъ съ военной арміей, не устроить ландвера народнаго образованія? Едва-ли общественное спокойствіе и порядокъ что нибудь потеряютъ вслѣдствіе такой организаціи».

Два дня спустя Массе получилъ имена трехъ первыхъ членовъ предполагавшейся Лиги. Имена эти были крайне скромны, они принадлежали, однако, людямъ, которые поняли и оцѣнили великое значеніе дѣла: *Антуанъ Мамі* — оберъ-кондукторъ лонской желѣзной дороги, *Жанъ Пети* — камнетесъ и *Лармье* — городской

сержантъ, т. е. простой городской. Этотъ почтенный сержантъ былъ можетъ быть самымъ полезнымъ членомъ при возникновеніи Лиги.

Дѣйствительно, какъ кричать объ оппозиціонности новой затѣи, когда въ ней принимаетъ участіе блюститель общественнаго порядка и спокойствія? Основатель Общества, немедленно, заявилъ въ «Opinion Nationale» о первыхъ членахъ Лиги и просилъ желающихъ примкнуть къ ней, присылать извѣщенія и объявлять о размѣрѣ пожертвованій. Приѣмъ членовъ продолжался, разрѣшеніе-же имѣлось въ виду испросить у правительства по накопленіи извѣстнаго числа участниковъ. «Дѣло пойдетъ, если насталъ для него часъ!» прибавлялъ Маса въ своемъ заявленіи и не ошибся въ выборѣ момента: дождемъ посыпались въ Бебленгеймъ письма съ поздравленіями, вопросами, предложеніями программъ. Присылались и деньги. Обо всемъ этомъ давался отчетъ въ той-же «Opinion Nationale» и распространялась, вообще, въ печати идея Общества народнаго образованія. Маса старался поставить дѣло на нейтральную почву, не касаясь ни религіознаго, ни политическаго вопроса. Цѣль была проста и ясна: приглашались люди, желающіе содѣйствовать народному образованію.

Мѣсяць спустя получено было 510 подписей, въ февралѣ же слѣдующаго года ихъ насчитывалось уже 2,109, а въ маѣ—4,075. Подписка дала 7,202 франка. Расходы равнялись 2,928 франкамъ. Годъ спустя число лицъ, выразившихъ свое сочувствіе новому обществу, достигло 4,792, изъ нихъ 4,751 приходится на Францію, а 41 заявленіе получено было изъ Бельгіи, Англіи, Германіи, Швейцаріи, Италіи, Россіи, Египта, Соединенныхъ Штатовъ С. А. и даже изъ Сингапура.

Въ самой Франціи нашлось двѣнадцать департаментовъ, не выказавшихъ никакого сочувствія, а именно: Морскихъ Альпъ, Аррьержскій, Обскій, Нижне-Альпійскій, Коррезскій, Корсика, Сѣверный, Верхне-Луарскій, Лотскій, Савойскій, Воклюзскій и Вандей. Наибольшее число сочувствующихъ пало на Сенскій департаментъ—1268 и Верхнерейскій (мѣсто дѣятельности Маса)—401. Далѣе слѣдовали: Вогезскій—292, Марнскій—238, Нижне-Сенскій—217, Ронскій—176, Луаренскій—158, Варскій—125 и Мозельскій—111.

Само собою разумѣется, что въ дѣйствительности число сочувствующихъ было несравненно значительнѣе, потому что многіе, не примыкая формально, уже проводили тѣмъ не менѣе мысль Жана Маса въ селахъ и городахъ. Въ различныхъ мѣстностяхъ образовались кружки,—зародышъ организаціи слѣдовательно уже существовалъ. Работали, кто какъ умѣлъ, соображаясь съ условіями и группируясь вокругъ людей инициативы. Эти группы, въ силу естественнаго сближенія на почвѣ одного и того-же дѣла, и образовали впослѣдствіи лигу народнаго образованія, помимо общаго заранее выработаннаго плана или программы, которые могли-бы лишь повредить дѣлу на этой первой ступени его развитія. Такъ

думалъ Массе: онъ выступалъ, по его собственнымъ словамъ, безъ устава въ карманѣ (этотъ багажъ пріобрѣсти не трудно) и начиналъ съ проповѣди самой идеи и устройства мѣстныхъ кружковъ, предоставляя этимъ группамъ завести у себя въ послѣдствіи наиболѣе удобную для каждой изъ нихъ организацію, а далѣе приступить, путемъ делегацій, и къ образованію центральнаго органа Лиги.

«Вызовите частную инициативу и она сдѣлаетъ свое дѣло». Вотъ что говорилъ Массе во всѣхъ своихъ воззваніяхъ и статьяхъ. И еще: «Мы не управляемъ и не командуемъ никѣмъ. Каждая община открываетъ свою бібліотеку и управляетъ ею по своему разумію. Между собою намъ нѣчего дѣлать, кромѣ простого констатирования достигнутыхъ результатовъ, сообщенія попытокъ, принятыхъ въ виду распространенія нашего дѣла, присканія средствъ и людей, которые могли-бы двинуть дѣло въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ оно идетъ туго и медленно, наконецъ, извлеченія полезныхъ свѣдѣній изъ нашей переписки. Отчеты о нашихъ засѣданіяхъ доводятъ все это до всеобщаго свѣдѣнія, что, въ свою очередь, содѣйствуетъ движенію въ пользу учрежденія народныхъ бібліотекъ. Мѣстные кружки будутъ возникать повсюду, гдѣ найдутся сочувствующіе. Они естественнымъ образомъ пожелають сближенія съ сосѣдними, и, когда эти кружки будутъ достаточно многочисленны, они пришлютъ делегатовъ на общее собраніе. Все это можетъ дѣлаться открыто, на глазахъ у властей и, даже, по соглашенію съ ними».

Общее собраніе Массе предполагалъ созвать во время выставки 1867 года.

«Вы спросите, что будетъ дѣлать Лига по своему окончательномъ устройствѣ? писалъ онъ по этому поводу: Она будетъ дѣлать что хочетъ. Полагаю, что люди, которые примутъ въ ней участіе не малолѣтніе и что мнѣ нѣчего ломать голову, придумывая для нихъ занятія въ настоящую минуту. Когда американскіе пионеры идутъ на далекій Западъ основывать свои поселенія, всегда-ли знаютъ они, какъ и гдѣ они ихъ устроятъ? Они сознають свою энергію, свои силы и знаютъ, что тамъ есть земли, требующія расчистки. Но посмотрите на эти земли десять лѣтъ спустя: вы найдете тамъ городъ, планъ котораго, безъ сомнѣнія, не лежалъ у нихъ въ карманѣ, во время ихъ отъѣзда. Однако, несмотря на это, городъ-то выстроился. Такъ будетъ и съ нашей Лигой, если мы сами чего-нибудь стоимъ».

Начало дѣятельности Массе совпало съ періодомъ того опущенія, той нравственной спячки, которая оковывала Францію во времена второй имперіи. Эта дѣятельность способствовала пробужденію французскаго общества и указала ему, на что и какъ оно должно направить свои интеллектуальныя и нравственныя силы для наиболѣе плодотворнаго ихъ примѣненія.

Проповѣдь необходимости посвященія для французской деревни

нашла откликъ у тѣхъ, кому пришлось еще такъ недавно увидѣть неопровержимое доказательство темноты большинства французскаго народа, который, отвернувшись отъ республики, самъ надѣлъ на себя наполеоновскіе оковы, самымъ неудачнымъ образомъ воспользовавшись завоеваннымъ для него городскимъ населеніемъ и интеллигенціей правомъ всеобщей подачи голосовъ.

III.

Въ 1867 году Лига вступила во второй фазисъ своего существованія. Основатель нашелъ, что число членовъ достаточно велико для созванія общаго собранія. Оно было назначено на 15 ноября того-же года, въ Парижѣ, но не состоялось, такъ какъ правительственное разрѣшеніе было получено слишкомъ поздно. Извѣщая объ этомъ, Массе разослалъ проектъ устава, который имѣлось въ виду обсуждать на собраніи. Вотъ этотъ уставъ:

Статья I. Лига имѣетъ цѣлью вызвать во всей Франціи частный починъ въ пользу развитія народнаго образованія.

Статья II. Дѣятельность Лиги заключается въ основаніи библіотекъ и курсовъ для взрослыхъ, а также школъ для дѣтей вездѣ, гдѣ въ томъ окажется надобность, а также и въ поддержкѣ подобныхъ учрежденій тамъ, гдѣ они уже существуютъ.

Статья III. Какъ при устройствѣ библіотекъ, такъ и въ программахъ школъ и курсовъ, основанныхъ или поддерживаемыхъ Лигой, необходимо воздерживаться отъ какой-бы то ни было религіозной или политической полемики.

Члены Лиги всегда останутся судьями размѣра, срока и употребленія денежныхъ взносовъ.

Они будутъ группироваться по своему усмотрѣнію въ независимыя общества, управляющія вполне самостоятельно способомъ управленія, свойствомъ и объемомъ своей дѣятельности.

Лига будетъ имѣть Агентство, которому поручается: пропагандировать дѣло Лиги, издавать отчеты о ея дѣятельности и созывать ежегодное общее собраніе.

Статья VII. Агентство будетъ представлять отчетъ о своей дѣятельности наблюдательной комисіи и въ каждомъ отчетѣ печатать подробную таблицу прихода и расхода.

Статья VIII. Никакое измѣненіе настоящаго устава не можетъ быть вотировано общимъ собраніемъ безъ предварительнаго сообщенія центральному агентству, которое обязано доводить его до общаго свѣдѣнія отдѣльныхъ группъ, входящихъ въ составъ Лиги.

Однако немногочисленны были еще кружки и распространялись они довольно медленно. Зато въ нѣкоторыхъ жизнь была ключомъ и въ нихъ не щадили усилій и труда. Къ числу наиболее дѣятельныхъ принадлежалъ, напримѣръ, кружокъ, образовавшійся въ Мецѣ. Благодаря выдающимся людямъ и денежнымъ средствамъ,

которыми они располагали, дѣятельность этой группы достигла широкаго развитія. Не мало содѣйствовало успѣху и то обстоятельство, что мецскій префектъ немедленно разрѣшил общее собраніе. На этомъ собраніи былъ принятъ уставъ, который, также благодаря содѣйствію префекта, былъ немедленно и утвержденъ. Въ томъ-же году (1867) кружокъ открылъ бібліотеку и курсы для взрослыхъ съ полной университетской программой, за исключеніемъ латинскаго и греческаго языковъ.

Власти не противились доброму начинанію, но епископъ разразился ни болѣе ни менѣе какъ—отлученіемъ отъ церкви!

Инициаторъ мецкаго кружка, профессоръ мѣстнаго лицея Вакка былъ въ то же время и президентомъ масонской ложы. Въ средѣ масоновъ онъ нашелъ полезныхъ, умѣлыхъ помощниковъ. Епископъ воспользовался этимъ, чтобы указать на масонство и на Лигу народнаго образованія, какъ на два одинаково зловредныхъ дѣла. Даже параграфъ устава Лиги, говорившій объ устраненіи религіозныхъ и политическихъ вопросовъ, послужилъ епископу поводомъ къ обвиненію: «Значить, желаютъ систематически исключать религію», такъ объяснялъ онъ. Само собою разумѣется, что еслибы Лига вздумала заниматься религіознымъ вопросомъ, епископъ и это нашелъ-бы предосудительнымъ. Впрочемъ, это первое нападеніе послужило на пользу Лигѣ, такъ какъ приобрѣло ей сочувствіе масонства: всѣ члены масонскихъ ложъ дѣятельно пропагандировали ея дѣло, какъ сродное съ ихъ собственнымъ «по благородству и возвышенности идеи». Благопріятнымъ обстоятельствомъ явилось и то, что епископъ въ то же время ополчился и на министра народнаго просвѣщенія Дюрки, который старался преобразовать среднія женскія учебныя заведенія въ смыслъ независимости отъ католическаго вліянія и покровительствовалъ открытію заведеній, проникнутыхъ антиклерикальнымъ духомъ. Гоненіе, воздвигнутое епископомъ одновременно и на министерство народнаго просвѣщенія и на Лигу народнаго образованія, поставило наполеоновское правительство въ необходимость мягче отнестись къ Лигѣ.

Примѣру мецкой группы скоро послѣдовали кружки, образовавшіеся въ Реймсѣ, Діэппѣ, Кольмарѣ, Гаврѣ, Орлеанѣ, Руанѣ и Нанси. Затѣмъ стали возникать группы и въ деревняхъ. Особенно сильно было движеніе въ 68-мъ и 69-мъ году. Его успѣхи можно прослѣдить по отчетамъ, которые печатаѣтъ въ то время Маса. Въ нихъ мы находимъ подробную лѣтопись Лиги, ея послѣдовательныхъ усилій во всемъ ихъ разнообразіи, съ указаніемъ на мѣстности и людей, содѣйствовавшихъ дѣлу. Читая эти отчеты, мы какъ-бы присутствуемъ при вторженіи прогрессивной идеи и постепенномъ завоеваніи ею страны. Маса неохотно вступалъ въ полемику, но по временамъ остроумно отвѣчалъ на нападки въ коротенькихъ замѣткахъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда перетолковывали за-

дачи Лиги, а то и прямо клеветали. Такимъ отвѣтомъ клеветникамъ была и брошюрка его, озаглавленная «Philosophie de la Ligue».

До самаго 1870 года, то есть до объявленія франко-прусской войны, Лига не переставала слѣдовать по пути, намѣченному Жаномъ Масе. Кромѣ цѣлаго ряда мѣстностей во Франціи, движеніе охватило даже ея колоніи, главнымъ образомъ Алжиръ. Можно сказать, что впервые послѣ безчеловѣчныхъ подвиговъ французскихъ войскъ въ Сѣверной Африкѣ эта колонія, благодаря въ значительной степени усиліямъ Лиги народнаго образованія, увидѣла и хорошія стороны европейской культуры.

IV.

Кружокъ, образовавшійся въ Парижѣ, оказалъ большія услуги дѣлу и, въ послѣдствіи, сдѣлался центромъ Лиги народнаго образованія. Главнымъ сотрудникомъ Масе въ Парижѣ былъ необыкновенно дѣятельный человекъ Эмануэль Вошэ (Vauchez), во многихъ отношеніяхъ напоминавшій самого Масе. Вошэ былъ въ лучшемъ смыслѣ слова alter ego основателя Лиги. Глубоко убѣжденный, скромный, недобивавшійся никогда извѣстности и безконечно трудолюбивый человекъ, Вошэ, подобно Жану Масе, принялся за дѣло одинъ и весьма скоро сгруппировалъ вокругъ себя многихъ сочувствовавшихъ задачамъ Лиги и къ тому же выдающихся людей. Президентомъ новаго кружка согласился быть знаменитый астрономъ и популяризаторъ Фламмаріонъ. Въ первый годъ существованія парижскаго отдѣла (1867) въ немъ насчитывалось 117 членовъ. Въ кассѣ имѣлось 449 франковъ и 50 сантимовъ! Первая попытка новаго общества не увѣчалась успѣхомъ: предложили мѣру одной изъ общинъ Юрскаго департамента денежное пособіе на открытіе библиотечки и курсовъ для взрослыхъ, а также и на стипендіи дѣтямъ недостаточныхъ родителей, но мѣръ не соблаговоили даже отвѣтить на предложеніе. Кружокъ не унывалъ, число членовъ его возрастало. Въ Верхне-Марнскомъ департаментѣ нашли сельскаго учителя, который, несмотря на ограниченность своихъ матеріальныхъ средствъ и большую семью, вполне самостоятельно устроилъ курсы для взрослыхъ. Парижскій кружокъ послалъ ему 100 франковъ на поддержаніе полезнаго дѣла. Двадцать франковъ было отправлено на устройство библиотечки въ Вьенскомъ департаментѣ и 52 франка для такой-же цѣли въ Эрскій. Въ іюнѣ слѣдующаго года появился первый отчетъ кружка, формулировавшій его задачу въ слѣдующихъ словахъ:

«Въ Парижѣ организовалась Лига народнаго образованія, имѣющая цѣлью распространеніе просвѣщенія въ провинціи. Новая группа ставитъ себѣ исключительною цѣлью: трудиться на поприщѣ развитія общаго образованія во Франціи и воздерживаться отъ всякаго участія въ политическихъ и религіозныхъ пререканіяхъ.»

Членовъ въ ту пору было уже 234 и въ томъ числѣ три депутата. Главный редакторъ «Opinion Nationale» Гэру, издатель «Siècle» Гавенъ и одинъ сенаторъ, а именно знаменитый писатель Сентъ-Бевъ, дополняли списокъ выдающихся членовъ. Ежегодные взносы давали уже 1037 франковъ.

Парижскій кружокъ имѣлъ въ виду распространеніе просвѣщенія, главнымъ образомъ, въ средѣ сельскаго населенія, поощряя частный починъ для заведенія народныхъ читаленъ, бесплатныхъ курсовъ и публичныхъ лекцій. На общемъ собраніи въ іюнѣ 1869 г. общество окончательно организовалось и выработало себѣ уставъ. Предсѣдателемъ выбрали Массе, секретаремъ—Вонпэ. Вице-президентами выбраны были: извѣстный историкъ Анри Мартенъ и астрономъ Фламмаріонъ. Въ комитетъ находились: Кламажеранъ, Массоль и Журданъ (редакторъ «Siècle»). Прошеніе о разрѣшеніи новаго общества довольно долго странствовало по министерствамъ, не минуя и полицейской префектуры. Комитетъ издалъ два воззванія. Въ одномъ изъ нихъ указывалось на настоятельную необходимость поднять уровень народнаго образованія во Франціи, такъ какъ она занимаетъ въ этомъ отношеніи *двенадцатое мѣсто* и стоитъ ниже Соединенныхъ Штатовъ, Швейцаріи, Пруссіи, Голландіи, Баваріи, Вюртемберга и друг. Ниже Франціи стояли только южно-европейскія страны и Россія. Во второмъ воззваніи указывалось на пользу, которую можетъ принести парижская группа Лиги. Она предлагала бесплатное содѣйствіе вновь возникавшимъ школамъ въ дѣлѣ пріобрѣтенія учебныхъ пособій разнаго рода, начиная отъ географическихъ картъ и кончая физическими инструментами. Кромѣ того предлагались желающимъ открывать библіотеки: каталоги полезныхъ книгъ и совѣты для выбора книгъ для сельскаго и городского рабочаго населенія.

Поскольку дозволить матеріальный достатокъ, Лига брала на себя поддержку и денежными средствами.

Къ воззванію приложена была таблица уже сдѣланныхъ расходовъ на учрежденіе библіотечекъ, на пособія наиболѣе заслуженнымъ сельскимъ учителямъ и на поддержку одного сиротскаго дома.

Воззванія были распространены по всей Франціи въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ экземпляровъ. Газеты прогрессивнаго отбѣика печатали ихъ на своихъ столбцахъ.

Реакціонная печать не замедлила ополчиться на «новую и вредную затѣю». Нашелся даже профессоръ исторіи, приславшій ругательное письмо секретарю парижскаго отдѣла Лиги: «Вы навивно рассчитываете, писалъ этотъ профессоръ, завербовать въ свою антирелигіозную и антисоціальную секту нѣкоторыхъ сельскихъ учителей. Такъ знайте-же, деревня вамъ дастъ отпоръ. Васъ тамъ знаютъ, и если вамъ и удастся завербовать кого-нибудь, то это будутъ или дураки, или негодаи. Университетъ отвергаетъ васъ, какъ опас-

ныхъ помощниковъ, какъ пагубныхъ товарищей, истинныхъ Иудъ Искаріотскихъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія... Желѣзная стѣна стоитъ между вами и всѣми честными людьми».

Клерикальная газета «Univers» восхитилась «прекраснымъ чувствомъ, вдохновлявшимъ автора письма», профессора Николя (секретарь парижскаго отдѣла Лиги напечаталъ его въ газетѣ). «Дѣйствительно, прибавляла «Univers», мракъ невѣжества предпочтительнѣе свѣту, который оказался бы заревомъ пожара. Мы желали-бы упраздненія бюджета народнаго просвѣщенія, если онъ будетъ служить очагомъ подобнаго просвѣщенія».

Такія откровенныя печатныя заявленія, выставившія враговъ народнаго образованія въ ихъ истинномъ свѣтѣ, въ концѣ концовъ оказывались только полезными дѣлу, взятому на себя Лигою. Тѣмъ же смыкались ряды искреннихъ сторонниковъ народнаго просвѣщенія и послѣ посланія мецскаго епископа, послѣдовавшаго за организаціей первой группы Лиги въ Мецѣ, число ея членовъ внезапно увеличилось на четыреста человекъ. То-же самое произошло и вслѣдъ за епископскими громами въ другихъ мѣстностяхъ Франціи. Конечно, нельзя сказать, чтобы противодѣйствіе всегда и повсюду было полезно для распространенія организаціи Лиги, но извѣстность и громкая гласность, безъ сомнѣнія, въ значительной степени были доставлены врагами. Възъ противодѣйствія кругъ членовъ былъ-бы, можетъ быть, обширнѣе, но нельзя отрицать того, что вражда и отпоръ со стороны противниковъ сплотили наиболѣе энергичные и даровитые элементы.

Еще не успѣли умолкнуть толки объ обскурантъ-профессорѣ, какъ возникъ новый инцидентъ. Духовенство Верхнемарскаго департамента обратило вниманіе, что на долю этого края выпало наибольшее количество пособій отъ парижскаго кружка. Трое учителей, преподававшихъ на курсахъ для взрослыхъ, получили за усердное и толковое отношеніе къ дѣлу по 50-ти и по 100 франковъ. Одной учительницѣ, г-жѣ Мюньеро, Комитетъ прислалъ книгу въ роскошномъ переплетѣ. Сверхъ того она получила отъ Комитета лестное письмо, въ которомъ ее благодарили за успѣшное преподаваніе на женскихъ курсахъ для взрослыхъ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Учительница содержала пансіонъ. Ко дню раздачи награды, одинъ изъ вице-президентовъ Лиги, а именно, знаменитый астрономъ Фламмарионъ пріѣхалъ изъ Парижа для присутствованія на скромномъ торжествѣ.

Этого неслыханнаго событія было достаточно для того, чтобы мѣстный патеръ объявилъ войну честной труженицѣ. На другой-же день послѣ пансіонскаго акта онъ произнесъ слѣдующую проповѣдь своимъ прихожанамъ: «Мнѣ предстояло продолжать мои бесѣды о смертномъ грѣхѣ, но я долженъ говорить сегодня о болѣе важномъ предметѣ. Хотя я и не имѣю обыкновенія указывать на личности, въ особенности-же съ церковной катедры, но обстоятельства при-

нуждаютъ меня къ тому въ настоящую минуту. Съ нѣкоторыхъ поръ вамъ, любезные прихожане, приходится слышать наименованіе, которое было, еще недавно, совершенно неизвѣстно многимъ изъ васъ. Это наименованіе: Лига народнаго просвѣщенія. Не думаю я, что въ нашемъ благочестивомъ городѣ придется мнѣ оплакивать злоупотребленіе, грозящее охватить всю Францію! Что-же такое эта Лига? Это союзъ людей, желающихъ уничтожить религію. Эти люди желаютъ воспитанія безъ правилъ, безъ вѣры, а слѣдовательно, и безъ нравственности, а въ такомъ случаѣ что-же станется съ родомъ человѣческимъ? Эти люди, эти же философы ничто иное какъ франкъ-масоны, во главѣ которыхъ стоитъ нѣкій Жанъ Массе, авторъ безбожныхъ книгъ... Эта Лига просвѣщенія возникла въ 1866 году. Цѣль ея—освободить женщинъ отъ вліянія духовенства. Дѣтей учатъ отрицать бытіе Божіе, какъ будто наука несовмѣстима съ вѣрой! Если я, напримѣръ, вѣрую въ Бога, можетъ-ли это помѣшать мнѣ знать, что дважды два—четыре? Они почитаютъ насъ невѣждами, эти ученые, разсуждающіе о мірахъ, которые имъ неизвѣстны, которыхъ они не видали...

Проповѣдь заключалась угрозою лишать причастія дѣтей, посѣщающихъ школы, состоящія подъ покровительствомъ Лиги или ею основанныя. Упоминалось въ ней и о «щедрыхъ дарахъ», расточаемыхъ Лигою, и о томъ, что во Франціи—*милліонъ шестьсотъ тысячъ массоновъ*, которые всѣ отлучены отъ церкви. Проповѣдникъ увѣрялъ также, что дѣти *фармазоновъ* подвергаются особому роду крещенія, причемъ имъ «отпечатываютъ на тѣлѣ тавро», а зовутъ ихъ *волчатами* или *волчицами*.

Въ сущности, приведенная проповѣдь не глупѣе многихъ клерикальных памфлетовъ, но она, по справедливому замѣчанію біографа Массе, можетъ служить образцомъ недобросовѣстности враговъ Лиги народнаго образованія и крайней рѣзкости ихъ рѣчей. Такъ, назвать авторомъ безбожныхъ книгъ Жана Массе, написавшаго «Исторію кусочка хлѣба», «Дѣдушкину ариметіку» и т. п., было прямою гнусною клеветою.

Зато прогрессивная печать постоянно содѣйствовала успѣху Лиги. Ея органы ежедневно напоминали о ней и сообщали свѣдѣнія о ея развитіи и борьбѣ, которую приходилось ей выдерживать.

Скоро новая задача представилась дѣятелямъ Общества. Въ мартѣ 1870 г. въ Страсбургѣ образовался комитетъ съ цѣлью вызвать движеніе въ пользу обязательности обученія.

Французское правительство въ ту-же пору выработало декретъ о бесплатности народнаго образованія. Жюль Симонъ требовалъ, чтобы къ бесплатности присоединена была и обязательность. Необходимо было поддержать это требованіе грандіознымъ заявленіемъ со стороны общественнаго мнѣнія. Страсбургскій комитетъ Лиги сталъ раздавать петиціонные листы. Жюль Симонъ и министръ народнаго просвѣщенія Дюрюи дали свои подписи. Движеніе при-

няло внушительные размѣры съ первыхъ же дней. 20-го апрѣля было получено 100,000 подписей, а 15-го іюля число ихъ возросло до 350,000.

Восемьдесятъ три департамента отозвались на призывъ Комитета. Готовились уже представить эти солидныя цифры Законодательному Корпусу, но событія начавшейся въ іюнь 70-го года франко-прусской войны отвлекли вниманіе французскаго общества въ другую сторону. Самый дѣятельный изъ сотрудниковъ Маса — Воше открылъ подписку въ пользу раненыхъ, а когда чрезъ нѣкоторое время французскія войска стали терпѣть пораженіе за пораженіемъ, онъ обратился съ воззваніемъ къ волонтерамъ для образованія легіона добровольцевъ и, наконецъ, въ августѣ и самъ не выдержавъ и пошелъ въ волонтеры.

V.

Что-же осталось отъ всѣхъ стараній и усилій Лиги въ пользу народнаго образованія на другой день послѣ войны? Множество группъ Лиги прекратили свою дѣятельность. Шестая доля обществъ, возникшихъ въ Эльзасѣ и Лотарингіи, окончательно погибли. Центръ пропаганды Маса — селеніе Бебленгеймъ перестало принадлежать Франціи послѣ присоединенія къ Германіи прирейнскихъ провинцій. Воше вернулся въ Парижъ. Приходилось начинать дѣло сызнова. Парижскій комитетъ взялъ на себя задачу концентрированія движенія и избралъ лозунгомъ: *обязательность школьнаго обученія*. Моментъ былъ выбранъ удачно: сколько разъ повторялось въ ту пору мнѣніе, что Германія побѣдила благодаря школьному учителю. Сама наполеоновская имперія въ послѣдніе годы своего существованія начинала, повидимому, страшиться народной темноты, и ея либеральные министры, какъ извѣстно, предпринимали кое-какія мѣры для борьбы съ народнымъ невѣжествомъ. Бѣда въ томъ, что принялись за это дѣло слишкомъ поздно, и седанскій погромъ съ безпощадною ясностью подтвердилъ это.

Воше предложилъ своему комитету прибѣгнуть къ обширному петиціонному движенію, съ цѣлью вызвать общественное движеніе въ пользу обезпеченія для всѣхъ и каждого обязательности начальнаго образованія и добиться соответствующихъ измѣненій во французскомъ законодательствѣ. На первыхъ порахъ возраженій было не мало. По всей Франціи еще чувствовалось нравственное утомленіе, какъ неизбежное слѣдствіе великихъ бѣдствій. Напоминали о петиціяхъ въ Страсбургѣ, когда тамъ было собрано до 350 тысячъ подписей, оставшихся даже не представленными. Тѣмъ не менѣе, комитетъ приступилъ къ дѣлу и выработалъ проектъ петиціи въ октябрѣ 72 года. «Болѣе чѣмъ когда-либо, теперь, послѣ вторженія пруссаковъ и гражданской войны, необходима борьба противъ невѣжества», говорились, между прочимъ, въ воззваніи комитета.

Петиція озглавлена была: «Национальное движение противъ невѣжества. Петиція въ пользу бесплатнаго и обязательнаго образованія».

Каждый дающій свою подпись обязывался подкрѣпить ее взносомъ *пяти сантимовъ*. Взносы должны были покрыть расходы по печатанію, а остальные деньги предназначались на продолженіе дѣла Лиги. Главною цѣлю мирной агитаціи было: обратить общественное вниманіе на капитальный вопросъ народнаго воспитанія и образованія, какъ на ключъ къ рѣшенію всѣхъ остальныхъ вопросовъ и основу всякаго преуспѣянія; пробудить готовность къ жертвамъ и полезной дѣятельности, сгруппировать людей дѣла, однимъ словомъ подготовить на всѣхъ пунктахъ Франціи центры, группы, комитеты, имѣющіе наблюдать за исполненіемъ закона объ обязательномъ образованіи, и облегчать его выполненіе. (Въ то время само министерство народнаго просвѣщенія готовило проектъ такого закона).

31-го октября отправлены были первые тюки съ петиціями по адресу различныхъ группъ, входившихъ въ составъ Лиги, и опубликовано новое воззваніе, которымъ, собственно, и началась «петиціонная кампанія». Ея успѣхъ превзошелъ ожиданія. Провинція горячо откликнулась на призывъ, а парижская печать оказала энергическое содѣйствіе. Оно выразилось, между прочимъ, и въ предложеніи редакцій республиканскихъ газетъ, какъ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ — собирать подписи петиціонеровъ. Движеніе приняло при такой поддержкѣ широкіе размѣры, достойные имѣвшейся въ виду благородной цѣли. Клерикальная же партія не замедлила выказать всю свою враждебность. Сама по себѣ обязательность начальнаго народнаго образованія не могла еще почитаться «опаснымъ» нововведеніемъ, но это было первымъ шагомъ по пути дальнѣйшихъ преобразованій въ этомъ дѣлѣ. Клерикалы ополчились и противъ «бесплатности», и противъ «обязательности». Еще яростіе стали нападки, когда, съ легкой руки вліятельной газеты «Siècle», заговорили и «о независимости школъ отъ католической церкви». Всѣ три требованія были органически связаны между собою, но Лига ограничилась, на первый случай, требованіемъ «обязательности» образованія, такъ какъ на этой почвѣ легче было достигнуть всеобщаго соглашенія. Если отецъ обязанъ доставлять пропитаніе своему ребенку, то не менѣе обязательно для него давать ему и духовную пищу.

Клерикальная партія немедленно принялась отстаивать право отцовъ семействъ оставлять дѣтей въ спасительномъ невѣжествѣ. Это называлось «свободой». Что касается «бесплатности», то клерикалы находили, что существующей матеріальной помощи немущимъ вполне достаточно. Они составили контръ-петицію, въ которой указывали на необходимость религіознаго, «свободнаго» и бесплатнаго для бѣдныхъ образованія. Всѣ дозволенные и недозволен-

ныя средства пущены были въ ходъ для собиранія подписей. Эту петицію прозвали во Франціи епископскою. Редактирована она была весьма ловко, а чтобы избѣжать критики республиканской печати, епископскую петицію не печатали въ газетахъ. Однако, редакція «Siècle» успѣла приобрѣсти экземпляръ и не замедлила дать о немъ критическій отзывъ. Въ немъ объяснялось, что никто не оспариваетъ у отцовъ семействъ права давать своимъ дѣтямъ такое образованіе, какое имъ заблагоразсудится; отрицается только право не давать никакого образованія.

Тѣмъ временемъ, Жюль Симонъ, занимавшій тогда постъ министра народнаго просвѣщенія, внесъ проектъ закона объ обязательности начальнаго образованія, для разсмотрѣнія котораго была назначена особая коммиссія. Изъ 12-ти членовъ ея только двое были республиканцами: Карно (бывшій министръ 48-го года) и Рикаръ. Предсѣдателемъ избранъ былъ монсеньоръ Дюпанлу. Такой выборъ былъ какъ нельзя болѣе удобенъ для клерикаловъ. Но чѣмъ болѣе сопротивленія встрѣчала реформа, тѣмъ ревностнѣе добивались ея республиканцы и во главѣ ихъ—Лига народнаго образованія.

Не проходило дня, чтобы листы съ подписями не бывали конфискованы сельскими священниками, полевыми сторожами и т. п. Администрація и судебное вѣдомство поддерживали духовенство. Перехватывая подписные листы, грозили преслѣдованіемъ и лицамъ, дававшимъ свои подписи. Здѣсь—прокуроръ отдавалъ приказъ о задержаніи петиціи, тамъ—жандармы расхаживали по деревнямъ, не позволяя подписывать и сопровождая запрещеніе угрозами, не смотря на то, что дѣло шло о поддержаніи законопроекта, выработаннаго министерствомъ народнаго просвѣщенія. Школьные учителя, подозрѣваемые въ сочувствіи къ петиціонному движенію, подвергались всякаго рода придиркамъ со стороны католическаго духовенства.

Секретарь парижскаго отдѣла Лиги получилъ отъ одного учителя слѣдующее письмо: «М. Г. Я просилъ васъ прислать мнѣ листы петиціи въ пользу обязательнаго и бесплатнаго образованія. Они получены мною, но я не могъ пустить ихъ въ обращеніе, потому что меня раздавило-бы духовенство, а я долженъ кормить своимъ трудомъ жену и дѣтей. Я бы могъ собрать до 300 подписей: большая часть тѣхъ, кто изъ страха или по необходимости подписали епископскую петицію, поспѣшили-бы загладить свой поступокъ, подписавъ нашу. И какъ подумаешь, что большая часть французскихъ школьныхъ учителей находятся въ одинаковомъ со мною положеніи! Если бѣдность, нищета и зависимость заставляютъ совершать много низостей, то онѣ, сверхъ того, еще и задерживаютъ проявленіе многихъ благородныхъ чувствъ».

Не смотря на многія и разнообразныя препятствія, движеніе росло. Къ 25-му мая собрано было 847,761 подписей, и приложивъ ранѣе собранныя въ Страсбургѣ, получимъ: 1.197,761. Въ теченіи

семи съ половиною мѣсяцевъ собрано было 847,761 подписей, и это вопреки задержкамъ и проискамъ противниковъ.

Клерикалы, однако, приняли свои мѣры. Когда Лакретель просилъ собраніе назначить день для обсужденія доклада о петиціяхъ, большинство, предводимое Келлеромъ, отказалось отъ назначенія срока. Петиціи препровождены были въ комиссію, въ которой председательствовалъ монсеньоръ Дюпанлу. Иными словами — петиціи были положены подъ сукно. Между тѣмъ подписываніе продолжалось, и когда въ ноябрѣ сосчитаны были подписи, то вмѣстѣ съ страсбургскими ихъ оказалось 1.267,267.

Ни одна петиція во Франціи не имѣла подобнаго успѣха.

Изъ 847.761 въ пользу обязательности безъ бесплатности подано было 116.105 подписей, за обязательность и бесплатность — 383.391, а въ пользу обязательности, бесплатности и независимости отъ церкви — 348.265.

Реакціонное собраніе не пожелало слушать докладъ, и тѣки съ подписанными листами остались въ квестурѣ. Но они сдѣлали, тѣмъ не менѣе, свое дѣло, возбудивъ и подготовивъ общественное мнѣніе, давъ нравственный толчокъ.

VI.

Петиціонное движеніе не помѣшало парижскому комитету Лиги продолжать дѣло, указанное ею основателемъ. Средства возросли, и изъ отчетовъ видимъ, что съ 1 мая 70 года по 31 декабря 1872 г. сумма прихода, не смотря на неблагоприятныя обстоятельства тяжелаго времени, повысилась до 56.086 франковъ. Изъ нихъ 27 слишкомъ тысячъ предназначены были на покупку книгъ для читаленъ. На пособіе школамъ и преподавателямъ израсходовано было 11.513 фр. Въ этотъ счетъ не входили суммы, полученныя при собираніи подписей. Что касается провинціальныхъ группъ Лиги, то онѣ возстановлялись крайне туго и медленно. Причиною тому была реакція, наступившая послѣ войны. Администрація вообще не была расположена давать разрѣшенія на открытіе новыхъ обществъ и едва терпѣла существующія. Петиціонное движеніе было въ высшей степени полезно Лигѣ: разъясняя въ осязательной формѣ значеніе и полезность ея дѣятельности, оно указывало также и на необходимость группировки людей, горячо относящихся къ дѣлу народнаго просвѣщенія. Около того-же времени извѣстный парижскій фабрикантъ Менье пожертвовалъ 8.600 франковъ съ тѣмъ, чтобы эта сумма распредѣлялась между наиболѣе усердными учителями независимыхъ школъ.

Успѣхъ петиціи навелъ парижскій комитетъ на мысль собрать чрезъ посредство департаментскихъ совѣтовъ и муниципалитетовъ данныя о мнѣніяхъ, которыхъ придерживаются жители данной мѣстности относительно обязательности, бесплатности и независимости

въ дѣлѣ народнаго образованія. Притомъ, обращаясь къ властямъ, можно было избѣжать многихъ неудобствъ, которыми сопровождалось подписываніе петиціи. Въ письмахъ, обращенныхъ къ департаментнымъ совѣтамъ и муниципалитетамъ, указывалось на необходимость преобразованія и улучшенія школы для возрожденія Франціи послѣ несчастной войны и во избѣжаніе новыхъ бѣдствій. Этотъ призывъ не остался безрезультатнымъ.

Воше, которому принадлежала инициатива, собралъ интереснѣйшіе документы, подписанные болѣе чѣмъ 35.000 меровъ, ихъ помощниковъ, департаментскихъ и окружныхъ совѣтниковъ, явившихся т. о. представителями 14 или 15 миллионѣвъ жителей. Въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, секретарю частнаго общества удалось собрать свѣдѣнія болѣе полныя и обстоятельныя, чѣмъ тѣ, которыя доставляются официальными, даже парламентскими слѣдствіями и стоятъ большихъ затратъ, оставаясь часто необработанными и безплодными. Это была грандіозная enquête, которую предполагалось распространить на всю Францію. Но тутъ нагрянуло 24-ое мая. Послѣ низложенія Твера правительственная власть перешла въ руки клерикальной и монархической реакціи, что предвѣщало для Лиги несомнѣнную эру преслѣдованій и придирокъ. Слѣдствие, начатое по инициативѣ сотрудника Маса, прекратилось, но возникло новое полезное дѣло: полковыя библіотеки. Въ 72 году помѣщена была въ одной военной газетѣ: «Bulletin de la réunion des officiers» записка, указывавшая на необходимость основанія въ казармахъ читаленъ. На этотъ разъ обратились уже не къ министру народнаго просвѣщенія, а къ военному министру. Ходатайство увѣчалось успѣхомъ, въ которомъ сомнѣвался самъ неутомимый Воше. Въ одно прекрасное утро сомнѣнія были разсѣяны штабъ-офицеромъ, явившимся просить содѣйствія парижскаго комитета въ дѣлѣ устройства военной библіотеки. Годъ спустя имѣлось уже 70 читаленъ. Посыпались пожертвованія книгами, брошюрами, географическими картами, а также и денежныя. Генералъ Сиссе назначилъ библіотечную комиссію изъ образованныхъ офицеровъ, которые пришли къ полному соглашенію съ секретаремъ Лиги. Военное министерство разослало корпуснымъ командирамъ циркуляръ, извѣщавшій, что Лига народнаго образованія предлагаетъ деньги и книги для устройства военныхъ библіотекъ. Полковники составляли списки книгъ, признанныхъ полезными, Лига покупала и разсылала эти книги.

Въ составъ первыхъ военныхъ библіотекъ вошли французскіе классики, лучшія историческія сочиненія, географія и романы Жюль Верна. Спросъ на книги въ военномъ мірѣ былъ такъ великъ, что Лига не успѣвала удовлетворять ему и открыла подписку на денежныя пожертвованія.

Вслѣдъ затѣмъ стали возникать по почину той-же Лиги и библіотеки въ госпиталяхъ, гдѣ у солдатъ было много досуга въ пе-

ріоды выздоровленія. При военныхъ бібліотекахъ стали заводить и классныя комнаты. Въ обширныхъ, хорошо протопленныхъ и освѣщенныхъ залахъ около сотни солдатъ могли учиться и читать до 10 часовъ вечера.

Помѣщеніе не пустовало, солдаты оцѣнили новое учрежденіе. Пьянство и буйство уменьшились и военному начальству оставалось только благодарить инициаторовъ добраго дѣла. Мало того: солдаты изъ бретонцевъ и вандейцевъ, не знавшіе французскаго языка и говорившіе исключительно на мѣстномъ нарѣчій, выучились по французски...

VII.

Въ то время, когда коалиція монархическихъ партій въ версальскомъ собраніи доставила власть маршалу Макъ Магону и торжество клерикаламъ, положеніе Лиги народнаго образованія сдѣлалось несравненно болѣе затруднительнымъ, чѣмъ то было даже во времена второй имперіи, когда все-же существовалъ отпоръ клерикализму въ самыхъ правительственныхъ сферахъ.

Школьнымъ учителямъ въ провинціи запрещено было что бы то ни было принимать отъ Лиги народнаго образованія. Запрещеніе значилось въ тайномъ циркулярѣ министра народнаго просвѣщенія Батби, разосланномъ префектамъ. Учителя возвращали Лигѣ и деньги и книги. Дождемъ посыпались въ ея парижскій комитетъ письма сельскихъ учителей, просившихъ вычеркнуть ихъ имена изъ списка членовъ.

Гобла, бывшій въ то время депутатомъ, сдѣлалъ по этому поводу запросъ министру внутреннихъ дѣлъ. Ему было отвѣчено, что въ народныхъ бібліотекахъ встрѣчаются книги политическія и противныя нравственности. Опасными признавались, между прочимъ, историческія сочиненія, въ которыхъ говорилось, что до 1789 г. народъ французскій платилъ десятинный налогъ, несъ барщину и не пользовался личною свободою. Указывалось на книгу «La statue de Jean Jacques Rousseau», какъ на опасную для общественнаго порядка, а на самого философа—какъ на человѣка безнравственнаго. Должно полагать, что жизнеописаніе Лудовиковъ XIV и XV не представляло опасности для нравственности, по мнѣнію тогдашняго французскаго правительства.

Лигу обвиняли и въ атеизмѣ. Гобла, возражая на обвиненіи, замѣтилъ, что Руссо никогда не былъ безбожникомъ, и всѣмъ образованнымъ людямъ извѣстенъ его деизмъ.

Формальнаго запрещенія Лиги, однако, не послѣдовало, но поставлены были условія: долженъ былъ представляться отчетъ властямъ объ употребленіи средствъ Общества, каталоги—на просмотръ начальства, и для каждой публичной лекціи обязывались испрашивать разрѣшенія. Съ своей стороны епископъ Анжерскій издалъ пастор-

ское посланіе, въ которомъ запрещалось вѣрующимъ принимать участіе въ Лигѣ, а вскорѣ появилась и папская энциклика, громившая нечестивую Лигу. Упорствующихъ членовъ ея папа разрѣшалъ отлучать отъ церкви. Раскаявшимся отпускали грѣхи. Отлучать отъ церкви, лишать причастія людей, посвящающихъ себя дѣлу народнаго образованія, все это не могло не вызвать улыбки у благоразумныхъ людей. Печать обращала вниманіе общества на клерикальные громы и подробно разбирала курьезы папскихъ посланій, что не могло не усиливать сочувствія къ преслѣдуемому обществу. Въ іюнѣ 1876 г. Лига насчитывала все таки 210 группъ или отдѣловъ, имѣвшихъ въ своемъ распоряженіи полмилліона книгъ. Членовъ было—30,000, народныхъ читателей—400, полковыхъ библиотекъ—175.

VIII.

Наконецъ, республика сдѣлалась законнымъ и общепризнаннымъ правительствомъ. Она провозглашалась конституціей и въ палатѣ депутатовъ имѣлось значительное республиканское большинство. Лига могла надѣяться на прочное существованіе и избавленіе отъ преслѣдованій. Дѣйствительно движеніе въ пользу народнаго образованія расцвѣло съ новою силою и библиотеки стали открываться одна за другой. Около этого времени Массе произнесъ на общемъ собраніи парижской группы прекрасную рѣчь, въ которой, говоря о значеніи Лиги, сказалъ, что это общество не имѣетъ цѣлю распространеніе какого-либо особаго ученія, оно обращается лишь къ человѣческой совѣсти и разуму, желаетъ вносить свѣтъ и бороться съ мракомъ невѣжества. Что касается религіи, то искренно вѣрующіе не могутъ не сочувствовать Лигѣ: та вѣра, которую проповѣдуетъ Евангеліе, не можетъ быть враждебна ея дѣламъ. Врагами ея могутъ быть только извратители религіи, пользующіеся ею для корыстныхъ и постороннихъ цѣлей.

Министромъ народнаго просвѣщенія былъ въ то время Ваддингтонъ, извѣстный умѣренностью своихъ взглядовъ. Онъ предоставилъ Лигѣ право снабжать книгами и учебными пособиями всѣ школы, которыя въ томъ нуждались. Въ 1876 г. Лига имѣла возможность возобновить и свою enquôte, прерванную событіемъ 24-го мая. Но затѣмъ, какъ извѣстно, реакція сдѣлала еще одну попытку вернуть себѣ власть. Эта попытка была вопросомъ жизни и смерти для республики и разрѣшилась 16-го мая. Вся республиканская партія сплотилась и дала дружный отпоръ правительственному заговору. Лига осталась въ сторонѣ отъ политическаго движенія. Ее попробовали преслѣдовать, но обыски въ Парижѣ только подтвердили, что дѣйствительно она занималась исключительно народнымъ образованіемъ. Въ провинціи удобнѣе было разгромить отдѣленія Лиги, но здѣсь встрѣтилось на этотъ разъ противодѣйствіе со стороны

самого населенія: народъ стоялъ за республику и далъ отпоръ реакціонному заговору. Дѣятельность Лиги слишкомъ хорошо была извѣстна населенію, такъ что инсинуаціи и угрозы не возымѣли никакого дѣйствія. Кое гдѣ закрыли бібліотеки, подъ предлогомъ, что онѣ служатъ сборнымъ пунктомъ для избирателей, между тѣмъ какъ въ клерикальных бібліотекахъ воборщикамъ не мѣшали собираться.

Выборы 14-го октября и послѣдовавшее за ними удаленіе Макъ-Магона вернули Франціи спокойствіе. Вмѣстѣ съ нимъ прекратились и преслѣдованія, направленные противъ Лиги. Въ январѣ 77 года созвано было общее собраніе, на которомъ Массе представилъ отчетъ о ея дѣятельности и сказалъ рѣчь, въ которой, упомянувъ о преслѣдованіяхъ, еще разъ подтвердилъ, что «Лига не занимается политикой, но люди 16-го мая не могли простить ей просвѣтительнаго вліянія на народныя массы, т. е. на большинство избирателей, которыхъ она воспитывала и дѣлала способными разумно и сознательно пользоваться своимъ правомъ всеобщей подачи голосовъ».

Теперь, послѣ того, какъ министръ народнаго просвѣщенія Ваддингтонъ официально призналъ принципъ обязательности начального образованія, а его преемникъ Барду потребовалъ и безплатности, можно было надѣяться и для Лиги дальнѣйшихъ успѣховъ и безпрепятственнаго развитія. Массе занялся новымъ дѣломъ—устройствомъ сельскихъ книжныхъ лавокъ, находя, что сельскій житель, выучившись читать, долженъ выучиться и покупать книжку.

IX.

Реформа школьной системы приближалась къ своему осуществленію. Въ теченіи шести лѣтъ своей неунынной и неуклонной дѣятельности, Лига подготовила почву, расчистила для преобразованія французской школы и установленія ея на раціональныхъ началахъ. Скоро палата депутатовъ приметъ подъ свое покровительство великую реформу. Между тѣмъ финансовая сторона Лиги, постоянно улучшаясь, достигла до 174,852 франковъ ежегоднаго бюджета. Лига открыла подписку съ цѣлью доставленія учебныхъ пособій сельскимъ школамъ.

Пресловутый авторъ нелѣпаго письма, надѣлавшаго столько шума въ свое время, преподаватель исторіи Никола, снова обратился съ посланіемъ такого-же содержанія къ секретарю Лиги, Вошэ, но на этотъ разъ имѣлъ скромность не подписать его. Повидимому этотъ ворчливый господинъ стоялъ во главѣ реакціонной партіи въ одномъ изъ провинціальныхъ городовъ. Въ новомъ письмѣ говорилось о «гнусныхъ», «грязныхъ» именахъ: Гамбетты, Аллена Таржэ, Спюллера, Шальмеля Лакура и Тирара.

«Что касается васъ, м. г., я васъ не знаю, но, предположивъ, что вы честный человекъ, проникнутый лучшими наміреніями, я

скажу вамъ: подумали-ли вы серьезно, ставя свое имя во главѣ списка этихъ негодяевъ. Сомнѣваясь въ вашей разсудительности, нахожу, что вы не заслуживаете того, чтобы я обнаружилъ свое имя». Подписано: «французъ».

Подписка дала 7,718 фр. Несравненно болѣе собрано было послѣ того, какъ Лига завела свои постоянныя кружки для сбора пожертвованій въ пользу независимыхъ школъ. Клерикалы не переставали громить въ своихъ газетахъ школы новаго типа и борьба достигла своего апогея въ 1879 году. Министръ народнаго просвѣщенія Жюль Ферри только что внесъ знаменитый проектъ, заключавшій превусловутую 7-ю статью, въ силу которой запрещалось преподаваніе членамъ не признанныхъ правительствомъ духовныхъ обществъ. Клерикалы, по примѣру Лиги, предприняли петиціонную кампанію. Заставляли подписывать женщинъ и дѣтей. Газеты просвѣтили публику по части искренности этихъ подписей. Но, несмотря на старанія клерикаловъ, результаты получились крайне скудные. Франція отворачивалась отъ нихъ. Законопроектъ былъ принятъ. Горячо привѣтствовали его Маса и его сотрудники.

Новая школьная система потребовала новыхъ людей, и чѣмъ была-бы пресловутая новая школа, если-бы въ теченіи долгихъ лѣтъ не подготавливала ихъ дѣятельность Маса и тѣхъ, кто вмѣстѣ съ нимъ боролся противъ рутины, писалъ педагогическія книги, просвѣщалъ деревню и городъ и приучилъ Францію горячо относиться къ народному образованію и завоевывать для народа школу, въ которой учили-бы свѣту, а не тьмѣ?

Х.

Послѣ побѣды, одержанной республиканскою партіей, Маса продолжалъ свои экскурсіи по всей Франціи, уже не опасаясь преслѣдованій. Теперь и школа и читальня и публичная лекція могли открыто называться республиканскими, но борьбу съ клерикалами все-таки приходилось, да приходится вести и по нынѣ. Только условія этой борьбы стали болѣе благоприятными.

Вѣковое владычество темныхъ силъ не стирается однимъ почеркомъ пера, и дѣла оставалось еще не мало. Лига продолжала опираться исключительно на свободу совѣсти. Она требовала, чтобы каждому человѣческому уму давалась возможность развитія, возможность самостоятельно взвѣшивать и оцѣнивать. Строго уважая независимость своихъ членовъ, Лига не отворачивалась отъ людей самыхъ разнообразныхъ воззрѣній, но сама не ставила себѣ задачей пропаганду какой-либо философской или религіозной доктрины.

Собственно говоря, до сихъ поръ Лига не представляла правильно сплотившагося стройнаго цѣлаго. Многочисленные общества, воодушевленные одинаковыми стремленіями, работающія въ одинаковомъ направленіи, возникали самостоятельно во всѣхъ концахъ Франціи,

но внѣ этой общности стремленій между ними не существовало никакой особой связи. При отсутствіи свободы ассоціацій такое положеніе группъ Лиги, такое отсутствіе центральной власти составляло для Лиги не слабость, а силу, какъ на то указывалъ Массе съ самаго начала ея существованія. Но съ приобретеніемъ большей свободы союзовъ члены Лиги и самъ Массе нашли полезнымъ дать ей правильную организацію и усилить ея центръ, не для властвованія надъ остальными отдѣлами, а для доставленія возможности болѣе активному и богатому центру, т. е. парижскому отдѣлу, приносить возможно большую пользу. Наконецъ, и борьба съ противниками, ставъ въ болѣе благоприятныя для республиканцевъ условія, тѣмъ не менѣе не прекращалась и для ея веденія правильная организація, которой избѣгали вначалѣ и вслѣдствіе внѣшнихъ причинъ и отчасти во избѣжаніе преобладанія формы надъ содержаніемъ, теперь становилась полезной и желательной, такъ какъ уже не стало опасности, такъ сказать, задушить содержаніе формой. Содержаніе разрослось такъ, что было что объединять.

Массе основалъ множество новыхъ обществъ, публичныя лекціи его нерѣдко принимали политическій характеръ, т. напр. онъ энергично протестовалъ противъ перепзбранія графа де Мона, извѣстнаго поборника католическихъ школъ, пользовавшагося сильною поддержкою духовенства. Неустомимость, съ которою Массе читалъ свои популярныя лекціи во всѣхъ концахъ Франціи, можно, по справедливости, назвать чисто американскою. Одно перечисленіе мѣстностей, гдѣ онъ читалъ, составило-бы длиннѣйшій списокъ.

Въ 1881 году Лига окончательно организовалась. Установлены были опредѣленныя отношенія между группами и періодическіе сѣзды. Парижскій комитетъ, бывшій въ теченіи десяти лѣтъ фактическимъ центромъ движенія, сдѣлался его формальнымъ, законнымъ центромъ. Отчеты парижскаго кружка превратились въ общіе «Отчеты французской Лиги народнаго образованія».

Все это было рѣшено конгрессомъ, засѣдавшимъ четыре дня. На немъ обсуждались вопросы: объ употребленіи новаго двадцатитысячнаго пожертвованія, о сельскихъ книжныхъ лавкахъ, книгоношахъ, сельскихъ музеяхъ, публичныхъ лекторахъ, обществахъ для содѣйствія народному образованію, популярныхъ лекціяхъ, мѣстныхъ сѣздахъ и проч. Доходы парижской группы въ это время равнялись уже 60,000 франковъ. Какъ особенно полезную мѣру, принятую конгрессомъ, слѣдуетъ отмѣтить организацію цѣлаго отряда лекторовъ, которые должны были читать общедоступныя лекціи по разнымъ предметамъ и по всей Франціи. Имъ полагалось вознагражденіе изъ средствъ Лиги. Конгрессъ завершился торжественнымъ засѣданіемъ въ зданіи Трокадеро подъ предсѣдательствомъ Гамбетты. Два мѣсяца спустя делегаты отъ 112 обществъ, входившихъ въ составъ Лиги, избрали совѣтъ изъ 30 членовъ, въ томъ числѣ и нѣсколькихъ женщинъ.

Со времени своего окончательнаго утвержденія Лига не переставала развиваться. Въ 1883 году число обществъ дошло до 598. Періодъ борьбы миновалъ и Лига не подвергается никакимъ преслѣдованіямъ. Правительство французской республики цѣнитъ и признаетъ важныя услуги, оказанныя ею дѣлу народнаго просвѣщенія. Оно не только не противится ея предпріятіямъ, но напротивъ поощряетъ ея дѣятельность и даже беретъ съ нея примѣръ. Министерство народнаго просвѣщенія принимаетъ къ свѣдѣнію и слѣдуетъ плану и идеямъ Маса и его сотрудниковъ, оказывая имъ поддержку своимъ авторитетомъ. Оно и понятно, такъ какъ новая французская школа ведетъ свое начало отъ закона Ферри, то есть того самого закона, путь для котораго былъ подготовленъ дѣятельностью Лиги народнаго образованія, основанной Жаномъ Маса. Не мало содѣйствовала Лига и утвержденію самой французской республики. Не выѣшиваясь въ политику, члены Лиги воспитывали людей и давали имъ возможность правильно оцѣнивать значеніе республиканской формы правленія для Франціи. «Мы занимаемся не выборами, а избирателемъ», говорилъ Маса, «мы приучали къ мысленію тѣхъ, кто не умѣлъ мыслить, приучали къ дѣйствию тѣхъ, кто не дѣйствовалъ. Мы воспитывали людей и гражданъ... Кто бы ни нападалъ на насъ — Франція всегда отдастъ намъ справедливость».

Въ восьмидесятихъ годахъ Маса былъ избранъ въ сенатъ. По всей вѣроятности онъ принялъ это званіе исключительно въ интересахъ Лиги и вообще народнаго образованія. Честолюбіе было ему чуждо. Избранъ онъ былъ за заслуги по распространенію просвѣщенія во Франціи. Маса былъ педагогомъ по призванію, педагогомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, чуждымъ рутинѣ, даровитымъ и необыкновенно искреннимъ и добродушнымъ, что не мѣшало ему ненавидѣть зло и невѣжество всѣми силами души и находить порою горячую и страстную форму для выраженія этой ненависти какъ въ рѣчахъ, произносимыхъ на собраніяхъ, такъ и въ многочисленныхъ статьяхъ и брошюрахъ. До конца жизни прожилъ онъ, по переселеніи изъ Эльзаса, въ томъ самомъ пансіонѣ, преподаваніемъ въ которомъ началъ свою педагогическую дѣятельность. Зимой онъ давалъ уроки въ пансіонѣ, во время каникулъ разъѣзжалъ по всей Франціи и читалъ лекціи, работалъ на пользу Лиги. Пансіонъ помѣщался въ Монтъ, въ здоровой мѣстности Энского департамента, и пріютился въ очень оригинальномъ помѣщеніи — старинномъ замкѣ временъ Франциска I-го съ толстыми стѣнами, башнями и громадными старинными каминами. Построенъ этотъ замокъ на склонѣ холма, внизу стелется деревня, а далѣе развертывается предѣстный ландшафтъ. Позади замка — старинный, тѣнистый паркъ. Маса былъ страстнымъ лѣсоводомъ и около парка подрастаетъ насаженный имъ еловый лѣсокъ. Елочки были вывезены изъ родного Эльзаса. Тутъ-же рядомъ возвышается тополь,

обсаженный розовыми кустами— его посадили въ тотъ день, когда въ замѣ получено было извѣстіе о вотированіи конституціи, которою утверждалась французская республика.

Во главѣ пансіона стоитъ почтенная женщина, которая въ теченіи сорока лѣтъ была сотрудницею Жана Маса. Въ Монтье написано имъ множество статей, брошюръ и педагогическихъ сочиненій, въ томъ числѣ превосходныя руководства по исторіи и географіи: «Une carte de France pour les enfants», «La France avant les Francs» и друг.

Однимъ изъ послѣднихъ крупныхъ дѣлъ Маса было основаніе въ 1889 г. «Международной Лиги народнаго образованія», которую онъ называлъ «международнымъ крестовымъ походомъ противъ народнаго невѣжества». Эта Лига была основана на съѣздѣ 1889 г., имѣвшемъ предметомъ частный починъ въ дѣлѣ народнаго образованія. Съ глубокимъ и искреннимъ сочувствіемъ относился Масъ къ частному почину и въ дѣлѣ русскаго народнаго просвѣщенія и радостно привѣтствовалъ русскую народную литературу, основаніе у насъ народныхъ школъ, библіотекъ и курсовъ для взрослыхъ.

Незадолго до своей смерти онъ выработалъ программу общества взаимопомощи и покровительства малолѣтнимъ рабочимъ. Это была его лебединая пѣснь. Полезнымъ дѣломъ завершилъ онъ свою высоко-полезную жизнь, неизмѣннымъ девизомъ которой были слова Лейбница: «тотъ, кто держитъ въ рукахъ образованіе, можетъ измѣнить лицо земли».

Е. Бартенева.

НАША КЛЯЧА.

Маріи Конопницкой.

Переводъ съ польскаго.

Началось дѣло со старой кровати, на которой мы втроемъ спали.

Отецъ вернулся съ рѣки злой и, усѣвшись на лавку, подперъ рукой голову. Мать раза три должна была спросить, что съ нимъ, пока онъ отвѣтилъ, что работа съ камнемъ кончилась, и теперь кляча будетъ вонять только пескомъ. Фэлекъ сейчасъ меня пихнулъ въ бокъ, а мать тихо застонала.

Собирался отецъ пойти къ вечеру за докторомъ, да не могъ рѣшиться никакъ. Ходилъ, думалъ, по угламъ глядѣлъ, наконецъ, остановился передъ матерью и сказалъ:

— Къ чему мальчуганамъ кровать, Анулька? Сплю я на землѣ, такъ и они могутъ.

Мы переглянулись. Двѣ золотыя искорки сверкнули въ глазахъ Фэлька. Правда! Къ чему намъ кровать? За Петрусемъ только глядѣть приходится, чтобы не свалился съ нея.

— Тащи! Поѣхала!—крикнулъ Фэлекъ, и не успѣла мать отвѣтить, какъ мы уже стащили втроемъ сѣнникъ на полъ, а Фэлекъ сталъ на немъ кувыраться.

Но, когда мы стащили сѣнникъ, оказалось, что у кровати не хватаетъ двухъ досокъ, а одинъ бокъ и совсѣмъ отваливается. Поэтому старьевщикъ, котораго мнѣ отецъ приказалъ позвать, и разговаривать не сталъ о кровати, сгребъ отсчитанные мѣдяки въ кисетъ, завязалъ и сунулъ за пазуху. Уступилъ отецъ десятку *), потомъ двѣ, потомъ цѣлый злотый **), но жидъ стоялъ на своемъ. Наконецъ, просувувъ изъ сѣней въ комнату свою бороденку, онъ согласился дать полтинникъ безъ семи грошей, если отецъ продастъ ему и подушку.

Отецъ не рѣшался, взглянулъ на насъ, посмотрѣлъ на мать; всего на-всего выходило одиннадцать злотыхъ.

*) Десятка—десять грошей (пять копѣекъ).

**) Злотый—пятнадцать копѣекъ.

— Ну, какъ, мальчуганы?—спросилъ онъ наконецъ—обойдетесь, что ли, на время безъ подушки, пока мать больна?

— Сколько угодно!—гаркнулъ Фэлекъ глухимъ голосомъ,—онъ въ эту самую минуту стоялъ на головѣ и, не перемѣняя положенія, швырнулъ подушку на средину комнаты. Петрусь схватилъ ее и бросилъ въ Фэльку, Фэлекъ въ меня, такъ что старьевщику пришлось отнять ее у насъ, а то мы бы ее растерзали.

— Только безъ наволочки!—проговорила слабымъ голосомъ мать.

Сию же минуту мы вырвали изъ подъ мышки у старьевщика подушку и стали стаскивать съ нея наволочку.

Стащить то мы ее стащили, но одинъ уголъ подушки оказался распоротымъ и изъ него сыпались перья. Снова старьевщикъ не захотѣлъ дать одиннадцати золотыхъ, а давалъ только девять безъ одиннадцати грошей.

Торговался-торговался, наконецъ, сошелся съ отцомъ на цѣлыхъ двухъ рубляхъ, но съ условіемъ прибавить ему еще наше одѣяло.

Отецъ взглянулъ на мать. Она была такъ слаба и блѣдна, что казалась мертвой, лежа на спинѣ, съ глубоко впавшими глазами.—Ануйка?..—прошепталъ отецъ вопросительно. Но мать заметалась, кашляя, и потому не могла отвѣтить.

— Да мы, папка, не хотимъ одѣяла!—крикнулъ Фэлекъ.—Намъ изъ за этого одѣяла только каждую ночь драться приходится. Вотъ, и Вицекъ скажетъ?..

— Правда, папа,—подтвердилъ я.—Каждую ночь приходится драться, потому что сползаешь...

Старьевщикъ сложилъ уже одѣяло и забралъ его тоже подъ мышку. Мы, торжествуя, выбѣжали за нимъ во дворъ.

— Знаете?—крикнулъ Фэлекъ мальчикамъ, игравшимъ тамъ въ лапту,—старьевщикъ купилъ нашу кровать, одѣяло, подушку! Мы будемъ теперь на полу на сѣнникѣ спать!..

— Велика важность!—замѣтилъ блѣдный Юзекъ, жившій у портного въ лѣвомъ флигелѣ.—Я уже два года у мастера на полу сплю и вовсе безъ сѣнника.

Такой прыти мы отъ него не ожидали. Спать такимъ манеромъ было придумано, значить, не нами.

Въ тотъ же день у насъ былъ докторъ, а я два раза бѣгалъ въ аптеку, потому что матери снова стало хуже; но лишь только насталъ вечеръ, мы еле могли доѣсть картошку, такъ торопились на сѣнникъ, который мы себѣ соорудили въ углу за печкой. Фэлекъ,—тотъ еще съ хлѣбомъ въ рукахъ сталъ на колѣни помолиться и мигомъ отчиталъ «Отче нашъ» и «Радуйся»; я только до половины дошелъ, какъ

онъ ужъ колотилъ себя въ грудь *) такъ здорово, что все задрожало у насъ въ комнатѣ и, скинувъ съ себя одну только блузу, сейчасъ же залегъ у печки. Правда, и я не прочь былъ погрѣться у печки, да не стоило ужъ задѣвать его, треснулъ я только его по уху и легъ у стѣнки, а Петруся мы промежъ себя уложили. Сначала мнѣ все казалось, что голова куда-то назадъ съ плечъ скатывается, по привычкѣ къ подушкѣ, должно быть, а потомъ положилъ я ее себѣ на локоть и вышло чудесно.

— Чѣмъ же мнѣ васъ, ребятишки, накрыть?—сказалъ отецъ, глядя, какъ мы жались другъ къ другѣ.

Осмотрѣлъ онъ комнату, снялъ съ гвоздя свое синее пальто и бросилъ его намъ.

Мы закричали отъ радости и сейчасъ засовали руки въ рукава. Одинъ Петрусь пицалъ, не умѣя попасть въ нихъ, да мы его съ головой покрыли, онъ и замолчалъ. Отецъ, прежде чѣмъ лечь, еще разъ подошелъ къ намъ.

— Ну, что? Тепло вамъ, пострѣлята?—спросилъ онъ.

— Мнѣ тепло!—отвѣтилъ я изъ подъ пальто.

— А мнѣ то какъ!—крикнулъ Фелекъ.—Мнѣ, папка, такъ даже жарко. И онъ высунулъ свои длинные худыя ноги, чтобы показать, что ему покрывало нипочемъ.

Дѣйствительно, пріятная теплота распространялась на насъ отъ печки, потому что отецъ передъ вечеромъ принесъ коксу, развелъ огонь и заварилъ матери чай. Сейчасъ мы и заснули. Но подъ утро сдѣлалось вдругъ очень холодно. Я потянулъ пальто въ свою сторону. Фелекъ сначала съежился во снѣ, а потомъ и самъ сталъ тянуть пальто къ себѣ; а такъ какъ я не пускалъ, потому что вѣдь ему было теплѣе около печки, чѣмъ мнѣ, такъ онъ старался поглубже залѣзть подъ пальто.

Подлѣзая, онъ вѣрно придавилъ какъ-нибудь Петруся, потому что малышъ вдругъ сталъ пицать, а потомъ и совсѣмъ разревѣлся. Мать тихо заохала.

— Филиппъ, а Филиппъ!—сказала она слабымъ голосомъ—загляни-ка къ мальчишкамъ, а то Петрусь чего-то плачетъ...

Но отецъ спалъ.

— Ребята!—проговорила опять мать—чего это Петрусь плачетъ?

— Это его Фелекъ, мама!—отвѣтилъ я.

— Неправда, мама, вретъ онъ, это Вицѣкъ!—быстро подхватилъ онъ заспаннымъ голосомъ.

Мать еще тяжелѣе вздохнула и, такъ какъ малышъ не переставалъ плакать, слѣзла съ кровати, взяла Петруся на

---

*) Католики въ концѣ молитвы ударяютъ себя нѣсколько разъ кулакомъ въ грудь.

руки и снесла его на свою постель. Намъ стало свободнѣе; сейчасъ же Фалекъ толкнулъ меня въ бокъ, я далъ ему сдачи и, отвернувшись другъ отъ друга, мы отлично проспали до самаго утра.

Дня черезъ два послѣ этого опять явился старьевщикъ. Никто его не звалъ, пришелъ такъ, изъ вѣжливости, какъ онъ говорилъ, узнать, какъ здоровье матери. Началъ ходить по комнатѣ, осматривать шкафъ, табуретки. Но отецъ былъ не въ духѣ и не сталъ съ нимъ много разговаривать.

Онъ пришелъ опять на слѣдующій день. Въ этотъ день мы пообедали одной картошкой съ солью, потому что все вышло; хлѣба тоже не осталось, и Петрусь ушелъ въ школу натошакъ. Мнѣ отецъ велѣлъ приготовить мѣшокъ подъ уголья... Двинулъ меня Фалекъ въ бокъ: тепло, молъ, будетъ у насъ сегодня, а то вѣтеръ страхъ какъ свисталъ по комнатѣ; съ радости мы расхохотались, я уже нѣсколько времени стоялъ съ мѣшкомъ, но отецъ, видно, позабылъ про уголья; усѣлся себѣ на материнной кровати, задумался и пощипываетъ усы. Я кашлянулъ,—онъ даже не взглянулъ въ мою сторону; я кашлянулъ другой разъ,—посмотрѣлъ, точно не видя меня; а тутъ какъ разъ старьевщикъ пожаловалъ къ намъ и сталъ покупать шкафъ.

Переступая съ ноги на ногу, я подождалъ еще, но ужасно торопился, потому что вода у водокачки замерзла, и Фалекъ поскакалъ кататься; поэтому я рискнулъ и кашлянулъ въ третій разъ. Отецъ повернулся, да какъ треснетъ кулакомъ объ столъ! Я въ сѣни, чуть не споткнулся о порогъ, а старьевщикъ тоже вышелъ вскорѣ и сталъ кивать пальцемъ еврею съ противоположной стороны. Отецъ между тѣмъ позвалъ меня, хотя у него еще отчего то дрожали руки, отсчиталъ шестнадцать грошей и велѣлъ бѣжать за угольями.

Когда я вернулся, старьевщикъ и еврей съ противоположной стороны выносили шкафъ. Отецъ сталъ у дверей, чтобы не нашло много холоду, а мать отвернула голову къ стѣнѣ и по привычкѣ тихо стонала. Отсутствие шкафа въ углу, гдѣ онъ стоялъ все время, сколько могу запомнить, дало намъ новое дѣло; мы кинулись къ набравшемуся тамъ сору, и начались поиски. Фалекъ нашелъ жестяную пуговицу, которую сейчасъ же пришилъ себѣ къ рукаву, а я щепкой досталъ изъ щели большую, заржавѣвшую иглу и божью коровку съ подогнутыми ножками и отломаннымъ крылышкомъ. Мы стали двигать ее, но она была мертва.

При каждой находкѣ, мы радостно вскрикивали, и отецъ еле могъ насъ дозваться ѣсть кашу, которую онъ сварилъ намъ на обѣдъ и которой только мать не захотѣла попробовать. Наконецъ, мы перетрясли все и, убѣдившись, что ужъ

больше никакихъ сокровищъ въ углу нѣтъ, вывели остальной соръ въ сѣни.

Тутъ только я замѣтилъ, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ шкафъ, часть стѣны казалась бѣлѣе остальной комнаты, и подѣлился этой новостью съ Фэлькомъ, а такъ какъ и мать печально глядѣла туда же, то отецъ всталъ, разыскалъ въ ящикѣ два гвоздя и, вколотивъ ихъ въ этотъ уголъ, повѣсилъ на нихъ материно коричневое праздничное платье и другое, будничное, старательно покрылъ ихъ платкомъ и заложилъ съ боковъ края. Это вышло очень красиво, а Фэлেকъ съ Петрусемъ сейчасъ стали тамъ играть въ прятки.

Матери въ это время стало что то хуже; докторъ велѣлъ ей ѣсть хорошій бульонъ и свѣжее мясо, и хоть плакала она изъ-за такой траты денегъ и, какъ могла, отговаривала отца, всетаки въ продолженіи цѣлой недѣли я ежедневно бѣгалъ къ мяснику и покупалъ иногда цѣлыхъ полфунта.

А старьевщикъ такъ тотъ ужъ такъ къ намъ привыкъ, что звали ли мы, или не звали, онъ всякій день хотъ черезъ дверь заглядывалъ. Ужъ даже Гультай, собака дворника, не лаяла на него. Послѣ шкафа старьевщикъ купилъ у насъ четыре крашенные подъ орѣхъ стула, на которыхъ мы сидились обѣдать. Съ этими стульями вышла настоящая потѣха, потому что старьевщикъ не могъ взять больше двухъ, а другіе два мы несли вплоть до Ординацкаго.

Со стульями на головахъ мы шагали посерединѣ улицы, а Фэлекъ такъ оралъ «дорогу, дорогу!» что даже извозчики останавливались. Старьевщика мы далеко оставили позади себя, хотя онъ и гнался за нами, крича: разбойники, шварцъ-юры и т. под. жидовскія выдумки. А въ концѣ, на Ординацкомъ, мы давай барабанить по стульямъ. Сбѣжался народъ, думали, что акробаты пріѣхали; тутъ ужъ старьевщикъ догналъ насъ, схватился за бороду, увидавъ такое сборище народу вокругъ стульевъ, и далъ намъ скорѣе три гроша, только бы мы уходили.

Такъ намъ по вкусу пришлось это путешествіе, что мы только и спрашивали, что надо выносить.

Въ особенности Фэлекъ все новое придумывалъ. Какъ только вернется изъ школы, сейчасъ заложить руки назадъ, ходить по комнатѣ и поугламъ, какъ оцѣнщикъ, высматривающъ.

— А, можетъ быть, папка, котелокъ? А можетъ корыто или часы?

— Убирайся!—разсердился на него отецъ, который теперь почти постоянно сердился и грустилъ.

— Фэлекъ, что ты это болтаешь глупости?—проговорила слабымъ голосомъ мать.—Ты бы, пожалуй, скоро и душу въ тѣлѣ продалъ?

Мы съ Петрусемъ тоже сильно возмутились.

— Ну, вотъ!.. Котелокъ!.. Еще чего!.. А въ чемъ же варить кашу или картошку?

— Или часы!..—прибавилъ возмущенный Петрусь. — А какъ же ты узнаешь, когда тебѣ захочется ѣсть или спать?..

— Сколько, братъ, угодно!.. воскликнулъ Фэлекъ, — что другое, пожалуй, только не это! Да и тебѣ вѣдь показываютъ ли часы, или не показываютъ, все только бы ѣлъ.

— А самъ ты для лавочницы за булками бѣгаешь, чтобы сухарь получить.

— Вовсе не бѣгаю!—отвѣтилъ, покраснѣвъ, Фэлекъ.

— Бѣгаешь!

— Не бѣгаю!

— Нѣтъ, бѣгаешь! Я самъ видѣлъ, какъ ты сухарь ѣлъ...

— Я? сухарь? Ну, ей Богу же, не ѣлъ!—Тутъ онъ ударилъ кулакомъ въ свою грудь, такъ что даже эхо отдалось.

— Ну, такъ дохни!..

Фэлекъ подошелъ и такъ дохнулъ, что даже паръ пошелъ.

Побѣда осталась на его сторонѣ. Ничто не указывало, что онъ ѣлъ сухарь, изъ глубины впалаго живота несло лишь страшной пустотой...

Не смотря на протесты, Фэлекъ всетаки не унимался. Однажды, расхаживая по комнатѣ и поглядывая по стѣнамъ, онъ вдругъ воскликнулъ:

— А кострюля-то, папа! А ступка! А утюгъ!

Мы такъ и обмерли. Кострюля, утюгъ и ступка были нашими семейными драгоценностями. Поставленные на полкѣ прямо противъ двери, они ослѣпительно блестяли, какъ золото. Средину полки занимала кострюля. Насколько могу запомнить, я никогда не видалъ, чтобы въ этой кострюлѣ варили. Это было бы прямо святотатствомъ! Но всетаки мать всякую субботу бережно чистила ее тертымъ кирпичемъ или золой, поэтому она и блестяла такъ весело, стоя на полкѣ съ обращенной къ комнатѣ ручкой и сверкая прямо въ глаза при входѣ. Рядомъ съ нею съ одной стороны стояла ступка съ пестикомъ, съ другой утюгъ. Ступка была мнѣ ровесницей. Ее купилъ отецъ въ тотъ день, когда я родился, чтобы порадовать мать и поблагодарить ее за сына.

И никого изъ моихъ сверстниковъ съ нашего двора, даже со всей нашей улицы, я такъ не уважалъ, какъ эту ступку. Мать снимала ее только разъ въ годъ въ страстную пятницу, чтобы истолочь въ ней корицу для пасхальнаго «пляцка», и тогда обыкновенно повторялся рассказъ, въ которомъ героями были я и ступка. Собственно говоря, разница была только та, что меня принесъ аистъ даромъ, а за ступку пришлось отдать деньги. Ничего, слѣдовательно, нѣтъ удивительнаго, что

существованіе ея я считалъ важнѣе моего, тѣмъ болѣе, что я видѣлъ уваженіе, которымъ она все время пользовалась... Ну а со мной-то всяко бывало, и тогда, и потомъ...

Утюгъ тоже очень рѣдко спускался съ высоты полки до нашей обыденной жизни. Мать гладила имъ только праздничныя манишки отца да свои тюлевые чепцы; остальное бѣлѣ шло подъ катокъ. Однажды мать даже поругалась изъ-за этого утюга съ дворничихой, захотѣвшей взять его у насъ на время.

— Сударыня!—сказала ей мать весьма рѣшительно.—Такая вещь не одоляется, не отдается въ чужія руки!.. Это денегъ стоитъ!.. Этимъ обзаводятся разъ на всю жизнь!..

Мы всѣ помнили, какъ дворничиха съ трескомъ захлопнула дверь и въ сѣняхъ дала волю своей глоткѣ, и какъ у матери отъ гнѣва и возмущенія дрожали руки, когда она черезъ нѣсколько минутъ рѣзала намъ хлѣбъ къ завтраку. Съ этого времени утюгъ сильно поднялся въ моемъ мнѣніи. Я и его мысленно причислилъ къ тѣмъ вещамъ, которыя совершаются тоже разъ въ жизни, какъ, напримѣръ, крещеніе, или покупка сянйго пальто, которое, по словамъ отца, тоже бываетъ одно на всю жизнь. А теперь вдругъ, извольте видѣть, Фэлекъ такъ разсуждалъ объ утюгѣ, какъ о какой-нибудь старой ложкѣ или метлѣ. Я взглянулъ на отца, въ полной увѣренности, что уши Фэлька пострададутъ за это. Но отецъ устоялся въ полъ и теребилъ усы. Хорошо еще, что мать спала въ это время.

Въ тотъ день я не бѣгалъ за мясомъ для матери. Только костей отецъ велѣлъ мнѣ купить на троякъ *) и сварилъ изъ нихъ похлебку.

На слѣдующій день онъ пришелъ, прозябнувъ, но весело потирая руки, и крикнулъ еще у порога:

— Радуйся, Анулька! Висла, того и гляди, тронется, потому что вѣтеръ подулъ съ запада.

Но мать, взглянувъ на отца, всплеснула руками и даже сѣла на постели.

— Филиппъ!—воскликнула она—а тулупъ гдѣ?

Теперь только я замѣтилъ, что отецъ вернулся безъ тулупа.

Но некогда было долго разсуждать и глядѣть, такъ какъ отецъ схватилъ за руки Петруся и быстро сталъ кружиться съ нимъ. Потомъ громко расхохотался, отпустилъ Петруся и, присѣвъ на матерную кровать, смѣялся такъ, что даже слезы потекли по его почернѣвшимъ щекамъ. Но скоро онъ вытеръ ихъ рукавомъ своего пиджака.

— Ну, что, Анулька? Какъ ты нынче?...—спросилъ онъ.

Мать, откинувшись на подушки, молчала.

*) Троякъ—три гроша (1½ коп.).

— Филиппъ! — шепнула она, наконецъ, укоризненно. — Что это ты?.. Тулупъ продалъ?..

— Тулупъ! Тулупъ! — повторилъ отецъ. — Ну и что же тулупъ?.. Велика важность тулупъ! Довольно я его потаскалъ на своемъ вѣку! А и тяжелъ же былъ, подлецъ, какъ совѣсть у мельника... Даже легче стало, какъ я скинулъ его съ себя!

А когда мать тихо застонала, онъ погладилъ ее рукой по волосамъ и прибавилъ:

— Ты точно кривая береза, Анулька — изъ за-всякаго пустяка стонешь... Былъ тулупъ, нѣтъ его, ну, велика ли важность?... Что-же? Накормить меня развѣ тулупъ, или заплатить за квартиру? Весна на носу, того и гляди ледъ тронется, а я буду въ тулупѣ щеголять... Да вѣдь скоро и въ пиджакѣ жарко будетъ, какъ работа подойдетъ...

Въ тотъ день опять у насъ былъ господинъ докторъ, и я опять бѣгалъ въ аптеку.

— Холодно здѣсь какъ-то — говорилъ, уходя, господинъ докторъ, — и сырость чувствуется. Надо бы получше топить... Онъ вздрогнулъ, закутываясь въ шубу. Отецъ выслушалъ, поникнувъ головой.

Весь этотъ день, впрочемъ, отецъ былъ очень веселъ; но видно еще что то у него на сердцѣ лежало, потому что, какъ только мать не глядѣла на него, лицо его измѣнялось, голова опускалась, а глаза изъ сѣрыхъ дѣлались почти черными, такое видѣлось въ нихъ горе.

Подъ вечеръ мы купили цѣлыхъ полъ пуда угля, и у насъ былъ такой огонь, что даже трещало въ печкѣ. Отецъ придвинулъ скамейку къ нашему сѣннику и сѣлъ на нее, мать тоже повернулась, чтобы поглядѣть на огонь, и мы всѣ согрѣлись превосходно!

Прошло опять недѣли двѣ. У отца работа случалась не часто, хоть, положимъ, и дома ея было не мало; то бѣлье выстирать, то обѣдъ сварить; правда, не всегда онъ варился, но всетаки не то, такъ другое бывало, а насъ такъ развѣ только послать куда-нибудь... Матери тоже было ни хуже, ни лучше; исхудала она только сильно и лицомъ побѣдѣла, какъ бумага, тоже и кашель сильный находилъ на нее все чаще, въ особенности на разсвѣтѣ.

Иногда въ комнату заглядывали сосѣдки и удивлялись, что мать такъ похудѣла.

— Ужъ хоть-бы Богъ порѣшилъ въ ту или въ другую сторону! — говорила отцу жена слесаря.

— Тыфу — плюнулъ отецъ. — Что это вы, какія вещи говорите? Что-жъ, надоѣла она мнѣ, что-ли? Неужели мы подъ вѣнецъ шли и присягали жить вмѣстѣ только въ здоровое

время, а въ болѣзни покинуть другъ друга? Развѣ она не у меня, не съ моими ребятами здоровье потеряла?..

На томъ разговоръ и кончился.

Морозы все держались. Хоть вѣтеръ подулъ и съ запада, но въ комнатѣ стоялъ такой холодище, что валилъ паръ. Съ вечера немножко нагрѣется, а къ утру опять такъ замететь снѣгомъ наше оконце, что свѣту не видно. Петрусь и въ школу пересталъ ходить, все за печкой, либо у ногъ матери сидѣлъ; такой нѣженка! А мы съ Фэлькомъ, чтобы согрѣться, снѣжки катали, да кидали ими другъ въ дружку.

Какъ то разъ печку не топили. Отецъ прикрылъ мать платкомъ, а меня послалъ къ сосѣдкѣ попросить кусочекъ сахара для матери. Но у сосѣдки тоже не было. Открылъ отецъ свой сундучокъ поискать, не завалилась ли гдѣ какая нибудь кроха, потому что мать такъ кашляла, будто у нея что то въ груди разрывалось. Сейчасъ мы обступили отца всѣ трое, потому что въ сундукѣ лежали разные вещи, которыя намъ рѣдко приходилось видѣть. Были тамъ въ одной коробкѣ бритвы отцовскія, въ другой коралловыя бусы матери, былъ черный шелковый платокъ, которымъ отецъ обвязывалъ шею въ большіе праздники, было материно пальто съ красной подкладкой, столовая скатерть съ цвѣтами, покрывало для кровати изъ зеленой матеріи.

Но на этотъ разъ мы обманулись: въ сундукѣ было пусто.

Только въ углу, завернутая въ красный платокъ, лежала гармонія отца, оставшаяся отъ его холостой жизни. Отецъ тронуть ее нѣсколько разъ, какъ бы боясь взять ее и сдвинуть съ мѣста. Она издала звукъ и умолкла. Но Фэлекъ ужъ запустилъ лапу въ сундукъ.

— А гармонь, папа!—закричалъ онъ, поднимая красный свертокъ.—А гармонь то вѣдь можно?

— Фэлекъ!.. позвала мать слабымъ голосомъ съ кровати.

Отецъ покраснѣлъ, отнялъ у Фэлька платокъ съ гармоніей и, положивъ въ сундукъ, заперъ его на замокъ.

Въ тотъ день ужасно мы долго не завтракали, а обѣда такъ и совсѣмъ не было. Я думалъ, что отецъ меня хоть за хлѣбомъ слосылаетъ, да обманулъ. Только Петрусь досталась вчерашняя краюшка. Съ горя мы пошли съ Фэлькомъ въ сѣни играть „въ классы“, а то время очень ужъ долго тянулось. Былъ, пожалуй, второй или третій часъ, какъ мать подождала меня усталымъ голосомъ къ кровати и говорить съ разстановками:

— Сбѣгай-ка, Вицусъ, къ прачкѣ на Щиглю, знаешь?..

— Еще бы не знать... Въ третій номеръ...

— Въ третій—повторила мать.—Она хорошая женщина, не купить-ли она утюгъ...

— Утюгъ?..—повторилъ я, не довѣряя своимъ ушамъ.

— Только пускай придетъ въ сумерки, чтобы дворничиха не увидала ея на дворѣ... Ну ступай...

Я схватилъ шапку, а мать опять зоветъ меня:

— Вицусь!..

Но когда я подошелъ, она посмотрѣла какъ-то по особенному на меня и сказала:

— Ничего, впрочемъ! Ступай...

Я ужъ былъ въ дверяхъ, какъ она снова воротила меня. Она приподнялась на кровати, впавшіе глаза ея были широко раскрыты.

— И ступку...—шепнула она такъ тихо, что я еле слышалъ. Я окаменѣлъ. Мнѣ показалось, точно меня самого хотѣли продать.

— Ступку?—повторилъ я шопотомъ, наклоняясь къ лицу матери.

Она дышала тяжело, нервно, въ груди слышенъ былъ острый свистъ. Ничего не отвѣчая, она только держала меня за руку. Ладонь ея была холодная, мокрая. Раза два, три она раскрывала ротъ, пожелтѣвшій лобъ покрылся потомъ, и она втянула воздухъ глубокимъ вздохомъ, какъ бы вздыхая.

— И кострюлю...—прошептала она съ усиліемъ.

— Кострюлю!—едва выговорилъ я.

Она только махнула рукой, голова ея упала на подушку, глаза закрылись.

Я вылетѣлъ словно ошпаренный, съ шапкой въ рукѣ. Въ сѣняхъ я наткнулся на Фэльку.

— Слышь, ты—крикнулъ я ему въ ухо.—Кострюлю и ступку, и утюгъ, все какъ есть продаемъ!

— А чортъ!—Фелекъ, расхохотался, подпрыгнувъ вверхъ, услышавъ про такую потѣху, и хлопнулъ себя по бедрамъ. Этотъ прыжокъ былъ у него самымъ лучшимъ номеромъ, и никогда я не могъ съ нимъ въ этомъ сравняться. Онъ кидался въ воздухъ такъ же легко, какъ рыба въ воду. Тотчасъ мы съ нимъ полетѣли на Щиглю, потому что Фелекъ былъ самолюбивъ и никогда ни на волосъ не хотѣлъ уступить мнѣ.

Но прачка не захотѣла со мной и разговаривать много. Сказала, что кострюля ей не нужна, а ступка и утюгъ есть свои.

Мы вышли возмущенные.

— Ишь, чортова баба!—крикнулъ Фелекъ.—Кострюля ей не нужна! Такая кострюля, какъ наша, и ей не нужна.

Мать дожидалась меня съ блестящими глазами; когда я ей рассказалъ о результатѣ нашей миссіи, она вздохнула, какъ бы почувствовать большое облегченіе.

Подъ вечеръ, однако, она позвала меня опять и велѣла

сбѣгать за старьевщикомъ. Мы выскочили оба съ Фэлькомъ, счастливые, что это дѣло еще не кончилось. Старьевщикъ пришелъ, посмотрѣлъ утюгъ, посмотрѣлъ кострюлю, посмотрѣлъ ступку и, презрительно надувъ губы, сказалъ, что это все годится развѣ въ ломъ. Утюгъ перегорѣлъ, ступка мала, кострюля тонка и спаяна съ боку... За всѣ три вещи вмѣстѣ онъ давалъ десять золотыхъ.

Мать вскочила и сѣла на кровати.

— Что?.. Десять золотыхъ?.. Одна ступка стоила пять золотыхъ и тринадцать грошей! А утюгъ!.. А кострюля!

— Ну, въ ломъ...—началь было старьевщикъ.

Но она не дала ему договорить и дрожащей рукой указывала на дверь.

— Ступайте! Ступайте! Пусть мои глаза васъ не видятъ!.. Не вы одни на свѣтѣ.—И сейчасъ-же послала насъ за другимъ старьевщикомъ, Рудымъ, который у насъ купилъ послѣдній столъ: онъ осыпалъ насъ прибаутками, а за то, что мы отнесли его покупку на другую улицу, далъ намъ съ Фэлькомъ по орѣху. Правда, Фэльку попался съ дыркой, но онъ на немъ весь день свистѣлъ, подражая отходящему поѣзду. Итакъ полетѣли мы за Рудымъ. Онъ тараторилъ что-то на углу у лавочки съ этимъ первымъ, который ушелъ отъ насъ. Сейчасъ однако поправилъ мѣшокъ съ бутылками на спинѣ и пошелъ за нами.

Но, посмотрѣвъ ступку, кострюлю и утюгъ, давалъ за нихъ только девять золотыхъ и шестнадцать грошей; говорилъ также, что ступка въ ломъ не годится. Мать трясла лихорадка и она, хотя не могла почти двинуться на кровати, все-таки отняла у Рудаго нашу кострюлю и бросила ее на полъ. Кострюля зазвенѣла, какъ разбитый колоколь.

Что то странное случилось со мной, когда я услышалъ этотъ звонъ.

Мнѣ показалось, что застонали стѣны нашей комнаты.

Мать закрыла рукой глаза и заплакала.

Еще засвѣтло перебивало у насъ около пяти старьевщиковъ, но каждый давалъ все меньше; хоть на два, три гроша, но меньше. Тараторили, спорили, отнимали другъ у друга нашу ступку и нашъ утюгъ, гамъ стоялъ, точно на базарѣ.

Фэлекъ только пощипывалъ меня отъ удовольствія.

— Вотъ, братъ, потѣха! — шепталъ онъ, задыхаясь отъ сдерживаемаго смѣха, и для облегченія перекувыркнулся.

Наконецъ, торговцы убрались, испортивъ только воздухъ въ комнатѣ; кострюля, утюгъ и ступка остались стоять рядышкомъ на скамейкѣ около матери. Она смотрѣла грустнымъ, усталымъ, почти неподвижнымъ взглядомъ. Но когда морозъ къ ночи все усиливался, а Петрусь, извѣстно—непривычный

малышъ, началъ пищать, что ему холодно и ѣсть хочется, мать велѣла мнѣ сбѣгать къ дворничихѣ и спросить, не купить ли она утюгъ. Но дворничиха не забыла, видно, прежняго отказа матери и надулась, ровно церковный куполь.

— Коли буду покупать, такъ новый куплю. Что мнѣ въ такомъ старье!

Когда я передала это матери, краска бросилась ей въ лицо.

— Нѣтъ, такъ нѣтъ!—закричала она дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ. Видали! Старье!.. Ишь какая барыня! Одолжить, такъ хорошъ былъ, а какъ купить, такъ старье! Подожди ты, дрянъ... подлая... И она раскашлялась, схватившись за грудь, но попить ей было нечего, потому что трава давно вышла.

— Вицусь!—отозвалась мать прерывающимся голосомъ—сбѣгай-ка къ самому первому старьевщику, который десять злотыхъ давалъ. Къ тому черному, знаешь? Пусть ужъ приходитъ. И, закрывъ усталые глаза, прошептала:

— За безцѣнокъ продамъ, даромъ брошу, а ты, дрянъ эдакая, не смѣй старьемъ чужого достатка обзывать... Не получишь. Не получишь!

И она замолчала, утомившись въ конецъ.

Фэлекъ такъ бѣжалъ со мной къ еврею, что пятею ударялись о лавки. Мы думали, что Богъ вѣсть гдѣ его придется искать, а онъ стоитъ почти прямо противъ нашихъ воротъ, засунувъ руки за поясъ своего халата, и плюетъ себѣ по сторонамъ.

Совсѣмъ какъ будто ждалъ насъ. Когда Фэлекъ подлетѣлъ и толкнулъ его въ локоть, у него заблестѣли прищуренные глаза, какъ у кошки, и онъ, потянувъ носомъ, быстро пошелъ за нами. Но и онъ теперь не захотѣлъ давать больше, чѣмъ «ровно девять злотыхъ». Это «ровно» онъ произносилъ такъ, какъ будто къ этимъ девяти злотымъ цѣлый полтинникъ прибавлялъ.

У матери опять лицо разгорѣлось.

— Что вы!—воскликнула она.—Да вѣдь ничего не убавилось! Да вѣдь вы раньше десять злотыхъ давали. Да вѣдь это то же самое!

— Ну, такъ что-же, что то же самое!—отвѣтилъ флегматично старьевщикъ.—Я раздумалъ...

— Дайте ужъ хоть десять злотыхъ, какъ вы раньше давали... Побойтесь вы Бога!..

— Ну, Бога я боюсь! Если-бы я Бога не боялся, такъ я бы восемь злотыхъ далъ, а какъ я Бога боюсь, то я далъ ровно девять.

— Пусть васъ Богъ накажетъ за то, что обижаете меня—простонала мать.

— За что накажетъ?—привскочилъ старьевщикъ. Почему

накажетъ? Развѣ я даромъ хочу взять? Развѣ я мусоръ даю? Ну, я даю настоящія деньги!

Мать ужъ ничего не отвѣтила, лицо ея было такъ блѣдно, какъ бумага. Когда еврей считаѣ деньги, у Фэлька глаза бѣгали за каждой десяткой *). Какъ только которая нибудь изъ нихъ была хоть немного потерта, онъ сейчасъ исключалъ ее изъ счета, крича, что фальшивая. Еврей сначала пикалъ, потомъ раскраснѣлся такъ, что, казалось, его сейчасъ парализъ хватить, разъ даже замахнулся на Фэлька, выведенный изъ себя, но вдругъ улыбнулся, досталъ изъ жилета сильно почернѣвшій грошъ и, подавая его Фэльку, сказалъ:

— Ну, ты умный мальчикъ! Ты чиновникъ будешь! На тебѣ на пряники!

Но Фэлекъ не бралъ гроша.

— Тутъ, смотрите, не хватасть трояка—сказалъ онъ, стуча пальцемъ по кучкѣ грошей, составлявшей злотый. Сюда прибавьте, а мнѣ пряниками зубы не заговаривайте!

Еврей отъ удивленія чмокалъ все сильнѣе.

— А kluger Bub—шепнулъ онъ про себя.

Наконецъ, кое какъ рассчитались, жидъ съ грохотомъ кинулъ утюгъ, ступку и кострюлю въ грязный мѣшокъ, а меня мать послала за угольями и за хлѣбомъ.

Когда пришелъ отецъ, въ печкѣ горѣлъ уже огонь, а мы поочереды попивали водянку **) изъ желѣзнаго горшечка.

Отецъ остановился на порогѣ, поглядѣлъ на огонь, на насъ, потомъ окинулъ взглядомъ комнату и, когда его взоръ остановился на пустой полкѣ, потупилъ глаза и на цыпочкахъ подошелъ къ материной кровати.

Вскорѣ послѣ этого началась весна. Сильный грохотъ трескающагося на Вислѣ льда слышался по ночамъ въ нашемъ подвалѣ. Однако, уголь мы еще все покупали, потому что сырость въ комнатѣ была такая, что всѣ стѣны были мокрыя.

Комната наша опустѣла до чиста.

— Даже блестить—говорилъ Фэлекъ.

Пошло старое материнo платье, пошли часы, пошла лoхaжка, а когда пошло и синее пальто отца, я потерялъ совершенно вѣру въ тѣ вещи, которыя дѣлаются «разъ на всю жизнь», въ особенности послѣ недавняго опыта съ утюгомъ.

Мы расхаживали теперь по пустой комнатѣ, какъ въ церкви, а Фэлекъ кричалъ, сложивъ руки у рта, чтобы вызвать эхо. Господинъ докторъ приходилъ всетаки къ намъ, и въ аптеку я бѣгалъ. Котелокъ желѣзный тоже еще былъ, но мы рѣдко варили обѣдъ; сваримъ картофелю съ утра, такъ и на вечеръ

*) 10 грошей, пятачекъ.

**) Родъ похлебки.

хватало, а днем мы гонялись за хозяйскими кошками, потому что онъ ужасно кричали по крышамъ.

Однажды отецъ присѣлъ на полу у сундука, открылъ его и долго раздумывалъ о чемъ-то.

А въ этотъ день была сильная оттепель, тепло съ крышъ, на дворѣ чирикали и дрались воробьи, и солнце въ первый разъ въ эту зиму заглянуло къ намъ въ подвалъ. Но матери снова стало хуже. Всю ночь ее мучилъ кашель, а пить она просила разъ пять. Лекарства не было...

Фэлекъ всталъ на цыпочки и глядѣлъ черезъ плечо отца. Онъ думалъ, что увидить Богъ знаетъ что, а между тѣмъ ничего особеннаго не увидѣлъ.

Отецъ только качалъ головой, теребилъ усы и, молча, глядѣлъ на красный, лежащій на днѣ свертокъ. Наконецъ, протянулъ за нимъ руку, вынулъ гармонію и, сѣвъ на материной кровати, началъ играть.

Мать нѣсколько оживилась, велѣла посадить къ себѣ на кровать Петруся, да и мы встали неподалеку и слушали.

Сначала отецъ игралъ весело и, играя, разговаривалъ съ матерью:

— Помнишь, Анулька, Бѣляны? Помнишь, какъ мы познакомились? Какъ я тебѣ это наигрывалъ по дорогѣ?

— Помню, милый,—сказала мать тихо.

— А это? помнишь?.. Въ Тронцу, въ храмовой праздникъ, въ Сольцѣ...

— Помню—шепнула мать.

— Хватъ у насъ отецъ!—сказалъ мнѣ потихоньку Фэлекъ, ткнувъ меня подъ ребра.

— На тебѣ тогда было розовое полосатое платье, и крѣпко я послѣ безъ тебя тосковалъ,—продолжалъ отецъ мягкимъ голосомъ.

— А это, Анулька?..

— Этого не знаю...

— Неужели не знаешь?.. Вѣдь это же было въ Волѣ, мы пошли туда съ зятемъ, еще я кружкой заѣхалъ тому вѣмцу, что къ тебѣ подѣзжалъ...

— Да, правда!—шепнула мать.

Отецъ продолжалъ играть. Онъ держалъ гармонію на колѣнѣхъ, растягивалъ ее, сдвигалъ и быстро перебиралъ пальцами по клавишамъ.

Никогда не приходилось мнѣ слышать такой хорошей игры.

— Анулька, а это?.. Какъ-же?

— Помню, Филиппъ,—сказала мать—это было въ то воскресенье, когда ты насчетъ свадьбы къ попу ходилъ. Мы съ покойницей-матерью были въ Черняковѣ...

— Черезъ мѣсяцъ мы ужъ возвращались съ тобой, прибавилъ отецъ.—Мы играли...

— А какой запахъ тогда отъ сирени былъ... Какъ соловьи заливались...

— А какая ты тогда красавица была... Какъ роза цвѣла. Фэлекъ подтолкнулъ меня.

— Какъ ты тогда игралъ, милый... Какъ ты игралъ!

Она улыбнулась, вздохнула и, казалось, начала засыпать.

Отецъ и теперь игралъ прекрасно. Сначала весело, скоро, какъ плясовую, сами ноги у насъ начали ходить. Потомъ къ этому веселью словно прибавилось что-то другое, все грустнѣе, грустнѣе, такъ что Фэлекъ раза два ужъ вытеръ кулакомъ глаза; вдругъ, отецъ растянулъ разомъ гармонію съ обѣихъ сторонъ, и она издала такой жалостный звукъ, какъ органъ, когда играютъ за упокой.

Мать спала. Часто на нее находилъ теперь такой сонъ, какъ будто кто макомъ ей глаза посыпалъ. А послѣ просыпалась слабая, блѣдная, съ холоднымъ потомъ на исхудаломъ лицѣ. Посидѣлъ отецъ, понуривъ голову, посидѣлъ, потомъ, всталъ, вздохнулъ, завязалъ гармонію въ красный платокъ, сунулъ ее подъ мышку и скоро, надѣвъ шапку, вышелъ на цыпочкахъ. Когда мы втроемъ очутились на сѣнникѣ подъ материнымъ платкомъ, Фэлекъ толкнулъ меня въ бокъ и сказалъ въ полголоса:

— Видѣкъ!

— Что?

— Знаешь?.. А вѣдь старикъ то нашъ плакалъ, когда игралъ.

— Ну-у?

— Ей-Богу!—побожился Фэлекъ, ударивъ себя кулакомъ въ грудь съ такой силой, что даже въ ней что-то застонало.— Не слѣпой я, видѣлъ... Только, братъ, слезы то у него по усамъ текли...

— Да и не удивительно!—прибавилъ онъ черезъ минуту—только начини, такъ одно за другимъ и припомнится...

Онъ тяжело вздохнулъ, полежалъ съ минуточку тихо и повернулся на бокъ къ печкѣ; скоро до меня донесся храпъ. Отецъ въ этотъ вечеръ поздно пришелъ домой, но принесъ матери лѣкарство, развелъ огонь и заварилъ чай. Долго не могъ я уснуть въ эту ночь, а въ головѣ у меня все что-то играло, то весело, то грустно. Видѣлъ я всякую всячину во снѣ вплоть до самаго утра: будто садъ у насъ въ комнатѣ и въ сѣняхъ соловьи поютъ, а на стѣнѣ, гдѣ прежде висѣли часы, теперь стоитъ полная серебряная луна.

Когда я проснулся, Фэлекъ уже сидѣлъ на сѣнникѣ и

застегивалъ ремень на спускающихся штанахъ. Черезъ раскрывшуюся, всю въ заплатахъ рубашку видны были его худыя ребра, изъ ворота торчала какъ у воробья тонкая шея, а неимоვნно худыя ноги дѣлали его гораздо выше, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ.

— Фэлекъ!—воскликнулъ я.—Что это ты, какъ жердь выросъ за этотъ мѣсяць?

— Дуракъ!—разсмѣялся Фэлекъ.—Я только тянусь такъ, чтобы брюхо поменьше стало.

И вытянулся передо мной, словно струна.

— Ну что?—спросилъ.

— Да я и говорю, что ты похожъ на маринованную седедку.

— Отлично!—воскликнулъ Фэлекъ.—Знаешь—я пойду въ клоуны!..

Я засмѣялся.

— Что ты?—худое это ремесло, по твоему?

И, хлопнувъ руками по бедрамъ, онъ подпрыгнулъ вверхъ, ловко перекувырнулся въ воздухѣ, какъ кошка, и упалъ на четверенки.

— Знаешь,—сказалъ онъ, я вѣдь изъ-за этого пузана такъ вытянулся,—онъ кивнулъ головой въ сторону Петруся, который обыкновенно просыпался раньше всѣхъ и шелъ осматривать горшки, въ надеждѣ найти вчерашніе остатки.

— Пока идемъ въ школу—продолжалъ Фэлекъ, такъ онъ всю дорогу ноетъ, что голоденъ. Вотъ и приходится отдать ему половину моего хлѣба, только бы замолчалъ.

— Ну-у?—спросилъ я недоувѣрчиво, чувствуя, что мнѣ, пожалуй, не рѣшится бы на такое геройство.

— Ей Богу же!—поспѣшно побожился Фэлекъ, треснувъ, какъ всегда, кулакомъ по худой, словно щепка, груди.

И, глядя на Петруся, который на своихъ короткихъ, кривыхъ ногахъ съ большимъ, раздутымъ отъ картошки животомъ, шарикомъ катался по комнатѣ, мы оба точно сумасшедшіе прыснули неудержимымъ смѣхомъ.

— Чего это вы тамъ, мальцы, такъ хохочете?—спросила мать слабымъ голосомъ.

— Да надъ Петрусемъ—отвѣтилъ Фэлекъ,—вишь, онъ какой толстый!..

— Какой онъ толстый, бѣдняга! Съ чего ему и толстымъ быть!—сказала мать.—Петрусь!—прибавила она.—Иди-ка къ мамѣ, сиротка.

И она улыбалась ему, глядя его по головѣ, а мы въ это время надрывались отъ смѣха...

Скоро, однако, наша веселость была омрачена.

— Знаешь, Анулька!—сказалъ въ тотъ день отецъ, садясь

на материну кровать.—Придется, видно, нашу клячу по людям пустить.—Клячу?.. воскликнула мать поднявшись даже на постели.—Побойся Бога, Филиппы! Да вѣдь она всѣхъ насъ кормитъ!..

Отецъ, тяжело опираясь на руку, молча теребилъ усы.

— Кормить я не кормить!—произнесъ онъ немного спустя.— Съ «катежомъ» *) на рѣку и не думай показываться. Съ камнемъ теперь никакой работы нѣтъ, песку тоже идетъ не Богъ вѣсть сколько, на спинѣ бы, пожалуй, я разнесъ его, а тутъ всякій день соломѣ купи, да и отрубей хоть горсточку, потому что овса она и не видитъ; теперь помѣщеніе, подстилка, а вѣдь все дорого.

Мать только простионала.

Мы обмерли, слушая. Петрусь вытаращилъ на отца глаза и ротъ раскрылъ; я точно окаменѣлъ.

Наконецъ Фалекъ встрепенулся: такъ меня въ бокъ попочивалъ, что у меня въ глазахъ потемнѣло.

— Слышишь ты, Вицекъ!—крикнулъ онъ мнѣ въ самое ухо.

— Не глухой я—рявкнулъ я ему въ ухо еще громче. И сейчасъ мы выскочили въ сѣни, потому что насъ охватила такая жалость, что впору только подраться.

Клячу мы любили безгранично. Сколько могу запомнить, всегда были отецъ, мать и кляча. Фалька только потомъ аисты принесли, Петруся тоже; а кляча принадлежала къ числу тѣхъ существъ, которыя существуютъ всегда. Существуютъ потому, что существуютъ. Я себѣ прямо вообразить не могъ ни начала ея, ни конца.

Кляча принадлежала намъ, а мы ей; ни мы отъ нея, ни она отъ насъ не могла уйти. Это было такъ просто, что я и не понималъ совершенно другого порядка вещей. Ужъ кто угодно могъ бы быть исключенъ изъ нашего кружка, только не наша кляча. Да, вѣдь, она была все наше утѣшеніе.

Когда отецъ возвращался съ рѣки домой, мы выбѣгали на подороги, лишь-бы поскорѣе увидѣть клячу. Что у кого было, мы несли ей и совали въ морду, кусокъ-ли хлѣба, картошку, найденную-ли на дворѣ лимонную корку...

И кляча насъ очень любила. Издали уже ржала она, увидя насъ, и ускоряла шагъ, радостно настораживая уши; когда мы хлопали ее по шеѣ, по бокамъ, она отлично понимала эти ласки и, свѣсивъ свою тяжелую морду, хватала насъ за волосы, за одежду. Петрусь былъ особеннымъ ея любимцемъ; она просто ржала на отца, чтобы тотъ взялъ его съ собой.

*) «Катежъ»—сито изъ желѣзной проволоки на длинной жерди, употреб-
ляемое при дѣйствованіи крупнаго песку.

Когда отецъ выпрягалъ, тогда-то начиналось настоящее веселье. Фалекъ сейчасъ вскакивалъ на ея костлявую спину, ободранную старымъ хомутомъ и, въ то время какъ кляча погружала свою огромную морду въ привязанный къ ея шеѣ мѣшокъ съ плохимъ кормомъ, онъ, ставъ на одно колѣно или стоя на одной ногѣ, махалъ шапкой и кричалъ:

— Вотъ знаменитый ѣздець изъ подвала, котораго еще никакая бѣда не пугала! Прозывается Фалекъ Мостовякъ, гербъ его—ухватъ и самъ парень хватъ! Кто дастъ больше?..

На это «кто дастъ больше» мы поднимали такой гамъ, что выбѣгалъ народъ изъ флигеля.

Послѣ Фалекъ карабкался на клячу Петрусь; намъ еле удавалось посадить его, такъ какъ всегда перевѣшивалъ животъ. Мы торжественно водили по двору клячу съ Петрусемъ, не давая ей спокойно поѣсть корму, а Фалекъ снова, помахивая шапкой, оралъ:

— А вотъ Петрусь, гербъ его пузырь. На немъ двѣ заплаты и восемь дыръ. Двухъ зубовъ спереди не хватаетъ, а самъ на клячѣ разѣзжается!.. Кто дастъ больше?..

Откуда онъ это свое «кто дастъ больше» позаимствовалъ, я никогда не могъ отгадать; самъ Фалекъ утверждалъ, что это такъ ужъ, одно къ другому идетъ. Мы снова разражались адскимъ гамомъ, какъ будто насъ было не трое, а человекъ тридцать...

— Посмотрите-ка, люди,—говорила, стоя въ дверяхъ, толстая лавочница,—чего только не выдумаютъ бестія Мостяковы мальчишки съ кобылой? Чистыя обезьяны изъ звѣринца!..

И она тряслась, покатываясь со смѣху, такъ что ея глаза совсѣмъ прятались въ жирномъ лицѣ.

— Охъ, кнутомъ бы, кнутомъ!—тараторила она, обращаясь къ отцу, или: «скажу матери», или «скажу клячѣ». Къ послѣдней угрозы мы относились очень серьезно, и часто Петрусь перепадалъ лишній кусокъ, въ особенности отъ Фалекъ, только бы «не говорилъ клячѣ».

Мы не могли переносить, если она глядѣла на насъ съ грустью однимъ своимъ глазомъ, въ то время, какъ на другомъ, слѣпомъ и поблѣвшемъ,—вѣко съ сѣдыми рѣсницами поднималось и опускалось медленно, какъ бы съ упрямствомъ...

— Слышь, Вицѣкъ!—говорилъ Фалекъ.—У нашей клячи есть въ этомъ глазу что-то такое пронзительное. По мнѣ лучше бы ужъ отецъ съѣздили ремнемъ, чѣмъ когда она такъ глядитъ. Въ самую тебѣ душу заглядываетъ...

Мы чистили клячу всякій день, но ни разу дѣло не обошлось безъ драки изъ-за щетки и скребницы. Сколькомы тогда у нея шерсти надрали! Какъ гриву запутали! Кляча, однако, терпѣливо стояла, прищуривъ здоровый глазъ, и только время

отъ времени махала рѣдкимъ хвостомъ, какъ-бы отмахиваясь отъ мухъ.

Вскорѣ послѣ Пасхи начиналось купаніе клячи. Вода была еще холодна, какъ ледъ, а мы подвернемъ штаны и—въ рѣку. Какое это было триумфальное шествіе! Мальчишки со всей улицы увязывались за нами, но мы отгоняли ихъ кнутомъ.

Ну и обливали же мы клячу водой, растирали ей ноги и бока, насвистывая, какъ это дѣлалъ отецъ. Самое большое несчастіе бывало тогда, когда кляча, желая освободиться отъ насъ и нашего попеченія, шла въ воду шага на два дальше.

— Утонетъ! утонетъ!—оралъ Петрусь и, весь синѣя, присѣдалъ къ землѣ, держась обѣими руками за свой собственный животъ. Тогда мы пускались за ней въ погоню и тянули за хвостъ къ берегу, послѣ чего—кляча впереди, а мы за ней, продрогшіе и мокрые, словно утопленники, возвращались домой.

И эту-то нашу любимицу клячу отецъ собирался продать? Это по нашему разумію было чѣмъ-то въ родѣ свѣтопре-
ставленія.

Сейчасъ поэтому выскочивъ въ сѣни, я заѣхалъ Фэльку въ ухо, онъ мнѣ наотмашъ въ спину, я понятно не уступилъ, хватилъ его тоже по лопаткѣ, онъ меня кулакомъ въ бокъ двинулъ такъ, что у меня искры изъ глазъ посыпались. Послѣ этого мы оба схватили другъ друга за волосы и клубкомъ покатались вѣѣстъ къ порогу. И такая въ насъ жалость была, такое горе изъ-за этой жалости, что ни одинъ не издалъ ни звука, не пикнулъ даже.

Послѣ драки намъ стало легче на сердцѣ.

Мы уже вернулись въ комнату, потому что холодъ прогналъ насъ съ улицы, а отецъ все еще убѣждалъ мать:

— Теперь еще можно взять за нее какія ни на есть деньги, а какъ похудѣетъ, потому я и корму убавляю, то кто же дастъ за нее что-нибудь? Ну, какъ-же Анулька? Какъ по твоему, милая?

Мать тяжело вздохнула.

— Да что-жъ можетъ быть по моему, Филиппъ?.. По моему, Богъ тяжело наказалъ насъ этой болѣзью. По моему, я тебѣ камнемъ на шеѣ стала и ко дну тебя тяну... О сиротахъ думаю...

Она закрыла глаза руками и громко зарыдала. Отецъ цѣловалъ ея голову.

— Анулька!.. Милая!.. Анулька!..—повторялъ онъ, да вдругъ и самъ заревѣлъ.

— Чортъ возьми!..—проворчалъ за мной Фелекъ, утирая слезы кулакомъ.

Прошло нѣсколько дней, но о продажѣ клячи не было и рѣчи. Матери становилось все хуже. Ея тяжелый, хриплый

кашель часто будилъ насъ по ночамъ отъ крѣпкаго дѣтскаго сна. Не разъ она засыпала днемъ и, несмотря на то, что на улицѣ вдругъ сдѣлалось тепло, лихорадка трисла ее такъ, что только зубы стучали. Отецъ какъ будто сразу лѣтъ на десять постарѣлъ и ходилъ по комнатѣ сгорбленный, желтый весь, и изъ за всякаго пустяка намъ стало отъ него попадать, за всякій пустякъ платились наши волосы. Только мы старались не очень то попадаться на глаза, а больше проводили время въ конюшнѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ намъ стала грозить опасность потерять клячу, послѣдняя стала для насъ еще вдвое дороже. Мы умилялись теперь при всякомъ ея фырканіи, при всякомъ движеніи ея хвоста.

— Во... ѣсть!—восклицалъ Петрусь, съ восхищеніемъ заглядѣвшись на нее, когда она опускала свою большую морду въ ясли и, поднявъ ее, жевала пустую солому, щуря здоровый глазъ.

— Во... пьеть!—кричалъ онъ, когда она всовывала свою морду въ старое ведро, чтобы разъ-другой глотнуть воды, которую мы ей собственноручно приносили.

Мы съ Фэлькомъ садились по обѣимъ сторонамъ ея на яслихъ и, размахивая ногами, по цѣлымъ часамъ слѣдили за всякимъ ея движеніемъ.

Даже картошку, которую теперь намъ каждый день приходилось ѣсть въ постномъ видѣ, мы приносили сюда, чтобы обѣдать вмѣстѣ съ клячей, хотя подѣлиться съ ней было нечѣмъ, потому что намъ самимъ какъ-то все меньше доставалось. Да и веселѣе намъ было въ конюшнѣ, чѣмъ въ комнатѣ, потому что солнце свѣтило прямо въ зубы чрезъ настѣжь раскрытую дверь, а въ подвалъ, да еще въ нашъ уголъ, оно не заглядывало во весь годъ.

— Да тутъ холодно у васъ!—говорилъ господинъ докторъ, заходя къ матери.—И сыро ужасно! Вамъ бы надо постараться на-счетъ сухой и теплой комнаты для жены,—прибавлялъ онъ, когда отецъ провожалъ его въ сѣни,—вашей женѣ не слѣдуетъ лежать въ такой комнатѣ. Невозможный воздухъ, гнилой. Нѣтъ ни вентиляціи, ни свѣта. Надо же вамъ въ самомъ дѣлѣ позаботиться о женщинѣ, разъ она больна. Ей все хуже, да и должно быть хуже при такихъ условіяхъ.

Отецъ кусалъ усы и молчалъ, свѣсивъ голову.

— Молока ей тоже надо свѣжаго, мяса, вина рюмку изрѣдка... Тутъ лекарства ничего не помогутъ, тутъ нужна питательная діета.

Онъ уже ушелъ, уже въ другую улицу повернулъ, потому что я глядѣлъ ему вслѣдъ, а отецъ все еще стоялъ въ сѣняхъ, повѣся носъ, и кусалъ усы.

Вдругъ онъ зашевелился, рванулъ на груди рубаху, разорвалъ мѣшечекъ съ «шкаплежемъ» *), досталъ оттуда серебряную монету съ Божьей Матерью и послалъ меня за углемъ и молокомъ, приказавъ не говорить матери, что и какъ.

На слѣдующій день, въ полдень, мы уже готовились къ представленію, и Фэлэкъ уже карабкался на клячу, какъ вдругъ входитъ въ конюшню отецъ, а за нимъ господинъ Лукашъ Смоликъ, крестный нашего Петруся, извозчикъ изъ Праги. Мнѣ сейчасъ показалось что-то особенное, толкнулъ я поэтому Фэлька и мы оба притихли.

Господинъ Лукашъ, переступивъ порогъ, поставилъ въ уголъ свой кнутъ, высморкался, сунувъ свой огромный костлявый носъ въ полу синяго халата и вытянувъ длинную, худую шею, медленно понюхалъ табакъ. Это былъ старикъ высокаго роста и сильно сгорбленный, черные глаза пронизательно смотрѣли изъ подъ мохнатыхъ бровей, выросшихъ отдѣльными кустиками. Подъ его костлявымъ носомъ торчали желтые, какъ у сапера, усы, которыми, когда нюхалъ табакъ, онъ двигалъ, какъ кроликъ. Изъ подъ большой синей шапки выглядывали синія, обросшія бѣловатымъ пушкомъ уши, на правомъ изъ нихъ блестѣла серебряная сережка. Къ намъ господинъ Лукашъ заглядывалъ рѣдко, хотя приходился намъ кумомъ; мать говорила о немъ, что онъ скряга, на деньгахъ сидитъ; а иногда предсказывала, что онъ откажетъ все Петрусю, такъ какъ былъ бездѣтнымъ вдовцомъ.

Когда мы, вдругъ онѣмѣвъ, осматривали господина Лукаша, отецъ—онъ какъ будто не видѣлъ насъ—пошелъ прямо къ яслямъ, отвязалъ клячу и хлопнулъ ладонью по ея задѣ.

— Ну, старая!—закричалъ онъ, поворачивая ее мордой къ свѣту.

Кляча зажмурила свой здоровый глазъ, а слѣпымъ, широко раскрытымъ глядѣла, казалось, куда-то далеко, далеко...

Господинъ Лукашъ, держа у носа щепотку табакъ, началъ сладко улыбаться и, перекосивъ голову, смотрѣлъ на клячу то слѣва, то справа.

— Хе!.. хе!.. хе!.. Что же ты, куманекъ, продать хочешь? Шкуру или кости?

Отецъ хмуро взглянулъ исподлобья, и усы у него поднялись, но онъ проглотилъ только слюну и сказалъ:

— Шкура и кости заработаютъ у васъ, кумъ, на мясо. Тольк-бы отходиться ей на овсѣ, такъ будетъ круглая, какъ пышка.

— Ахъ, чтобъ тебя, куманекъ!..—разсмѣялся опять госпо-

---

*) «Шкаплежъ» — (кусочекъ матеріи) носятъ люди, принадлежащіе къ извѣстнаго рода духовному братству.

динъ Лукашъ. — Отходится! Отходится! Да вѣдь овесь-то дорогъ теперь, куманекъ. Пять злотыхъ четверточка, куманекъ! И сѣно дорого тоже.

— Да, дорого — сказалъ спокойно отецъ, но я видѣлъ, какъ у него загорѣлись глаза.

— Ногу! А, ну! — крикнулъ онъ и ударилъ клячу, переступившую постромки.

— Хе!.. хе!.. хе! — еще слащавѣе засмѣялся господинъ Лукашъ. — Да, я вижу, у нея и колѣно маленько припухло.

— Да, припухло! — отвѣтилъ коротко и сухо отецъ.

Я дернулъ Фэльку за рукавъ, такъ какъ по моему безопаснѣе было держаться поближе къ двери, но онъ оттолкнулъ только меня локтемъ и смотрѣлъ, широко раскрывъ глаза, то на отца, то на гостя.

— У-у-у... собачья опухоль... — говорилъ между тѣмъ господинъ Лукашъ, высовывая свой худой обросшій снизу подбородокъ, изъ подъ желтаго шерстяного платка. — У-у-у... опухоль!.. — и началъ чмокать губами. Не пройдетъ ужъ она у нея, нѣтъ! — прибавилъ онъ, втянувъ понюшку табаку и кивая головой.

У отца усы поднимались все выше, пока онъ, наконецъ, не отдернулъ ихъ рукой внизъ.

— Да, я вамъ, кумъ, вовсе и не хочу всучить! — сказалъ онъ, глядя въ землю. — Для меня она и съ такимъ колѣномъ хороша! Кабы не болѣзнь бабы, я навѣрное не отдалъ-бы никому кобылы! Она, вѣдь, кормилица наша...

Господинъ Лукашъ молча нагнулся, уперся руками въ колѣни и сталъ осматривать ноги у клячи.

— Она можетъ хромаеть?.. Хе!.. хе!.. хе!.. — засмѣялся онъ вопросительно.

— Хромаеть? Эта кобыла хромаеть! — воскликнулъ отецъ и весь запылалъ, какъ въ огнѣ. — Пусть меня Богъ накажетъ, если она хромаеть! Покажи, кумъ... Гдѣ она хромаеть?

— Ну!.. ну!.. — сладко улыбался господинъ Лукашъ, — да, вѣдь я только спрашиваю, потому покупаешь лошадь все одно, что женишься: чего не доглядишь глазомъ, за то заплатишься карманомъ...

— Я не мошенникъ! — сказалъ порывисто отецъ, и его руки забѣгали. — Я никого не хочу провести! Что правда, скажу, лгать не буду.

— Что она?.. слѣпая? — спросилъ, вдругъ выпрямляясь, господинъ Лукашъ и, раздвинувъ пальцами помертвѣвшія вѣки клячи, поглядѣлъ вблизи на ея глаза.

Фелекъ пошевелился и, переступивъ съ ноги на ногу, такъ больно уцѣпнулъ меня, что я чуть не закричалъ.

— Слепая, — отвѣтилъ удивительно спокойнымъ голосомъ

отецъ, хотя усы у него опять наежились.—На лѣвый глазъ она слѣпа. Такой ужъ я ее купилъ. Не у меня она ослѣпла.

— Хе!.. хе!.. хе!..—сладко разсмѣялся господинъ Лукашъ и снова полѣзъ въ карманъ за табакомъ.

— Такъ и говори, куманечекъ!—Слѣпая!.. У-у-у... слѣпота настоящая!.. У-у-у!..

Онъ отряхнулъ пальцы и спряталъ табакерку.

— Коли она слѣпая—сказалъ онъ, потянувъ носомъ,—такъ это опять дѣло другое, и разговоръ другой...

По лицу отца промелькнула вдругъ тѣнь.

— Какой такой другой разговоръ будетъ?—сказалъ онъ, нѣсколько порывистымъ голосомъ. — Слѣпая, такъ слѣпая! Ты, вѣдь, кумъ, грамотѣ ее учить не будешь, въ школу не станешь посылать. Я тебѣ, кумъ, скажу, что другая слѣпая кляча получше даже зрячей. А эта кобыла такая работающая, что я съ роду не видѣлъ другой такой работницы.

— Ну!.. ну!..—сладко смѣялся господинъ Лукашъ.—Твоими бы, кумъ, устами, да медъ пить. Еще, пожалуй, повѣришь тебѣ, что твоя слѣпая кляча лучше всѣхъ будетъ.

— Лучше, не лучше! А что я не видѣлъ кобылы такой работающей, такъ не видѣлъ. Вѣрь, не вѣрь, я вратъ не стану, я католикъ.

Отецъ говорилъ медленно, сдержанно, но голосъ его кипѣлъ.

Вдругъ, какъ будто только теперь увидѣвъ насъ, онъ схватилъ Фэльку за шиворотъ и, толкнувъ его къ двери, закричалъ:

— Убирайтесь вы отсюда, чертенята...

Мы какъ вѣтеръ вылетѣли изъ конюшни и вѣтромъ влетѣли въ комнату.

Немного погодя, вошелъ отецъ, уже совершенно успокоившись вмѣстѣ съ господиномъ Лукашемъ, такъ какъ не годится, продавая скотину, торговаться иначе, какъ въ комнатѣ, дома; только цыгане не соблюдаютъ этого. Тутъ они начали другъ другу подавать руку, господинъ Лукашъ черезъ полу своего извозничьяго халата, отецъ черезъ свой скюртукъ, котораго остатки только держались на его плечахъ.

— Видить Богъ,—сказалъ отецъ,—что я чужому ни за какія деньги не продамъ-бы этой кобылы. Теперь знаю, по крайней мѣрѣ, что она въ хорошія руки идетъ.

— Хе!.. хе!.. хе!..—смѣялся господинъ Лукашъ,—по кумовству, значитъ! По кумовству! Не обижу я ея... А въ случаѣ, чего не дай Богъ,—тутъ онъ указалъ головой на мать, которая, какъ мертвая, лежала съ закрытыми глазами,—ну, такъ—сердце не камень,—по дружбѣ вывезу даромъ...

Отецъ ничего не отвѣтилъ, только потупилъ глаза и задержалъ усы, а мать застонала, проснувшись. Можетъ бытъ, даже она и не спала.

Когда господинъ Лукашъ, согнувшись въ три погибели, выходилъ съ отцомъ изъ комнаты, мы кинулись за ними, чтобы сбѣгать къ клячѣ.

Но отецъ вдругъ повернулся.

— И носу за порогъ не смѣть высовывать!—крикнулъ онъ рѣзко.—Сидите въ комнатѣ...

И хлопнулъ дверью.

Мы стояли огоршенные. Я глядѣлъ на Фалька, а онъ на меня; глаза у него становились все больше, все прозрачнѣе, губы и подбородокъ дрожали, какъ въ лихорадкѣ; наконецъ, онъ впился обѣими руками въ свои волосы и залился горькими слезами.

Настало теперь хорошее время. Въ комнатѣ стало тепло, перестали расти грибы по стѣнамъ, у лавочницы мы заняли еще одинъ котелокъ подъ кашу.

Только безъ клячи очень ужъ грустно намъ показалось; какъ кто-нибудь изъ насъ взглянетъ на конюшню, такъ сейчасъ слезы на глаза и навертываются.

Да и съ матерью толку не было.

— Я скоро умру, Филиппъ...—говорила она такъ тихонечко, какъ лѣтній вѣтерокъ.—Ты ужъ не траться на меня больше.

А то вдругъ, ни съ того, ни съ сего она начинала поправляться; просила пивца ей подогрѣть, или молока съ масломъ, а сама Петруся мыла, чесала; тогда она рассказывала намъ, какъ это она выздоровѣетъ, какъ въ Ченстохову *) пойдеть, какъ она насъ возьметъ съ собой, какія мы тамъ башни увидимъ, костель, какъ будутъ играть на органахъ. И такъ тогда разгоралось ея лицо, а глаза свѣтились, какъ гнилушка въ темнотѣ. Это бывало обыкновенно вечеромъ.

Но лишь только наставало утро, она лежала пластомъ, какъ покойница, съ каждымъ днемъ все блѣднѣе и прозрачнѣе, словно туманъ. Ни голоса въ ней, ни дыханія; отецъ вскакиваетъ, прикладываетъ ухо къ ея губамъ, приказываетъ намъ притихнуть,—и слушаетъ. Вздохнеть вдругъ громко, какъ будто самъ ожилъ, и поднимаетъ глаза къ черному распятію, что надъ кроватью виситъ. Но разъ какъ-то не дослушался.

Мать померла ночью, такъ тихо, что никто даже не слышалъ. Петрусь спалъ около нея въ ту ночь, и онъ не слышалъ. Вышла изъ нея душоночка, какъ паръ; даже не залопотала, какъ воробей, когда улетаетъ.

Потому, когда отецъ, отнявъ голову отъ ея высохшей груди, крикнулъ, что мать скончалась, мы окружили съ большимъ удивленіемъ кровать, глядя то на посинѣвшія губы, то на Петруся, который у ея холодныхъ, вытянутыхъ неподвиж-

---

*) Городъ съ чудотворной иконой Божьей Матери.

но ногъ спалъ теплый, румяный, покрытый на лбу жемчужнымъ потомъ. Каковъ малышъ,—смерть его локтемъ двинула, а онъ ничего!

Сейчасъ въ нашей комнатѣ поднялся большой гвалтъ, набралось сосѣдокъ, начали совѣтовать, качать головами, вздыхать, а такъ какъ отецъ въ тотъ день кашки для насъ не варилъ и Петрусь отъ голоду плакалъ, то лавочница взяла его къ себѣ, да и намъ дала по булкѣ.

— Вышь размякла баба!—шепнулъ Фэлекъ, поцѣловаль у нея тутъ-же руку и, размашисто раскланиваясь, шаркнулъ бо-сой ногой.

Весь этотъ день мнѣ все казалось, что кто-то шепчетъ надъ ухомъ: «нѣтъ ужъ матери!.. померла мать». И я вытиралъ глаза кулаками, потому что мнѣ ужасно хотѣлось плакать.

Несмотря на это, мы чудесно провели весь день, потому что у насъ такая толкотня шла, какъ на Ординацкомъ рынкѣ.

Сколько запомню, никогда я не видѣлъ столько людей въ нашемъ подвалѣ; и всякій, проходя мимо насъ, то по головѣ погладить, то пожалѣветъ, то носомъ потянетъ.

Еще вчера никто во всемъ домѣ не называлъ насъ иначе, какъ шелопаями или сорви-головами; а теперь, ровно имъ кто медомъ губы смазалъ: «Сироты! Сироточки Божьи!»

А Фэлекъ только голову знай себѣ подставляетъ, да глазами моргаетъ, а какъ пройдетъ кто-нибудь, толкаетъ меня.

— Вотъ комедія!..—шепчетъ и въ сжатыхъ кулакахъ дѣлаетъ два здоровыхъ кукиша, а языкъ самъ у него высовывается изъ-за зубовъ, тонкій и острый, какъ жало.

Отецъ между тѣмъ, какъ безумный, ходилъ по комнатѣ; схватить что-нибудь и опять положить, хотя въ нашей пустынѣ и брать то, почитай, было нечего.

А бабы все нашу нужду разсматриваютъ, все другъ дружкѣ что-то на ухо шепчутъ... Я думалъ, что и конца этому не будетъ никогда, но, наконецъ, разошлись, потому что обѣдъ у нихъ выкипѣлъ-бы изъ горшковъ.

Кабы не эти людскія соболѣзнованія, такъ мы бы и не очень чувствовали, что мать померла. Съ полгода уже она не поднималась съ постели въ этой болѣзни, а въ послѣднее время точъ въ точъ такъ-же тихонечко лежала на кровати. И теперь, когда я глядѣлъ на нее, мнѣ казалось, что изъ подъ вѣкъ она водить глазами за Петрусемъ и улыбается легонечко и чуть не говорить: «Какой онъ толстый, бѣдняжка!» Совсѣмъ, какъ и прежде, только свѣчи не горѣли тогда около нея.

Отъ этихъ свѣчей на нее падала прозрачная желтизна, которая пугала меня; я почувствовалъ тоже, что у нея руки совсѣмъ холодныя, когда отецъ велѣлъ намъ поцѣловать ихъ.

Отцу, однако, видно, тепло было около нея, потому что, набѣгавшись во весь день, то въ канцелярію, то къ столярамъ, то насчетъ подводъ,—когда народъ разошелся, онъ сѣлъ на скамейкѣ у кровати, положилъ голову на гуку и смотрѣлъ то на черное распятіе, висѣвшее надъ кроватью матери, то на темныя ямки ея закрытыхъ глазъ. Я уснулъ, а онъ все еще сидѣлъ. Но ночью меня разбудило тихое рыданіе.

Это Фелекъ, который весь день шатался, передразнивалъ и смѣялся надъ всѣми, а меня то и дѣло толкалъ въ бокъ,—сидѣлъ теперь на сѣнникѣ, въ разстегнутой у ворота рубашкѣ, обнявъ колѣни руками и, глядя въ пустую комнату, плакалъ.

На третій день, мы еще спали подъ каткомъ въ сѣняхъ, куда намъ отецъ велѣлъ перетащить сѣнникъ. Точно сквозь сонъ я услышалъ знакомое ржаніе.

Я мигомъ вскочилъ; сердце у меня стучало точно молотокъ.

Ржаніе послышалось снова.

— Фелекъ! Клячаржеть!—кричалъ я, схвативъ его за плечо.

Онъ вырвался и повернулся на другой бокъ, но когда ржаніе послышалось опять, онъ тоже вскочилъ, усѣлся на сѣнникѣ и, широко раскрывъ глаза, сталъ слушать.

Протяжное тихое ржаніе повторилось опять.

— Кляча!—рывкнулъ Фелекъ и, накинувъ на себя куртку, бросился къ подвальной лѣстницѣ.

Я торопился одѣться, а руки у меня такъ бѣгали, что я никакъ не могъ напасть ни на одну пуговицу.

— Вставай, Петрусь!—закричалъ я,—вставай! Кляча пришла!..

И я трясъ его, какъ вязанку соломы, такъ какъ его трудно было разбудить.

Дѣйствительно, у воротъ, запряженная въ простую, посланную коврикомъ, телѣгу, стояла наша кляча. На ея шеѣ висѣлъ уже Фелекъ, обнявъ ее, насколько могъ достать: около телѣги стоялъ господинъ Лукашъ Смоликъ и потчивалъ дворника табакомъ.

Мы сейчасъ подняли неописанный гамъ.

— Кляча! Наша кляча! Наша дорогая, милая, старушка,—воскликали мы попеременно, глядя ее, трепля, прижимаясь къ ней, кто гдѣ могъ. Петрусь непременно хотѣлъ вскарабкаться на нее.

— Стосковалась по насъ, кляча, а?.. Пришла къ намъ, кляча?

— Пришла?.. Хорошая, добрая, старая кляча наша.

И давай глядѣть ей въ зубы, щупать ея ноги, чесать пальцами гриву. Намъ и въ голову не приходило, зачѣмъ кляча пришла къ намъ, чего ждала эта телѣга.

Кляча узнала насъ и была рада намъ: передней ногой, которая значительно потолстѣла отъ болѣзни, она весело ударила по мостовой, бодро, какъ-бы высѣкая для насъ искорки радости; ея морда то поднималась, то опускалась, ноздри фыркали, какъ у молодой лошади; опять на нашъ смѣхъ и голоса она шевелила ушами, вытягивала шею, и ея громкое ржаніе наполняло насъ невыразимымъ наслажденіемъ. Ржаніе это сливалось въ одно съ похороннымъ звономъ, который слышался въ этотъ моментъ. Въ это самое время изъ подвала донесся до насъ стукъ молотка. Мы и не замѣтили, какъ поставили на телѣгу гробъ.

— Но! — крикнулъ господинъ Лукашъ. Кляча тронулась и мы около нея въ припрыжку.

На углу улицы я оглянулся; толпа сосѣдокъ и прохожихъ уже разсѣялась, и за телѣгой, которой правилъ господинъ Лукашъ, шель одинъ отецъ съ шапкой въ рукахъ и понуривъ голову.

А мы, мы бѣжали около самой клячи весело, радостно, ни на минуту не прерывая съ ней разговоры и ласкъ.

Утро было майское; лучистое солнце своимъ блескомъ заливало улицы, мостъ, Вислу; изъ всякой акаціи, со всякаго карниза щебетали воробьи. Но громче всякихъ воробьевъ щебетала наша компанія.

— Вишь, Вицекъ — кричалъ Фалекъ, — какъ она растолстѣла! Бока-то у нея какъ вздулись!.. Смотри-ка, какой новый хомутъ... какая сбруя!..

И мы опять продолжали хоромъ:

— Кляча! Наша кляча! Наша дорогая, старая кляча!

Прохожіе останавливались и пожимали плечами. Имъ, должно быть, казались странными такіа похороны, съ тройкой весело играющихъ дѣтей во главѣ. Въ особенности на мосту, гдѣ пришлось въ тѣснотѣ ѣхать медленнѣе, наша похоронная процессія производила особенное впечатлѣніе.

Раза два господинъ Лукашъ прикрикнулъ даже на насъ, чтобы мы шли позади телѣги, но мы не хотѣли ни на шагъ отойти отъ клячи.

Солнце грѣло все сильнѣе, дорога становилась песчаной, тяжелой; кляча тащила свой возъ съ нѣкоторымъ усиліемъ; здоровый ея глазъ щурился отъ блеска, на слѣпой, безжизненный садилась раздраженная жарой муха. Мы сейчасъ наломали вербныхъ вѣтокъ и начали старательно отмахивать ихъ отъ клячи. Сами мы не чувствовали усталости. Босикомъ, въ старыхъ штанахъ и заплатанныхъ курткахъ, мы бодро шагали рядомъ съ клячей, а передъ нами все росли и росли кладбищенскіе кресты...

Такъ какъ нести гробъ было некому, то пропустили насъ

съ телѣгой за ворота. Но тутъ пришлось ждать, потому что могильщикъ не кончилъ еще рыть яму и только теперь поспѣшно выбрасывалъ изъ нея желтый песокъ. Сейчасъ мы начали рвать для клячи заячью капустку и сочный подорожникъ, котораго было много у дороги. Между тѣмъ, отецъ съ господиномъ Лукашемъ сняли гробъ съ телѣги, и поставили его на краю ямы. Не тяжелъ онъ былъ, видно, потому что кумъ, несмотря на старость, стоялъ прямо подъ тяжестью; а отца онъ такъ пригнулъ къ землѣ, какъ крестъ — падающаго Христа, котораго я видѣлъ у бернардинцевъ.

Вскорѣ зазвонилъ тоненькимъ голоскомъ колокольчикъ, и спустя минуту пришелъ ксендзъ въ стихарѣ и прислужникъ съ крестомъ и кропиломъ. Отецъ сурово взглянулъ на насъ, поэтому мы встали съ Фэлькомъ на колѣни, держа въ рукахъ по горсти свѣжей травы. Господинъ Лукашъ и отецъ тоже встали на колѣни; могильщикъ продолжалъ свою работу. Разъ, два, три, прочелъ ксендзъ свою латинскую молитву, упомянуть имя и фамилию матери и велѣлъ читать «Отче нашъ», начавъ самъ вслухъ.

Отецъ поднялъ кверху лицо и обѣ руки; онъ смотрѣлъ наверхъ, а по щекамъ катились тяжелыя, крупныя слезы. Фэлекъ, стоя рядомъ со мной на колѣняхъ, тараторилъ молитву, уставивъ глаза на клячу.

Настала такая тишина, что слышенъ былъ самый легкій шумъ вербы и сыканіе сверчка.

— Во, їсть!.. їсть!—раздался вдругъ среди этой тишины тонкій голосъ Петруса, который держалъ ручонки, полныя травы и весеннихъ цвѣтовъ, передъ мордой клячи, разсыпая фіалки и маргаритки. Кляча нѣжно изъ дѣтскихъ рукъ брала губами траву и жевала ее, отвернувъ голову, меланхолически глядя слѣпымъ, поблѣввшимъ глазомъ на солнце. Ксендзъ взглянулъ, отецъ сморщился и, такъ какъ я стоялъ на колѣняхъ ближе всѣхъ у него подъ рукой, то онъ сильно потянулъ меня за ухо.

Тутъ Фэлекъ началъ громко бить себя кулакомъ въ грудь въ знакъ того, что онъ уже прочелъ молитву и все, что надлежало, исполнилъ въ точности, послѣ чего, взглянувъ искоса на отца, быстро удралъ къ клячѣ и кивнулъ мнѣ. Ксендзъ тоже, окропивъ предварительно гробъ, отчего и на насъ пало немного святости, ушелъ съ прислужникомъ.

Яма все еще не была вырыта. Могильщикъ попалъ въ глину и лишь понемногу, точно масла на хлѣбъ, бралъ ее на лопату.

Отецъ все молился. Однако, господинъ Лукашъ, видно, спѣшилъ, потому что все табакъ нюхалъ и на телѣгу поглядывалъ, да и голову почесывалъ; наконецъ, наклонившись къ

отпу, пошептался съ нимъ немного, пожали другъ другу руки, потрясши раза два по-пріятельски, послѣ чего кумъ пошелъ къ клячѣ.

Мы ее разукрасили уже, какъ молодую. Только что расцвѣтшія вѣтки акаціи торчали у нея за ушами, подъ сбруей, изъ-за хомута, всюду, гдѣ только удалось воткнуть. Пукъ желтыхъ одуванчиковъ красовался на лбу, подъ скрещивающимися ремнями. Съ гривы свѣшивалась живокость и маковый цвѣтъ. Остальную траву мы держали въ рукахъ, чтобы обмахивать ею клячу отъ слѣпней.

Теперь начался настоящій триумфальный походъ.

Впереди шествовалъ Петрусь, не глядя на дорогу, топча маленькія, свѣжія, насыпанныя изъ желтаго песку, дѣтскія могилки, всякій разъ какъ оглядывался на телѣгу. За Петрусемъ кляча, тихо фыркая, поматывала головой, убранной цвѣтами и зеленью, а мы съ Фалькомъ, будто пажы, шагали по лѣвую и правую сторону. Телѣга подвигалась медленно, то поднимаясь, то опускаясь въ провалившіяся могилы, а сзади, за нами неслись глухой, все глуше, гулъ земляныхъ комьевъ, которые падали на гробъ матери.

Инородцы и инородческій вопросъ на Нижегородской Всероссійской выставкѣ.

Главной задачей и цѣлью всероссійской Нижегородской выставки поставлено было изображеніе возможно правдивой картины современнаго состоянія различныхъ видовъ народной производительности въ обширномъ значеніи этого слова. Но на выставкѣ были отдѣлы, которые преслѣдовали другія, болѣе общія цѣли: изобразить во всей полнотѣ обстановку жизни той или другой, обладающей характерными особенностями части страны. Такой характеръ носили на себѣ отдѣлы, посвященные нашимъ окраинамъ. Наиболѣе выдержанъ былъ этотъ характеръ въ экспонатахъ сибирскаго отдѣла, организованнаго подъ руководствомъ нашего почтеннаго ученаго, вице-президента русскаго географическаго общества П. П. Семенова. Пользуясь богатымъ матеріаломъ, сосредоточеннымъ въ этомъ отдѣлѣ, а также частію въ отдѣлѣ «Крайняго Сѣвера» — мы попытаемся сгруппировать здѣсь нѣсколько данныхъ, характеризующихъ положеніе инородческаго населенія Сибири и дальняго сѣвера Европейской Россіи.

Экспонаты отдѣла «Крайняго Сѣвера» даютъ сравнительно немного матеріала для характеристики положенія нашихъ инородцевъ. Экспонаты эти собраны случайно, безъ опредѣленной системы, отличаются бѣдностью и однообразіемъ и выдѣлены были въ особый отдѣлъ слишкомъ поздно, незадолго передъ началомъ выставки, когда уже нельзя было собрать болѣе или менѣе обширный и систематизированный матеріалъ. Больше всего данныхъ, въ видѣ образцовъ, коллекцій, статистическихъ свѣдѣній и отдѣльных научныхъ трудовъ мы находимъ въ Сибирскомъ (XIII) отдѣлѣ выставки, состоящемъ изъ слѣдующихъ подъотдѣловъ, разбитыхъ по географическимъ группамъ: Западно-Сибирскаго, Восточно-Сибирскаго, Приморско-Амурскаго, Алтайско-Кабинетскаго и Томскаго и, наконецъ, Киргизско-Степного, расположеннаго не въ главномъ зданіи Сибирскаго отдѣла, а въ зданіи Средней Азіи. Въ Западно-Сибирскомъ подъотдѣлѣ мы находимъ экспонаты, характеризующіе бытъ самоѣдовъ, остяковъ, вогуловъ и зырянъ, въ Восточно-Сибирскомъ,

наиболѣе цѣннѣе для насъ, такъ какъ въ немъ инородцамъ отведено очень много мѣста, мы знакомимся съ бурятами, якутами, сойотами, минусинскими татарами (качинцами), тунгусами, чукчами и другими мелкими народностями сѣвера Восточной Сибири. Степной подъяетъ рисуеъ быть киргизовъ, таранчей, дунганъ и калмыковъ. Приморско-Амурскій подъяетъ, къ сожалѣннѣю, совсѣмъ не представилъ жизни обитающихъ въ Приамурскомъ генераль-губернаторствѣ: забайкальскихъ бурятъ, приморскихъ гольдовъ и ороchonовъ, якутовъ и др. Инородцы не вошли также въ программу Алтайско-Кабинетскаго подъяетъ, представляющаго владѣннѣя Кабинета Его Величества и издѣлнѣя Екатеринбургской гранильной фабрики.

Съ точки зрѣннѣя такъ называемаго инородческаго вопроса, — вопроса о томъ, почему инородцы, при соприкосновеннѣи съ болѣе сильной расой, теряютъ свои самобытныя черты или вымираютъ, и что нужно дѣлать для того, чтобы не дать имъ сойти съ исторической сцены, а продолжать развиваться и совершенствоваться, — съ этой точки зрѣннѣя наибольшнѣй интересъ представляютъ сѣверныя инородцы: бураты, якуты, тунгузы, остяки, самоѣды, вогулы, чукчи, юкагиры и др. мелкнѣя народности. Между перечисленными здѣсь инородцами только бураты и якутовъ не относятъ обыкновенно къ угасающимъ племенамъ, вымирание же всѣхъ остальныхъ считается лишь вопросомъ времени. Замѣтимъ здѣсь, что именно эти двѣ народности во всѣхъ отношеннѣяхъ обнаружили наибольшую способность примѣниться къ новымъ экономическимъ условнѣямъ: такъ, напримѣръ, земледѣлнѣемъ изъ всѣхъ сѣверныхъ инородцевъ занимаются лишь они одни. Дальше всѣхъ на пути перехода отъ скотоводческаго хозяйства къ земледѣльческому ушли бураты Иркутской губерннѣи. Эти инородцы дали и наибольшнѣй % прироста населеннѣя со времени послѣдней ревизнѣи до начала девятидесятыхъ годовъ.

Бураты Иркутской губерннѣи не вездѣ сдѣлали одинаковыя успѣхи въ дѣлѣ развитнѣя земледѣлнѣя: въ нѣкоторыхъ вѣдомствахъ Балаганскаго и Иркутскаго округовъ они хозяйничаютъ не хуже своихъ сосѣдей русскихъ, въ восточныхъ же вѣдомствахъ Верхотенскаго, въ такихъ, напримѣръ, какъ Кутульское, они совсѣмъ не занимаются земледѣлнѣемъ. И достойный вниманнѣя фактъ: именно въ тѣхъ вѣдомствахъ, Боханскомъ и Укырскомъ, Балаганскаго округа, гдѣ бураты уже завершили переходъ къ земледѣльческому хозяйству, гдѣ площадь запашки, приходящейся на одно наличное хозяйство, даже выше средней крестьянской, тамъ бураты дали и наивысшнѣй приростъ населеннѣя (+ 25,9 и 29,5%), въ скотоводческихъ же, звѣроловныхъ и рыбопромышленныхъ, совсѣмъ не занимающихся земледѣлнѣемъ, какъ Кутульское и Еланцинское вѣдомства Верхотен-

скаго округа, тамъ населеніе дало наибольшую убыль (—15-30%). Такимъ образомъ и среди тѣхъ инородческихъ племенъ, будущее которыхъ, по общему мнѣнію, признается наиболее обеспеченнымъ, встрѣчаются группы, обнаруживающія не приростъ, а значительную убыль населенія. Съ другой стороны, если бы у насъ была болѣе или менѣе точная статистика движенія населенія вымирающихъ инородцевъ, напримѣръ, остяковъ, то мы, навѣрное, встрѣтили бы между ними отдѣльные роды, которые, находясь почему-нибудь въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, дали за послѣднее время не убыль, а приростъ населенія. Это указываетъ, что причинъ угасанія инородческихъ племенъ слѣдуетъ искать не въ физиологическихъ особенностяхъ, не въ крови инородцевъ, а въ экономическихъ и бытовыхъ условіяхъ ихъ жизни.

Какія же условія отрицательно вліяютъ на жизнь инородцевъ?

Культурно-бытovyя формы жизни нашихъ инородцевъ имѣютъ много ненормальныхъ и нездоровыхъ сторонъ, которыя не могутъ не оказывать отрицательнаго вліянія на ихъ развитіе. Но не эти формы имѣютъ главное значеніе: онѣ, вѣдь, существовали и прежде, даже прежде проявлялись въ болѣе рѣзкомъ и грубомъ видѣ, — тѣмъ не менѣе инородцы, до прихода въ край новой, болѣе сильной въ культурномъ и экономическомъ отношеніяхъ расы, не обнаруживали тенденции къ угасанію. Они жили своей простой, нескладной и однообразной жизнью, умѣли извлекать средства къ существованію изъ источниковъ своей обширной, но скудной земли, по своему трудились, по своему проводили время отдыха, изрѣдка приходилось имъ отстаивать свои интересы и отбивать нашествія такихъ же, какъ и они, безсильныхъ кочевниковъ, — въ общемъ они жили безмятежной и свободной жизнью, до тѣхъ поръ пока изъ неведомой страны пришелъ къ нимъ завоеватель, покорилъ ихъ, обложилъ ясакомъ, непокорныхъ угналъ дальше, въ глубь тайги, или усмирить. Инородцы изъ своихъ скудныхъ средствъ, нарушая равновѣсіе въ своемъ несложномъ натуральномъ бюджетѣ, стали платить завоевателю за свое спокойствіе, за право пасти свои стада, охотиться на звѣря и ловить рыбу въ своихъ родныхъ, давно населенныхъ мѣстахъ. Но это еще не все. Завоеватель скоро привелъ за собой въ край большое количество такихъ-же, какъ и онъ, людей, которые поселились среди кочевниковъ и около нихъ и начали прочно тамъ устраниваться. Они не кочевали со своими стадами съ мѣста на мѣсто, а прочно осѣли въ облюбованныхъ участкахъ и принялись воздѣлывать землю. Они вели иное хозяйство и иной образъ жизни, чѣмъ вели первоначальные обитатели края. Нѣкоторые изъ нихъ завели торговныя сношенія съ инородцами, при чемъ часто злоупотребляли преимуществомъ своихъ знаній и ловкости, и эксплуатировали своихъ безхитростныхъ и простодушныхъ сосѣдей. Инородцы присматривались къ жизни новыхъ обитателей, видѣли нѣкоторые преимущества этой жизни передъ своею,

облазнялись нѣкоторыми ея соблазнами. Уровень ихъ потребностей расширился, а между тѣмъ экономическое положеніе все больше и больше падало. Падало оно и благодаря сравнительно большимъ средствамъ, затрачиваемымъ на удовлетвореніе новыхъ потребностей и, главнымъ образомъ, благодаря тому, что скудная природа не могла прокормить увеличившееся населеніе: и старыхъ обитателей, и новыхъ. Между тѣмъ новые, болѣе смышленные и умѣлые пришельцы, пользуясь лучшими, болѣе усовершенствованными орудіями, могли съ большею легкостью, въ ущербъ аборигенамъ края, пользоваться дарами природы.

При извѣстной формѣ хозяйства въ странѣ есть извѣстная граница емкости для ея населенія. Когда на насыщенные уже въ достаточной степени аборигенами пространства земли явились новые обитатели, они не могли существовать однимъ тѣмъ, что они, такъ сказать, отнимали у аборигеновъ, но должны были придумать новые способы эксплуатаціи богатствъ земли и ввести новыя формы хозяйства. Инородцы-аборигены постоянно соприкасались съ пришельцами и, живя отъ той-же земли и отъ тѣхъ-же богатствъ ея, должны были или ввести и у себя новыя формы хозяйства или обречь себя на хроническое голоданіе и на вымираніе. Тамъ, гдѣ покоренные русскими инородцы приспособились къ новымъ формамъ хозяйства,—у крымскихъ татаръ, кавказскихъ горцевъ, башкировъ, киргизовъ, вотяковъ восточной Россіи, тамъ остраго инородческаго вопроса на экономической почвѣ не существуетъ. Тамъ могутъ существовать мѣстные экономическіе вопросы—безземельные татары въ Крыму, лишенные значительной части своихъ земель башкиры въ Оренбургской и Уфимской губерніи—и, кромѣ того, тамъ инородческій вопросъ можетъ обостряться на другой почвѣ: инородцы часто труднѣе приспособляются и подчиняются новымъ бытовымъ и общественнымъ формамъ, чѣмъ экономическимъ. Въ самой рѣзкой формѣ, и на почвѣ экономической, и на почвѣ социально-бытовой, такъ называемый инородческій вопросъ проявляется тамъ, гдѣ инородцы не сумѣли еще приспособиться къ новымъ формамъ хозяйства.

Остяки Tobольской губерніи, въ особенности тѣ, которые населяютъ теченіе рѣкъ—Иртыша, Большой и Малой Оби и др., живутъ главнымъ образомъ рыболовствомъ. Во время производства промысла они постоянно переселяются въ мѣста болѣе удобныя для ловли рыбы, мѣняютъ свои стоянки, слѣдуя лѣтомъ за движеніемъ рыбы и останавливаясь въ мѣстахъ околѣнія ея. Часто они отъѣзжаютъ для этого отъ своихъ зимнихъ жилищъ на 500 и болѣе верстъ. Въ послѣднее время число остяковъ, идущихъ въ работу къ чуждымъ хозяевамъ, увеличивается, а число людей, работающихъ на собственныхъ промыслахъ, уменьшается; число промысловыхъ угодій, отданныхъ въ аренду чужимъ людямъ (торговцамъ) становится больше; уловъ звѣря меньше, уловъ рыбы меньше, цѣ-

ны на инородческій товар дѣлаются чрезмѣрно малы, а на купеческій—чрезмѣрно велики. Гдѣ больше всего русскихъ торговцевъ, тамъ въ особенности замѣтна убыль инородцевъ, и наоборотъ, гдѣ русскихъ меньше, тамъ замѣчается даже прибыль*). Хотя рыболовныя угодья составляютъ собственность мѣстныхъ жителей, инородцевъ, но русскіе торговцы изыскиваютъ всякіе способы, чтобы на выгодныхъ условіяхъ пріобрѣсть лучшія рыболовныя мѣста. Они прибѣгаютъ для этого къ обманамъ и незаконнымъ средствамъ и добиваются того, что самыя дорогіе и рыбныя «пески» арендуютъ за очень дешевую плату; 100—200 руб. они платятъ за промыселъ, гдѣ по ихъ собственнымъ показаніямъ стоимость добываемой рыбы колеблется между 4000 и 8000 руб. и болѣе на мѣстѣ лова. Въ Сургутскомъ и Березовскомъ округахъ большинство рыбныхъ мѣстъ арендуются по нѣскольکو десятковъ лѣтъ сряду одними и тѣми-же лицами, при чемъ право на аренду часто даже передается по наслѣдству между арендаторами. Почти всѣ водныя пространства сѣвера находятся въ частномъ арендномъ пользованіи и съ отдаленныхъ временъ раздѣлены на районы. Каждымъ изъ этихъ районовъ арендаторъ пользуется единолично—здѣсь онъ промышленеть рыбу, окупаетъ ее и другіе продукты труда инородцевъ, здѣсь-же онъ продаетъ только и торгуетъ. Такимъ образомъ на пространствѣ всего Березовскаго округа образовались какъ бы владѣнія разныхъ лицъ, занимающихся рыбными промыслами и торговлей, до Обской губы и даже въ этой послѣдней. Инородцы настолько сильно прониклись сознаніемъ своей зависимости отъ русскихъ торговцевъ-арендаторовъ что даже не представляютъ себѣ возможности самостоятельнаго существованія и покорно подчиняются всему, что имъ предлагается со стороны русскихъ. Торговцы привозятъ такъ называемый «остяцкій» товаръ, который пріобрѣтается *только* для продажи остякамъ и самоѣдамъ и отличается низкимъ качествомъ и высокой цѣной. Этотъ товаръ—муку, хлѣбъ, чай, сахаръ, соль, холстъ, ситцы, мѣдныя украшенія и пуговицы и т. д.,—они обмѣниваютъ на рыбу и пушнину настолько невыгодно для инородцевъ, что въ концѣ обезцѣниваютъ продукты ихъ труда.

Также точно палъ рыбный промыселъ и уменьшились заработки отъ него у прибайкальскихъ бурятъ Иркутской губ., и паденіе это сильно отразилось на благосостояніи мѣстнаго населенія**).

*) См. ст. проф. Якобіа: «Остатки сѣв. части Тобольской губ.» въ «Ежегодникѣ Тоб. Губ. Музея», 1895 г. вып. IV и работы гг. Варпаховскаго и Юрасова въ VII части каталога экспонатовъ Тоб. губ. на Нижегородской выставкѣ.

**) См. Труды по участію Вост.-Сиб. отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества на Всероссійской выставкѣ въ 1896 г. Иллюстрированное описаніе быта сельскаго населенія Иркутской губ. Составлено И. А. Молодыхъ, П. Е. Кулаковымъ и др. членами отдѣла подъ редакціей П. П. Семенова. Стр. 221—226.

У самоѣдовъ, населяющихъ крайній сѣверъ Европейской и Азіатской Россіи, разбросанныхъ мелкими группами по всему побережью Ледовитаго океана, падаютъ звѣроловный и рыболовный промыслы и эти промыслы, вмѣстѣ съ оленеводнымъ, уже не въ состояніи дать возможность инородцамъ удовлетворять ихъ расширившіяся подъ вліяніемъ русскихъ потребности.

Звѣроловный промыселъ, кромѣ того, падаетъ почти повсемѣстно вслѣдствіе уничтоженія лѣсовъ и хищническаго истребленія звѣря.

Экспонаты, рисующіе бытъ и промыслы самоѣдовъ, въ отдѣлѣ крайняго сѣвера, самоѣдовъ, остяковъ и вогуловъ—въ залѣ Западной Сибири, самоѣдовъ, тунгузовъ, якутовъ и бурятъ—въ залѣ Восточной Сибири—иллюстрируютъ все то, что высказано выше. Во всемъ видна нужда и бѣдность, всѣ предметы носятъ печать невѣжества и дикости. Въ особенности бѣдность оквозитъ вездѣ. Попробуйте твердый какъ камень хлѣбъ инородцевъ Западной Сибири, и посмотрите, насколько для многихъ изъ этихъ инородцевъ даже такой хлѣбъ является недостижимой роскошью, посмотрите, какъ много всевозможныхъ суррогатовъ замѣняетъ инородцамъ хлѣбъ. Въ Якутскомъ отдѣлѣ, въ грязномъ, отвратительномъ съ виду мѣшкѣ изъ конской кожи хранится очень распространенный среди инородцевъ сѣвера Якутской области суррогатъ—мука сусатки или хлѣбницы (*Butomus umbellatus*). Якуты выгребаютъ шестами со дна озеръ корни этого болотнаго растенія, высушиваютъ, мелютъ и заготавливаютъ на зиму цѣлые мѣшки. Во влажныхъ низменностяхъ среди горъ якуты въ большомъ количествѣ собираютъ корни сарданы (*Lilium spectabile*). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ практикуется болѣе легкій способъ добычи этого растенія. Дѣло въ томъ, что полевые овражки или суслики собираютъ себѣ въ норки его запасы. И якуты откапываютъ норки, убиваютъ овражковъ, такъ какъ и ихъ они ѣдятъ, и похищаютъ у нихъ ихъ пищу.

Инородцы сѣверныхъ округовъ Якутской области и бѣднѣйшихъ семействъ на югѣ употребляютъ въ пищу древесную заболонь. По этому поводу у г. Сѣрошевскаго *) мы читаемъ: «Древесная заболонь, главнымъ образомъ, употребляется основная; листовичичная считается хуже. Сдираютъ ее преимущественно лѣтомъ или ранней весной, когда растеніе только что начинаетъ просыпаться. Со ствола молодыхъ деревьевъ осторожно орѣзаютъ верхнюю кожицу и затѣмъ помощью острыхъ закругленныхъ ножей соскабливаютъ нѣжное оставшееся лыко. Лыко это рѣжутъ на мелкіе кусочки, варятъ въ нѣсколькихъ водахъ, чтобы удалить смолу, затѣмъ подба-

*) «Якуты, опытъ этнографическаго изслѣдованія», Спб., 1896 г. (издано Географическимъ обществомъ на средства, пожертвованныя А. И. Громо-вой).

вляють въ *бутуасъ* (похлебка-каша изъ кобыльаго молока съ мукой изъ суррогатовъ хлѣба) или сушать, толкутъ и сыпають въ сухое мѣсто, въ запасъ. Сосновое лѣшко малопитательно. Это пища бѣднѣйшій. Въ 1859 г., по вычисленію Маака, въ Виліуйскомъ округѣ на семью въ годъ уходило отъ 10 до 100 пудовъ древесной заболони, меньше или больше, смотря по достатку семьи и развитію хлѣбопашества въ данномъ уголкѣ» (стр. 318).

Не только хлѣбъ у многихъ инородцевъ замѣняется суррогатами: чай, играющій такую громадную роль въ ихъ питаніи и во многихъ мѣстахъ очень дешевый благодаря близости къ границамъ Монголіи, благодаря безпошлинному и контрабандному ввозу, наконецъ, просто благодаря тому, что чай пріобрѣтается самый малопитательный и дурного качества, этотъ чай все таки повсемѣстно въ большей или меньшей степени замѣняется суррогатами. И какихъ только растительныхъ продуктовъ вы не встрѣтите въ числѣ этихъ суррогатовъ: листья черноплодника, утесной травы и брусники, стебли хвоща и бадаана, лепестки шиповника, грибки на березахъ и мн. др. Между суррогатами чая особенно употребителенъ одинъ: такъ называемая въ Сибири *чага* — затвердѣвшій березовый сокъ. По внѣшнему своему виду и удѣльному вѣсу этотъ суррогатъ гораздо больше походить на камень, на кусокъ желѣзной руды, чѣмъ на чай. Онъ распространенъ не только среди сойотовъ, бурятъ, якутовъ и др. инородцевъ, но и среди русскихъ. Большинство инородцевъ употребляютъ какъ чай, такъ и суррогаты его, кипятя ихъ въ водѣ и подбавляя къ нимъ молоко, масло или сметану, соль и немного муки или ея суррогатовъ. Получается не чай, а похлебка, которая для многихъ инородцевъ является главной и почти единственной пищей.

Большинство инородцевъ не гнушается употреблять въ пищу мясо издохшихъ животныхъ. Буряты покупаютъ падаль у своихъ сосѣдей-русскихъ или подбираютъ ее въ полѣ. Якуты, даже богачи, также не брезгаютъ падалью. Такъ какъ «опой» (разрывъ сердца) считается у нихъ такой смертью, послѣ которой мясо издохшей скотины можно ѣсть также, какъ и мясо всякой убитой и зарѣзанной, то они слишкомъ злоупотребляютъ этой болѣзнью, и какъ только падеть животное, въ особенности жирное и соблазнительное, они говорятъ, что оно «пропало отъ опоя». Тѣ же якуты и киргизы ѣдятъ даже мясо животныхъ, павшихъ отъ повальныхъ болѣзней, сибирской язвы, чумы и т. п. При этомъ якуты считаютъ необходимымъ только особеннымъ образомъ, тщательно, приготовить мясо, а киргизы приколютъ заболѣвшую скотину, прежде чѣмъ она успѣетъ издохнуть своею смертью. Якуты и нѣкоторые другіе инородцы крайняго сѣвера, въ концѣ зимы, когда пища подберется, а рыбнаго промысла еще начинать нельзя, часто снимаютъ съ оленя кожу налимовъ, служившую вмѣсто стеколъ, и употребляютъ ее въ пищу. Инородцы различныхъ мѣстностей употребляютъ въ пищу

мясо овражковъ, нерпѣ (особый видъ тюленя: *phoca baicalensis*), медвѣдей, далей, аистовъ, воронъ и др. птицъ и животныхъ.

Такая неразборчивость въ пищу обуславливается крайней бѣдностью инородцевъ, которымъ часто приходится останавливаться передъ альтернативой: голодать или употреблять въ пищу то, что претитъ даже ихъ нетребовательному вкусу.

Понятно, что необходимость выйти изъ крайне неудовлетворительнаго экономическаго положенія заставляетъ инородцевъ измѣнять форму своего хозяйства и изыскивать новыя средства существованія. Въ этомъ отношеніи положеніе инородцевъ самаго крайняго сѣвера, тѣхъ мѣстностей, гдѣ хлѣбопашество невозможно, вполне безпомощное. Эта то безпомощность и является одной изъ главныхъ причинъ вымирания и угасанія цѣлыхъ племенъ. Въ культурно-земледѣльческой полосѣ Сибири первое и единственное спасеніе инородцы находятъ себѣ въ переходѣ отъ скотоводческаго хозяйства къ земледѣльческому. Этотъ переходъ сначала дается очень трудно. Покупка болѣе или менѣе рациональныхъ земледѣльческихъ орудій недоступна начинающимъ земледѣльцамъ, какъ вслѣдствіе ихъ бѣдности, такъ и вслѣдствіе того, что небольшіе размѣры запашки не могутъ окупить большихъ затратъ на хорошій инвентарь. Рабочій скотъ еще не приспособленъ къ земледѣльческимъ работамъ. Въ результатъ работъ и въ урожаѣ нѣтъ той увѣренности, которая поддерживаетъ въ трудѣ старыхъ и опытныхъ земледѣльцевъ. «Въ старину сѣяли хлѣбъ такъ: вскопають кой-какъ землю лопатой—только-бы чернѣла, разбросаютъ сѣмя, затѣмъ возьмутъ суковатую, раскидистую вѣтвь за конецъ и волочатъ по пашнѣ... Вотъ и заборонили... все сѣмя на верху... прилетятъ птицы и половину съѣдятъ» *)... У начинающихъ земледѣіе киргизовъ соху представляетъ кусокъ дерева съ желѣзнымъ наконечникомъ безъ отвала, а вмѣсто бороны служатъ древесные сучья. Такія же орудія обработки почвы мы встрѣчаемъ на выставкѣ среди древностей Минусинскаго музея. Уборка и молотьба хлѣба, перемалываніе зерна въ муку также совершаются при помощи самыхъ первобытныхъ орудій, дѣлающихъ производительность труда крайне ничтожной. Буряты, какъ рассказываютъ старики, въ старину руками вырывали колосы вмѣстѣ съ корнями изъ земли и зерно отъ мякны отбирали руками. Жать хлѣбъ серпами и связывать снопы научилъ ихъ, по ихъ словамъ, Св. Николай Чудотворецъ. Якуты въ былыя времена орывали хлѣбъ руками, по одному колосу, по мѣрѣ созрѣванія хлѣба. Колосы сушили на солнцѣ и разминали руками. Такіе способы и до сихъ поръ практикуются въ небольшихъ якутскихъ хозяйствахъ. У бурятъ на окраинахъ культурно-

*) Сѣрошевскій, стр. 289.

земледѣльческой полосы Иркутской губерніи и у якутовъ почти повсемѣстно сохранились ступки для толченія зерна, ручные каменные жернова и даже деревянные жернова съ вбитыми въ дерево мелкими камешками. Орудія эти, производящія, конечно, не муку, а плохого качества крупу, можно было видѣть на выставкѣ. А къ самому способу печенія хлѣба инородцы привыкають медленно и постепенно. Буряты рассказываютъ, что они еще недавно не знали печей, а пекли хлѣбъ въ золѣ. Ольхонскіе буряты до сихъ поръ сохранили способъ приготовленія *«бумозъ»*: истолченное въ ступахъ зерно они смѣшиваютъ со сметаной и круглые комки выпекають среди камней, засыпанныхъ золой. Якуты поджаривають тѣсто на сковородкѣ около камельковъ. Неумѣнье вкусно печь хлѣбы заставляетъ инородцевъ чаще употреблять муку въ другомъ видѣ: они подмѣшиваютъ ее къ разнаго рода похлебкамъ.

Мѣстная администрація приходила на помощь инородческому населенію, но мѣры помощи не всегда и не вездѣ были цѣлесообразны и часто достигали обратныхъ результатовъ: принудительныя мѣры отбивали охоту къ земледѣльческому труду. Относительно вліянія мѣръ, которыя принимала мѣстная администрація для развитія земледѣлія и огородничества въ краѣ, существуютъ самыя противоположныя мнѣнія: одни относятъ исключительно на счетъ вліянія администраціи современное развитіе хлѣбопашества у бурятъ, другіе говорятъ, что оно развилось благодаря измѣнившимся въ краѣ экономическимъ отношеніямъ и, благодаря выгоднымъ почвеннымъ и климатическимъ условіямъ, развилось, *несмотря* на административныя мѣры. Смыло, конечно, такое вполнѣ отрицательное мнѣніе о мѣрахъ, среди которыхъ были не только побудительныя, но и поощрительныя, которыя часто клонились къ тому, чтобы подбѣйствовать на инородцевъ примѣромъ, но, съ другой стороны, воимъ знакомымъ съ исторіей развитія сельскаго хозяйства у инородцевъ извѣстны случаи, въ родѣ того какой, на примѣръ, произошелъ съ развитіемъ хлѣбопашества и огородничества у бурятъ бывшаго Ольхонскаго вѣдомства, Верхоленскаго округа. Мѣстныхъ жителей принудительно заставляли покупать земледѣльческія орудія и сѣмена хлѣбныхъ растеній и картофеля, отбирали отъ нихъ подписки въ томъ, что къ извѣстному времени у нихъ будетъ извѣстное количество запашки. Властямъ изъ инородцевъ и тѣмъ бурятамъ, у кого окажется больше запашки, общаны были награды. Но вслѣдствіе того, что климатическія условія мѣстности неблагопріятны для земледѣлія, мѣры эти не достигли рѣшительно никакихъ результатовъ: правда, на бумагѣ часто показывались десятки и даже сотни десятинъ пашни, но въ дѣйствительности желѣзо сохъ и боронъ перековывалось на мотыги и копурули, какъ только ослабѣвалъ пылъ мѣстнаго начальства, а земледѣліе въ вѣдомствѣ до сихъ поръ не играетъ фактически никакой роли.

Это медленное и слабое развитіе земледѣлія объясняется вовсе

не дѣлю инородцевъ, какъ утверждаютъ многіе. Насколько они способны къ труду, можно видѣть изъ описаній работъ по расчисткѣ камня подъ покосъ въ томъ же бывшемъ Ольхонскомъ вѣдомствѣ и изъ фотографій, имѣвшихся на выставкѣ. Какъ извѣстно, бураты пашень своихъ навозомъ не удобряютъ. Весь наземъ уходитъ у нихъ на самое тщательное удобреніе ихъ «утуговъ», покосовъ при усадьбахъ. Эти утуги не только удобряются, но еще тамъ, гдѣ есть хоть какая нибудь возможность, искусственно орошаются. Ольхонское населеніе, нуждаясь въ покосахъ, изъ году въ годъ увеличиваетъ ихъ площадь новыми расчистками изъ подъ камня. Для этого крупный камень извлекается изъ земли и отвозится въ сторону, почва образуется искусственно, путемъ накопленія новыхъ и новыхъ слоевъ казема. Но этого мало. Такъ какъ край этотъ страдаетъ отъ недостатка влаги, ольхонцы принимаютъ всѣ мѣры для того, чтобы задержать ее на своихъ утугахъ: они устраиваютъ запруды и отводятъ воду по канавамъ далеко въ сторону отъ рѣкъ; покатоности изрѣзываютъ продольными канавками для того, чтобы при таяніи снѣга и въ случаѣ дождей вода не стекала быстро, а задерживалась въ почвѣ; изъ тына устраиваютъ на своихъ утугахъ щиты *мурхэ* для того, чтобы около нихъ скопился зимою снѣгъ *). И все-таки, несмотря на такіе труды, живутъ они крайне небезопасно. Какъ умѣютъ трудиться якуты, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ г. Сѣрошевскаго: «Въ началѣ лѣта, когда днемъ жары, косятъ по большей части ночью, по утрамъ и вечерами. Спать днемъ. Спать вообще мало—нѣсколько часовъ въ сутки. За то въ ненастные дни высыпаются не въ мѣру—иногда безъ перерыва спать по 20 часовъ... При плохой пищѣ иногда доходятъ до полного изнеможенія. Я знаю въ Баягантайскомъ улусѣ случай временнаго сумасшествія, приписанный жителями по истинѣ «чрезмѣрному» труду и нуждѣ. Лица работающихъ дѣлаются подъ конецъ покоса какіе-то тупоумныя, страдальческія, походка тяжелая и вялая» (283—284).

Такая способность къ труду, конечно, не всегда пропадаетъ даромъ и многіе инородцы подвинулись значительно впередъ на пути развитія экономическаго благосостоянія и на пути перехода къ земледѣльческому хозяйству. Я уже упоминалъ про бураты Иркутской губерніи, лучшихъ хлѣбопашцевъ среди инородцевъ. Бураты Иркутскаго и Балаганскаго округовъ производятъ хлѣба столько, что ежегодно не менѣе 1 милліона пудовъ обывають на сторону, главнымъ образомъ въ Якутскую область, на золотые прииски Олекминско-Витимской системы. У нихъ уже вполнѣ правильное и установившееся земледѣльческое хозяйство, тѣ-же самыя приемы обработки почвы и уборки хлѣба, что и у русскихъ. У нихъ,

*) Иллюстрированное описаніе быта сельскаго населенія Иркутской губ. Стр. 52 и 66—72.

какъ и у русскихъ, распространяются въ послѣднее время колесухи, вѣялки и молотилки *). Есть даже бурятскія вѣдомства, гдѣ площадь запашки, приходящейся на наличное хозяйство, выше чѣмъ та, которая приходится на наличное хозяйство русскихъ крестьянъ сосѣднихъ волостей. Ученики опередили своихъ учителей. Якуты въ дѣлѣ развитія земледѣлія сдѣлали гораздо менѣе успѣховъ, чѣмъ буряты. Оно и понятно: климатическія условія Якутской области въ общемъ неблагоприятны для земледѣлія. Тѣмъ не менѣе, съ каждымъ годомъ якуты все больше и больше захватываютъ въ свои руки производство хлѣба и съ каждымъ годомъ процентное отношеніе ввозимаго въ Якутскую область хлѣба къ потребляемому падаетъ. Въ 1841 г. якуты собрали всего 1753 четверти, а въ 1890 г.—51,259 т. е. 56% всего хлѣба, собраннаго въ области. Хлѣбное хозяйство развивается и у киргизовъ. Такъ бѣлокаменскіе киргизы, по свидѣтельству г. Катанаева **), съ каждымъ годомъ все больше и больше выселяются изъ степи на казачьи пограничныя линіи. На такое выселеніе вліяетъ каждый сколько нибудь значительный падежъ скота въ степи, каждая засуха, каждое болѣе или менѣе общее и частное обнищаніе киргизовъ-степняковъ. Числясь зачастую въ отдаленныхъ степныхъ волостяхъ, киргизы съ каждымъ годомъ все болѣе теряютъ связь съ этими волостями и, такъ сказать, осѣдаютъ около русскихъ поселеній. Многіе изъ нихъ даже хлопотали о закрѣпленіи за ними казачьихъ земель и объ обращеніи ихъ въ казаки: только чтобы позволили имъ не перемѣнять магометанской религіи. Приходя сначала на линію для временныхъ заработковъ, киргизы пріучаются здѣсь и къ хлѣбопашеству.

Для того, чтобы покончить съ успѣхами въ сельскомъ хозяйствѣ инородцевъ и съ ихъ экономическимъ бытомъ, я долженъ сказать еще объ одномъ крупномъ культурно-историческомъ шагѣ сдѣланномъ въ послѣднее время нѣкоторыми инородцами. Относительно большей или меньшей прочности и постоянности прикрѣпленія къ жилищамъ инородцы раздѣляются на бродячихъ, кочевыхъ и осѣдлыхъ. Бродячій бытъ — самая низкая степенъ культуры. Мы уже видѣли, что остяки мѣняють свои жилища и переходятъ съ мѣста на мѣсто, отыскивая лучшія рыбныя мѣста. Самоѣды перегоняють свои стада на новыя мѣста, по мѣрѣ того, какъ олени уничтожаютъ кормъ на прежнихъ кочевьяхъ. Тунгузы и карагазы бродятъ по тайгѣ въ поискахъ за зѣремъ и дичью. Бродячій бытъ — самое необезпеченное состояніе, не привязывающее инородца къ одному опредѣленному мѣсту, не требующее отъ него особой заботливости о

*) См. Иллюстрированное описаніе и т. д. Стр. 107—111.

**) Записки Зап. Сиб. отд. Русск. Геогр. Общ. кн. XIV вып. 2. При-Иртышскіе казаки и киргизы Семипалатинскаго уѣзда. Стр. 2.

будущемъ, не принуждающее его дѣлать для себя и для стада своихъ какіе нибудь запасы.

Кочевой бытъ—это уже гораздо болѣе высокая степень развитія. Кочевыми признаются тѣ инородцы, которые имѣютъ по нѣскольку постоянныхъ жилищъ и перебираются изъ одного въ другое на опредѣленные времена года. Къ кочевымъ инородцамъ относятся: якуты, буряты, киргизы и др. скотоводы. Всѣ эти инородцы перебираются на лѣтнее время въ такъ называемые *лѣтники* или *лѣтоски*, поближе къ пастбищамъ, и на зимнее—въ *зимники* или *зимовки*, гдѣ у нихъ имѣются теплыя избы, стайки и загоны, приспособленные для зимы, и гдѣ у инородцевъ, принявшихъ за земледѣліе, находятся пашни. Нѣкоторые изъ инородцевъ имѣютъ еще *осенники* и *весенники*. Это по большей части отдаленные отъ зимниковъ покосы, откуда неудобно перевозить сѣно и куда, поэтому, осенью или весною перегоняется скотъ для того, чтобы скормить ему припасенное сѣно.

Осѣдлыми называются инородцы, имѣющіе одно постоянное мѣстожителство и не покидающіе его круглый годъ. Въ административномъ отношеніи осѣдлыми или ясачными признаются тѣ инородцы, которые, принявъ православіе и взявъ въ жены русскихъ дѣвушекъ и женщинъ, приселились къ русскимъ деревнямъ или образовали самостоятельныя осѣдлыя поселенія (*карымскія* деревни, *карымы* — у иркутскихъ и забайкальскихъ бурятъ). Осѣдлые инородцы, въ особенности тѣ, которые числятся въ этомъ состояніи уже нѣсколько поколѣній, которыхъ еще прадѣды и прапрадѣды взяли себѣ русскихъ «женокъ»,—по внѣшнему своему виду и по образу жизни уже ничѣмъ не отличаются отъ коренныхъ русскихъ. Они только приписаны не къ русскимъ волостямъ, а къ инородческому вѣдомству, пользуются нѣкоторыми льготами по уплатѣ государственныхъ сборовъ и не отбываютъ воинской повинности.

Въ послѣднее десятилѣтіе такой переходъ въ «осѣдлые» приостановленъ. Но кромѣ этихъ, юридически осѣдлыхъ, есть еще фактически осѣдлые инородцы. Эти могутъ быть православными, язычниками или ламаитами, могутъ имѣть русскихъ женъ или инородокъ. Къ этимъ фактически, а не юридически осѣдлымъ (въ административномъ отношеніи они числятся кочевыми) относятся тѣ инородцы, которые, занявшись земледѣліемъ и усвоивъ новыя формы хозяйства, нашли невыгоднымъ перекочевывать ежегодно изъ зимниковъ въ лѣтники и обратно, и постепенно перешли самостоятельно отъ кочеваго быта къ осѣдлому. Этотъ переходъ вполне понятенъ и рационаленъ: невыгодно жить на два хозяйства, неудобно постоянно перевозить увеличивающійся инвентарь, нельзя оставлять безъ надзора кладъ и амбары хлѣба и т. д. *).

*) Подробности о кочевыхъ и о процессѣ перехода бурятъ къ осѣдлому быту см. Иллюстрированное описаніе и т. д. Стр. 8, 115—126, 197—199.

изъ кочевого состоянія въ осѣдлое наблюдается особенно сильно въ послѣдніе годы у инородцевъ, переходящихъ отъ скотоводческаго хозяйства къ земледѣльческому: какъ мы уже видѣли, онъ наблюдается и у киргизовъ кочевниковъ, покидающихъ степи и осѣдающихъ около казацкихъ поселеній, у бурятъ въ разныхъ мѣстахъ Иркутской губерніи, наблюдается и у якутовъ, въ особенности на югѣ области, при чемъ якуты, переставшіе кочевать въ лѣтники, какъ и буряты, какъ-бы въ уступку старинѣ, имѣютъ въ зимникахъ около избъ еще и юрты, куда перебираются на лѣто.

Эта самостоятельная приостановка кочеванія и переходъ въ осѣдлое состояніе—въ высшей степени важный процессъ. Его можно считать признакомъ не только приспособляемости населенія къ новымъ экономическимъ отношеніямъ и къ новымъ формамъ хозяйства, но даже—признакомъ уже завершившагося процесса приспособленія. Когда инородецъ самостоятельно перестаетъ кочевать, это значитъ, что для него уже не скотоводство, а земледѣліе играетъ главнѣйшую роль, что въ его сознаніи уже вполне укоренилась мысль о важности и полезности земледѣльческаго промысла. Когда инородецъ перестаетъ кочевать, это значитъ, что онъ пріобрѣтаетъ всѣ шансы поставить свое хозяйство на такую-же ногу, какъ оно стоитъ и у русскихъ: онъ можетъ имѣть запашку, руководствуясь только личными силами своего хозяйства, можетъ уже приняться и за огородничество, чего не могъ сдѣлать, когда по нѣскольку разъ въ году мѣнялъ свои жилища.

Низкое *культурное* состояніе инородцевъ прежде всего проявляется въ ихъ образѣ жизни. Кто знаетъ нечистоплотность инородцевъ, назнакомство ихъ съ самыми основными гигиеническими и санитарными правилами, плохія, самыя антигигиеническія условія ихъ жизни и воспитанія ихъ дѣтей, кто видѣлъ дымныя, темныя и смрадныя жилища инородцевъ, знаетъ, въ какомъ видѣ находится часто ихъ пища,—для тѣхъ совершенно ясно, какъ губительно должны дѣйствовать на населеніе такіе скверныя условія ихъ домашней жизни. На выставкѣ, въ различныхъ народческихъ отдѣлахъ, было много фотографическихъ снимковъ, предметовъ, описаній и отдѣльныхъ научно-литературныхъ работъ и другихъ экспонатовъ, по которымъ можно было познакомиться съ дурными условіями инородческаго быта. Эти дурныя условія повышаютъ смертность среди инородцевъ и, вѣроятно, именно слишкомъ большая смертность, а не малая рождаемость, служитъ причиной незначительнаго роста и часто даже убыли инородческаго населенія. Къ сожалѣнію, нѣтъ цифръ и нѣтъ статистики для того, чтобы можно было провѣрить это предположеніе.

Семейно-половыя отношенія инородцевъ складываются также крайне неблагопріятно для ихъ развитія. Здѣсь на первомъ планѣ

надо поставить обычай уплаты калыма за невѣсту. Калымъ этотъ часто лишаетъ молодого и здороваго человѣка возможности начать семейную жизнь; съ другой стороны слабые, но богатые, имѣющіе возможность нѣсколько разъ уплатить калымъ, берутъ себѣ по двѣ и даже иногда по три жены, мотивируя это по большей части тѣмъ, что первые браки безплодны. Между тѣмъ причина безплодія лежить часто не въ женахъ, а въ мужѣ. Ранніе и неравные браки, прежде очень распространенные среди инородцевъ, также оказывали отрицательное вліяніе на движеніе населенія у инородцевъ. Между тѣмъ всѣ изслѣдователи инородческаго быта указываютъ на то, что такіе часто до уродливости ненормальные браки распространены и до сихъ поръ. Мнѣ самому приходилось видѣть въ Иркутской губ. шестнадцатилѣтняго парня женатаго уже больше 7 лѣтъ и обремененнаго многочисленнымъ семействомъ, двумя дочерми и двумя сыновьями, изъ которыхъ старшему пелѣ уже седьмой годъ; десятилѣтняго мальчика, женатаго на двадцатилѣтней дѣвушкѣ; и многихъ 15—17-ти лѣтнихъ юношей, женатыхъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Что касается простоты и свободы половыхъ отношеній инородческихъ мужчинъ и женщинъ, то, въ виду того что отношенія эти у большинства инородцевъ свободны лишь между молодежью, еще несвязавшей себя узами брака, въ виду того также, что дѣвушки, имѣвшія до брака дѣтей, не считаются опозоренными, а напротивъ, часто даже являются предпочтительными невѣстами, такъ какъ онѣ уже доказали свою способность къ дѣторожденію, — въ виду этого трудно рѣшить, какое вліяніе на движеніе населенія имѣетъ такая свобода половыхъ отношеній.

Очень много вредныхъ сторонъ, также оказывающихъ отрицательное вліяніе на жизнь инородцевъ, имѣетъ преобладающая вѣра большинства ихъ на сѣверѣ — язычество или шаманизмъ. Посредниками между людьми и богами, по мнѣнію язычниковъ, являются ихъ жрецы или шаманы. Шаманы эти не отличаются ни особеннымъ образованіемъ, ни ученостію. Для того, чтобы шаманъ могъ пользоваться почетомъ и уваженіемъ среди простого народа, онъ долженъ хоть чѣмъ нибудь отличаться отъ этого народа. Съ другой стороны, самый актъ общенія съ высшими добрыми и злыми существами долженъ какимъ нибудь внѣшнимъ образомъ отражаться на шаманѣ. Поэтому-то шаманы, которые способны доводить себя заклинаніями и священнодѣйствіями до нервныхъ припадковъ, пользуются наибольшимъ почетомъ среди инородцевъ шаманистовъ. Шамановъ очень много среди инородцевъ, разные шаманскіе обряды, въ которыхъ всегда очень много мистическихъ, символическихъ и всякихъ таинственныхъ элементовъ, совершаются на глазахъ всего народа; понятно поэтому, что долгіе вѣка служенія этой вѣрѣ не могли остаться безъ вліянія на нервно-мозговую организацію инородцевъ. Всѣ они, по единогласному показанію изслѣдователей, счѣнь нервны, впечатлительны и, обладая крайне

неустойчивой организаціей, легко подвергаются всякимъ нервнымъ заболѣваніямъ: кликушество, имерячество и разныя формы истеро-эпилептическихъ заболѣваній свойственны всѣмъ инородцамъ. Для того, чтобы иллюстрировать эту мысль, я приведу изъ моей статьи о бурятахъ Иркутской губерніи, помѣщенной въ послѣдней книжкѣ «Извѣстій» Восточно-Сибирскаго отдѣла императорскаго русскаго географическаго общества, два рѣзкихъ примѣра, мало извѣстныхъ обществу. Бураты Иркутской губерніи подвержены періодическимъ эпидемическимъ заболѣваніямъ одной въ высшей степени интересной, но, къ сожалѣнію, совсѣмъ не изученной, психической болѣзни, называемой по бурятски *найгуръ* и извѣстной у русскихъ крестьянъ подъ именемъ *дуреня*. По добытымъ мною указаніямъ болѣзнь эта начинается слѣдующимъ образомъ. Больной—*найгуршимъ* испытываетъ головокруженіе, ломоту въ тѣлѣ, иногда предъ глазами его вертятся огненные круги; какое-то внутреннее безпокойство, испытываемое больнымъ, не позволяетъ ему заниматься какимъ-нибудь однимъ дѣломъ или даже оставаться на одномъ мѣстѣ. Онъ ходитъ изъ дома въ домъ, изъ юрты въ юрту, гдѣ его радушно принимаютъ и угощаютъ тарасуномъ (бурятскій легкій спиртный напитокъ, перегоняемый изъ молока и хлѣба). Больной уже давно слышалъ, что по сосѣдству гдѣ-то ходитъ цѣлая толпа такихъ-же, какъ и онъ, бурятъ, испытывающихъ внутреннее безпокойство и сознающихъ, что ихъ толкаетъ на что-то и къ чему-то ведетъ какая-то невѣдомая сила. Онъ присоединяется къ цѣлой артели такихъ найгуршиновъ, артели, проводникомъ которой служитъ часто одинъ здоровый человѣкъ—*абатай*, дядька. Въ такой группѣ найгуршиновъ иногда бываетъ одинъ *дулашинъ*—нѣчто въ родѣ старосты. Съ особенными пѣснями, которыя такъ и называются найгурными пѣснями, со звономъ бубенцовъ и колокольчиковъ, съ ненормально возбужденной жестикуляціей, группа больныхъ, постепенно увеличиваясь все болѣе и болѣе, переходитъ изъ юрты въ юрту, изъ улуса въ улусъ. Движеніе растеть—цѣлые улусы начинаютъ найгуршить. Бураты, незаразившіеся болѣзнію, съ почетомъ принимаютъ у себя больныхъ, слушаютъ ихъ пѣсни, кормятъ и угощаютъ ихъ. Вокругъ найгуршиновъ, въ особенности дулашина, этого своеобразнаго бурятскаго медиума, носится ореолъ какого-то величія, которое придаетъ имъ общеніе съ высшими существами. Въ Балаганскомъ, Иркутскомъ и Верхоненскомъ округахъ эта болѣзнь была сильно распространена въ началѣ сороковыхъ годовъ. Всѣ вѣдомства постепенно переохворали ею въ большей или меньшей степени, болѣзнь распространилась на 3 округа и, затихнувъ на время, чрезъ нѣсколько лѣтъ опять стала развиваться. Такимъ образомъ эта болѣзнь периодически повторяется въ разныхъ мѣстахъ, то широко разливаясь по вѣдомствамъ, то захватывая лишь отдѣльныя личности. Въ бывшемъ Ольхонскомъ вѣдомствѣ, Верхоненскаго округа, еще не такъ давно, именно въ 1887 г. болѣзнь приняла очень большіе размѣры.

Началъ найгурить тамъ бурять Аладіевъ, Еландинскаго вѣдомства, къ нему быстро стали присоединяться другіе больные, заражались чѣмъ улусы. Въ особенности много заболѣваній было въ улусахъ Хайриктинскомъ, Семисосенскомъ, Кутульскомъ и Кучульгинскомъ. У Иркутскихъ бурять есть даже много шамановъ, получившихъ силу и право шаманить безъ предварительной подготовки и обычныхъ посвященій въ шаманы, а только вслѣдствіе того, что они были найгурпинами.

Между почитаемыми въ Балаганскомъ округѣ и сосѣднихъ мѣстахъ *заянами*—богами изъ прежде бывшихъ людей, чѣмъ нибудь особенно отличившихся въ жизни, считаются такъ называемыя «Улейскія многія», о происхожденіи которыхъ буряты рассказываютъ слѣдующее. Одна улейская бурятка выдана была замужъ въ Тархай. Мужъ ея обращался съ нею жестоко, она бѣжала отъ него, была поймана, подверглась многимъ тяжелымъ истязаніямъ, сошла съ ума, сдѣлалась шаманкой, убѣжала на родину, гдѣ вскорѣ удавилась. Послѣ смерти она была причислена бурятами къ заянамъ. Ея судьба не осталась безъ вліянія на улейскихъ бурятокъ. Стали періодически повторяться случаи психическихъ заболѣваній между бурятами небольшого Улейскаго вѣдомства. Бурятки эти дѣлались шаманками, оканчивали жизнь самоубійствомъ, послѣ смерти причислялись къ заянамъ, увеличивая шаманскій пантеонъ; по свѣдѣніямъ гг. Хангалова и Агапитова (Матеріалы по изученію шаманства) «Улейскихъ многихъ» насчитывалось 350 душъ. Лѣтомъ прошлаго 1895 г. мнѣ самому пришлось видѣть повѣсившуюся въ Улейскомъ вѣдомствѣ молодую шаманку, которая, по официальному показанію буряты, въ послѣдніе годы страдала душевнымъ разстройствомъ, а по частнымъ рассказамъ, шаманила. Та таинственность, которой были окружены болѣзнь и смерть этой бурятки, и особое чувство религіознаго почитанія и страха, съ которымъ говорилось о покойницѣ, даютъ мнѣ основанія думать, что и эта шаманка-самоубійца уже причислена къ «Улейскимъ многимъ».

Всѣ сѣверныя инородцы - шаманисты относятся съ какимъ-то осторожнымъ, если можно такъ выразиться, уваженіемъ и нѣкоторымъ страхомъ къ психическимъ больнымъ. По ихъ мнѣнію, сумасшествіе признакъ близкаго общенія больного съ высшими существами. Это и признакъ, а отчасти и причина нервно-мозгового переутомленія, явившагося вслѣдствіе шаманской «черной» вѣры инородцевъ, положившей на нихъ глубокой отпечатокъ, губительно дѣйствующей на нихъ и служащей одной изъ причинъ, задерживающихъ ихъ ростъ и развитіе.

Не буду останавливаться здѣсь, за недостаткомъ мѣста, на другихъ вредныхъ сторонахъ шаманства, на проникающихъ все болѣе и болѣе въ шаманскую среду всякихъ нечестныхъ способахъ дѣй-

отвѣй, эксплуатирующихъ тѣмъ и невѣжество вѣрующихъ, хитрыхъ и обманныхъ пріемахъ, проникшихъ къ шаманамъ подъ вліяніемъ всякихъ разлагающихъ элементовъ, ворвавшихся въ послѣднее время въ инородческую среду и подрывающихъ ихъ нравственные, — не языческіе, конечно, а обще-человѣческіе, устои. Вредъ шаманства и вообще языческаго культа общепризнанъ, необходимость пропаганды болѣе высокой вѣры среди инородцевъ не подлежитъ сомнѣнію. Къ этому направлена дѣятельность православнаго духовенства и администраціи. Наша миссія издавна дѣйствуетъ на сибирскихъ окраинахъ, среди инородцевъ. Но что мы видимъ, какіе результаты дала многотѣтная соединенная дѣятельность администраціи и духовенства? Количество обращенныхъ въ православіе инородцевъ — громадное, вліяніе этого обращенія на духовно-нравственное состояніе, на образъ жизни и бытъ инородцевъ, — минимальное. Изъ многочисленныхъ изданій, имѣвшихся на выставкѣ и отчасти представлявшихъ экспонаты разныхъ мѣстныхъ ученыхъ обществъ, мы убѣждаемся въ этомъ. Остатки и самоѣды сѣвера Тобольской губерніи даже тамъ, гдѣ православіе сдѣлало наиболѣе успѣховъ, во всей чистотѣ сохранили языческіе обряды. Якуты почти всѣ номинальные христіане и фактическіе язычники. Миссіонерская дѣятельность почти у всѣхъ инородцевъ достигла совершенно одинаковыхъ результатовъ. Въ «Трудахъ по участію Восточно-Сиб. Отд. Геогр. Общ. на всероссійской выставкѣ» я писалъ о результатахъ миссіонерской дѣятельности среди бурятъ Иркутской губерніи то же, что можно сказать о ея результатахъ и среди другихъ инородцевъ. «Буряты давно стали принимать православную вѣру. Они поощрялись къ этому подарками, наградами и разными льготами. Убѣжденіе и просвѣщеніе въ дѣлѣ принятія бурятами православія играли прежде самую незначительную роль. Поощрялась и награждалась администрація, въ округѣ которой было много обращеній въ православіе, награждались болѣе усердные миссіонеры и порицались такіе, въ станѣ которыхъ бывало мало обращеній. Бурятамъ, содѣйствовавшимъ распространенію православія, раздавались почетныя награды, кафтаны, писались благословенія. Понятно, къ чему могли приводить такіа мѣры. Какой распространительницей христіанства могла явиться земская полиція и какими пропагандистами ученія Христа могли быть неграмотные, незнавшіе не только русской вѣры, но часто и языка, разныя тайши и засѣдатели буряты. Для полученія наградъ они прибѣгали къ насиліямъ, какъ то было, напримѣръ, обнаружено, въ извѣстномъ дѣлѣ обращенія въ православіе аларскихъ бурятъ въ 1891 г. Дѣятельность православной миссіи среди бурятъ Иркутской губ. нельзя назвать удачной. Хотя количество крещенныхъ бурятъ возросло до очень большой цифры и къ настоящему времени крещенныхъ бурятъ больше $\frac{1}{2}$, но эту треть нельзя считать православною: она, за исключеніемъ единичныхъ личностей, соблюдаетъ шаманскіе обряды и жертвоприношенія, участвуетъ въ тайлаганахъ и, рядомъ

съ православной иконой, спрятанной гдѣ-нибудь въ заднемъ углу юрты или дома, на видномъ мѣстѣ держать онгоновъ и много другихъ разнообразныхъ предметовъ шаманскаго или буддійскаго культа. Бураты по большей части равнодушны къ духовнымъ вопросамъ и ихъ религіозныя воззрѣнія очень смутны и запутаны: и крещенные, и некрещенные бураты прибѣгаютъ одинаково къ помощи и шамановъ, и православныхъ священниковъ, и ламъ. Въ православной церкви вы можете встрѣтить шаманиста, ставящаго восковую свѣчу передъ иконой Николая Чудотворца или св. Инокентія. Неуспѣхъ нашей миссіи среди инородцевъ находится въ зависимости отъ многочисленныхъ причинъ: прежде всего отрицательное вліяніе оказывала неправильная политика миссіонеровъ, стремившихся не къ качественному, а къ количественному распространенію христіанства. Не рѣзкія побудительныя и поощрительныя мѣры, не шитые кафтаны и не медали должны распространять истинное христіанство, а хорошій примѣръ, образованіе и разумная проповѣдь. Къ этому сознанію пришло въ послѣднее время и общество, и управленіе миссіи. Главныя препятствія, которыя встрѣчаетъ миссія у инородцевъ,—это ихъ матеріальное и духовное убожество и невѣжество.

Но причины малыхъ результатовъ миссіонерской дѣятельности лежатъ не въ однихъ только условіяхъ инородческой среды. Для большей плодотворности этой дѣятельности необходимо принять мѣры къ повышенію уровня и улучшенію состава и самихъ распространителей православія, миссіонеровъ. Ни для кого не тайна, что общій уровень духовенства отдаленныхъ отъ окраинъ Сибири крайне неудовлетворителенъ. Миссіонерская дѣятельность въ истинномъ, высокомъ смыслѣ этого слова—тяжелый подвигъ. Дѣятельность эта крайне трудна и отвѣтственна. Безъ убѣжденія въ высокой важности дѣла, въ громаднѣйшемъ значеніи христіанской идеи, при тѣхъ крайне неудобныхъ и тяжелыхъ условіяхъ, въ которыхъ образованный человѣкъ живетъ въ некультурной, чуждой ему средѣ,—обычный миссіонеръ никогда не можетъ стоять на высотѣ своего положенія. Въ миссію нужны наиболѣе способные и свѣдущіе священники, но они, за единичными исключеніями, когда ими всецѣло руководить идея, не идутъ туда. Необходимый контингентъ миссіонеровъ пополняется часто мало свѣдующими, не получившими даже общаго образованія, неспособными лицами, не могущими занять священническія вакансіи въ городахъ, богатыхъ селахъ и разныхъ хорошо обставленныхъ и доходныхъ приходахъ. Для того чтобы миссіонерская дѣятельность шла успѣшнѣе, необходимо повысить общій уровень священниковъ—миссіонеровъ, а для этого нужно лучше обставить и сдѣлать болѣе сноснымъ ихъ существованіе въ глухихъ и печальныхъ инородческихъ приходахъ.

Изъ тѣхъ скудныхъ источниковъ, которые имѣлись на выставкѣ по отношенію къ положенію *народной школы* среди инородческаго населенія, можно было убѣдиться только въ одномъ,—именно, что постановка этого въ высшей степени важнаго дѣла у инородцевъ оставляетъ желать еще очень и очень многого. У инородцевъ Тобольской губ. состояніе школьнаго дѣла ниже всякой критики. Это легко объясняется отсталостью именно этихъ инородцевъ, громадностью разстояній, отдѣляющихъ одинъ населенный пунктъ отъ другого и, можетъ быть, главнымъ образомъ, крайней бѣдностью, среди которой влчатъ свое существованіе остяки, самоѣды и вогулы крайняго сѣвера Тобольской губ. У якутовъ дѣло народнаго образованія обстоитъ немного лучше, но и то число школъ въ этой громаднойшей по пространству области не превышаетъ и трехъ десятковъ. Лучшее всего дѣло это поставлено у бурятъ Иркутской губерніи. Процентъ грамотныхъ и учащихся мужскаго пола къ общему количеству мужчинъ равняется 7,2 для бурятскаго населенія Иркутской губерніи, въ то время какъ для русскаго онъ равенъ 12. Больше всего грамотность развита въ Балаганскомъ округѣ. Здѣсь % грамотныхъ русскихъ мужчинъ—12,4, а бурятъ—9,0.

Если, принять во вниманіе, что % грамотныхъ среди русскихъ значительно повышается благодаря большому количеству грамотныхъ ссыльныхъ, которыхъ нѣтъ среди бурятъ, то по всей вѣроятности, окажется, что буряты Балаганскаго округа на столько-же, а можетъ быть, даже немного болѣе грамотны, чѣмъ коренное русское населеніе округа. Во всякомъ случаѣ, если отдѣльныя бурятскія вѣдомства, гдѣ % хозяйствъ съ наличными грамотными членами выше, чѣмъ у нѣкоторыхъ сосѣдей русскихъ, считая даже и грамотныхъ поселенцевъ. Подчеркнемъ здѣсь то, что два такихъ вѣдомства, Боханское и Укырское, давшіе, во время статистико-экономическаго изслѣдованія, произведеннаго покойнымъ Н. М. Астыревымъ и гг. Личковымъ, Смирновымъ, наибольшій % грамотныхъ, обнаружили въ тоже время и наибольшую, по губерніи площадь запашки, большую, чѣмъ въ любой крестьянской волости Иркутской губ. (19 дес. запашки на 1 нал. хоз.). Заслуживаетъ также вниманія то обстоятельство, что именно эти два вѣдомства дали со времени X ревизіи по 1889 г. наибольшій % прироста населенія (+25,9 и +29,5%). Буряты вообще стремятся къ грамотности, они съ охотой приглашаютъ для обученія грамотѣ своихъ дѣтей случайныхъ ссыльныхъ. Но не смотря на это, и здѣсь дѣло обученія стоитъ далеко не на должной высотѣ. Учебное вѣдомство не приспособилось къ крайнему разнообразію состава бурятъ въ различныхъ мѣстностяхъ. Въ то время какъ около линіи московскаго тракта почти всѣ буряты хорошо говорятъ по русски и по образу жизни, по культурнымъ привычкамъ лишь немногимъ отличаются отъ русскихъ, буряты отдаленныхъ вѣдомствъ Верхотурскаго округа почти не говорятъ по русски и во всей первобытной чистотѣ сохранили свой старинный бытъ и свои вѣрова-

ція. Понятно, что то, что хорошо и удобно для одного района, крайне неудобно для другого. Благодаря такой неприспособленности программы къ жизни, благодаря неудовлетворительному состоянію миссіонерскаго духовенства, а также вълѣдствіе тѣхъ общихъ причинъ, подъ вліяніемъ которыхъ церковно-приходскія школы и въ Европейской Россіи поставлены хуже земскихъ и министерскихъ,—въ Сибири миссіонерскія школы пользуются гораздо меньшей популярностью, чѣмъ министерскія. Это справедливо въ особенности по отношенію къ тѣмъ миссіонерскимъ школамъ, при которыхъ имѣются пансіоны. Каждый родъ долженъ отправлять по 1 ученику въ такой пансіонъ, и такъ какъ родители отпускаютъ своихъ дѣтей неохотно, то буряты иногда собираютъ деньги по раскладкѣ и платятъ эти деньги тѣмъ изъ своихъ родовичей, которые согласятся отдать своихъ дѣтей въ эти школы *). Понятно что такой порядокъ вещей крайне ненормаленъ и можетъ имѣть лишь отрицательные результаты.

Въ дѣлѣ распространенія образованія, какъ и во многихъ другихъ сторонахъ жизни, гдѣ проявляется вліяніе администраціи на улучшеніе быта инородцевъ, мы наталкиваемся на такое печальное явленіе: благія намѣренія администраціи и крупныя денежныя затраты на приведеніе этихъ намѣреній въ исполненіе не имѣютъ желательныхъ результатовъ вслѣдствіе того, что канцеляріи, выпускающія циркуляры и предписанія, стоятъ слишкомъ далеко отъ дѣйствительной жизни и не знаютъ ея; что, кромѣ этого, исполненіе этихъ предписаній возлагается на представителей нижнихъ ступеней административной лѣстницы, случайныхъ лицъ, которымъ нисколько не дороги интересы дѣйствительнаго дѣла и которымъ чужда инородческая жизнь. На нашихъ окраинахъ нѣтъ такихъ лицъ и такихъ учреждений, которымъ была-бы знакома мѣстная жизнь, близки ея интересы и извѣстны ея нужды, и которые имѣли бы достаточно самостоятельности для того, чтобы заявлять объ этихъ нуждахъ. На нашихъ окраинахъ нѣтъ такихъ органовъ, которые стояли-бы у самой жизни, имѣли бы и сами достаточно компетентности въ предѣлахъ мѣропріятій, касающихся мѣстныхъ дѣлъ, и имѣли-бы всѣ средства для правильнаго и свободнаго обсужденія настоятельныхъ своихъ нуждъ. Однимъ словомъ, на нашихъ инородческихъ окраинахъ нѣтъ органовъ земскаго самоуправленія, которое сдѣлало столько для Европейской Россіи. Нѣтъ даже какихъ нибудь отдѣльныхъ представителей въ такомъ родѣ. Въмѣсто этого существуютъ старыя дореформенныя порядки, существуютъ такъ называемыя «земскіе» исправники и засѣдатели, время которыхъ поглощено главнымъ

*) Иллюстрированное описаніе быта сельскаго населенія Иркутской губ. Стр. 132—136.

образомъ исполненіемъ всякихъ чисто полицейскихъ обязанностей. И какихъ представителей и исполнителей власти мы видимъ среди земской полиціи, среди волостныхъ, управскихъ и сельскихъ писарей на нашихъ отдаленныхъ инородческихъ, да и не инородческихъ окраинахъ? Реабилитированные уголовные ссыльные, поселенцы, еще не возстановленные въ своихъ правахъ, не подготовленные, мало образованные бывшіе канцелярскіе служители и городскіе квартальные надзиратели, неудачники всякихъ видовъ и разрядовъ, которымъ некуда больше дѣваться—вотъ преобладающіе элементы сибирской администраціи низшаго разряда. Въ Сибири только и слышишь жалобы на недостатокъ людей, помощниковъ, на недостатокъ выбора служащихъ. И это вполне понятно: надо сначала улучшить общія условія существованія, поднять общій культурный уровень страны, поставить лицъ, дѣйствительно желающихъ работать, въ условія возможности такой работы,—тогда только можно надѣяться привлечь къ службѣ истинныхъ и полезныхъ работниковъ. Мы и въ Россіи замѣчаемъ, что вслѣдствіе различныхъ условій многіе полезные общественные дѣятели и чиновники отстраняются отъ дѣятельности и службы и ихъ мѣста заступаютъ менѣе требовательныя и устойчивыя лица,—въ Сибири-же это явленіе еще болѣе понятно.

Недостатокъ и неудовлетворительное состояніе исполнителей правительственныхъ предначертаній, общая цѣль которыхъ—пріобщить инородцевъ къ обще-русской культурѣ,—крайне вредно отзывается на многихъ сторонахъ инородческой жизни. И общее теченіе ея было-бы гораздо болѣе правильно, и экономическое состояніе было-бы гораздо выше, не было бы того спаванія инородцевъ, тѣхъ обманныхъ пріемовъ и плутней, которымъ подвергаются инородцы въ разныхъ мѣстахъ нашихъ окраинъ со стороны всякихъ торговцевъ, скупщиковъ, разныхъ предпринимателей и благодѣтелей несчастныхъ, безхитростныхъ и довѣрчивыхъ первобытныхъ людей. Много разлагающихъ элементовъ и много самыхъ нежелательныхъ явленій возникло благодаря тому, что исполнителями всякихъ предначертаній являлись лица, для которыхъ интересы и нужды инородцевъ были совершенно чужды, которые преслѣдовали лишь свои корыстныя цѣли и матеріальныя выгоды. Такъ какъ для проведенія всякихъ начинаній, исходящихъ со стороны высшей администраціи, представителямъ низшей нужна была помощь агентовъ изъ инородческой среды, нужны были посредники между двумя совершенно чуждыми одна другой сторонами,—инородцами и администраціей,—то для того, чтобы эти агенты соблюдали интересы власти, ихъ надѣляли несправедливыми привилегіями, которыми легко было злоупотреблять, и такимъ образомъ въ инородческую среду заносили элементы вражды. Зарождалась глухая борьба между избранниками власти и народомъ, который этихъ избранниковъ считалъ своими врагами и предателями. У избранниковъ же

была сила и она давала имъ возможность находить себѣ послѣдователей и защитниковъ уже въ своей средѣ.

Мы въ самыхъ общихъ чертахъ указали на главнѣйшія, наиболѣе дающія себя знать отрицательныя стороны современной инородческой жизни. Кромѣ тѣхъ, о которыхъ говорили мы, есть еще много отрицательныхъ сторонъ, но мы не останавливались на нихъ, чтобы не увеличивать черезъ чуръ размѣровъ статьи.

Мы видѣли, что между всѣми сѣверными инородцами Сибири, среди болѣе или менѣе крупныхъ племенъ, наиболѣе безпомощными надо считать остяковъ и самоѣдовъ; они наименѣе приспособились къ новымъ экономическимъ отношеніямъ, менѣе всего взяли отъ лучшихъ сторонъ жизни своихъ цивилизаторовъ, русскихъ, и болѣе всего страдаютъ отъ отрицательныхъ ихъ сторонъ. Эти инородцы до сихъ поръ еще переживаютъ стадію бродячаго быта, занимаются звѣро- и рыболовствомъ и лишь кое-гдѣ обнаруживаютъ стремленіе къ переходу къ кочевому скотоводческому быту. Эти инородцы постепенно угасаютъ. Кочевые якуты занимаютъ среднее мѣсто между сибирскими инородцами. Часть ихъ уже стала заниматься земледѣліемъ. По отношенію къ движенію населенія, насколько можно судить объ этомъ изъ имѣющихся скудныхъ статистическихъ свѣдѣній, якуты также занимаютъ среднее мѣсто между тѣми инородцами, которые дали въ послѣднее время приростъ населенія, и тѣми, которые дали убыль: они, судя по немногимъ и отрывочнымъ даннымъ, дали самый незначительный приростъ. По распространенію среди нихъ грамотности и образованія, они занимаютъ довольно высокое мѣсто среди другихъ инородцевъ сѣвера, но стоятъ ниже бурятъ. Иркутскіе буряты во всѣхъ отношеніяхъ опередили другихъ сѣверныхъ инородцевъ Сибири. Многие изъ нихъ переходятъ къ осѣдлому состоянію, большинство перешло отъ скотоводческаго къ земледѣльческому хозяйству, при чемъ земледѣліе у нихъ поставлено почти такъ же, какъ и у русскихъ. Въ дѣлѣ распространенія образованія и по стремленію къ нему они также занимаютъ первое мѣсто. Они-же дали и наибольшій % прироста населенія. При этомъ, наиболѣе бѣдныя и отсталыя бурятскія вѣдомства—отсталыя во всѣхъ отношеніяхъ, а наиболѣе богатые и передовые—опередили другихъ во всѣхъ отношеніяхъ. Напомню Боханское и Укырское вѣдомства, Балаганскаго округа, которые обнаружили наибольшую площадь запашки, наибольшую общую экономическую обеспеченность, наибольшую распространенность грамотности и дали наибольшій % прироста населенія. Это доказываетъ, что главнѣйшимъ факторомъ общаго благополучія инородцевъ является большая или меньшая приспособленность къ новымъ формамъ хозяйства и, прежде всего, къ земледѣлію. Содѣйствіе процессу перехода къ этимъ формамъ хозяйства и является главной заботой экономической поли-

тики по отношенію къ инородцамъ. Относительно тѣхъ инородцевъ, которые живутъ на окраинахъ, гдѣ развитіе земледѣлія невозможно вслѣдствіе невыгодныхъ почвенныхъ и климатическихъ условій, эта задача осложняется. Здѣсь необходимо всяческое содѣйствіе поддержанію прежнихъ промысловъ, старательное обереганіе инородцевъ отъ всякихъ эксплуататорскихъ стремленій пришельцевъ, изысканіе новыхъ источниковъ и средствъ существованія и, въ самомъ крайнемъ случаѣ, переселеніе нѣкоторыхъ инородцевъ на новыя мѣста *).

Необходима широкая, систематическая работа, направленная на устраненіе всѣхъ тѣхъ неблагопріятныхъ условій разнаго порядка, подъ вліяніемъ которыхъ (какъ мы пытались объяснить выше) и складывается этотъ «вопросъ».

Въ задачу нашей замѣтки не можетъ входить подробное выясненіе тѣхъ мѣръ, которыя для этого нужны.

Мы хотѣли только познакомить читателя съ тѣмъ, что даетъ намъ выставка для выясненія настоящаго положенія инородцевъ нашего сѣвера и сѣверо-востока.

Мы видимъ, что положеніе это очень критическое. Заслуга тѣхъ отдѣловъ выставки, въ которыхъ фигурируютъ инородцы, та, что они представили истинное современное состояніе первобытныхъ людей покоренныхъ нами окраинъ, состояніе настолько жалкое, что къ измѣненію его немедленно должны быть направлены самыя дѣятельныя усилія.

П. Е. Кулановъ.

---

*) Но, конечно, одними экономическими мѣропріятіями не можетъ быть разрѣшенъ «инородческій вопросъ».

МОЛОХЪ.

(Повѣсть)

Посвящается В. Д. К—вой.

I.

Заводскій гудокъ ревѣлъ уже добрыхъ пять минутъ, возвѣщая начало рабочаго дня. Этотъ густой, хриплый звукъ, казалось, выходилъ откуда-то изъ подъ земли и низко разстилался по ея поверхности. Мутный разсвѣтъ дождливаго августовскаго дня придавалъ ему странный оттѣнокъ тоски и угрозы.

Гудокъ засталъ инженера Боброва за чаемъ. Въ послѣдніе дни Андрей Ильичъ особенно сильно страдалъ бессонницей. Вечеромъ, ложась въ постель съ тяжелой головой и поминутно вздрагивая, точно отъ внезапныхъ толчковъ, онъ все-таки забывался довольно скоро безпокойнымъ, нервнымъ сномъ, но просыпался задолго до зари, совсѣмъ разбитый, обезсиленный и раздраженный.

Причиной этому, безъ сомнѣнія, было нравственное и физическое переутомленіе, а также давняя привычка къ подкожнымъ впрыскиваніямъ морфія, привычка, съ которой Бобровъ надняхъ началъ упорную борьбу.

Теперь онъ сидѣлъ у окна и маленькими глотками прихлебывалъ чай, казавшійся ему безвкуснымъ. По стекламъ медленно струились капли. Лужи на дворѣ морщило и рябило отъ дождя. Изъ окна было видно небольшое озеро, окруженное, точно рамкой, косматыми ветлами съ ихъ низкими, голыми стволами и сѣрой зеленью. Когда поднимался вѣтеръ, то на поверхности озера вздувались и бѣжали, будто торопясь, мелкія, короткія волны. Блѣлая трава безсильно приникла подъ дождемъ къ самой землѣ. Дома ближней деревушки, деревья лѣса, протянувшагося зубчатой, темной лентой на горизонтѣ, поле въ черныхъ и желтыхъ заплатахъ,—все вырисовывалось сѣро и неясно, точно въ туманѣ.

Часы показывали семь, когда, надѣвъ на себя клеенчатый плащъ съ капюшономъ, Бобровъ вышелъ изъ дому. Какъ и

всѣ нервныя люди, онъ каждое утро чувствовалъ себя очень нехорошо: тѣло было слабо, въ глазахъ ощущалась тупая боль, точно кто-то давилъ на нихъ сильно. снаружи, во рту — неприятный вкусъ. Но всего больше дѣйствовалъ на него тотъ внутренний, душевный разладъ, который онъ, всегда особенно склонный къ тонкому психическому анализу, примѣчалъ въ себѣ съ недавняго времени. Товарищи Боброва, глядѣвшіе на жизнь съ самой несложной, веселой и практической точки зрѣнія, навѣрно осмѣяли-бы то, что причиняло ему столько тайныхъ страданій, и ужъ во всякомъ случаѣ не поняли-бы его. Съ каждымъ днемъ въ немъ все больше и больше нарастало отвращеніе, почти ужасъ къ службѣ на заводѣ.

Несчастье Андрея Ильича состояло въ томъ, что онъ не могъ, какъ большинство, признавъ и увѣровавъ въ какую-нибудь истину и даже, красиво исповѣдуя ее въ гостинныхъ, вести въ то же время съ легкимъ сердцемъ совершенно иную, противную истинѣ жизнь. Умъ его никогда не останавливался на золотой серединѣ, — этомъ надежномъ убѣжищѣ трусовъ и глупцовъ, — а беспощадно шелъ впередъ навстрѣчу послѣднимъ выводамъ. И, такимъ образомъ, неожиданно для самого себя, онъ вдругъ очутился лицомъ къ лицу съ убѣжденіемъ во вредности того дѣла, которому онъ служилъ и въ томъ, что привычка къ относительному комфорту, слабость воли, боязнь насмѣшекъ и сотни другихъ причинъ лишь мѣшаютъ ему вести иную жизнь.

По складу его ума, по его привычкамъ и вкусамъ, ему лучше всего было-бы посвятить себя кабинетнымъ занятіямъ, профессорской дѣятельности или сельскому хозяйству. Инженерное дѣло не удовлетворяло его и, еслибы не настоятельное желаніе матери, онъ оставилъ-бы институтъ еще на третьемъ курсѣ.

Его нѣжная, почти женственная натура жестоко страдала отъ грубыхъ прикосновеній дѣйствительности, съ ея ежедневными, суровыми нуждами. Онъ самъ себя сравнивалъ, въ этомъ отношеніи, съ человѣкомъ, съ котораго заживо содрали кожу. Иногда мелочи, незамѣченныя другими, потрясали его до глубины души.

Его наружность остановила-бы вниманіе психіатра. Онъ былъ невысокъ ростомъ и довольно худъ, вѣрнѣе — «жидокъ костью». Большой, бѣлый, прекрасный лобъ указывалъ въ немъ мыслителя. Расширенные и, притомъ, неодинаковой величины зрачки были такъ велики, что глаза, вмѣсто сѣрыхъ, казались черными. Густыя, неровныя брови сходились у переносья и придавали этимъ глазамъ строгое, пристальное выраженіе. Губы у Андрея Ильича были нервныя, тонкія, но не злыя, и немного несимметричныя: правый уголокъ рта приходился немного

выше лѣваго; усы и борода маленькіе, жидкіе, бѣлесоватые, словомъ «некорректные». Прелесть его въ сущности не красиваго лица заключалась только въ улыбку. Когда Бобровъ смѣялся, глаза его становились нѣжными и веселыми.

Пройдя полверсты, Бобровъ взобрался на пригорокъ. Прямо подъ его ногами открылась гигантская панорама завода, раскинувшаяся на пятьдесятъ квадратныхъ верстѣ. Это былъ цѣлый городъ изъ краснаго кирпича, съ лѣсомъ высоко торчащихъ въ воздухѣ закопченныхъ трубъ, городъ, весь пропитанный запахомъ сѣры и желѣзнаго угара, оглушающій вѣчнымъ, несмолкаемымъ грохотомъ. Двѣ доменные печи господствовали надъ заводомъ своими массивными трубами. Рядомъ съ ними возвышалось восемь кауперовъ, предназначенныхъ для циркуляціи нагрѣтаго воздуха, восемь огромныхъ желѣзныхъ башенъ, увѣнчанныхъ круглыми куполами. Вокругъ доменныхъ печей разбросались другія зданія: ремонтная мастерская, литейный дворъ, промывочная, паровозная, рельсопрокатная, мартиновскія и пудлинговыя печи и т. д.

Заводъ спускался внизъ тремя громадными природными ступенями. Во всѣхъ направленіяхъ сновали маленькіе паровозы. Показываясь на самой нижней ступени, они съ пронзительнымъ свистомъ летѣли наверхъ, исчезали на нѣсколько секундъ въ тунеляхъ, откуда вырывались, окутанные бѣлымъ паромъ, гремѣли по мостамъ и, наконецъ, точно по воздуху, неслись по каменнымъ эстакадамъ, чтобы сбросить руду и коксъ въ самую трубу доменной печи.

Дальше, за этой природной террасой, глаза разбѣгались въ томъ хаосѣ, который представляла изъ себя мѣстность, предназначенная для возведенія третьей и четвертой доменныхъ печей. Казалось, какой-то страшный подземный переворотъ выбросилъ наружу эти безчисленные груды щебня, кирпича разныхъ величинъ и цвѣтовъ, песчаныхъ пирамидъ, горъ плитняка, штабелей желѣза и лѣса. Все это было нагромождено какъ будто-бы безъ толку, случайно. Сотни подводъ и тысячи людей сутились здѣсь, точно муравьи на раззоренномъ муравейникѣ. Бѣлая, тонкая и ѣдкая известковая пыль стояла, какъ туманъ, въ воздухѣ.

Еще дальше, на самомъ краю горизонта, около длиннаго товарнаго поѣзда толпились рабочіе, разгружавшіе его. По наклоннымъ доскамъ, спущеннымъ изъ вагоновъ, непрерывнымъ потокомъ катились на землю кирпичи; со звономъ и дребезгомъ падало желѣзо; летѣли въ воздухѣ, изгибаясь и пружиня на лету, тонкія доски. Однѣ подводъ направлялись къ поѣзду порожнякомъ, другія вереницей возвращались оттуда, нагруженные до верху. Тысячи звуковъ смѣшивались въ оглушительную симфонію; тонкіе, частые и твердые звуки каменъ-

пичьихъ зубилъ, звонкіе удары клепальщиковъ, чеканящихъ заклепы на котлахъ, тяжелый грохотъ паровыхъ молотовъ, могучіе вздохи и свистъ паровыхъ трубъ покрывались изрѣдка глухими подземными взрывами динамитныхъ патроновъ, заставлявшими дрожать землю.

Это была колоссальная, захватывающая картина; передъ ней въ одинаковомъ изумленіи остановились-бы и поэтъ, и философъ. Человѣческій трудъ кипѣлъ здѣсь, какъ огромный, сложный и точный механизмъ. Тысячи людей: инженеровъ, каменщиковъ, механиковъ, плотниковъ, слесарей, землекоповъ, столяровъ и кузнецовъ собрались сюда изъ разныхъ концовъ земли, чтобы, повинуваясь желѣзному закону борьбы за существованіе, отдать свои силы, здоровье, умъ и энергію за одинъ только шагъ впередъ промышленнаго прогресса.

Нынѣшній день Бобровъ особенно нехорошо себя чувствовалъ. Иногда, положимъ очень рѣдко, раза три или четыре въ годъ, у него являлось весьма странное, меланхолическое и вмѣстѣ съ тѣмъ раздражительное настроеніе духа. Случалось это обыкновенно въ пасмурныя осеннія утра, или по вечерамъ, во время зимней ростепели. Все въ его глазахъ пріобрѣтало скучный и безцвѣтный видъ, человѣческія лица казались мутными, некрасивыми или болѣзненными, слова звучали откуда-то издали, не вызывая ничего, кромѣ скуки. Особенно раздражали его сегодня, когда онъ обходилъ рельсопрокатный цѣхъ, блѣдныя, выпачканныя углемъ и точно высушенные огнемъ лица рабочихъ. Глядя на ихъ упорный трудъ, въ то время, когда ихъ тѣла обжигалъ жаръ раскаленныхъ массъ, онъ самъ какъ будто-бы испытывалъ часть ихъ физическихъ страданій. Ему тогда становилось стыдно и за свой выхоленный видъ, и за свое тонкое бѣлье, и за три тысячи своего годового жалованья.

II.

Онъ стоялъ около сварочной печи, слѣдя за работой. Каждую минуту громадный, пылающій зѣвъ печи широко раскрывался, чтобы поглощать одинъ за другимъ дватцати-пудовые пакеты раскаленной до-бѣла стали, только что вышедшіе изъ пламенныхъ печей. Черезъ четверть часа они, протянувшись съ адскимъ грохотомъ черезъ десятки станковъ, уже складывались на другомъ концѣ мастерской длинными, гладкими, блестящими рельсами.

Кто-то тронулъ Боброва сзади за плечо. Онъ досадливо обернулся и увидѣлъ одного изъ сослуживцевъ — Свѣжевскаго.

Этотъ Свѣжевскій съ его всегда немного согнутой фигурой, не то крадущейся, не то кланяющейся, съ его вѣчнымъ хи-

хиханьемъ и потираньемъ холодныхъ, мокрыхъ рукъ, казался особенно несимпатиченъ Боброву. Въ немъ было что-то заискивающее, обиженное и злобное. Онъ вѣчно зналъ раньше всѣхъ заводскія сплетни и выкладывалъ ихъ съ особеннымъ удовольствіемъ передъ тѣмъ, кому они были наиболѣе неприятны; въ разговорѣ же нервно суетился и ежеминутно притрогивался къ бокамъ, плечамъ, рукамъ и пуговицамъ собесѣдника.

— Что это васъ, батенька, такъ давно не видно?—спросилъ Свѣжевскій; онъ хихикалъ и мялъ въ своихъ рукахъ руку Андрея Ильича.—Все сидите и книжки почитываете? Почитываете все?

— Здравствуйте,—отозвался нехотя Бобровъ, отнимая руку.—Просто мнѣ нездоровилось это время.

— У Зиненко *за вами* всѣ соскучились,—продолжалъ многозначительно Свѣжевскій.—Отчего вы у нихъ не бываете? А тамъ третьяго дня былъ директоръ и о васъ справлялся. Разговоръ зашелъ какъ то о доменныхъ работахъ, и онъ о васъ отзывался съ большой похвалой.

— Благодарю васъ за пріятное извѣстіе,—усмѣхнулся Бобровъ.

— Говорилъ, что правленіе васъ очень цѣнитъ, какъ инженера, обладающаго большими знаніями, и что вы, если бы захотѣли, могли бы пойти очень далеко. По его мнѣнію, намъ вовсе не слѣдовало бы отдавать французамъ вырабатывать проектъ завода, если дома есть такіе свѣдущіе люди, какъ вы. Только...

— Сейчасъ чтонибудь непріятное скажетъ,—подумалъ Андрей Ильичъ.

— Только, говорить, нехорошо, что вы такъ удаляетесь отъ общества и производите впечатлѣніе замкнутаго чловѣка. Никакъ не поймешь, кто вы такой на самомъ дѣлѣ, и не знаешь, какъ съ вами держаться. Ахъ, да!—вдругъ ударилъ себя по лбу Свѣжевскій,—я вотъ болтаю, а самое важное-то и позабылъ вамъ сказать... Директоръ просилъ всѣхъ быть непременно завтра къ двѣнадцати-часовому поѣзду на вокзалѣ.

— Опять будемъ встрѣчать когонибудь?

— Совершенно вѣрно. Угадайте кого?

Лицо Свѣжевскаго приняло лукавое и торжествующее выраженіе. Онъ потиралъ руки и, повидимому, испытывалъ большое удовольствіе, готовясь сообщить свѣжую новость.

— Право не знаю кого... Да я и не мастеръ вовсе угадывать, сказалъ Бобровъ.

— Нѣтъ, голубчикъ, отгадайте, пожалуйста... Ну хоть такъ, наугадъ, когонибудь назовите...

Бобровъ замолчалъ и сталъ съ преувеличеннымъ вниманіемъ

слѣдить за дѣйствіями парового крана. Свѣжевскій замѣтилъ этотъ маневръ и засуетился еще больше прежняго.

— Ни за что не скажете... Ну, да я уже не буду васъ больше томить. Ждутъ «самого» Квашнина.

Фамилію онъ произнесъ съ такимъ откровеннымъ подобострастіемъ, что Боброву даже противно сдѣлалось.

— Что же вы тутъ находите особенно важнаго?—спросилъ небрежно Андрей Ильичъ.

— Какъ, что же особеннаго? Помилуйте. Вѣдь, онъ въ правленіи что захочетъ, то и дѣлаетъ: его, какъ оракула, слушаютъ. Вотъ и теперь правленіе уполномочило его ускорить работы, то-есть, иными словами, онъ самъ себя уполномочилъ къ этому. Вы увидите, какіе громы и молніи у насъ пойдутъ, когда онъ пріѣдетъ... Въ прошломъ году онъ постройку осматривалъ—это, кажется, до васъ еще было?.. Такъ директоръ и четверо инженеровъ полетѣли со своихъ мѣстъ къ черту. У васъ задувка-то *) скоро окончится?

— Да уже почти готова.

— Ну это хорошо. При немъ, значить, и открытіе кампаніи отпразднуемъ и начало каменныхъ работъ. Вы Квашнина самого встрѣчали когда нибудь?

— Ни разу. Фамилію, конечно, слышалъ...

— А я такъ имѣлъ удовольствіе. Это жъ я вамъ скажу такой типъ, какихъ больше не увидите. Его весь Петербургъ знаетъ. Во-первыхъ, такъ толстъ, что у него руки на животѣ не сходятся. Не вѣрите? Честное слово. У него и особая карета такая есть, гдѣ вся правая сторона отворнется на шарнирахъ. При этомъ огромнаго роста, рыжій, и голосъ, какъ труба іерихонская. Но что за умница! Во всѣхъ акціонерныхъ обществахъ состоитъ членомъ правленія и получаетъ двѣсти тысячъ всего только за семь засѣданій въ годъ. За то ужъ когда на общихъ собраніяхъ надо спасать ситуацію—лучше его не найти. Самый сомнительный годовой отчетъ онъ такъ доложить, что акціонерамъ черное бѣлымъ покажется, и они потомъ уже не знаютъ, какъ имъ выразить правленію свою благодарность. Главное: онъ никогда и съ дѣломъ-то вовсе не знакомъ, о которомъ говорить, а прямо беретъ апломбомъ. Вы завтра послушаете его, такъ навѣрно подумаете, что онъ всю жизнь только и дѣлалъ, что около доменныхъ печей возился, а онъ въ нихъ столько же понимаетъ, сколько я въ санскритскомъ языкѣ.

---

*) Задувкой доменной печи называется разогрѣваніе ея передъ началомъ работы до температуры плавленія руды, приблизительно до 1600° С. Самое дѣйствіе печи называется „кампаніей“. Задувка продолжается иногда нѣсколько мѣсяцевъ.

— Да ужъ... дѣйствительно—типъ, сказалъ Бобровъ.

— Да, вотъ... на что лучше... Знаете, какъ онъ принимаетъ въ Петербургѣ? Сидитъ голый въ ваннѣ по самое горло, только голова его рыжая надъ водою свѣтится, — и слушаетъ. А какой нибудь тайный совѣтникъ стоитъ, почтительно передъ нимъ согнувшись, и докладываетъ... Обжора онъ ужасный... и дѣйствительно умѣетъ поѣсть; во всѣхъ лучшихъ ресторанахъ извѣстны битки и уха à la Квашнинъ. А ужъ насчетъ бабъ, и не говорите. Три года тому назадъ съ нимъ прекомичный случай вышелъ....

И, видя, что Бобровъ собирается уйти, Свѣжевскій схватилъ его за пуговицу и умоляюще зашепталъ:

— Позвольте... это такъ смѣшно... позвольте, я сейчасъ... въ двухъ словахъ. Видите-ли, какъ дѣло было. Приѣзжаетъ осенью, года три тому назадъ, въ Петербургъ одинъ бѣдный молодой человѣкъ—чиновникъ что-ли какой-то... я даже его фамилію знаю, только не могу теперь вспомнить... Хлопочетъ этотъ молодой человѣкъ о спорномъ наслѣдствѣ и, каждое утро возвращаясь изъ присутственныхъ мѣстъ, заходитъ въ Лѣтній садъ посидѣть четверть часа на скамеечкѣ... Ну-съ, хорошо. Сидитъ онъ три дня, четыре, пять и замѣчаетъ, что ежедневно вмѣстѣ съ нимъ гуляетъ по саду какой-то рыжій господинъ необычайной толщины... Они знакомятся. Рыжій, который оказывается Квашнинымъ, разузнаетъ отъ молодого человѣка всѣ его обстоятельства, принимаетъ въ немъ участіе, жалѣетъ... Однако, фамиліи ему своей не говоритъ. Ну-съ, хорошо. Наконецъ, однажды рыжій предлагаетъ молодому человѣку: «а что, согласились ли бы вы жениться, за извѣстное вознагражденіе, на неизвѣстной вамъ особѣ, но съ уговоромъ: сейчасъ же послѣ свадьбы съ ней развѣхаться и больше никогда не видаться?» А молодой человѣкъ какъ разъ въ это время чуть съ голоду не умиралъ. «Согласенъ, говоритъ, только смотря по тому, какое вознагражденіе, и деньги впередъ» Ну-съ, хорошо... Сговорились они. Черезъ недѣлю рыжій одѣваетъ молодого человѣка во фракъ и, чуть свѣтъ, везетъ куда-то за-городъ, въ церковь. Народу никого, невѣста уже дожидается, вся закутанная въ вуаль, однако, видно, что хорошенькая и совсѣмъ молодая. Начинается вѣнчаніе. Только молодой человѣкъ замѣчаетъ, что его невѣста какая то печальная стоитъ. Онъ ее и спрашиваетъ шопотомъ: «вы, кажется, противъ своей охоты сюда пріѣхали?» А она говоритъ: «да и вы, кажется, тоже?» Такъ они и объяснились между собой. Оказывается, что дѣвушку принудила выдти замужъ ея же мать. Прямо-то отдать дочь Квашнину маменькѣ все-таки мѣшала совѣсть... Ну-съ, хорошо... Стоять они, стоять... молодой человѣкъ-то и говорить: «а давайте-ка удеремъ такую штуку: оба мы съ вами

молоды, впереди еще много хорошего может быть для насъ, давайте ка оставимъ Квашнина на бобахъ». Дѣвица рѣшительная и съ быстрымъ соображеніемъ. «Хорошо, говоритъ, давайте.» Окончилось вѣнчанье, выходятъ всѣ изъ церкви, Квашнинъ такъ и сіяетъ. А молодой человѣкъ даже и деньги отъ него впередъ получилъ, да и немалыя деньги, потому что Квашнинъ въ этихъ случаяхъ ни за какими капиталами не постоитъ. Подходить онъ къ молодымъ и поздравляетъ съ самымъ ироническимъ видомъ. Тѣ слушаютъ его, благодарятъ, посаженнымъ папенькой называютъ и вдругъ оба—прыгъ на лихача. «Что такое? Куда!» — «Какъ куда? на вокзалъ, свадебную поѣздку совершать» — и приказываютъ лихачу: «ступай, да поскорѣй, пятерку на чай получишь». Такъ Василій Терентьевичъ и остался на мѣстѣ съ разинутымъ ртомъ... А то вотъ, однажды... Что это? Вы уже уходите, Андрей Ильичъ? — прервалъ свою болтовню Свѣжевскій, видя, что его слушатель съ рѣшительнымъ видомъ поправляетъ на головѣ шляпу и застегиваетъ пуговицы пальто.

— Извините, мнѣ некогда, — сухо отвѣтилъ Бобровъ. — А что касается вашего анекдота, то я его еще раньше гдѣ-то слышалъ или читалъ... Мое почтеніе.

И, повернувшись спиной къ Свѣжевскому, озадаченному его рѣзкостью, онъ быстро вышелъ изъ мастерской.

III.

Вернувшись съ завода и наскоро пообѣдавъ, Бобровъ вышелъ на крыльцо. Кучеръ Митрофанъ, еще раньше получившій приказаніе осѣдлать Форватера, гнѣдую донскую лошадь, съ усиліемъ затыгивалъ подпругу англійскаго сѣдла. Форватеръ надувалъ животъ и нѣсколько разъ быстро изгибалъ шею, ловя зубами рукавъ митрофановой рубашки. Тогда Митрофанъ кричалъ на него сердитымъ и ненатуральнымъ басомъ: «но-о! балуй, идолъ!» и прибавлялъ, кряхтя отъ напряженія: «ишь ты, животная подлая».

Форватеръ, — мапштакъ средняго роста, съ массивною грудью, длиннымъ туловищемъ и поджарымъ, немного вислымъ задомъ, легко и стройно держался на своихъ крѣпкихъ, мохнатыхъ ногахъ, съ надежными копытами и тонкой бабкой. Знатокъ остался-бы недоволенъ его горбоносой мордой и длинной шеей, съ острымъ, выдающимся кадыкомъ. Но Бобровъ находилъ, что эти особенности, характерныя для всякой донской лошади, составляютъ красоту Форватера, также, какъ кривыя ноги у таксы и длинные уши у сетера. За то во всѣхъ окрестностяхъ не было лошади, которая могла-бы обскákatъ Форватера, невыносившаго никакого соперничества.

Хотя Митрофанъ и считалъ необходимымъ, какъ и всякій хорошій русскій кучеръ, обращаться съ лошады сурово, отнюдь не позволяя ни себѣ, ни ей никакихъ проявленій нѣжности и, поэтому, называлъ ее и «каторжной», и «падалью», и «убивцею», и даже «хамлетомъ», тѣмъ не менѣе онъ, въ глубинѣ души, страстно любилъ Форватера. Эта любовь выражалась въ томъ, что донской маштачекъ былъ и вычищенъ лучше, и овса получалъ больше, чѣмъ другія лошади Боброва—Ласточка и Черноморецъ.

— Поилъ ты его, Митрофанъ?—спросилъ Бобровъ.

Митрофанъ отвѣчалъ не сразу. У него была и еще одна повадка хорошаго кучера,—медлительность и степенность въ разговорѣ.

— Попоилъ, Андрей Ильичъ, какъ-же не попоимши-то. Но, ты, озирайся, лѣшій! Я тебѣ поверчу, морду-то,—крикнулъ онъ сердито на лошадь.—Страсть, баринъ, какъ ему хоцца нынче подъ сѣдломъ идти. Не терпится.

Едва только Бобровъ подошелъ къ Форватеру и, взявъ въ лѣвую руку поводья, обмоталъ вокругъ пальцевъ гривку, какъ началась исторія, повторявшаяся чуть-ли не ежедневно. Форватеръ, уже давно косившійся большимъ, сердитымъ глазомъ на подходившаго Боброва, началъ плясать на мѣстѣ, выгибая шею и разбрасывая задними ногами комья грязи. Бобровъ прыгалъ около него на одной ногѣ, стараясь вдѣть ногу въ стремя.

— Пусти, пусти поводья, Митрофанъ,—крикнулъ онъ, поймавъ, наконецъ, стремя и въ тотъ-же моментъ перебросивъ ногу черезъ крупъ, очутился въ сѣдлѣ.

Почувствовавъ шенкеля всадника, Форватеръ тотчасъ-же смирился и, перемѣнивъ нѣсколько разъ ногу, точно не зная съ какой начать, взялъ отъ воротъ широкимъ, упругимъ галопомъ...

Быстрая ѣзда, холодный вѣтеръ, свистѣвшій въ уши, свѣжій запахъ осенняго, слегка мокраго поля очень скоро успокоили и оживили натянутые нервы Боброва. Кромѣ того, каждый разъ, отправляясь къ Зиненкамъ, онъ испытывалъ пріятный и тревожный подъемъ духа.

Семья Зиненко состояла изъ отца, матери и пятерыхъ дочерей. Отецъ служилъ на заводѣ и завѣдывалъ складомъ. Этотъ лѣнливый и добродушный съ виду гигантъ былъ въ сущности очень пронырливымъ и каверзнымъ господиномъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые, подъ видомъ высказыванія всякому въ глаза истинной правды, грубо, но пріятно лѣстятъ начальству, откровенно ябедничаютъ на сослуживцевъ, а съ подчиненными обращаются самымъ безобразно-деспотическимъ образомъ. Онъ оралъ въ разговорѣ, любилъ по-

ѣсть и питалъ слабость къ хорошему малорусскому пѣнію, причемъ неизмѣнно фальшивилъ. Онъ незамѣтно для самого себя находился подъ башмакомъ у своей жены, женщины сложенія атлетическаго, съ темнымъ, грязнымъ и вульгарнымъ лицомъ кухарки, длиннымъ носомъ и крошечными, сѣрыми глазками, до смѣшного близко поставленными къ переносью.

Дочерей звали: Мака, Бета, Шурочка, Нина и Кася.

Каждой изъ нихъ въ семьѣ было отведено свое амплуа. Мака, дѣвица съ рыбымъ профилемъ, пользовалась репутаціей ангельскаго характера. — «Ужъ эта Мака, сама прѣстота», — говорили про нее родители, когда она, во время прогулокъ и вечеровъ, ступевывалась на задній планъ, въ интересахъ младшихъ сестеръ (Макъ уже перевалило за тридцать).

Бета считалась умницей, носила рпсе-пез и, какъ говорили, хотѣла даже когда-то поступить на курсы. Она держала голову склоненной на бокъ и внизъ, какъ хорошая пристяжная, и ходила ныряющей походкой, то подымаясь, то опускаясь при каждомъ шагѣ. Къ новымъ гостямъ она приставала со спорами о томъ, что женщины лучше и честнѣе мужчинъ, или съ наивной игривостью просила: «вы такой проникательный... ну, вотъ, опредѣлите мой характеръ». Когда разговоръ переходилъ на одну изъ классическихъ домашнихъ темъ: кто лучше: Лермонтовъ или Пушкинъ? или — «способствуетъ-ли природа смягченію нравовъ?» — Бету выдвигали впередъ, какъ боевого слона.

Третья дочь, Шурочка, избрала спеціальностью игру въ дурачки со всѣми холостыми инженерами поочередно. Какъ только узнавала она, что ея старый партнеръ собирается жениться, она, подавляя огорченныя чувства, избирала себѣ новаго. Конечно, игра велась съ милыми шутками и маленькимъ, плѣнительнымъ плутовствомъ, причемъ партнера называли «противнымъ» и били по рукамъ картами.

Нина считалась въ семьѣ общей любимицей, избалованнымъ, но прелестнымъ ребенкомъ. Она была вырождакомъ среди своихъ сестеръ, съ ихъ массивными фигурами и грубоватыми, вульгарными лицами. Можетъ быть, одна только м-те Зиненко могла-бы удовлетворительно объяснить, откуда у Ниночки взялась эта нѣжная, хрупкая фигурка, эти почти аристократическія руки, хорошенькое, смугловатое личико, все въ родинкахъ, маленькія, розовыя уши и пышные, тонкіе, слегка вьющіеся волосы. На нее родители возлагали большія надежды, и ей, поэтому, разрѣшалось все: и объѣдаться конфектами, и мило картавить, и даже одѣваться лучше сестеръ.

Самой младшей, Касѣ, исполнилось недавно четырнадцать лѣтъ, но этотъ феноменальный ребенокъ переросъ на цѣлую голову свою мать, далеко превзойдя ее могучей рельефностью

формъ. Ея фигура давно уже вызывала недвусмысленные взоры мѣстной молодежи, совершенно лишенной, по отдаленности отъ города, доступнаго женскаго общества, и Кася принимала эти взоры съ наивнымъ безстыдствомъ рано созрѣвшей дѣвочки.

Это раздѣленіе фамилійныхъ амплуа было хорошо извѣстно на заводѣ, и одинъ шутникъ сказалъ какъ-то, что, если ужъ жениться на Зиненкахъ, то непременно на всѣхъ пятерыхъ сразу. Инженеры и студенты-практиканты глядѣли на домъ Зиненко, какъ на гостинницу, толклись тамъ съ утра до ночи и даже оставались ночевать, но съ удивительной ловкостью избѣгали сѣтей Гименея.

Въ этой семьѣ Боброва недолюбливали. Буржуазные вкусы т-ше Зиненко, стремившейся все подвести подъ линію пошлаго и благополучно - скучнаго провинціального приличія, оскорблялись поведеніемъ Андрея Ильича. Его желчныя остроты встрѣчались съ широко-раскрытыми глазами, когда онъ бывалъ въ духѣ, и, наоборотъ, когда онъ молчалъ цѣлыми вечерами, вслѣдствіе усталости нервовъ, его подозрѣвали въ скрытности, въ гордости, въ молчаливомъ иронизированіи, даже—о! это было всего ужаснѣе,—даже подозрѣвали, что онъ «пишетъ въ журналы повѣсти и собираетъ для нихъ типы».

Бобровъ чувствовалъ этотъ глухой антагонизмъ, выражавшійся въ небрежности за столомъ, въ удивленномъ пожиманіи плечей матери семейства, но всетаки продолжалъ бывать у Зиненокъ. Любилъ-ли онъ Нину?—на это онъ самъ не могъ бы отвѣтить. Когда онъ трое или четверо сутокъ не бывалъ въ ихъ домѣ, воспоминаніе о ней заставляло его сердце биться со сладкой и тревожной грустью. Онъ представлялъ себѣ ея стройную, граціозную фигурку, улыбку ея томныхъ, окруженныхъ тѣнью глазъ, запахъ ея тѣла, напоминавшій ему запахъ малины и тополя.

Но стоило ему побывать у Зиненокъ три вечера подъ рядъ, какъ его начинало томить ихъ общество, ихъ фразы,—всегда однѣ и тѣ же въ одинаковыхъ случаяхъ,—шаблонныя и неестественныя выраженія ихъ лицъ. Между пятью «барышнями» и «ухаживавшими» за ними «кавалерами» (слова Зиненковского обихода), разъ навсегда установились пошло-игривыя отношенія. И тѣ, и другіе дѣлали видъ, будто они составляютъ два враждующихъ лагеря. То и дѣло одинъ изъ кавалеровъ, шутя, похищалъ у барышни какую-нибудь вещь и увѣрялъ, что не отдастъ ее; барышни дулись, шептались между собой, называли шутника «противнымъ» и все время хохотали деревяннымъ, громкимъ хохотомъ. И это повторялось ежедневно, сегодня совершенно въ тѣхъ-же словахъ и съ тѣми-же жестами, какъ вчера. Бобровъ возвращался отъ Зи-

ненокъ съ головной болью, съ нервами, утомленными их провинціальнымъ ломаньемъ.

Такимъ образомъ въ душѣ Боброва чередовалась тоска по Нинѣ, по первому пожатію ея всегда горячихъ рукъ, съ отвращеніемъ къ скукѣ и манерности ея семьи. Бывали минуты, когда онъ уже совершенно готовился сдѣлать ей предложеніе. Тогда его не остановило-бы даже сознаніе, что она, съ ея кокетствомъ дурного тона и душевной пустотой, устроить изъ семейной жизни адъ, что онъ и она думаютъ и говорить на разныхъ языкахъ. Но онъ не рѣшался и молчалъ.

Теперь, подѣлывая къ Шепетовкѣ, онъ уже заранѣе зналъ, что и какъ тамъ будутъ говорить въ томъ или другомъ случаѣ, даже представлялъ себѣ выраженіе лицъ. Онъ зналъ, что когда съ ихъ террасы увидать его верхомъ на лошади, то сначала между барышнями, всегда находящимися въ ожиданіи пріятныхъ кавалеровъ, подымется длинный споръ о томъ, кто это ѣдетъ. Когда-же онъ приблизится, то угадавшая начнетъ подпрыгивать, бить въ ладоши, прищелкивать языкомъ и задорно выкрикивать: «а, что? а, что? Я угадала, угадала!» Вслѣдъ затѣмъ, она побѣжитъ къ Аннѣ Афанасьевнѣ. — «Мама, Бобровъ ѣдетъ, я первая угадала!» А мама, лѣниво перетгивая чайныя чашки, обратится къ Нинѣ такимъ тономъ, какъ будто бы она передаетъ что-то смѣшное и неожиданное: «Ниночка, знаешь, Бобровъ ѣдетъ». И уже послѣ этого всѣ онѣ вмѣстѣ чрезвычайно и очень громко изумятся, увидя входящаго Андрея Ильича.

IV.

Форватеръ шелъ, звучно фыркая и попрашивая поводевъ. Вдали показался домъ Шепетовской экономки. Изъ густой зелени сиреней и акацій едва виднѣлись его бѣлыя стѣны и красная крыша. Подъ горой небольшой прудъ выпукло подымался изъ окружавшихъ его зеленыхъ береговъ.

На крыльцѣ стояла женская фигура. Бобровъ издали узналъ въ ней Нину, по ярко-желтой кофточкѣ, такъ красиво отгнѣнявшей смуглый цвѣтъ ея лица, и тотчасъ-же, подтянувъ Форватеру поводья, выпрямился и высвободилъ носки ногъ, далеко залѣзшіе въ стремяна.

— Вы опять на своемъ сокровищѣ пріѣхали. Ну, вотъ, просто видѣть не могу этого урода, — крикнула съ крыльца Нина веселымъ и капризнымъ голосомъ избалованнаго ребенка. У нея уже давно вошло въ привычку дразнить Боброва его лошадей, къ которой онъ былъ такъ привязанъ. Вообще, въ домѣ Зиненковъ вѣчно кого-нибудь и чѣмъ-нибудь «дразнили».

Бросивъ поводья подбѣжавшему экономическому конюху, Бобровъ вошелъ, вслѣдъ за Ниной, въ гостинную. Анна Афанасьевна, сидѣвшая за самоваромъ, сдѣлала видъ, будто необычайно поражена прїездомъ Боброва.

— А-а-а! Андрей Ильичъ! Наконецъ-то вы къ намъ пожаловали!..

И, ткнувъ ему руку прямо въ губы, когда онъ здоровался съ ней, она своимъ громкимъ, носовымъ голосомъ спросила:

— Чаю? Молока? Яблоковъ?—говорите, чего хотите.

— Merci, Анна Афанасьевна.

— Merci-oui, ou merci-non?

Подобныя французскія фразы были неизмѣнны въ семьѣ Зиненко. Бобровъ отказался ото всего.

— Ну такъ идите на террасу, тамъ молодежь затѣяла какіе-то *petits-jeux*,—милостиво разрѣшила m-me Зиненко.

Когда онъ вышелъ на балконъ, всѣ четыре барышни разомъ, совершенно тѣмъ-же тономъ, и также въ носъ, какъ ихъ маменька, воскликнули:

— А-а-а! Андрей Ильичъ! Вотъ, ужъ кого давно-то не было видно! Чего вамъ принести? Чаю? Яблоковъ? Молока?— Не хотите? Нѣтъ, правда? А можетъ быть хотите! Ну, въ такомъ случаѣ, садитесь здѣсь и принимайте участіе.

Играли въ «барыня прислала сто рублей», въ «мнѣнія» и еще въ какую-то игру, которую шепелявая Кася называла «играть въ пошуду». Изъ гостей были: три студента-практиканта, которые все время выпячивали груди и принимали пластическія позы, выставивъ впередъ ногу и заложивъ руку въ задній карманъ сюртука; былъ техникъ—Миллеръ, отличавшійся красотою, глупостію и чудеснымъ баритономъ, и, наконецъ, какой-то молчаливый господинъ въ сѣромъ, не обращавшій на себя ничего вниманія.

Игра не ладилась. Мужчины исполняли свои фанты со снисходительнымъ и скучающимъ видомъ; дѣвицы вовсе отъ нихъ отказывались, перешептывались и напряженно хохотали.

Смеркалось. Изъ-за крышъ ближней деревни медленно показывалась огромная красная луна.

— Дѣти, идите въ комнаты,—крикнула изъ столовой Анна Афанасьевна. Попросите Миллера, чтобы онъ намъ спѣлъ что-нибудь.

Черезъ мгновеніе голоса барышень уже слышались въ комнатахъ.—Намъ было очень весело,—щебетали онѣ вокруг матери, мы такъ смѣялись, такъ смѣялись...

На балконѣ остались только Нина и Бобровъ. Она сидѣла на перилахъ, обхвативши столбъ лѣвой рукой и прижавшись къ нему, въ бессознательно-граціозной позѣ. Бобровъ помѣстился на низкой садовой скамеечкѣ у самыхъ ея ногъ и

снизу вверхъ, заглядывая ей въ лицо, видѣлъ нѣжныя очертанія ея шеи и подбородка.

— Ну, расскажите-же что-нибудь интересное, Андрей Ильичъ,—нетерпѣливо приказала Нина.

— Право я не знаю, что-бы вамъ рассказать,—возразилъ Бобровъ. Ужасно трудно говорить по заказу. Вѣроятно, къ этому надо имѣть исключительныя способности...

— Фу-у! Какой вы ску-учный,—протянула Нина. Скажите, когда вы бываете въ духѣ?

— А вы мнѣ скажите, почему вы такъ боитесь молчанія? Чуть разговоръ немножко изсякъ, вамъ уже и не по себѣ... А развѣ дурно разговаривать, молча?

— «Мы будемъ съ тобой молчаливы»...—пропѣла насмѣшливо Нина.

— Конечно, будемъ молчаливы. Посмотрите: небо ясное, луна рыжая, большущая, на балконѣ такъ тихо... Чего же еще?..

— «И эта глупая луна на этомъ глупомъ небосклонѣ», продекламировала Нина.—А пророс, вы слышали, что Зиночка Макова выходить замужъ за Протопопова. Выходить таки! Удивительный человѣкъ этотъ Протопоповъ...—Она пожала плечами.—Три раза ему Зина отказывала, и онъ все-таки не могъ успокоиться, сдѣлалъ въ четвертый разъ предложеніе. И пускай на себя пеняетъ. Она его, можетъ быть, будетъ уважать, но любить—никогда.

Этихъ словъ было достаточно, чтобы расшевелить желчь въ душѣ Боброва. Его всегда выводилъ изъ себя узкій, мѣщанскій словарь Зиненюкъ, съ выраженіями вродѣ «она его любить, но не уважаетъ», «она его уважаетъ, но не любитъ». Этими словами въ ихъ понятіяхъ исчерпывались самыя сложныя отношенія между мужчиной и женщиной, точно также, какъ для опредѣленія нравственныхъ, умственныхъ и физическихъ особенностей любой личности у нихъ существовало только два выраженія: «брюнетъ» и «блондинъ».

И Бобровъ, изъ смутнаго желанія разбередить свою злобу, спросилъ:

— Что-же такое представляетъ изъ себя этотъ Протопоповъ?..

— Протопоповъ?—задумалась на секунду Нина,—онъ... какъ-бы вамъ сказать... довольно высокаго роста... шатѣнь!..

— И больше ничего?

— Чего-же еще? Ахъ да: служить въ акціяхъ...

— И только? Да неужели, Нина Григорьевна, у васъ, для характеристики человѣка, не найдется ничего, кромѣ того, что онъ шатѣнь и служить въ акціяхъ! Подумайте: сколько въ жизни встрѣчается намъ интересныхъ, талантливыхъ и умныхъ людей.

Неужели все это только «шатэны» и «акцизные чиновники»? Посмотрите, съ какимъ жаднымъ любопытствомъ наблюдаютъ жизнь крестьянскія дѣти и какъ они мѣткі въ своихъ сужденіяхъ. А вы, умная и чуткая дѣвушка, проходите мимо всего равнодушно, потому что у васъ есть въ запасѣ десятокъ шаблонныхъ «комнатныхъ» фразъ. Я знаю, если кто-нибудь скажетъ про луну, вы сейчасъ-же вставите: «какъ эта глупая луна» и т. д. Если я расскажу, положимъ, какой-нибудь выходящій изъ ряда обыкновенныхъ случай, я напередъ знаю, что вы замѣтите: «свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ». Вы не хотите за корзинку ягодъ дать пятаккомъ больше и говорите, что это «изъ принципа». Какого принципа? И при чемъ тутъ принципъ! И та же казенность въ жестяхъ въ поступкахъ... Повѣрьте мнѣ, ради Бога, что все самобытное, своеобразное...

— Я васъ прошу не читать мнѣ правоученій, — отозвалась рѣзко Нина.

Онъ замолчалъ, съ ощущеніемъ горечи во рту, и они оба сидѣли минутъ пять тихо и не шевелясь. Вдругъ изъ гостинной послышались звучные аккорды и, немного тронутый, но, полный глубокаго выраженія, голосъ Миллера:

Средь шумнаго бала, случайно,
Въ тревогѣ мірской суеты,
Тебя я увидѣлъ, но тайна
Твои покрывала черты.

Озлобленное настроеніе Боброва быстро улеглось, и онъ жалѣлъ теперь, что огорчилъ Нину. «Для чего вздумалъ я требовать отъ ея наивнаго, свѣжаго дѣтскаго ума оригинальной смѣлости!» — думалъ онъ. — «Вѣдь она, какъ птичка: щебечетъ первое, что ей приходитъ въ голову, и, почему знать, можетъ быть это щебетаніе даже гораздо лучше, чѣмъ разговоры объ эмансипаціи, и о Ницше, и о декадентахъ».

— Нина Григорьевна, не сердитесь на меня. Я увлекся и наговорилъ глупостей, — сказалъ онъ вполголоса.

Нина молчала, отвернувшись отъ него и глядя на всходящую луну. Онъ отыскалъ въ темнотѣ ея свѣсившуюся руку и, нѣжно пожавъ ее, прошепталъ:

— Нина Григорьевна... Пожалуйста...

Нина вдругъ быстро повернулась къ нему и, отвѣтивъ на его пожатіе быстрымъ, нервнымъ пожатіемъ, воскликнула тономъ прощенія и упрека:

— Злючка! Всегда вы меня обижаете... пользуетесь тѣмъ, что я на васъ не умѣю сердиться.

И, оттолкнувъ его внезапно задрожавшую руку, почти

вырвавшись отъ него, она перебѣжала балконъ и скрылась въ дверяхъ.

... И въ грезахъ невѣдомыхъ сплю...
Люблю ли тебя—я не знаю,
Но кажется мнѣ, что люблю—

пѣлъ со страстнымъ и тоскливымъ выраженіемъ Миллеръ.

— Но кажется мнѣ, что люблю! повторилъ взволнованнымъ шопотомъ Бобровъ, глубоко переводя духъ и прижимая руку къ забившемуся сердцу.

— Зачѣмъ же—растроганно думалъ онъ,—утомляю я себя безплодными мечтами о какомъ-то невѣдомомъ, возвышенномъ счастьи, когда здѣсь, около меня—простое, но глубокое счастье. Чего же еще нужно отъ женщины, отъ жены, если въ ней столько нѣжности, кротости, изящества и вниманія? Мы, бѣдные, нервные, больные люди, не умѣемъ брать просто отъ жизни ея радостей, мы ихъ нарочно отравляемъ ядомъ нашей неутолимой потребности копаться въ каждомъ чувствѣ, въ каждомъ своемъ и чужомъ помыслѣ... Тихая ночь, близость любимой дѣвушки, милыя незатѣйливыя рѣчи, минутная вспышка гнѣва, и потомъ внезапная ласка—Господи! развѣ не въ этомъ вся прелесть существованія?

Онъ вошелъ въ гостинную повеселѣвшій, бодрый, почти торжествующій. Глаза его встрѣтились съ глазами Нины, и въ ея долгомъ взорѣ онъ прочелъ нѣжный отвѣтъ на свои мысли.—«Она будетъ моей женой»,—подумалъ Бобровъ, ощущая въ душѣ спокойную радость.

Разговоръ шелъ о Квашинѣ. Анна Афанасьевна, наполняя своимъ увѣреннымъ голосомъ всю комнату, говорила, что она думаетъ завтра тоже повести «своихъ дѣвочекъ» на вокзалъ.

— Очень можетъ быть, что Василій Терентьевичъ захочетъ сдѣлать намъ визитъ. По крайней мѣрѣ, о его приѣздѣ мнѣ еще за мѣсяцъ писала племянница мужа моей двоюродной сестры—Лиза Бѣлоконская....

— Это, кажется, та Бѣлоконская, братъ которой женатъ на княжнѣ Муховецкой?—покорно вставилъ заученную реплику господинъ Зиненко.

— Ну, да. Та самая, снисходительно кивнула въ его сторону головой Анна Афанасьевна.—Она еще приходится дальней родней по бабушкѣ Стремоуховымъ, которыхъ ты знаешь. И вотъ, Лиза Бѣлоконская писала мнѣ, что встрѣтилась въ одномъ обществѣ съ Василюмъ Терентьевичемъ и рекомендовала ему побывать у насъ, если ему вздумается ѣхать когда нибудь на заводы.

— Сумѣемъ-ли мы принять, Нюся?—спросилъ озабоченно Зиненко.

— Какъ ты смѣшно говоришь! Мы сдѣлаемъ, что можемъ.

Вѣдь, ужъ во всякомъ случаѣ, мы не удивимъ ничѣмъ человѣка, который имѣетъ триста тысячъ годового дохода.

— Господи! Триста тысячъ!—простоналъ Зиненко.—Просто страшно подумать.

— Триста тысячъ!—вздыхнула, точно эхо, Нина.

— Тристатисячъ!—воскликнули восторженно хоромъ дѣвицы.

— Да, и все это онъ проживаетъ до копѣечки,—сказала Анна Афанасьевна. Затѣмъ, отвѣчая на невысказанную мысль дочерей, она прибавила:—женатый человѣкъ. Только, говорятъ, очень неудачно женился. Его жена какая-то безцвѣтная личность и совсѣмъ не представительна. Что ни говорите, а жена должна быть вывѣской въ дѣлахъ мужа.

— Триста тысячъ,—повторила еще разъ, точно въ бреду, Нина.—Чего только на эти деньги не сдѣлаешь!...

Анна Афанасьевна провела рукой по ея пышнымъ волосамъ.

— Вотъ бы тебѣ такого мужа, дѣточка. А?

Эти триста тысячъ чужого годового дохода точно наэлектризовали все общество. Съ блестящими глазами и разгорѣвшимися лицами рассказывались и слушались анекдоты о жизни миллионеровъ, рассказы о баснословныхъ меню обѣдовъ, о великолѣпныхъ лошадяхъ, о балахъ и исторически-безумныхъ тратахъ денегъ.

Сердце Боброва похолодѣло и до боли сжалось. Онъ тихонько отыскалъ свою шляпу и осторожно выпелъ на крыльцо. Его ухода, впрочемъ, и такъ никто бы не замѣтилъ.

И, когда онъ крупною рысью ѣхалъ домой и представилъ себѣ томные, мечтательные глаза Нины, шептавшей почти въ забыты: «триста тысячъ!»—ему вдругъ припомнился утреннй анекдотъ Свѣжевскаго.

— Эта... тоже сумѣетъ себя продать,—прошепталъ онъ, судорожно стиснувъ зубы и съ бѣшенствомъ ударивъ Форватера хлыстомъ по шеѣ.

У.

Подъѣзжая къ своей квартирѣ, Бобровъ замѣтилъ свѣтъ въ окнахъ. «Должно быть, безъ меня пріѣхалъ докторъ и теперь валяется на диванѣ, въ ожиданіи моего пріѣзда»,—подумалъ онъ, сдерживая взмыленного Форватера. Въ теперешнемъ настроеніи Боброва докторъ Скобеевъ былъ единственнымъ человѣкомъ въ мірѣ, присутствіе котораго онъ могъ выносить безъ болѣзненного раздраженія.

Онъ любилъ искренно этого безпечнаго, кроткаго толстяка за его энциклопедическій умъ, юношескую живость характера и добродушную страсть къ спорамъ отвлеченнаго свойства. Какой-бы вопросъ ни затрогивалъ Бобровъ, докторъ Скобеевъ,

съ одинаково богатой эрудиціей и съ неизмѣнной горячностью оппонировалъ ему. И, хотя между обоими, въ ихъ безконечныхъ дебатахъ, до сихъ поръ возникали только противорѣчія, тѣмъ не менѣе они скучали другъ безъ друга и видѣлись чуть не ежедневно.

Докторъ, дѣйствительно, лежалъ на диванѣ, закинувъ ноги на его спинку, и читалъ какую-то брошюру, держа ее вплотную у своихъ близорукихъ глазъ. Быстро скользнувъ взглядомъ по корешку, Бобровъ узналъ «Учебный курсъ металлургіи Мевіуса» и улыбнулся. Онъ хорошо зналъ привычку доктора читать съ одинаковымъ интересомъ, и непремѣнно изъ середины, все, что только попадалось ему подъ руку.

— А я безъ васъ распорядился чайкомъ, — сказалъ докторъ, отбросивъ въ сторону книгу и глядя поверхъ очковъ на Боброва. — Ну, каково попрыгивали, государь мой, Андрей Ильичъ? У-у, да какой же вы сердитый. Что? Опять веселая меланхолія, небось, заѣла?

— Ахъ, докторъ, скверно на свѣтѣ жить, сказалъ устало Бобровъ.

— Отчего же такъ, голубчикъ?

— Да такъ... вообще... все скверно. Ну, какъ, докторъ, ваша больница?

— Наша больница ничего... живетъ. Сегодня очень интересный хирургическій случай былъ. Ей-Богу, и смѣшно, и трогательно. Представьте себѣ, приходитъ на утренній осмотръ парень, изъ масальскихъ каменьщиковъ. Эти масальскіе ребята, какого ни возьми, всѣ, какъ на подборъ, богатыри. — Что тебѣ? — спрашиваю. — Да вотъ, господинъ дохтуръ, рѣзалъ я хлѣбъ для артели, такъ палецъ маненечко попортилъ, руду никакъ не уймешь. — Осмотрѣлъ я его руку — такъ себѣ, царапинка, пустяки — приказалъ фельдшеру пластырь положить. Только вижу парень мой не уходитъ. — Ну, чего тебѣ еще надо? — спрашиваю. — Заклеили тебѣ руку и ступай. — Это вѣрно, говорить, заклеили, дай Богъ тебѣ здоровья, а только вотъ што этта башка у меня трешпыть, такъ думаю, за одно и напротивъ башки чего нибудь дашь. — Что же у тебя съ башкой-то? Треснулъ кто нибудь, вѣрно? — Парень такъ и обрадовался, загоготалъ. — Есть, говорить, тотъ грѣхъ. Ономясь, на Спаса (это значить дня три тому назадъ), загуляли мы артелью, да вина выпили ведра полтора, ну, ребята и зачали баловать промежь себя... Ну, и я тоже. А опосля... въ дракъ-то нешто разберешься? Ка-акъ онъ меня оглоблей саданулъ по балдѣ... починилъ, стало быть... Сначала-то оно ничего было, не больно, а вотъ теперь трешпыть башка-то. — Сталъ я осматривать его «балду» и что же вы думаете? — прямо въ ужасъ пришелъ! Черепъ проломленъ

засквозь, дыра съ пятакъ мѣдный будетъ величиною, и обломки кости въ мозгъ врѣзались... Теперь лежитъ въ больницѣ безъ сознанія... Изумительный, я вамъ скажу, народецъ: младенцы и герои въ одно и то же время. Ей-Богу, я не шутя думаю, что только русскій терпѣливый мужикъ и вынесетъ такую «починку балды». Другой, не сходя съ мѣста, испустилъ бы духъ. И потомъ, какое наивное незлобіе: «въ дракѣ нешто разберешь?...» Чортъ знаетъ, что такое!

Бобровъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, щелкалъ хлыстомъ по голенищамъ высокихъ сапогъ и расхвѣянно слушалъ доктора. Горечь, осѣвшая ему на душу еще у Зиненокъ, до сихъ поръ не могла успокоиться.

Докторъ помолчалъ немного и, видя, что его собесѣдникъ нерасположенъ къ разговору, сказалъ съ участіемъ:

— Знаете что, Андрей Ильичъ? Попробуйте-ка на минуточку лечь спать, да хватимъ на ночь ложечку-другую брома. Оно полезно въ вашемъ настроеніи, а вреда, все равно, никакого не будетъ...

Они оба легли въ одной комнатѣ: Бобровъ на кровати, докторъ на томъ же диванѣ. Но и тому, и другому не спалось. Скобеевъ долго слушалъ въ темнотѣ, какъ ворочается съ боку на бокъ и вздыхаетъ Бобровъ, и, наконецъ, заговорилъ первый:

— Ну что вы, голубчикъ? ну что терзаетесь? Ужъ говорите лучше прямо, что такое тамъ въ васъ засѣло? Все легче будетъ. Чай, всетаки не чужой я вамъ человѣкъ, не изъ празднаго любопытства спрашиваю.

Эти простые слова тронули Боброва. Хотя его и связывали съ докторомъ почти дружескія отношенія, однако ни одинъ изъ нихъ до сихъ поръ ни словомъ не подтвердилъ этого вслухъ: оба были люди чуткіе и боялись колючаго стыда взаимныхъ признаній. Докторъ первый открылъ свое сердце. Ночная темнота и жалость къ Андрею Ильичу помогли этому.

— Все мнѣ тяжело и гадко, Осипъ Осиповичъ,—отозвался тихо Бобровъ.—Первое мнѣ гадко то, что я служу на заводѣ и получаю за это большія деньги, а мнѣ это самое дѣло вотъ какъ противно! Я считаю себя честнымъ человѣкомъ и потому прямо себя спрашиваю: что ты дѣлаешь? кому ты приносишь пользу? Я начинаю разбираться въ этихъ вопросахъ и вижу, что, благодаря моимъ трудамъ, сотня французскихъ лавочниковъ-рантье и десятокъ ловкихъ русскихъ пройдохъ со временемъ положатъ въ карманъ милліоны. А другой цѣли, другого смысла нѣтъ въ томъ трудѣ, на подготовку къ которому я убилъ лучшую половину жизни. Это-то меня и терзаетъ, дорогой докторъ.

— Ну, ужъ это даже смѣшно, Андрей Ильичъ, — возразилъ докторъ. — Вы требуете, чтобы какіе-то «буржуи» прониклись интересами широкой гуманности. Съ тѣхъ поръ, голубчикъ, какъ міръ стоитъ, все впередъ движется брюхомъ, иначе не было и не будетъ. Но суть-то въ томъ, что вамъ наплевать на буржуевъ, потому что вы гораздо выше ихъ. Неужели съ васъ недовольно мужественнаго и гордаго сознанія, что вы толкаете впередъ, выражаясь языкомъ передовыхъ статей провинціальныхъ газетъ, «колесницу прогресса». Чортъ возьми! Акціи пароходныхъ обществъ приносятъ колоссальныя дивиденды, но развѣ это мѣшаетъ Фультону считаться благодѣтелемъ человѣчества?

— Ахъ, докторъ, докторъ, — Бобровъ досадливо поморщился. — Вы не были, кажется, сегодня у Зиненокъ, а вашими устами вдругъ заговорила ихъ житейская мудрость. Слава Богу, мнѣ не придется ходить далеко за возраженіями, потому что я сейчасъ разобью васъ вашей же излюбленной теоріей.

— То есть какой это теоріей?.. Позвольте... я что-то не помню никакой теоріи... право, голубчикъ, не помню... забыть что-то...

— Забыли? А кто здѣсь же, на этомъ самсѣмъ диванѣ, съ пѣной у рта кричалъ, что мы, инженеры и изобрѣтатели, своими открытіями ускоряемъ пульсъ общественной жизни до горячечной скорости. Кто сравнивалъ эту жизнь съ состояніемъ животнаго, заключеннаго въ банку съ кислородомъ? О, я отлично помню, какой страшный перечень дѣтей XX вѣка, неврастениковъ, сумасшедшихъ, переутомленныхъ, самоубійцъ кидали вы въ глаза этимъ самымъ благодѣтелямъ рода человѣческаго. Телеграфъ, телефонъ, стодвадцативерстные поѣзда, говорили вы, сократили разстояніе до minimum'a, уничтожили его... Время вздоржало до того, что скоро начнутъ ночь превращать въ день, ибо уже чувствуется потребность въ такой удвоенной жизни. Сдѣлка, требовавшая раньше цѣлыхъ мѣсяцевъ, теперь оканчивается въ пять минутъ. Но эта чертовская скорость не удовлетворяетъ уже нашему нетерпѣнію, между тѣмъ, какъ всего пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ наши предки, собираясь изъ деревни въ «губернію», не спѣша, служили молебнъ и пускались въ путь съ запасомъ, достаточнымъ для полярной экспедиціи... И мы несемся, сломя голову, впередъ и и впередъ, оглушенные грохотомъ и трескомъ чудовищныхъ машинъ, одурѣвшіе отъ этой бѣшеной скачки, съ раздраженными нервами, извращенными вкусами и тысячами новыхъ болѣзней... Помните, докторъ? Все это ваши собственныя слова, поборникъ благодѣтельнаго прогресса!

Докторъ, уже нѣсколько разъ тщетно пытавшійся возразить, воспользовался минутной передышкой Боброва.

— Ну да, ну да, голубчикъ, все это я говорилъ, — загопилился онъ, несовсѣмъ, однако, увѣренно. — Я и теперь это утверждаю. Но надо же, голубчикъ, такъ сказать, приспособляться. Какъ же жить-то иначе? Во всякой профессіи есть эти скользкіе пунктики. Вотъ, взять хоть насъ, напимѣръ, докторовъ... Вы думаете, у насъ все это такъ ясно и хорошо, какъ въ книжечкѣ? Да вѣдь мы дальше хирургіи нич-чего ровнешенько не знаемъ навѣрняка. Заболѣлъ паціентъ лихорадкой, мы его пичкаемъ *chininum turgaticum*, жаръ большой—принимай *phenacetini*, нервы разстроены,—катай бромистыхъ солей. Мы выдумываемъ новыя лѣкарства и системы, но совершенно игнорируемъ тотъ фактъ, что изъ тысячи организмовъ нѣтъ двухъ, хоть скольконибудь похожихъ составомъ крови, дѣятельностью сердца, условіями наслѣдственности и чортъ знаетъ чѣмъ еще! Мы удалились отъ единого вѣрнаго терапевтическаго пути, — отъ медицины звѣрей и знахарокъ, мы наводнили фармакопею разными кокаинами, атропинами, фенацетинами, но мы упустили изъ виду, что, если простому человѣку дать чистой воды, да увѣрить его хорошенъко, что это сильное лѣкарство, то простой человѣкъ выздоровѣетъ. А между тѣмъ въ девяноста случаяхъ изъ ста въ нашей практикѣ помогаетъ только эта увѣренность, внушаемая нашимъ профессиональнымъ жреческимъ апломбомъ. Повѣрите ли? Одинъ хорошій врачъ и, въ то же время, умный и честный человѣкъ признавался мнѣ, что охотники лѣчатъ собакъ гораздо раціональнѣе, чѣмъ мы людей. Тамъ одно средство—сѣрный цвѣтъ, вреда особеннаго онъ не принесетъ, а иногда, все-таки, и помогаетъ... Не правда ли, голубчикъ, пріятная картинка? А, однако, и мы дѣлаемъ, что можемъ... Нельзя, мой дорогой, иначе: жизнь требуетъ компромиссовъ... Иной разъ, хоть своимъ видомъ всезнающаго авгура, а все-таки облегчишь страданія ближняго. И на томъ спасибо.

— Да, компромиссы-компромиссами, — возразилъ мрачнымъ тономъ Бобровъ, — а, однако, вы у масальскаго каменьщика кости изъ черепа-то сегодня извлекли...

— Ахъ, голубчикъ, что значить одинъ исправленный черепъ? Подумайте-ка, сколько ртовъ вы кормите и сколькимъ рукамъ даете работу. Еще въ исторіи Иловайскаго сказано, что «царь Борисъ, желая снискать расположеніе народныхъ массъ, предпринималъ въ голодные годы постройку общественныхъ зданій». Что-то въ этомъ родѣ... Вотъ вы и посчитайте, какую колоссальную сумму пользы вы...

При послѣднихъ словахъ Боброва точно подбросило на кровати, и онъ быстро ушелъ на ней, свѣсивъ внизъ голыя ноги.

— Пользы? — закричалъ онъ изступленно. — Вы мнѣ гово-

рите о пользѣ? Въ такомъ случаѣ, ужъ если подводить итоги пользы и вреду, то, позвольте, я вамъ приведу маленькую страничку изъ статистики. — И онъ началъ мѣрнымъ и рѣзкимъ тономъ, какъ будто бы говорилъ съ каеэдрами. — Давно извѣстно, что работа въ рудникахъ, шахтахъ, на металлическихъ заводахъ и на большихъ фабрикахъ сокращаетъ жизнь рабочаго, приблизительно, на цѣлую четверть. Я не говорю уже о несчастныхъ случаяхъ или непосильномъ трудѣ. Вамъ, какъ врачу, гораздо лучше моего извѣстно, какой процентъ приходится на долю сифилиса, пьянства и чудовищныхъ гигиеническихъ условій... Постойте, докторъ, прежде чѣмъ возражать, вспомните, много-ли вы видѣли на фабрикѣ рабочихъ старѣе 40—45 лѣтъ? Я положительно не встрѣчалъ. Иными словами это значить, что рабочій отдаетъ предпринимателю три мѣсяца своей жизни въ годъ, недѣлю — въ мѣсяцъ, или, короче, *шесть* часовъ въ день... Теперь, слушайте дальше... У насъ, при четырехъ домнахъ, будетъ занято до 20,000 человекъ (царю Борису, вѣрно, и не снились такіа цифры!) Двадцать тысячъ человекъ, которые, всѣ вмѣстѣ, такъ сказать, сжигаютъ въ сутки 120,000 часовъ своей собственной жизни, то есть 5,000 дней, то есть, наконецъ, сколько же это будетъ лѣтъ?..

— Около тринадцати лѣтъ,—подсказалъ докторъ.

— Около тринадцати лѣтъ въ сутки!—закричалъ Бобровъ.— Трое сутокъ работы пожираютъ цѣлаго человека. Чортъ возьми! Вы помните изъ Библии, что какіе то тамъ ассиріане или моавитяне приносили своимъ богамъ человѣческія жертвы? Но вѣдь эти мѣдные господа, Молохъ и Дагонъ, покраснѣли бы отъ стыда и отъ обиды передъ тѣми цифрами, что я сейчасъ привелъ...

Эта своеобразная математика только что пришла въ голову Боброву (онъ, какъ и многіе, очень впечатлительные люди, находилъ новыя мысли только среди разговора). Тѣмъ не менѣе, и его самого, и Скобеева поразила оригинальность вычисленія.

— Чортъ возьми, *das ist piramidall!*—отозвался съ дивана докторъ. Хотя цифры могутъ быть и не совсѣмъ точными...

— А извѣстна ли вамъ,—продолжалъ съ еще большей горячностью Бобровъ,—извѣстна ли вамъ другая статистическая таблица, по которой вы съ чертовской точностью можете вычислить, во сколько человѣческихъ жизней обойдется каждый шагъ впередъ вашей дьявольской колесницы, каждое изобрѣтеніе какой нибудь поганой вѣялки, сѣялки или рельсо-прокатки? Хороша, нечего сказать, ваша цивилизація, если ея плоды исчисляются цифрами, гдѣ въ видѣ единицъ стоитъ же-

живная машина, а въ видѣ нулей—цѣлый рядъ человѣческихъ существованій!

— Но, послушайте, голубчикъ вы мой,—возразилъ докторъ, сбившій съ толку пылкостью Боброва, — тогда, по вашему, лучше будетъ возвратиться къ первобытному труду, что ли? Зачѣмъ же вы все черныя стороны берете? Вѣдь, вотъ, у насъ, не смотря на вашу математику, и школа есть при заводѣ, и церковь, и больница хорошая, и общество дешеваго кредита для рабочихъ...

Бобровъ совсѣмъ вскочилъ съ постели и босой забѣгалъ по комнатѣ.

— И больница ваша, и школа — все это пустяки! Цаца дѣтская для такихъ гуманистовъ, какъ вы, уступка общественному мнѣнію... Если хотите, я вамъ скажу, какъ мы, на самомъ дѣлѣ, смотримъ... Вы знаете, что такое финишъ?

— Финишъ?—Это что-то лошадиное, кажется? Что-то такое на скачкахъ?

— Да, на скачкахъ. Финишемъ называются послѣднія десять, двадцать сажень передъ верстовымъ столбомъ. Лошадь должна ихъ пройти съ наибольшей скоростью, за столбомъ она можетъ хоть издохнуть. Финишъ—это полнѣйшее, максимальное напряженіе силъ и, чтобы выжать изъ лошади финишъ, ее истязаютъ хлыстомъ до крови... Такъ вотъ и мы... А когда финишъ выжать и кляча упала съ переломленной спиной и разбитыми ногами—къ черту ее, она больше нигуда не годится. Вотъ тогда и извольте утѣшать павшую на финишѣ клячу вашими школами да больницами... Вы видѣли-ли когда-нибудь, докторъ, литейное и прокатное дѣло? Если видали, то вы должны знать, что оно требуетъ адской крѣпости нервовъ, стальныхъ мускуловъ и ловкости циркового артиста... Вы должны знать, что каждый мастеръ нѣсколько разъ въ день избѣгаетъ смертельной опасности, только благодаря удивительному присутствію духа... И сколько за этотъ трудъ рабочій получаетъ, хотите вы знать?

• — А всетаки, пока стоитъ заводъ, трудъ этого рабочаго обезпеченъ,—сказалъ Скобеевъ.

— Докторъ! не говорите наивныхъ вещей,—воскликнулъ Бобровъ, садясь на подоконникъ. Теперь рабочій болѣе, чѣмъ когда либо, зависитъ отъ рыночнаго спроса, отъ биржевой игры, отъ разныхъ закулисныхъ интригъ. Каждое громадное предпріятіе, прежде чѣмъ оно пойдетъ въ ходъ, насчитываетъ трехъ или четырехъ покойниковъ-патроновъ. Вамъ извѣстно, какъ создавалось наше общество? Его основала, за наличныя деньги, небольшая компанія капиталистовъ. Дѣло предполагалось устроить сначала въ небольшихъ размѣрахъ. Но цѣлая банда инженеровъ, директоровъ и подрядчиковъ ухнули капи-

таль такъ скоро, что предприниматели не успѣли и оглянуться. Возводились громадныя постройки, которыя потомъ оказывались негодными... Капитальныя зданія шли, какъ у насъ говорятъ, «на мясо», т. е. рвались динамитомъ. И, когда, въ концѣ-концовъ, предпріятіе пошло по 10 коп. за рубль, только тогда стало понятно, что вся эта сволочь дѣйствовала по заранѣ обдуманной системѣ и получала за свой милый образъ дѣйствія определенное жалованье отъ другой, болѣе богатой и ловкой компаніи. Теперь дѣло идетъ въ гораздо большихъ размѣрахъ, но мнѣ хорошо извѣстно, что при крахѣ перваго покойника 800 рабочихъ не получили двухтысячнаго жалованья. Вотъ вамъ и обезпеченный трудъ! Да стоитъ только акціямъ упасть на биржѣ, какъ это сейчасъ же отражается на заработной платѣ. А вамъ, я думаю, извѣстно, какъ поднимаются и падаютъ на биржѣ акціи. Для этого нужно мнѣ пріѣхать въ Петербургъ—шепнуть маклеру, что вотъ, молъ, хочу я продать тысячъ на триста акцій, «только, молъ, ради Бога, это между нами, ужъ лучше я вамъ заплачу хорошій куртажъ, только молчите»... Потомъ другому и третьему шепнуть тоже самое по секрету, и акціи мгновенно падаютъ на нѣсколько десятковъ рублей. И чѣмъ больше секретъ, тѣмъ скорѣе и вѣрнѣе упадутъ акціи... Хороша обезпеченность!..

Сильнымъ движеніемъ руки Бобровъ разомъ распахнулъ окно. Въ комнату ворвался холодный воздухъ.

— Посмотрите, посмотрите сюда, докторъ, — крикнулъ Андрей Ильичъ, показывая пальцемъ по направленію завода.

Скобеевъ приподнялся на локтѣ и устремилъ глаза въ ночную темноту, глядѣвшую изъ окна. На всемъ громадномъ пространствѣ, разстилавшемся вдали, рдѣли, разбросанныя въ безчисленномъ множествѣ, кучи раскаленнаго известняка, на поверхности которыхъ то и дѣло вспыхивали голубоватые и зеленые сѣрные огни... Это горѣли известковыя печи *). Надъ заводомъ стояло огромное, красное, колеблющееся зарево. На его кровавомъ фонѣ стройно и четко рисовались темныя верхушки высокихъ трубъ, между тѣмъ, какъ нижнія части ихъ расплывались въ сѣромъ туманѣ, шедшемъ отъ земли. Разверстыя пасти этихъ великановъ безостановочно изрыгали густые клубы дыма, которые смѣшивались въ одну сплошную хаотическую, медленно ползущую на востокъ тучу, мѣстами бѣлую, какъ комья ваты, мѣстами грязно-сѣрую, мѣстами желтоватаго цвѣта желѣзной ржавчины. Надъ тонкими, длинными дымоотводами, придавая имъ видъ исполинскихъ факеловъ,

*) Известковыя печи устраиваются такимъ образомъ. Складывается изъ известкового камня холмъ, величиною съ человѣчскій фронтъ, и разжигается дровами или каменнымъ углемъ. Этотъ холмъ раскаляется около недѣли, до тѣхъ поръ, пока изъ камня не образуется негашеная известь.

трепетали и метались яркіе снопы горящаго газа. Отъ ихъ невѣрнаго отблеска нависшая надъ заводомъ дымная туча, то вспыхивая, то потухая, принимала причудливо-странные оттѣнки. Время отъ времени, когда, по рѣзкому звону сигнальнаго молотка, опускался внизъ колпакъ доменной печи, то изъ усть ея, съ ревомъ, подобнымъ отдаленному грому, вырывалась къ самому небу цѣлая буря пламени и копоти. Тогда, на нѣсколько мгновеній, весь заводъ рѣзко и грозно выступалъ изъ мрака, а тѣсный рядъ черныхъ, круглыхъ кауперовъ казался башнями легендарнаго желѣзнаго замка. Огни коксовыхъ печей тянулись длиннымъ, правильнымъ рядомъ, иногда одинъ изъ нихъ вдругъ вспыхивалъ и разгорался, точно огромный красный глазъ. Электрическіе огни примѣшивали къ пурпурному свѣту раскаленнаго желѣза свой голубоватый, мягкій блескъ... Несмолкаемый лязгъ и грохотъ желѣза несли отсюда.

Лицо Боброва, освѣщенное блескомъ заводскихъ огней, казалось суровымъ. Разсыпавшіеся по лбу волосы и протянутая впередъ худая рука придавали его фигурѣ что-то библейское... И голосъ его звучалъ пронзительно и грозно...

— Вотъ онъ,—Молохъ, требующій теплою человѣческой крови,—кричалъ Бобровъ, не измѣняя своей вдохновенной позы... Помните, какъ въ его раскаленное брюхо ввергали дѣтей, женщинъ и рабовъ, когда божество требовало пищи! Вотъ, глядите, какъ оно раскрыло свою ненасытную пасть.. Приносите ему жертвы, поклоняйтесь вы, благодѣтели рода человѣческаго...

— Господи! Да вѣдь онъ маньякъ,—подумалъ докторъ, у котораго по спинѣ забѣгали мурашки, и онъ принялся успокаивать Боброва.

— Голубчикъ, Андрей Ильичъ, да оставьте-же, мой милый, ну что за охота изъ за глупостей разстраиваться. Ложитесь, да на-те-ка вамъ бромку.—Маньякъ, совершенный маньякъ,—думалъ онъ въ то же время, охваченный жалостью и страхомъ.

Бобровъ слабо сопротивлялся, обезсиленный только что миновавшей вспышкой. Но, когда онъ легъ въ постель, то внезапно разразился истерическими рыданіями. И долго докторъ сидѣлъ возлѣ него, глядя его по головѣ, какъ ребенка, и говоря ему первыя попавшіяся, ласковыя, успокоительныя слова.

VI.

На другой день состоялась торжественная встрѣча Василя Терентьевича Квашнина на станціи Иванково. Уже къ одиннадцати часамъ все заводское управленіе съѣхалось туда. Кажется, никто не чувствовалъ себя спокойнымъ. Директоръ—

Сергѣй Валерьяновичъ Шелковниковъ пилъ стаканъ за стаканомъ сельтерскую воду, поминутно вытаскивалъ часы и, не успѣвъ взглянуть на циферблатъ, тотчасъ же, машинально, пряталъ ихъ въ карманъ. Только это разсѣянное движеніе и выдавало его безпокойство. Лицо же директора—красивое, холерное, самоувѣренное лицо выдержаннаго свѣтскаго чловека, оставалось неподвижнымъ. Лишь весьма немногіе знали, что Шелковниковъ только официально, такъ сказать на бумагѣ, числился директоромъ постройки. Всѣми дѣлами, въ сущности, вѣровалъ французскій инженеръ Андреа, полу-полякъ, полу-шведъ по національности, роли котораго при заводѣ никакъ не могли понять непосвященные. Кабинеты обоихъ директоровъ были расположены рядомъ и соединены дверью. Шелковниковъ не смѣлъ положить резолюціи ни на одной важной бумагѣ, не справившись сначала съ условнымъ знакомъ, сдѣланнымъ карандашомъ гдѣ нибудь на уголкѣ страницы рукою Андреа. Въ экстренныхъ же случаяхъ, исключавшихъ возможность совѣщанія, Шелковниковъ принималъ озабоченный видъ и говорилъ просителю небрежнымъ тономъ:

— Извините... положительно не могу удѣлить вамъ ни минуты... заваленъ по горло... Будьте добры изяснить ваше дѣло господину Андреа, а онъ мнѣ потомъ изложитъ его отдѣльной запиской.

Заслуги Андреа передъ правленіемъ были неисчислимы. Изъ его головы цѣликомъ вышелъ геніально-мошенническій проектъ раззоренія первой компаніи предпринимателей, и его же твердая, но незримая рука довела интригу до конца. Его проекты, отличавшіеся изумительной простотой и стройностью, считались въ то же время послѣднимъ словомъ горнозаводской науки. Онъ владѣлъ всѣми европейскими языками и—рѣдкое явленіе среди инженеровъ—обладалъ, кромѣ своей специальности, самыми разнообразными знаніями.

Изъ всѣхъ, собравшихся на станціи, только одинъ этотъ чловекъ, съ чахоточной фигурой и лицомъ старой обезьяны, сохранялъ свою обычную невозмутимость. Онъ пріѣхалъ поздно всѣхъ и теперь медленно ходилъ взадъ и впередъ по платформѣ, засунувъ руки по локоть въ карманы широкихъ, обвисшихъ брюкъ и пожевывая свою вѣчную сигару. Его свѣтлые глаза, за которыми чувствовался глубокій умъ ученаго и безграничная воля авантюриста, какъ и всегда, неподвижно глядѣли изъ подъ опухшихъ усталыхъ вѣкъ.

Пріѣзду, en famille, всѣхъ Зиненокъ никто не удивился. Ихъ почему-то всѣ давно привыкли считать неотъемлемой принадлежностью заводской жизни. Дѣвицы внесли съ собой въ мрачную залу станціи, гдѣ было и холодно, и скучно, свое натянутое оживленіе и ненатуральный хохотъ. Ихъ окружили

утомившіеся долгимъ ожиданіемъ инженеры помоложе, и дѣвицы, тотчасъ же принявъ обычное оборонительное положеніе, стали сыпать налѣво и направо милыми, но давно всѣмъ наскучившими наивностями. Среди своихъ суетившихся дочерей Анна Афанасьевна, большая, неподвижная отъ туго-стянутого корсета, съ грудью, подпирающей подбородокъ, казалась внушительной насѣдкой.

Бобровъ—усталый, почти больной послѣ вчерашней вспышки, сидѣлъ одиноко въ углу станціонной залы и очень много курилъ. Когда вышло и съ громкимъ щебетаньемъ разсѣлось у круглаго стола семейство Зиненокъ, Андрей Ильичъ испытать одновременно два весьма смутныхъ чувства. Съ одной стороны ему стало стыдно за безтактный, какъ онъ думалъ, прїѣздъ этого семейства, стало стыдно жгучимъ, удручающимъ *стыдомъ за другого*. Съ другой стороны, онъ обрадовался, увидѣвъ Нину, разрумяненную отъ быстрой ѣзды, съ возбужденными, блестящими глазами, очень мило одѣтую и, какъ всегда это бываетъ, гораздо красивѣе, чѣмъ ее рисовало ему воображеніе. Въ его больной, изломанной душѣ вдругъ зажглось нестерпимое желаніе нѣжной, благоухающей, дѣвической любви, жажда привычной и успокоительной женской ласки.

Онъ искалъ случая подойти къ Нинѣ, но она все время была занята болтовней съ двумя горными студентами, которые наперерывъ старались ее разсмѣшить. И она смѣялась, сверкая мелкими, бѣлыми зубами, болѣе кокетливая и веселая, чѣмъ когда-либо. Однако два или три раза она встрѣтилась глазами съ Бобровымъ, и ему почудился въ ея слегка приподнятыхъ бровяхъ молчаливый, но не враждебный вопросъ.

На платформѣ раздался продолжительный звонокъ, возвѣщавшій отходъ поѣзда съ ближайшей станціи. Между инженерами произошло смятеніе. Андрей Ильичъ наблюдалъ изъ своего угла, съ насмѣшкой на губахъ, какъ одна и та же трусливая мысль мгновенно овладѣла этими двадцатью слишкомъ человѣками, какъ ихъ лица вдругъ стали серьезными и озабоченными, руки невольнымъ, быстрымъ движеніемъ прошли по пуговицамъ куртокъ, по галстукамъ и фуражкамъ, глаза обратились въ сторону звонка. Скоро въ залѣ никого не осталось.

Андрей Ильичъ вышелъ на платформу. Барышни, покинутыя занимавшими ихъ мужчинами, безпомощно толпились около дверей, вокругъ Анны Афанасьевны. Нина обернулась на пристальный, упорный взглядъ Боброва и, точно угадывая его желаніе поговорить съ нею наединѣ, пошла ему навстрѣчу.

— Здравствуйте. Что вы такой блѣдный сегодня? Вы больны?—спросила она, крѣпко и нѣжно пожимая его руку и

заглядывая ему въ глаза серьезно и ласково.—Почему вы вчера так рано уѣхали и даже не хотѣли проститься? Разсердились за чтонибудь?

— И да, и нѣтъ,—отвѣтилъ Бобровъ, улыбаясь. Нѣтъ—потому что я, вѣдь, не имѣю никакого права сердиться.

— Положимъ, всякій человѣкъ имѣетъ право сердиться. Особенно, если онъ знаетъ, что его мнѣніемъ дорожатъ. А почему же да?

— Потому что... Видите-ли, Нина Григорьевна,—сказалъ Бобровъ, почувствовавъ внезапный приливъ смѣлости. Вчера, когда мы съ вами сидѣли на балконѣ,—помните?—я, благодаря вамъ, пережилъ нѣсколько чудныхъ мгновений. И я понялъ, что вы, если бы захотѣли, то могли бы сдѣлать меня самымъ счастливымъ человѣкомъ въ мірѣ... Ахъ, да что же я боюсь и медлю! Вѣдь вы не могли не догадаться, вѣдь вы давно знаете, что я...

Онъ не договорилъ... Нахлынувшая на него смѣлость вдругъ исчезла.

— Что вы... что такое?—переспросила Нина съ притворнымъ равнодушіемъ, однако внезапно, противъ ея воли, задрожавшимъ голосомъ и опуская глаза въ землю. Она ждала признанія въ любви, которое всегда такъ сильно и пріятно волнуетъ молодыхъ дѣвушекъ, все равно, отвѣчаетъ ли ихъ сердце взаимностью на это признаніе, или нѣтъ. Ея щеки слегка поблѣднѣли.

— Не теперь... потомъ когда-нибудь,—замаялся Бобровъ... Когданибудь, при другой обстановкѣ я вамъ это скажу... Ради Бога, не теперь,—добавилъ онъ умоляюще.

— Ну, хорошо. Все-таки, почему-же вы разсердились-то?

— Потому что послѣ этихъ нѣсколькихъ минутъ я вошелъ въ столовую, въ самомъ,—ну какъ бы это сказать,—въ самомъ растроганномъ состояніи... И когда я вошелъ...

— То васъ непріятно поразили разговоръ о доходахъ Квашнина?—догадалась Нина, съ той внезапной, инстинктивной проникательностью, которая иногда осянуетъ даже самыхъ недалекихъ женщинъ.—Да? Я угадала?—Она повернулась къ нему и опять обдала его глубокимъ, ласкающимъ взоромъ.—Ну, говорите откровенно. Вы ничего не должны скрывать отъ своего друга.

Когда то, мѣсяца три или четыре тому назадъ, во время катанья по рѣкѣ большимъ обществомъ, Нина, возбужденная и разнѣженная красотой теплой, душистой, лунной ночи, предложила Боброву свою дружбу на вѣки вѣчные. Онъ принялъ этотъ вызовъ очень серьезно и, въ продолженіе цѣлой недѣли, называлъ ее своимъ другомъ, также, какъ и она его. И, когда она говорила ему со своимъ обычнымъ, томнымъ видомъ: «мой

другъ», то это одно коротенькое мѣстоимѣніе заставляло его сердце биться крѣпко и сладко. Теперь онъ вспомнилъ эту шутку и отвѣчалъ со вздохомъ:

— Хорошо, «мой другъ», я вамъ буду говорить правду, хотя мнѣ это немного тяжело. По отношенію къ вамъ я вѣчно нахожусь въ какой-то мучительной двойственности. Бываютъ минуты въ нашихъ разговорахъ, когда вы однимъ словомъ, однимъ жестомъ, однимъ взглядомъ даже вдругъ сдѣлаете меня такимъ счастливымъ... Ахъ, развѣ можно такія ощущенія словами передать... Скажите только, замѣчали вы это?

— Замѣчала,—отозвалась она почти шопотомъ и низко, съ лукавой дрожью въ рѣсницахъ опустила глаза.

— А потомъ... потомъ, вдругъ, тотчасъ же, на моихъ глазахъ вы превращались въ провинціальную кисейную барышню, съ шаблоннымъ обиходомъ фразъ и съ какою-то заученной манерностью во всѣхъ поступкахъ... Не сердитесь на меня за откровенность... Если бы это не мучило меня такъ страшно, я не говорилъ бы...

— Я и это тоже замѣтила...

— Ну, вотъ видите... Я вѣдь всегда былъ увѣренъ, что у васъ отзывчивая, нѣжная и чуткая душа. Отчего же вы не хотите всегда быть такой, какъ теперь?

Она опять повернулась къ Боброву и даже сдѣлала рукой такое движеніе, какъ будто бы хотѣла прикоснуться къ его рукѣ. Они въ это время ходили взадъ и впередъ по свободному концу платформы.

— Вы не хотѣли никогда меня понять, Андрей Ильичъ,—сказала она съ упрекомъ. Ваша ошибка въ томъ, что вы меня поставили на пьедесталъ и требуете, чтобы я съ него никогда не сходила. Вы нервны и нетерпѣливы. Вы преувеличиваете все, что во мнѣ есть хорошаго, но за то не прощаете мнѣ того, что я не могу же быть иной, въ той средѣ, гдѣ я живу. Это было бы смѣшно, это внесло бы въ нашу семью несогласіе. Я слишкомъ слаба и, надо правду сказать, слишкомъ кисейная барышня для борьбы и для самостоятельности... Я иду туда, куда идутъ всѣ, гляжу на вещи и сужу о нихъ, какъ всѣ... И вы не думайте, чтобы я не сознавала своей кисейности... Но я съ другими не чувствую ея тяжести, а съ вами я становлюсь или слишкомъ развязной, или слишкомъ «провинціальной и жеманной». Съ вами я всякую мѣру теряю, потому что...—она запнулась—ну, да все равно... потому что вы совсѣмъ другой, потому что такого, какъ вы, человѣка я никогда еще въ жизни не встрѣчала. И вы одинъ, если бы захотѣли, могли бы вырвать меня изъ моего оцѣпененія...

Ей казалось, что она говоритъ искренно. Бодрящая свѣжесть осенняго воздуха, вокзальная суeta, сознание своей кра-

соты, удовольствіе чувствовать на себѣ влюбленный взглядъ Боброва—все это наэлектризовало ее до того состоянія, въ которомъ истеричныя натуры лгутъ такъ вдохновенно, такъ плѣнительно и такъ незамѣтно для самихъ себя. Съ наслажденіемъ любуясь собой въ новой роли дѣвицы, жаждущей интеллигентной поддержки, она чувствовала потребность говорить Боброву пріятное.

— Я знаю, что вы меня считаете кокеткой... Пожалуйста, не оправдывайтесь... И я согласна, я даю поводъ такъ думать... Напримѣръ, я смѣюсь и болтаю часто съ Миллеромъ. Но еслибы вы знали, какъ мнѣ противенъ этотъ вербный херувимъ! Или эти два студента... Красивый мужчина уже потому одному непріятенъ, что вѣчно собой любитъ... Повѣрите-ли, хотя это можетъ быть и странно, но мнѣ всегда были особенно симпатичны некрасивые мужчины.

При этой наивной тирадѣ, произнесенной самымъ нѣжнымъ тономъ, Бобровъ грустно вздохнулъ. Увы! Онъ уже не разъ изъ женскихъ устъ слышалъ это жестокое утѣшеніе, въ которомъ женщины никогда не отказываютъ своимъ некрасивымъ поклонникамъ.

— Значитъ, и я могу надѣяться заслужить когда-нибудь вашу симпатію?—спросилъ онъ шутливымъ тономъ, въ которомъ, однако, явственно прозвучала горечь насмѣшки надъ самимъ собой.

Нина быстро спохватилась.

— Ну вотъ, какой вы право... Съ вами нельзя разговаривать... Затѣмъ вы напрашиваетесь на комплименты, милостивый государь? Стыдно.

Она сама немного сконфузилась своей неловкости и, чтобы переменить разговоръ, спросила съ игривой повелительностью:

— Ну-съ, что же вы это собирались мнѣ сказать при другой обстановкѣ? Извольте немедленно отвѣчать!

— Я не знаю... не помню, — замялся расхоложенный Бобровъ.

— Я вамъ напомню, мой скрытный другъ. Вы начали говорить о вчерашнемъ днѣ, потомъ о какихъ-то прекрасныхъ мгновеніяхъ, потомъ сказали, что я, навѣрно, давно уже замѣтила... но что? Вы этого не dokonчили... Извольте же говорить теперь. Я требую этого, слышите!..

Она глядѣла на него глазами, въ которыхъ сіяла улыбка и лукавая, и общающая, и нѣжная въ одно и то же время... Сердце Боброва сладко замирало въ груди, и онъ почувствовалъ опять приливъ прежней отваги. «Она знаетъ, она сама хочетъ, чтобы я говорилъ»,—подумалъ онъ, собираясь съ духомъ.

Они остановились на самомъ краю платформы, гдѣ совсѣмъ

не было публики. Оба были взволнованы. Нина ждала отвѣта, наслаждаясь остротой затѣянной ею игры, Бобровъ искалъ словъ, тяжело дышалъ и волновался. Но въ это время послышались рѣзкіе звуки сигнальных рожковъ, и на станціи поднялась суматоха.

— Такъ слышите же... Я жду, — шепнула Нина, быстро отходя отъ Боброва...—Для меня это гораздо важнѣе, чѣмъ вы думаете...

Изъ-за поворота желѣзной дороги выскочилъ, окутанный чернымъ дымомъ, курьерскій поѣздъ. Черезъ нѣсколько минутъ, громяхая на стрѣлкахъ, онъ плавно и быстро замедлилъ ходъ и остановился у платформы... Въ самомъ концѣ его былъ прицепленъ длинный, блестящій свѣжей окраской, служебный вагонъ, къ которому устремились всѣ встрѣчающіе. Кондуктора почтительно бросились раскрывать дверь вагона; изъ нея тотчасъ же выскочила, съ шумомъ развертываясь, складная лѣстница. Начальникъ станціи, красный отъ волненія и бѣготни, съ перепуганнымъ лицомъ, торопиль рабочихъ съ отцепкою служебнаго вагона. Квашнинъ былъ однимъ изъ главныхъ акціонеровъ Н-ской желѣзной дороги и ѣздилъ по ея вѣтвямъ съ почетомъ, какого не всегда удостоивались путешествующіе иностранные принцы крови.

Въ вагонъ вошли только Шелковниковъ, Андреа и двое вліятельныхъ инженеровъ-бельгійцевъ. Квашнинъ сидѣлъ въ креслѣ, разставивъ свои колоссальныя ноги и выпятивъ впередъ животъ. На немъ была круглая фетровая шляпа, изъ подъ которой сіяли огненные волосы; бритое, какъ у актера, лицо съ обвисшими щеками и тройнымъ подбородкомъ, испещренное крупными веснушками, казалось заспаннымъ и недовольнымъ; губы складывались въ презрительную, кислую гримасу.

При видѣ инженеровъ, онъ съ усиленіемъ приподнялся.

— Здравствуйте, господа, — сказалъ онъ жирнымъ басомъ, протягивая имъ поочередно, для почтительныхъ прикосновеній, свою огромную, пухлую руку...—Ну-съ, какъ у васъ на заводѣ?

Шелковниковъ началъ докладывать языкомъ служебной бумаги. На заводѣ все благополучно. Ждутъ только пріѣзда Василія Терентьевича, чтобы въ его присутствіи пустить доменную печь и сдѣлать закладку новыхъ зданій... Рабочіе и мастера наняты по хорошимъ цѣнамъ. Наплывъ заказовъ такъ великъ, что побуждаетъ какъ можно скорѣе приступить къ работамъ.

Квашнинъ слушалъ, отворотясь лицомъ къ окну, и разсѣянно разглядывалъ собравшуюся у служебнаго вагона толпу. Лицо его ничего не выражало, кромѣ брезгливаго утомленія.

Вдругъ онъ прервалъ директора неожиданнымъ вопросомъ.

— Eh bien, dites-moi, qui est cette jeune personne?

Шелковниковъ заглянулъ въ окно.

— Celle-là, qui a un oiseau jaune sur son chapeau... une jolie brune.

— C'est la fille d'un de nos employés, m-elle Зиненко.

Шелковниковъ продолжалъ свой докладъ, но Квашнинъ опять перебилъ его.

— Зиненко... Зиненко...—протянулъ онъ задумчиво и не отрываясь отъ окна.—Зиненко... кто жетакое этотъ Зиненко?.. Гдѣ я эту фамилію слышалъ, Зиненко?

— Онъ у насъ завѣдуетъ складомъ,—объяснилъ Шелковниковъ.

— Ахъ, вспомнилъ!—догадался вдругъ Василій Терентьевичъ, мнѣ о немъ въ Петербургѣ говорили... Ну-съ, продолжайте, пожалуйста.

Нина безошибочнымъ женскимъ чутьемъ поняла, что именно на нее смотритъ Квашнинъ и о ней говоритъ въ настоящую минуту. Она немного отвернулась, но лицо ея, разрумянившееся отъ кокетливаго удовольствія, все-таки было, со всѣми своими хорошенькими родинками, видно Василю Терентьевичу.

Наконецъ докладъ окончился, и Квашнинъ вышелъ на площадку, устроенную въ видѣ просторнаго стекляннаго павильона сзади вагона.

Это былъ моментъ, для увѣковѣченія котораго, какъ подумалъ Бобровъ, не хватало только хорошаго фотографическаго аппарата. Квашнинъ почему-то медлилъ сходить внизъ и стоялъ за стеклянной стѣной, возвышаясь своей массивной фигурой надъ тѣснящейся около вагона группой, съ широко-разставленными ногами и брезгливой миной на лицѣ, похожій на японскаго идола грубой работы. Эта неподвижность патрона очевидно коробила встрѣчающихъ: на ихъ губахъ застыли, сморщивъ ихъ, заранѣе приготовленные улыбки, между тѣмъ, какъ глаза, устремленные вверхъ, смотрѣли на Квашнина съ подобострастіемъ, почти съ испугомъ. По сторонамъ дверцы застыли въ солдатскихъ позахъ молодцоватые кондуктора. Въ этой картинѣ было все: и декорумъ, и живописность, и значительное содержаніе. Заглянувъ случайно въ лицо опередившей его Нины, Бобровъ съ горечью замѣтилъ и въ ея лицѣ ту же улыбку и тотъ же тревожный страхъ дикаря, взирающаго на своего идола.

— Неужели это одно только безкорыстное, почтительное изумленіе передъ тремя-стами тысячами годового дохода?—подумалъ Андрей Ильичъ.—Что же заставляетъ всѣхъ этихъ людей такъ униженно вилать хвостомъ передъ человекомъ, который даже и не взглянетъ на нихъ никогда вниманіемъ

здѣсь есть какой нибудь, недоступный анализу, психологическій законъ?

Постоявъ немного, Квашнинъ рѣшился двинуться и, представляемый своимъ животомъ, поддерживаемый почтительно подъ руки прислужой, спустился по ступенямъ на платформу.

На почтительные поклоны быстро разступившейся передъ нимъ вправо и влево толпы, онъ небрежно кивнулъ головой, выпятивъ впередъ толстую нижнюю губу, и сказалъ гнусаво:

— Господа, вы свободны до завтрашняго дня.

Не дойдя до под'ѣзда, онъ знакомъ подозвалъ къ себѣ директора.

— Такъ вы, Сергѣй Валерьяновичъ, представьте мнѣ его, — сказалъ онъ вполголоса.

— Зиненку? — догадался Шелковниковъ.

— Ну, да. Только не здѣсь, не здѣсь, — остановилъ онъ за рукавъ устремившагося было директора. — Когда я буду на заводѣ.

VII.

Закладка каменныхъ работъ и открытіе кампаніи новой домны произошли черезъ четыре дня послѣ приѣзда Квашнина. Предполагалось отпраздновать оба эти событія съ возможно большей помпой, почему на сосѣдніе металлургическіе заводы, Крутогорскій, Воронинскій, Львовскій, были заранее разосланы печатныя приглашенія.

Вслѣдъ за Василиемъ Терентьевичемъ изъ Петербурга прибыло еще двое членовъ правленія, четверо бельгійскихъ инженеровъ и нѣсколько крупныхъ акціонеровъ. Между заводскими служащими носились слухи, будто бы правленіе ассигновало на устройство параднаго обѣда около двухъ тысячъ рублей, однако эти слухи пока ничѣмъ еще не оправдались, и вся закупка винъ и припасовъ легла тяжелой данью на подрядчиковъ.

День выдался очень удачный для торжества, одинъ изъ тѣхъ яркихъ, «хрустальныхъ» дней ранней осени, когда небо кажется такимъ густымъ, синимъ и глубокимъ, а прохладный воздухъ пахнетъ тонкимъ, крѣпкимъ виномъ. Квадратныя ямы, вырытыя подъ фундаментъ для новой воздуходувной машины и бес-семеровой печи, были окружены въ видѣ «покоя» густой толпою рабочихъ. Въ серединѣ этой живой ограды, надъ самымъ краемъ ямы, возвышался простой, некрашенный столъ, покрытый бѣлой скатертью, на которомъ лежали крестъ и Евангеліе, рядомъ съ жестяною чашей для святой воды и кропиломъ. Священникъ, уже облаченный въ зеленую, затканную золотыми крестами ризу, стоялъ въ сторонѣ, впереди пятнадцати рабо-

чихъ, вызвавшихся быть пѣвчими. Открытую сторону «покая» занимали инженеры, подрядчики, старшіе десятники, конторщики—пестрая, оживленная группа изъ двухсотъ слишкомъ человѣкъ. На насыпи помѣстился фотографъ, который, накрывъ чернымъ платкомъ и себя, и свой аппаратъ, давно уже возился, отыскивая удачную точку.

Черезъ десять минутъ Квашнинъ быстро подкатилъ къ площадкѣ на тройкѣ великолѣпныхъ сѣрыхъ лошадей. Онъ сидѣлъ въ коляскѣ одинъ, потому что, при всемъ желаніи, никто не смогъ бы помѣститься рядомъ съ нимъ. Слѣдомъ за Квашнинымъ подъѣхало еще пять или шесть экипажей. Увидѣвъ Василя Терентьевича, рабочіе инстинктомъ узнали въ немъ, «на-большаго» и тотчасъ же, какъ одинъ человѣкъ, поснимали фуражки. Квашнинъ величественно прошелъ впередъ и кивнулъ головой священнику.

— Благословенъ Богъ нашъ, всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, раздался среди быстро наступившей тишины, прозвучавъ какъ будто бы изъ глубины земли, дребезжащій голосъ священника.

— Аминь,—подхватилъ довольно стройно импровизированный хоръ. Рабочіе—ихъ было до трехъ тысячъ человѣкъ—также дружно, какъ кланялись Квашнину, перекрестились широкими крестами, склонили головы и потомъ, поднявъ ихъ, встряхнули волосами... Бобровъ сталъ невольно присматриваться къ нимъ. Впереди стояли двумя рядами степенные русаки-каменщики, всѣ до одного въ бѣлыхъ фартукахъ, почти всѣ со льняными волосами и рыжими бородами; сзади нихъ—литейщики и кузнецы въ широкихъ, темныхъ блузахъ, перенятыхъ отъ французскихъ и англійскихъ рабочихъ, съ лицами, никогда не отмываемыми отъ желѣзной копоти,—между ними видѣлись и горбоносые профили иноземныхъ увіеровъ; сзади, изъ-за литейщиковъ, выглядывали рабочіе при известковыхъ печахъ, которыхъ издали можно было узнать по лицамъ, точно обсыпаннымъ густо мукою, и воспаленнымъ, распухшимъ, краснымъ глазамъ...

Каждый разъ, когда хоръ громко и стройно, хотя нѣсколько въ носъ, пѣлъ: «Спаси отъ бѣдъ, раба твоя, Богородице», всѣ эти три тысячи человѣкъ съ какимъ-то тихимъ шелестомъ творили свои усердные крестные знаменія и клали низкіе поклоны. Что-то стихійное, могучее и, въ то же время, что-то дѣтское и трогательное почудилось Боброву въ этой общей молитвѣ сѣрой, огромной массы. Завтра всѣ рабочіе примутся за свой тяжкій, упорный, полусуточный трудъ. Почему знать: кому изъ нихъ уже предначертано судьбою сложить на этомъ трудѣ буйную голову: сорваться съ высокихъ лѣсовъ, опалиться расплавленнымъ металломъ, быть засыпаннымъ щебнемъ

или кирпичемъ? Не объ этомъ-ли непреложномъ рѣшеніи судьбы думаютъ они теперь, отвѣшивая низкіе поклоны и встряхивая русыми кудрями, въ то время, когда хоръ проситъ Богородицу—спасти отъ бѣды рабы своя... И на кого, какъ не на одну только Богородицу, надѣяться этимъ большимъ дѣтамъ, съ мужественными и простыми сердцами, этимъ смиреннымъ воинамъ, ежедневно выходящимъ изъ своихъ промозглыхъ, настуженныхъ землянокъ на привычный подвигъ терпѣнія и отваги?

Такъ, или почти такъ думалъ Бобровъ, всегда склонный къ широкимъ, поэтическимъ картинамъ, и каждый разъ, когда дребезжащій, далекій голосъ священника смѣнялся дружнымъ возгласомъ клира, по спинѣ и по затылку Андрея Ильича пробѣгала холодная волна нервнаго восторга. Ему невольно вспомнилось другое явленіе, передъ грандіозностью котораго онъ испытывалъ тотъ же трепетъ, хотя послѣ этого оставался самъ собою внутренне недоволенъ. Это случилось четыре года тому назадъ, когда онъ отбывалъ свой годичный срокъ въ одномъ изъ пѣхотныхъ полковъ. Полкъ выступалъ въ лагери. Было часа четыре росистаго, блестящаго, холодноватаго утра. Солнце еще не взошло, но востокъ пламенѣлъ, розовѣлъ и алѣлъ пожаромъ зари. Четыре батальона, четыре бѣлыхъ четырехугольника, стояли на полѣ неподвижно, сверкая концами цѣлаго лѣса штыковъ. Вдругъ раздались красивые мѣдныя звуки встрѣчнаго марша, звонко и возбуждающе разрѣзая свѣжій воздухъ, и вотъ, вдали, подъ сомкнутыми штыками, показалось, точно плывя и колыхаясь на ходу, изорванное въ локутья пестрое полотнище знамени... Торжественность того момента, торжественность, навѣянная красотой обстановки, отзвукомъ воспоминаній дѣтства и невольнымъ подчиненіемъ быстрому подъему духа толпы, охватила, противъ воли, и Андрея Ильича. Но теперь онъ испытывалъ несравненно болѣе глубокое, сознательное и сильное чувство.

Молебень кончился. Квашнинъ съ небрежнымъ видомъ бросилъ въ яму имперьялъ, но нагнуться съ лопаточкой никакъ не могъ—это сдѣлалъ за него Шелковниковъ. Потомъ вся группа двинулась къ доменнымъ печамъ, возвышавшимся на каменныхъ фундаментахъ своими круглыми, черными, массивными башнями.

Вторая, вновь выстроенная домна шла «спѣлымъ ходомъ». Изъ продѣланнаго внизу ея, на аршинной высотѣ, отверстія билъ широкимъ, ослѣпительно-бѣлымъ, kloкочущимъ потокомъ расплавленный шлакъ, отъ котораго прыгали во всѣ стороны голубые сѣрные огоньки. Шлакъ стекалъ по наклонному жолобу въ котлы, поставленные къ отвѣсному краю фундамента, и застывалъ въ нихъ зеленоватой, густой массой, похожей на леденецъ. Рабочіе, находившіеся на самой верхушкѣ печи, про-

должали безъ отдыха забрасывать въ нее сверху руду и каменный уголь.

Священникъ окропилъ домну со всѣхъ сторонъ святой водою, боязливо торопясь, и спотыкающейся, старческой походкой отошелъ въ сторону. Горновой мастеръ, жилистый, мѣднотлицый старикъ перекрестился и поплевалъ на руки. То же сдѣлали четверо его подручныхъ. Потомъ они подняли съ земли очень длинный стальной ломъ, раскачали его и, одновременно крикнувъ, ударили имъ въ самый низъ печи. Ломъ звонко стукнулся въ глиняную втулку. Зрители, въ боязливо-нервномъ ожиданіи, зажмурили глаза; нѣкоторые подались назадъ. Рабочіе ударили въ другой разъ, потомъ въ третій, въ четвертый... и вдругъ изъ подъ острія лома брызнулъ фонтанъ нестерпимо-яркаго, жидкаго металла. Тогда горновой мастеръ расширилъ отверстіе, и чугунъ медленно полился по песчаной бороздкѣ, принимая отгѣнокъ огненной охры. Цѣлые каскады блестящихъ, крупныхъ звѣздъ летѣли во всѣ стороны изъ отверстія печи, громко треща и тая въ воздухѣ... Отъ тихо, какъ будто лѣниво текущаго металла шель такой страшный жаръ, что непривычные гости все время отодвигались и закрывали щеки руками.

Отъ доменныхъ печей инженеры двинулись въ отдѣлъ воздухоудныхъ машинъ. Квашинъ заранѣе распорядился такъ, чтобы пріѣхавшіе съ нимъ акціонеры увидѣли заводъ во всей его колоссальной величинѣ и сутолокѣ. Онъ совершенно вѣрно рассчиталъ, что эти господа, пораженные массою сильныхъ и совершенно новыхъ для нихъ впечатлѣній, будутъ потомъ рассказывать чудеса уполномочившему ихъ общему собранію. Такимъ образомъ, Василій Терентьевичъ считалъ дѣломъ рѣшеннымъ впередъ новый, и весьма выгодный лично для него выпускъ акцій, на который до сихъ поръ не соглашалось общее собраніе.

И акціонеры, дѣйствительно, были поражены до головной боли, до дрожи въ ногахъ... Въ помѣщеніи воздухоудныхъ машинъ они слышали, блѣдные отъ волненія, какъ воздухъ, нагнетаемый четырьмя вертикальными двухсаженными поршнями въ трубы, устремлялся по нимъ съ ревомъ, заставлявшимъ трястись каменные стѣны зданія. По этимъ чугуннымъ, массивнымъ, въ два обхвата шириною трубамъ, воздухъ проходилъ сквозь каупера, нагрѣвался въ нихъ горящими газами до 600° и оттуда уже проникалъ во внутренность доменной печи, расплавляя руду и уголь своимъ жаркимъ дуновѣніемъ.

Потомъ Шелковниковъ повелъ гостей въ сарай пудлинговыхъ печей,—высокое, желѣзное зданіе такой длины, что съ одного его конца другой конецъ казался едва замѣтнымъ про-

свѣтомъ. Вдоль одной изъ стѣнъ сарая тянулась каменная платформа, на которой помѣщалось двадцать пудлинговыхъ печей, формой напоминавшихъ снятые съ колесъ вагоны. Въ этихъ печахъ жидкій чугуны смѣшивался съ рудой и перерабатывался въ сталь. Готовая сталь, стекая внизъ по трубамъ, наполняла собой высокія желѣзныя штабы, — нѣчто вродѣ футляровъ безъ дна, но съ ручками наверху, и застывала въ нихъ сплошными кусками пудовъ по сорока вѣсомъ. Свободная сторона сарая была занята рельсовымъ путемъ, по которому сновали, пыхтя, шипя и стуча, паровые краны, похожіе на послушныхъ и ловкихъ животныхъ, снабженныхъ гибкими хоботами. Одинъ кранъ хваталъ штабу крючкомъ за ручку, поднималъ ее кверху, и изъ нея тяжело вываливался кусокъ стали въ видѣ длиннаго, правильнаго бруска ослѣпительно краснаго цвѣта. Но прежде, чѣмъ этотъ кусокъ успѣвалъ упасть на землю, рабочій съ необыкновенной ловкостью обматывалъ его цѣпью въ руку толщиной. Второй кранъ, ухвативъ крючкомъ эту цѣпь, плавно несъ «штуку» въ воздухъ и клалъ рядомъ съ другими на платформу, прикрѣпленную къ третьему крану. Третій — влекъ этотъ грузъ на другой конецъ сарая, гдѣ четвертый, снабженный вмѣсто крючка щипцами, снималъ «штуки» съ вагона и опускалъ ихъ въ раскрытые люки газовыхъ печей, устроенныхъ подъ поломъ. Наконецъ, пятый кранъ вытаскивалъ ихъ изъ люковъ совершенно бѣлыми отъ жара, клалъ поочередно подъ круглое колесо съ острыми зубьями, вращавшееся чрезвычайно быстро на горизонтальной оси, и сорока-пудовая стальная «штука», въ теченіи двухъ секундъ разрывалась на двѣ половины, какъ кусокъ мягкаго пряника. Каждая половина поступала подъ семисотпудовый прессъ пароваго молота, обжимавшаго ее съ такой силой и такой легкостью, точно она была изъ воска. Рабочіе подхватывали ее тотчасъ же на ручныя тѣлѣжки и бѣгомъ тащили дальше, обдавая всѣхъ встрѣчныхъ блескомъ и жаромъ.

Затѣмъ Шелковниковъ показалъ своимъ гостямъ рельсопрокатный цехъ. Огромный брусокъ раскаленнаго металла проходилъ черезъ цѣлый рядъ станковъ, катясь отъ одного къ другому по валикамъ, вращавшимся подъ поломъ и только самой своей верхней частью виднѣвшимся на его поверхности. Брусокъ втискивался въ отверстіе, образуемое двумя стальными, вертѣвшимися въ разныя стороны цилиндрами, и пролѣзавъ между ними, заставляя ихъ раздаваться и дрожать отъ напряженія. Дальше его ждалъ станокъ съ еще меньшимъ отверстіемъ между цилиндрами, кусокъ стали становился послѣ каждого станка все тоньше и длиннѣе и, нѣсколько разъ перебѣжавъ рельсопрокатку взадъ и впередъ, принималъ мало по малу форму десятисаженной красной рельсы. Слож-

нымъ движеніемъ пятнадцати вальцовъ управляетъ одинъ только человекъ, помѣщающійся подъ паровой машиной, на возвышеніи вродѣ капитанскаго мостика. Онъ двигалъ рукоятку впередъ, и всѣ цилиндры и валики начинали вертѣться въ одну сторону, двигалъ ее назадъ—и цилиндры и валики вертѣлись въ обратную сторону. Когда рельса окончательно вытягивалась, круглая пила, оглушительно визжа и сыпля фонтаномъ золотыхъ искръ, разрѣзала ее на три части.

Затѣмъ всѣ перешли въ токарный цехъ, гдѣ главнымъ образомъ отдѣлывались вагонныя и паровозныя колеса. Кожанные приводы спускались тамъ съ потолка отъ толстаго стального стержня, проходившаго черезъ весь сарай, и приводили въ движеніе сотни двѣ или три станковъ самыхъ разныхъ величинъ и фасоновъ. Этихъ приводовъ было такъ много, и они перекрещивались во столькохъ направленіяхъ, что производили впечатлѣніе одной сплошной, запутанной и дрожащей ременной сѣти. Колеса нѣкоторыхъ станковъ вращались съ быстротой двадцати оборотовъ въ секунду, движеніе же другихъ было такъ медленно, что почти не замѣчалось глазомъ. Стальные, желѣзные и мѣдные стружки, въ видѣ красивыхъ, длинныхъ спиралей, густо покрывали полъ. Сверлильные станки оглашали воздухъ нестерпимымъ, тонкимъ и рѣзкимъ визжаніемъ. Тамъ же была показана гостямъ машина, работающая гайки—нѣчто вродѣ двухъ-гранныхъ, регулярно-чавкающихъ челюстей. Два рабочихъ всовывали въ эту пасть конецъ накаленной длинной палки, и машина, равномерно отгрызая по куску металла, выплевывала ихъ на землю въ видѣ совершенно готовыхъ гаекъ.

Когда, выйдя изъ токарнаго цеха, Шелковниковъ предложилъ акціонерамъ (онъ все время исключительно къ нимъ обращался со своими разъясненіями) осмотрѣть гордость завода, девятисотильный «Compound», то петербургскіе господа уже въ достаточной степени были оглушены и разстроены всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ. Новыя впечатлѣнія не внушали имъ болѣе никакого интереса, а только еще сильнѣе утомляли ихъ нервы. Лица ихъ пылали отъ жара рельсопрокатки, руки и костюмы были перепачканы угольной сажой. На предложеніе директора они согласились, повидимому, скрѣпя сердце, чтобы только не уронить достоинства уполномочившаго ихъ собранія.

Девятисотильный «Compound» помѣщался въ отдѣльномъ зданіи, очень чистенькомъ и нарядномъ, со свѣтлыми окнами и мозаичнымъ поломъ. Не смотря на громадность машины, она почти не издавала стука. Два поршня, въ четыре сажени каждый, мягко и быстро ходили въ цилиндрахъ, обитыхъ деревянными планками. Двадцати-футовый маховикъ, со скользя-

щими по немъ двѣнадцатью канатами, также беззвучно и быстро вращался; отъ его широкаго движенія суховатый, жаркій воздухъ машиннаго отдѣленія колебался сильными и регулярными порывами. Эта машина приводила въ движеніе и воздуходувки, и прокатные станки, и всѣ машины токарнаго цеха.

Осмотрѣвъ Compound, акціонеры уже были совершенно убѣждены, что ихъ испытанія окончились, но неутомимый Шелковниковъ вдругъ обратился къ нимъ съ новымъ любезнымъ предложеніемъ:

— Теперь, господа, я вамъ покажу сердце всего завода, тотъ пунктъ, отъ котораго онъ получаетъ свою жизнь.

Онъ повелъ ихъ въ отдѣленіе паровыхъ котловъ. Однако, послѣ всего видѣннаго, «сердце завода» — двѣнадцать цилиндрическихъ котловъ пятисаженной длины и полутора сажень высоты каждый — не произвело на уставшихъ акціонеровъ особенно внушительнаго впечатлѣнія. Ихъ мысли давно вращались вокругъ соблазнительной перспективы хорошаго обѣда, и они уже ничего не спрашивали, какъ раньше, а только разсѣянно и равнодушно кивали головами на всѣ разясненія Шелковникова. Когда директоръ кончилъ, акціонеры вздохнули съ облегченіемъ и очень искренно, съ нескрываемымъ удовольствіемъ, принялись жать ему руку.

Теперь только одинъ Андрей Ильичъ остался около паровыхъ котловъ. Стоя на краю глубокой, полутемной каменной ямы, въ которой помѣщались топки, онъ долго глядѣлъ внизъ на тяжелую работу шестерыхъ обнаженныхъ до пояса людей. На ихъ обязанности лежало непрерывно, и днемъ, и ночью, подбрасывать каменный уголь въ топочныя отверстія. То и дѣло со звономъ отворялись круглыя чугунныя заслонки, и тогда видно было, какъ въ топкахъ съ гудѣніемъ и ревомъ клокотало ярко-бѣлое, бурное пламя. То и дѣло тѣла рабочихъ, высушенные огнемъ и черныя отъ пропитавшей ихъ угольной пыли, нагибались внизъ, при чемъ на ихъ спинахъ рѣзко выступали всѣ мускулы и всѣ позвонки спиннаго хребта. То и дѣло худыя, цѣпкія руки набирали полную лопатку угля и, затѣмъ, быстрымъ, ловкимъ движеніемъ всовывали его въ раскрытое, пылающее жерло. Двое другихъ рабочихъ, стоя наверху, также не останавливаясь ни на мгновеніе, сбрасывали внизъ все новыя и новыя кучи угля... Что-то удручающее, нечеловѣческое, чудилось Боброву въ безконечной работѣ кочегаровъ. Казалось, какая то сверхъестественная сила приковала ихъ на всю жизнь къ этимъ разверстымъ пастямъ, и они, подъ страхомъ ужасной смерти, должны были безъ устали кормить и кормить ненасытное, прожорливое чудовище.

— Что, коллега, смотрите какъ вашего Молоха упитыва-

ить?—услышалъ Бобровъ за своей спиной веселый, добродушный голосъ.

Андрей Ильичъ задрожалъ и чуть чуть не полетѣлъ въ кочегарную яму. Его поразило, почти потрясло это неожиданное соотвѣтствіе восклицанія доктора съ его собственными мыслями. Даже и овладѣвъ собою, онъ долго не могъ отдѣлаться отъ странности такого совпаденія. Его всегда интересовали и казались ему загадочными тѣ случаи, когда, задумавшись о какомъ нибудь предметѣ, или читая о чемъ нибудь въ книгѣ, онъ тотчасъ же слышалъ рядомъ съ собою разговоръ о томъ же самомъ.

— Я васъ, кажется, напугалъ немножко?—спросилъ докторъ, внимательно заглянувъ въ лицо Боброва,—прошу прощенія.

— Да, немножко... вы такъ неслышно подошли... я совсѣмъ не ожидалъ...

— Охъ, батенька, Андрей Ильичъ, давайте-ка полечимъ наши нервы. Никуда они у насъ не годятся... Послушайтесь моего совѣта: берите отпускъ, да и махните-ка куда-нибудь за границу... Ну что вамъ себя здѣсь растравлять? Поживите полгода въ свое удовольствіе: пейте хорошее вино, ѣздите верхомъ побольше, насчетъ вольноопредѣляющихся дѣвицъ пройдите...

Докторъ подошелъ къ краю кочегарни.

— Вотъ такъ преисподняя,—воскликнулъ онъ, заглянувъ внизъ.—Сколько каждый такой самоварчикъ долженъ вѣсить? Чай пудовъ восемьсотъ, девятсотъ?..

— Нѣтъ, побольше. Тысячи полторы.

— Ой, ой, ой... А ну, какъ такая штучка вздумаетъ того... треснуть? Это должно выйти очень эффектно? А?

— Да... я думаю. Такая произойдетъ катастрофа, что навѣрно и кочегарка и машинное зданіе разрушатся.

Скобеевъ покачалъ головой и многозначительно посвисталъ.

— Отчего же это можетъ случиться?

— Причины разныя бываютъ... но чаще всего это случается такимъ образомъ: когда въ котлѣ остается очень мало воды, то его стѣнки раскаляются все больше и больше, чуть не до красна. Если въ это время пустить въ котелъ воду, то сразу получается громадное количество паровъ, стѣнки не выдерживаютъ давленія и котелъ разрывается.

— Такъ что это можно сдѣлать нарочно?

— Сколько угодно... Не хотите-ли попробовать? Когда вода совсѣмъ упадетъ въ водомѣръ, нужно только повернуть вентиль... видите, маленький круглый рычажокъ... И все тутъ.

Голосъ Боброва былъ странно серьезенъ... «Чортъ его

знаеть, подумалъ докторъ, милый онъ человекъ, а все-таки... психопатъ... Вы что же на обѣдъ-то не пошли, Андрей Ильичъ?—спросилъ Скобеевъ, отходя отъ кочегарки—хоть поглядили бы, какой зимній садъ изъ лабораторіи устроили. А сервировка,—такъ прямо на удивленіе.

— А ну ихъ! Терпѣть не могу этой китайщины. Еще рѣчи будутъ, пожалуй, говорить.

— Какже, какже,—разсмѣялся докторъ.—Даже начали уже говорить. Квашнинъ тамъ такой спичъ произнесъ, что только держись... Призваніе инженера, говорить, высокое и отвѣтственное призваніе. Вмѣстѣ съ рельсовымъ путемъ и съ доменной печью, онъ несетъ въ глубь страны сѣмена просвѣщенія и что то еще такое мудреное. Я надѣюсь, говорить, что вы, господа инженеры, будете высоко держать святое знамя своего благодѣтельного искусства.

Они прошли нѣсколько шаговъ молча. Лицо доктора вдругъ омрачилось, и онъ заговорилъ со злобой въ голосъ:

— Да! Благодѣтельное искусство! А вотъ рабочіе бараки изъ щепокъ выстроены. Больныхъ не оберешься... дѣти, какъ мухи, мрутъ. Вотъ тебѣ и сѣмена просвѣщенія! То то они запоютъ, когда брюшной тифъ разгуляется въ Иванковѣ.

— Да что вы, докторъ? Развѣ уже есть больные? Это совсѣмъ ужасно было бы, при такой тѣснотѣ.

Докторъ остановился, тяжело переводя духъ.

— Да какже не быть?—сказалъ онъ съ горечью.—Вчера двухъ человекъ привезли. Одинъ сегодня утромъ скончался, а другой, если еще не умеръ, то вечеромъ умереть непремѣнно... А у насъ ни медикаментовъ, ни помѣщенія, ни фельдшеровъ опытныхъ...

VIII.

Злые языки начали звонить. Репутація Квашнина такъ прочно и такъ давно установилась со стороны его женолюбія, что никто не сомнѣвался въ настоящей причинѣ его внезапнаго сближенія съ семействомъ Зиненокъ. Дамы говорили объ этомъ съ двусмысленными улыбками, мужчины въ своемъ кругу называли вещи съ циничной откровенностью ихъ именами. Однако навѣрное никто ничего не зналъ. Всѣ съ удовольствіемъ ждали соблазнительнаго скандала.

Въ сплетнѣ была доля правды. Сдѣлавъ визитъ семейству Зиненокъ, Квашнинъ сталъ ежедневно проводить у нихъ вечера. По утрамъ, около 11-ти часовъ, въ Шенетовскую экономію пріѣзжала его прекрасная тройка сѣрыхъ, и кучеръ неизмѣнно докладывалъ, что «баринъ проситъ барыню и барышень пожаловать къ нимъ на завтракъ». Къ этимъ завтра-

камъ посторонніе не приглашались. Кушанье готовилъ поваръ-французъ, котораго Василій Терентьевичъ всюду возилъ за собою въ своихъ частныхъ разъѣздахъ.

Вниманіе Квашнина къ его новымъ знакомымъ выражалось очень своеобразно. Относительно пятерыхъ дѣвицъ онъ сразу сталъ на безцеремонную ногу холостого и веселаго дядюшки. Черезъ три дня онъ уже называлъ ихъ уменьшительными именами съ прибавленіемъ отчества—Шура Григорьевна, Ничка Григорьевна, а самую младшую—Касю,—часто бралъ за пухлый съ ямочкой подбородокъ и дразнилъ «младенцемъ» и «ципленочкомъ», отчего она краснѣла до слезъ, но не сопротивлялась.

Анна Афанасьевна съ игривой ворчливостью пеняла ему, что онъ «совсѣмъ избалуетъ ея дѣвочекъ!» Дѣйствительно, стоило только одной изъ нихъ выразить какое нибудь мимолетное желаніе, какъ оно тотчасъ же исполнялось. Едва Мака заикнулась безъ всякаго, впрочемъ, задняго умысла, что ей хотѣлось-бы выучиться ѣздить на велосипедѣ, какъ на другой-же день нарочный привезъ изъ Х. прекрасный «Свифтъ», стоившій, по меньшей мѣрѣ, рублей триста... Бетѣ онъ проигралъ, держа съ нею пари по поводу какихъ-то пустяковъ, пудъ конфетъ, а Касѣ—брошку, въ которой шесть брилліантовъ чередовались съ шестью изумрудами прекрасной воды. Онъ слышалъ однажды, что Нина любитъ верховую ѣзду и лошадей. Черезъ два дня ей привели кровную англійскую кобылу, въ совершенствѣ выѣзженную подъ дамское сѣдло. Барышни были очарованы. Въ ихъ домѣ поселился добрый сказочный духъ, угадывавшій и тотчасъ же исполнявшій ихъ малѣйшіе капризы. Анна Афанасьевна смутно чувствовала въ этой щедрости что то неприличное для хорошей семьи, но у нея не хватало ни смѣлости, ни такта, чтобы дать незамѣтно понять это Квашнину. На ея лстивые выговоры онъ только махалъ рукой и отвѣчалъ своимъ безапелляціоннымъ басомъ:—Ну вотъ еще... пустяки какіе выдумали.

Однако, ни одну изъ ея дочерей онъ не предпочиталъ явно, всѣмъ имъ одинаково угождая и надъ всѣми безцеремонно подтрунивая. Молодые люди, посѣщавшіе раньше домъ Зиненокъ, безслѣдно исчезли. Зато постояннымъ гостемъ сдѣлался Свѣжевскій, бывшій у нихъ прежде всего раза два или три. Свѣжевскій какъ то, мѣсяцевъ пять тому назадъ, проговорился въ кругу своихъ сослуживцевъ, что мечта его жизни—сдѣлаться непременно миллионеромъ, и что онъ къ сорока годамъ непременно будетъ имъ.

—Какъ же вы этого добьетесь, Станиславъ Ксавьеревичъ?—спросили его.

Свѣжевскій захихикалъ и, загадочно потирая свои мокрыя руки, отвѣтилъ:

— Всѣ дороги ведутъ въ Римъ.

Чутье ему подсказывало, что теперь въ Шепетовской экономіи обстоятельства складываются весьма удобно для его будущей карьеры.

Такъ или иначе, онъ могъ пригодиться всемогущему патрону. И Свѣжевскій, ставя все на карту, смѣло лѣвъ Квашнину на глаза. Онъ заигрывалъ съ нимъ, какъ веселый дворовый щенокъ со свирѣпымъ меделянскимъ псомъ, выражая впрочемъ и лицомъ, и голосомъ ежеминутную готовность учинить какую угодно пакость по одному только мановенію Василя Терентьевича.

Патронъ не препятствовалъ. Тотъ самый Квашнинъ, который прогонялъ со службы, безъ объясненія причинъ, директоровъ и управляющихъ заводами,—этотъ самый Квашнинъ молча терпѣлъ въ своемъ присутствіи какого то Свѣжевскаго... Тутъ пахло важной услугой, и будущій милліонеръ напряженно ждалъ своего момента.

Все это, передаваясь изъ устъ въ уста, стало извѣстно и Боброву. Онъ не удивился: на семейство Зиненокъ у него сложился свой твердый и точный взглядъ. Его взволновало лишь то, что сплетня не преминетъ задѣть грязнымъ хвостомъ и Нину... Послѣ разговора на вокзалѣ, эта дѣвушка стала ему еще милѣе и дороже. Ему одному она довѣрчиво открыла свою душу, прекрасную даже въ колебаніяхъ и въ слабостяхъ. Всѣ другіе знали только ея костюмъ и наружность. Ревность же, съ ея циничными сомнѣніями, вѣчно раздраженнымъ самолюбіемъ, съ ея мелочностью и грубостью, была чужда его широкой, любящей натурѣ.

Ласка и нѣжность съ дѣтства обходили Боброва. Отца онъ не помнилъ. Мать его была суровая и раздражительная женщина, почти помѣшанная на странствующихъ монашенкахъ. Пять лѣтъ тому назадъ ею совершенно овладѣло религіозное умопомѣшательство (вообще въ ея роду сумасшествіе было явленіемъ наслѣдственнымъ)... Теплая, искренняя женская любовь тоже ни разу еще не улыбнулась Андрею Ильичу.

Онъ былъ слишкомъ застѣнчивъ и неувѣренъ въ себѣ, чтобы брать отъ жизни то, что ему принадлежало по праву. Неудивительно, что теперь его душа радостно устремилась навстрѣчу новому, сильному чувству.

Всѣ эти дни Бобровъ находился подъ обаяніемъ разговора на вокзалѣ. Сотни разъ онъ вспоминалъ его въ мельчайшихъ подробностяхъ и, съ каждымъ разомъ, прозрѣвалъ въ словахъ Нины болѣе глубокое значеніе. По утрамъ онъ просыпался со

смутнымъ сознаниемъ чего-то большого и свѣтлаго, что посѣтило его душу и обѣщаетъ ему въ будущемъ много блаженства.

Его неудержимо тянуло къ Зиненкаамъ; хотѣлось еще разъ убѣдиться въ своемъ счастьи, еще разъ слышать отъ Нины то робкія, то наивно смѣлыя полупризнанія. Но его стѣсняло присутствіе Квашнина, и онъ утѣшалъ себя только тѣмъ, что патронъ ни въ какомъ случаѣ не могъ пробыть въ Иванковѣ болѣе двухъ недѣль.

Однако случай помогъ ему увидѣться съ Ниной до отъѣзда Квашнина. Это произошло въ воскресенье, черезъ три дня послѣ торжественнаго открытія кампаніи доменной печи. Бобровъ ѣхалъ верхомъ на Форватерѣ по широкой, хорошо набитой дорогѣ, ведущей съ завода на станцію. Было часа два прохладнаго, безоблачнаго дня. Форватеръ шелъ бойкой «ходой», прядя ушами и мотая косматой головой. На поворотѣ около склада Бобровъ замѣтилъ спускавшуюся съ горы амазонку на крупной итѣдой лошади и слѣдомъ за нею—всадника на маленькомъ бѣломъ киргизѣ. Скоро онъ убѣдился, что это была Нина, въ темнозеленой, длинной, развѣвающейся юбкѣ, въ шляпкѣ съ маленькими загнутыми полями и съ бѣлымъ перомъ. Она увѣренно и красиво сидѣла въ сѣдлѣ. Стройная англійская кобыла шла подъ нею эластической, широкой рысью, круто собравъ шею и высоко подымая тонкія, красивыя ноги. Сопровождавшій ее Свѣжевскій далеко отсталъ и старался, болтая локтями, трясясь и горбясь, поймать носкомъ потерянное стремя.

Замѣтивъ Боброва, Нина пустила лошадь галопомъ. Встрѣчный вѣтеръ заставлялъ ее придерживать правой рукой передъ шляпы и наклонять внизъ голову. Поровнявшись съ Андреемъ Ильичемъ, она сразу осадилла лошадь, и та остановилась, нетерпѣливо переступая ногами, раздувая широкія, породистыя ноздри и звучно перебирая зубами удила. Отъ ѣзды у Нины раскраснѣлось лицо, и волосы, выбившіеся на вискахъ изъ подъ шляпы, откинулись назадъ длинными, тонкими завитками.

— Откуда у васъ такая прелесть?—спросилъ Бобровъ, когда ему наконецъ удалось, перегнувшись на сѣдлѣ, пожать кончики пальцевъ Нины.

— А правда, красавица? Это подарокъ Квашнина.

— Я бы отказался отъ такого подарка,—отрѣзалъ грубо Андрей Ильичъ, внезапно разсерженный безпечнымъ отвѣтомъ Нины.

Нина вспыхнула...

— На какомъ основаніи?

— Да на томъ, что... кто же для васъ, въ самомъ дѣлѣ, Квашнинъ?... Родственникъ?... Женихъ?...

— Ахъ, Боже мой, какъ вы щепетильны за другихъ!—воскликнула Нина язвительно. Но, увидѣвъ его страдающее лицо, она тотчасъ же смягчилась.

— Вѣдь ему это ничего не стоитъ... Онъ такъ богатъ.

Свѣжевскій былъ уже въ десяти шагахъ. Нина вдругъ нагнулась къ Боброву и сказала вполголоса, тономъ маленькой дѣвочки, сознающей въ своей винѣ:

— Ну, будетъ... будетъ, не сердитесь... Я ему возвращу лошадей назадъ, злѣйка вы такіе!.. Видите, что значить для меня ваше мнѣніе.

Глаза Андрея Ильича засіяли счастьемъ, цѣлый потокъ пылкихъ признаній тѣснился на его языкѣ. Но онъ только глубоко, всей грудью вздохнулъ. Свѣжевскій подѣзжалъ къ нему, раскланиваясь и стараясь принять небрежную посадку.

— Вы, конечно, знаете о нашемъ пикникѣ?—спросилъ Свѣжевскій.

— Въ первый разъ слышу,—отвѣчалъ Андрей Ильичъ.

— Пикникъ по инициативѣ Василія Терентьевича? Въ Бѣшеной балкѣ...

— Не слыхалъ.

— Да, да. Пожалуйста, пріѣзжайте же, Андрей Ильичъ,—выѣшала Нина.—Въ среду, въ пять часовъ вечера... сборный пунктъ станція...

— Пикникъ по подпискѣ?

— Кажется, навѣрно не знаю.

— По подпискѣ,—подтвердилъ Свѣжевскій.—Василій Терентьевичъ поручилъ мнѣ исполнить нѣкоторые его распоряженія. И я вамъ скажу, пикникъ будетъ колоссальный. *Quelque chose d'ératant!* Только все это покаместъ секретъ. Вы будете поражены неожиданностью...

Нина не утерпѣла и прибавила кокетливо:

— Все это вѣдь изъ за меня вышло. Третьяго дня я говорила, что хорошо бы компаніей куда нибудь въ лѣсъ проѣхаться, а Василій Терентьевичъ...

— Я не поѣду,—сказалъ Бобровъ рѣзко.

— Нѣтъ, поѣдете!—сверкнула глазами Нина.—Господа, маршъ, маршъ!—крикнула она, подымая лошадь съ мѣста галопомъ. Андрей Ильичъ! Слушайте, что я вамъ скажу.

Свѣжевскій остался сзади. Нина и Бобровъ скакали рядомъ; она, улыбаясь и заглядывая ему въ глаза, онъ, хмурый и недовольный.

— Вѣдь это я для васъ выдумала пикникъ, злой другъ,—сказала она съ глубокой нѣжностью въ голосъ...—Я хочу непременно узнать то, что вы не договорили тогда, на вокзалѣ... Намъ никто не помѣшаетъ на пикникѣ.

И опять мгновенная перемѣна произошла въ душѣ Боб-

рова. Задрожавъ отъ нахлынувшего блаженства, онъ только и могъ воскликнуть страстно:

— О, Нина! Какъ я люблю васъ!

Но Нина какъ будто бы не слыхала этого внезапнаго признанія. Она потянула поводья, заставила лошадь перейти въ шагъ и спросила:

— Такъ будете? Да?

— Непремѣнно. Непремѣнно буду!

— Смотрите же... А теперь подождемъ моего кавалера и— до свиданья. Я тороплюсь домой, а съ нимъ не скоро доѣдешь...

Прощаясь съ ней, онъ чувствовалъ черезъ перчатку теплоту ея руки, отвѣтившей ему долгимъ и крѣпкимъ пожатіемъ. Томные глаза Нины смотрѣли влюбленно.

IX.

Въ среду, уже съ четырехъ часовъ, станція была биткомъ набита участниками пикника. Всѣ чувствовали себя весело и непринужденно. Приѣздъ Василія Терентьевича на этотъ разъ окончился такъ благополучно, какъ никто даже не смѣлъ ожидать. Ни громовъ, ни молніи не послѣдовало, никого не попросили оставить службу, и даже, наоборотъ, носились слухи о прибавкѣ, въ отдаленномъ будущемъ, жалованья большинству служащихъ. Кромѣ того, пикникъ обѣщалъ выдти очень занимательнымъ. До Бѣшеной балки, куда условились отправиться, считалось (если ѣхать на лошадяхъ) не болѣе четырехъ верстъ очень красивой дороги... Ясная и теплая погода, прочно установившаяся въ теченіи послѣдней недѣли, никакъ не могла помѣшать поѣздкѣ.

Приглашенныхъ было до девяноста человѣкъ. Они толпились оживленными группами по платформѣ, со смѣхомъ и громкими восклицаніями. Русская рѣчь перемѣшивалась съ французскими, нѣмецкими и польскими фразами. Трое бѣлгійцевъ захватили съ собой фотографическіе аппараты, рассчитывая дѣлать, при свѣтѣ магнія, моментальные снимки... Всѣхъ интриговала полнѣйшая неизвѣстность относительно подробностей пикника. Свѣжевскій съ таинственнымъ и важнымъ видомъ намекалъ о какихъ-то «сюрпризахъ», но отъ объясненій всячески уклонялся.

Первымъ сюрпризомъ оказался экстренный поѣздъ. Ровно въ пять часовъ изъ паровознаго депо вышелъ новый, американскій, десяти-колесный паровозъ. Дамы не могли удержаться отъ криковъ удивленія и восторга: весь громадный паровозъ былъ украшенъ флагами и живыми цвѣтами. Зеленныя гирлянды дубовыхъ листьевъ, перемѣшанные съ букетами астръ,

теоринъ, левкоевъ и гвоздики, обвивали спиралью его стальной корпусъ, вились вверхъ по трубѣ, свѣшивались оттуда внизъ, къ свистку, и вновь подымались вверхъ, покрывая цвѣтущей стѣной будку машиниста. Изъ подъ зелени и цвѣтовъ стальные и мѣдные части машины эффектно сверкали въ лучахъ заходящаго солнца. Шесть вагоновъ перваго класса, вытянувшіеся вдоль платформы, должны были отвести участниковъ пикника на 303-ю версту, откуда до Бѣшеннои балки оставалось пройти не болѣе двухсотъ шаговъ.

— Господа, Василій Терентьевичъ просилъ меня сообщить вамъ, что онъ беретъ всѣ расходы по пикнику на себя,—говорилъ Свѣжевскій, торопливо переходя отъ одной группы къ другой.—Господа, Василій Терентьевичъ просилъ меня передать всѣмъ приглашеннымъ...

Около него составилаь большая кучка. Онъ объяснилъ въ чемъ дѣло.

— Василій Терентьевичъ остался чрезвычайно доволенъ тѣмъ приѣмомъ, который ему сдѣлало общество, и ему очень пріятно отплатить любезностью за любезность. Онъ беретъ всѣ расходы на себя.

И, не утерпѣвъ, движимый тѣмъ чувствомъ, которое заставляетъ лака хвастать щедростью своего барина, онъ добавилъ вѣско:

— Мы истратили на этотъ пикникъ 3,590 рублей!

— Попроламъ съ господиномъ Квашнинымъ?—послышался сзади насмѣшливый голосъ. Свѣжевскій быстро обернулся и убѣдился, что эту ядовитую реплику вставилъ Андреа, глядѣвшій на него со своимъ обычнымъ невозмутимымъ видомъ, заложивъ руки въ глубокіе карманы брюкъ.

— Что вы изволили сказать?—переспросилъ Свѣжевскій, густо краснѣя.

— Нѣтъ, это вы изволили сказать: «мы истратили три тысячи», и я имѣю полное основаніе думать, что вы подразумеваете себя и г. Квашнина подъ этимъ «мы»... Въ такомъ случаѣ, я считаю пріятнымъ долгомъ заявить вамъ, что, если я принимаю эту любезность отъ г. Квашнина, то вѣдь отъ г. Свѣжевскаго я ее могу и не принять?...

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ... Вы не такъ меня поняли,—запелъ переконфуженный Свѣжевскій.—Это все Василій Терентьевичъ. Я просто только какъ довѣренное лицо... Ну, вродѣ какъ прикащикъ, что ли, — добавилъ онъ съ кислой усмѣшкой.

Послѣ этого Свѣжевскій поспѣшно скрылся. Андреа, не смотря на свою замкнутость и неразговорчивость, всегда зналъ изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ все, что дѣлалось на заводѣ. Онъ терпѣть не могъ Свѣжевскаго за его сплетни, подобо-

страстіе и хвастовство и никогда не упускалъ случая «обръзывать» его при многочисленныхъ свидѣтеляхъ.

Почти одновременно съ подачей экстреннаго поѣзда приѣхали Зиненки, въ сопровожденіи Квашнина и Шелковникова. Но не успѣлъ еще Василій Терентьевичъ вылѣзть изъ коляски, какъ случилось нѣкъмъ не предвидѣнное происшествіе траги-комическаго свойства. Еще съ утра жены, сестры и матери заводскихъ рабочихъ, прослышавъ о предстоящемъ пикникѣ, стали собираться на вокзалѣ. Многія принесли съ собою и грудныхъ ребятъ. Съ выраженіемъ деревяннаго терпѣнія на загорѣлыхъ, бронзовыхъ лицахъ, сидѣли онѣ уже много часовъ на ступеняхъ вокзальнаго крыльца и на землѣ, вдоль стѣнъ, бросавшихъ длинныя тѣни. Ихъ было болѣе двухсотъ. На разспросы станціоннаго начальства онѣ отвѣчали, что имъ нужно «рыжаго и толстаго начальника». Сторожъ пробовалъ ихъ гнать, но онѣ подняли такой оглушительный гвалтъ, что онъ только махнулъ рукой и оставилъ бабъ въ покоѣ.

Каждый подъѣзжавшій экипажъ вызывалъ между ними минутный переполохъ, но, такъ какъ «рыжаго и толстаго начальника» до сихъ поръ еще не было, то онѣ тотчасъ же успокаивались.

Едва только Василій Терентьевичъ, схватившись руками за козлы, кряхтя и накренивъ всю коляску, ступилъ на подножку, какъ бабы быстро окружили его со всѣхъ сторонъ и повалились на колѣни. Испуганныя, горячія лошади захрапѣли и стали метаться; кучеръ, натанувъ возжи и совсѣмъ перевалившись назадъ, едва сдерживалъ ихъ на мѣстѣ. Сначала Квашнинъ ничего не могъ разобрать. Бабы кричали всѣ сразу и протягивали къ нему грудныхъ младенцевъ. По бронзовымъ лицамъ вдругъ потекли обильныя слезы...

Квашнинъ увидѣлъ, что ему не вырваться изъ этого живого кольца, обступившаго его со всѣхъ сторонъ.

— Стой, бабы! Не гадѣть!—крикнулъ онъ, сразу покрывая своимъ басомъ ихъ голоса... Орете всѣ, какъ на базарѣ. Ничего не слышу. Говори ктонибудь одна: въ чемъ дѣло?

Но каждой хотѣлось говорить одной. Крики еще больше усилились, и слезы еще обильнѣе потекли по лицамъ:

— Кормилецъ... родной... разсмотри ты насъ... Никакъ невозможно терпѣть... Отошпали... помираемъ... съ ребятами съ малыми помираемъ... Отъ холода прямодохнемъ!

— Что же вамъ нужно? Отъ чего вы помираете?—крикнулъ опять Квашнинъ.—Да не орите всѣ разомъ! Вотъ ты, молодка, рассказывай,—ткнулъ онъ пальцемъ въ рослую, красивую калужскую бабу.—Остальныя, молчи.

Большинство замолкло, только продолжало всхлипывать и слегка подвывать, утирая глаза и носы грязными подолами...

Все таки за разъ говорило не менѣе двадцати бабъ.

— Помираемъ отъ холоду, кормилецъ... Ужъ ты сдѣлай милость, обдумай насъ, какъ нибудь... Никакой намъ возможности нѣту больше... Загнали насъ на зиму въ бараки, а въ нихъ нешто можно жить-то? Одна только слава, что бараки, а то какъ есть изъ лучины выстроены... И теперь то по ночамъ не втерпезъ отъ холоду... зубъ на зубъ не попадаетъ.. Ты хоть нашихъ робятокъ-то пожалѣй, пособи, голубчикъ, хоть печи-то прикажи поставить... Пишшу варить негдѣ... Въ котлахъ пишшу варимъ... Мужики наши цѣльный день на работѣ... Иззябши... намокши... Придутъ домой—обсунуться негдѣ...

Квашнинъ попалъ въ засаду. Въ какую сторону онъ ни оборачивался, вездѣ ему нуть преграждали валявшіеся на землѣ и стоявшіе на колѣняхъ бабы. Когда онъ пробовалъ протиснуться между ними, онѣ ловили его за ноги и за полы длиннаго, сѣраго ульстера. Видя свое безсиліе, Квашнинъ движеніемъ руки подозвалъ къ себѣ Шелковникова, и когда тотъ пробрался сквозь тѣсную толпу бабъ, Василій Терентьевичъ спросилъ его по французски съ гнѣвнымъ выраженіемъ въ голосъ:

— Вы слышали? Что все это значитъ?

Шелковниковъ безпомощно развелъ руками и забормоталъ:

— Я писалъ въ Правленіе, докладывалъ... Очень ограниченное число рабочихъ рукъ... лѣтнее время... косовица... высокія цѣны... Правленіе не разрѣшило... ничего не подѣлаешь...

— Когда же вы начнете перестраивать рабочіе бараки?

— Положительно неизвѣстно... Пусть потерпятъ какъ-нибудь... Намъ раньше надо торопиться съ помѣщеніями для служащихъ.

— Чортъ знаетъ, что за безобразія творятся подъ вашимъ руководствомъ,—проворчалъ Квашнинъ. И, обернувшись опять къ бабамъ, онъ сказалъ громко:

— Слушайте, бабы! Съ завтрашняго дня вамъ будутъ строить печи и покроютъ ваши бараки тесомъ. Слышали?

— Слышали, родной... Спасибо тебѣ... Какъ не слышать,—раздались обрадованные голоса... Такъ-то лучше небось, когда самъ начальникъ приказалъ... спасибо тебѣ... ты ужъ намъ, соколикъ, позволь и щепки собирать съ постройки. А то...

— Хорошо, хорошо. И щепки позволяю собирать.

— А то поставили вездѣ черкесовъ *), чуть придешь за

*) Въ южномъ краѣ, на заводахъ и въ экономіяхъ сторожами охотѣе всего нанимають черкесовъ, отличающихся вѣрностью, внушающихъ страхъ населенію.

щепками, а онъ такъ сейчасъ ногойкой и наровить по-
лоснуть...

— Ладно, ладно... Приходите смѣло за щепками, никто
васъ не тронетъ, — успокаивалъ ихъ Квашнинъ. — А теперь,
бабье, маршъ по домамъ, щи варить! Да смотрите у меня,
живо! — крикнулъ онъ подбодряющимъ, молодцоватымъ голо-
сомъ. — Вы распорядитесь, — сказалъ онъ Шелковникову, —
чтобы завтра сложили около бараконъ воза два кирпича... Это
ихъ надолго утѣшитъ. Пусть любятъся.

Бабы расходились совсѣмъ ошарашенныя.

— Ты смотри, коли намъ печей не поставятъ, такъ мы
васъ позовемъ, чтобы насъ грѣть приходили, — крикнула та
самая калужская баба, которой Квашнинъ приказалъ говорить
за всѣхъ.

— А то какъ же, отозвалась бойко другая... пусть насъ
генералъ и грѣетъ. Ишь, какой толстой да гладкой... Съ нимъ
теплѣе будетъ, чѣмъ на печкѣ.

Этотъ неожиданный эпизодъ, окончившійся такъ благопо-
лучно, сразу развеселилъ всѣхъ. Даже Квашнинъ, хмурившійся
сначала на директора, разсмѣялся послѣ приглашенія бабъ
отогрѣвать ихъ и примирительно взялъ Шелковникова подъ
руку. Вспоминая подробности только-что потушеннаго «бабьяго
бунта» и громко смѣясь, онъ сѣлъ въ вагонъ. Черезъ три ми-
нуты поѣздъ вышелъ со станціи. Кучерамъ было приказано
ѣхать прямо на Бѣшеную балку, потому что назадъ предпо-
лагалось возвратиться на лошадяхъ съ факелами.

Поведеніе Нины смутило Андрея Ильича. Онъ ждалъ на
станціи ея пріѣзда съ нетерпѣливымъ волненіемъ, начавшимся
еще вчера вечеромъ. Прежнія сомнѣнія исчезли изъ его души.
Онъ вѣрилъ въ свое близкое счастье, и никогда еще міръ не
казался ему такимъ прекраснымъ, люди такими добрыми,
а жизнь такой легкой и радостной. Думая о свиданіи съ Ни-
ной, онъ старался себѣ его заранѣе представить, невольно го-
товилъ нѣжныя, страстныя и краснорѣчивыя фразы и потомъ
самъ смѣялся надъ собой... Для чего сочинять слова любви?
Когда будетъ нужно, они придутъ сами и будутъ еще краси-
вѣе, еще слаще... И Боброву вспоминались читанныя имъ въ
какомъ-то журналѣ стихи, въ которыхъ поэтъ говоритъ своей
милой, что они не будутъ клясться другъ другу, потому что
клятвы оскорбили бы ихъ довѣрчивую и горячую любовь.

Бобровъ видѣлъ, какъ подъѣхали, слѣдомъ за тройкой
Квашнина, двѣ коляски Зиненковъ. Нина сидѣла въ первой. Въ
легкомъ платьѣ цвѣта кремъ, изящно отдѣланномъ широкими
кружевами того же цвѣта у полукруглаго вырѣза корсажа, въ
широкой бѣлой, итальянской шляпѣ, украшенной букетомъ
чайныхъ розъ, она показалась ему блѣднѣе и серьезнѣе, чѣмъ

обыкновенно. Она издали замѣтила Боброва, стоявшаго на крыльцѣ, но не послала ему, какъ онъ ожидалъ, долгаго, многозначительнаго взгляда. Наоборотъ, ему даже показалось, будто она нарочно отвернулась отъ него. Когда же Андрей Ильичъ подбѣжалъ къ ея коляскѣ, чтобы помочь ей изъ нея выйти, Нина, точно предупреждая его, быстро и легко выскочила изъ экипажа на другую сторону. Какое-то нехорошее, зловѣщее чувство кольнуло сердце Андрея Ильича, но онъ тотчасъ же поспѣшилъ себя успокоить. «Бѣдная, она стыдится своего рѣшенія и своей любви. Ей кажется, что теперь всякій можетъ свободно читать въ ея глазахъ самыя сокровенныя ея мысли... О, святая, прелестная наивность».

Андрей Ильичъ былъ увѣренъ, что Нина, какъ и въ прошлый разъ на вокзалѣ, сама найдетъ случай подойти къ нему, чтобы съ глазу на глазъ перекинуться нѣсколькими фразами. Однако она, повидимому, вся поглощенная объясненіемъ Квашнина съ бабами, не торопилась этого сдѣлать... Она ни разу, даже украдкой, не обернулась назадъ, чтобы увидѣть Боброва. Сердце Андрея Ильича забилося вдругъ тревожно и тоскливо. Онъ рѣшилъ подойти къ семейству Зиненковъ, державшемуся тѣсной кучкой (остальныя дамы ихъ, видимо, избѣгали) и подъ шумъ, привлекавшій общее вниманіе, спросить Нину, если не словами, то хоть взглядомъ, о причинѣ ея невниманія.

Кланяясь Аннѣ Афанасьевнѣ и пожимая ея руку, онъ заглядывалъ ей въ лицо и старался прочесть въ немъ, знаешь ли она что нибудь. Да, она несомнѣнно знала. Ея надломленныя угломъ, тонкія брови — признакъ лживаго характера — недовольно сдвинулись, а губы приняли надменное выраженіе. «Должно быть Нина рассказала все матери и получила отъ нея строгій выговоръ» — подумалъ Бобровъ и подошелъ къ Нинѣ.

Но Нина даже не взглянула на него. Ея рука неподвижно и холодно лежала въ его дрожащей рукѣ, когда они здоровались. Въмѣсто отвѣта на привѣтствіе Андрея Ильича, она тотчасъ же повернула голову къ Бетѣ и обмѣнялась съ нею какими-то пустыми замѣчаніями... Въ этомъ поспѣшномъ маневрѣ Боброву почудилось что-то виноватое, что-то трусливое, отступающее предъ прямымъ отвѣтомъ... Онъ почувствовалъ, что у него какъ-то сразу ослабѣли ноги, а во рту стало холодно... Онъ не зналъ, что подумать. Если бы Нина даже и проболталась матери, развѣ не могла она, однимъ изъ тѣхъ быстрыхъ, говорящихъ взглядовъ, которыми всегда инстинктивно располагають женщины, сказать ему: «да, ты угадалъ, наша тайна извѣстна... но я все та же, милый, я все та же, не тревожься». Однако, она предпочла отвернуться. «Все равно, я во что бы то ни стало на пикникъ дождусь ея от-

вѣта, — подумалъ Бобровъ, въ смутной тоскѣ предчувствуя что-то ужасное. — Такъ, или иначе, она должна будетъ отвѣтить».

Х.

На 303 верстѣ общество вышло изъ вагоновъ и длинной, пестрой вереницей потянулось мимо сторожевой будки, по узкой дорожкѣ, спускающейся въ Бѣшеную балку... Еще издали на разгоряченные лица пахло свѣжестью и запахомъ осенняго лѣса... Дорожка, становясь все круче, исчезала въ густыхъ кустахъ орѣшника и дикой жимолости, которые сплелись надъ ней сплошнымъ темнымъ сводомъ. Подъ ногами уже шелестѣли желтые, сухіе, скоробившіеся листья. Вдали, сквозь густую сѣть чащи алѣла вечерняя заря.

Кусты окончились. Передъ глазами гостей неожиданно открылась окруженная лѣсомъ широкая площадка, утрамбованная и усыпанная мелкимъ пескомъ. На одномъ ея концѣ стоялъ восьмигранный павильонъ, весь разукрашенный флагами и зеленью, на другомъ — крытая эстрада для музыкантовъ. Едва только первыя пары показались изъ чащи, какъ военный оркестръ грянулъ съ эстрады бравурный маршъ. Рѣзвые, красивые звуки весело понеслись по лѣсу, звонко отражаясь отъ деревьевъ и сливаясь гдѣ-то далеко въ другой оркестръ, который, казалось, то перегонялъ первый, то отставалъ отъ него. Въ восьмигранномъ павильонѣ, вокругъ столовъ, разставленныхъ покоемъ и уже покрытыхъ новыми бѣлыми скатертями, суежилась прислуга, гремя посудой...

Какъ только музыканты кончили маршъ, всѣ приглашенные на пикникъ разразились дружными аплодисментами. Они были въ самомъ дѣлѣ поражены, потому что не далѣе, какъ двѣ недѣли тому назадъ, эта площадка представляла изъ себя кособоръ, усыянный рѣдкими кустами...

Оркестръ заигралъ вальсъ.

Бобровъ видѣлъ, какъ Свѣжевскій, стоявшій рядомъ съ Ниной, тотчасъ же, безъ приглашенія, обхватилъ ея талію, и они понеслись, быстро вертясь по площадкѣ.

Едва Нину оставилъ Свѣжевскій, какъ къ ней подбѣжалъ горный студентъ, за нимъ еще кто-то. Бобровъ танцевалъ плохо, да и не любилъ танцевать. Однако, ему пришлось въ голову пригласить Нину на кадрили. «Можетъ быть, думаю онъ, мнѣ удастся улучшить минуту для объясненія». Онъ подошелъ къ ней, выждавъ время, когда она только что сдѣлала два тура, сидѣла и торопливо обмахивала вѣеромъ пылавшее лицо.

— Нина Григорьевна, подарите мнѣ одну кадрили.

— У меня уже разобраны всѣ кадрили,—отвѣчала она, не глядя на него.

— Неужели? Такъ скоро?

— Да. Зачѣмъ-же вы опоздали? Я еще въ вагонѣ общала всѣ кадрили...

— Вы, значитъ, совсѣмъ позабыли обо мнѣ,—сказалъ онъ печально...

Звукъ его голоса тронулъ Нину. Она нервно сложила и опять развернула вѣеръ.

— Вы сами виноваты. Почему вы не подошли?..

— Но вѣдь я только для того и пріѣхалъ на пикникъ, чтобы васъ видѣть... Неужели вы шутили со мной, Нина Григорьевна?

Она молчала, въ замѣшательствѣ играя вѣеромъ. Ее выручилъ подлетѣвшій къ ней молодой инженеръ. Она быстро встала и, даже не обернувшись на Боброва, положила свою тонкую руку, въ длинной бѣлой перчаткѣ, на плечо инженера. Андрей Ильичъ слѣдилъ за нею глазами... Сдѣлавъ туръ, она сѣла—«конечно, умышленно», подумалъ Андрей Ильичъ,—на другомъ концѣ площадки. Она избѣгала его.

Прежняя, давно знакомая, тупая и равнодушная тоска овладѣла Бобровымъ. Всѣ лица стали казаться ему пошлыми, жалкими, почти комичными. Ритмическіе звуки музыки непрерывными глухими ударами отзывались въ его головѣ, причиняя раздражающую боль. Но онъ еще не потерялъ надежды и старался утѣшить себя разными предположеніями: «Не сердится ли она за то, что я не прислалъ ей букета? Или, можетъ быть, ей просто не хочется танцевать съ такимъ мѣшкомъ, какъ я,—догадывался онъ.—Ну, что-же, она, пожалуй, и права. Вѣдь для дѣвушекъ эти пустяки такъ много значать... Развѣ не они составляютъ ихъ радости и огорченія, всю поэзію ихъ жизни?»

Когда стало смеркаться, вокругъ павильона зажгли длинныя цѣпи разноцвѣтныхъ китайскихъ фонарей. Но этого оказалось мало, площадка оставалась почти не освѣщенною. Вдругъ съ обоихъ ея концовъ вспыхнули ослѣпительнымъ голубоватымъ свѣтомъ два электрическія солнца, до сихъ поръ тщательно замаскированныя зеленью деревьевъ. Березы и грабы, окружавшіе площадку, сразу выдвинулись впередъ. Ихъ неподвижныя, кудрявыя вѣтви, ярко и фальшиво освѣщенныя, стали похожи на театральную декорацію перваго плана. За ними, окутанныя въ сѣро-зеленую мглу, слабо вырисовывались на совершенно черномъ небѣ круглыя и зубчатыя деревья чащи... Кузнечики въ степи, не заглушаемые музыкой, кричали такъ странно, громко и дружно, что казалось, будто кричатъ

только одинъ кузнечикъ, но кричить отовсюду: и справа, и слѣва, и сверху.

Балъ длился, становясь все оживленнѣе и шумнѣе. Одинъ танецъ слѣдовалъ за другимъ. Оркестръ почти не отдыхалъ... Женщины, какъ отъ вина, опьянѣли отъ музыки, отъ сказочной обстановки вечера, отъ этой атмосферы дерзкой влюбленности, которою, казалось, былъ пропитанъ воздухъ. Самыя строгія дамы походили на вакханокъ, съ блестящими глазами, порывисто дышащей грудью, пылающими щеками, разбившейся прической и губами полуоткрытыми, точно для поцѣлуевъ.

Ароматъ ихъ духовъ и разгоряченныхъ тѣлъ прихотливо смѣшивался съ запахомъ степной полыни, увядающаго листа, лѣсной сырости и съ отдаленнымъ тонкимъ запахомъ скошеннаго сѣна... Повсюду, то медленно, то быстро колыхались вѣтра, точно крылья красивыхъ разноцвѣтныхъ птицъ, собирающихся летѣть... Громкій говоръ, смѣхъ, шарканье ногъ о песокъ площадки сплетались въ одинъ монотонный и веселый гулъ, который вдругъ съ особенной силой вырывался впередъ, когда музыка переставала играть.

Бобровъ все время неотступно слѣдилъ за Ниной. Раза два она чуть-чуть не задѣла его своимъ платьемъ. На него даже пахнуло вѣтромъ, когда она пронеслась мимо. Танцуя, она красиво и какъ будто безпомощно изгибала лѣвую руку на плечѣ своего кавалера и такъ склоняла голову, какъ будто-бы хотѣла къ этому плечу прислониться... Иногда мелькалъ край ея нижней, бѣлой, вышитой юбки, развѣваемой быстрымъ движеніемъ, и маленькая ножка въ черномъ чулкѣ, съ тонкой щиколодкой и крутымъ подъемомъ икры. Тогда Боброву становилось почему-то стыдно, и онъ чувствовалъ въ душѣ злобу на всѣхъ, кто могъ видѣть Нину въ эти моменты.

Началась мазурка. Было уже около девяти часовъ. Нина, танцовавшая со Свѣжевскимъ, воспользовалась тѣмъ временемъ, когда ея кавалеръ, дирижировавшій мазуркой, устраивалъ какую-то сложную фигуру, и побѣжала въ уборную, легко, быстро скользя ногами въ тактъ музыкѣ и придерживая обѣими руками распустившіеся волосы. Бобровъ, видѣвшій это съ другого конца площадки, тотчасъ-же поспѣшилъ за нею слѣдомъ и сталъ у дверей... Здѣсь было почти темно, вся уборная—маленькая досчатая комнатка, пристроенная сзади павильона,—находилась въ густой тѣни. Бобровъ рѣшился дожидаться Нины и, во чтобы-то ни стало, заставить ее объяснить. Сердце его часто и больно билось, пальцы, которые онъ судорожно стискивалъ, сдѣлались влажными и холодными.

Черезъ пять минутъ Нина вышла. Бобровъ выдвинулся изъ тѣни и преградилъ ей дорогу. Нина слабо вскрикнула и отшатнулась.

— Нина Григорьевна, за что вы меня так мучаете?—сказалъ Андрей Ильичъ, инстинктивно складывая руки умоляющимъ жестомъ.—Развѣ вы не видите, какъ мнѣ больно... Нельзя-же вѣдъ живого человѣка избирать игрушкой... мишенью какой-то для опытовъ... Если это игра, если это мистификація, то прекратите-же ее, ради Бога... Она недостойна васъ...

— Я васъ вовсе даже и не думала мистифицировать,—отвѣтила Нина, упрямо и заносчиво. Въ ней проснулся духъ ея семейства.

— Нѣтъ? Что-же значитъ ваше сегодняшнее обращеніе со мной?

— Какое обращеніе?

— Вы холодны со мной, почти враждебны. Вы отворачиваетесь отъ меня... Вамъ даже самое присутствіе мое на вѣчерѣ непріятно...

— Мнѣ рѣшительно все равно.

— Это еще хуже... Я чувствую въ васъ какую-то непостижимую для меня и ужасную переменъ... Ну, будьте-же откровенны, Нина, будьте такой правдивой, какой я васъ еще сегодня считалъ... Какъ-бы ни была страшна истина, скажите ее. Лучше ужъ и для васъ, и для меня сразу кончить...

— Что кончить? Я не понимаю васъ...

Бобровъ сжалъ руками пылавшую голову.

— Нѣтъ, вы понимаете. Не притворяйтесь. Намъ есть что кончить. У насъ были нѣжныя слова, почти граничащія съ признаніемъ, у насъ были ласковые взгляды, между нами уже были какіе-то нѣжныя, тонкія узы... Я знаю, вы хотите сказать, что я заблуждаюсь... Можетъ быть, можетъ быть... Но развѣ не вы велѣли мнѣ пріѣхать на пикникъ, чтобы имѣть возможность поговорить безъ постороннихъ?

Нинѣ вдругъ стало жаль его.

— Да... Я просила васъ пріѣхать... Я хотѣла вамъ сказать, что намъ надо проститься на всегда.

Бобровъ покачнулся, точно кто толкнулъ его въ грудь. Было даже въ темнотѣ замѣтно, какъ его лицо поблѣднѣло.

— Проститься...—проговорилъ онъ, задыхаясь... Нина Григорьевна! Слово прощальное—тяжелое, горькое слово... Не говорите этого слова...

— Я его должна сказать.

— Должны?

— Да, должна. Это не моя воля.

— Чья-же?

Кто-то подходилъ къ нимъ. Нина взглянула въ темноту и прошептала:

— Вотъ чья.

Это была Анна Афанасьевна. Она подозрительно оглядѣла Боброва и Нину и взяла свою дочь за руку.

— Зачѣмъ ты, Нина, убѣжала отъ танцевъ?—сказала она тономъ выговора. Стала гдѣ-то въ темнотѣ и болтаешь... Хорошее, нечего сказать, занятіе... А я тебя ищи по всѣмъ закоулкамъ. Вы, сударь, обратилась она вдругъ бранчиво и громко къ Боброву, вы, сударь, если сами не умѣете, или не любите танцевать, то хоть барышнямъ-бы не мѣшали и не компрометировали-бы ихъ бесѣдой *tête à tête*... въ темныхъ углахъ.

Она отошла и увлекла за собою Нину.

— О! не безпокойтесь, сударыня: вашу барышню ничто не скомпрометируетъ,—закричалъ ей въ догонку Бобровъ и, вдругъ, расхохотался такимъ страннымъ, безумнымъ смѣхомъ, что и мать и дочь невольно обернулись.

— Ну! Не говорила я тебѣ, что это дуракъ и нахаль!—дернула Анна Афанасьевна Нину за руку...—Ему хоть въ глаза наплюй, а онъ хохочетъ... утѣшается...—Сейчасъ будутъ дамы выбирать кавалеровъ, прибавила она другимъ, болѣе спокойнымъ тономъ. — Ступай и пригласи Квашнина. Онъ только кончилъ партію. Видишь, стоитъ въ дверяхъ бесѣдки...

— Мама! Да куда же ему танцевать? Онъ поворачивается то насилу-насилу.

— А я тебѣ говорю: ступай. Онъ когда то однимъ изъ лучшихъ танцоровъ считался въ Москвѣ... Во всякомъ случаѣ ему будетъ пріятно.

Точно въ какомъ то зловѣщемъ туманѣ видѣлъ Бобровъ, какъ Нина быстро перебѣжала всю площадку и, улыбающаяся, кокетливая, остановилась, съ легкимъ наклоненіемъ головы, передъ Квашнинымъ. Василій Терентьевичъ слушалъ ее, слегка надъ ней нагнувшись; вдругъ онъ расхохотался, отчего вся его огромная фигура затряслась, и замоталъ отрицательно головой. Нина долго настаивала, потомъ вдругъ сдѣлала обиженное лицо и капризно повернулась, чтобы отойти. Но Квашнинъ, съ вовсе не свойственной ему живостью, догналъ ее и, пожавъ плечами съ такимъ видомъ, какъ будто бы хотѣлъ сказать: ну, ужъ ничего не подѣлаешь... надо баловать дѣтей... протянулъ ей руку. Всѣ танцующіе остановились и съ любопытствомъ устремили глаза на новую пару. Зрѣлище Квашнина, танцующаго мазурку, обѣщало быть чрезвычайно комичнымъ.

Василій Терентьевичъ выждалъ такъ и вдругъ, повернувшись къ своей дамѣ, движеніемъ, исполненнымъ тяжелой, но величественной красоты, такъ самоувѣренно и ловко сдѣлалъ первое раз, что всѣ сразу въ немъ почувяли бывшаго отличнаго танцора. Глядя на Нину сверху внизъ, съ гордымъ и веселымъ поворотомъ головы, онъ сначала не танцевалъ, а шелъ

подъ музыку эластичной, слегка покачивающейся походкой... И огромный ростъ, и толщина, и выпуклый животъ, казалось, не только не мѣшали, но, наоборотъ, увеличивали въ эту минуту своеобразную грацію его фигуры. Дойдя до поворота, онъ остановился на одну секунду, стукнулъ вдругъ каблукомъ о каблукъ, быстро завертѣлъ Нину на мѣстѣ и, неожиданно посадивъ ее на стулъ, самъ остановился передъ ней съ низко опущенной головой.

Его тотчасъ же окружили со всѣхъ сторонъ дамы, упрямивая пройти еще одинъ туръ. Но онъ, утомленный непривычнымъ движеніемъ, тяжело дышалъ и обмахивался платкомъ.

— Довольно, mesdames... пощадите старика... — говорилъ онъ, смѣясь и насилу переводя духъ... — Не въ мои годы въ плясъ пускаться. Пойдемте лучше ужинать...

Общество садилось за столы, гремя придвигаемыми стульями... Бобровъ продолжалъ стоять на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ его покинула Нина. Чувства униженія, обиды и безнадежной, отчаянной тоски попеременно терзали его. Слезъ не было, но что то жгучее щипало глаза, и въ горлѣ стоялъ какой то сухой, колючій клубокъ... Музыка продолжала съ безжалостнымъ постоянствомъ болѣзненно отзываться въ его головѣ.

— Батюшка мой! А я то васъ ищу, ищу, никакъ не могъ найти. Что это, вы куда запропалились? — услышалъ Андрей Ильичъ рядомъ съ собой веселый голосъ доктора... Какъ только пріѣхалъ, меня сейчасъ же за винтъ усадили, насилу насилу, вырвался... Идемъ ужинать. Я нарочно два мѣста захватилъ, чтобы вмѣстѣ...

— Ахъ, докторъ! Идите одинъ. Я не пойду, не хочется, — черезъ силу отозвался Бобровъ.

— Не пойдете? Вотъ такъ исторія! — Докторъ пристально поглядѣлъ въ лицо Боброву. — Да что съ вами, голубушка? На васъ лица совсѣмъ нѣтъ, — заговорилъ онъ серьезно и съ участіемъ. — Ну, ужъ какъ хотите, а я васъ не оставлю одного. Идемъ, идемъ, безъ всякихъ разговоровъ.

— Тяжело мнѣ, докторъ. Гадко мнѣ, — отвѣтилъ тихо Бобровъ, машинально однако слѣдуя за увлекавшимъ его Скобеевымъ.

— Пустяки, идемъ! Будьте мужчиной, плюньте... «Или есть недугъ сердечный? Иль на совѣсти гроза», — неожиданно продекламировалъ Скобеевъ. — Я вамъ сейчасъ универсальное средство пропишу. *In vino veritas*. Мы, по правдѣ сказать, съ этимъ Андреа уже порядочно наконьчались... Ахъ, и пить же, курицынъ сынъ, точно въ пустую бочку лить... Ну, будьте мужчиной, милочка... Знаете-ли, Андреа вами очень интересуется. Идемъ, идемъ.

Говоря такимъ образомъ, докторъ тащилъ Боброва въ па-

вилюнь. Они усьлились рядомъ. Сосѣдомъ Андрея Ильича съ другой стороны оказался Андрей.

Андрея, еще издали улыбавшійся Боброву, потѣснился, чтобы дать ему мѣсто, и ласково погладилъ его по спинѣ.

— Очень радъ, очень радъ, садитесь къ намъ поближе, — сказалъ онъ дружелюбно. — Симпатичный человекъ... люблю такихъ... смѣлый человекъ... коньякъ пьете?

Андрей былъ пьянъ. Его стеклянные глаза странно оживились и блестѣли на поблѣднѣвшемъ лицѣ (только помнога спустя стало извѣстно, что этотъ безупречно-корректный и талантливый человекъ каждый вечеръ напивался въ совершенномъ одиночествѣ до потери сознания)... «А и въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть станетъ легче, если выпить, подумалъ Бобровъ. Надо попробовать, чортъ возьми!»

Андрей дожидаясь съ наклоненной бутылкой въ рукѣ. Бобровъ подставилъ стаканъ.

— Та-акъ?—протянулъ Андрей, высоко подымая брови.

— Такъ, — отвѣтилъ Бобровъ съ печальной и кроткой улыбкой.

— All right. До которыхъ поръ?

— Стаканъ самъ скажетъ.

— Прекрасно. Можно подумать, что вы служили въ шведскомъ флотѣ. Довольно?

— Лейте, лейте.

— А теперь?

— Лейте, не бойтесь.

— Другъ мой, но вы вѣроятно выпустили изъ виду, что это добрый, старый Martell, съ пятью звѣздочками.

— Лейте. Не беспокойтесь... — И Бобровъ подумалъ со злорадствомъ: — ну что жъ, и буду пьянъ, какъ сапожникъ. Пусть полюбуется.

Стаканъ былъ полонъ. Андрей поставилъ бутылку на столъ и сталъ съ любопытствомъ наблюдать за своимъ сосѣдомъ. Бобровъ залпомъ выпилъ вино и весь содрогнулся отъ непривычки.

— Дитя мое, у васъ червякъ?—спросилъ Андрей, серьезно поглядѣвъ въ глаза Боброва.

— Да, червякъ,—уныло покачалъ головою Андрей Ильичъ.

— Въ сердцѣ?

— Да.

— Гм... Значить, вы хотите еще?

— Лейте.

Бобровъ съ жадностью пилъ коньякъ, стараясь забыться. Но, странно, вино не оказывало на него никакого дѣйствія. Наоборотъ, ему становилось еще тоскливѣе, и слезы еще больше жгли глаза.

Между тѣмъ лакеи разнесли шампанское. Квашнинъ всталъ со стула, держа двумя пальцами свой бокалъ и разглядывая черезъ него огонь высокаго канделябра. Всѣ затихли. Слышно было только, какъ шипѣлъ уголь въ электрическихъ фонаряхъ и звонко стрекоталъ неутомимый кузнечикъ.

Квашнинъ откашлялся.

— Милостивыя государыни и милостивые государи, — началъ онъ и сдѣлалъ внушительную паузу. Я думаю, никто изъ васъ не усомнится въ томъ искреннемъ чувствѣ признательности, съ которымъ я подымаю этотъ бокалъ! Я никогда не забуду сдѣланнаго мнѣ въ Иванковѣ радушнаго приѣма, и сегодняшній маленькій пикникъ, благодаря очаровательной любезности посѣтившихъ его дамъ, останется для меня навсегда пріятнѣйшимъ воспоминаніемъ. Пью за ваше здоровье, mes-dames!

Онъ поднялъ кверху свой бокалъ, сдѣлалъ имъ въ воздухѣ широкій полукругъ, отпилъ изъ него немного и продолжалъ:

— Къ вамъ, мои ближайшіе сотрудники и товарищи, обращаю слово. Не осудите, если оно будетъ носить характеръ поученія. По лѣтамъ я старикъ сравнительно съ большинствомъ присутствующихъ, а на старика за поученіе можно и не обижаться.

Андрей нагнулся къ уху Боброва и прошепталъ:

— Посмотрите, какія рожи дѣлаетъ этотъ каналья Свѣжевскій.

Свѣжевскій дѣйствительно выражалъ своимъ лицомъ самое подобострастное и преувеличенное вниманіе. Когда Василий Терентьевичъ упомянулъ о своей старости, онъ и головой, и руками началъ дѣлать протестующіе жесты.

— Я все-таки повторю старое, избитое выраженіе газетныхъ передовыхъ статей, продолжалъ Квашнинъ. Держите высоко наше знамя. Не забывайте, что мы соль земли, что намъ принадлежитъ будущее... Не мы ли опутали весь земной шаръ сѣтью желѣзныхъ дорогъ? Не мы ли разверзаемъ нѣдра земли и превращаемъ ея сокровища въ пушки, мосты, паровозы, рельсы и колоссальныя машины? Не мы ли, исполняя силой нашего генія почти невѣроятныя предпріятія, приводимъ въ движеніе тысяча-милліонныя капиталы?... Знайте, господа, что премудрая природа тратитъ свои творческія силы на созданіе цѣлой націи только для того, чтобы изъ нея вылѣпить два или три десятка избранниковъ. Имѣйте же смѣлость быть этими избранниками, и силу, господа! Ура!

— Ура! Ура! — закричали гости и изъ нихъ всѣхъ громче Свѣжевскій. Всѣ встали со своихъ мѣстъ и пошли чокаться съ Василиемъ Терентьевичемъ.

— Гнусная рѣчь, — сказалъ докторъ вполголоса.

Послѣ Квашнина поднялся Шелковниковъ и закричалъ:

— Господа! за здоровье нашего уважаемаго патрона, нашего дорогого учителя и въ настоящее время нашего амфитріона. За здоровье Василя Терентьевича Квашнина. Ура!

— Ура-а! подхватили единодушно всѣ обѣдающіе и опять пошли чокаться съ Квашнинымъ.

Потомъ началась какая-то оргія краснорѣчія. Произносили тосты и за успѣхъ предпріятія, и за отсутствующихъ акціонеровъ, и за дамъ, участвующихъ на пикникѣ, и за всѣхъ дамъ вообще.

Редереръ, истребляемый дюжинами, оказывалъ свое дѣйствіе. Сплошной гулъ стоялъ въ павильонѣ, и спикеру каждый разъ, прежде чѣмъ начать говорить, приходилось долго и тщетно стучать ножомъ по стакану. Въ сторонѣ, на отдѣльномъ маленькомъ столикѣ, красавецъ Миллеръ приготовлялъ въ большой серебрянной чашѣ жженку... Вдругъ опять поднялся Квашнинъ. На лицѣ его играла добродушно-лукавая улыбка.

— Мнѣ очень пріятно, господа, что нашъ праздникъ какъ разъ совпалъ съ однимъ торжествомъ семейнаго характера, — сказалъ онъ съ обворожительной игривостью. — Поздравимте отъ всей души и пожелаемъ счастья нарѣченному жениху и невестѣ. За здоровье Нины Григорьевны Зиненко и... — онъ замаялся, потому что позабылъ имя и отчество Свѣжевскаго... и нашего товарища, господина Свѣжевскаго...

Крики, встрѣтившіе слова Квашнина, были тѣмъ громче, что сообщенная имъ новость оказалась совсѣмъ неожиданной. Андреа, услышавшій рядомъ съ собою восклицаніе, болѣе похожее на мучительный стонъ, обернулся и увидѣлъ, что блѣдное лицо Боброва искривлено внутреннимъ страданіемъ.

— Коллега, вы еще не все знаете, — шепнулъ Андреа. — Послушайте-ка, я сейчасъ скажу пару теплыхъ словъ.

Онъ увѣренно поднялся, уронивъ при этомъ свой стулъ и расплескавъ половину бокала, и воскликнулъ:

— Милостивые государи! Нашъ многоуважаемый хозяинъ, изъ весьма понятной, великодушной скромности, не докончилъ своего тоста... Мы должны поздравить нашего дорогого товарища, Станислава Ксавьеревича Свѣжевскаго, съ новымъ назначеніемъ. Съ будущаго мѣсяца онъ займетъ отвѣтственный постъ управляющаго дѣлами правленія общества... Это назначеніе будетъ, такъ сказать, свадебнымъ подаркомъ для молодыхъ отъ глубокоуважаемаго Василя Терентьевича... Я вижу на лицѣ нашего высокочтимого патрона неудовольствіе... Вѣроятно я нечаянно выдалъ приготовленный имъ сюрпризъ и потому прошу прощенія. Но, движимый чувствомъ дружбы и уваженія, я не могу не пожелать, чтобы нашъ дорогой товарищъ, Станиславъ Ксавьеревичъ Свѣжевскій, и на новомъ

своемъ поприщѣ, въ Петербургѣ, оставался такимъ же дѣятельнымъ работникомъ и такимъ же любимымъ товарищемъ, какъ и здѣсь... Но я знаю, господа, никто изъ насъ не позавидуешь Станиславу Ксаверьевичу (онъ остановился и насмѣшливо посмотрѣлъ на Свѣжевскаго)... потому что всѣ мы такъ дружно желаемъ ему всего, всего хорошаго, что...

Рѣчь его была внезапно прервана громкимъ лошадинымъ топотомъ. Изъ чащи точно вынырнулъ верхомъ на взмыленной лошади какой-то человѣкъ безъ шапки, съ лицомъ, на которомъ застыло, перекосивъ его, выраженіе ужаса. Это былъ десятникъ, служившій у подрядчика Дехтерева. Бросивъ на срединѣ площадки лошадь, дрожавшую отъ усталости, онъ подбѣжалъ къ Василю Терентьевичу и, фамильярно нагнувшись къ его уху, сталъ что-то шептать... Въ павильонѣ сдѣлалось вдругъ страшно тихо, и, какъ раньше, слышно было только шипѣніе угля и назойливый крикъ кузнечика.

Красное отъ вина лицо Квашнина поблѣднѣло, руки его судорожно комкали салфетку. Наконецъ онъ сказалъ глухимъ, заикающимся голосомъ:

— Господа! На заводѣ несчастіе. Надо принимать мѣры...

XI.

Началась безтолковая, паническая сумятица. Всѣ поднялись съ мѣстъ и забѣгали по павильону, толкаясь, крича и спотыкаясь объ опрокинутые стулья. Дамы торопливо надѣвали дрожащими руками шляпки. Кто-то распорядился вдобавокъ погасить электрическіе фѣнари, и это еще больше усилило общее смятеніе... Въ темнотѣ слышались истерическіе женскіе крики...

Было около трехъ часовъ. Солнце еще не всходило, но небо замѣтно посвѣтлѣло, предвѣщая своимъ сѣрымъ, однообразнымъ колоритомъ начало ненастнаго дня. Блѣдный, тусклый, однообразный полусвѣтъ занимающагося утра, такъ быстро и неожиданно смѣнившій яркое сіяніе электричества, придавалъ картинѣ всеобщей паники странный, удручающій, почти фантастическій характеръ. Человѣческія фигуры казались сновавшими въ беспорядкѣ темными силуэтами. Измятыя бессонной ночью, взволнованныя лица были страшны. Обѣденный столъ, залитый виномъ и беспорядочно загроможденный посудой, напоминалъ о какой-то чудовищной, сказочной, мгновенно прерванной оргіи.

Около экипажей суматоха была еще безобразнѣе. Испуганныя лошади храпѣли, взвивались на дыбы и не давались зауздывать. Колеса сцѣплялись съ колесами, и слышался трескъ

ломающихся осей. Инженеры тщетно выкрикивали по именамъ своихъ кучеровъ, озлобленно ругавшихся между собою. Въ общемъ получалось впечатлѣніе того оглушительнаго хаоса, который бываетъ только на большихъ ночныхъ пожарахъ.

Бобровъ никакъ не могъ отыскать Митрофана. Раза два или три ему послышалось, будто его кучеръ отзывается на крикъ, откуда-то изъ самой середины перепутавшихся экипажей. Но проникнуть туда не было никакой возможности, потому что давка становилась съ каждой минутой все сильнѣе и сильнѣе.

Вдругъ въ темнотѣ вспыхнулъ, высоко надъ толпой, краснымъ пламенемъ огромный керосиновый факель. Послышались крики: «съ дороги! съ дороги! посторонитесь, господа! съ дороги!» Стремительная человѣческая волна, гонимая сильнымъ напоромъ, подхватила Андрея Ильича, понесла его за собой, чуть не сбросивъ съ ногъ, и плотно прижала между задкомъ одной пролетки и дышломъ другой. Отсюда Бобровъ увидѣлъ, какъ между экипажами быстро образовалась широкая дорога и какъ по этой дорогѣ проѣхалъ на своей тройкѣ сѣрыхъ лошадей Квашининъ. Факель, колебавшійся надъ коляской, обливалъ массивную фигуру Василя Терентьевича зловѣщимъ, точно кровавымъ, дрожащимъ свѣтомъ.

Вокругъ его коляски выла отъ боли, страха и озлобленія стиснутая со всѣхъ сторонъ, обезумѣвшая толпа... У Боброва что то стукнуло въ вискахъ. На мгновеніе ему показалось, что это ѣдетъ вовсе не Квашининъ, а какое-то окровавленное, уродливое и грозное божество, вродѣ тѣхъ идоловъ восточныхъ культовъ, подъ колесницы которыхъ бросаются во время религиозныхъ процессій опьянѣвшіе отъ экстаза фанатики... И онъ задрожалъ отъ безсильнаго бѣшенства.

Когда проѣхалъ Квашининъ, сразу стало немного свободнѣе, и Бобровъ, обернувшись назадъ, увидѣлъ, что дышло, давившее ему спину, принадлежало его же собственной пролеткѣ. Митрофанъ стоялъ около козелъ и зажигалъ факель.

— Скорѣй на заводъ, Митрофанъ,—крикнулъ Андрей Ильичъ, садясь.—Чтобъ черезъ десять минутъ поспѣть, слышишь?

— Слушаю-съ,—отвѣтилъ мрачно Митрофанъ. Онъ обошелъ пролетку кругомъ, чтобы залѣзть на козлы, какъ подобаетъ всякому хорошему кучеру, справа, разобралъ возжи и прибавилъ, полуобернувшись назадъ:

— Только ежели лошадей зарѣжемъ, вы тогда, баринъ, не серчайте.

— Рѣжь, все равно.

Осторожно, съ громаднымъ трудомъ выбравшись изъ этой массы сбившихся въ кучу лошадей и экипажей и выѣхавъ на

узкую лѣсную дорогу, Митрофанъ пустилъ возжи. Застоявшіяся, возбужденныя лошади подхватили, и началась сумасшедшая скачка. Пролетка подпрыгивала на длинныхъ, протянувшихся поперекъ дороги корняхъ, раскатывалась на ухабахъ и сильно накренилась то на лѣвый, то на правый бокъ, заставляя и кучера, и сѣдока балансировать.

Красное пламя факела металось во всѣ стороны съ бурнымъ ропотомъ. Вмѣстѣ съ нимъ метались вокругъ пролетки длинныя, причудливыя тѣни деревьевъ... Казалось, тѣсная толпа какихъ-то высокихъ, тонкихъ и расплывчатыхъ призраковъ неслась рядомъ съ ней въ какой-то негнѣпой пляскѣ. Призраки то перегоняли лошадей, выростая до исполинскихъ размѣровъ, то вдругъ падали на землю и, быстро уменьшаясь, исчезали за спиной Боброва, то забѣгали на нѣсколько секундъ въ чащу и опять внезапно появлялись около самой пролетки, то сдвигались тѣсными рядами и покачивались, и вздрагивали, точно перешептываясь о чемъ-то между собою... Нѣсколько разъ вѣтви частаго кустарника, окаймлявшаго дорогу, хлестали Митрофана и Боброва по лицамъ, будто чьи-то цѣпкія, тонкія, протянутыя впередъ руки.

Лѣсъ кончился. Лошади заплепали ногами по какой-то лужѣ, въ которой запрыгало и зарябилось багровое, блестящее пламя факела, и вдругъ дружнымъ галопомъ вывели на крутой пригорокъ. Впереди разстидалось черное, однообразное поле.

— Да погоняй же, Митрофанъ, мы съ тобою никогда не дойдемъ,—крикнулъ Бобровъ нетерпѣливо, хотя пролетка и безъ того неслась такъ, что дыханіе захватывало. Митрофанъ проворчалъ что-то недовольнымъ басомъ и ударилъ кнутомъ Форватера, скакавшаго, изогнувшись кольцомъ, на пристяжкѣ. Кучеръ недоумѣвалъ: что сдѣлалось съ его баряномъ, всегда любившимъ и жалѣвшимъ своихъ лошадей.

На горизонтѣ огромное зарево отражалось неровнымъ трепетаніемъ въ ползущихъ по небу тучахъ. Бобровъ глядѣлъ на вспыхивающее небо, и торжествующее, нехорошее злорадство шевелилось въ немъ. Дерзкій, жестокий тостъ Андреа сразу открылъ ему глаза на все: и на холодную сдержанность Нины, въ продолженіе нынѣшняго вечера, и на негодованіе ея мамы во время мазурки, и на близость Свѣжевскаго къ Василю Терентьевичу, и на всѣ слухи и сплетни, ходившіе по заводу объ ухаживаньи самого Квашнина за Ниной... «Такъ и надо ему, такъ и надо рыжему чудовищу», шепталъ Бобровъ, ощущая такой приливъ злобы и такое глубокое сознаніе своего униженія, что даже вортъ у него пересохло. „О, если бы мнѣ теперь встрѣтиться съ нимъ лицомъ къ лицу, я бы на долго смутилъ самодовольный покой этого покупателя свѣжаго мяса,

этого грязного, жирного мѣшка, биткомъ набитого золотомъ. Я бы оставилъ хорошую печать на его мѣдномъ лбу!..

Чрезмѣрное количество выпитаго сегодня вина не опьянило Андрея Ильича, но дѣйствіе его выразилось въ необычайномъ подъемѣ энергіи, въ нетерпѣливой и болѣзненной жадѣ движенія... Сильный ознобъ потрясалъ его тѣло, зубы такъ сильно стучали, что приходилось крѣпко стискивать челюсти, мысль работала быстро, ярко и безпорядочно, какъ въ горячкѣ. Андрей Ильичъ, незамѣтно для самого себя, то разговаривалъ вслухъ, то стоналъ, то громко и отрывисто смѣялся, между тѣмъ, какъ пальцы его судорожно сжимались въ кулаки.

— Баринъ, да вы, никакъ, больны? Намъ бы домой ѣхать, — сказалъ несмѣло Митрофанъ.

Эти слова вдругъ привели Боброва въ неистовство, и онъ закричалъ хрипло:

— Молчать... Чорты!.. Съ козель сброшу!.. Гони!..

Скоро съ горы сталъ виденъ и весь заводъ, окутанный молочно-розовымъ дымомъ. Сзади, точно исполинскій костеръ, горѣлъ лѣсной складъ. На яркомъ фонѣ огня суетливо копошилось множество маленькихъ, черныхъ человѣческихъ фигуръ. Еще издали было слышно, какъ трещало въ пламени сухое дерево. Круглыя башни кауперовъ и доменныхъ печей то рѣзко и отчетливо выдвигались изъ мрака, то опять совершенно тонули въ немъ.

— Куда тебя несетъ, дьяволъ! Не видишь, развѣ, что ѣдешь на людей, сволочь проклятая! — услышалъ Бобровъ впереди грубый окрикъ и въ ту же минуту, точно вынырнувъ изъ подъ лошадей, показался на дорогѣ рослый, бородатый мужикъ, безъ шапки, съ головой, сплошь забинтованной бѣлыми тряпками.

— Погоняй, Митрофанъ! — крикнулъ Бобровъ. Въ ту же секунду онъ услышалъ свистъ брошеннаго сзади камня и почувствовалъ острую боль удара немного выше праваго виска. На рукѣ, которую онъ поднесъ къ ушибленному мѣсту, оказалась теплая, липкая кровь.

Пролетка опять понеслась съ прежней быстротой. Зарево становилось все сильнѣй. Длинные тѣни отъ лошадей перебѣгали съ одной стороны дороги на другую. Временами Боброву начинало казаться, что онъ мчится по какому-то крутому кособору и вотъ-вотъ, вихрь съ экипажемъ и лошадьми, полетитъ съ отвѣсной кручи въ глубокую пропасть. Онъ совершенно потерялъ способность ориентироваться и никакъ не могъ узнать мѣста, по которому проѣзжалъ. Вдругъ лошади стади.

— Ну чего же ты остановился, Митрофанъ? — раздражительно закричалъ Бобровъ.

— А куда жъ я поѣду, коли впереди люди?—отозвался Митрофанъ съ угрюмымъ озлобленіемъ въ голосъ...

Бобровъ, какъ ни всматривался въ темноту, ничего не видѣлъ, кромѣ какой-то черной неровной стѣны, надъ которою пламенѣло небо.

— Какихъ ты тамъ еще людей видишь, чортъ возьми,—выругался онъ, слѣзая съ пролетки и обходя лошадей, покрытыхъ бѣлыми комьями пѣны.

Но едва онъ отошелъ пять шаговъ отъ лошадей, какъ убѣдился, что то, что онъ принималъ за черную стѣну, была большая, тѣсная толпа рабочихъ, запружавшая дорогу и медленно, въ молчаніи, подвигавшаяся впередъ. Пройдя, машинально, вслѣдъ за рабочими шаговъ пятьдесятъ, Андрей Ильичъ повернулъ назадъ, чтобы найти Митрофана и обѣщать заводъ съ другой стороны. Но ни Митрофана, ни лошадей на дорогѣ не было. Митрофанъ-ли поѣхалъ въ другую сторону отыскивать барина, или самъ Бобровъ заблудился—рѣшить этого Андрей Ильичъ не могъ. Онъ сталъ кричать кучера—никто ему не откликнулся... Тогда Бобровъ рѣшилъ догнать только что оставленныхъ рабочихъ и съ этой цѣлью опять повернулся и побѣжалъ, какъ ему казалось—въ прежнюю сторону. Но—странно—рабочіе тоже провалились точно сквозь землю, и вмѣсто нихъ Бобровъ уперся съ разбѣгу въ невысокій, деревянный заборъ.

Бобровъ перелѣзъ черезъ него и сталъ взбираться по какому то длинному, крутому откосу, поросшему частымъ бурьяномъ. Холодный потъ струился по его лицу, языкъ во рту сдѣлался сухъ и неподвиженъ, какъ кусокъ дерева. Въ груди при каждомъ вздохѣ ощущалась острая боль. Кровь сильными, частыми ударами била въ темя. Ушибленный високъ нестерпимо нылъ...

Ему казалось, что подъемъ безконеченъ, и тупое отчаяніе овладѣвало его душой. Но онъ продолжалъ карабкаться наверхъ, ежеминутно падая, ссаживая колѣни и локти и хватаясь руками за колючіе кусты. Временами ему представлялось, что онъ спитъ и видитъ одинъ изъ своихъ лихорадочныхъ, болѣзненныхъ сновъ. И паническій переполохъ послѣ пикника, и долгое блужданіе по дорогѣ, и безконечное карабканье по насыпи—все было такъ же тяжело, нелѣзно, неожиданно и ужасно, какъ эти кошмары.

Наконецъ откосъ кончился, и Бобровъ сразу узналъ желѣзнодорожную насыпь. Совершенно обезсиленный, онъ слѣз на шпалу, и въ ту же минуту съ нимъ произошло что-то странное. Ноги его вдругъ болѣзненно ослабли, въ груди и въ брюшной полости появилось тягучее и щемящее отвратительное раздраженіе, лобъ и щеки сразу похолодѣли... Потомъ все

повернулось передъ его глазами и вихремъ понеслось мимо, куда-то въ безпредѣльную глубину...

Андрей Ильичъ очнулся отъ обморока, по крайней мѣрѣ, минутъ черезъ десять. Внизу, у подножія насыпи, тамъ, гдѣ обыкновенно съ несмолкаемымъ грохотомъ день и ночь работали испанскій заводъ, господствовала необычная, жуткая тишина. Бобровъ съ трудомъ поднялся на ноги и пошелъ по направленію къ доменнымъ печамъ. Голова его была такъ тяжела, что съ трудомъ держалась на плечахъ, больной високъ при каждомъ движеніи причинялъ невыносимую боль. Ощупывая рану, онъ опять почувствовалъ пальцами липкое и теплое прикосновеніе крови. Кровь была также у него во рту и на губахъ: онъ слышалъ ея соленый, металлическій вкусъ. Сознаніе еще не вполне вернулось къ нему, и усиліе вспомнить и уяснить прошедшее причиняло ему сильную головную боль. Острая тоска и отчаянная, нечеловѣческая злоба переполняли его душу.

Утро уже замѣтно близилось. Все было сѣро, холодно и мокро: и земля, и небо, и тощая, желтая трава, и безформенныя кучи камня, сваленнаго по сторонамъ дороги. Бобровъ безцѣльно бродилъ между опустѣвшихъ заводскихъ зданій и, какъ это случается иногда при особенно сильныхъ душевныхъ потрясеніяхъ, говорилъ самъ съ собою вслухъ. Ему хотѣлось удержать и дисциплинировать разбѣгавшіяся мысли.

— Ну, скажи-же, скажи, что мнѣ дѣлать? Скажи, ради Бога,—страстно шепталъ онъ, обращаясь къ кому-то другому, *постороннему*, какъ будто бы сидѣвшему внутри его. — Ахъ, какъ мнѣ тяжело! Ахъ, какъ мнѣ больно... Невыносимо больно!.. Мнѣ кажется, я убью себя... Я не выдержу этой муки...

А другой, *посторонній* возражалъ изъ глубины его души, также *вслухъ*, но насмѣшливо, грубо:

— Нѣтъ, ты не убьешь себя. Зачѣмъ передъ собой то притворяться?.. Ты слишкомъ любишь ощущеніе жизни для того, чтобы убить себя. Ты слишкомъ немогъ духомъ для этого. Ты слишкомъ боишься физической боли. Ты слишкомъ много размышляешь.

— Что же мнѣ дѣлать? Что же мнѣ дѣлать?—шепталъ опять Андрей Ильичъ, ломая руки. — Она, такая нѣжная, такая чистая—моя Нина, она была у меня одна во всемъ мірѣ. И вдругъ—о какая гадость! — Продать свою молодость, свое дѣвственное тѣло первому встрѣчному, ненасытному, грязному сластолюбцу... Получать наличными деньгами за каждый поцѣлуй, за каждое объятіе!..

— Не ломайся, не ломайся, къ чему эта аффектація старыхъ мелодрамъ, иронически говорилъ *другой*. — Если ты такъ ненавидишь Квашнина, поди и убей его.

— И убью!—закричалъ Бобровъ, останавливаясь и бѣшено подымая кверху кулаки.—И убью! Пусть онъ не заражаетъ больше честныхъ людей своимъ мерзкимъ дыханіемъ. И убью!

Но *другой* замѣтилъ съ ядовитымъ сарказмомъ:

— Не убьешь... И отлично знаешь это. У тебя нѣтъ ни дерзкой рѣшимости, ни силы... Завтра-же тебѣ все это покажется пустымъ бредомъ... Завтра ты опять будешь благо-разумень и слабъ...

Среди этого ужаснаго состоянія внутренняго раздвоенія наступали минутные проблески, когда Бобровъ съ недоумѣніемъ спрашивалъ себя: что съ нимъ, и какъ онъ попалъ сюда, и что ему надо дѣлать? А сдѣлать что-то нужно было непременно, сдѣлать что-то большое и важное, но что именно, — Бобровъ забылъ и морщился отъ боли, стараясь вспомнить. Въ одинъ изъ такихъ свѣтлыхъ промежутковъ онъ увидѣлъ себя стоящимъ надъ кочегарной ямой. Ему тотчасъ же съ необычайной яркостью вспомнился недавній разговоръ съ докторомъ на этомъ самомъ мѣстѣ.

Внизу никого изъ кочегаровъ не было; всѣ они разбѣжались. Котлы давно успѣли охладѣть. Только въ двухъ крайнихъ топкахъ еще рдѣлъ еле-еле каменный уголь... Безумная мысль, вдругъ, какъ молнія, мелькнула въ мозгу Андрея Ильича. Онъ быстро нагнулся, свѣсилъ ноги внизъ, потомъ повисъ на рукахъ и прыгнулъ въ кочегарку.

Въ кучѣ угля была воткнута лопата. Бобровъ схватилъ ее и торопливыми движеніями принялся подбрасывать уголь въ оба топочныя отверстія... Черезъ двѣ минуты бѣлое, бурное пламя уже гудѣло въ топкахъ, а въ котлѣ глухо забурлила вода. Бобровъ все бросалъ и бросалъ, лопату за лопатой, уголь. Въ то же время онъ лукаво улыбался, кивалъ кому-то, невидимому, головой и издавалъ отрывистыя, бессмысленныя восклицанія. Болѣзненная галлюцинація, мелькнувшая еще тамъ, на дорогѣ, овладѣвала имъ все болѣе. Онъ смотрѣлъ на огромное тѣло котла, начинавшаго гудѣть и освѣщаться огненными отблесками, и оно казалось ему все болѣе живымъ и ненавистнымъ...

— Ага! Вотъ мы посмотримъ сейчасъ, вотъ посмотримъ, рыжее, прожорливое чудовище!.. Побольше огня, немного холодной воды, и вмѣсто ненасытнаго чрева—тысячи осколковъ... А! ты ѣхалъ сегодня въ своей колесницѣ, а вокругъ тѣснились твои жалкіе рабы... А! Ты любишь почетъ. Бѣ тебѣ подходятъ не иначе, какъ ползкомъ... Тебѣ стоитъ только шевельнуть пальцемъ, и матери приносятъ на твой грязный престолъ своихъ невинныхъ дочерей... Молохъ, Молохъ!.. Но вотъ сейчасъ, мы посмотримъ!

Никто не мѣшалъ. Вода быстро убавлялась въ водомерѣ... Блокотаніе котла и гудѣніе топокъ слились въ оглушительный дурѣть.

Но непривычная работа скоро утомила Боброва. Жилы въ вискахъ стали пульсировать съ горячечной быстротой и напряженностью, кровь изъ раны потекла по щекѣ теплой струей. Безумная вспышка энергіи прошла, а внутренний, *посторонній* голосъ заговорилъ громко и насмѣшливо:

— Ну, что же,—остается сдѣлать одно еще движеніе! Но ты его не сдѣлаешь. Будетъ! Вѣдь все это смѣшно, и завтра ты не посмѣешь даже признаться, что ночью хотѣлъ взрывать паровые котлы...

Солнце уже показалось на горизонтѣ въ видѣ туслаго, большого пятна, когда Андрей Ильичъ пришелъ въ заводскую больницу.

Докторъ, только что окончившій перевязку раненныхъ, умывалъ руки подъ мѣднымъ рукомойникомъ. Фельдшеръ стоялъ рядомъ и держалъ полотенце. Увидѣвъ вопедшаго Боброва, докторъ понятился назадъ отъ изумленія.

— Что съ вами, Андрей Ильичъ, на васъ лица нѣтъ, — проговорилъ онъ съ испугомъ.

Дѣйствительно, видъ у Боброва былъ ужасный... Кровь запеклась черными сгустками на его блѣдномъ лицѣ, выпачканномъ во многихъ мѣстахъ угольной пылью... Мокрая одежда висѣла клочьями на рукавахъ и на колѣняхъ. Волосы падали безпорядочными прядями на лобъ.

— Да говорите же, Андрей Ильичъ, ради Бога, что съ вами случилось?—повторилъ Скобеевъ, наскоро вытирая руки и подходя къ Боброву...

— Ахъ, это все пустяки...—простоналъ Бобровъ. — Ради Бога, докторъ, дайте морфія... Скорѣе, морфія, или я сойду съ ума... Я невыразимо страдаю.

Скобеевъ взялъ Андрея Ильича за руку, поспѣшно увелъ въ другую комнату, и плотно притворивъ дверь, сказалъ:

— Послушайте, я догадываюсь, что васъ терзаетъ... Повѣрьте, мнѣ васъ глубоко жаль, и я готовъ помочь вамъ... Но... голубушка моя,—въ голосѣ доктора послышались слезы... милый мой Андрей Ильичъ... Не можете-ли вы перетерпѣть какъ нибудь... Вы только вспомните, сколькихъ намъ трудовъ стоило поборотъ эту поганую привычку! Вѣдь если я вамъ теперь сдѣлаю инъекцію... вы уже больше никогда... понимаете, никогда не отстанете...

Бобровъ повалился на широкій, клеенчатый диванъ лицомъ внизъ и пробормоталъ сквозь стиснутые зубы, весь дрожа отъ озноба:

— Все равно... мнѣ все равно, докторъ... Я не могу больше выносить...

Докторъ вздохнулъ, пожалъ плечами и вынулъ изъ медицинскаго шкафа футляръ съ правосовскимъ шприцемъ... Черезъ пять минутъ Бобровъ уже лежалъ на клеенчатомъ диванѣ въ глубокомъ снѣ... Сладкая улыбка играла на его блѣдномъ, исхудавшемъ за ночь, лицѣ. Докторъ осторожно обмывалъ его голову...

А. Купринъ.

Кустарная промышленность на выставке 1896 г.

I.

Обходя съ правой стороны отъ входа круглое центральное зданіе фабрично-заводскаго отдѣла выставки 1896 г., занявшее значительную часть ея площади, уставленное роскошными, дорого стоящими витринами фабрикантовъ и мануфактуристовъ, противъ одного изъ выходовъ этого зданія, между экипажнымъ отдѣломъ и бѣлымъ минаретомъ Нобелевскаго павильона, посѣтитель находилъ небольшое и не бросающееся въ глаза зданіе отдѣла кустарнаго. Тѣснота внутренняго помѣщенія, пестрота и обиліе самыхъ разнообразнѣйшихъ издѣлій, составлявшихъ одновременно убранство и содержаніе отдѣла, было первымъ, что поражало зрителя. Глаза разбѣгались, отказываясь охватить главное въ этомъ изобиліи выставленныхъ предметовъ и не задерживаясь подъ первымъ впечатлѣніемъ на частностяхъ. Слева и справа отъ входа—драпировки изъ вышитыхъ полотнищъ и разноцвѣтной сарпинки, спускающіяся со стѣнъ и потолка; на первомъ планѣ—столы и небольшія витрины съ вышиваніями, вязаніями и кружевами, а на заднемъ—горки точеныхъ деревянныхъ издѣлій, блестящихъ мѣдныхъ самоваровъ, разноразличные ножи павловской артели, вѣрами расположенные за стеклами на темномъ бархатѣ, различныя украшенія и вещи изъ уральскихъ камней, издѣлія екатеринбургскихъ гранильщиковъ и пр. и пр. Подавшись въ боковыя части отдѣла, посѣтитель наталкивался на еще большее разнообразіе. На лѣво отъ входа—отдѣлъ Нижегородской губерніи, кустарныя издѣлія которой, въ самыхъ неожиданныхъ сочетаніяхъ, заполняютъ все свободное отъ проходовъ пространство: въ видѣ гирлянды изъ павловскихъ замковъ свѣшиваются съ поперечныхъ балокъ, узорами изъ симметрически подобранныхъ ножей и ножницъ покрываютъ стѣны, пирамидами изъ деревянныхъ чашекъ поднимаются къ потолку, ожереліями изъ бубенчиковъ и полукружіемъ разноразличныхъ семеновскихъ ложекъ обрамляютъ арки, тяжелой мантией изъ бѣлыхъ и темныхъ мѣховъ закрываютъ выходъ. Направо отъ входа начинается область кустарнаго отдѣла Вятской губерніи, отрываясь цѣлой гостиной красивой,

образцовой мебели и, постепенно, рядомъ переполненныхъ издѣліями закоулковъ, разбиваясь на коллекціи гармоній, роговыхъ и каповыхъ издѣлій, гипсовыхъ статуетокъ, плетеныхъ корзинъ, бураковъ и всевозможныхъ предметовъ изъ дерева. Выйдя изъ праваго крыла помѣщенія въ середину его, вы уже совсѣмъ попадаете какъ бы въ уголокъ сельской ярмарки. Экипажи, громадѣющіеся одинъ на другой, колеса, продѣтыя на особыя развилины, бочки, боченки, грубовато сколоченная мебель, рогожами застланныя перегородки. Это—уголокъ Казанской губерніи. А тамъ опять нѣчто новое—за стеклами простенькихъ витринъ дешевыя серебряныя, позолоченныя и ювелирныя издѣлія кустарей села Краснаго, Костромской губерніи: серьги, кольца, крестики, запонки, украшенія одежды. На столѣ и особой подставкѣ блеститъ подборъ конскихъ удилъ и стремянъ, вырабатываемыхъ кустарями села Бурмакина Ярославской губерніи. Далѣе по стѣнѣ идутъ различныхъ образцовъ станы для тканья, вышиванья, пражки... А тамъ опять издѣлія изъ дерева, игрушки, корзины, плетенки.

На рѣдкаго посѣтителя вся эта пестрота и разнообразіе выставленныхъ предметовъ, во соединеніи къ тому же съ окружающимъ многолюдствомъ, оживленіемъ и мѣстами происходящимъ торгомъ,—на рѣдкаго посѣтителя все это вмѣстѣ взятое не производило впечатлѣнія того, какъ будто онъ попалъ въ самый центръ ярмарки въ какомъ либо крупномъ селѣ или уѣздномъ городишкѣ. И нельзя отрицать того, что были нѣкоторые основанія сложиться подобному впечатлѣнію. Экспонаты кустарнаго отдѣла въ своей главной массѣ представляли собою тѣ предметы домашняго обихода и хозяйства, которые по преимуществу окружаютъ невзыскательную жизнь протого народа. Если бы кустарный отдѣлъ еще полнѣе исчерпывалъ область кустарныхъ производствъ въ Россіи, это, было-бы еще очевиднѣе. Кустарная промышленность, составляя занятіе по преимуществу сельскаго земледѣльческаго населенія въ свободное у него отъ полевыхъ работъ время, тѣсно связана съ нуждами именно этого населенія и примыкающаго къ нему бѣднаго класса городскихъ жителей. Отсутствіе у производителей оборотнаго и основнаго капитала обращаетъ ихъ трудъ по преимуществу на предметы малопѣнные и грубые, но такіе, на которые поддерживается постоянный и массовый спросъ. Этотъ спросъ, благодаря условіямъ нашего экономическаго и культурнаго развитія, издавна удовлетворялся и до сихъ поръ еще въ значительной степени удовлетворяется не путемъ тѣхъ развитыхъ формъ крупнаго производства, которыя получили преобладаніе на западѣ, но путемъ мелкаго производства, которое носитъ названіе кустарнаго.

Обратимся напирямѣръ къ нашимъ ярмаркамъ, какъ показателямъ спроса, господствующаго во внутренней торговлѣ, и характера существующаго предложенія. Въ концѣ 70 годовъ была сдѣлана попытка выяснить размѣръ нашей ярмарочной торговли. Въ резуль-

татѣ оказалось, что изъ общаго числа всѣхъ ярмарокъ—2,825—большинство (82%) имѣютъ преимущественно базарный характеръ; главный оборотъ ихъ состоитъ въ продажѣ разныхъ крестьянскихъ сельскихъ произведеній торговцамъ и ихъ непосредственнымъ потребителямъ и въ покупкѣ у торговцевъ необходимыхъ запасовъ и предметовъ разнаго рода, употребляемыхъ въ крестьянскомъ быту *).

Въ какомъ отношеніи стоятъ въ бюджетѣ крестьянскаго зауряднаго хозяйства произведенія фабрично-заводскія и кустарныя, можетъ дать нѣкоторое понятіе описаніе ярмарки въ мѣстечкѣ Борисполѣ Полтавской губерніи, произведенное О. К. Волковымъ въ 1873 году. Изъ этого описанія оказалось, что на ярмаркѣ было продано всего разныхъ товаровъ на 30.550 р., въ томъ числѣ издѣлій кустарнаго производства: изъ глины и жѣлѣза на 13,4%, деревянныхъ на 21,3%, кожевенныхъ 20,7%, шерстяныхъ—10%,—итого на 65,4%, или на $\frac{2}{3}$, такъ, что долю мануфактурно-галантерейнаго товара и мелочной торговли падаетъ не болѣе $\frac{1}{3}$ проданныхъ товаровъ **).

Еще болѣе наглядное представленіе о значеніи въ крестьянскомъ быту кустарной производительности получаемъ мы, наблюдая тѣ многочисленныя ярмарки, которыя изъ году въ годъ являются средоточіемъ обиха издѣлій того или иного кустарнаго района. Каждый изъ такихъ районовъ имѣетъ ихъ нѣрѣдко не одну, и каждая изъ подобныхъ ярмарокъ или базаровъ представляетъ изъ себя живую безыскусственную выставку кустарныхъ издѣлій. Вотъ напр., какъ описываетъ мѣстная газета (Нижегор. Лист. 1896 г. № 8) крещенскій базаръ кустарныхъ издѣлій, ежегодно происходящій въ Н.-Новгородѣ въ теченіе трехъ дней и привлекающій къ себѣ многочисленныхъ покупателей какъ изъ горожанъ, такъ и изъ жителей сосѣднихъ селъ и деревень. «Проходя рядами безчисленныхъ лавокъ, точнѣе говоря навѣсовъ, подъ которыми на прилавкахъ предлагается товаръ, мимо продавцовъ, разложившихся со своими издѣліями прямо на землѣ, вы имѣете возможность обозрѣть едва ли не всѣ отрасли сельской промышленности губерніи. Здѣсь и валеный товаръ: обувь, стельки и кошмы Семеновскаго и Балахнинскаго уѣздовъ, павловскіе ножи и замки, юринскія голицы, веревочный товаръ с. Избыльца и другихъ селеній Горбатовскаго уѣзда, окованные сундуки и металлическія мелкія издѣлія о. Лыскова и пр. и пр. Но всего больше здѣсь деревяннаго щепного товару. Вы можете видѣть тутъ почти все, что только дѣлается для нуждъ деревенскаго люда, начиная съ деревенской зыбки и

*) Фабрично-заводская промышленность и торговля въ Россіи. Изд. 2-е. Депар. торг. и мануф. 1896, стр. 414.

**) Василенко. Кустарные промыслы сельскихъ сословій Полтавск. губ. вып. II, стр. 29.

побрякушки, кончая надмогильнымъ крестомъ и лопатой. Ложки, деревянные чашки и блюда, солонки, кадки, ведра, корыта, сани, колеса, дуги, полозья, стулья, столы, рамы, берда, гребни, веретена, короба, корзинны, лапти, дѣтскія игрушки, — все, что окружаетъ жизненный обиходъ крестьянина, что подарило ему исконное сосѣдство съ лѣсными богатствами края и умѣнье владѣть топоромъ, ножомъ и прочими немудрыми орудіями труда. Это обиліе и разнообразіе щепного товару отвѣчаетъ тому преобладанію деревообрабатывающихъ промысловъ, которымъ отличается Нижегородская губернія, въ особенности ея сѣверные уѣзды. Вою зиму въ ея лѣсахъ идетъ рубка, вывозка и сплавъ лѣса, частью идущаго за предѣлы губерніи, частью доставляющаго матеріалъ для работы десяткамъ тысячъ рукъ въ предѣлахъ губерніи. И эта работа идетъ лихорадочно и оживленно въ безчисленномъ рядѣ селеній, идетъ круглую зиму, выбрасывая время отъ времени на различные базары: семеновскій, городецкій, нижегородско-крещенскій и др. груды разнообразныхъ издѣлій».

Массовая выработка издѣлій на рынокъ—вотъ черта, характеризующая кустарную промышленность. Но эта черта у нея общая съ промышленностью крупной—фабрично-заводской. Что же отдѣляетъ другъ отъ друга эти двѣ производительныя силы, настолько повидимому различныя, что на всероссійской выставкѣ онѣ могли быть представлены лишь подъ разными кровлями? Въ чемъ онѣ соприкасаются? не встрѣчаются ли онѣ вмѣстѣ подъ одной крышей въ дѣйствительной промышленной жизни чаще, чѣмъ можно думать съ перваго взгляда? Какъ ни увлекаютъ насъ, повидимому, всѣ эти вопросы въ сторону,—безъ того или иного отвѣта на нихъ мы не можемъ опредѣленно высказаться по поводу того, въ чемъ настоящее кустарной промышленности? насколько представлена была она на выставкѣ 1896 г.? что дала намъ эта выставка поучительнаго въ данномъ вопросѣ?

До сихъ поръ въ нашемъ народѣ значительная часть хозяйственныхъ потребностей каждой отдѣльной единицы, двора—семьи—удовлетворяется собственнымъ ея трудомъ. До сихъ поръ, въ особенности болѣе или менѣе въ глуши Россіи, сельское населеніе одѣвается въ ткани собственнаго производства, развѣ только окрашенные особыми промышленниками—красильщиками («крашениниками», какъ зовутъ ихъ въ Вятской губерніи). Рѣдкій крестьянинъ не сумѣетъ наладить самъ свои сельскохозяйственныя орудія: соху и борону, приобретаая покупкою лишь желѣзныя части инвентаря. Каждый хозяйственный крестьянинъ отчасти и кузнецъ, и плотникъ, и печникъ, и хозяйство его само своими силами и средствами удовлетворяетъ многимъ изъ тѣхъ потребностей, которыя въ болѣе развитыхъ экономическихъ странахъ отошли въ сферу труда особыхъ профессиональныхъ ремесленниковъ.

Но извѣстно, что и въ иныхъ странахъ, на Западѣ исходнымъ

моментомъ развитія промышленности было такое экономическое состояніе, при которомъ большую роль въ каждомъ хозяйствѣ играли домашніе продукты, производившіеся не для сбыта, а только для потребленія этого хозяйства. Нужды богатыхъ владѣльцевъ и монастырей удовлетворялись трудомъ ихъ слугъ, крѣпостныхъ, работавшихъ въ домашнихъ мастерскихъ своихъ господъ. Болѣе бѣдные жители городовъ и мѣстечекъ сами себя одѣвали, обували и удовлетворяли всѣмъ нуждамъ хозяйства, работая вмѣстѣ со слугами. Такъ было въ особенности въ началѣ среднихъ вѣковъ—въ типичную эпоху натурального хозяйства. Но съ теченіемъ времени ростъ городовъ и освобожденіе городского населенія отъ крѣпостной зависимости привели къ образованію въ немъ свободнаго и самостоятельнаго класса ремесленниковъ. Сплотившись въ видахъ защиты своихъ общихъ интересовъ въ особые корпораціи, «ремесленные цехи», горожане постепенно монополизировали въ своихъ рукахъ промышленность. Объединенное и все еще состоявшее въ крѣпостной зависимости сельское земледѣльческое населеніе было не въ состояніи конкурировать съ сильными и богатыми городскими промышленными центрами, ставшими средоточіемъ народной жизни: Многія отрасли ремесла были прямо запрещены сельскому населенію, тогда какъ городскіе ремесленники пользовались привилегією работать и внѣ предѣловъ города. Но главнымъ образомъ цеховая организація ремесла была приспособлена къ тому, чтобы снабжать продуктами ограниченный извѣстнымъ предѣломъ рынокъ, опредѣленный кругъ заказчиковъ, преимущественно городскихъ. «Но вотъ, говоритъ В. Зомбартъ *), когда въ XVI вѣкѣ производство всего извѣстнаго тогда свѣта, главнымъ образомъ благодаря колоссальному развитію сношеній, благодаря расширенію производительной области, впервые начало пріобрѣтать крупныя размѣры, когда на мѣсто прежнихъ ограниченныхъ областей сбыта начали появляться все болѣе и болѣе обширныя рынки, — ремесло оказалось не въ силахъ выполнять эти расширившіяся функціи. Его мѣсто должна была заступить такая форма промышленнаго производства, которая бы могла удовлетворить требованіямъ столь сильно увеличившейся по своимъ размѣрамъ хозяйственной области. Этой новой формою промышленнаго производства, равно какъ и сбыта товаровъ была частно-капиталистическая». Вмѣсто организаціи цеховыхъ ремесленныхъ мастеровъ руководителями производствъ выступили энергичные предприниматели-капиталисты, набирая себѣ рабочихъ изъ среды частью тѣхъ людей, которые не подчинялись по тѣмъ или другимъ причинамъ цеховой организаціи ремесла, частью—позднѣе—среди сельскаго населенія. Благодаря отсутствію нашихъ современныхъ машинъ, фабрикъ и техникувъ,

*) Промышленность (статья изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften) Ивд. Водовозовымъ, 1896, гл. XI, 292.

производство укладывалось въ прежнія рамки: бывшій ремесленникъ рабочій, по прежнему работавъ у себя на дому, только внутренняя структура предпріятія совершенно измѣнилась. Сельскія руководія служили основаніемъ для распространенія той же системы производства, какъ скоро являлся большой предприниматель, который раздавалъ матеріалы и дѣлалъ орудія поселянамъ, работавшимъ по его заказу. Конечно, такая форма могла возникнуть только съ развитіемъ торговли и около ея центровъ. «Она представляетъ собою, говоритъ А. Корсакъ *), именно тотъ родъ мануфактуръ, о которомъ замѣчаетъ Адамъ Смитъ, что ихъ развитіе есть явленіе позднѣйшее, вызванное совершенствованіемъ домашнихъ производствъ. Занимаясь производствомъ обыкновенныхъ и наиболѣе употребляемыхъ издѣлій, онѣ не имѣли нужды сосредоточиться въ большихъ заведеніяхъ. Кромѣ того главное ихъ условіе—дешевизна—всего лучше могло быть выполнено дешевизною побочнаго занятія земледѣльца, а не исключительной работой мастера. Таково именно происхожденіе промышленности Лидса, Галифакса, Шеффилда, Бермингема, основанныхъ первоначально на домашнемъ трудѣ». Такъ была организована въ началѣ XVIII в. вся хлопчатобумажная промышленность Англіи; во Франціи суконная и шелковая въ Дофинѣ, полотняная въ Бретани, суконная въ Бельгіи и пр. Эти мануфактуры были тою формою промышленности, которой привоеено современной экономической наукой названіе *домашней формы крупной промышленности* (domestic-system, Hausindustrie, Verlagssystem), и сущность которой В. Зомбартъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: «капитальность—предприниматель, скупщикъ, руководить производствомъ такимъ образомъ, что поручаетъ рабочимъ, занимающимся работою у себя дома, изготовлять продукты. Въ его рукахъ сосредоточивается всецѣло руководство производствомъ, потому что важныя факторы производства находятся въ исключительномъ его обладаніи. Эти факторы производства заключаются не столько въ капиталѣ, необходимомъ для техническаго приготовленія фабриката, сколько въ знаніи товарнаго рынка, условіи быта и въ господствѣ на немъ».

Домашняя форма крупной промышленности или, какъ ее нерѣдко просто называютъ, *домашняя промышленность* (въ отличіе отъ *домашняго производства*, какъ явленія эпохи натурального хозяйства, и отъ *кустарной промышленности*, какъ формы промышленности мелкой) опредѣляла характеръ промышленнаго развитія въ первыя столѣтія новой эпохи. Дальнѣйшее развитіе домашняго хозяйства, и развитіе рынковъ въ связи съ открытіями техники и ростомъ ра-

*) А. Корсакъ. О формахъ промышленности вообще и значеніи домашняго производства (кустарной и домашней промышленности) въ Западной Европѣ и Россіи. М. 1861 г., стр. 74.

бочаго сословія, явившимся въ результатѣ измѣнившихся поземельныхъ отношеній и разложенія прежней ремесленной организаціи, привели къ созданію новой формы промышленности — *фабричной*. Ея появленіе въ такихъ передовыхъ въ промышленномъ отношеніи странахъ Запада, какъ Англія, относится уже къ концу XVIII в., но въ остальной Европѣ оно получило господство уже съ первой половины настоящаго столѣтія. Какія измѣненія внесла она въ промышленный строй Европы? Домашняя промышленность или совершенно исчезаетъ въ тѣхъ производствахъ, гдѣ фабрика захватываетъ всѣ операціи производства, и тамъ, гдѣ рабочій окончательно обезземеленъ, или примыкаетъ къ фабрикамъ, давая пищу дальнѣйшему преобразованію прежней домашней промышленности, оставшей еще слѣды ремесленной организаціи.

Мы находимъ, благодаря этому, домашнюю форму крупной промышленности, и до сихъ поръ даже въ наиболѣе промышленныхъ странахъ Европы, находимъ ее со всѣми ея типическими чертами: массовымъ производствомъ подъ руководствомъ предпринимателя скупщика, работою на дому, крайнимъ напряженіемъ и эксплуатацией рабочихъ силъ. Въ *Германи*, гдѣ домашняя промышленность подверглась въ 1882 г. обстоятельному специальному статистическому изслѣдованію, общее число лицъ, занятыхъ въ этой сферѣ промышленности оказалось равнымъ 476.080 человекъ (по показаніямъ работодателей 544.980), причемъ есть основаніе думать, что объ эти цифры ниже дѣйствительныхъ. Главнымъ образомъ эта форма промышленности господствуетъ въ производствахъ по обработкѣ волокнистыхъ веществъ: шелкоткацкомъ и бархатномъ производствахъ, бумаго- и льно-ткацкомъ, чулочномъ, кружевномъ и проч., давая отъ 70 до 35% домашнихъ рабочихъ изъ числа всѣхъ работающих въ данныхъ производствахъ. То же находимъ мы въ *Бельгии*, въ *Швейцаріи*, гдѣ часовое производство, рѣзба изъ дерева и производство соломенныхъ издѣлій имѣютъ также указанный характеръ. Даже во *Франціи* важнѣйшая отрасль французской индустріи — шелковая — въ Лионѣ и его окрестностяхъ съ давнихъ поръ и понынѣ основана на ручномъ и домашнемъ производствѣ. Производство такъ называемыхъ «парижскихъ товаровъ» (*articles de Paris*) является типичной отраслью домашней промышленности: руководство ею сосредоточивается главнымъ образомъ въ Парижѣ, откуда скупщикъ-купецъ даетъ работу, — въ самомъ-ли Парижѣ или въ провинціи — множеству рабочихъ, по преимуществу женщинъ (производство искусственныхъ цвѣтовъ, перчатокъ, парфюмерныхъ товаровъ, зонтиковъ, вѣеровъ и пр.).

Однако та форма домашней промышленности, о которой мы говоримъ, какъ о сохранившей еще значеніе въ главнѣйшихъ странахъ Европы, очевидно, не отвѣчаетъ нашему общераспространенному понятію о промышленности кустарной. Въ этой послѣдней мы предполагаемъ мелкаго производителя, который, не теряя связи съ

земледѣіемъ, самостоятельно производить у себя на дому или въ особенной мастерской изъ своего же матеріала издѣлія, которыя самъ сбываетъ на рынкѣ. На Западѣ мы встрѣчаемъ мелкихъ производителей лишь въ лицѣ немногочисленныхъ ремесленниковъ, работающихъ по заказу непосредственныхъ потребителей. Но та форма промышленности, которую мы назвали кустарной, если и сохранилась еще въ наиболѣе экономически отсталыхъ странахъ Западной Европы, то совершенно теряется на общемъ фонѣ промышленности домашней, подчиненной господству крупнаго капитала.

Что же представляетъ собою наша современная экономическая дѣйствительность, что завѣщено намъ исторіей нашего промышленнаго развитія, несомнѣнно шедшаго до сихъ поръ иными путями, чѣмъ исторія промышленности Запада? *). Однако, исходный пунктъ развитія былъ одинъ и тотъ же — исключительно *домашнее натуральное хозяйство*. Почти единственной формой промышленности, которую удовлетворялись всѣ народныя нужды, было *домашнее производство*. Съ самыхъ древнихъ временъ у насъ извѣстны были многія производства, какъ напр.: тканье холстовъ, полотенецъ и суконъ, конечно грубыхъ, выдѣлка кожи и жельза, производство посуды деревянной и глиняной. Но всѣ эти издѣлія вырабатывались дома или домашними слугами. Высшія сословія обходились посредствомъ домашнихъ работниковъ, крестьяне работали на себя сами.

Естественныя условія страны съ ея суровой и однообразной природой, открывавшей многочисленному населенію обширныя пространства лѣсовъ и болотъ на сѣверѣ, степей на югѣ и юго-востоцѣ, изолированность Россіи отъ прочихъ, болѣе цивилизованныхъ государствъ Европы повели къ медленности развитія ея культурной и экономической жизни. Однообразію природы отвѣчало однообразіе занятій, простору незанятыхъ земель — разсыянность народонаселенія, слабость централизаціи его на извѣстныхъ пунктахъ. Городская жизнь почти отсутствовала въ противоположность Западу: большинство городовъ, основанныхъ исключительно въ административныхъ и военныхъ интересахъ, были ни что иное, какъ огороженные села, жители которыхъ занимались земледѣіемъ. Внутреннихъ различій между городскимъ и сельскимъ населеніемъ не было, и это продолжалось у насъ долго, отчасти остается и теперь. Не достигнувъ того общественнаго развитія и политическаго значенія, какъ на Западѣ, города наши не представляли изъ себя и промышленныхъ центровъ. Все зависѣло отъ особыхъ условій ихъ положенія, иногда исторической роли, которая выдвинула нѣ-

*) Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы пользуемся по преимуществу вышеупомянутымъ трудомъ А. Корсака «О формахъ промышленности», представляющимъ собою выдающееся по глубинѣ и тонкому анализу экономическихъ явленій исследование, до сихъ поръ не имѣющее себѣ равнаго по данному предмету въ русской литературѣ.

которые изъ нихъ: Москву, Архангельскъ, Новгородъ, Псковъ и др., какъ центры промышленной и торговой дѣятельности, тогда какъ остальные мало чѣмъ выдѣлялись своими занятіями изъ окружающаго ихъ сельскаго населенія. Посадскіе люди, наравнѣ съ крестьянами, или занимались земледѣіемъ, огородничествомъ или торговали и промышляли. Обыватели какого нибудь Можайска или Суздаля еще въ началѣ настоящаго столѣтія торговали огородными овощами, наоборотъ — сельскіе жители находили сбытъ своихъ ремесленныхъ издѣлій въ городахъ.

Ростъ народныхъ потребностей съ одной стороны, присутствіе въ тѣхъ или иныхъ пунктахъ подъ руками производственныхъ матеріаловъ: дерева, желѣза, глины и прочія условія удобнаго сбыта неизбѣжно должны были вызвать въ извѣстныхъ мѣстахъ развитіе той или другой промышленности. Центры подобной промышленной дѣятельности, если и замѣчались часто раньше, то особенно начали развиваться въ XVII вѣкѣ, послѣ смутнаго времени, когда ослабло броженіе и прекратилась та передвижка народонаселенія, которая не могла благоприятствовать ихъ образованію *) Но съ XVII столѣтія стала замѣтнѣе развиваться сельская промышленность: цѣлыя деревни, особенно подмосковныя, лежащія на большихъ дорогахъ, по берегамъ судоходныхъ рѣкъ — Оки и Волги и пр., занялись тѣмъ или другимъ производствомъ: жители однихъ сдѣлались кожевниками по преимуществу, другіе ткачами, третьи красильщиками, телѣжниками, кузнецами. Почти всѣ отрасли тогдашней промышленности разсѣялись по селамъ и деревнямъ, нѣкоторыя утвердились въ городахъ, благоприятствуемая выгоднымъ положеніемъ. Но чаще города играли роль исключительно торговыхъ посредниковъ между рынкомъ и производителемъ. Какъ ни просто было большинство изготовленныхъ издѣлій — главнымъ образомъ матеріалы для одежды и предметы первыхъ хозяйственныхъ потребностей, — издѣлія эти находили сбытъ не только внутри государства, но даже и за границу. Наши грубые сукна и холсты составляли предметъ заграничной торговли уже съ самыхъ древнихъ временъ, то же можно сказать о выдѣланныхъ кожахъ. Шторхъ замѣчаетъ, что еще за долго до появленія въ Россіи фабрикъ она производила фабричные продукты, отпускаемые за границу. Все это былъ результатъ промышленной дѣятельности преимущественно сельскаго населенія, отдававшагося ей какъ побочному занятію при земледѣіи. Крѣпостное состояніе этого населенія никогда тому не препятствовало, напротивъ, помѣщики поощряли развитіе промышленныхъ занятій среди своихъ крестьянъ, считая это доходнымъ, часто переносили занятія промысломъ изъ одного села въ другое, имъ принадлежащее, отпускали крѣпостныхъ, знавшихъ то или другое производство, на оброкъ, въ отходъ. И вотъ къ концу про-

*) А. Корсажъ, стр. 119.

шлаго столѣтія такихъ домашнихъ производствъ развилось очень много. Не говоря уже о пряденіи льна и ткацествѣ полотенецъ и сукна, о деревянныхъ издѣліяхъ, приготовленіи войлоковъ, крестьянскихъ шляпъ, рукавицъ и т. п., — кожевенное производство, выдѣлка сафьяну, юфти, выдѣлка желѣзныхъ и стальныхъ издѣлій — замковъ, гвоздей и т. п. — все это было предметомъ домашнихъ занятій крестьянъ. Что же такое представляла данная форма промышленности? А. Корсакъ характеризуетъ ее слѣдующими чертами. Большая часть домашнихъ крестьянскихъ издѣлій находили только отдаленный сбытъ. То была работа не по заказу потребителей, а на продажу. Торговцы разъѣзжали по селамъ и городамъ и скупали домашнія издѣлія жителей. Купецъ скупщикъ не былъ здѣсь предпринимателемъ, какъ это мы видѣли въ домашней формѣ крупной промышленности, каждый производитель былъ самостоятеленъ, работалъ изъ своихъ матеріаловъ, въ своемъ помѣщеніи, и каждый порознь продавалъ свои издѣлія мѣстнымъ или прѣзжимъ торговцамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что столь же часто производители сами несли свои издѣлія на обычный рынокъ, мѣстный базарь. Перепродажею произведеній крестьянскаго труда занимались преимущественно купцы разныхъ городовъ. Складочными мѣстами въ пунктахъ потребленія и продажи служили гостиные дворы, ярмарки и торги. Присутствіе въ каждомъ городѣ складовъ и торговли всевозможными подобнаго рода издѣліями, выдающимися по своей дешевизнѣ, если не по качеству, вело къ тому, что классъ ремесленниковъ, работающихъ на заказъ, развивался слабо и никогда не могъ получить у насъ того экономическаго значенія, которое имѣлъ на Западѣ. Поле промышленной дѣятельности оставалось такимъ образомъ вплоть до Петра I всецѣло въ обладаніи той формы производства, которая носитъ названіе *кустарной*. Она удовлетворяла всѣмъ существеннымъ народнымъ потребностямъ.

Появленіе у насъ новой формы промышленности было первоначально явленіемъ вполне искусственнымъ. Петръ I, обольщенный видѣнною имъ картиною успѣховъ и развитія западныхъ ремеселъ и мануфактуръ, задумалъ перенести въ нашу жизнь и то, и другое. Введеніемъ цеховой регламентаціи онъ надѣялся укрѣпить и развить городское ремесленное сословіе, а прямымъ поощреніемъ и всевозможными льготами насадить мануфактуры и фабрики по образцу западныхъ. Первое, какъ зависившее не отъ уставовъ и регламентовъ, не удалось ни ему, ни его преемникамъ; второе, какъ сопровождавшееся значительными пожертвованіями со стороны казны, повело къ появленію у насъ значительнаго числа мануфактуръ и фабрикъ, пользовавшихся правами монополіи производства и отданныхъ на содержаніе частнымъ компаніямъ и иностранцамъ. Затрудненіе, являвшееся, благодаря отсутствію готоваго рабочаго сословія, было устранено тѣмъ, что не только дворянству, но и купцамъ было предоставлено право приписывать, какъ крѣпостныхъ,

цѣлыя деревни крестьянъ ко вновь учреждаемымъ фабрикамъ и право покупать для фабрикъ крестьянъ съ землею. «Такимъ образомъ, говоритъ А. Корсакъ, если на западѣ мануфактуры и фабрики положили первое начало свободы труда, то у насъ онѣ только усилили рабство: крѣпостныя отношенія, благодаря имъ, превратились совершенно въ рабскія».

Въ теченіе почти пятидесяти лѣтъ мануфактурная промышленность находилась подъ строгой опекой правительства и тѣмъ не менѣе развивалась туго, стѣсняя однако естественное развитіе и преобразование самобытной народной промышленности. Лишь съ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, подъ вліяніемъ новой экономической школы, открылось противоположное теченіе. Въ особенности въ первую четверть нынѣшняго столѣтія расширена была область крестьянской промышленности: имъ и мѣщанамъ предоставлена была свобода заводить станы для выдѣлки сукна и продавать его безъ стѣсненія, имѣть фабрики и заводы. Это расширеніе промышленной свободы не преминуло оказать вліяніе на застоявшееся теченіе промышленной жизни; въ особенности жители подмосковныхъ деревень, отличавшихся малоземеліемъ, обратились къ устройству небольшихъ заведеній, многія изъ которыхъ въ послѣдствіи преобразовались въ обширныя фабрики. Крестьяне, разъ получивъ право заводить фабрики и мануфактуры на ряду съ прочими сословіями, явились одними изъ самыхъ предприимчивыхъ дѣятелей на поприщѣ промышленности. Ихъ издѣлія—ситцевыя, полотняныя, шелковыя—зачастую оказывались много дешевле фабричныхъ. Но все это оживленіе промышленности сосредоточивалось на небольшомъ пространствѣ около одного центра (Москвы), пользовавшагося монополіей на обширномъ рынкѣ. Московское разореніе 1812 г. нанесло ударъ этому оживленію: въ одной Москвѣ послѣ пожара закрылось около 600 мелкихъ и крупныхъ заведеній, а сколько погибло ихъ въ уѣздахъ! Мѣстные и пришлые рабочіе и мастера этихъ мануфактуръ разнесли свои навыки и знанія промысловъ по селеніямъ сосѣднихъ губерній—Владимірской, Рязанской и другихъ, вездѣ водворяя знакомыя имъ производства. Строго запрети-
тельный тарифъ 1822 г. далъ толчокъ дальнѣйшему развитію промышленности. Мелкія промышленныя единицы ткацкаго района, благодаря покровительственнымъ мѣропріятіямъ правительства, превратились въ ткацкія мануфактуры, которыя въ свою очередь обусловили значительное распространеніе ткачества въ формѣ домашнего занятія крестьянъ. «Въ это то время, говоритъ А. Корсакъ, въ отношеніяхъ между фабричной и домашней формой промышленности совершились нѣкоторыя перемѣны. До сихъ поръ сельскіе ремесленники занимались самостоятельно ткачествомъ и другими фабричными занятіями у себя дома и на собственный счетъ, въ фабрикахъ же прежде сосредоточивалось все производство въ его цѣлости, начиная отъ первыхъ и до послѣднихъ операцій. Теперь

они отдѣлили отъ себя нѣкоторыя операціи производства и сдѣлали ремесленниковъ своими работниками. После 1825 года хлопчатобумажные фабриканты стали раздавать бумажную пряжу деревенскимъ ткачамъ за задѣльную плату. Съ тридцатыхъ годовъ точно также раздробилась и суконная промышленность, которая до тѣхъ поръ цѣликомъ сосредоточивалась въ однѣхъ и тѣхъ же фабрикахъ. Въ Московской губерніи ткачество легкихъ шерстяныхъ матерій и нѣкоторыхъ родовъ среднихъ суконъ стало производиться въ большомъ количествѣ крестьянами многихъ деревень Московскаго и Коломенскаго уѣздовъ. Многіе московскіе купцы начали отдавать шерсть прядильщикамъ, пряжу ткачамъ, а суровые красильщикамъ и отбѣльщикамъ; не имѣя ни строеній, ни закупокъ матеріаловъ, ни тѣхъ огромныхъ расходовъ, которыми обременены фабриканты. Съ этого времени у насъ утвердилось *домашняя система производства*, которая въ нашей промышленности была явленіемъ позднѣйшимъ въ сравненіи съ западною. Она возникла съ одной стороны изъ первобытныхъ домашнихъ рукодѣлій крестьянъ (а не изъ ремесла, какъ на западѣ), которые со времени основанія фабрики начали работать по заказу фабрикантовъ, съ другой—было результатомъ фабричной системы, которая, явившись внезапно, должна была въ послѣдствіи разложиться, выдѣлить нѣкоторыя операціи производства для домашней промышленности *)).

Прошло болѣе полустолѣтія и вотъ мы застаемъ въ Московской губерніи уже вполне опредѣлившуюся, ярко очерченную картину господства домашней формы крупной промышленности въ производствѣ издѣлій изъ волокнистыхъ веществъ. Въ эту именно форму облечено такъ называемое «кустарное ткачество» Московской губ. Собранные статистическимъ отдѣленіемъ московскаго губернскаго земства, въ теченіе 1880—1881 гг., свѣдѣнія о фабрикахъ обнаружили, что главное количество издѣлій ткацкихъ мануфактуръ вырабатывается на домахъ крестьянъ, причемъ ручныя фабрики, въ которыхъ все производство сконцентрировано исключительно въ фабричныхъ зданіяхъ, представляютъ рѣдкое исключеніе **). Не оставляя болѣею частью своихъ земледѣльческихъ занятій, крестьяне губерніи, въ особенности Богородскаго и Бронницкаго уѣздовъ, работаютъ не менѣе, чѣмъ на 45595 ткацкихъ станахъ въ своихъ избахъ или мелкихъ заведеніяхъ (свѣтелкахъ), въ числѣ болѣе чѣмъ 20000 чел., производя бумажныхъ, шерстяныхъ и шелковыхъ издѣлій на сумму до 21 мил., изъ которыхъ 2.650,000 р. составляетъ ихъ заработокъ. Въ производствѣ дешевыхъ тканей въ оумаготекацкомъ промыслѣ ткачи работаютъ преимущественно у себя дома, по избамъ, всей семьей, получая матеріалы отъ фабрикантовъ или

*) А. Корсажъ, стр. 142.

**) Сборн. стат. свѣдѣній по Московской губерніи. 14. VII. Вып. III. М. 1888 г. стр. 7.

посредническихъ конторъ по раздачѣ матеріала; въ производствѣ болѣе дорогихъ тканей, шелковыхъ и шерстяныхъ, работа происходитъ обыкновенно въ «свѣтелкахъ» мелкихъ посредниковъ, мастерковъ, получающихъ матеріалъ отъ фабрикантовъ и конторъ и отвѣчающихъ за него и за качество выработанныхъ издѣлій. Изъ всего числа ткачей только 30% работаютъ въ свѣтелкахъ, причемъ на каждую приходится около 10-ти станковъ, остальные 70% заняты промыслами въ избахъ. Но существенной разницы между этими двумя типами мастерскихъ нѣтъ, и въ томъ и въ другомъ случаѣ работы производятся при помощи наемныхъ ткачей, которые почти никогда не являются собственниками производимыхъ издѣлій. Работа на домахъ приближается въ этомъ случаѣ къ той частной формѣ домашне-промышленнаго производства, которое В. Зомбартъ опредѣляетъ названіемъ *наемной*, когда предприниматель доставляетъ домашнему рабочему при заказѣ и матеріалы, сырье, и потомъ выдаетъ ему плату по числу штукъ приготовленнаго товара. Свѣтелочная же система приближается къ такъ называемому Ліонскому типу (*fabrique collective*), когда между предпринимателемъ купцомъ, содержащимъ контору и закупающимъ шелкъ съ одной стороны, и рабочимъ—съ другой, является посредникъ мастеръ, ставящій въ своей мастерской нѣсколько ткацкихъ станковъ и нанимающій рабочихъ («подмастерьевъ»). Такимъ образомъ, можетъ быть единственное, что отличаетъ наше такъ называемое «кустарное ткачество» отъ столь распространеннаго въ Германіи «домашняго производства», это занятіе имъ, какъ подобнымъ промысломъ при сельскомъ хозяйствѣ. Эта особенность заставляетъ относить домашнюю промышленность Россіи къ особому типу—«восточно-европейской формѣ домашней промышленности», соединенной всегда съ земледѣліемъ, но нельзя забывать того, что въ Россіи, въ мало-земельныхъ мѣстностяхъ, типъ сельскаго хозяйства приближается къ тому парцеллярному хозяйству, которое нерѣдко встрѣчается и на ряду съ господствующимъ промысломъ.

До сихъ поръ мы касались, какъ исторіи, такъ и современной организаціи, главнымъ образомъ тѣхъ отраслей промышленности, которыя во первыхъ, сосредоточены въ ограниченномъ районѣ, во-вторыхъ сильнѣе всего представляютъ взаимодѣйствіе крупной фабричной промышленности и мелкихъ домашнихъ промысловъ. Результаты этого взаимодѣйствія не опредѣляютъ однако еще общаго характера нашей сельской промышленности. Россія представляетъ изъ себя настолько обширное, сложное и разнообразное по своимъ естественнымъ и социальнымъ условіямъ цѣлое, что различныя ея области должны значительно различаться по характеру господствующихъ въ нихъ формъ промышленности. Дѣло въ томъ, что формы эти не составляютъ случайнаго явленія: онѣ тѣсно связаны съ состояніемъ всего народнаго хозяйства; общественной жизни и

культуры; на нихъ нельзя смотрѣть, какъ на что то отдѣльное отъ исторіи цивилизаціи вообще, какъ на исключеніе изъ общихъ законовъ развитія. Матеріальное и умственное состояніе народа и въ частности различныхъ его классовъ, уровень его потребностей и образованія, распредѣленіе его производительныхъ силъ, его общественная организація и множество другихъ отношеній должны непременно дѣйствовать на тѣ способы, которыми онъ удовлетворяетъ своимъ нуждамъ, не говоря о самомъ общемъ и сильномъ вліяніи, о вліяніи природы, которое бываетъ особенно замѣтно въ первыя эпохи народнаго хозяйства.

На такой первоначальной стадіи промышленнаго развитія находятся, напримѣръ, наши *окраины*.

Здѣсь мы встрѣчаемся какъ разъ съ тѣмъ типомъ промышленнаго состоянія, которое ранѣе мы указывали, какъ исходный для промышленнаго развитія центральной Россіи. Подвигаясь отъ нашихъ восточныхъ окраинъ, мы послѣдовательно встрѣчаемъ слѣдующія явленія.

Передъ нами описаніе быта сельскаго населенія Иркутской губерніи. *). Какъ у инородческаго населенія губерніи, такъ и у русскаго, въ особенности въ глухихъ, отдаленныхъ отъ городовъ и трактовъ мѣстностяхъ, преобладаетъ натуральная форма земледѣльческаго и скотоводческаго хозяйства. Домашніе промыслы развиты гораздо болѣе, чѣмъ кустарные. Обувь и одежда производится изъ своихъ матеріаловъ работою самихъ погребителей. Переходъ къ денежной (мѣнковой) формѣ замѣтенъ только у населенія ближайшихъ къ городу Иркутску и московскому тракту мѣстностей. Такіе домашніе промыслы, какъ выдѣлка кожъ и приготовленіе обуви, производство холста и сукна, въ большей или меньшей степени развиты повсемѣстно. Холсты производятся грубые—для мѣшковъ, менѣе грубые—для одежды и тонкіе для—положенцевъ и скатертей.

Крестьянское сукно идетъ главнымъ образомъ на одежду для самихъ производителей и ихъ семействъ. Понемногу крестьяне продаютъ сукно своимъ сосѣдямъ-бурятамъ по 80 к.—1 р. за аршинъ Кузнечный промыселъ имѣтъ видъ главнымъ образомъ ремесла; работаютъ большею частью поселенцы, выполняя разные кузнечныя работы на заказъ. Телѣги, сани и прочія средства передвиженія большинство хозяйствъ производитъ самостоятельно, но колесники выдѣлились въ особые ремесленниковъ, имѣющихъ постоянный заработокъ по трактамъ.

Основнымъ фактомъ промышленнаго развитія населенія болѣе западной губерніи Сибири,—*Тобольской*, является также форма нату-

*) Иллюстрированное описаніе быта сельскаго населенія Иркутской губ. Составлено И. А. Молодыхъ и П. Е. Кулаковымъ, подъ редакціей П. П. Семенова. Труды Восточно-Сибирскаго отдѣла Импер. Русскаго Географическаго Общества по участію отдѣла на всероссійской выставкѣ 1896 г. стр. 198—201, 213.

ралянаго хозяйства *). Всѣ главные предметы хозяйства и домашняго обихода: холсты, цвѣтныя полотна, телѣги, сани, веревки, сохи и пр. каждая семья сама производитъ для своего потребленія и лишь остатки отъ послѣдняго продаетъ на сторону. Но съ одной стороны выдѣлились въ каждомъ многочисленномъ пунктѣ профессиональные ремесленники въ производствахъ, требующихъ особаго умѣнія: кузнецы, оружейники, мастера болѣе сложныхъ сельско-хозяйственныхъ орудій (молотилокъ, вѣялокъ), овчинники, пимокаты и пр., работающіе по заказамъ на домахъ и у себя. На ряду съ этимъ производители нѣкоторыхъ издѣлій, имѣющихъ постоянный и большой сбытъ, сосредоточились на своемъ промыслѣ настолько, что работаютъ уже на рынокъ и извлекаютъ изъ того значительный заработокъ: сюда относятся кузнецы сошниковъ, горшечники, бондари и токари, корзинщики, рогожники, рукавичники и пр. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ около городовъ близость обширнаго сбыта ведетъ къ тому, что производство становится на почву наемнаго труда, сосредоточиваясь въ особыхъ заведеніяхъ, какъ это мы находимъ въ веревочномъ, кожевенномъ, гончарномъ и др. промыслахъ.

Перейдемъ черезъ Уралъ. Передъ нами *Вятская губернія*, выдающаяся по распространенности въ ней сельскихъ промысловъ. По даннымъ подворной описи, произведенной земскимъ статистическимъ бюро въ теченіе послѣднихъ лѣтъ (съ 1884 г. на 1894 г.), всѣхъ кустарей насчитывается въ ней до 150.783 человекъ, не считая 54.733 челов., занятыхъ лѣсными промыслами: рубкой дровъ, добываніемъ угля, корня, бересты, лыка и т. п., что вмѣстѣ даетъ уже цифру 205.516 **) человекъ. При этомъ надо имѣть въ виду, что въ это число не входятъ ремесленники: плотники, пильщики, каменщики и пр., достигающіе численности 98.100 человекъ. Главную группу промысловъ представляютъ промыслы по обработкѣ дерева, которыми занято до 47% всѣхъ кустарей (64.208 чел.) и 63— всѣхъ ремесленниковъ (71.346 чел.), не говоря о лицахъ, занятыхъ лѣсными промыслами. Особенно выдающимися изъ древообрабатывающихъ промысловъ являются: экипажный (12452 кустаря), столярный (5593 ч.), токарный (700 чел.), бондарный, ложеарный, трубочный, корешковыхъ и кановыхъ издѣлій и пр. Вятскіе древодѣлы представляютъ изъ себя типичныхъ кустарей: не покидая земледѣлія, они работаютъ личнымъ трудомъ и трудомъ семьи,

*) Каталогъ и объясненіе коллекцій, представленныхъ изъ Тобольской губерніи на художественно-промышленной выставкѣ въ Н.-Новгородѣ въ 1896 г. Труды Тобольскаго вспомогательнаго комитета по устройству выставки. Выпускъ V, ч. II. И. Н. Носовъ „Кустарная промышленность“.

**) Краткій очеркъ кустарной промышленности въ Вятской губ. (Приложеніе къ указателю экспонатовъ Вятскаго кустарнаго отдѣла на выставкѣ 1896 г.) Матеріалы по описанію промысловъ въ Вятск. губ. Вып. I—V 1889—1893 гг.

принимая иногда, если того требуютъ техническія условія производства и интересъ раздѣленія труда, рабочихъ, раздѣляющихъ однако съ ними одинаковыя условія жизни; работаютъ изъ матеріала собственного, хотя и покупного, сбываютъ издѣлія на базарахъ и въ городѣ скупщикамъ и проѣзжимъ торговцамъ. Вотъ преобладающая форма сельской промышленности Вятской губерніи, за которою съ полнымъ правомъ можетъ быть сохранено наименованіе *кустарной*. Такой же характеръ имѣютъ и прочіе промыслы по обработкѣ волокнистыхъ веществъ, кожъ и глины. Конечно, кустари большинства отраслей промышленности испытываютъ на себѣ давленіе ростовщическаго капитала, въ особенности при покупкѣ матеріаловъ, и терпятъ при сбытѣ готовыхъ издѣлій отъ монополіи скупщиковъ, что крайне понижаетъ ихъ заработокъ. Но все же господствующій типъ всѣхъ этихъ промысловъ: производства кожаной обуви, валеной, металлическихъ издѣлій, роговыхъ, гармоній и прочаго, есть типъ мелкой семейной промышленной единицы, изрѣдка съ 1—2 работниками, работающей на рынокъ, изъ своего матеріала и при основномъ занятіи земледѣліемъ. Только не многіе промыслы, оперирующіе надъ болѣе цѣнными матеріалами и требующіе болѣе сложныхъ техническихъ приспособленій, какъ то кожевенный, сосредоточиваются главнымъ образомъ въ крупныхъ и среднихъ заведеніяхъ, наряду съ которыми, однако, существуютъ и мелкіе кожевенные заводы, вырабатывающіе низшіе сорта кожи и сбывающіе ихъ на мѣстныхъ базарахъ. Организациа скорняжнаго промысла приняла уже такую форму, при которой производители работаютъ на хозяина поштучно изъ готоваго матеріала.

Подвигаясь далѣе, ближе къ центральной промышленной полосѣ Россіи, мы встрѣчаемся со все болѣе возрастающей капитализаціей сельской промышленности. Въ *Нижегородской губерніи* мы находимъ какъ самыя разнообразныя промыслы, такъ и самыя различныя формы ихъ экономической организациа. Однако районы особенно сильнаго сплошнаго распространенія того или иного промысла, гдѣ онъ обнимаетъ дѣятельность многихъ рукъ и имѣетъ за собою отдаленное прошлое, даютъ намъ вездѣ яреую картину господства промышленнаго капитала, являющагося руководителемъ производства и хозяиномъ сбыта. Вотъ, напримѣръ, сталеслесарный районъ с. Павлова Горбатовскаго уѣзда, съ его знаменитымъ ножовымъ и замочнымъ производствомъ. Всего въ 119 селеніяхъ одного Горбатовскаго уѣзда въ 1889 г. производствомъ ножей, вилокъ, ножницъ, замковъ, подпилковъ, вѣсовыхъ коромыселъ и пр. было занято до 5954 дворовъ и въ нихъ 6570 работниковъ мужского пола и 2741 человекъ изъ остальнаго населенія. При этомъ 4435 рабочихъ, или 67,1% изъ числа занимающихся промысломъ, занимались имъ исключительно *). Различные виды производствъ,

*) Матеріалы къ оцѣнкѣ земель Нижегород. губ. Статист. отдѣл. Нижегород. губ. зем. управы, вып. VII. Горбатовскій уѣздъ, стр. 58.

свойственные селу Павлову, какъ и всему Павловскому району, не въ одинаковой степени приближаются къ типу чисто кустарныхъ. Разница въ степени специализаціи различныхъ частей промысла и раздѣленія труда приводитъ къ тому, что нѣкоторые виды производствъ въ значительной степени уже захвачены фабрикой или мануфактурой фабричнаго типа. Такъ производство столоваго или ремесленного ножа, подпилковъ, вѣсовыхъ коромыселъ ведется или наемнымъ трудомъ въ хозяйскихъ заведеніяхъ или путемъ раздачи работы на дома кустарямъ. Эта послѣдняя форма—домашняя форма крупной промышленности—представляетъ типъ наиболѣе распространенный въ павловскомъ районѣ. Промысломъ, въ наибольшей степени сохранившимъ за собою кустарный типъ, является промыселъ замочный. Въ замочномъ промыслѣ всѣ операціи могутъ и часто производятся на самомъ дѣлѣ одними и тѣми же руками, по крайней мѣрѣ въ одномъ домѣ семьею кустаря. Однако и въ замочномъ промыслѣ рядомъ съ собственнымъ практикуется и наемный трудъ; кромѣ того есть еще мастера, на которыхъ работаютъ кустари на домахъ, въ самомъ Павловѣ и еще больше по деревнямъ *). Такимъ то образомъ въ павловскомъ районѣ Нижегородской губерніи изъ общаго числа 5954 дворовъ работаютъ у себя на базарѣ 2616, на хозяина—2623 и въ работникахъ въ чужой мастерской—716. Но самостоятельность тѣхъ, кто работаетъ на базарѣ, какъ напр. павловскіе замочники, лишь кажущаяся: сбытъ, монополизированный въ рукахъ немногихъ мѣстныхъ скупщиковъ и торговцевъ, отдаетъ ихъ всецѣло во власть этихъ послѣднихъ, которые и являются руководителями производства и господами рынка.

Возьмемъ ли мы другой видный промыселъ Нижегородской губерніи: валяльный промыселъ Семеновскаго и Балахнинскаго уѣздовъ, обнимающій свыше 4000 рабочихъ рукъ, и въ немъ наиболѣе распространенною формою производства служить домашняя форма крупной промышленности—раздача хозяевами шерсти на дома и расплата за готовые издѣлія поштучно **). Но рядомъ съ тѣмъ, какъ въ Семеновскомъ уѣздѣ, такъ и въ болѣе мелкихъ районахъ распространенія этого промысла въ Горбатовскомъ уѣздѣ, существуютъ кустари, самостоятельно изготовляющіе издѣлія на продажу. Работа на хозяина, изъ его матеріала преобладаетъ и въ гвоздарномъ районѣ Семеновскаго уѣзда, въ промыслѣ цѣпей Нижегородскаго уѣзда, въ промыслѣ вытягиванія мѣдной проволоки и тканей металлическихъ полотентъ с. Безводнаго. Въ кожевенномъ производствѣ горбатовскаго района преобладающій видъ работы—наемный трудъ въ чужой мастерской; такъ работаютъ 877

*) Нижегородская губернія по изслѣдованіямъ Губернскаго земства. Всероссийская выставка 1896 г. Изд. Нижегород. Губ. Земства, выпускъ II, кустарные промыслы Нижегородской губерніи, 47 стр.

**) М. Плотииковъ. Кустарные промыслы Нижегородской губерніи. Изд. Нижегород. Губ. Зем. стр. 241.

работниковъ изъ 1.240, тогда какъ у себя на хозяина работаютъ 182 и на продажу 181. Ветлужскіе рогожники ткутъ рогожи или самостоятельно на базаръ или «въ точку», т. е. по заказу хозяевъ изъ ихъ матеріала. Но и положеніе первыхъ нисколько не лучше, чѣмъ вторыхъ, въ смыслѣ экономической независимости. Торговля мочаломъ сосредоточена въ рукахъ мѣстныхъ торговцевъ «тысячниковъ», которые его и вырабатываютъ. Передавъ имъ на цѣнѣ мочала, рогожники обречены отдать имъ же въ руки и всѣ выгоды производства при сбытѣ. На немногихъ скупщиковъ-хозяевъ работаютъ и ветлужскіе смолокуры, получая отъ нихъ въ теченіе періода выработки всѣ припасы и обязуясь доставлять имъ на дворъ всѣ продукты перегонки по мѣрѣ выработки *).

Такимъ образомъ, какія бы главныя отрасли сельской промышленности въ ея наиболѣе важныхъ пунктахъ распространенія мы ни взяли, мы вездѣ находимъ ихъ капитализированными въ *домашнюю форму крупной промышленности*. Только промыслы менѣе значительные, или работающіе надъ малоцѣннымъ громоздкимъ матеріаломъ, сохраняютъ чисто кустарную семейную форму; въ родѣ промысловъ бондарнаго, корзиночнаго, токарнаго, желѣзнаго, гончарнаго и др. Довольно и ихъ, и немаловажно ихъ значеніе въ общей экономіи народнаго хозяйства, но все же въ данной области они не могутъ конкурировать съ упомянутыми выше ни по общей суммѣ производительности, ни по экономическому значенію въ жизни населенія.

Послѣдовательно переходя различныя ступени промышленнаго развитія Россіи, начиная съ ея восточныхъ окраинъ, мы вновь подходимъ къ тому центру наиболѣе развитой и напряженной промышленной жизни, котораго касались ранѣе, описывая ходъ нашей промышленности и организацію кустарнаго ткачества. Мы имѣли возможность убѣдиться въ томъ, какъ различны формы экономической организаціи той сельской промышленности, которая зачастую облекается у насъ однимъ широкимъ терминомъ *кустарничества*. Начиная отъ формъ, едва выдѣлившихся изъ области натурального домашняго хозяйства, онѣ приводятъ насъ, въ процессъ отношеній труда и капитала, къ той формѣ домашней промышленности, которая до сихъ поръ сохранилась на западѣ, не смотря на торжество тамъ капиталистическаго начала. Мы не можемъ извлечь изъ этого обзорѣнія какихъ либо твердыхъ данныхъ, чтобы установить вполне точно взаимное отношеніе въ нашемъ народномъ хозяйствѣ этихъ двухъ производительныхъ силъ: промышленности крупной фабрично-заводской и мелкой семейно-кустарной. Но вездѣ, гдѣ промышлен-

---

*) Докладъ техника Г. Кржижановскаго о рогожномъ и смолокупецкомъ промыслахъ Ветлужскаго края. Собр. постанов. XXX очеред. Нижегород. Губ. Зем. Собр. 1895 г.

ная жизнь при большой густотѣ населенія и культурномъ развитіи достигаетъ особеннаго напряженія, мы видимъ тенденцію капитала подчинить себѣ, своимъ выгодамъ существующую сельскую промышленность, ручной трудъ земледѣльческаго населенія. Этотъ трудъ оказывается настолько дешевымъ, благодаря тому, что болѣею частью является лишь подспорьемъ къ основному земледѣльческому, что интересы капитала не нуждаются въ замѣнѣ его трудомъ машинъ. Даже въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, которыя прибѣгли къ силѣ пара въ названныхъ операціяхъ производства, оказывается не безвыгоднымъ пользоваться трудомъ домашнихъ рабочихъ. Но подобная система по существу ничѣмъ не отличается отъ существующей эксплуатаціи сельскаго труда въ такъ называемыхъ кустарныхъ промыслахъ средней Россіи. Разница между промышленной организаціей какого либо бумаго-ткацкаго предпріятія Московской губерніи и организаціей валяльнаго промысла Нижегородской губерніи съ его хозяевами «тысячниками» лишь та, что въ первомъ случаѣ домашніе рабочіе имѣютъ дѣло лишь съ частью безличнаго капиталистическаго предпріятія, «конторой», по раздачѣ матеріала на дома, а во второмъ случаѣ знаетъ и самъ вѣдается съ какимъ нибудь «Сидоромъ Ивановичемъ».

Отсутствіе машинъ способствуетъ тому, что хозяинъ и рабочій ближе стоятъ другъ къ другу и работникъ не представляется только простою единицею изъ числа сотенъ неизвѣстныхъ «рабочихъ рукъ» фабрикъ, но, по своему общественному положенію, является лицомъ довольно близкимъ къ хозяину, который хорошо его знаетъ и нерѣдко подобно ему работаетъ своими руками. Но этотъ порядокъ сохраняется лишь, пока есть поддерживающія его условія техническія и социальныя. Техническое преобразование производства, расширение рынковъ сбыта, благодаря увеличенію населенія и росту потребностей и путей сообщенія, реорганизація поземельныхъ отношеній неизбежно внесетъ свои измѣненія въ этотъ строй, сохраняющій еще слѣды патріархальности. «Домашняя промышленность, говоритъ В. Зомбартъ, возникаетъ (и прибавимъ, держится) лишь тогда и тамъ, когда и гдѣ условія хозяйственнаго оборота допускаютъ или же требуютъ капиталистической организаціи вообще, но еще не специально фабричнаго производства». Эти то условія создали и укрѣпили ее въ цѣломъ рядѣ производствъ обширной области Россіи. Но эти же условія не требуютъ ея въ другихъ мѣстахъ и въ иныхъ отрасляхъ промышленности. Народный трудъ почтененъ вездѣ, гдѣ бы мы его ни находили. Но можетъ быть онъ нигдѣ не заслуживаетъ такого вниманія со стороны общественныхъ учреждений, желающихъ улучшить условія его примѣненія, какъ тамъ, гдѣ производитель самъ еще пользуется выгодами своего труда и могъ бы пользоваться ими еще въ болѣе степени, если бы не его оброшенность, невѣжество, опутывающія его стѣсненія, бѣдность, отдающая его въ руки перваго попавшагося ростовщика.

Задача становится труднѣе тамъ, гдѣ передъ нами открывается область труда, уже захваченнаго въ колесо могущественнаго процесса, который самъ опредѣляетъ будущее участвующихъ въ немъ производительныхъ силъ *). Но и тамъ ее нельзя считать неразрѣшимой.

Это вопросъ, котораго мы не намѣрены касаться, имѣя въ виду область мелкаго кустарнаго производства, его нужды и пути, которыми приходится ему на помощь.

II.

Кустарный отдѣлъ Всероссийской выставки 1896 года въ г. Нижнемъ-Новгородѣ представлялъ собою сложное и разнохарактерное цѣлое. Въ составъ его входили издѣлія, экспонируемыя самими кустарями производителями. Но такихъ экспонатовъ было очень немного, да и въ числѣ тѣхъ, которые были, нѣкоторые попали въ кустарный отдѣлъ, сознательно или по недоразумѣнію, во всякомъ случаѣ ошибочно: ихъ мѣсто въ дѣйствительности должно было быть въ отдѣлѣ IX, фабрично-заводскомъ. Устроители XI отдѣла, кустарнаго, положившіе въ свое дѣло не мало умѣнья, энергіи и опытности, въ лицѣ экспонентовъ, имѣющихъ право выставлѣть свои издѣлія въ кустарномъ отдѣлѣ, искали во всякомъ случаѣ мелкихъ производителей, самостоятельныхъ въ хозяйственной и технической организаціи производства, принимающихъ участіе въ производствѣ личнымъ трудомъ и если, по техническимъ условіямъ производства, и прибѣгающихъ къ наемному труду, то въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ (1—2 работниковъ), причемъ наемники эти пользуются тѣми же условіями жизни, какъ ихъ хозяинъ и его семья. Однако въ число экспонентовъ отдѣла вошли владѣльцы довольно крупныхъ мастерскихъ (какъ напр. павловскіе ножовщики Хонинъ и Бѣдинъ), что, однако, оставляя въ сторонѣ другіе могущіе быть къ тому поводы, легко можетъ объясняться и существующей неопредѣленностью въ разграниченіи кустарной формы предпріятія отъ формы предпріятія фабрично-заводскаго. Что же касается немногочисленности и случайности въ составѣ дѣйствитель-

---

*) Странно было поэтому намъ встрѣтить въ „Краткомъ обзорѣ кустарныхъ промысловъ. Изданіе отдѣла сельской экономіи и сельско-хозяйственной статистики С.-Петербургъ 1896 г. (Иллюстрированное изданіе)“ слѣдующее замѣчаніе автора текста, Н. Пономарева, о московскомъ ткацествѣ. Если „съ внѣшней стороны положеніе кустаря—ткача нѣрѣдко хуже фабричнаго рабочаго, то первый имѣетъ, однако, огромное преимущество въ томъ, что не отрывается отъ земли; ради этого, конечно, весьма необходимо поддерживать кустарное ткачество“ (стр. 8). Спрашивается: чѣмъ средствами и что можно сдѣлать для 20.000 массы ткачей, работающихъ на фабрикѣ, хотя и у себя на домахъ, и въ чьихъ рукахъ судьба подобнаго „кустарнаго ткачества“.

ныхъ кустарей экспонентовъ, то это вполне понятно въ виду бѣдности большинства изъ нихъ; участіе на выставкѣ все же требуетъ нѣкоторыхъ денежныхъ затратъ, что не подѣ силу кустарю, обладающему чаще всего ничтожнымъ оборотнымъ капиталомъ. Вотъ почему участіе большинства кустарей, представившихъ свои издѣлія на выставку, обязано главнымъ образомъ коллекціонной дѣятельности земствъ и различныхъ вспомогательныхъ комитетовъ по устройству выставки.

Особую группу экспонентовъ кустарнаго отдѣла явились *кустарная артели*. Ихъ было немного и сосредоточивались онѣ въ отдѣлѣ металлообрабатывающихъ промысловъ. Павловская артель, работающая ножевымъ товаръ, златоустовская, вырабатывающая гравированный ножевой товаръ, тульская артель, изготовляющая мѣдные издѣлія, бурмакинская Ярославской губерніи, работающая принадлежности конской сбруи. Безъ сомнѣнія, артели, какъ общественная форма кустарнаго производства, объединяющая на началахъ равноправности и сотрудничества нѣсколько мелкихъ производителей, самостоятельно владеющихъ матеріалами и орудіями производства и личнымъ трудомъ работающихъ на рынокъ, имѣютъ полное право и основаніе являться экспонентомъ кустарнаго отдѣла, и никакого иного, какъ бы велики ни были размѣры ихъ коллективнаго производства. Тѣмъ болѣе казалось страннымъ и неосновательнымъ, что павловская артель выставила свои издѣлія къ экспертизѣ и награжденію одновременно въ двухъ отдѣлахъ, фабрично-заводскомъ и кустарномъ.

Переходя къ коллекціямъ кустарныхъ издѣлій, представленнымъ на выставку земствами, комитетами по устройству выставки и частными лицами, мы должны выдѣлить между ними собранія экспонатовъ трехъ земствъ, *московскаго, вятскаго и нижегородскаго*. По обилію и разнообразію выставленныхъ ими предметовъ коллекціи прочихъ земствъ и учреждений идутъ не въ счетъ. Экспонаты ихъ, вмѣстѣ взятые, занимали не менѣе половины всего помѣщенія кустарнаго отдѣла. Однако, вникая въ существо содержанія этихъ трехъ подотдѣловъ: вятскаго, московскаго и нижегородскаго земствъ, не трудно замѣтить между ними значительное различіе. Московское и вятское земство, хотя и одновременно,—первое раньше, второе поздѣе,—приступили къ дѣятельности по восполненію кустарной промышленности ихъ губерній и улучшенію техники производствъ. Съ послѣдней цѣлью они организовали рядъ земскихъ мастерскихъ, въ которыхъ кустари получаютъ образцы улучшенныхъ издѣлій, матеріалы по удешевленнымъ цѣнамъ, подъ руководствомъ особо приглашенныхъ специалистовъ и технику, изучаютъ приемы улучшенныхъ производствъ. Земства озабочиваются также сбытомъ издѣлій кустарей, работающихъ подъ ихъ руководствомъ: у обоихъ ихъ есть торгово-промышленные музеи-склады кустарныхъ издѣлій губерній, сбывающіе эти издѣлія пу-

темъ комиссіонерства и перепродажи. Естественно, что оба указанныхъ земства выставили въ своихъ отдѣлахъ издѣлія кустарей, пользующихся ихъ вниманіемъ, или приготовленныя учениками мастерскихъ, слѣдовательно, произведенія только тѣхъ отраслей кустарной промышленности, которыя были ими избраны въ видахъ поднятія техники производствъ. Этимъ обстоятельствомъ, само собою разумѣется, обусловливается неполнота коллекцій: онѣ далеко не исчерпываютъ всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ промысловъ мѣстности. Еще вятское земство нѣсколько дополнило коллекцію издѣлій опекаемыхъ имъ группъ промышленниковъ, собравъ произведенія и нѣкоторыхъ другихъ промысловъ, но московское остановилась въ предѣлахъ того матеріала, который представляетъ ихъ постоянно существующій въ Москвѣ торгово-промышленный музей, то есть издѣлій, изготовляемыхъ, подъ руководствомъ ихъ технической организаціи: корзинъ, игрушекъ, щетокъ, металлическихъ издѣлій, плетеной мебели и прочихъ плетеній, токарныхъ издѣлій, картонажей. Въ кустарномъ отдѣлѣ Московской губерніи мы не находимъ, благодаря этому, издѣлій многихъ весьма широко распространенныхъ промысловъ ея: мебельнаго черкизовской волости, мѣднаго—Загарья, фарфорово-глинянаго Гжели и другихъ. Такимъ образомъ, коллекція кустарныхъ издѣлій московскаго земства, какъ коллекція, отличалась неполнотою и научнаго значенія имѣть не могла. Что касается собранія кустарныхъ издѣлій Нижегородской губерніи, экспонированнаго губернскимъ земствомъ, то оно, безъ сомнѣнія, отличалось наиболѣе исчерпывающимъ характеромъ по отношенію къ кустарной промышленности края. Нижегородское губернское земство еще только вступаетъ на путь содѣйствія мѣстной кустарной промышленности, положивъ въ основу своей будущей дѣятельности обстоятельныя изслѣдованія промысловой жизни губерніи, произведенныя въ разное время, и намѣтивъ рядъ мѣропріятій техническаго и экономическаго характера, долженствующихъ охватить нѣкоторые изъ важнѣйшихъ производствъ.

Коллекція кустарныхъ издѣлій, собранная имъ, имѣла для него значеніе какъ дальнѣйшаго изученія даннаго вопроса въ губерніи, такъ и основанія будущаго кустарнаго музея, долженствующаго соединить со своею дѣятельностью комиссіонерство по сбыту кустарныхъ произведеній. Коллекція не обошла ни одного болѣе или менѣе важнаго вида мѣстной промышленности, кромѣ можетъ быть тѣхъ, которыя изготовляютъ слишкомъ громоздкія произведенія, нѣкоторыя же производства представила съ такою степенью полноты, что не остается желать ничего большаго. Такъ ножевыя и замочныя издѣлія павловскаго района составляютъ собраніе болѣе чѣмъ изъ 700 предметовъ разныхъ сортовъ, цѣнъ и качества.

Прочими коллекціонерами, кромѣ выше указанныхъ земствъ, явились нѣкоторые губернскія и уѣздныя земства и особо учрежденные комитеты по устройству выставки. Изъ послѣднихъ наиболѣе

лѣе значительную коллекцію представилъ казанскій вспомогательный комитетъ, экспонировавшій главнымъ образомъ деревообрабатывающую промышленность края. Комитеты окраинъ представляли кустарную промышленность своихъ мѣстностей большею частью въ другихъ отдѣлахъ выставки: сибирскомъ, среднеазиатскомъ и другихъ. Но вообще коллекціи остальныхъ земствъ, кромѣ трехъ выше упомянутыхъ, и коллекціи комитетовъ даютъ небогатый и довольно случайный матеріалъ для сужденія о кустарной промышленности ихъ мѣстностей.

Середина помѣщенія кустарнаго отдѣла выставки была занята по преимуществу издѣліями волокнистыхъ веществъ и женскихъ рукодѣлій. Экспонентами являлись, однако, не сами производители этихъ издѣлій или, точнѣе говоря, производительницы, а школы рукодѣлій и частныя лица, являющіяся руководителями этой отрасли женскаго труда. Школы рукодѣлій въ своей дѣятельности имѣютъ уже довольно значительное прошлое: они были основаны въ концѣ 70-хъ годовъ и началѣ 80-хъ. Особенно выдающагося изъ нихъ является Маріинская практическая школа кружевницъ, основанная въ С.-Петербургѣ, главнымъ образомъ стараніями С. А. Давыдовой. Извлекая своихъ ученицъ изъ районовъ особеннаго распространенія кружевного промысла, школа выпускаетъ опытныхъ мастерицъ, которыя, возвращаясь на родину, примѣромъ своей работы вліяютъ на улучшеніе техники кружевного дѣла, преимущественно въ роли учительницъ этого рукодѣлія въ сельскихъ школахъ. Сюда же относятся школы С. В. Козицыной въ Бессарабской губерніи, въ имѣніи учредительницы для обученія дѣвочекъ рукодѣліямъ, тканью ковровъ и разныхъ тканей С. П. Казначеевой, кн. А. В. Львовой. Большинство этихъ школъ состоятъ въ вѣдѣніи министерства земледѣлія и пользуются его матеріальной поддержкой. По типу своему они подходятъ ближе всего къ ремесленнымъ школамъ запада, которыя содѣйствуютъ улучшенію качества издѣлій этого рода промышленности, являющейся, какъ и у насъ, или въ формѣ ремесла или въ формѣ домашней промышленности. Характерную группу экспонентовъ представляютъ частныя лица, въ филантропическихъ цѣляхъ внесшія личный починъ въ дѣло улучшенія техники женскихъ кустарныхъ производствъ и поднятія ихъ выгоды. Одинъ изъ изслѣдователей кустарнаго отдѣла выставки, Н. А. Филипповъ, указывая на то, что этотъ личный починъ въ улучшеніи издѣлій нигдѣ не проявился съ такою энергіею, какъ именно въ обработкѣ волокнистыхъ матеріаловъ, характеризуетъ его слѣдующимъ образомъ *):

*) Н. А. Филипповъ. Кустарная промышленность въ экспонатахъ Нижегородской выставки. «Техническій Сборникъ» и «Вѣстникъ Промышленности», за 1896 г. № 9—10, стр. 12. Въ статьѣ нашей мы нерѣдко пользуемся этой обстоятельной работой, составленной авторомъ съ глубокимъ знаніемъ дѣла, но касающейся преимущественно технической стороны представленныхъ на выставкѣ производствъ.

«Этими промыслами занимается преимущественно женская часть населенія, и филантропическое сочувствіе труду крестьянок исходить главнымъ образомъ отъ женской же половины интеллигентнаго общества. Г-жи Ханыкова, Лазаревичъ, Каткова, Ермолова, Пашкова, Пальчикова и др. выставили издѣлія крестьянокъ патронируемаго ими мастерства. Подобное индустріальное направленіе дѣятельности русскихъ образованныхъ женщинъ, возникши за послѣдній десятокъ лѣтъ, отражаетъ на себѣ общій тонъ русской жизни ближайшаго времени, когда вопросы развитія производительныхъ силъ страны явились могучимъ стимуломъ работъ русскаго общества. Съ другой стороны замѣтно, что помощь женскимъ кустарнымъ работамъ обыкновенно возникала послѣ какихъ-нибудь несчастій, и послѣдній голодный годъ для многихъ экспонентокъ является началомъ ихъ дѣятельности, которую онѣ не оставили и по минованіи несчастія».

Мы послѣдовательно обозрѣли всѣ категоріи экспонентовъ, участвовавшихъ въ кустарномъ отдѣлѣ на всероссійской выставкѣ 1896 года. По сравненію съ такою же выставкою 1882 года въ Москвѣ мы должны отмѣтить появленіе среди нихъ совершенно новой группы, притомъ группы, преобладающей количествомъ выставленныхъ издѣлій. Это—земства, школы и частныя лица, посвятившія себя дѣлу улучшенія техники кустарныхъ производствъ. Кустарный отдѣлъ выставки 1882 года имѣлъ по преимуществу коллекціонный характеръ, и цѣлью его устройства было желаніе ознакомиться съ этой мало еще тогда извѣстной отраслью народной производительности. Доставленный имъ матеріалъ и послѣдующіи изслѣдованія кустарной промышленности въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи выдвинули въ глазахъ правительства ея значеніе въ народномъ хозяйствѣ. Съ другой стороны, утнетенное состояніе самыхъ производителей и техническіе недостатки нѣкоторыхъ промысловъ побудили и правительство, и мѣстныя учрежденія обратиться къ мѣрамъ содѣйствія кустарной промышленности. Слѣдомъ за ними выступила и частная филантропическая инициатива. Дѣятельность эта достигла въ нѣкоторыхъ кустарныхъ производствахъ замѣтныхъ результатовъ. Эти результаты и были экспонированы на выставкѣ 1896 года. Что же они говорятъ намъ, каковы успѣхи, достигнутые со времени выставки 1882 года въ области кустарной промышленности, насколько они значительны и въ какихъ производствахъ сосредоточиваются?

Предсѣдатель комитета экспертовъ, Г. А. Крестовниковъ, въ своей заключительной рѣчи 8-го сентября въ день торжественнаго присужденія наградъ по поводу кустарной промышленности высказалъ слѣдующее: «Въ кустарныхъ промыслахъ за истекшій періодъ, благодаря, съ одной стороны, поддержкѣ земствъ и иныхъ учреждений, а съ другой—просвѣщенному, и иногда даже самоотверженному участию частныхъ лицъ, замѣчается большой прогрессъ. Въ-

сто грубыхъ прежнихъ издѣлій, удовлетворявшихъ только самымъ невзыскательнымъ требованіямъ, кустарные промыслы въ настоящее время снабжаютъ насъ весьма изящными предметами, которые до сихъ поръ получались нами изъ-за границы, таковы напр. корзиночные, картонажные промыслы, снабжающіе наши цѣточныя и кондитерскія заведенія, игрушечный промыселъ и др. Особенно замѣчательно развитіе кружевного промысла, которое подъ руководствомъ Маріинской практической школы кружевницъ въ С.-Петербурѣ, снабжающей кустарей разныхъ мѣстъ Россіи, какъ наставницами по части плетенія кружевъ, такъ и изящными рисунками, достигло въ нынѣшнемъ году оборота 2,000,000 руб. Можно только пожелать продолженія той энергичной дѣятельности, какая проявилась за истекшій періодъ на пользу развитія кустарныхъ промысловъ».

Однако обратимся къ тому, что говорятъ намъ факты неприкрашенной дѣйствительности. Мы далеки отъ того, чтобы отрицать успѣхи, достигнутые въ технику перечисленныхъ производствъ, но вынуждены отмѣтить, что, если это и «большой прогрессъ», то въ малыхъ и не имѣющихъ существеннаго экономическаго значенія промыслахъ. Изъ того, что говорили мы въ первой части нашей статьи, достаточно явствуетъ, что если кустарные промыслы и имѣютъ крупное значеніе въ народномъ хозяйствѣ, то именно потому, что удовлетворяютъ основнымъ потребностямъ грубой и невзыскательной массы столь же грубыми и неизысканными издѣліями. Пестрядь и крашеніина, сапоги и рукавицы, простая грубая мебель, деревянная посуда, бочки, тележки и сани, гвозди, валеные шляпы и сапоги, вотъ необходимые предметы народного обихода, которые, вмѣстѣ съ нечисленною массою другихъ, производятъ наши кустари. И въ этомъ отношеніи ихъ роль никѣмъ не можетъ быть замѣнена ни въ настоящемъ, ни въ ближайшемъ будущемъ, ихъ значеніе неопредѣлимо. По поводу кустарнаго отдѣла нынѣшней выставки не мало говорилось о необходимости развитія въ нашихъ кустаряхъ художественный вкусъ, склонность къ изяществу отдѣлки и пр. Все это лишній разъ доказываетъ, что многіе изъ насъ до сихъ поръ смотрятъ на кустарную промышленность, какъ на игрушку. Главная экономическая сила нашей кустарной промышленности—обладаніе народнымъ рынкомъ, массовый сбытъ. Этотъ сбытъ обуславливается прежде всего дешевизной издѣлій, той дешевизной, которую болѣе всего цѣнятъ обезсиленная нуждою деревня, той дешевизной, въ основѣ которой лежитъ обезцѣненный трудъ. Улучшите качество издѣлія безъ соотвѣтственнаго удешевленія приемовъ производства, или, по крайней мѣрѣ, удержанія ихъ стоимости на прежнемъ уровнѣ—и вы поднимите цѣну издѣлій настолько, что перенесете ихъ на другой, болѣе состоятельный, но и болѣе ограниченный рынокъ, гдѣ, можетъ быть, вамъ придется встрѣтить другую конкуренцію, способную сузить область производства. Не теряя изъ

виду платежныхъ интересовъ массы, вопросъ о содѣйствіи кустарной промышленности сводится, такимъ образомъ, главнымъ образомъ къ борьбѣ съ обезцѣненіемъ труда, эксплуатируемаго скупщической системой сбыта.

Художественный вкусъ, изящество отдѣлки и старательность — все это требованія, которыя мы можемъ предъявлять къ ремесленнику, работающему на заказъ, но не къ кустарю, работающему на рынокъ. Кустарное производство характеризуется одна общая черта съ фабричными — массовое производство по извѣстному шаблону. Этотъ шаблонъ не можетъ быть выше того, который обуславливается данными требованіями рынка, надъ которыми, въ свою очередь, господствуютъ сила платежной способности потребителей и общій уровень культуры. Эта сила нивелируетъ все выходящее изъ ряда вонъ. Въ этомъ отношеніи поучительный примѣръ представляютъ нѣкоторые факты изъ исторіи игрушечнаго промысла въ Московской губерніи, одного изъ первыхъ, которыхъ московское земство взяло подъ свой техническій надзоръ. Промыселъ этотъ, сосредоточиваясь въ Сергіевскомъ посадѣ Московской губерніи и его окрестностяхъ, занимаетъ большое число рукъ: въ одномъ посадѣ имъ занимается до 300 дворовъ, съ годовою производительностью до 400 тыс. рублей. Тамъ готовятся всевозможные виды игрушекъ: лѣпныхъ, токарныхъ, рѣзныхъ, металлическихъ и другихъ, причемъ районъ потребления ихъ настолько великъ, что, по мнѣнію Н. А. Филиппова, покрываетъ, по крайней мѣрѣ, половину всего спроса на игрушки въ Россіи. Производство это, въ виду крайняго разнообразія издѣлій, даже на Западѣ сохраняетъ форму домашней промышленности, какъ то въ Швейцаріи, въ альпійскихъ провинціяхъ Австро-Венгріи и проч. На технические недостатки этого-то производства, грубость формованія и окраски и обратило вниманіе московское земство. Техниками земства вырабатывались формы, которыя и раздавались кустарямъ. Въ кустарномъ отдѣлѣ московскаго земства была выставлена сравнительная коллекція лѣпныхъ игрушекъ, вырабатываемыхъ ранѣе и теперь подъ руководствомъ земскихъ техниковъ. Разница поразительная: уродливыя и нелѣпо раскрашенныя коровы, свинки и другія животныя смѣнились прекрасными моделями, не уступающими заграничнымъ лѣпнымъ игрушкамъ. Но такова работа однихъ кустарей, работающихъ на земскую мастерскую, пользующихся сбытомъ черезъ земскій музей. Остальные же кустари, попрежнему, выпускаютъ изъ своихъ рукъ зеленыхъ коровъ, фіолетовыхъ собакъ и проч. Задаваясь вопросомъ о причинахъ даннаго явленія, Н. А. Филипповъ находитъ ихъ въ слѣдующемъ: «Земская мастерская захватываетъ своимъ вліяніемъ сравнительно ничтожную кучку кустарей, преобладающее большинство ихъ работаетъ на скупщиковъ. Земская игрушка, какъ товаръ, весьма несподручна, — въ силу своей дороговизны она не можетъ найти массового сбыта; фіолетовая же

собака, единственно по причинѣ своей дешевизны, расходуется сотнями тысячъ». А кому охота тратить лишніе деньги на игрушку, которую ребенокъ все равно не нынче завтра сломаетъ? Но авторъ отмѣчаетъ еще болѣе интересное явленіе. «Иные мастера, работавшіе раньше на мастерскую, потомъ начинаютъ работать на магазины и скупщиковъ. Черезъ нѣкоторое время тѣ формы, по которымъ мастера работали раньше, совершенно преобразовываются, онѣ подходятъ подъ общій тонъ рыночной игрушки. Земскій техникумъ игрушечнаго промысла объяснялъ намъ это атавизмомъ, возвращеніемъ къ старому, въ виду прекращенія вліянія мастерской. Мы же полагаемъ, что этотъ атавизмъ есть слѣдствіе нивелирующаго давления рынка. Рынокъ ставитъ необходимымъ условіемъ качества игрушки—ея дешевизну, и кустарь къ этому приспосабливается. Мы увѣряемъ даже, что если бы мастерская имѣла больше средствъ, чтобы распространить свое вліяніе на массу кустарей, она вскорѣ почувствовала бы затрудненіе по сбыту издѣлій» *).

Нельзя не согласиться съ послѣднимъ замѣчаніемъ автора: оно представляетъ самое сильное возраженіе противъ той системы улучшенія издѣлій со стороны ихъ качества, которое переноситъ сбытъ ихъ въ иной, болѣе состоятельный кругъ потребителей. Этотъ кругъ ограниченъ, и только до тѣхъ поръ, пока земство или нѣкая учрежденія охватываютъ своею дѣятельностью ничтожный % кустарей, не можетъ быть перепроизводства, долженствующаго создать усиленную конкуренцію, понизить цѣны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и заработокъ кустарей. И надо признать, что благополучіе тѣхъ кустарей, которые вырабатываютъ подъ руководствомъ техникумовъ московскаго земства «изящные предметы, которые до сихъ поръ получались нами изъ заграницы»: корзинки, картонажи, снабжающіе наши цѣточные и кондитерскіе заведенія, не менѣе изящныя игрушки,—основано на покупкѣ товара у кустарей за наличный расчетъ, система, принятая съ 1891 года и сильно оживившая оборотъ музеев. Такимъ образомъ группа кустарей, съ которыми имѣетъ дѣло торгово-промышленный музей земства, является по отношенію къ нему ремесленниками, работающими на заказчика, выбирающими на повышеніи продажной цѣны издѣлій и старательности отдѣлки, и рискъ остаться безъ работы вслѣдствіе какой либо заминки или сокращенія оборотовъ музея, отставъ въ то же время отъ скупщиковъ и обычнаго рынка. Это повышеніе продажной цѣны издѣлій, поддерживая заработокъ производителей на извѣстной высотѣ, разлагается съ одной стороны на потребителя, съ другой на земскія средства; за все время своего существованія музей никогда не обходился безъ приплатъ на его содержаніе, и приплаты эти равняются не менѣе 7 тыс. руб. ежегодно. Мы не намѣрены, по неимѣнію мѣста, вдаваться въ болѣе подробную оцѣнку коммерче-

*) Н. А. Филипповъ, тамъ же, стр. 16.

ской стороны въ дѣятельности, кустарной организаціи московскаго земства: но несомнѣнно, что указанная причина играетъ также нѣкоторую роль въ ея неудовлетворительности.

Но въ данномъ вопросѣ есть еще другая сторона, не менѣ важная въ нашихъ глазахъ. Кто такое эта группа привилегированныхъ кустарей корзиночниковъ или игрушечниковъ, имѣющихъ дѣло съ музеемъ и земскою помощью? много ли ихъ и въ какомъ положеніи находятся тѣ, кого миновала заботливость земства? Отвѣтъ на эти вопросы даетъ намъ отчасти повторное изслѣдованіе нѣкоторыхъ промысловъ изъ числа пользующихся помощью московскаго земства, изслѣдованіе произведенное статистическимъ персоналомъ губернской земской управы. Изслѣдованіе это коснулось двухъ промысловъ: *щеточнаго* Подольскаго и Звенигородскаго уѣзда, и *промисла по плетенію изъ прутьевъ* въ Звенигородскомъ и Рузскомъ уу. Остановимся на результатахъ изслѣдованія послѣдняго промысла въ Звенигородскомъ уѣздѣ. За время, протекшее съ момента перваго изслѣдованія его въ 1879 г., занятіе промысломъ значительно увеличилось: тогда какъ въ 1879 г. насчитывалось 121 промышленная единица, въ 1895 г. ихъ было зарегистрировано 208, тогда какъ общее число дворовъ въ селеніяхъ, гдѣ промыселъ распространенъ, измѣнилось весьма мало. Если увеличеніе это можетъ быть признано и не столь значительнымъ, вслѣдствіе особенностей регистраціи, то, обращаясь къ посемейному составу промышленниковъ, приходится отмѣтить сильное возрастаніе участія въ промыслѣ женщинъ и дѣтей: тогда какъ число мужчинъ занимающихся промысломъ дома увеличилось менѣ чѣмъ вдвое, число женщинъ увеличилось почти въ 3 раза, число мальчиковъ въ 6 разъ и дѣвочекъ въ 4. Изслѣдователи промысла относятъ и это увеличеніе женскаго и дѣтскаго труда «почти всецѣло» къ особенностямъ регистраціи, болѣе точной въ 1895 году; но нельзя упускать изъ виду, что это явленіе наблюдаемое во многихъ производствахъ и обусловливающееся прежде всего особеннымъ напряженіемъ обѣдѣвшаго населенія въ борьбѣ за экономическую обезпеченность. Какъ бы то ни было, промыселъ носитъ характеръ вполне семейнаго производства безъ участія наемныхъ рабочихъ (которые однако въ 1895 г. были зарегистрированы въ 11 семьяхъ, въ 1879 г.—ни въ одной).

Для поддержанія и развитія промысла московскимъ земствомъ устроена въ Звенигородскомъ у. корзиночная мастерская и складъ для сырья и товара, дѣйствующие уже 4 года. Задачею земской мастерской и склада съ первыхъ шаговъ ихъ дѣятельности было: 1) снабженіе кустарей сырымъ матеріаломъ, 2) сбытъ издѣлій кустарей и 3) поднятіе техники производства путемъ обученія въ мастерской новаго поколѣнія и ознакомленія взрослого населенія съ новыми моделями и рисунками. Дѣятельность эта за 4 года выразилась въ слѣдующихъ цифрахъ: продано сырого матеріала на 22609 руб., куплено издѣлій на сумму 68526. Согласно съ показа-

ніями самихъ кустарей, «заработокъ, получаемый кустаремъ, работающимъ на земскую мастерскую, не только не ниже, а обыкновенно выше заработка кустаря, работающего на торговца; такъ, работая на земскій складъ опредѣленный сортъ товара, вырабатывается въ день 50 коп., а при работѣ на торговца, даже въ томъ случаѣ, если онъ уплачиваетъ деньгами, выручается въ день лишь 45 коп. и т. п.» *). Спрашивается, кто же тѣ счастливы, которые пользуются этой столь значительной выгодой отъ организаціи земской помощи кустарямъ, и много ли ихъ? На вопросы: гдѣ приобретается сырой матеріалъ, куда сбывается товаръ?—отъ большинства производителей — 108 семей и отъ общаго числа 208 — слышался одинъ отвѣтъ: все беремъ у мѣстныхъ трактирщиковъ или скупщиковъ, имъ однимъ и сбываемъ товаръ. Изъ остальныхъ 100 семей лишь 24 имѣютъ дѣло исключительно почти съ земскимъ складомъ, остальные колеблются между складомъ, скупщиками и продажей прямо въ Москву. Дальнѣйшія изслѣдованія того, какія группы кустарей имѣютъ дѣло со складомъ, и какія нѣтъ, вполне установили, что группа семей, наименѣ состоятельная и по количеству лицъ, и по обеспеченности скотомъ, поставяетъ свои издѣлія мѣстнымъ скупщикамъ, съ земскимъ же складомъ имѣютъ дѣло семьи болѣе сильныя по количеству въ нихъ лицъ, занимающихся промысломъ и болѣе состоятельныя по обеспеченности скотомъ **). Отчего же помощью земства пользуются такимъ образомъ какъ разъ не тѣ, кто въ ней болѣе всего нуждается, болѣе бѣдные производители? Да именно потому, что они бѣдны. Въ своихъ объясненіяхъ они указываютъ, что чистотой ихъ работы не удовлетворяются приѣмщики склада, а имъ некогда учиться, «проучишься — не ѣвши будешь сидѣть», а скупщикъ всегда возьметъ, да и при расчетахъ съ земскимъ складомъ приходится часто терять цѣлый день, да еще ждать этого дня цѣлую недѣлю. А трактирщикъ, тотъ тебя сейчасъ рассчитаетъ, хотя, конечно, не забудетъ и себя. Последнее обстоятельство, конечно, еще можетъ быть отчасти устранено намѣненіемъ внутреннихъ распорядковъ склада, увеличеніемъ оборотныхъ средствъ, но первое гораздо болѣе существенно. «Показанія крестьянъ, пишутъ изслѣдователи, что въ земскомъ складѣ требуется чистая работа, вполне отвѣчаютъ установившемуся въ складѣ порядку,—принимать отъ кустарей товаръ, удовлетворяющій извѣстнымъ вкусамъ и возможно лучшій по качествамъ, каковыми путемъ имѣется въ виду отчасти поднять технику производства; это обуславливается и тѣмъ, что земскій складъ и кустарный музей имѣютъ дѣло съ публикою довольно сравнительно требовательною, съ развитымъ вкусомъ» ***). И пойдетъ нашъ кустарь, можетъ быть,

*) Плетенія изъ прутьевъ по изслѣдованію 1895 г. Приложение къ докладу о содѣйствіи кустарнымъ промысламъ, стр. 34.

**) Тамъ же, стр. 29, 31.

***) Тамъ же, стр. 30.

работавшій самъ другъ съ 7-лѣтней дѣвочкой, испортившей свои слабыя руки надъ плетеніемъ какой нибудь корзиночки изъ ивоваго прута, пойдетъ къ трактирщику, отъ котораго деньги, зачастую, по выраженію крестьянъ, «выпросишь развѣ на молебень». Такъ вотъ во что обходится та чистота отдѣлки и изящество плетенія, которыя плѣniają многихъ въ цвѣтныхъ и кондитерскихъ корзинкахъ московскихъ кустарей, экспонируемыхъ земскимъ музеемъ!

Мы были бы несправедливы, если бы отрицали пользу и значеніе земской дѣятельности по воспособленію кустарной промышленности вообще и дѣятельности московскаго земства въ этомъ направленіи въ частности. Мы хотѣли лишь указать, что въ погонѣ за разрѣшеніемъ одной технической задачи, при игнорированіи экономическихъ отношеній, можно придти къ результатамъ совершенно противоположнымъ тѣмъ, которыя первоначально имѣлись въ виду. Одна изъ функций того же звенигородскаго склада: снабженіе кустарей сырымъ матеріаломъ, ивовымъ прутомъ, камышемъ и травой, блестяще доказываетъ свою цѣлесообразность. Кустари получаютъ въ немъ матеріалъ на 15—20% дешевле, чѣмъ у мѣстныхъ скупщиковъ-торговцевъ. Правда, кустари, работающіе на скупщиковъ, принуждены у нихъ же брать и матеріалъ, но дѣятельность сырьевого земскаго склада понизила цѣны на сырье даже у мѣстныхъ торговцевъ имъ.

Оцѣнивая дѣятельность и успѣхи организаціи по содѣйствію кустарной промышленности Московской губерніи, нельзя упускать изъ виду, что ей приходится осуществлять свои цѣли при обстоятельствахъ особо неблагоприятныхъ. Еще въ первой части нашей статьи указывалось, что процессъ капитализаціи промысловъ, обращенія ихъ въ домашнюю форму крупной промышленности, нигдѣ не подвинулся такъ далеко, какъ въ Московской губерніи. Послѣдніе изслѣдованія 1895 г. показываютъ, что процессъ этотъ, напримѣръ, въ щеточномъ промыслѣ, продолжаетъ дѣлать свое дѣло рядомъ съ распространеніемъ промысла *). Съ одной стороны, если въ промыслѣ и замѣчается увеличеніе мелкихъ промышленныхъ единицъ и уменьшеніе крупныхъ съ 10 и болѣе наемными рабочими, то это объясняется въ значительной степени тѣмъ, что за послѣднее время нѣкоторые болѣе зажиточные хозяева-промышленники переселились въ Москву для промысла. Съ другой стороны участіе въ производствѣ женскаго труда увеличивается, и именно въ формѣ раздачи работы на домъ и поштучной платы за щетку—по 1 коп., отчего деревенскихъ дѣвушекъ, берущихъ эту работу, прозвали «копѣчницами».

Изслѣдователи московскихъ промысловъ ставятъ вопросъ «можетъ ли общественное учрежденіе приходить на помощь мелкимъ производителямъ въ томъ случаѣ, когда данное производство достигло въ своемъ развитіи ступени домашней системы крупнаго

*. Щеточный промыселъ по изслѣдованію 1895 г. стр. 8.

производства, считающейся вообще капиталистической формой производства?» и отвѣчаютъ, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ щеточному промыслу: «да, можетъ». Они видятъ эту возможность въ томъ, что въ производствѣ преобладаетъ ручной трудъ, спросъ на щетку великъ и постояненъ, и есть возможность облизить мелкаго производителя съ крупными заказчиками - потребителями въ родѣ казны. Допустимъ, что это такъ: опыты этого рода посредничества существуютъ и давали блестящіе результаты, наур., въ дѣятельности новооскольскаго земства, исполнявшаго крупные подряды на сапоги при посредствѣ кустарей сл. Ольшанки, или новоторжскаго, съ помощью котораго мѣстныхъ мастерицы выполнили большіе заказы на вышивки для нижнихъ чиновъ морского вѣдомства. Однако, всѣ подобнаго рода опыты производились въ довольно узкихъ предѣлахъ. Но мыслимо ли какому либо общественному учрежденію, въ родѣ земства, подойти къ такой задачѣ, какъ улучшить и притомъ улучшить существенно, положеніе многотысячной арміи домашнихъ ткачей Московской губерніи?

Если имѣть въ виду ничтожность тѣхъ силъ и средствъ, съ которыми до сихъ поръ выступали на помощь кустарной промышленности всей Россіи государство и мѣстные учреждения:—тѣ 80 тыс. ежегоднаго бюджета кустарнаго комитета министерства земледѣлія, которыя, по вычисленію профессора А. Исаева, даютъ не болѣе 2 коп. на кустари *), тѣ 200 тысячъ рублей, которыя составляютъ общую затрату всѣхъ 13—14 земствъ, за все время ихъ дѣятельности повсепособленію кустарнымъ промысламъ, то станеть, можетъ быть, вполнѣ понятнымъ то благодушное отношеніе, какое встрѣчаетъ этотъ вопросъ даже среди представителей крупнаго производства.

Торгово - промышленный съѣздъ, состоявшійся на выставкѣ 1896 г. въ г. Нижнемъ-Новгородѣ на обществѣ собраніи членовъ (а не на кустарной секціи его, сплошь состоявшей изъ благожелателей кустарнаго дѣла) единогласно высказался за воспособленіе кустарной промышленности. Что это? Дѣйствительное ли сочувствіе формѣ мелкаго народнаго производства или сознаніе своей силы, обусловливающееся слабостью противника, который, когда придетъ время, все равно станеть на службу могуществу крупнаго капитала и высшей техники производства?—Какъ бы то ни было, жизнь идетъ медленно, медленно преобразуются экономическія формы, имѣющія глубокіе корни въ прошломъ и настоящемъ, много еще новаго можетъ дать этотъ процессъ преобразованія при вѣчно новомъ сочетаніи общественныхъ силъ и историческихъ традицій, но только одно должно опредѣлять наше отношеніе къ явленіямъ и формамъ текущей дѣятельности—судьба живой и трудящейся личности.

М. А. Плутниковъ.

*) Краткій обзоръ кустарныхъ промысловъ. Изд. Мин. Земл. и Гос. Имущ. Спб. 1896 г., XXXIV.

ИЗЪ АДЫ НЕГРИ.

Fatalita.

Ночью встала она къ моему изголовью.

Въ повелительномъ взорѣ—

Жгучей молніи блескъ и обрызганъ кинжалъ ея кровью.

Мнѣ въ лицо она смотритъ. Дрожу я въ смятеньи,

Слышу: «Я—твое горе.

Мнѣ-ль покинуть тебя, о ребенокъ пугливый.

Я тебя не бросала.

Средь шиповъ и цвѣтовъ до могилы твоей сиротливой

Буду слѣдовать я за тобой, какъ бывало».

«Скройся»!—я зарыдала.

Но со мною осталась она неотступно,

Говоря: «Божья воля.

Ты бороться должна съ тѣмъ, что низко, темно и преступно,

Твоя родина тамъ, гдѣ могилы, неволя.

Такова Божья воля!»

Я, крича, поднялась. «Я надежды желаю,

Друга юности ясной!

О восторгахъ любви въ двадцать лѣтъ я томлюсь и вздыхаю,

Ласки гения, свѣта ищу я—я страдаю, молюсь и вздыхаю.

Скройся, призракъ унылый!»

Слышу: «Тотъ, кто творить, обливаясь кровью,

Тотъ лишь славы достоинъ.

Горя мрачный полетъ мысль святую даруетъ съ любовью,

Побѣждаетъ лишь смѣлый, безтрепетный воинъ».

Я сказала: «Останься!»

А. М. Федоровъ.

Императрица Екатерина и литературное движеніе ея эпохи *).

Извѣстно, что императрица Екатерина обладала ярко выраженными литературными наклонностями; по ея собственному признанію эти наклонности сдѣлали ее писательницей, гораздо болѣе плодотворной, чѣмъ выдающейся. Тѣмъ не менѣе историкъ русской литературы и русскаго просвѣщенія съ полнымъ вниманіемъ долженъ остановиться на личности Екатерины и на ея сочиненіяхъ. Въ сужденіяхъ о ея роли въ литературѣ постоянно и неизбѣжно перекрещиваются оцѣнка личнаго ея вклада въ литературу и исключительныя условія ея положенія. Правда, это была императрица, которая воспиталась и сложила главнѣйшіе свои теоретическіе взгляды подъ сильными литературными вліяніями, привыкла удѣлять литературѣ извѣстное мѣсто не только въ своемъ личномъ, но и въ государственномъ обиходѣ, и если сама не всегда была достаточно внимательна къ голосу литературы, то прекрасно знала, что къ нему прислушиваются другіе. Но съ другой стороны это была писательница, которая имѣла въ своихъ рукахъ совершенно исключительныя средства къ проведенію на практикѣ своихъ взглядовъ независимо отъ ихъ качествъ, и если справедливо сказать Державинъ, что

Екатерина въ низкой догѣ
И не на царскомъ бы престолѣ
Была великою женой,

то несомнѣнно также, что ступени трона дѣлають ея литературную фигуру болѣе крупной и значительной и для насъ, какъ для ея современниковъ.

Но насъ наиболѣе интересуєтъ вопросъ: какъ смотрѣла Екатерина на литературу, какими ея сторонами дорожила особенно, какъ опредѣляла ея задачи и роль въ жизни общества. Мы не можемъ рассчитывать на то, чтобы удалось когда нибудь составить полное литературное *profession de foi* императрицы; она не выясняла его систематически ни для другихъ, ни вѣроятно даже для себя самой,

---

*) Читано въ Москвѣ, въ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности, 17 ноября.

ея взгляды раскрываются передъ нами большею частью отрывочно, разбросанно, по поводу того или другого литературнаго факта, съ которымъ она встрѣтилась на своемъ пути. Разумѣется, это обстоятельство не мѣшаетъ интересу: проигрывая въ цѣльности и полнотѣ, нашъ матеріалъ выигрываетъ въ жизненности и непосредственной правдѣ.

Екатерина явилась на русскомъ престолѣ уже давно сложившейся личностію; каковъ былъ предыдущій ходъ ея развитія и какими литературными взглядами могъ онъ ее снабдить? Изъ ея собственнаго разсказа мы знаемъ, что въ дѣтствѣ было мало обращено вниманія на ея систематическое образованіе, и пора сколько нибудь серьезнаго умственнаго развитія началась для Екатерины лишь съ пріѣздомъ въ Россію. Хотя ей было только 15 лѣтъ, но, очевидно, для роли великой княгини, въ будущемъ русской императрицы, она была сочтена во всѣхъ отношеніяхъ *toute faite*, какъ про нее тогда говорили; по крайней мѣрѣ когда зашла рѣчь объ устройствѣ для нея занятій, то къ безусловно необходимымъ урокамъ «греческой вѣры» и русскаго языка императрица Елизавета сочла нужнымъ прибавить только танцы. Съ тѣхъ поръ Екатерина не знала никакихъ уроковъ, кромѣ совершенно неудавшейся попытки научиться французскому стихосложенію у Де Линьи и Сегюра въ 1787 году; мы не считаемъ очень удачныхъ уроковъ, которые она брала у жизни въ теченіи всей жизни. Но если другіе считали ее готовой хоть на престолъ, она сама была не согласна съ этимъ и много работала надъ собой. Все свое развитіе Екатерина почерпнула изъ чтенія, для котораго имѣла много свободнаго времени въ теченіи 18 лѣтъ своей тяжелой подневольной жизни при дворѣ Елизаветы. Въ этомъ чтеніи главное мѣсто принадлежало произведеніямъ французской просвѣтительной литературы. Послѣ сочиненій Вольтера она стала разборчивѣе въ своемъ чтеніи, Вольтеръ научилъ ее думать, она ученица Вольтера и знаетъ его настолько, что беретъ по слогу отгадывать его сочиненія, она прилежно вчитывается въ словарь Бейля и во французскую Энциклопедію, изъ которой уже въ 80-хъ годахъ продолжаетъ почерпнуть свои свѣдѣнія, ей отлично знакомы сочиненія *Madame de Savigny* и «Президента Монтескье». Все это ярко опредѣляетъ характеръ литературнаго образованія Екатерины, и многіе изъ основныхъ взглядовъ литературы просвѣщенія, упавъ на благодарную почву личныхъ свойствъ Екатерины, сохранились въ ней навсегда.

Что находила Екатерина въ тогдашней русской литературѣ?

При дворѣ прежде всего и понятнѣе многого другого передъ ней должна была выдѣлиться нарождающаяся наша поэзія. Художественная сторона ея была очень слаба, говоря снисходительно; русскій поэтъ половины 18 вѣка еще не подозревалъ, что можно ходить на своихъ ногахъ; онъ боялся запачкаться грязью дѣйствительности и въ тольکو что сшитомъ ему парадномъ кафтанѣ академика или

придворнаго стихотворца, неловко карабкаясь на высокія французскія ходули, учился церемонно выступать въ одѣ и въ трагедіи или старался граціозно присѣдать въ эклогѣ и любовной пѣсенкѣ. Понятно, что эти первыя упражненія были мало изящны. Впрочемъ, о свободной передачѣ душевныхъ движеній въ художественной формѣ тогда не мечтали не только у насъ, но и въ западной Европѣ. 18 вѣкъ былъ прежде всего антипоэтическимъ. Господство разсудка и здраваго смысла, какъ извѣстно, поддерживало во Франціи сухую и чопорную мумію ложноклассицизма долго спустя послѣ того, какъ были расшатаны и опрокинуты многія, гораздо болѣе важныя, правила и авторитеты, и критическій топоръ Вольтера, сплеча рубившій «всѣ завѣтныя отцовскія повѣрья», не могъ нанести ни одного удара извилистому и скользкому, какъ змѣя—по выраженію Пушкина—александрійскому стиху французской трагедіи. Въ причудливыхъ садахъ воображенія и въ лабиринтахъ свободныхъ страстей Шекспира чувствовалъ себя растеряннo разсудочный духъ 18 вѣка, свободно и смѣло, точно въ стриженomъ версальскомъ паркѣ, гулявшій среди правильныхъ логическихъ схемъ и стройной планировки классической трагедіи, какъ и среди разнѣренныхъ восторговъ и обдуманнаго лирическаго безпорядка оды.

Выросши въ такихъ вкусахъ, Екатерина къ тому же и сама обладала далеко не поэтической натурой, *De ma vie je n'ai jamais su faire ni vers, ni musique*, говоритъ она про себя и блистательно доказала это, тщетно стараясь сочинить подъ руководствомъ опытнаго француза четыре строки французскихъ стиховъ на свою собственную неумѣлость:

*Cent fois j'ai pris ma plume et cent fois l'ai jetée,
Ma raison est guindée, ma rime est empruntée,
Ma prose était facile, mes vers sont détestables.*

Вотъ что создала она послѣ массы помарокъ;—дальше дѣло не пошло. Всѣ стихи, которыхъ такъ много въ ея комедіяхъ 80-хъ годовъ, писаны ея секретарями.

Совершенно послѣдовательно включаетъ она въ инструкцію князю Салтыкову о воспитаніи великихъ князей Александра и Константина слѣдующій параграфъ: «Виршамъ и музыкѣ учить не для чего, тѣмъ и другимъ много времени теряется». Однимъ словомъ, во взглядѣ своемъ на поэзію и ея значеніе Екатерина была на уровнѣ ходячихъ понятій того времени: поэзія есть искусство замыслотаго выраженія, пріятно занимающее умъ въ свободное отъ болѣе серьезныхъ занятій время, искусство, особенно пригодное при дворѣ для приданія большаго блеска побѣдамъ и праздникамъ. Комедія хороша потому, что «чиститъ нравы», трагедія—потому, что даетъ образцы высокихъ чувствъ. Такъ тогда думали всѣ или почти всѣ; Екатерина не была исключеніемъ. Она освободила отъ суда и слѣдствія Державина, обвиненнаго неправильно по его мнѣнію и искавшаго правосудія, и приказала ему сказать, что государыня не мо-

жетъ судить пѣвца Фелицы; она съ обворожительной улыбкой говорила ему при встрѣчѣ, что его «труба столь же громка, какъ лира пріятна», и немножко нетерпѣливо побуждала его болѣе заниматься новыми «Видѣніями Мурзы», чѣмъ дѣломъ банкира Сутерманда. Во всемъ этомъ есть много вниманія, но нѣтъ и признаковъ оцѣнки поэзіи Державина, въ которой уже блещетъ заря художественнаго творчества. Державинъ безсознательно, но очень мѣтко охарактеризовалъ эти взгляды своей Фелицы:

Пророкомъ ты того не числишь,
Кто только рифмы можетъ плестъ.
А что сія ума забава—
Калифовъ добрыхъ честь и слава,—
Нисходишь ты на лирный ладъ.
Поэзія тебѣ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.

Къ концу царствованія Екатерины наша поэзія сдѣлала большіе успѣхи и по части художественной формы, и по серьезности содержания, но императрица осталась при своемъ взглядѣ на нее; мы ни изъ чего не видимъ, чтобы идеи и чувства находили себѣ болѣе легкій путь къ ея сознанию путемъ художественной формы. Для этого она обладала слишкомъ дѣловымъ, реальнымъ складомъ ума. Художественныя достоинства ея собственныхъ разнообразныхъ произведеній очень слабы. Она чаще всего писала сатирическія вещи, бывшія тогда во вкусъ времени. Сатирическій духъ, какъ естественное слѣдствіе эмансипаціи разума, былъ общимъ явленіемъ всей европейской литературы 18 вѣка. Онъ соединялся обыкновенно съ поучительностью. Большинство тогдашнихъ литературныхъ произведеній на современномъ языкѣ нельзя назвать иначе, какъ рѣзко тенденціозными; тенденція или по тогдашнему *доброе намѣреніе* даже къ поэтическимъ произведеніямъ для прочности пришивалась крѣпкими бѣлыми нитками; вотъ почему такъ мало видимъ мы художественности въ тогдашней поэзіи. Сатира и мораль составляли тогда неразрывную пару; благонамѣренность писателей служила успокаивающимъ ручательствомъ за образъ мыслей ея буйной подруги; между ними часто не было ничего общаго, онѣ не были родней даже по духу, но опрятный видъ морали заставлялъ снисходительно переносить безпорядочный костюмъ и рѣзкія манеры сатиры. Нельзя сказать, чтобы въ литературѣ никогда не разлучали этихъ сестеръ; одни отваживались выпускать сатиру solo, но это было подѣ силу немногимъ изъ писателей, другіе охотно выводили одну ея скромную подругу, но—это было не подѣ силу многимъ изъ читателей. У насъ въ Россіи, въ силу меньшей высоты художественнаго развитія, это направленіе давало болѣе грубые плоды, чѣмъ въ западной Европѣ. Намѣреніе, авторскій *умыселъ*, высовываясь изъ пьесы сухимъ скелетомъ, портитъ многія мѣста даже въ лучшихъ нашихъ авторахъ, напр., въ комедіи Фонвизина. Не обладая талан-

томъ автора «Недоросля», Екатерина очень часто впадаетъ въ такую антихудожественную «умышленность».

Къ другимъ сторонамъ нашей поэзіи Екатерина была болѣе отзывчива. Извѣстны ея заботы о языкѣ, который она и въ своихъ сочиненіяхъ старалась сдѣлать легкимъ и свободнымъ, о составленіи академическаго словаря; все это имѣло свое значеніе и для поэзіи. Державинъ говорилъ про свою Фелицу, что она написана *съ ея вкусу*; очевидно, и тогда замѣчалось и принималось въ соображеніе ея стремленіе къ свободной, непринужденной формѣ.

Зародившееся въ XVIII вѣкѣ стремленіе къ народности, къ народнымъ пѣснямъ, сказкамъ и преданіямъ не осталось ей чуждымъ. Это національное направленіе литературы XVIII в., до сихъ поръ еще недостаточно оцѣненное и изученное, захватило тогда широкой полосой наше общество; его разнообразныя отраженія можно наблюдать въ лирикѣ и въ эпосѣ, въ комедіяхъ и сатирическихъ журналахъ, серьезныхъ статьяхъ и въ историческихъ работахъ и въ ученыхъ трудахъ академиковъ; отъ бѣглыхъ и случайныхъ вставокъ народныхъ выраженій и пѣсенъ въ комедію или въ стихотвореніе оно доходитъ до собранія народнаго поэтическаго запаса и попытокъ его изученія, отъ инстинктивнаго влеченія возвышается на степень сознательно проводимой программы, ведетъ къ изданію памятниковъ русской исторіи, къ изученію и прошлому и настоящаго Россіи съ цѣлью объяснить ходъ русскаго развитія. Конечно, эта зародившаяся идея о народности, какъ основѣ развитія, и о знакомствѣ съ ней, въ цѣляхъ общественнаго самосознанія, не представлялась Екатеринѣ во всей ея широтѣ, но къ непосредственнымъ отдѣльнымъ ея проявленіямъ она была довольно чутка. Она наполняетъ народнымъ матеріаломъ большинство драматическихъ своихъ произведеній 80-хъ годовъ. Одни изъ ея комическихъ оперъ, какъ богатырь Боеславичъ, цѣликомъ заимствованы изъ русскихъ сказокъ (Боеславичъ черезъ сказку собственно восходитъ къ былинѣ), другія, какъ витязь Ахридѣичъ и Горе-Богатырь, вобрали въ себя много сказочнаго матеріала, третьи наконецъ — Февей и Федулъ съ дѣтьми — написаны въ народномъ складѣ и изобилуютъ пѣснями, сочиненными въ народномъ духѣ или даже полными. Въ исторической драмѣ «Начальное правленіе Олега» на сценѣ происходитъ свадьба Игоря и Ольги съ соблюденіемъ старыхъ русскихъ свадебныхъ обычаевъ и съ тремя подлинными народными пѣснями. Подобными произведеніями Екатерина впадала въ цѣлую струю драматической нашей литературы, очень обильную, и они съ честью занимали тамъ свое мѣсто. Она составила сборникъ русскихъ пословицъ и поручила Богдановичу составить другой; за годъ до смерти она интересуется новооткрытой рукописью Слова о Полку Игоревѣ. Екатерина интересовалась изученіями русской территоріи, которыя были съ успѣхомъ ведены нашими академиками и дали

сверхъ богатыхъ естественно-историческихъ результатовъ массу бытового и этнографическаго матеріала.

Экспедиціи съ участіемъ Палласа, Гмелина, Озерецковскаго, Лепехина, Румовскаго, Иноходцева, Рычкова и др. были снаряжены при ея содѣйствіи. Особенно много вниманія отдаетъ Екатерина исторической наукѣ своего времени. Она слѣдитъ за разработкой архивовъ, даетъ оредства на изданіе историческихъ памятниковъ Новикову, Миллеру и другимъ. Ученымъ историкамъ открывается доступъ къ источникамъ, облегчается изданіе многотомныхъ трудовъ. При ней вышелъ въ свѣтъ цѣлый рядъ такихъ большихъ и солидныхъ работъ по исторіи Россіи, какъ сочин. Щербатова и Болтина. Она сама не разъ берется за перо историка (Записки касательно российской исторіи, Антидотъ). Въ этомъ сильномъ интересѣ къ исторіи руководящей цѣлью Екатерины было—очистить и оправдать прошлое и настоящее русскаго народа отъ несправедливыхъ или чрезмѣрныхъ нареканій, какія раздавались тогда въ Европѣ и подхватывались кое-къмъ и у насъ. Все это — и собственные историческія сочиненія Екатерины, и вызванныя тою же цѣлью защиты солидныя работы Болтина—безспорно содѣйствовало пробужденію національнаго самосознанія, въ которомъ у насъ тогда былъ недостатокъ. На этой почвѣ Екатерина ближе всего сходилась съ Новиковымъ.

Всѣ эти общезвѣстные факты говорятъ за то, что національные интересы встрѣчали въ Екатеринѣ пониманіе и сочувствіе, въ особенностяхъ тогда, когда облекались въ формы реальныхъ условій жизни или фактическихъ нуждъ страны. Но идейная сторона всего движенія на встрѣчу народности и его общественное значеніе оставались для нея какъ-то въ тѣни.

Вполнѣ естественнымъ является фактъ, что Екатерина не пропустила безъ вниманія наиболѣе важныхъ успѣховъ, достигнутыхъ нашимъ просвѣщеніемъ въ ея царствованіе: сатирическаго духа литературы, постепеннаго сближенія ея съ живыми интересами дѣятельности, первыхъ шаговъ публицистики и сознанія общественно-просвѣтительной роли литературы. Она отдала этой сторонѣ дѣла много вниманія и личнаго участія, и если это вниманіе и это участіе не всегда были хорошо направлены, вина въ томъ лежитъ во всякомъ случаѣ не на ней одной. XVIII вѣкъ отличался, между прочимъ, признаніемъ большой силы за печатнымъ словомъ и удивительной, подчасъ дѣтски непоколебимой вѣрой въ его моментальное дѣйствіе на жизнь; обратной стороной этой вѣры обыкновенно было слабое знакомство съ той дѣйствительностью, на которую хотѣли воздѣйствовать, а иногда и просто неуваженіе къ ней. Въ результатъ жизнь шла своимъ порядкомъ, или совсѣмъ или быстро не оправдывая возмавшихся на нее ожиданій. Если человѣкъ былъ ослѣпленъ своей цѣлью, онъ не замѣчалъ этой разладицы, отрицалъ факты, могъ дойти даже до искаженія ихъ; если же онъ замѣчалъ

неуспѣхъ своихъ стараній, онъ или возмущался противъ дѣйствительности, обвинялъ ее въ испорченности и неблагодарности, или, дѣлая ей уступки, отказывался отъ своихъ стремленій, могъ даже идти противъ нихъ, т. е. мѣнялъ одно неправильное отношеніе къ ней на другое, столь же неправильное. Эти слова могутъ служить нѣкоторымъ истолкованіемъ отношенія Екатерины ко многимъ крупнымъ фактамъ тогдашней жизни. Напр., коммиссія депутатовъ, задуманная ею съ самыми благими намѣреніями, не оправдала ея ожиданій; многихъ взглядовъ императрицы по крестьянскому вопросу, очень смѣлыхъ въ первоначальномъ видѣ Наказа, не разделяли даже лица, близко къ ней стоявшія, и убѣдили ее выбросить всѣ рѣшительныя положенія; идеями Наказа не прониклись и даже грубо противорѣчили имъ въ своихъ заявленіяхъ многіе депутаты. Позднѣе, очевидно, вспоминая такіе случаи разочарованія, Екатерина говорила Дидро поучительнымъ тономъ опытнаго человѣка: «Вашими высокими идеями хорошо наполнять книги, дѣйствовать же по нимъ плохо. Составляя планы различныхъ преобразованій, вы забываете различіе нашихъ положеній. Вы трудитесь на бумагѣ, которая все терпитъ: она гладка, мягка и не представляетъ затрудненій ни воображенію, ни перу вашему; между тѣмъ какъ я, несчастная императрица, работаю на человѣческой кожѣ, которая гораздо болѣе раздражительна и разборчива». Въ этихъ словахъ много правды, но они требуютъ одной поправки. Высокія идеи, которыми «наполнила она книгу» своего Наказа, безспорно раздражили кожу многихъ, въ комъ онѣ затронули шкурныя вопросы, но вѣдь не для такого «накожного» дѣйствія, конечно, назначала императрица свои идеи; были люди, которымъ онѣ глубоко западали въ душу и легли тамъ благимъ посѣвомъ. Екатерина же, повидимому, склонна была собирать жатву тотчасъ послѣ посѣва и быстро разочаровалась не только въ плодородіи почвы, но и въ своихъ сѣменахъ; по крайней мѣрѣ, она послѣ не разъ отказывалась признавать за плоды своего посѣва подлинныя отпрыски Наказа въ дѣятельности Новикова, Фонвизина и другихъ.

Особенно ярко это видно на исторіи съ Радищевымъ. Книга Радищева представляетъ изъ себя единственное по полнотѣ и силѣ перенесеніе просвѣтительныхъ идей на русскую дѣйствительность. Это—русская жизнь, разсматриваемая съвзоъ рамки Наказа въ его рукописной редакціи. Лишняго въ Путешествіи будетъ только лиризмъ да нѣсколько сильныхъ неосмотрительныхъ выраженій о верховной власти. Положимъ, въ 1790 году Екатерину жизнь увела довольно далеко даже отъ печатнаго текста Наказа, но всетаки въ ожесточеніи, съ которымъ она отнеслась къ Радищеву, есть что-то аномальное. Многое объясняется тѣмъ, что она читала книгу подъ впечатлѣніемъ французской революціи, но непонятно, какъ могла Екатерина появленіе, хотя бы и вредной, книги въ Россіи приравнять чуть не къ бунту, счастье призывомъ къ нему. Тяжесть наказанія

(судомъ Радищевъ былъ приговоренъ къ смерти, но Екатерина замѣнила казнь 10-лѣтней ссылкой въ Сибирь) удивляетъ не только теперь насъ, но и тогда вызвала замѣчаніе Воронцова: если за вѣтренность назидать смертію, къ чему же тогда приговаривать настоящихъ преступниковъ? Многіе уже тогда были увѣрены, что появившійся книга Радищева раньше, его ожидала бы не ссылка, а милость. Дѣйствительно, въ 1768 году книга Радищева, попавъ въ руки Екатерины въ то время, когда она устраивала въ Вольно-экономическомъ обществѣ конкурсъ лучшихъ сочиненій о крѣпостномъ состояніи, имѣла бы всѣ шансы удостоиться отъ нея первой награды за одинъ проектъ освобожденія крестьянъ въ главѣ Хотилловъ.

Неправильное отношеніе къ дѣйствительности лишило силы попытку Екатерины руководить сатирической литературой въ журналахъ 1769—70 годовъ. Извѣстно, что въ 1769 году издававшійся Екатериной въ сотрудничествѣ нѣсколькихъ близкихъ лицъ анонимно журналъ «Всякая Всячина» былъ толчкомъ къ появленію цѣлаго ряда журналовъ, изъ которыхъ быстро выдѣлился остроуміемъ и серьезностью сатиры Новиковскій Трутень. Бабушка «Вс. Всячина» скоро разошлась съ нѣкоторыми изъ внучатъ, особенно съ Трутнемъ, во взглядахъ на то, въ какомъ духѣ должна производиться сатирическая оцѣнка дѣйствительности, въ «улыбательномъ» или «кусательномъ» (Вс. Всячина стояла за первое), а также въ пониманіи самой дѣйствительности.

Въ этой безпримѣрной полемикѣ, происходившей въ сущности между Екатериной и Новиковымъ, и внутренней, и вѣшной перевѣсъ былъ не на сторонѣ «Всякой Всячины». То полнымъ достоинства тономъ, то ѣдко и остроумно, но безъ злобы нападавъ Трутень на свою противницу, доказывалъ, что ея крайне снисходительная мораль ведетъ къ потворству и распущенности, въ сильныхъ краскахъ изображалъ хищничество, грабительство и неправду, насилие и произволъ вмѣстѣ съ грубымъ невѣжествомъ, какъ давнишнія, закоренѣлыя язвы русскаго общества на всѣхъ его ступеняхъ. Безсильно и сбиваясь съ тона, парировала «Вс. Всячина» нападки на нее, то пытаясь аргументировать, то овысока и неосновательно говоря о необразованности своего противника, то, наконецъ, раздражаясь и впадая въ рѣзкости. Относительно задачъ сатиры по взгляду «Всякой Всячины» оказывалось, что намеки на всякое крупное, дѣйствительно бывшее, злоупотребленіе есть непозволительный персоналитетъ и оскорбляетъ человѣка; можно осмѣивать пороки, отвлекая ихъ сперва отъ дѣйствительной жизни. Въ сущности «Вс. Всячина» ничего не имѣла даже противъ сатиры на лицо (Екатерина охотно прибѣгала къ этому), но лишь подъ условіемъ выбора такихъ недостатковъ, надъ которыми самъ осмѣянный могъ бы посмѣяться. Особенно рѣзко было несогласіе «Всякой Всячины» со взглядами «Трутеня» на состояніе русскаго общества. Присутствіе въ обществѣ

грубости, невѣжества и французскаго обезьянства «Всякая Всячина» охотно признавала, но указанія на лихоимство и неправосудіе, на господство насилия и произвола выводили ее изъ себя. Она теряла самообладаніе и спокойствіе мысли, путалась и противорѣчила себѣ, какъ человѣкъ, защищающій свое личное дѣло во что бы то ни стало. То она говорила мудрымъ старушечьимъ тономъ, что весь свѣтъ не перемытаришь, что если очень юный человѣкъ воображаетъ исправить весь міръ, еженедѣльно выдавая по листочку, то это не бодѣ, какъ «горячка къ бородѣ», что надобно имѣть побольше довѣрія къ попечительному правительству; то сама незамѣтно заботилась той же горячкой и съ комической серьезностью читала правоученія подъячимъ, говоря: стыдно брать взятки (есть извѣстіе, что напечатать это увѣщаніе, Екатерина спрашивала Нарышкина: ну что, читають ли наши судьи «Всякую Всячину»? Нарышкинъ отшутился, что они ждутъ о семъ указа); то, наконецъ, всесторонне разсмотрѣвъ вопросъ въ коротенькой статейкѣ, объявляла, что все неправду нажужжали ей въ уши дурные *шмели*: неправосудіе бываетъ изрѣдка, а чтобы часто было, «сему вѣрить не можно»; лихоимству же бываютъ причиной сами челобитчики, которые *искушаютъ* судей и приказныхъ: если бы послѣднимъ не давали, они бы не брали; самый же простой и легкій способъ не страдать отъ взятковъ,—не судиться и жить мирно.

До такихъ вещей могла договориться Всякая Всячина въ своей апологѣ современнаго положенія вещей. Дѣло объясняется тѣмъ, что Екатерина считала себя создательницей этого современнаго порядка. Вступая на престолъ, она видѣла, что многое дурно въ русской жизни; въ первыхъ ея манифестахъ и указахъ Сенату 1762 года, а также въ секретѣйшемъ наставленіи генераль-прокурору кн. Вяземскому она сама набрасываетъ рѣзкую картину печальнаго положенія государства; финансы, администрація, судъ, высшія правительственныя мѣста и послѣднія канцеляріи—все это въ упадкѣ, въ разстройствѣ; законы не соблюдаются, интересы частныхъ лицъ страдаютъ, правосудіе продажно, отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ часто жестоки—все это она описываетъ, не жалѣя красокъ. Но, казалось ей, дѣлу такъ легко помочь: стоитъ подойти къ народу съ любовью и расположеніемъ. Еще великой княгиней, она, читая французскихъ философовъ-просвѣтителей, горѣла искреннимъ энтузіазмомъ, когда чертила въ своихъ замѣткахъ: «хочу общей дѣли—сдѣлать всѣхъ счастливыми». «Власть, не пользующаяся довѣріемъ народа, ничего не значитъ для государя, желающаго быть любимымъ и царствовать со славой. *Этого легко достигнуть*, имѣя въ виду благо народа и справедливость». Теперь, съ 1762 года получивъ возможность дѣйствовать, одушевленная лучшими намѣреніями и благородными идеями, торжественно заявивъ о своихъ планахъ всему народу, готовая къ реформамъ, Екатерина уже чувствовала себя такъ, какъ будто все вокругъ нея

перемѣнилось или перемѣняется; съ каждымъ днемъ обѣгали мракъ и зло съ лица русской земли отъ теплаго дыханія ея любви къ подданнымъ и таяло какъ воскъ всякое лихо предъ восходящимъ солнцемъ свободы, правды и милости.

Черезъ три недѣли послѣ восшествія на престолъ, она уже пишетъ въ одномъ указѣ: «положили мы главнымъ намѣреніемъ нашимъ, чтобы всегдашнее стараніе имѣть о благоденствіи вѣрныхъ подданныхъ нашихъ, *чему мы и дѣйствительные опыты въ краткое время юсударствованія нашего показали*». Такова была горячая, чисто южешеская вѣра въ моментальную благодѣтельную силу высокихъ началъ. Окружающія условія лишь поддерживали эту вѣру. Пять лѣтъ спустя, когда уже былъ написанъ Наказъ, созвана коммиссія, Екатеринѣ подносили титулъ Премудрой, Великой, Матери Отечества, съ очень характерной рѣчью: «Когда мысленно возримъ на минувшее», говорилося здѣсь: «духъ въ насъ еще трепещетъ. Видѣли мы вѣру поруганную, законы приведенные въ замѣшательство, правосудіе изнемогшее съ паденіемъ законовъ, съ правосудіемъ истребленную совѣсть и добронравіе... Грабительство, лакомство, корыстолюбіе и прочіе пороки, покровительствомъ многихъ лицъ ободренныя, возрастали съ гибелью народа... Перемѣна дивная вдругъ послѣдовала! вреды и неустройства исправлены и прекращены, правосудіе царствуетъ купно съ ея величествомъ на престолѣ. Пороки исчезаютъ и корень ихъ пресѣкается, но съ кротостью, исправляются нравы, просвѣщаются умы, и добродѣтели процвѣтаютъ; вездѣ введены полезныя учрежденія...» Такимъ образомъ Екатеринѣ отъ лица депутатовъ всей Россіи публично было заявлено, что современный порядокъ дѣлъ не имѣетъ ничего общаго съ прошлымъ, исчезнувшимъ безслѣдно пять лѣтъ тому назадъ, и всецѣло обязанъ лично ей всѣми своими совершенствами. Это заявленіе падало на благодарную почву: привычка отдѣлять настоящее отъ прошлаго рѣзкой чертой и связывать все хорошее главнымъ образомъ съ своимъ временемъ и своей личностью уже не покидала Екатерину, несмотря на всѣ поправки, которыя внесъ опытъ въ идеализмъ первыхъ лѣтъ ея правленія. Эта привычка помѣшала ей въ 1769 году увидѣть въ Новиковѣ серьезнаго и крупнаго сотрудника. Она будто оцѣнила его до извѣстной степени въ время этой полемики; высококомѣрное отношеніе къ нему Всякой Всячины къ концу смягчилось, прекратилось и грубо невѣрное толкованіе мотивовъ его сатиры; два-три года спустя Екатерина пишетъ въ его «Живописцѣ», а затѣмъ даже поддерживаетъ своимъ вниманіемъ и средствами его историческія изданія. Но тѣмъ не менѣе они не сошлись. Въ то десятилѣтіе (половина 70 до половины 80 годовъ), когда дѣятельность Новикова постепенно становилась все шире и пріобрѣтала крупное просвѣтительное и общественное значеніе, Екатерина сперва намѣренно игнорируетъ его петербургскіе журналы, начиная съ Утренняго Свѣта, и школы,

заведения имъ на доходы съ журнала, а затѣмъ начинаетъ подозрительно относиться къ его издательству и благотворительности въ Москвѣ, и все завершается катастрофой 1792 года. Много разнородныхъ причинъ стеклось вмѣстѣ и привело къ тому, что Екатерина такимъ образомъ поступила съ человѣкомъ, который, казалось, долженъ былъ стать ея ближайшимъ сотрудникомъ, ибо никто изъ современниковъ не сдѣлалъ столько, какъ Новиковъ, для ея любимой мечты: распространить просвѣщеніе, смягчить нравы и приготовить новую породу людей. Но среди этихъ причинъ видное мѣсто занимаетъ то, что Екатерины были чужды, непонятны и формы дѣятельности Новикова, и самое содержаніе его стремленій. Прежде всего ей (да и не ей одной) было странно, что нашелся человѣкъ, который захотѣлъ и смогъ дѣлать то же, что дѣлала она, но отдѣльно и независимо отъ созданныхъ ею органовъ и программъ: по понятіямъ того времени, онъ долженъ былъ просто проситься на службу къ императрицѣ; частная инициатива, да еще такая крупная, была тогда неслыханной вещью, притомъ она легко могла истолковаться какъ скрытое осужденіе или несогласіе съ просвѣтительными реформами царицы. Екатерина не въ силахъ была признать рядомъ съ своей чужую программу полезной. Да ихъ программы и не сошлись бы во многомъ. Многое въ воззрѣніяхъ Новикова, притомъ органически развивавшихся въ упомянутое десятилѣтіе, противорѣчило привычнымъ, разъ навсегда установленнымъ теоретическимъ взглядамъ Екатерины. Смыслъ русской жизни, ея прошлаго и настоящаго, значеніе западной образованности и разнообразныхъ вліяній и направленій, заходившихъ съ Запада на Русь, вопросы философскіе, педагогическіе, общественные—все это постепенно вставало передъ Новиковымъ во всей жизненной полнотѣ и сложности, переживалось имъ съ сомнѣніями и колебаніями. Просвѣтительная философія, давшая Екатерину основы міросозерцанія, не знала трудностей и сомнѣній: все рѣшалось ясно, твердо, быстро и безповоротно при свѣтѣ разсудка. Екатерина иногда очень была непрочь мыслить формулами. Въ 1777 году Новиковъ заводитъ на средства журнала «Утренній Свѣтъ» два училища при петербургскихъ церквахъ—первый опытъ народной школы—и усиленно хлопочетъ о привлеченіи къ этому дѣлу вниманія и поддержки общества; помимо пожертвованій, онъ ждетъ отъ публики болѣе близкаго участія и помощи, публично и торжественно открывая свои школы, печатая въ журналѣ обращенія къ читателямъ, отчеты о ходѣ дѣла. Училища существуютъ еще въ 1782 году. Какъ разъ въ этомъ году Екатерина занята вопросомъ о народномъ образованіи, выписываетъ для организациі этого дѣла изъ заграницы Янеовича де-Миріево. Она игнорируетъ Новиковскій журналъ и его школы; ей ненужны опыты и пробы, ея взглядъ давно готовъ и вполне твердъ. Храповицкій, только что назначенный къ ней секретаремъ, записываетъ въ своемъ «Дневникѣ» ея слова: «Въ

60 лѣтъ всѣ расколы исчезнуть; коль скоро заведутся и утвердятся народныя школы, то невѣжество истребится само собой. Заведеніемъ народныхъ школъ разнообразныя въ Россіи обычаи приведутся въ согласіе и исправятся нравы». Не схожи были взгляды Новикова и Екатерины и на прошлое русскаго общества. Новиковъ пережилъ въ этомъ вопросѣ нѣсколько фазисовъ: непосредственное увлеченіе стариной, начавшееся въ Трутнѣ, ослабѣвшее въ Живописцѣ и съ новой силой поднимавшееся въ изданіи Вивлюеики и затѣмъ въ Кошелевкѣ, мало по малу соединяется у него съ сознательнымъ противопоставленіемъ старыхъ русскихъ началъ новымъ иностраннымъ влияніямъ, причѣмъ въ рядѣ журналовъ, начиная съ «Утренняяго Свѣта» (1777 г.), кончая «Покоящимся Трудолюбомъ» (1784—85 гг.), можно прослѣдить сліяніе патріотически-національной струи съ идеей европейской образованности. Такого сложнаго процесса не знали взгляды Екатерины. Она могла вооружаться на защиту прошлаго Россіи, когда доказывали, что русскіе не имѣютъ исторіи, но она гораздо чаще и охотнѣе находила дурное въ этомъ прошломъ: на сочувственныя обращенія Трутня къ старинѣ Всякая Всячина отвѣчала обвиненіемъ «нѣкотораго человѣка» въ томъ, что онъ любилъ «изрыть всю вивлюеику неистовствъ и невѣжествъ прежнихъ вѣковъ» для сысканія доказательствъ, что онъ правъ; она не прочь была счесть сатиру Трутня за прежнюю русскую грубость: «Подобнымъ людямъ причина есть жалѣть, что введенная вѣжливость отняла у нихъ родъ сильныхъ доказательствъ, выходящій изъ употребленія, а у невѣжливыхъ бывшій въ обыкновеніи, кулаковъ вмѣсто словъ»; она негодуетъ на «ругательства» Трутня и прибавляетъ даже: «думать надобно, что ему бы хотѣлось за все да про все кнутомъ сѣчь». Чуждая идеи органическаго развитія общества, питомица просвѣтительной философіи не замѣчаетъ противорѣчія, въ которое впадаетъ, заботливо подчеркивая темныя стороны русской жизни въ самомъ близкомъ прошломъ и въ то же время упорно отказываясь признавать многія изъ нихъ въ настоящемъ.

Не должны были пользоваться сочувствіемъ ученицы Вольтера и попытка Новикова (въ Московскомъ Изданіи, Вечерней Зарѣ и Покоящемся Трудолюбцѣ) разграничить полезное и вредное въ просвѣтительной философіи, его скептицизмъ относительно всеобщности разума, признаніе многихъ вопросовъ недоступными для него, требованіе равныхъ съ разумомъ правъ для сердца и возвышенно-нравственный общій тонъ, и самый сентиментализмъ, уже ярко обозначавшійся въ этихъ журналахъ. Выставить, подобно Новикову, чувство, внутреннія стремленія, глубоко заложеныя въ нравственной природѣ человѣка и трудно анаэлизиремыя, какъ важныя основы міросозерцанія, было несвойственно Екатериנѣ, положительный умъ которой, воспитанный критическимъ духомъ времени, всегда стремился къ полной ясности и опредѣленности. Эта разница

сказывалась также въ вопросахъ воспитанія, глубоко интересовавшихся обоихъ. На педагогическихъ воззрѣнiяхъ Екатерины, которыя открываются намъ не только въ ея сочиненiяхъ, но и въ цѣлой воспитательной системѣ, признанной на практикѣ ею вмѣстѣ съ Бецкимъ, также видна печать разсудительности; отношенiе къ живому педагогическому матеріалу обнаруживаетъ нѣкоторую механичность, стремленiе создавать людей по шаблону и увѣренность въ возможности этого. Воспитательное влiяніе Новикова и его кружка было проще, теплѣе, естественнѣе и шире, что достаточно доказывается не только появленiемъ Карамзина, но всѣми традиціями Московскаго Университета и Благороднаго Пансіона.

Но обширная дѣятельность Новикова была извѣстна Екатеринѣ далеко не вполне и далеко не въ истинномъ своемъ видѣ. Она осудила эту дѣятельность, не проникнувъ въ ея значенiе и, повидимому, даже мало приложивъ къ тому искренняго желанiя. Правда, главная суть стремленiй Новикова нѣсколько могла затемниться въ ея глазахъ присутствiемъ въ нихъ масонскаго элемента, а масонство въ свою очередь складывалось тогда изъ такихъ разнородныхъ частей, которыя требовали усиленнаго вниманiя и большого труда для ихъ правильнаго анализа. Во всякомъ случаѣ Екатерина разобралась въ этихъ сложныхъ и важныхъ явленiяхъ русской жизни очень неудовлетворительно. Она увѣрила, что дала себѣ трудъ познакомиться съ обширной масонской литературой, но, если это и было такъ, она должна была потерпѣть крушенiе именно потому, что ограничилась книгами, ибо масонскія книги и русскіе масоны въ жизни—двѣ вещи, часто совершенно непохожія другъ на друга. (Слѣдуетъ замѣтить, что и въ наши дни русское масонство иногда изслѣдовалось по методу Екатерины Великой). Взглядъ на масоновъ въ комедіяхъ Екатерины 80-хъ годовъ Обманщикъ, Обольщенiй, и Шаманъ Сибирскій стоятъ на уровнѣ ходячихъ толковъ тогдашняго петербургскаго общества; дѣятельность Новикова и Шварца ничѣмъ почти не отличена отъ [шарлатанскихъ фокусовъ Калиостро или публичныхъ опытовъ магнетизма, которые, по словамъ Державина, показывала въ 1786 г. въ Петербургѣ какая-то генералъ-маiorша Ковалинская. Что мудренаго, что «нѣкая знатная персона» въ 1791 г., въ Москвѣ распускала про Новикова и Лопухина слухи, что они фальшивые монетчики, потому что подаютъ бѣднымъ по 5 руб., если уже сама Екатерина въ 1792 г. говорила Храповицкому: «всѣхъ картинистовъ обманывалъ поручикъ Шредеръ; они до того доходили, что призывали чертей: все найдено въ бумагахъ Новикова». Любопытно, что московскихъ масоновъ Екатерина и всѣ иначе не звали, какъ картинистами (или для остроумiя мартышками), т. е. послѣдователями секты нѣкоего Мартина; картинистомъ называетъ Храповицкому Екатерина и Радищевъ. Между тѣмъ въ только что опубликованной перепискѣ главныхъ дѣятелей московскаго масонства—Лопухина и кн. Н. Тру-

«бездного съ отправленнымъ за границу Кутузовымъ выясняется любопытная вещь. За годъ до ареста Новикова кн. Трубецкой пишетъ Кутузову: «Толки о такъ называемыхъ мартинистахъ, кажется, совсѣмъ унялись; а же отъ тебя жду извѣстія, какіе это люди и въ чемъ состоитъ ихъ система, ибо, бывъ въ чужихъ краяхъ, гдѣ они подлинно, сказываютъ, есть, тебѣ легко провѣдать». Кутузовъ со смѣхомъ отвѣчалъ, что такой секты нѣтъ, а «источникъ сего баснословія въ одной французской книжкѣ Mercier; онъ первый составилъ сію секту изъ книги Des ergeurs et de la verité, книгу сію читалъ, но есть ли у нея послѣдователи, не знаю». Такимъ образомъ, масонамъ приписывались извѣстныя воззрѣнія секты мартинистовъ, они обвинялись въ принадлежности къ этой сектѣ, но они сами впервые узнавали о значеніи этого слова. О взглядахъ московскихъ дѣятелей Екатерина освѣдомлялась по Энциклопедіи и по французской книжкѣ Зеркало Парижа! Источники Екатерины объединяли въ одно цѣлое Радищева, гр. Каліостро и Новикова!

Такимъ образомъ Екатерина, своими реформами вызвавъ къ дѣятельности многія живыя силы общества, создала обширную и разнообразную литературу, въ которой участвовала сама, за которой слѣдила и которую стремилась поддерживать и направлять. Во многихъ случаяхъ ей это удавалось и исторія не забудетъ этихъ ея заслугъ. Но справедливость заставляетъ признать, что общественно литературная дѣятельность, пробужденная Екатериной, достигала иногда такихъ сложныхъ и своеобразныхъ формъ, которыя не входили совершенно въ преобразовательныя цѣли императрицы, являлись для нея чуждыми и новыми настолько, что она оказывалась не въ силахъ не только ими руководить, но и найти имъ соответствующее ихъ значенію мѣсто въ дѣйствительности. Причины этого лежали отчасти въ свойствахъ той подготовки, которою обладала императрица для выполненія лежавшихъ на ней задачъ.

Екатерина усвоила себѣ многія свѣтлыя стороны литературы просвѣщенія. Признаніе правъ разума, уваженіе къ человѣческому достоинству, права человѣка на свободу личности, стремленіе къ гуманности и къ законности — все это переживалось ею и даже формировалось ею въ остривочныхъ афоризмахъ еще до вступленія на престолъ. «Наказъ» — первое ея литературное произведеніе и самое важное по вліянію на русскую литературу — былъ плодомъ этого настроенія императрицы. Какова бы ни была роль Наказа и связанной съ нимъ комиссіи депутатовъ въ исторіи нашего законодательства и нашихъ учрежденій, но идейное значеніе ихъ было громадно. Наказъ вызвалъ къ жизни и пробудилъ въ русскомъ обществѣ много свѣжихъ силъ и надолго создалъ возможность выраженія стремленій и чаяній лучшихъ русскихъ людей, опредѣливъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и самое содержаніе этихъ стремленій. Идеи Наказа облегчали Новикову его сатирическій путь, онъ вливался благородной струей въ поэзію Державина, съ ними тѣсно

слита комедія Фонвизина, быть можетъ ихъ отзвуки слышны иногда даже въ Путешествіи Радищева. Но міровоззрѣніе, которымъ снабжала французская просвѣтительная литература своихъ адептовъ, имѣло свои недостатки, которые были тѣсно связаны съ достоинствами, составляя ихъ обратную, тѣневую сторону. Обобщенія, универсальность и смѣлость выводовъ пріобрѣтались нерѣдко цѣною слишкомъ большой теоретичности, оторванности отъ жизни.

Отвлеченно-критическій духъ литературы просвѣщенія, отношеніе къ дѣйствительности съ точки зрѣнія общихъ разсудочныхъ нормъ и афоризмовъ, игравшихъ роль аксіомъ, стремленіе создавать стройныя теоріи и нѣкоторое презрѣніе къ фактамъ жизни, досадно торчавшимъ наружу изъ логическихъ рамокъ системы; однимъ словомъ, стремленіе произвольно накладывать на жизнь предвзятая воззрѣнія и слабо развитое умѣнье извлекать изъ самой дѣйствительности ея высшій смыслъ—вотъ недостатки, которыми страдали даже систематически выработанные взгляды крупныхъ писателей того времени. Отъ нихъ плохо защищали даже выдающійся умъ и солидное образованіе, они оказывались противорѣчіями въ воззрѣніяхъ или разладомъ между теоретическими взглядами и практической дѣятельностью. Легко видѣть, что при извѣстныхъ условіяхъ эти недостатки способны были перерождаться въ крупныя противорѣчія, въ искаженія. Тогда культъ разума переходилъ въ культъ своего разума, высокомерное отношеніе къ дѣйствительности не давало замѣчать, что жизнь всегда сложнее, чѣмъ она кажется, вело къ грубому, поверхностному анализу ея явленій и къ непониманію ея истиннаго смысла; при этомъ обыкновенно развивается сознаніе своей непогрѣшимости, нетерпимость къ чужимъ мнѣніямъ, которыя, когда они не понятны или даже просто не поняты, съ плеча признаются ложными и нелѣпыми; въ результатъ человекъ нерѣдко сжигаетъ на практикѣ то, чему продолжаетъ поклоняться въ теоріи, или даже прямо начинаетъ кланяться тому, что раньше сжигалъ.

Этой опасности не вполне удалось избѣжать Екатеринѣ, когда русская дѣйствительность выдвинула передъ ней наиболѣе сложныя и запутанныя свои явленія. Справедливо, впрочемъ, будетъ прибавить, что она была обязана во всемъ своимъ развитіемъ исключительно самой себѣ; среда, окружавшая ее съ дѣтства, могла дать ей только одно дурное и ничѣмъ не поддерживала ея хорошихъ стремленій въ ту пору, когда складывались убѣжденія юной великой княжны. Она желала добра своей странѣ, старалась лично познакомиться съ ней и ея разнообразными нуждами, особенно въ первые годы правленія, когда въ ней было много энергіи и отзывчивости; въ извѣстной мѣрѣ она достигла всѣхъ намѣченныхъ цѣлей. Не должно быть забыто и то, что положеніе Екатерины возлагало на нее громадныя обязательства, при выполненіи которыхъ она нерѣдко встрѣчала кругомъ себя поддержку лишь своихъ дурныхъ сторонъ и своихъ ошибокъ.

А. Е. Грузинскій.

ЖЕРТВА.

(Святочный рассказъ).

Это произошло въ раннее зимнее утро. Было еще совсѣмъ темно, на чистомъ небѣ догорали звѣзды. Вся земля покрылась выпавшимъ въ теченіе предыдущаго дня снѣгомъ.

Базаръ еще не начался, но со всѣхъ сторонъ къ нему съѣзжались возы, запряженные лошадьми и волами. Крестьяне изъ сосѣднихъ селъ везли кое-что для продажи, другіе собирались дѣлать покупки.

Снѣгъ хрустѣлъ подъ колесами; отъ теплыхъ лошадиныхъ спиць подымался паръ; на возахъ сидѣли мужики и бабы. Но городъ еще спалъ, въ немъ не начиналась еще дѣловая жизнь.

Въ узкомъ переулкѣ, неподалеку отъ площади, гдѣ останавливались возы, у темнаго каменнаго забора стояла, прижавшись къ нему, высокая фигура, казавшаяся неподвижной. Неподалеку отсюда горѣлъ газовый рожокъ въ уличномъ фонарѣ, но свѣтъ отъ него былъ слишкомъ слабъ и оставлялъ высокую фигуру въ тѣни. Однако, присмотрѣвшись къ ней, можно было разглядѣть на длинномъ худомъ туловищѣ маленькую голову, прикрытую круглой фуражкой, приплюснутой къ самой головѣ, безъ козырька. Изъ подъ фуражки свѣшивались влочья сѣдыхъ волосъ, сѣдины проглядывали въ жиденькихъ усахъ и въ рѣденькой бородекѣ. Онъ слегка согнулся и, повидимому, дрожалъ отъ холода. Костюмъ его весь состоялъ изъ рваныхъ сапоговъ, коротенькихъ брюкъ и длиннаго, страннаго вида, плаща, висѣвшаго на немъ, какъ на древесномъ суку, образуя со всѣхъ сторонъ глубокія складки. Плащъ этотъ былъ сильно потертъ, порывалъ и кое-гдѣ въ немъ просвѣчивали замѣтныя дыры.

Казалось, онъ чего-то ждалъ. Можно было даже подумать, что ожиданія его имѣли какое то отношеніе къ небу, потому что онъ часто подымалъ голову и посматривалъ на звѣзды. Но онъ ничего не ждалъ отъ неба; ему надо было только знать, скоро-ли погаснутъ звѣзды и наступитъ тотъ часъ, между ночью и утромъ, который онъ считалъ самымъ удобнымъ для своего ремесла.

Этотъ часъ наступилъ. Морозъ слегка приналегъ. По пустыннымъ улицамъ стала быстро двигаться какая то тѣнь. Она приближалась къ фонарямъ, и тотчасъ фонари гасли и становилось совсѣмъ темно. Тогда и высокій человѣкъ двинулся съ своего мѣста и, ступая по свѣгу тихо и осторожно, направился къ базарной площади.

Съѣздъ возовъ уже кончился. Деревянные лавки, которыми на половину была застроена площадь, еще не отпирались. На базарѣ не было замѣтно обычнаго торговаго движенія. Высокій человѣкъ однако-же не пошелъ на самую площадь, а какъ то все обходилъ ее сторонкой и, повидимому, очень опытнымъ глазомъ осматривалъ ее во всѣхъ подробностяхъ.

Мужицкіе возы стояли рядышкомъ, одинъ около другого, въ томъ мѣстѣ, которое было для нихъ отведено разъ навсегда. Распряженные лошади и волы были тутъ же у своихъ дышлѣ и оглоблей, только головы ихъ были обращены къ повозкамъ; они уткнули ихъ въ сѣно и мирно, неторопливо жевали. Ни мужиковъ, ни бабъ не было видно. Можно было замѣтить, что съ нѣкоторыхъ возовъ свѣшивались мужичьи ноги въ толстыхъ юхтовыхъ сапогахъ, и тогда на возу раздавался храпъ. Но большинство пріѣзжихъ оставили свои телѣги съ лошадьми и волами и отправились въ трактиръ грѣться чаемъ. Базарный сторожъ съ соннымъ и чрезвычайно недовольнымъ лицомъ ходилъ отъ одного конца площади къ другому, стуча своей толстой палкой о мерзлую землю. Онъ, конечно, долженъ былъ наблюдать за тѣмъ, чтобы на возахъ все было цѣло, но видѣлъ-ли онъ что нибудь послѣ того, какъ не спалъ всю ночь, неизвѣстно.

Высокій человѣкъ въ длинномъ плащѣ, сдѣлавъ нѣсколько туровъ вокругъ площади, все больше и больше приближался къ возамъ. Очевидно, онъ изучалъ положеніе дѣлъ. Онъ пристально всматривался въ темноту ночи, и его зоркіе глаза видѣли все, что дѣлалось на возахъ. Два раза въ недѣлю бывали базарные дни, два раза въ недѣлю онъ точно также являлся сюда и осматривалъ каждый возъ, который былъ знакомъ ему во всѣхъ подробностяхъ. Онъ могъ различать ихъ не только по особенностямъ строенія, но и по лошадямъ, — по цвѣту ихъ гривъ, по воламъ, — по формѣ ихъ роговъ. Теперь весь вопросъ для него заключался въ томъ, какой именно возъ представляетъ побольше выгоды и поменьше опасности. Очевидно, такимъ возомъ долженъ быть тотъ, который стоитъ поближе къ нему и подальше отъ ночного сторожа, тотъ, на которомъ никто не спитъ и хозяева котораго ушли въ трактиръ. И онъ теперь выбиралъ.

Вотъ онъ остановился на одномъ. Онъ стоялъ въ пяти шагахъ отъ него. На возу лежали какіе то мѣшки, должно быть,

съ хлѣбомъ, пестрый коврикъ прикрывалъ ихъ на половину. Въ передней части было намощено сѣно, а на сѣнѣ помѣщался какой то продолговатый свертокъ, прикрытый ряженцемъ. Вотъ этотъ то свертокъ и привлекъ особенное вниманіе высокаго человѣка въ длинномъ плащѣ. Подсказала ли ему это многолѣтняя опытность, или имъ руководилъ двухдневный голодъ, но ему почулось, что въ этомъ сверткѣ должно быть что то сѣстное. Онъ осмотрѣлся, еще разъ убѣдился въ томъ, что ни сторожа, ни городского въблизи нѣтъ, что все кругомъ спитъ и менѣе всего склонно наблюдать за нимъ, въ два прыжка очутился около намѣченнаго воза, схватилъ свертокъ и быстрыми шагами удалился въ тотъ самый проулокъ, изъ котораго вышелъ.

Онъ несъ свой свертокъ подъ широкимъ плащемъ. Его озябшія руки потеряли чувствительность, и онъ не могъ различить, что собственно у него въ рукахъ. Онъ думалъ только о томъ, чтобы поскорѣе проскользнуть черезъ всѣ кривые переулки, минуя большія улицы, и выйти за городъ, гдѣ онъ всегда чувствовалъ себя свободнымъ гражданиномъ. Ему приходилось для этого дѣлать большой кругъ. Путь его всегда былъ гораздо длиннѣе, чѣмъ путь обыкновеннаго человѣка. Это происходило отъ того, что онъ зналъ всѣ улицы, гдѣ стояли городовые, и старался избѣгать ихъ. Среди городскихъ у него были большія знакомства, но онъ не гордился этими связями. Онъ предпочиталъ не встрѣчаться съ этими людьми, которые, хотя и разговаривали съ нимъ благосклонно, но не внушали ему довѣрія.

И на этотъ разъ онъ не могъ обойтись безъ такой встрѣчи. Какъ разъ у фонаря, до котораго еще не дошла очередь, чтобы его погасили, онъ встрѣтилъ усатаго полицейскаго, который при видѣ его усмѣхнулся и спросилъ:

— А, Сѣрый, куда это тебя несешь?

Но Сѣрый не отвѣтилъ на этотъ вопросъ, а, быстро проскользнувъ мимо полицейской власти, слился съ утренней темнотой.

Его называли Васька Сѣрый. Странно было давать столь уменьшительное имя человѣку такого почтеннаго возраста и при томъ еще носившему такой длинный и широкій плащъ. И почему его такъ называли? Плащъ его былъ коричневаго цвѣта. Онъ сильно выцвѣлъ, но все-же не сдѣлался сѣрымъ. Вотъ развѣ лицо,—оно дѣйствительно было какого то землястаго цвѣта и, благодаря сѣдинамъ, казалось сѣрымъ. Но все равно, его такъ называли, и онъ никогда противъ этого не возражалъ. Въ его ремеслѣ имя не играло никакой роли.

Когда онъ вышелъ на окраину города и очутился въ степи, стало совсѣмъ темно, но это только заставило его ускорить

шаги. Онъ зналъ, что это была темнота передъ самымъ разсвѣтомъ и что сейчасъ на востокъ начнетъ розовѣть небо, и далекій еще солнечный свѣтъ будетъ потихоньку пробиваться сквозь ночную тьму. А онъ больше всего боялся дневного свѣта.

Вотъ городъ остался далеко позади; онъ свернулъ съ большой дороги и пошелъ, какъ могло показаться, совсѣмъ безцѣли; но, дойдя до полуразрушеннаго каменнаго зданія, когда-то служившаго казармой для войскъ, онъ остановился и, въ послѣдній разъ оглядѣвшись во всѣ стороны, какъ бы желая убѣдиться, что никто не слѣдитъ за его движеніями, онъ вдругъ совершенно внезапно куда-то исчезъ.

Это была настоящая собачья конура. Надо было отпихнуть что-то вроде тяжелой двери, чтобы очутиться въ темномъ помѣщеніи, гдѣ сразу вошедшаго охватывала ѣдкая подвальный сырость.

Держа свой свертокъ подъ мышкой, онъ пошарилъ въ карманѣ, отыскалъ спички и зажегъ огарокъ. Помѣщеніе было маленькое, съ нависшимъ полукруглымъ потолкомъ изъ желтой глины, съ землянымъ поломъ. Можетъ быть, прежде это былъ погребъ или кладовка. Въ углу на землѣ была разсыпана солома, и на ней лежало ряденце.—Это походило на постель. Посреди комнаты стоялъ табуретъ, рядомъ съ нимъ лежалъ большой камень, который тоже могъ служить для сидѣнія. Мигавшій свѣтъ огарка какъ то грустно падалъ на всѣ эти предметы и тускло освѣщалъ ихъ. Кажется, больше ничего не было въ этомъ помѣщеніи.

Высокій человѣкъ снялъ съ табурета свѣчу и поставилъ ее на камень; затѣмъ вынулъ изъ подъ полы свою ношу и положилъ ее на табуретъ.

«Тутъ что то теплое»,—подумалъ онъ, чувствуя, что руки его, прежде сильно озябшія отъ мороза, согрѣлись. Теперь онъ разглядѣлъ, что ноша его была завернута въ шерстяной женскій платокъ. По привычкѣ оцѣнивать всякую вещь, попавшую въ его руки, онъ тотчасъ же мысленно опредѣлялъ, сколько можно получить за этотъ платокъ. Въ такомъ трудномъ ремеслѣ, каково было его, ни одна вещьца не должна пропадать даромъ.

Онъ только что собрался развернуть свою ношу, въ полной увѣренности, что найдетъ въ ней готовый завтракъ, какъ его поразило странное обстоятельство. Ему показалось, что свертокъ какъ бы слегка задвигался. Онъ поднялъ брови и въ первую минуту нѣсколько оцѣпенѣлъ. Но затѣмъ онъ прикоснулся къ платку и, отдернувъ край его, вдругъ отскочилъ.

Это было невѣроятное открытіе. Онъ не повѣрилъ своимъ глазамъ, подошелъ еще разъ къ табурету, взялъ съ камня ога-

рокъ и, поднеся его къ свертку, сталъ присматриваться. Но это было такъ, тутъ не было ни малѣйшей ошибки. Маленькое, круглое красное лицо ребенка выглядывало изъ подъ тряпокъ. Глаза его были закрыты, онъ спалъ.

Сѣрый сперва пожалъ плечами, потомъ перекрестился, какъ бы желая отогнать отъ себя видѣнiе, но въ тоже время онъ совершенно ясно понималъ, что это не видѣнiе, а передъ нимъ лежитъ настоящій живой младенецъ.

Какъ это могло случиться? Очевидно, на возу прѣѣхала баба. Ребенокъ былъ очень малъ, она не могла оставить его въ деревнѣ, она кормила его своимъ молокомъ. Въ городѣ онъ заснулъ. Въ пеленкахъ, въ одѣяльцѣ, въ шерстяномъ платкѣ ему было тепло; баба не захотѣла стѣснять себя и, оставивъ его на возу досыпать свой сладкiй утреннiй сонъ, пошла по дѣламъ или въ трактиръ. Она понадѣялась на бдительность сторожа, да и кому придеть въ голову украсть младенца?.. Кому онъ нуженъ?

А свертокъ шевелился все замѣтнѣе, ребенокъ открылъ глаза, потомъ задвигались его маленькiя губы, сложились въ жалобную гримасу, и вдругъ въ конурѣ, при свѣтѣ сальнаго огарка, раздался слабый дѣтскiй пискъ. Сѣрый посмотрѣлъ и послушалъ съ минуту, потомъ побѣжалъ къ двери, плотно прикрылъ ее на задвижку, затѣмъ вернулся къ своей ношѣ и, съ видомъ полной растерянности, опустился на камень.

Онъ никакъ не могъ придти въ себя отъ неожиданности и изумленiя. А ребенокъ плакалъ, голосъ его становился все звонче и звонче. Могли услышать этотъ крикъ люди, проѣзжавшiе по большой дорогѣ; могли быть и пѣшеходы, которые обратятъ на это вниманiе. Какъ быть?

Тогда онъ бережно взялъ въ руки младенца, началъ ходить по комнатѣ и тихонько раскачивать его изъ стороны въ сторону.

— Ну, спи, спи, спи!—говорилъ онъ, стараясь выраженiемъ своего голоса убаюкать его,—что тебѣ толку въ томъ, что ты будешь кричать? Спи.

Онъ никогда еще въ жизни не держалъ въ рукахъ ребенка, но зналъ, что ихъ укачиваютъ и этимъ заставляютъ спать. И онъ дѣлалъ это. Онъ испытывалъ странное ощущенiе, когда ребенокъ началъ затихать въ его рукахъ и потомъ заснулъ. Вѣдь вотъ, всѣ его считаютъ звѣремъ, сторонятся отъ него, а младенецъ затихаетъ и спитъ на его рукахъ, какъ на рукахъ какой-нибудь бабы.

Опять онъ сидѣлъ на камнѣ близъ него, смотрѣлъ на его закрытые глаза, и мысли его забирались въ глубь его собственной жизни, и вся она, эта жизнь, вставала передъ нимъ въ цѣломъ рядѣ событiй, какъ живая.

Ничего отрадного не было въ этой жизни. Помнить онъ себя ребенкомъ, помнить мать, которая всегда плакала и ходила съ синяками, отца, который вѣчно былъ пьянъ, колотилъ и его, и ее. Потомъ, когда ему стало лѣтъ девять, его отдали къ мастеру обучаться сапожному ремеслу. Изъ этого времени онъ помнить только одно,—что его здѣсь продолжали бить также, какъ и дома; но кромѣ того, еще онъ помнить тоску и одиночество, которыя тогда привязались къ нему на всю жизнь. Потомъ всѣ его родные перемерли, у него не стало матери, единственного существа, которое его любило, да и отца ему было жаль, хотя онъ за всю жизнь ничего не сдѣлалъ ему добраго.

Мастерство ему не удалось. Когда человѣкъ постоянно испытываетъ тоску одиночества, когда у него нѣтъ никого близкаго, когда его никто не любитъ, дѣло не пойдеть ему на мысль. Изъ мастерской его скоро выгнали и онъ очутился на улицѣ. Вотъ тутъ то началась та жизнь, которая никогда уже потомъ не мѣнялась на другую. Голодъ заставилъ его изобрѣтать средства—отыскать что нибудь для пропитанія. Оборванный, исхудалый, дикій на видъ, онъ не могъ найти себѣ работы. Онъ попалъ въ общество такихъ же оборванцевъ, которые раньше его рѣшили задачу. Онъ принялся добывать себѣ хлѣбъ мелкимъ воровствомъ, попадалъ въ тюрьму, потомъ опять принимался за старое дѣло и опять въ тюрьму. Сколько разъ у него была мысль о томъ, чтобы взяться за честную работу! Сколько разъ ему даже удавалось начать ее,—но скоро узнавали, кто онъ, откуда вышелъ, и ему отказывали и опять выгоняли на улицу.

Вѣчный страхъ за свою жизнь, боязнь всего и всѣхъ, вѣчная оглядка и притомъ всегда одинъ и одинъ... Товарищи по ремеслу не могли быть его друзьями. Всѣ они смотрѣли на одинъ и тотъ же кусокъ, всѣ были голодны. Малѣйшая удача у одного способна была рассорить ихъ и сдѣлать врагами...

И вотъ ему теперь пятьдесятъ лѣтъ. Волосы его порѣдѣли и побѣлѣли, все лицо его въ мелкихъ морщинахъ, лобъ изрѣзанъ глубокими складками, и онъ все таки одинъ и одинъ... Его трущоба—единственное, чѣмъ онъ обладаетъ, но и ее онъ не можетъ считать своимъ постояннымъ жилищемъ. Много ихъ, такихъ, какъ онъ, скитаются по этимъ норамъ, но имъ постоянно приходится мѣнять мѣста, чтобы ихъ не нашли.

Онъ поднялся и стоялъ надъ табуретомъ, немного наклонившись, чтобы лучше видѣть лицо ребенка. Свѣча горѣла тускло и мигала, онъ подумалъ, что младенцу неудобно лежать такимъ образомъ и началъ устраивать ему гнѣздо изъ

какихъ то тряпокъ, которыя нашлись у него въ постели. Младенецъ спалъ.

Никогда за всю жизнь около него не было близко живого существа; онъ всѣхъ боялся и на всѣхъ смотрѣлъ, какъ на враговъ, а оно, это маленькое живое существо, тутъ, близъ него, и онъ его не боится. Но вѣдь это единственное существо, котораго онъ не боится. Всякій можетъ остановить его на улицѣ или ворваться въ его нору и сказать ему: ты воръ! А этотъ можетъ только безпомощно плакать и просить пищи.

Скоро онъ опять проснется и захочетъ ѣсть. Но у него нѣтъ ничего. Въ углу стоитъ жестяная кружка съ водой, рядомъ, на доскѣ лежатъ кусокъ чернаго хлѣба, но вѣдь это все ему не годится. Онъ подошелъ къ двери, отодвинулъ задвижку и пріотворилъ ее. Уже свѣтало, и тутъ только онъ пришелъ въ себя и вполнѣ опомнился.

Что дѣлать? Только теперь все совершенно ясно представилось ему. Что онъ будетъ дѣлать съ этимъ пискуномъ? Вѣдь онъ и себя самого прокормить не можетъ, ему самому приходится иной разъ голодать по нѣскольку дней, а вѣдь его надо держать въ теплѣ, нужно добывать ему нѣжную пищу, потому что онъ малъ и слабъ. Отдать его, отнести обратно,—но какъ это сдѣлать? Не можетъ же онъ среди бѣла дня нести его черезъ городъ подъ цолой. Вдругъ онъ подыметъ среди улицы крикъ, и тогда все объяснится.

Опять онъ стоитъ надъ табуретомъ и глядитъ на ребенка. Онъ видитъ, какъ тотъ задвигалъ губами и скривилъ ротъ, должно быть его мучаетъ голодъ, и ему снится мать, которая собирается покормить его грудью. И Сѣрый задумался глубоко. Его положеніе было трудное. «Что ты за существо?—спрашивалъ онъ ребенка, который, конечно, не могъ отвѣтить ему на этотъ вопросъ: ты—мужичье дитя, тебя вырастили-бы въ крестьянской хатѣ, въ теплѣ, а потомъ ты сталъ бы работникомъ и всю свою жизнь прожилъ бы на нивѣ за сохой. Никто изъ близкихъ тебѣ людей никогда не думалъ, что ты будешь лежать въ воровской норѣ, съ глазу на глазъ со старикомъ, который всю свою жизнь воровалъ чужое добро и этимъ жилъ. Не холодно ли тебѣ? Не твердо-ли лежать на этой доскѣ?»

Ребенокъ опять вачалъ кривиться и заплакалъ. Сѣрый уже съ нѣкоторымъ навыкомъ взялъ его на руки и началъ укачивать. Какой онъ теплый! И отчего у него самого теперь, когда онъ держалъ его у своей груди, сердце начало такъ сильно биться?—Ну, спи, спи, экій неугомонный! Вотъ если бы кто нибудь вдругъ неожиданно пришелъ и увидѣлъ Ваську Сѣраго съ маленькимъ ребенкомъ на рукахъ! Онъ не повѣрилъ бы и, перекрестившись, убѣжалъ бы, какъ [отъ дьявольскаго навожденія.

А ребенокъ все плачетъ,—должно быть онъ хочетъ ѣсть. Онъ выпячиваетъ свои толстыя губы, и у него такое жалобное выраженіе въ глазахъ.

Сѣрый подошелъ къ кружкѣ съ водой, взялъ кусочекъ хлѣба и размочилъ его въ водѣ, потомъ онъ постарался запихать это кушанье ребенку въ ротъ, и тотъ началъ довѣрчиво сосать хлѣбъ; это его успокоило, онъ опять заснулъ.

Теперь въ головѣ у Сѣраго засѣла одна неотвязная мысль: достать молока, во что бы то ни стало достать молока, хотя бы изъ за этого пришлось идти въ тюрьму! Онъ уложилъ младенца въ построенное имъ самимъ гнѣздо, погасилъ свѣчу и вышелъ, плотно заперевъ дверь на засовъ.

И земля, и небо, и воздухъ, и дорога, все казалось ему теперь инымъ, не такимъ, какъ было прежде. Онъ былъ взволнованъ, онъ и прежде всегда былъ взволнованъ. Онъ дрожалъ за завтрашній день и за свою шкуру. Но это было не то. Теперь онъ совсѣмъ о своей шкурѣ не думалъ, а все ему представлялось маленькое красное личико, губы, протянутыя впередъ, просящія пищи, кислая мина на лицѣ, дѣтскій плачъ, и онъ чувствовалъ только одно,—что его надо накормить. Онъ самъ два дня не ѣлъ, но объ этомъ теперь совсѣмъ не думалъ.

На дворѣ было уже свѣтло. Вотъ и городъ. Онъ быстро прошелъ въ знакомую улицу и приблизился къ базару. Здѣсь теперь было сильное движеніе, возы еще стояли въ прежнемъ порядкѣ, на нихъ шла бойкая торговля, но Сѣрый не подошелъ къ нимъ близко, а смотрѣлъ издали. Проходя неподалеку отъ возовъ, онъ старался не глядѣть на нихъ, чтобы не встрѣтиться съ кѣмъ нибудь взглядомъ; ему все казалось, что они прочитаютъ въ его глазахъ то, чего онъ никому не сказалъ бы. Но о чемъ они говорятъ?

И до его слуха доносятся живые разговоры, онъ слышитъ женскій плачъ, говорятъ о какой то пропажѣ, о ребенкѣ. Да иначе и быть не могло. Событіе это было на столько важно, что весь базаръ долженъ былъ только о немъ и говорить.

— И кому онъ нуженъ? кто на него польстился?—раздавались со всѣхъ сторонъ голоса.

Сѣрый увидѣлъ городского, но теперь онъ не боялся. Конечно, его никто не заподозритъ въ похищеніи ребенка. Всѣ знали, что онъ воръ, но зачѣмъ ему ребенокъ? Онъ могъ стащить хомутъ, сапоги, мѣшокъ съ просомъ, все, что угодно, но младенца сколько нибудь опытный воръ не украдетъ.

Когда онъ былъ недалеко отъ того воза, съ котораго унесъ свой свертокъ, ему неудержимо захотѣлось взглянуть туда. Онъ кинулъ свой взоръ только на одно мгновеніе и увидѣлъ бабу, которая сидѣла на возу и громко плакала навзрыдь. Лицо ея было красно и волосы распустились, она убивалась.

Вокруг неа собралась толпа народа. Ее утѣшали. Ей говорили: «Не плачь. Онъ принесетъ, онъ непременно принесетъ. Кому онъ нуженъ, твой младенецъ?» А она не утѣшалась и твердила:—Проклятая я, проклятая! Убить меня мало! Въ трактиръ побѣжала, а младенца оставила! Съ мѣста этого не сдвинусь, годъ буду сидѣть, всю жизнь!

— Эхъ, жалко мнѣ ее,—подумалъ Сѣрый и тотчасъ же отошелъ прочь.

Но скоро эти ощущенія оставили его, и опять на первый планъ выступила необходимость во что бы то ни стало достать молока. Можетъ быть, онъ тамъ уже проснулся и кричить, можетъ быть, онъ надрывается отъ голода.

На базарѣ страшная суматоха: очень подходящее дѣло для вора. Можно стащить все, что угодно,—связку бубликовъ, пряникъ, кусокъ сала, и въ другое время онъ не задумался бы въ выборѣ и давно уже несъ бы чтонибудь подъ полой, но теперь ничего этого ему не нужно. У него была только одна мысль: молока, молока во что бы то ни стало. Но украсть молока не было никакой возможности, его распродавали раннимъ утромъ, и теперь около вожовъ стояли пустые кувшины.

Случайно онъ нащупалъ у себя въ карманѣ какой то увѣсистый ключъ и даже не старался вспомнить, какимъ образомъ этотъ ключъ попалъ къ нему. Въ ключѣ было около фунта желѣза. Можетъ быть, онъ припасъ его, чтобы отпереть какуюнибудь чужую дверь, въ ночное время, когда сторожа уснутъ. Объ этомъ онъ теперь не думалъ. Онъ ухватился за этотъ ключъ, какъ за единственное спасеніе, и, крѣпко сжавъ его въ своемъ кулакѣ, быстро направился въ знакомый глухой переулокъ, гдѣ въ маленькомъ домикѣ часто сбывалъ вещи, приобретенныя его ремесломъ. Здѣсь ему дали за его ключъ три копейки. Тогда онъ помчался на рынокъ, отыскалъ молочницу и сталъ умолять ее, чтобы довѣрила ему посуду. Но его всѣ знали, и никто не давалъ цѣны его словамъ. Васька Сѣрый былъ всему городу извѣстный воръ. Его терпѣли до тѣхъ поръ, пока онъ не попадался. Но какъ же можно было довѣрить ему чтонибудь?

Но, должно быть, очень ужъ жалкое лицо было у Сѣраго и, должно быть, глубокое горе свѣтилось въ его глазахъ, когда онъ умолялъ молочницу дать ему посуду.—Вѣрьте моей совѣсти,—говорилъ онъ и на этотъ разъ чувствовалъ, что у него дѣйствительно есть совѣсть, въ которую можно вѣрить,—вѣрьте моей совѣсти, что сегодня къ вечеру принесу...

Надъ нимъ сжалились и дали ему кувшинъ, въ которомъ было очень немного молока. Тогда онъ со всѣхъ ногъ пустился за городъ, и уже когда подбѣгалъ къ своей норѣ, слышалъ,

что ребенокъ сильно кричить. Онъ ускорилъ шаги, добѣжалъ до двери, вытолкнулъ засовъ, быстро зажегъ свѣчку и бросился къ младенцу.

— Ну, пей, пей! вотъ тебѣ молоко!—говорилъ онъ нѣжнымъ дрожащимъ голосомъ, наливая ребенку молока въ ротъ. И ребенокъ пилъ и мало по малу успокаивался.

Онъ теперь уже не спалъ и тѣмъ не менѣе не плакалъ, и Сѣрому показалось, что онъ уже его знаетъ, что онъ, оставаясь въ одиночествѣ, желалъ его присутствія и что въ этихъ маленькихъ глазкахъ, которые смотрять на него, есть какое-то довѣріе къ нему или, можетъ быть, благодарность за то, что онъ нашелъ ему молока. И вдругъ у него явилось такое ощущение, какъ будто это его сынъ, съ которымъ онъ прожилъ уже не первый мѣсяцъ,—что-то безконечно близкое, родное. Онъ уже столько возился съ нимъ, убаюкивалъ его, добывалъ ему пищу, кормилъ его, и это ихъ сблизило.

Въ трущобѣ было холодно, можетъ быть—его надо бы развернуть? Нельзя же ему все время лежать такъ вотъ связаннымъ. Но Сѣрый не смѣлъ этого сдѣлать. Тѣлице у него, должно быть, нѣжное, горячее.

Тутъ онъ вспомнилъ, наконецъ, и о своемъ голодѣ, взялъ кусокъ хлѣба и сталъ ѣсть его, запивая водой. Но къ молоку онъ не прикоснулся. Онъ не считалъ себя въ правѣ выпить хотя бы одну каплю его.

Такъ прошелъ день. Никакихъ событій не произошло ни въ трущобѣ, ни по близости отъ нея. Десятки людей проѣзжали и проходили по большой дорогѣ, которая лежала въ ста шагахъ, но никто даже не смотрѣлъ на развалины старыхъ казармъ и никому не приходило въ голову подумать о томъ, что тамъ совершалось.

Сѣрый не выходилъ изъ конуры: онъ боялся отойти отъ своего гостя. Самому ему очень хотѣлось чего-нибудь поѣсть, такъ какъ кусокъ хлѣба съ водой плохо удовлетворилъ его голодъ. Ребенокъ то открывалъ глаза и начиналъ плакать, то засыпалъ; не разъ приходилось Сѣрому брать его на руки и укачивать. Нѣсколько разъ наливалъ онъ ему въ ротъ молока, но онъ не умѣлъ этого дѣлать и не могъ сказать съ увѣренностью, попадало-ли что нибудь ему въ желудокъ.

Вотъ начало темнѣть, онъ опять зажегъ огарокъ, котораго осталось немного. Ребенокъ проснулся, заплакалъ и на этотъ разъ уже не хотѣлъ успокоиться. Пробовалъ Сѣрый и кормить его, и укачивать, но тотъ отъ этого кричалъ только больше и видимо надрывался.

— Что же я съ тобой буду дѣлать?—спрашивалъ самъ себя Сѣрый,—вѣдь ты лопнешь отъ крику. Что я съ тобой буду дѣлать?

Но вдругъ, крикъ какъ-то разомъ оборвался, и младенецъ усталый затихъ. Глаза его сомкнулись, и онъ, должно быть, заснулъ отъ утомленія.

Измученный стоялъ Сѣрый надъ нимъ, и мысли его приняли самое мрачное направленіе. Что съ тобой будетъ, что съ тобой будетъ?—думалъ онъ. Ну, хорошо, я буду для тебя работать по своему, разумѣется, по своему; я буду воровать для тебя всю жизнь, ты мнѣ сталь дорогъ, дороже всего на свѣтѣ... Ты одинъ только дорогъ мнѣ... Я для тебя готовъ весь міръ обокрасть, я для тебя пойду и въ тюрьму,—для меня это простое дѣло... Но что съ тобой будетъ? Ты съ малыхъ лѣтъ будешь при мнѣ, будешь видѣть всю мою жизнь и научишься моему ремеслу. Ничему другому не могу я тебя научить. Я даже не смогу показать тебя людямъ. Весь свѣтъ для тебя будетъ заключенъ въ этой норѣ или въ другой такой же, и ты вырастешь дикаремъ. Потомъ ты начнешь дѣлать то же, что и я. Но хорошо, если я буду жить: я не дамъ тебѣ погибнуть; а если я умру, куда тебѣ дѣваться? Мальчишокъ ты попадешь на улицу, а съ улицы въ тюрьму, а потомъ...

И онъ увидѣлъ, какъ въ этомъ ребенкѣ шагъ за шагомъ, день за днемъ, повторяется его собственная жизнь, и представился онъ ему тѣмъ, чѣмъ будетъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ: такимъ же измученнымъ, разбитымъ человѣкомъ, оборваннымъ, съ морщинистымъ лицомъ, жалкимъ, всего боящимся, вѣчно оглядывающимся,—какимъ былъ онъ, Васька Сѣрый. И его также будутъ всѣ презирать, какъ презирають Сѣраго... И ему стало страшно при этой мысли.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ себѣ,—это не пойдетъ. Да, хорошо быть вдвоемъ, лучше, чѣмъ одному всю жизнь сидѣть въ холодной и темной норѣ; да только нѣтъ, нѣтъ, это не пойдетъ. Не всякій имѣетъ право быть вдвоемъ...

И тогда онъ рѣшилъ. Еще разъ оглядѣлъ онъ свою нору, подошелъ къ двери и убѣдился, что на дворѣ совсѣмъ стемнѣло. Тогда онъ взялъ спящаго младенца на руки, хорошенько закуталъ его въ шерстяной платокъ, закрылъ ему лицо, взялъ подъ полу и вышелъ изъ норы, забывъ даже запереть дверь.

Вялыми, лѣнивыми шагами шелъ онъ къ большой дорогѣ, потомъ повернулъ по ней и направился въ городъ. У него была опредѣленная мысль. Онъ зналъ, что есть такое мѣсто, гдѣ принимаютъ найденныхъ младенцевъ, зналъ онъ и то, что тамъ будетъ искать своего ребенка и баба, которая убивалась сегодня утромъ. И онъ пошелъ туда. Долго онъ стоялъ въ узенькомъ переулкѣ, выжидая, пока кончится городское движеніе и на улицѣ не будетъ ни души. Наконецъ, онъ нашелъ удобную минуту, приблизился къ маленькому домику, тихонько въ темнотѣ отворилъ дверь, которая всегда была отперта,

вынулъ изъ подъ полы свой свертокъ, прижалъ его къ груди и затѣмъ осторожно, бережно положилъ его на деревянную скамейку, которая стояла здѣсь. Затѣмъ онъ также тихо притворилъ дверь и отошелъ.

И ему показалось, что онъ вырвалъ изъ груди своей сердце и оставилъ его на-всегда въ маленькомъ домикѣ.

Теперь у него явилась новая забота. День и ночь у него болѣло сердце, онъ не могъ стоять, ему не сидѣлось въ конурѣ и все тянуло вонъ, на воздухъ. Всегда было темно и сыро въ этомъ погребѣ, всегда приходилось ему дрожать отъ холода. Но теперь онъ казался ему какой-то мрачной ямой, въ которую ввергли его за грѣхи всей его жизни. Вѣдь еще недавно здѣсь блисталъ солнечный лучъ и было такъ тепло. Это было недолго, но развѣ это можно забыть когда-нибудь?

Онъ спалъ тревожно, а когда просыпался раннимъ утромъ, то первая мысль его была о ребенкѣ. Гдѣ онъ? Нашла-ли его мать? Онъ хотѣлъ, чтобы непременношла. И онъ отправлялся въ передутренней темнотѣ къ базарной площади и пристально, страшно напрягалъ зрѣніе и слухъ, присматривался къ мужицкимъ возамъ и прислушивался къ разговорамъ. И вотъ, наконецъ, однажды онъ увидѣлъ знакомый возъ и сидящую на ней бабу. Молодая женщина держала на рукахъ, у самой груди, ребенка, запрятаннаго въ тотъ самый шерстяной платокъ, и кормила его.

— Эхъ,—подумалъ Сѣрый, глядя на нее,—вотъ ты теперь счастлива, глупая баба:—ты держишь его на рукахъ, у самого сердца. Ты смотришь ему въ глаза... А если-бы ты знала, гдѣ онъ былъ, чьи руки носили его, чей голосъ убаюкивалъ его колыбельной пѣсней... Если-бы ты знала, какая судьба ожидала твоего ребенка... Если-бы только знала это!.. Ахъ, если-бы ты могла догадаться, счастливая глупая баба, какую сладкую надежду я оторвалъ отъ своего сердца и отдалъ тебѣ... И какъ мнѣ, жалкому воришкѣ, бѣдному одинокому старику, Васекѣ Сѣрому, холодно, холодно жить на свѣтѣ...

И. Потапенко.

Философское наслѣдіе XIX-го вѣка.

Девятнадцатый вѣкъ подходит къ концу; является возможность сдѣлать теперь же подсчетъ накопленному имъ философскому достоянію и, выдѣливъ изъ этого достоянія то, что въ качествѣ «переходящихъ цѣнностей», составляетъ наслѣдіе вѣковъ минувшихъ, опредѣлить произведенный нашимъ вѣкомъ приростъ этихъ цѣнностей и такимъ образомъ выяснитъ значеніе философскаго наслѣдія XIX вѣка въ опредѣленномъ, тѣсномъ смыслѣ этого термина. Отъ кончины Канта, въ четвертомъ году по началу вѣка, до кончины Авенаріуса, за четыре года до конца его, лежитъ девятистодухлѣтній періодъ, поражающій съ перваго взгляда громадностью произведенной имъ философской работы, ея сложностью и разнообразіемъ. Присматриваясь пристальнѣе, мы прежде всего начинаемъ различать самыя общія очертанія той стратификаціи, въ которой само собою расположилось все, что XIX вѣкъ унаслѣдовалъ, переработалъ или самъ создалъ въ теченіи того ряда смѣнъ поколѣній, которые одно за другимъ такъ или иначе прилагали руки свои къ сохраненію, накопленію и приумноженію драгоцѣннаго достоянія философіи. Оставаясь при однихъ лишь очертаніяхъ, не трудно уже различить общій характеръ представляющейся нашему взгляду стратификаціи: средніе и низшіе слои ея лежатъ въ болѣе или менѣе густомъ туманѣ «платонизма», «романтизма» и «схоластицизма», переходя мѣстами въ извращенный «буддизмъ» или въ щеголяющій новою терминологіей «анимизмъ»,—все это наслѣдіе добраго стараго времени, на всякіе лады усвоенное нашимъ вѣкомъ и по «существу дѣла», «специфически своего», XIX вѣкъ здѣсь не имѣетъ ровно ничего. Выше этихъ слоевъ, надъ окутывающимъ ихъ туманомъ, лежатъ уже слои, содержащіе, частью иного рода, сравнительно съ слоями средними и низшими, наслѣдіе, частью продукты своей собственной производительности, и, наконецъ, надъ всей этой массой вѣковыхъ нагроможденій высятся немногія одинокія вершины. Онѣ стоятъ какъ памятники поступательнаго хода философской мысли XIX-го вѣка, поднимавшейся до этихъ высотъ; ими свидѣтельствуется о собственно этому вѣку принадлежащемъ вкладѣ въ общую сокровищницу философскаго знанія; онѣ выражаютъ собою

философское наслѣдіе вѣка въ опредѣленномъ, тѣсномъ значеніи этого термина.

Можно продолжать далѣе это уподобленіе и сказать, что подобно тому, какъ восхожденіе на горныя вершины даетъ намъ возможность ориентироваться во всей окрестной странѣ, такъ и проникновеніе на вершины умственного подъема вѣка даетъ возможность ориентироваться среди многосложныхъ и разнообразныхъ философскихъ наносовъ и образованій. И въ самомъ дѣлѣ, стоитъ намъ лишь добраться до одной изъ этихъ вершинъ—философской системы Ог. Конта, какъ вмѣсто общихъ, огульныхъ чертъ представляющей намъ картины, получается, благодаря приобритенной возможности различенія, значительная расчлененность очертаній и большая опредѣленность въ свѣтотѣни. Я имѣю въ виду главнымъ образомъ извѣстный всякому образованному человѣку «законъ трехъ состояній», оказывающій въ настоящемъ случаѣ весьма важную услугу. Законъ этотъ, какъ всякій знаетъ, различаетъ философія возрѣнія, «олицетворяющія», либо же «объективирующія» отвлеченныя понятія, отъ такихъ, которыя отъ подобной характеристической черты свободны. Крѣпко держась за эту путеводную нить и смѣло пускаясь съ нею въ ходы и переходы открывающагося передъ нами лабиринта, мы, обойдя кругомъ всю разстилающуюся передъ нами область, поставимъ себѣ вопросъ: въ чемъ же заключается указанное «олицетвореніе» и «объективированіе» и какимъ образомъ произошло ихъ принципиальное устраненіе? Та высшая ориентировка, которою мы пользуемся, легко поведетъ насъ далѣе, выше, и покажетъ, что, какъ «олицетвореніе», такъ «объективированіе» понятій является результатомъ того простого процесса, благодаря которому мы не мыслимъ вещь такою, какъ она есть, а прибавляемъ къ ней извѣстное примышленіе, вкладываемъ въ нее нѣчто отъ себя. Этотъ процессъ, эта «интросекція», какъ ее называлъ Авенариусъ, и служитъ основой всѣхъ формъ мировоззрѣнія, начиная съ первобытнѣйшаго «анимизма» и кончая современной метафизической системой. Если въ извѣстной части философскихъ возрѣній слѣдовъ интросекціи не оказывается, то самъ собою возникаетъ вопросъ о процессѣ ея устраненія, его причинахъ, его успѣшности или неуспѣшности, — вопросъ, въ свою очередь, приводящій къ разсужденію объ условіяхъ, необходимыхъ для установленія такихъ возрѣній, которыя были бы чужды всякихъ примышленій и могли бы прямо и непосредственно приводить къ «чистому опыту».

Наше простое соображеніе,—простое потому, что мы говоримъ о Колумбовомъ яйцѣ послѣ Колумба,—находитъ себѣ важное подтвержденіе даже и въ самомъ бѣгломъ взглядѣ на характеръ дѣятельности и другого представителя кульминаціоннаго подъема философской мысли XIX-го вѣка, Людвигъ Фейербаха, параллелизмъ возрѣній котораго съ возрѣніями Ог. Конта, при взаимномъ незна-

нимъ ими сочиненій другъ друга, былъ уже указанъ біографомъ Фейербаха В. К. Болиномъ. И въ самомъ дѣлѣ, вся философская дѣятельность нѣмецкаго мыслителя существеннымъ образомъ заключалась въ раскрытіи содержанія «олицетвореній» и «объективированій» и — соотносительно — въ исканіи выходовъ изъ-подъ гнета преданій, ими обусловленныхъ. На насъ, Фейербахъ производитъ свѣжее, оздоравливающее, бодрящее вліяніе. Поборникъ «истинной философіи», какъ «истинной и всеобщей эмпириіи», уединенный и многострадальный нѣмецкій философъ стремился къ такой философіи, которая была бы «познаніемъ того, что есть». Онъ презрительно отзывался о тѣхъ, которые считаютъ такое знаніе «поверхностнымъ» и возводятъ къ «глубокомыслию» всякое мыслензвращеніе. «Философіи, говоритъ онъ, вновь предстоитъ вступить въ союзъ съ естествознаніемъ, естествознанію съ философіей. Въ такомъ союзѣ философія представлялась ему лишенною своего *raison d'être*, и онъ утверждалъ, что «новая единственно—*позитивная* философія есть отрицаніе всякой философіи шеголь» (*Sämtliche Werke*. 1846. II Band. S. 246).

Приобрѣвъ въ Ог. Контѣ и Фейербахѣ геніальныхъ выразителей анти-метафизическое, эмпирическое направленіе въ философіи не могло ни потеряться, ни захирѣть. Литтрэ во Франціи, Дж. Ст. Милль въ Англіи и цѣлая группа писателей въ Германіи продолжаютъ поддерживать и оживлять его. Метафизическое умозрѣніе, тѣснимое изъ своихъ центровъ, остается еще впрочемъ господствующимъ въ отдѣльныхъ наукахъ; но и здѣсь, мало по малу, трудами самихъ же спеціальныхъ ученыхъ,—людей такого значенія, какъ Ламаркъ, Дарвинъ, Ляйель,—все болѣе и болѣе торжествуетъ чистая отъ всякаго умозрѣнія, зиждущаяся на одномъ только опытѣ и ни къ какимъ традиціямъ не прилаживающаяся наука. Сближеніе философіи и науки становится такимъ образомъ обоюднымъ и понеминому начинается подготавливаться почва для признанія ихъ принципиальнаго единства.

Успѣхъ развитія отдѣльныхъ наукъ влечетъ еще за собой и то послѣдствіе, что достигшія извѣстной стадіи зрѣлости науки перестаютъ нуждаться не только въ заимствованіи своихъ руководящихъ принциповъ отъ какой-то фиктивной и все болѣе и болѣе становящейся имъ чуждой, якобы центральной науки, но и въ какомъ-бы то ни было ея руководствѣ. Здѣсь, на первомъ планѣ, можно поставить основанную Ог. Контомъ науку объ обществѣ—соціологію, разработкою которой много занимались во второй половинѣ нашего вѣка во всемъ образованномъ мірѣ. Укажу хоть на два громкихъ имени; имя Спенсера, которое у насъ давно пользуется извѣстностью, и имя Лестеръ Уорда, извѣстность котораго стала значительно возрастать въ послѣднее время. Одно изъ его сочиненій «Психическій факторъ цивилизаціи», на дняхъ появилось сразу въ двухъ переводахъ. Мнѣ не разъ приходилось уже обращать вниманіе читателя на этого замѣчательнаго мысли-

теля, захватывающего своими предпосылками «действительного обществовѣднія» сферу, далеко переходящую предѣлы специальности. Безъ всякаго преувеличенія можно утверждать, что Уорда можно по праву считать представителемъ кульминаціонныхъ пунктовъ мысли нашего вѣка, однимъ изъ его свѣточей. И если онъ еще и не пользуется въ Европѣ той степенью извѣстности, которую заслуживаетъ, то это происходитъ главнымъ образомъ оттого, что хотя литература воѣхъ областей изученія, и у специалистовъ, и у философовъ, значительно и расширилась въ послѣднее время, все же она недостаточно уравниваетъ иноземные и своеземные элементы и болѣе или менѣе вдвигаетъ себя въ рамки партикуляризма. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда захватъ автора является достаточно обширнымъ, крупныя личности неизбѣжно оказываются привлеченными въ сферу изслѣдованія и здѣсь, далеко не страшась сравненій, которымъ ихъ подвергаютъ, горделиво возвышаются надъ массою тѣхъ, которыя имѣютъ мѣстное значеніе. Вотъ это именно и случилось съ Л. Уордомъ въ изслѣдованіи Гейнриха Вентига (*Heinrich Waentig*) *Auguste Comte und seine Bedeutung für die Entwicklung der Socialwissenschaft*. 1894.

Одновременно съ социологіей, становится на ноги и этика, и психологія, а, подъ влияніемъ извѣстнаго «поворота къ Канту», и теорія познанія. Этотъ поворотъ, замѣтить надо при этомъ случаѣ, обусловилъ собою возникновеніе не одного только «новокантіанства» и, взятый въ дѣломъ, вовсе не имѣлъ того узкаго, односторонняго и тупого призыва къ метафизикѣ, который вздумали приписывать ему не въ мѣру глубокіе философы. Не надо забывать, что «поворотъ къ Канту» какъ замѣчаетъ Гейддингъ въ своей «Ист. нов. философіи», привелъ многихъ къ позитивизму (*Gesch. d. neuern Philos* 96. П. S. 616). т. е., очевидно, къ позитивизму въ широкомъ смыслѣ. И въ самомъ дѣлѣ, вызванное «поворотомъ къ Канту» изученіе его играло, несомнѣнно, большую роль въ выработкѣ совершенно независимой отъ Канта «Критической философіи» Карла Гёринга, тяготеющаго не только къ позитивизму въ широкомъ смыслѣ, но отчасти даже и къ контизму, и въ философіи Алоиза Рили, стремящагося обосновать позитивизмъ заново на критической почвѣ, а также и отрицательно относящагося къ Канту Э. Лааса—автора извѣстнаго сочиненія «*Idealismus und Positivismus*».

Усвоеніе названія позитивизма Рилемъ и Лаасомъ для ихъ доктринъ было, конечно, «признакомъ времени»: оно выражало назрѣвающій союзъ эмпиризма со свободнымъ отъ Кантовыхъ традицій критицизмомъ и указывало на близость того времени, когда мощный геніальный умъ, охвативъ однимъ высшимъ синтезомъ всѣ подготовленные предшествующею умственной работою элементы установить ту высшую точку зрѣнія, которая озаритъ новымъ свѣтомъ всю область научнаго познанія и своимъ верховодящимъ и всеохватывающимъ значеніемъ дастъ концу нашего вѣка истинно—

новую, истинно—научную философію. Дѣло это было сдѣлано Рихардомъ Авенариусомъ, а его «эмпирикритицизмъ» и представляетъ собою именно тотъ послѣдній фазисъ развитія философіи, который мы можемъ считать «философскимъ наслѣдіемъ XIX вѣка» по преимуществу.

Поступательное движеніе передовыхъ двигателей европейской мысли XIX-го столѣтія захватывало, конечно, примыкающія къ нимъ а также болѣ или менѣе близко къ нимъ стоящія группы; здѣсь анти-метафизическое настроеніе вмѣстѣ со стремленіемъ къ научному обоснованію руководящихъ теорій не оправдывалось состоятельностью послѣднихъ, и группы эти, расшатанныя критикою, потеряли во второй половинѣ вѣка свое прежнее значеніе и вліяніе. Сама критика однако же—въ томъ случаѣ, когда она была безпристрастна, какъ критика Ф. А. Ланге, напримѣръ, признали просвѣтительную роль этихъ группъ и несомнѣнныя ихъ заслуги прогрессу положительнаго знанія. Теоріи ихъ отжили, но онѣ не прошли безслѣдно для ихъ современниковъ и для потомства: онѣ въ соотвѣтственной мѣрѣ способствовали осуществленію усилій грядущаго поколѣнія тружениковъ и память ихъ навсегда останется окруженная почетомъ. Чѣмъ болѣе же станемъ мы отходить отъ свѣтлой полосы представляющей собою путь передовыхъ бойцовъ прогрессивной мысли и родственныхъ имъ группъ, тѣмъ болѣе будемъ вступать въ область всевозможнѣйшихъ реабилитацій, реставрацій и реституцій, которымъ и конца нѣтъ. Уже съ самаго начала столѣтія начинается «нагроможденіе заблужденій до такой высоты, что они стали замѣтны и близорукимъ»; фантастическія догматическія системы слѣдовали одна за другой, и даже Шопенгауэръ, представляющій все же таки реакцію возрождающагося критическаго духа, направленную противъ главныхъ вождей метафизики, не въ состояніи былъ освободиться отъ основной ошибки своего времени и объявилъ философію «знаніемъ завершеннымъ», къ суммѣ котораго факты ничего прибавить не могутъ. («*C. Göring. System d. Kritischen Philos., I. S. 9.*»). Въ первое время послѣ смерти Шопенгауэра «возрождающійся критическій духъ» очень слабо еще вдохновлялъ философовъ, не все же къ этому времени относится очень любопытныя строки одного изъ противниковъ метафизики,—строки которыя я здѣсь и приведу въ возможно точной передачѣ: «системы Шеллинга и Гегеля»,.. говорится здѣсь, «отомли, къ счастью, въ вѣчность, но ихъ пагубное вліяніе еще не миновало. Изъ года въ годъ появляются еще философскія творенія, обнаруживающія слишкомъ явныя признаки разстройства головъ ихъ авторовъ, доходящее до того, что они выводятъ нѣчто изъ нуля, выдаютъ противорѣчивое за тождественное, замѣщаютъ логическіе законы принципомъ *tertii interventionis* и даже доходятъ до утвержденія, что-де «принудительная очевидность математическихъ истинъ должна считаться выраженіемъ проклятія, наложеннаго на падшее чело-

вѣщество». Такъ въ Кольбергѣ появилась въ 1860 году «метафизика», которая, объявивъ своею темою науку о томъ, что есть, и не исключая однакоже на этомъ основаніи изъ области своего разсмотрѣнія того, чего нѣтъ, сейчасъ же приступаетъ къ изложенію своего взгляда на бытіе, которое, согласно этому взгляду, есть, во первыхъ «въ себѣ бытіе», затѣмъ, «изъ себя бытіе» и «отъ него бытіе», и т. д. Въ послѣдующее время дѣло шло не лучше и, наконецъ, въ наши дни, послѣдній фазисъ развитія метафизики представляется для непредубѣжденного человѣка, глядящаго на ея эволюцію со стороны, «тою китайскою стѣною, тѣмъ шлагбаумомъ, который не допускаетъ ни свѣта, ни возможности какого бы то ни было движенія». Рѣчь идетъ о такъ называемомъ солипсизмѣ «Тутъ то и находится та тѣснина, въ которой между міромъ «представленія» единичнаго философствующаго «я» и проваломъ въ трансцендентность не существуетъ никакого исхода. И какъ легко поддаться заманиванью въ такую ловушку, входы въ которую имѣются со всѣхъ сторонъ, а выхода нѣтъ никакого!»

Отъ главнаго темнаго хода всякого рода «изъ себя бытія» и «отъ него бытія» идутъ по сторонамъ развѣтвленія, заводящія въ тупщобы, даже и тутъ неожиданныя Уже Шопенгауеръ съ реагированіемъ противъ догматизма соединялъ реставрированіе буддизма и являлся «заблудившимся на западѣ буддистомъ», какъ называлъ его Рибо; но между Шопенгауеровской реставраціей и реставраціей буддизма на теософической почвѣ лежитъ цѣлая пропасть. Пустословіе, пошлость, житейская практика, цинизмъ достигаютъ тутъ такихъ размѣровъ, что, пожалуй, умѣстнымъ становится усомниться въ томъ, должны ли и мы считать философіей всю эту галиматью потому только, что она сама себя такъ называетъ. Если такъ, то самъ собою возникаетъ вопросъ объ опредѣленіи того пункта, ниже котораго терминъ философія, какъ бы имъ ни злоупотребляли, остается пустымъ звукомъ, никакого отношенія къ философіи не имѣющимъ. Пройдемъ повтому молчаніемъ какъ измышленный самою Блавацкою, такъ и переписанный ею изъ чужихъ сочиненій вздоръ, наполняющій ея «Разоблаченную Изиду» и др. произведенія; не остановимся и надъ вѣщавшимися по поводу этихъ произведеній глубокомысленныхъ сентенцій объ эрудиціи и проницательности ихъ автора, и попытаемся намѣтить такую точку, принадлежность которой къ области философіи была бы внѣ всякаго сомнѣнія и которая въ тоже время могла бы представлять своего рода философскій «минимумъ». Можетъ быть я не ошибусь, если предположу, что искомая точка совпадаетъ съ однимъ открытіемъ, озарившимъ конецъ нашего вѣка, а именно съ открытіемъ «метафизическаго» чувства, долженствующаго будто бы имѣть значеніе органа познанія, и притомъ такого познанія, «которое отличается метафизическимъ характеромъ (выходить за предѣлы возможнаго опыта)». (*А. Введенскій. О предѣлахъ и признакахъ одушевленія.*

92). Для того, чтобы читатель нисколько не сомнѣвался, что здѣсь идетъ рѣчь объ опытѣ, обрѣтающемся внѣ предѣловъ возможнаго опыта, т. е. о виѣопытнѣ, о невозможномъ, о противорѣчащемъ здравому смыслу опытѣ, авторъ призналъ за благо пояснить свое открытіе нижеслѣдующимъ остроумнымъ соображеніемъ. «Подобно тому», говоритъ онъ, «какъ при помощи зрѣнія мы узнаемъ то, чего не въ состояніи узнать при помощи другихъ чувствъ, такъ точно (курсивъ мой) при помощи метафизическаго чувства мы узнаемъ то, чего не въ состояніи узнать одними эмпирическими чувствами, и этимъ путемъ рѣшаемъ такіа сомнѣнія, которыя съ эмпирической точки зрѣнія навсегда останутся неразрѣшимыми». И такъ открыто новое чувство, новый органъ познанія; установлено, что дѣятельность этого органа точно такая же, какъ и зрѣнія, и другихъ чувствъ, и все же оказывается, что не метафизика является погруженною такимъ образомъ въ опытъ, а, напротивъ того, опыту, вопреки обладанія особымъ органомъ воспріятія, приходится очутиться внѣ опыта и затѣмъ уже въ этой «безднѣ пустоты безъ очертанія и границъ» порѣшитель разъ на всегда со всѣми сомнѣніями!..

Останавливаться далѣе на разсмотрѣніи всѣхъ проявленій низменной мысли XIX-го вѣка было бы и слишкомъ долго и бесполезно. Проходя эту унылую область и поневолѣ наблюдая тѣхъ, которые и «по открытіи ржи, предпочитаютъ питаться желудями», приходится не забывать, что свѣтъ тутъ не клиномъ сошелся, а потому и не бесполезно припомнить подходящій для настоящаго случая добрый совѣтъ: «*non rationiam di lor, ma guarda e passa*».

Обозначивъ въ самыхъ общихъ чертахъ всю шкалу философскихъ оттѣнковъ, начиная съ самыхъ опредѣленныхъ и яркихъ положительнаго ряда, вплоть до самыхъ тусклыхъ и расплывчатыхъ отрицательнаго ряда, я нахожу возможнымъ прямо перейти теперь къ тому мыслителю, философію котораго считаю «наслѣдіемъ XIX-го вѣка» въ тѣсномъ смыслѣ. Я имѣю въ виду Рихарда Авенариуса, скончавшагося въ августѣ нынѣшняго года въ Цюрихѣ, гдѣ онъ занималъ съ 77 года катедру философіи и состоялъ редакторомъ «*Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie*», закончивающемъ въ настоящемъ году свое двадцатилѣтіе. Какъ авторъ «*Kritik der reinen Erfahrung*» и «*Der menschliche Weltbegriff*», Авенариусъ является основателемъ того послѣдняго фазиса «научной философіи», которому онъ придалъ названіе «эмпириокритицизма», который представляется совершенною перестройкою всей философіи, совершенною новостью въ ея области, и который поэтому и до сихъ поръ остается для многихъ тѣмъ-то въ родѣ загадки сфинкса конца нашего вѣка.

Первое изъ названныхъ сочиненій вышло еще въ 88 году.

«На большой успѣхъ нельзя было, конечно, рассчитывать», пишетъ въ некрологѣ Авенариуса его ученикъ и преемникъ Фридрихъ Карстанъенъ. «Возможенъ былъ однако успѣхъ небольшой или, по крайней мѣрѣ, отрицательный, критика, возраженіе, нападки. Случилось однакоже нѣчто совершенно неожиданное, непредвидѣнное. Современники не обратили никакого вниманія на это сочиненіе и въ немногихъ случаяхъ критики, отмѣчая появленіе книги, ограничивались передачею ея содержанія и затѣмъ опять наступало безмолвіе. И это было совершенно понятно. Передъ этимъ сочиненіемъ, его языкомъ, его формулами, всѣми его приемами, останавливался безпомощно всякій, къ нему приступавшій, и, не ждая обнаружить свое безсиліе, само собою разумѣется предпочиталъ отойти въ сторону и молчать».

Другой ученикъ Авенариуса, Р. Вилли, по этому же поводу говоритъ: «послѣ того, какъ Рихардъ Авенариусъ выяснилъ точку зрѣнія чистаго опыта въ двухъ своихъ сочиненіяхъ—«Критикъ чистаго опыта» и «Человѣческомъ понятіи міра»—философскіе круги имѣли достаточный поводъ и довольно времени для ознакомленія съ эмпириокритицизмомъ. На самомъ дѣлѣ, ознакомленіе это было дѣломъ весьма исключительнымъ. Не только такіе люди, которые пережили заключительную стадію своего міровоззрѣнія, но и юныя и юнѣйшія силы, и между ними опять таки тѣ, которыя глубоко входили въ значеніе опыта или, по крайней мѣрѣ, дѣлали ему важныя уступки,—доказываютъ въ своихъ сочиненіяхъ и заявленіяхъ, что они частью просто смѣшиваютъ «эмпириокритицизмъ» съ эмпиризмомъ, частью не вполне удовлетворяются однимъ только опытомъ» (*R. Willy. Vierteljahrsschrift f. wissenschaftl. Philosophie. 96. I.*).

Картина отношеній, въ которыхъ сталъ ученый міръ къ эмпириокритицизму, очень характерно дополняется двумя, тремя штрихами третьяго изъ занимающихъ теперь каѳедры учениковъ Авенариуса—Максимилиана Клейна, который въ статьяхъ своихъ о философіи чистаго опыта тоже останавливался на трудностяхъ усвоенія этой философіи. Нѣкоторые специалисты, по словамъ Клейна, находятъ эти трудности «чудовищными», другіе—недоступными усвоенію для такой поры жизни, когда ужъ поздно измѣнять установившіяся умственные привычки. (*Naturwissenschaftl. Wochenschrift. 95, № 38*).

Всѣ эти условія образовали какъ бы атмосферу молчанія вокругъ новой философіи даже и въ Германіи, а внѣ ея не было сдѣлано до сихъ поръ даже и попытки общаго ея изложенія. Кое-какія отрывочныя свѣдѣнія появились на англійскомъ языкѣ уже послѣ смерти Авенариуса въ Американскомъ психологическомъ обзорѣ за подписью I. Кодисъ—автора появившагося еще въ 93 году сочиненія «*Zur Analyse des Apperceptions—Begriffes*». Г-жа Ко-

дись—если не ошибаюсь, русская уроженка—принадлежить тоже къ кругу того небольшого числа лицъ, которыя составляютъ ядро молодой эмпириокритической школы. За предѣлами этой школы, и до сихъ поръ, по прежнему царить молчаніе.

Косность, обнаруживаемая этимъ фактомъ, тѣмъ болѣе поразительна, что трудности, будто бы представляемыя философіею эмпириокритицизма, чрезвычайно преувеличены. Загораживаясь этими трудностями, такъ легко отойти въ сторону и, при полномъ сохраненіи всѣхъ приличій, оставаться спокойно при преданіи и рутинѣ. Что же касается терминологіи, то передача ея новыми выраженіями того или другого языка дѣйствительно представляютъ большія трудности. «Критика чистаго опыта», пишетъ мнѣ одинъ изъ учениковъ Авенаріуса, «писалась авторомъ въ теченіе 12 лѣтъ. Каждый терминъ, каждое выраженіе обдуманъ и взвѣшенъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Каждое слово въ этой книгѣ говоритъ ровно столько, сколько нужно, и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть замѣнено другимъ безъ измѣненія смысла соотвѣтствующаго мѣста». Замѣчаніе это, по существу совершенно вѣрное, можетъ вести однако къ простой транскрипціи эмпириокритической терминологіи,—приему, имѣющему свои важныя неудобства. Средній путь, по моему убѣжденію, представляется тутъ самымъ цѣлесообразнымъ, и хотя терминологія выходитъ нѣсколько пестрою, но на первый разъ есть хоть что-нибудь; улучшенія могутъ придти и позже.

Не въ одной только терминологіи, конечно, заключаются всѣ трудности изложенія эмпириокритической философіи на новомъ для нея языкѣ. Это разумѣется само собою и улучшенія здѣсь осуществятся, конечно, вмѣстѣ, съ появленіемъ переводовъ сочиненій самаго Авенаріуса и его послѣдователей *). Затѣмъ, остается и еще одна общая трудность ожатой передачи такого курса, который въ своемъ подлинномъ видѣ представляетъ строго-связное и выдержанно-послѣдовательное изложеніе. Принимаясь за ознакомленіе русскаго читателя съ философіею Авенаріуса, я и не берусь поэтому представить полный общій ея обзоръ, надѣясь на исполненіе этой задачи впослѣдствіи однимъ изъ его учениковъ; все что я могу теперь сдѣлать, заключается лишь въ попыткѣ уясненія тѣхъ пунктовъ эмпириокритицизма, которые могли бы служить введеніемъ

*) Главныя сочиненія Авенаріуса были указаны выше; изъ сочиненій его послѣдователей мнѣ извѣстны: *F. Carstanjen*. *Richard Avenarius' Grundlegung der neuen allgemeinen Erkenntnistheorie* 1894; его же: *Ulrich von Einsingen*. *Ein Beitrag zur Geschichte der Gothik*. 1893; его же: *Zur Neubegründung der Aesthetik*. Vortrag gehalten auf dem kunsthistorischen Kongress zu Köln am 1 October 1894; его же: *Zur neuen Aesthetik*. («Kunstwart» 1895, Nr. 9 und 10); его же: *Entwicklungsfaktoren der niederländischen Frührenaissance*. (Vierteljahrsschrift für wissenschaftl. Philosophie. 1896). *R. Willy*. Статьи въ этомъ же журналѣ. *Maximilian Klein*. Статьи въ «Naturwissenschaftliche Wochenschrift. J. Kodis. соч., цитир. выше. Подробнѣе см. «Vierteljahrsschrift» 96, IV.

къ его изученію, и которые вмѣстѣ съ тѣмъ могли бы возбудить интересъ къ нему, могли бы привлечь къ Авенаріусу умы, въ обиходѣ которыхъ окажутся не вытравленными тѣ элементы, наличность которыхъ можетъ быть принята, какъ предварительное условіе возможности усвоенія этой новой доктрины.

Присмотримся же къ ней теперь поближе и постараемся выяснить прежде всего характеръ и значеніе ея исходнаго пункта.

Я упомянулъ уже выше о рѣдкѣ элементовъ, привнесенныхъ авторами метафизическихъ системъ въ продукты ихъ творчества. Какое-нибудь зернышко опыта, попавшее въ эти системы, утопало въ цѣломъ мірѣ наноснаго примышленія, неизбежно зыбкого, шаткаго, скоротечнаго. Прослѣдить процессъ этого привнесенія до его начала и значило вскрыть тотъ неосложненный никакимъ примышленіемъ, простой моментъ, исходя изъ котораго и предстояло провести «чистый опытъ», по всѣмъ направленіямъ и по всѣмъ стадіямъ развитія знанія. Метафизики, какъ показали Авенаріусъ, слишкомъ спѣшать покинуть тотъ естественный исходный пунктъ, изъ котораго и они неизбежно отправляются, и никогда не пытаются расширить и углубить то воззрѣніе, которое можетъ вѣдь и оказаться для такого расширенія и углубленія пригоднымъ безъ предварительнаго его извращенія и произвольнаго осложненія. Имѣя въ виду это капитальное соображеніе, Авенаріусъ и исходитъ изъ простаго «описанія» вещей и процессовъ. И вотъ «Критика чистаго опыта» и берется описать весь представляемый человѣческими высказываніями матеріалъ внѣ зависимости отъ какихъ бы то ни было теорій, просто съ точки зрѣнія, такъ называемаго, «наивнаго реализма». Такова ея задача.

Для слуха, засореннаго всевозможною метафизическою пошлостью, этою «*metaphysische Struwwelpeterei*» нашихъ дней, какъ-то странно звучить такое выраженіе, какъ «простое описаніе», а между тѣмъ эта, повидимому, не мудреная штука только и могла явиться какъ соотносительный моментъ извѣстной высоты развитія науки. Ее никто не предвидѣлъ, но когда оно явилось, ее замѣтили и оцѣнили, и съ этого времени и начинается движеніе, въ послѣднемъ итогѣ приводящее ее къ тому значенію, которое она имѣетъ у Авенаріуса. Еще въ 1874 году выражалось немалое удивленіе, когда Кирхгофъ въ своихъ лекціяхъ по аналитической механикѣ указывалъ на задачу этой науки, заключающуюся, согласно его взгляду, въ томъ, чтобы предоставить «полное и простѣйшее описаніе совершающихся въ природѣ движеній»; но Кирхгофъ былъ не первымъ на этомъ пути: уже Ю. Р. Майеръ, въ 1851 году, въ своихъ «Примѣчаніяхъ къ изслѣдованію механическаго эквивалента теплоты», утверждалъ, что «важнѣйшее, чтобъ не сказать единственное, правило для истинной науки о природѣ есть слѣдующее: помнить о томъ, что задача наша заключается въ *знаніи* явленія, и что знаніе это и должно поэтому предшествовать разыскиванію

объясненій или поискамъ вышнихъ причинъ. Если мы всесторонне знаемъ фактъ, то онъ тѣмъ самымъ уже и объясненъ и задача науки рѣшена». Въ этомъ же смыслѣ высказывается и профес. Эрнстъ Махъ въ своей исторіи механики. О Махѣ я уже говорилъ подробнѣе прежде, въ другомъ мѣстѣ.

Такимъ образомъ, исходная точка всей новой теоріи и получила возможность быть сведенной къ нижеслѣдующей предпосылкѣ: всякій человѣческій индивидъ первоначально принимаетъ себя противоположеннымъ, во-первыхъ, *средѣ или обстановкѣ*, слагающейся изъ многоразличныхъ составныхъ частей, и, во-вторыхъ, другимъ *человѣческимъ индивидамъ съ ихъ многоразличными высказываніями* и затѣмъ уже допускаетъ, что высказыванія эти находятся по отношенію къ обстановкѣ въ такой или иной зависимости.

«Принимаемая исходная точка прежде всего свободна отъ всякой апіорной предпосылки. Ей присуща не только индивидуальная, но и всеобщая состоятельность — поскольку ни психозы, ни философскія системы не вносятъ измѣненія въ естественное понятіе міра всякаго индивида. Принятая исходная точка характеризуетъ міръ, обстановку, какъ нѣчто «сущее», «извѣстное» и «достаточно надежное» для всякаго, способнаго на то или иное высказываніе индивида. И далѣе, она просто-на-просто констатируетъ тотъ фактъ, что человѣческія высказыванія непремѣнно находятся въ какой-либо зависимости по отношенію къ составнымъ частямъ обстановки, и именно постольку, поскольку послѣднія своимъ частнымъ постоянствомъ или частною измѣнчивостью, своимъ временнымъ возникновеніемъ или исчезновеніемъ и т. д. имѣютъ значеніе предпосылки или условія даннаго высказыванія».

«Отправляясь отъ этой исходной точки, новая теорія пытается свести всю человѣческую дѣятельность — какъ теоретическую, такъ и практическую — къ общимъ человѣческимъ функціямъ, и такимъ образомъ представить ее какъ слѣдствіе одной простой и ближайшей предпосылки».

Выяснивъ исходный пунктъ того «простого описанія», къ отчету о которомъ намъ и слѣдуетъ теперь перейти, я, руководствуясь главнымъ образомъ упомянутымъ выше сочиненіемъ Карстаньена, представляющемъ рукою мастера сдѣланное введеніе въ «Критику чистаго опыта», постараюсь представить читателю основныя положенія «Критики» въ, насколько то окажется возможнымъ, простомъ пересказѣ.

Итакъ, мы представляемъ себя установившимся на исходномъ пунктѣ эмпириокритицизма. Тутъ, прежде всего, передъ нами открывается взаимная зависимость трехъ элементовъ: 1) обстановки, 2) индивида и 3) высказываній индивида.

Во избѣжаніе недоразумѣній, могущихъ произойти отъ указанныхъ выше заранѣе готовыхъ ассоціацій, Авенариусъ для обозначенія индивида пользуется свободнымъ отъ всякихъ предвзятостей

выраженіемъ—«система С». Подъ этимъ выраженіемъ разумѣется «центральная» нервная система, которая при этомъ мыслится какъ та часть всей системы центральныхъ органовъ, въ которой сходятся идущія отъ периферіи измѣненія, и изъ которой исходятъ всѣ измѣненія къ периферіи направляющіяся. Ближайшее разсмотрѣніе ея анатомическаго и физиологическаго назначенія намѣренно оставляется «Критикомъ» открытымъ, такъ какъ назначеніе это недостаточно еще установлено точными науками».

Системѣ С противопоставляется среда или *обстановка*, обозначаемая символическимъ знакомъ R. Обстановка R принимается въ самомъ широкомъ смыслѣ; тутъ надо разумѣть всякую составную часть обстановки, поскольку часть эта поддается описанію; все то, что въ физиологій указываетъ на общее или специфическое впечатлѣніе, — соотносительно: все то, что складывается изъ этихъ впечатлѣній.

Вслѣдъ за системой С и ея R неизбежно идетъ высказываніе С объ R, и тоже принимаемое въ самомъ широкомъ смыслѣ. Содержаніе высказыванія охватываетъ всѣ «реакціи» физиологическихъ впечатлѣній, поскольку съ ними—точно такъ же какъ и со всякимъ жестомъ—связывается какое-либо воспріятіе или чувство. Высказываніе, такимъ образомъ понимаемое, обозначается въ критикѣ знакомъ E.

«Значеніе E какого-нибудь индивида естественно принимается въ той мѣрѣ, въ какой значеніе это высказывается индивидомъ, такъ какъ не слѣдуетъ терять изъ виду, что не все, мыслимое какъ содержаніе высказыванія, должно быть и дѣйствительно высказано. Положимъ, напримѣръ, что ко мнѣ будетъ приближенъ какой-нибудь источникъ теплоты, — газовое пламя, что-ли? — то въ этомъ случаѣ я воспринимаю «теплоту». Я могу высказаться объ этомъ воспріятіи, могу и не высказаться. Въ первомъ случаѣ—еслибы я и не пошелъ далѣе восклицанія или даже только быстрого отдергиванія руки,—все же, то, что для меня имѣетъ значеніе E, явится для другого индивида въ качествѣ слухового или зрительнаго впечатлѣнія, какъ нѣчто, имѣющее значеніе R, отъ котораго, въ свою очередь, можетъ зависѣть нѣкоторое E того же индивида въ формѣ такого, напримѣръ, утвержденія: «онъ обжегся!» *) или какого-нибудь иного.

«Введеніе этихъ символовъ даетъ возможность «Критикѣ» формулировать 1-е положеніе эмпириокритической предпосылки, а именно: *въ некоторыхъ случаяхъ, когда установлено R и приходится допустить E, должна быть допущена и такая бы то ни было зависимость E отъ R.*

Указанная въ этомъ положеніи зависимость утвержденія (E) отъ

*) Всякія утвержденія индивида въ нахоженіи ученія «Критики чистаго опыта» всегда ставятся въ кавычкахъ.

составныхъ частей обстановки (R) не есть зависимость непосредственная, такъ какъ различные индивиды могутъ высказывать объ одномъ и томъ же R различные E, и, наконецъ, существуютъ и такіе индивиды, которые неспособны къ установленію правильныхъ утверждений и—въ случаяхъ слѣпоты, глухоты и т. п.—не могутъ и вовсе высказаться о цвѣтахъ, звукахъ и т. д. Имѣя же при этомъ въ виду центральную роль C, мы приходимъ ко 2-му положенію вышеуказанной предпосылки: *во всякомъ случаѣ, когда E принимается зависящимъ отъ R, должна быть принята непосредственная зависимость E отъ C.*

Теперь намъ предстоитъ разсмотрѣть, какимъ особеннымъ образомъ должна быть мыслима эта зависимость E отъ C.

«Если у насъ есть двѣ переменныя, которыя какимъ бы то ни было образомъ зависятъ одна отъ другой такъ, что съ измѣненіемъ первой становится неизбѣжнымъ измѣненіе второй, то первую въ такомъ случаѣ слѣдуетъ по отношенію ко второй считать *условіемъ измѣненія*. Но R и E, какъ мы то видѣли, находятся между собою въ такой зависимости, что измѣненія одного неизбѣжно влекутъ за собой и измѣненія другого; поэтому, и слѣдуетъ считать R *условіемъ измѣненія* для E. Но, такъ какъ E находится въ непосредственной зависимости отъ системы C, то при измѣненіяхъ E, составная часть обстановки R должна считаться *условіемъ измѣненія* специально для системы C».

Изъ этого видно, что въ самомъ принятіи или допущеніи R заключается уже неизбѣжность измѣненія C, а потому и приходится говорить не о C, а о его измѣненіяхъ, и формулировать 3-е положеніе эмпириокритической предпосылки такимъ образомъ: *во всякомъ случаѣ, когда E принимается зависящимъ отъ R, должна быть принята непосредственная зависимость E отъ измѣненія C.*

Итакъ мы до сихъ поръ установили отношеніе зависимости: 1) между R и E, 2) между C и E, и 3) между R и C, или, иначе говоря, между обстановкою и высказываніемъ, между индивидомъ и его высказываніемъ и между обстановкою и индивидомъ.

Изъ этого видно, что и теперь, когда мы еще едва-едва вступили въ область эмпириокритическихъ положеній, передъ нами имѣется уже нѣкоторая общая схема универсальныхъ соотношеній, которую предстоитъ развить далѣе изъ едва намѣченного описанія въ болѣе обстоятельное и подробное.

Прежде, чѣмъ я пойду далѣе въ этомъ направленіи, предстоитъ остановиться на минуту и разсмотрѣть ближе характеръ различныхъ отношеній.

«Всякое отношеніе можетъ быть, во-первыхъ, причиннымъ, когда—какъ, на примѣръ, въ отношеніи отца къ сыну—отецъ является причиною по отношенію къ сыну. И сынъ однако же можетъ разсматриваться какъ причина, по которой отецъ есть именно «отецъ». Но, такъ какъ въ этомъ случаѣ сынъ въ активномъ смы-

слѣ не является способствующимъ существованію отца, а только своимъ присутствіемъ побуждаетъ насъ именовать родителя его «отцомъ», то центръ тяжести тутъ и падаетъ на сторону именования, и отношеніе получаетъ значеніе лишь *логически-причиннаго*.

«Двѣ вещи могутъ быть впрочемъ тѣсно и неразрывно связаны между собою такимъ образомъ, что одна не можетъ считаться зависящею отъ другой, не можетъ быть отнесена къ другой, какъ къ причинѣ».

«Когда во время дождя мы видимъ на небѣ радугу, то мы знаемъ причину ея—солнце; оно находится къ радугѣ въ отношеніи причинности. Но намъ извѣстно также, что съ каждою перемѣною занимаемаго нами мѣста намъ видится уже *другая* радуга, такъ какъ вслѣдъ за нашимъ движеніемъ инныя капли воды становятся къ солнцу и нашему глазу въ то соотношеніе, которое необходимо для воспріятія радуги. Тутъ между наблюдателемъ и радугою является отношеніе особаго рода, а именно: измѣненіе, претерпѣваемое наблюдателемъ, влечетъ за собою и измѣненіе въ радугѣ. Это отношеніе не можетъ считаться причиннымъ потому что наблюдатель не производитъ радуги, и еще менѣе можно считать его логическимъ. Оно представляетъ собою соподчиненіе съ перемѣнными членами и мы называемъ его *функциональнымъ*».

«Въ основѣ всякой человѣческой дѣятельности лежитъ аналогическое соотношеніе. Воздѣйствующее на наши глаза, уши и т. д. раздраженіе, производимое окружающею насъ обстановкою, свѣтовые лучи, звуковыя волны и т. д. являются прямыми причинами безконечно-разнообразныхъ физиологическихъ процессовъ въ нашемъ мозгу. Съ такими процессами связываются воѣ наши воспріятія, представленія, чувствованія и мысли. Эту связь не слѣдуетъ понимать однако же такъ, что физиологическіе процессы въ причинномъ смыслѣ производятъ наши мысли и т. д., подобно тому, какъ печень производитъ желчь, а только, что при посредствѣ опыта и воспитанія усвояемое мозговыми процессами мы обозначаемъ *наименованіями*; каждому процессу мы приурочиваемъ извѣстное высказываніе и соединяемъ обѣ величины такимъ образомъ, что за малѣйшимъ измѣненіемъ мозгового состоянія слѣдуетъ и измѣненіе въ высказываніи. (Дѣлаемъ мы, напримѣръ, извѣстный поворотъ винта въ лампѣ и говоримъ: «станетъ свѣтлѣе», смотримъ на осыпающіеся съ деревьевъ листья и говоримъ: «наступаетъ осень», и т. д.). Такое соотношеніе, лежащее въ основѣ всѣхъ человѣческихъ высказываній, мы называемъ *логически-функциональнымъ соотношеніемъ*».

Такимъ образомъ, въ указанныхъ выше соотношеніяхъ между R и C мы усматриваемъ характеръ причинной связи; что же касается соотношеній между R и E и между C и E—и обратно—то здѣсь связь эта не имѣетъ причиннаго характера. Эта связь логически-функциональная, являющаяся синтезомъ двухъ параллельныхъ явленій.

Теперь читатель ознакомился уже въ главныхъ чертахъ съ общимъ характеромъ эмпириокритической основной схемы и можетъ видѣть, что предѣлы одного только описанія нигдѣ не были перейдены: вездѣ шла рѣчь лишь объ измѣненіяхъ системы C и условіяхъ этихъ измѣненій и ни съ какими произвольно-введенными въ разсужденіе факторами дѣла имѣть не приходилось.

Переходя теперь къ анализу измѣненій системы C , я долженъ замѣтить, что принятыя для общаго очерчанія этихъ измѣненій обозначенія должны будутъ возрастать и осложняться соразмѣрно ходу встрѣчаемыхъ различій, но что обстоятельство это, опосредствуя простоту и краткости изложенія, всегда будетъ представлять облегченіе, а не затрудненіе процесса усвоенія постепеннѣо развертывающихся передъ читателемъ воззрѣній.

Представивъ себѣ, что въ системѣ C произошло измѣненіе, мы тѣмъ самымъ устанавливаемъ различіе между двумя ея состояніями: тѣмъ, которое предшествовало измѣненію—*начальное состояніе*, и тѣмъ, которое за этимъ измѣненіемъ послѣдовало,—*конечное состояніе*. Подъ самимъ же измѣненіемъ разумѣется при этомъ положительное или отрицательное приращеніе даннаго состоянія на извѣстную логически-равнозначущую измѣненію величину. Начальное состояніе системы мы можемъ разсматривать также какъ *предварительное* условіе измѣненія и въ такомъ случаѣ мы должны будемъ сопоставить его съ тѣмъ условіемъ, которое представляетъ собою специально-измѣняющій моментъ и для обозначенія котораго служитъ терминъ *дополнительное условіе*. Понимая теперь подъ знакомъ C начальное состояніе системы, мы получаемъ возможность обозначить ея конечное состояніе черезъ $C + \Delta C$, и при его помощи формулировать приведенное выше 3-е положеніе слѣдующимъ образомъ: *во всякъ тѣхъ случаяхъ, когда E принимается зависящимъ отъ R , E непосредственно зависитъ отъ обусловленнаго черезъ R конечнаго состоянія $C + \Delta C$.*

«Во всякомъ отдѣльномъ случаѣ мы разсматриваемъ начальное состояніе системы C , а также и системныя предварительныя условія, какъ совокупность тѣхъ условій, при которыхъ становится возможнымъ данное измѣненіе (поскольку оно зависитъ отъ C , а не отъ R). Для доведенія этого условія до полноты необходимо, чтобы начальное состояніе приумножилось по крайней мѣрѣ на одно, прежде въ C не содержавшееся, условіе, такъ какъ всякое измѣненіе зависитъ вѣдь не отъ одного только C . Это, долженствующее обрѣтаться за предѣлами C условіе и есть именно—специально-обосновывающая измѣненія—одно лишь извѣстное значеніе имѣющая часть обстановки R_x . Подъ R_x и разумѣется то, что названо было выше дополнительнымъ условіемъ. Дополнительное условіе, какъ видно изъ этого, и названо такъ потому, что оно дополняетъ предварительныя условія системы, доводитъ ихъ до полноты, находящей свое выраженіе въ конечномъ состояніи, т. е. такомъ состояніи,

которое наступает для С по завершении всех постигших его изменений. Въ виду зависимости Е отъ этого конечнаго состоянія нечего много и распространяться о его значеніи. Положимъ, что опредѣленная часть обстановки R_x выражаетъ судебный приговоръ для С. Зависимость всехъ исходящихъ отъ С словъ, дѣйствій и вообще всего его Е, становится очевидною сама собою.

Расчленивъ R, приходится добавить, что впредь для всей обстановки вообще одного знака это будетъ недостаточно. Если бы С всецѣло зависѣло отъ вихря изменений, вносимыхъ R, ему бы пришлось скоро погибнуть подъ ничѣмъ неуравновѣшеннымъ ея давленіемъ. Если этого нѣтъ, то сохраненіе С происходитъ потому, что R имѣетъ двойственный характеръ: съ одной стороны, это источникъ *наученія*,—и въ этомъ смыслѣ я и буду продолжать обозначать его черезъ R;—съ другой, это источникъ *нѣтанія*; въ этомъ случаѣ въ «Критикѣ» принято обозначать его черезъ S. Отсюда и два рода изменений въ системѣ С; одни совершаются въ зависимости отъ R и ихъ означаютъ черезъ f (R), другія совершаются въ зависимости отъ S, т. е. составляютъ f (S).

Соображая приведенныя до сихъ поръ указанія, разъясненія и различенія, не трудно убѣдиться, что система С не предполагается какъ бы стоящею внѣ исторіи и хода развитія, а, напротивъ того, она представляется совмѣщающею въ себѣ всѣ условія, которыя могутъ быть добыты или утрачены силою изменений, т. е. она предполагается способною и къ развитію, къ поступательному ходу, и къ вырожденію, къ попятному движенію.

Посмотримъ же теперь, какиѣ изменениямъ подвергнется она въ этихъ, совмѣщающихся съ предѣлами жизни самой, границахъ?

Прежде всего слѣдуетъ здѣсь различать общія изменения отъ специальныхъ, и въ послѣднемъ—патологическія отъ физиологическихъ. Физиологическія изменения опредѣляются главнымъ образомъ *упражненіемъ*, которое втеченіе всей жизни оказываетъ на нихъ свое воздѣйствіе. Затѣмъ, имѣютъ значеніе *функціональныя* изменения, какъ вполне преходящія, и *формальныя* (или органическія), какъ преходящія лишь отчасти. Это значитъ, что въ первомъ случаѣ система С, и послѣ обусловленнаго обстановкою (R) изменения, остается такою же, или почти такою, какою была до изменения, а во второмъ,—она болѣе или менѣе интенсивно или болѣе или менѣе продолжительное время является измененною. Упражненіе, воздѣйствуя на эти изменения, становится *специфическимъ* въ томъ случаѣ, когда оно воздѣйствуетъ на частныя центральныя системы, (совокупность которыхъ и есть система С), и вырабатываетъ, и въ формальномъ, и въ функціональномъ отношеніи, ту или иную ихъ опредѣленность. Обстановка можетъ содержать или же не содержать способствующіе извѣстному упражненію моменты, моменты эти могутъ быть или не быть между собою въ сродствѣ,—во всякомъ случаѣ подъ ихъ воздѣйствіемъ вырабаты-

ваются тѣ или иные *формы измѣненій*, которыя всегда приходится различать. Охватывая во всей ихъ совокупности всѣ соотносящіяся сюда обстоятельства, можно видѣть, что развитіе, усиленіе, усовершенствованіе, словомъ, *подготовка* системы С въ широкомъ смыслѣ, находится въ зависимости отъ упражненій частныхъ системъ, изъ общей совокупности которыхъ слагается система С. Этотъ процессъ и заканчивается выдѣленіемъ *главныхъ* частныхъ системъ отъ *побочныхъ*. Исторія развитія всякаго таланта, всякой выдающейся личности, можетъ представить обильныя для этого положенія иллюстраціи.

Достигнутые результаты даютъ возможность нижеслѣдующимъ образомъ измѣнить формулировку 3-го положенія: *если въ какомъ-нибудь отдельномъ случаѣ содержаніе утвержденія должно имѣть специально-определенное значеніе E_x , то это E_x находится въ посредственной зависимости отъ дополнительнаго условія K_x , а непосредственно зависитъ отъ конечнаго состоянія $C + \Delta C$ системы С.* Что же касается относящейся сюда формы измѣненія, то она обусловливается не однимъ только специальнымъ дополнительнымъ условіемъ R_x , но и специальнымъ подготовленіемъ системы С,—соотносительно—частныхъ центральныхъ системъ.

Положеніе это, какъ то и очевидно, имѣетъ значеніе не только для правильной постановки вопросовъ при ретроспективномъ взглядѣ на ходъ развитія личностей, но достойно вниманія и всякаго внимательнаго педагога.

Все это, само собою разумѣется, находится въ тѣсной связи съ вопросами психологіи, и я теперь перейду къ указанію пути, который ведетъ отъ только-что намѣченнаго пункта къ освѣщенію одного изъ труднѣйшихъ въ ряду представляющихся намъ въ этой области изслѣдованія вопросовъ.

Представимъ себѣ, что извѣстная составная часть обстановки обусловливаетъ какое-нибудь измѣненіе той или другой частной центральной системы,—системы чувственной, напримѣръ,—и, развивая далѣе взятый нами случай, допустимъ, что указанное измѣненіе переходитъ на другую частную систему,—положимъ: двигательную, измѣненіе которой передается органу рѣчи, либо зрительному мускулу, или же рукѣ, ногѣ и т. д. Дѣло на этомъ не оканчивается, такъ какъ индивидъ, которому принадлежитъ С и обѣ частныя системы, «видитъ» свои собственные движенія, «слышитъ» свой собственный голосъ; другими словами: сокращеніе его мускуловъ,—соотносительно:—произведенныя ими звуковыя волны тотъ-часъ же образуютъ новую составную часть обстановки, и образуютъ ее не только для другихъ индивидовъ, но и для того самого, отъ котораго они исходятъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ они получаютъ значеніе новаго дополнительнаго условія, благодаря которому и возникаетъ въ третьей по счету частной системѣ того же индивида новое измѣненіе, которое переходитъ, какъ то и очевидно, къ пер-

вой его частной системѣ. Этотъ, столь просто представляющійся *кругъ изменений* (или круговой процессъ), образующійся переходомъ нашихъ же высказываній въ нечто, имѣющее для насъ значеніе обстановки (переходъ Е въ R), представляетъ собою основу труднѣйшихъ проблемъ, — самосознанія, напримѣръ.

Добавимъ къ вышесказанному еще одно замѣчаніе, долженствующее освѣтить и гносеологическое значеніе проведеннаго до настоящаго пункта изслѣдованія, и затѣмъ перейдемъ къ слѣдующей стадіи «Критики» — къ вопросу о сохраненіи индивида, во главѣ котораго намъ представится установленіе основнаго біомеханическаго закона.

Мы знаемъ уже, что все, имѣющее значеніе Е, находится въ извѣстной зависимости отъ измененийъ системы С. Эти изменения и «значенія Е» представляютъ собою двѣ переменныхъ, изъ которыхъ одну можно признавать *зависимой*, а другую — *независимой*. И такъ какъ изъ «значеній Е», такъ же, какъ и изъ системныхъ измененийъ, образуются извѣстные ряды, то и получаются два ряда: одинъ *зависимый* (или рядъ значенія Е) и другой — *независимый* (или рядъ системныхъ измененийъ). Между этими двумя рядами, какъ соподчиненными, и констатируется то логически-функциональное отношеніе, о которомъ говорено было выше. При этомъ еще разъ надо напомнить читателю, что терминъ «функциональный» не имѣетъ никакого отношенія къ физиологіи, такъ какъ содержаніе утвержденій (Е), такъ же, какъ и все мышленіе, не есть *продуктъ* физиологическихъ функцій и т. д. мозга, но состоитъ лишь съ изменениями С въ *логически-функциональномъ* отношеніи. «Такимъ образомъ, два міра — «природа» и «сознаніе» вводятся во взаимную связь и получаютъ возможность взаимно освѣщаться».

Теперь намъ предстоитъ заняться вопросомъ о сохраненіи индивида.

«Критика», какъ мы то уже знаемъ, считаетъ обстановку предпосылкою не однихъ только высказываній индивида, но и предпосылкою сохраненія этого индивида, поскольку обстановка доставляетъ ему питаніе и защиту. Сохраненіе, доставляемое обстановкою, однакоже не безусловно; такъ какъ она предполагается не идеальною и многія обуславливаемые ею изменения системы С признаются имѣющими значеніе *угрозъ* для послѣдней. Система С, съ своей стороны, противопоставляетъ этимъ угрозамъ тѣ изменения, которыя, за неимѣніемъ болѣе точнаго выраженія, «Критика» называетъ «приспособленіями».

Устойчивость, составляющая цѣль усилій системы С, само собою разумѣется, не абсолютна, такъ какъ мы имѣемъ передъ собою систему переходящую. Система эта можетъ извѣстное время поддерживаться, но остановить уменьшеніе своей устойчивости она не въ состояніи. Достигаемое ею временное сохраненіе носить названіе *жизнеустойчивости*. «Въ ней заключается тотъ регулирующий при-

ципъ, который лежитъ въ основѣ дальнѣйшаго изложенія. Его законы должны стать основными законами всей человѣческой дѣятельности; они же должны послужить основаніемъ и для заключеній мозговой работы».

Жизнеустойчивость, какъ то и очевидно, есть величина измѣняющаяся, постоянно колеблющаяся. Системныя измѣненія, воздѣйствуя на каждый данный моментъ жизни системы С, опредѣляютъ жизнеустойчивость для каждаго этого момента, иначе говоря, устанавливаютъ степень жизнеустойчивости системы. Всякая данная степень жизнеустойчивости можетъ подвергнуться уменьшенію, и чтобы имѣть возможность опредѣлять его, необходимо знать ту, которая мыслится, какъ наибольшая. Эта наибольшая носитъ въ «Критикѣ» названіе *максимума жизнеустойчивости*.

Мы знаемъ уже, что основное условіе устойчивости системы заключается въ упражненіи; упражненіе же, какъ пояснено было выше, находится въ зависимости отъ обстановки. Эта послѣдняя, рассматриваемая съ этой стороны, оказывается *разрушительною*, поскольку она представляется причиняющею измѣненія, и *благопріятною* сохраненію системы С, поскольку мы ее мыслимъ обусловливающею упражненія. Въ случаѣ отсутствія моментовъ, опредѣляющихъ послѣднія, передъ нами разворачивается картина отрицательныхъ образованій, свидѣтельствующихъ о наступившемъ вырожденіи и приближеніи системы къ гибели.

Припомнимъ теперь, что мы уже ранѣе выдѣлили изъ области R ту часть ея, которая спеціально относится къ обмѣну веществъ, обозначивъ эту часть черезъ S. Значеніе функций этихъ двухъ частей обстановки само по себѣ очевидно: если $f(S)$ есть *«органически-образовательный или созидательный процессъ»*, то $f(R)$ надо будетъ считать *«процессомъ наученія или процессомъ «работы»*; короче, обозначенія: $f(S)$ и $f(R)$ —будутъ для насъ символическими знаками *«питанія»* и *«работы»*. Нечего и прибавлять, что обѣ эти функции должны мыслиться обозначающими два противоположныя между собою измѣненія системы С: что созидаетъ одна, то разрушаетъ другая, и обратно, а изъ этого слѣдуетъ, что обѣ должны находиться въ равновѣсіи для достиженія возможно-наибольшаго сохраненія С, а слѣдовательно и индивида.

Лишь только одинъ процессъ станетъ превышать другой, какъ система станетъ тотчасъ же клониться къ упадку и исчезновенію. Условіемъ сохраненія или же условіемъ разрушенія нельзя считать ни $f(S)$, ни $f(R)$, самихъ по себѣ: то или другое значеніе можетъ имѣть лишь ихъ *разность*, и притомъ въ той мѣрѣ, въ какой она удаляется отъ ихъ равенства (разрушеніе) или же приближается къ нему (сохраненіе).

На этомъ основаніи «Критика» и формулируетъ основной биомеханический законъ нижеслѣдующимъ образомъ: *каждая система находится въ состояніи наибольшей жизнеустойчивости по-*

стольку, поскольку къ ней прилагается равенство: $f(R) = -f(S)$, или $f(R) + f(S) = 0$.

Послѣдняя формула при отношеніи ея къ степени жизнеустойчивости получитъ названіе *жизнеразности*. Понятіе, опредѣленное этимъ терминомъ, принадлежитъ въ «Критикѣ» къ числу важнѣйшихъ. При его помощи пойдетъ все дальнѣйшее изслѣдованіе, которыми и опредѣлится все присущее этому понятію значеніе.

Если бы мы пожелали выразить изложенный весь законъ помимо принятыхъ символическихъ знаковъ, то назвавъ $f(R)$ и $f(S)$ *частно-системными факторами*, мы можемъ формулировать законъ этотъ такъ: *всякая система С находится въ максимумъ своей жизнеустойчивости, когда ея частно-системные факторы равны между собою.*

«Предпосылки, заключающіяся въ этомъ положеніи, представляютъ общенаучное достоинствѣ. Нетолько перенапряженіе отъ работы (т. е. избытокъ $f(R)$) вносить патологическія измѣненія въ частныя центральныя системы, но сохраненіе этихъ послѣднихъ претерпѣваетъ ущербъ и въ томъ случаѣ, когда дѣятельность ихъ прекращается, т. е. когда ихъ постигаетъ отсутствіе работы (отсутствіе $f(R)$). Это наблюденіе есть одно изъ обыкновеннѣйшихъ, оно было даже примѣнено къ изученію центральныхъ нервныхъ путей (методъ Гуддена) Въ противоположность тому, анатомическое изслѣдованіе показываетъ, что при маніи, напримѣръ, наблюдается гиперемія, т. е. излишнее питаніе (избытокъ $f(S)$).

Въ дополненіе къ только-что сдѣланному очерку установленія основнаго біомеханическаго закона остается только сказать нѣсколько словъ относительно общаго значенія понятія *жизнеразности*.

«Когда какая нибудь *составная часть обстановки* R_x становится дѣйствительнымъ *дополнительнымъ условіемъ* для того или иного *системнаго измѣненія*, то совершается это въ формѣ количественнаго измѣненія одного изъ *факторовъ*, или $f(R)$, или $f(S)$. Въ этомъ случаѣ, сумма $f(R)$ и $f(S)$ окажется не равною нулю, а *большее* нуля; въ «Критикѣ» обстоятельство это находитъ себѣ выраженіе въ слѣдующей формулѣ: *составная часть обстановки* R_x *устанавливаетъ жизнеразность*: она, слѣдовательно, дифференцируетъ *максимальную жизнеустойчивость*, уменьшая ее. Такимъ образомъ, напримѣръ, картинка въ книжкѣ ребенка можетъ послужить *постановкѣ* для него *жизнеразности*, точно такъ же, какъ позже, *постановка* эта можетъ совершиться вслѣдствіе предложенія ему какой-нибудь арифметической задачи, или, какъ для всякаго изъ насъ, можетъ совершить то же самое—картина, «мировая загадка» (Welträtsel), или иная проблема. Понятіе «*жизнеразность*» и само по себѣ можетъ впрочемъ установить *жизнеразность*, а именно для того, кто впервые приступаетъ къ «ознакомленію» съ «Критикою чистаго опыта»; такая постановка имѣетъ мѣсто какъ-

разъ столько времени, сколько нужно, чтобы «ознакомленіе» это перешло въ «знакомство».

Мы можемъ перейти теперь къ дальнѣйшимъ различіямъ замѣченныхъ «Критикой» въ общемъ ходѣ измѣненій системы С.

Мы знаемъ уже, что система С постоянно стремится къ достиженію наибольшей жизнеустойчивости, иначе говоря, — къ осуществленію извѣстнаго уже намъ равенства: $f(R) + f(S) = 0$. Максимумъ жизнеустойчивости соответствуетъ здѣсь нулевому пункту, установиться на которомъ непрестанно и стремится стрѣлка вѣсовъ жизни; стремленіе, встрѣчающее, однакоже, постоянное препятствіе со стороны угрозъ враждебной жизнесохраненію обстановки. Противоположность эта находитъ выраженіе въ указанной выше жизнеразности. Пока *жизнеразность* остается *неустраненною*, до тѣхъ поръ система остается внѣ достиженія нулевого пункта или *покоя*, къ которому направлены ея стремленія. Изъ такого положенія вещей очевидно слѣдуетъ, что равновѣсіе системы не можетъ быть устойчивымъ, что оно всегда является колеблющимся, подобнымъ колебанію стрѣлки вѣсовъ. На этомъ основаніи «Критика» и называетъ *системнымъ колебаніемъ* то состояніе системы С, въ которомъ она неизбѣжно пребываетъ, какъ только та или иная составная часть обстановки совершаетъ для нея постановку жизнеразности.

Такое системное колебаніе считается *положительнымъ*, когда происходитъ увеличеніе частно-системныхъ факторовъ, $f(R)$ или $f(S)$, и *отрицательнымъ*, когда имѣетъ мѣсто уменьшеніе одного изъ нихъ. Само собою разумѣется, что послѣ каждого такого колебанія система С вновь стремится къ покою посредствомъ осуществленія извѣстнаго уже намъ равенства.

Изученіе колебаній даетъ возможность различать ихъ *направленіе*, выражающееся въ удаленіи или приближеніи хода или процесса колебанія по отношенію къ покою системы, его *значительность* или *незначительность* для жизнеустойчивости системы С, его *дѣйственность* измѣряемую сферой его вліянія, *воздѣйствіе* на него соответственныхъ *упражненій*, его *разнообразие*, и наконецъ, его *форма*, т. е. совокупность такихъ его свойствъ, соотносящихся къ которымъ высказыванія считаются въ психологіи «качествами ощущеній», тогда какъ къ *величинѣ* колебанія приурочиваются высказыванія, касающіяся «напряженія ощущеній». Отдѣлы этихъ различій, обстоятельно разработанный во 2-й части «Критики», можетъ тутъ, къ сожалѣнію, быть только едва намѣченъ.

Очень важное значеніе имѣетъ различеніе колебаній на *колебанія перваго, втораго, и т. д. порядковъ*. Колебаніями перваго порядка считаются тѣ, которые, въ силу ихъ повторности, приобретаютъ такую степень усвоенія, что, въ свою очередь, представляются чѣмъ-то постояннымъ. Таковы *правильно* повторяющіяся колебанія, связанныя съ повседневнымъ протеканіемъ жизненнаго процесса. Само собою разумѣется, что колебанія эти нельзя пред-

ставлять себѣ однообразными и правильными. Они имѣютъ свои уклоны, свои прихотливыя варіированія, и варіированія эти безпрестанно вторгаются, входятъ клиномъ, въ колебанія перваго порядка. Эти колебанія и получаютъ названіе колебаній второго порядка, допускающія, по аналогіи условій, колебаніе третьяго порядка и т. д.

Если читатель сопоставитъ выясненные до этого времени три понятія — *измѣненія*, *жизнеразности* и *колебанія*, — то онъ легко усмотритъ, что понятія эти представляются въ извѣстномъ отношеніи между собою согласующимися; не слѣдуетъ только терять изъ виду, что два послѣднія сообщаютъ первому недостающую ему точность. *Жизнеразность* есть измѣненіе, разсматриваемое въ его соотношеніи къ *жизнеустойчивости*, *колебаніе* же есть измѣненіе отнесенное къ *покою* системы.

Если, слѣдя за изложенными до сихъ поръ біологическими различіями и сопоставленіями, читатель не будетъ терять изъ виду установленныхъ раньше положеній относительно взаимной связи между R, C и E, то онъ легко будетъ представлять себѣ гносеологическое значеніе cadaго изъ обследованныхъ моментовъ. И въ самомъ дѣлѣ, не очевидно-ли, что всѣмъ воздѣйствіямъ обстановки R, на индивидъ C, отвѣчаютъ высказыванію индивида, т. е. E. До сихъ поръ всѣ эти высказыванія, не смотря на значительную ширь успѣвшей развернуться передъ нами картины жизни, не выходять за предѣлы установленной эмпириокритической предпосылки, т. е. за предѣлы чистаго опыта. Принятый путь простаго описанія, все болѣе и болѣе, вникая въ представляемые дѣйствительностью различія, ведетъ къ постоянному осложненію оборудуемаго матеріала, но онъ нисколько не теряетъ въ ясности и ни на одинъ мигъ не обнаруживаетъ даже и намека на недостаточность избраннаго средства.

Идя далѣе по намѣченному пути, мы въ настоящее время должны ознакомиться съ тѣмъ новымъ орудіемъ изслѣдованія, которое непосредственно примыкаетъ къ только-что разсмотрѣнному понятію жизнеразности: я разумѣю понятіе *жизненного ряда*.

Если бы ставимая обстановкою жизнеразности оказалась неустрашимыми, то система имъ подверженная должна бы была погибнуть. На самомъ дѣлѣ этого нѣтъ: устранить жизнеразности при извѣстныхъ условіяхъ возможна и покой системы въ такихъ случаяхъ оказывается достижимымъ.

Если бы обстановка, выставивъ раздражающій моментъ, сама бы и удаляла его, то дѣло оказалось бы крайне простымъ. Не всегда, однако же, такъ бываетъ: иной разъ обстановка нисколько не способствуетъ исходу возрастающаго системнаго колебанія, иной разъ и способствуетъ, но не вполне, въ концѣ концовъ устраненіе жизнеразности становится заботой самой системы C.

Представимъ себѣ теперь ходъ установленія и устраненія жиз-

неразности и передъ нами явится та отдѣльно-взятая послѣдовательность событій, которую можно выдѣлить для спеціальнаго изслѣдованія, и которая въ «Критикѣ» носитъ названіе жизненнаго ряда.

Прежде всего: съ чего начинается эта послѣдовательность событій? Со стороны обстановки возникаютъ угрожающіе симптомы, наступаетъ возрастающее колебаніе, совершается постановка жизнеразности, т. е. неблагоприятно измѣняется или $f(R)$ или $f(S)$; твердая почва, выражаемая максимумомъ жизнеустойчивости, оказывается утерянною. Это *первый отдалъ* или *первая часть* жизненнаго ряда. Въ чемъ же заключается *вторая*? Она заключается въ томъ, что система S , въ непокидающемъ ее стремленіи къ столь драгоценному ей максимуму жизнеустойчивости, переживаетъ всѣ тѣ измѣненія, эквивалентомъ которыхъ является изысканіе ею средствъ и способовъ къ устраненію жизнеразности и возвращенію утеряннаго покоя. Варіированія на эту тему могутъ быть, конечно, крайне разнообразны, а длительность ихъ неизбѣжно представляетъ величину въ высшей степени колеблющуюся. Если система подъ гнетомъ жизнеразности погибаетъ, то жизненный рядъ обрывается, не достигнувъ своей полноты; въ противномъ случаѣ наступаетъ *третья его часть*: система S находитъ то измѣненіе самой себя, при которой поставленная ей жизнеразность оказывается устраненною; колебанію наступаетъ конецъ, — максимумъ жизнеустойчивости возмѣщенъ. Такова схема простѣйшаго случая, слагающагося въ жизненный рядъ. Само собою разумѣется, осложненіе его имѣетъ весьма широкія границы, но и эти осложненія могутъ быть охвачены приемами простаго описанія, которымъ пользуется «Критика», и не даютъ повода для выхода за предѣлы чистаго опыта. Объ этомъ, впрочемъ, рѣчь еще впереди.

Жизнь всякаго человѣка представляетъ безчисленные примѣры, въ которыхъ та или иная практическая или теоретическая его дѣятельность можетъ стать содержаніемъ жизненнаго ряда. Начиная съ мелочей, — съ удаленія, напримѣръ, пылинки, попавшей въ глазъ, — всякій моментъ борьбы за существованіе представляетъ постановку жизнеразности, изысканіе средствъ ея устраненія и самое это устраненіе т. е. — всѣ три элемента жизненнаго ряда. Вглядимся ближе въ жизненный рядъ, представляемый работою философа. «Предположимъ, что его подготовка (въ смыслѣ системнаго предварительнаго условія) такова, что онъ — способный къ самостоятельной работѣ — не является слѣпымъ поклонникомъ той или иной системы и стоитъ при этомъ выше уровня критическотносящагося къ системѣ послѣдователя. Предположимъ далѣе, что предшествовавшія философскія системы (какъ дѣйствительныя дополнительныя условія), или какая-нибудь одна изъ нихъ, производятъ такое измѣненіе въ покой его системы, что является возможность указать на нее, какъ на жизнеразность. Такимъ образомъ оказы-

вается привлеченнымъ къ разсмотрѣнію увеличеніе $f(R)$ и посредствомъ совершающейся при этомъ постановкѣ проблемы вводится *начальное измѣненіе* жизненнаго ряда. Система С нашего философа, въ своемъ стремленіи къ поддержанію своей устойчивости при постигающихъ ее уменьшеніяхъ, переходитъ къ болѣе или менѣе данному ряду измѣненій, которыя—длятся ли они короткое время или тянутся десятки лѣтъ—имѣютъ значеніе *среднихъ измѣненій*. Логически приуроченнымъ къ этимъ измѣненіямъ рядомъ будетъ рядъ (изустныхъ или письменныхъ) высказываній, т. е. подготовительныхъ работъ и т. д., и это будетъ длиться до тѣхъ поръ, пока возникнетъ *такое* системное измѣненіе (получающее значеніе *заключительнаго*), зависимаго котораго дастъ новое *рѣшеніе проблемы* и жизнеразность окажется такимъ путемъ устраненною.

Весь матеріалъ приведеннаго до настоящаго момента изслѣдованія вливается, какъ видно изъ вышесказаннаго, въ русло жизненнаго ряда; теперь, продолженіе нашего изслѣдованія будетъ уже изслѣдованіемъ жизненнаго ряда первого и высшихъ порядковъ, а центромъ тяжести этого послѣдняго явится, какъ то и разумѣется само собою, вопросъ объ условіяхъ устраненія жизнеразности.

Разсматривая вопросъ этотъ сперва съ чисто-формальной его стороны, т. е. согласно однимъ только логическимъ законамъ при совершенномъ отвлеченіи отъ его содержанія, намъ слѣдуетъ обозрѣть тѣ измѣнчивости или варіированія, которыя сводятъ извѣстное намъ равенство $-f(R) + f(S) = 0$ на неравенство $-f(R) + f(S) > 0$; и затѣмъ прослѣдить и тотъ процессъ, который отъ этого неравенства приводитъ къ первоначальному равенству или покою системы. Система С варіируетъ тутъ, очевидно, разнообразнѣйшимъ образомъ, но, принимая во вниманіе, что каждая изъ функцій равенства можетъ или увеличиваться или уменьшаться, мы неизбежно приходимъ къ двумъ формамъ *колебанія работы*, т. е. $f(R)$, и двумъ формамъ *колебанія питанія*, т. е. $f(S)$; всего къ четыремъ родамъ возможныхъ варіированій системныхъ факторовъ.

Если мы теперь сопоставимъ каждый изъ этихъ рядовъ, въ качествѣ элементовъ начальныхъ измѣненій или перваго отдѣла жизненнаго ряда, съ соответственными чередованіями тѣхъ элементовъ, въ качествѣ заключительныхъ измѣненій третьей части ряда, то получимъ перечень всѣхъ тѣхъ сочетаній, каждое изъ которыхъ представитъ возможный случай постановки и устраненія жизнеразности всякаго жизненнаго ряда. Такимъ образомъ окажется, что колебаніе, возникшее вслѣдствіе *увеличенія* работы, можетъ быть устранено ея *уменьшеніемъ* (и наоборотъ), а то, которое возникло вслѣдствіе *увеличенія* питанія можетъ устраниться *уменьшеніемъ* питанія (и наоборотъ). Съ другой стороны, колебаніе можетъ устраниться при позднѣйшемъ возникновеніи варіированія въ томъ случаѣ, когда такого варіированія первоначально не значилось, т. е., въ

этомъ случаѣ увеличеніе работы будетъ уравновѣшено увеличеніемъ питанія и, наоборотъ, точно такъ же, какъ и уменьшеніе питанія уравновѣсится соотвѣтственнымъ уменьшеніемъ работы и, наоборотъ. Понятное дѣло, что такихъ сочетаній въ нашемъ перечнѣ окажется восемь.

При безконечной сложности случаевъ, распределяющихся по этимъ восьми рядамъ ихъ, одна изъ важнѣйшихъ задачъ «Критики» заключалась въ достоядномъ удовлетвореніи необходимаго требованія упрощенія пріемовъ и способовъ *сведеніе всѣхъ этихъ случаевъ къ единству*. Необходимо было выбрать изъ 8 родовъ, значущихся въ упомянутомъ перечнѣ, одинъ такой, сопоставляя съ которымъ остальные было бы возможно разсматривать ихъ какъ его видоизмѣненіе. Такой рядъ могъ бы получить названіе *основного случая*.

Вникая въ значеніе всѣхъ случаевъ перечня, легко видѣть, что нѣкоторые изъ нихъ, какъ то: увеличеніе питанія уравновѣшиваемое его уменьшеніемъ, увеличеніе работы уравновѣшиваемое ея уменьшеніемъ и уменьшеніе работы уравновѣшиваемое соотносительнымъ ея увеличеніемъ, относятся къ области физиологій и патологій, а потому указанному выше требованію не отвѣчаютъ. Точно также, случай уравновѣшенія уменьшенія питанія увеличеніемъ его намъ пригодиться не можетъ, такъ какъ онъ, въ качествѣ верховодящаго, представлялъ бы тѣ ступени культуры, на которыхъ поиски пищи и ея принятіе представляются главнымъ условіемъ поддержанія устойчивости системы С, всѣ наличныя силы которой привлекаются для приложенія къ этому основному случаю. Когда дѣло идетъ объ основѣ теоріи человѣческаго познанія, тогда, очевидно, вниманіе должно сосредоточиться на $f(R)$; а процессъ обмѣна веществъ — $f(S)$ — отодвигается на второй планъ, и при этомъ, все то, что до сихъ поръ было относимо къ мускульной работѣ, должно пойти въ дѣло при изслѣдованіи работы, помощью которой должно подвигаться созиданіе интересующей насъ теоріи.

На этомъ основаніи и избирается тотъ случай, въ которомъ увеличенію питанія, предполагающемуся равномернымъ, соотвѣтствуетъ увеличеніе работы, точно также равномерное, при чемъ предполагается такой индивидъ, который находится еще въ періодѣ поступательнаго развитія. Колебаніе ограничивается только тѣмъ, что увеличеніе питанія предполагается происшедшимъ при условіяхъ сна, такъ что изслѣдованіе само собою входитъ въ рамки той части колебанія, которая захватываетъ процессъ увеличенія работы.

Въ виду все болѣе и болѣе возрастающей сложности нашего изслѣдованія, дальнѣйшее расчлененіе и специализація избраннаго основного случая требуетъ введенія нѣкоторыхъ новыхъ обозначеній.

Равномерно-возрастающее питаніе мы будемъ обозначать тер-

миномъ *частно-системный моментъ II*, а соотносящееся равномерное увеличеніе работы—терминомъ *соотносительный моментъ* или *комоментъ Г*. Главное значеніе тутъ принадлежитъ послѣднему. Онъ обозначаетъ увеличеніе работы и притомъ не всякой, а той, именно, которая необходима для жизнеустойчивости системы С. Увеличенія работы, производящія уменьшенія жизнеустойчивости С, исключаются изъ этого понятія, и комоментъ Г является обозначеніемъ усвоеннаго упражненіемъ увеличенія работы, тѣмъ увеличеніемъ, которымъ система располагаетъ уже въ силу своего собственнаго развитія.

На различіи моментъ II и Г основывается различіе жизнеразностей перваго и высшаго порядковъ. Подобно тому, какъ исполнѣ усвоенное упражненіемъ колебаніе было названо колебаніемъ 1-го п., такъ и данныя въ системѣ С измѣненія, въ томъ случаѣ, когда встрѣчаются одни только неизмѣнчивые (не варіирующіе) системные моменты II, мы обозначаемъ, какъ жизнеразности 1-го п. Напротивъ того, всякая измѣнчивость колебанія, касается ли она значенія II при временной неизмѣнчивости значенія Г, или значенія Г при временной неизмѣнчивости значенія II, будетъ обозначаться какъ жизнеразность 2-го, 3-го и т. д. порядковъ. Первый порядокъ жизнеразностей, какъ то и очевидно, сводится къ одному лишь равномерному, ежедневно повторяющемуся введенію пищи, имѣющему мѣсто лишь въ случаяхъ слабоумія, а потому намъ придется говорить — если не дано будетъ особаго для даннаго случая указанія,—лишь о жизнеразностяхъ высшихъ порядковъ.

Само собою разумѣется, что приложеніе вырабатываемыхъ «Критикою» различеній можетъ имѣть мѣсто и за предѣлами основнаго случая. Такое широкое приложеніе можетъ получить, напримѣръ, и, основывающійся на только что указанномъ, терминъ *комоментированіе*, которое, будучи положительнымъ, обозначаетъ поднятіе работы до значенія ея увеличенія, а являясь отрицательнымъ, обозначаетъ пониженіе этого значенія. Такъ, при изученіи исторіи философіи, можетъ имѣть мѣсто первый случай, когда, благодаря приливу новыхъ понятій, возникаютъ измѣненія, которыя и становятся комоментами, т. е. комоментируются положительно. Размышленія о постигшей утратѣ, доводящія до смерти безутѣшнаго человѣка, являются примѣромъ комоментированія отрицательнаго. Можетъ, наконецъ, случиться и такъ, что человѣкъ житейской практики своимъ заявленіемъ, что онъ-де всякія науки позабылъ, да ими болѣе и не интересуется, обнаруживаетъ, что прежнее его положительное комоментированіе перешло въ отрицательное.

Установивъ «основной случай» и указавъ на новыя необходимыя для дальнѣйшаго изслѣдованія различія, намъ предстоитъ перейти теперь къ ближайшему разсмотрѣнію *уклада жизненнаго ряда по его частямъ*, или иначе говоря, къ рѣшенію вопроса о томъ, ка-

кимъ образомъ совершается протеканіе жизненнаго ряда примѣнительно къ избранному «основному случаю».

Въ общей картинѣ протеканія жизненныхъ рядовъ мы прежде всего должны отмѣтить двѣ главнѣйшія особенности. Во-первыхъ, намъ представляется усвоенное упражненіемъ равномерное увеличеніе питанія, уравниваемое равномернымъ же возрастаніемъ работы,—это *жизненный рядъ перваго порядка*. Съ такимъ простымъ укладомъ жизненнаго ряда перваго порядка сопоставляется болѣе сложный укладъ *жизненнаго ряда высшаго порядка*. Онъ заключается въ нижеслѣдующемъ: предположенное при условіи сна увеличеніе питанія является даннымъ, подлежащимъ уравниванію. Затѣмъ вступаетъ комоментъ Γ и начинается процессъ этого уравниванія, но какъ разъ въ это время включается въ рядъ новый, варьирующій комоментъ $\Gamma + \Delta\Gamma$, имѣющій значеніе второй жизнеразности; начавшееся завершеніе жизненнаго ряда прерывается, и вносится новый рядъ измѣненій, служащій уже не къ завершенію ряда перваго порядка, а только, пока, къ устраненію варіирования, внесеннаго въ колебаніе комоментомъ $\Gamma + \Delta\Gamma$. Этотъ новый рядъ измѣненій и есть именно тотъ, который обозначается какъ *жизненный рядъ высшаго порядка*.

Особенность его заключается въ томъ, что онъ проникаетъ въ жизненный рядъ перваго порядка и занимаетъ мѣсто между среднимъ и заключительнымъ его измѣненіемъ, представляя новый рядъ варіированій колебанія, угрожающихъ устойчивости системы. Переходъ къ полному завершенію этого ряда (въ который оказывается проникнувшею пертурбація ровнаго протеканія его), наступаетъ такимъ образомъ лишь по устраненіи произведшей ея жизнеразности.

При дальнѣйшемъ разсмотрѣніи протеканія жизненныхъ рядовъ вниманіе наше должно будетъ, главнымъ образомъ, сосредоточиться на среднихъ и заключительныхъ измѣненіяхъ, такъ какъ начальныя измѣненія, согласно изложеннымъ ранѣе объясненіямъ, представляютъ предварительныя условія системы S или, иначе говоря, представляютъ систему S , какъ она является *данною* для разсматриваемаго случая.

Въ виду избѣжанія недоразумѣнія, припомнимъ теперь сказанное о значеніи средняго отдѣла ряда. Собственно говоря, всякое мыслимое измѣненіе системы S можно разсматривать какъ измѣненіе средняго отдѣла, но само собою разумѣется при этомъ, не непременно такимъ, которое ведетъ къ неизбѣжности заключительнаго измѣненія. Различіе это условно и должно быть разсматриваемо какъ данное для каждаго отдѣльнаго случая; но разъ оно дано, характеръ его уже опредѣлится самою постановкою вопроса и извѣстное состояніе системы затѣмъ уже разсматривается какъ соотвѣтствующее этому измѣненію. Возьмемъ для примѣра жизненный рядъ, охватывающій всѣ перипетіи появленія въ печати какого нибудь произве-

денія. Что жизненный рядъ этотъ относится къ высшему порядку, видно изъ того, что онъ представляется включеннымъ въ тотъ, который охватываетъ измѣненія обыденной жизни, и который онъ своимъ завершеніемъ не завершаетъ; затѣмъ, мы можемъ считать среднимъ его отдѣломъ и изученіе матеріаловъ, и предварительную координацію полученныхъ отъ этого изученія результатовъ, и варіированіе въ процессъ составленія плана работы, и процессъ самой работы, продолжающій воздействовать на варіированіи предъидущихъ компонентовъ; но что бы мы ни приняли за средній отдѣлъ, мы тѣмъ самымъ устанавливаемъ укладъ ряда и, слѣдовательно, теперь уже взглянемъ на рядъ предшествовавшихъ состояній какъ на начальное состояніе системы С даннаго случая, а конечнымъ ея состояніемъ сочтемъ тотъ результатъ, который получится по окончаніи варіированій избраннаго средняго отдѣла.

Изъ этого слѣдуетъ, что разсмотрѣніе среднихъ измѣненій сводится къ *изсѣдованію средствъ*, которыми располагаютъ: 1) *система С* или же 2) *ея обстановка* для устраненія жизнеразности. Средства перваго рода крайне просты и надъ ними нѣтъ надобности долго останавливаться. Обстановка ставитъ жизнеразность, она же и устраняетъ ее. Положимъ, что сельскому хозяину поставлена жизнеразность избыткомъ воды (наводненіемъ) или же недостаткомъ ея (засухой); спаденіе воды и выпаденіе дождя можетъ устранить такіа жизнеразности ранѣе приложенія какихъ бы то ни было средствъ со стороны самого хозяина.¹

Что касается зависимыхъ отъ системы С посредствующихъ измѣненій, то они, и гораздо многочисленнѣе, и гораздо сложнѣе. Ихъ можно подраздѣлить на двѣ большія группы: *измѣненій наружно-системныхъ* или *эктосистемныхъ* (движенія членовъ тѣла) и *измѣненія внутренно-системныхъ* или *эндосистемныхъ*, всецѣло протекающія въ предѣлахъ системы С. При пользованіи первыми, система С или *фиксируетъ* отношенія зависимости, существующія между нею и обстановкою, или же *замѣщаетъ* одно отношеніе другимъ, или же, наконецъ, *видоизмѣняетъ* ихъ; при пользованіи же вторыми—*усиливаетъ* или *ослабляетъ* значеніе упражненій, служащихъ къ развитію какъ частныхъ системъ, такъ и всей системы С, *переноситъ* измѣненія одной частной системы на другую и т. д. Изъ рядовъ этихъ мыслимыхъ измѣненій и *можетъ* складываться средній отдѣлъ жизненнаго ряда. Что же касается *дѣйствительнаго* его состава, то это во всѣхъ случаяхъ рѣшается потребнымъ для осуществленія измѣненія временемъ, такъ какъ, натурально, наступаетъ всегда то измѣненіе, которое можетъ осуществиться съ наименьшею тратою времени.

Для большей ясности приведенныхъ выше общихъ указаній отмѣтимъ здѣсь, что примѣромъ фиксированія эктосистемныхъ измѣненій можетъ служить раздуваніе близкаго къ угасанію огня, примѣромъ замѣщенія—переселеніе на новое мѣсто жительства и, на-

конецъ, примѣромъ видоизмѣненія — приготовленіе пищи, т. е. такая переработка пищевыхъ веществъ, которая отымаешь у нихъ свойства, способствующія постановкѣ ими жизнеразности.

Что же касается до вопроса о пользованіи эндосистемными измѣненіями, то здѣсь интересъ сосредоточивается на роли и значеніе компонентовъ въ этомъ процессѣ. Такъ, *обмѣнъ* компонентовъ совершается посредствомъ распространенія тѣхъ эндосистемныхъ измѣненій, возникновеніе которыхъ было обусловлено малозначительною жизнеразностью для одной какой нибудь частной системы на другія частныя системы и приближенія такимъ путемъ болѣе важныхъ жизнеразностей къ ихъ устраненію. *Замѣстительство* компонентовъ имѣетъ мѣсто тогда, когда усвоенное упражненіемъ измѣненіе замѣщаетъ собою то, которое упражненіемъ усвоено не было. Затѣмъ слѣдуетъ: *перемѣна* компонента, *утрата* и *добытіе* его, на которомъ по недостатку мѣста я останавливаться не могу.

По этой же причинѣ я и примѣръ представлю только для одного случая — для *перемѣны* компонента: этой перемѣнѣ соответствуютъ такіа явленія, какъ превращеніе «главнаго» дѣла во «второстепенное», наступленіе при прогрессивномъ развитіи, при перемѣнѣ рода дѣятельности и т. п. замѣны однихъ «интересовъ» другими, превратности въ области «мнѣній» и «чувствованій» и т. д.

Таковъ общій характеръ измѣненій средняго отдѣла жизненнаго рода. Измѣненія эти имѣютъ значеніе *посредствующихъ* по отношенію къ *закмочительному*, представляющему то состояніе системы С., когда поставленная жизнеразность является уже устраненною и покой системы восстановленнымъ. Тутъ мыслимы два случая: заключительное измѣненіе можетъ *возвращать* варіирующій компонентъ къ неваріирующему или посредствомъ *реституции* или восстановленія первоначальнаго компонента или же посредствомъ образованія новаго, годнаго для устраненія жизнеразности компонента, т. е. посредствомъ *субституции* или подстановки.

Замѣтимъ при этомъ, что большая часть сложнѣйшихъ заключительныхъ измѣненій совершается посредствомъ субституции. Они обуславливаются «новообразованиями» предполагаемой способною къ развитію системою С. Реституции же совершаются всего чаще тогда, когда система С. сравнительно менѣе богата субститутивными формами. Что же касается до субституцій высшаго порядка, то они, какъ то и очевидно, совершаются изобрѣтателями, художниками, мыслителями, — вообще же геніями.

Иллюстрацію только что указаннаго различія могутъ представить умственные облики нѣкоторыхъ русскихъ философовъ и едва ли не тѣхъ именно, которыхъ г. Колубовскій причисляетъ къ сонму «сильныхъ противниковъ позитивизма» и отличающихся «замѣчательною глубиною и силою мысли». (См. Zeitschrift für Philosophie und philos. Kritik. 104 Band, 1 und 2 Heft). Въ философскихъ взглядахъ одного, по словамъ самого г. Колубовскаго, «можно

подмѣтитъ теософскіе элементы, слитые съ ученіями Шеллинга, Гегеля и славянофиловъ»; другой—какъ то видно изъ его же собственнаго заявленія—мечтаетъ «о насажденіи въ Россіи *здоровой метафизической и истинно-научной философіи, согласной съ традиціями* ученій Платона и Аристотеля, Декарта и Спинозы, Лейбница и Канта, Фихте и Шопенгауэра». Столько заразы? Это ужъ своего рода эксцессъ! Третій занимается тѣмъ, что сперва реституируетъ Шопенгауэра, потомъ Лейбница и дагѣ не знаю уже кого? Четвертый доказываетъ, что метафизика была необходимою прежде, а теперь стала еще необходимѣе, что «субъектъ выходитъ изъ себя метафизически», и дагѣ слѣдуютъ ужъ: «соборность человѣческаго сознанія», «вселенская истина», и т. п. Все это впрочемъ блѣднѣетъ и ступшевывается при появленіи на сцену загримированнаго Палладою фольклора, ликующаго по поводу открытія предѣловъ и признаковъ одушевленія... Но какіе бы тутъ «ни слышались аккорды», я, къ сожалѣнію, не имѣю возможности тратить для нихъ время и мѣсто, и возвращаюсь къ дѣлу.

Мы знаемъ ужъ, что жизненнымъ рядомъ высшаго порядка называется въ «Критикѣ» такой рядъ, который является включеннымъ въ другой, представляющій собою протеканіе событій обыденной жизни. Совершается ли реституція или же субституція въ заключительномъ отдѣлѣ этого ряда, во всякомъ случаѣ, такъ или иначе, вставочный рядъ заканчивается и наступаетъ продолженіе протеканія перваго, прерваннаго ряда. Теперь, вмѣсто выключившагося изъ ряда варіирующаго коомента остается лишь тотъ постоянный кооментъ Г, снабженнымъ которымъ всегда мыслится всякая система С. Если кооментъ этотъ не претерпѣваетъ вторженія въ рядъ новаго варіирующаго коомента, то заключительное измѣненіе ряда перваго порядка ставится обезпеченнымъ и затѣмъ достигается завершеніе и всего жизненнаго ряда.

Остается прибавить, что намѣченное выше изслѣдованіе уклада жизненнаго ряда по его частямъ охватываетъ событія жизни во всемъ ихъ разнообразіи. Начальное измѣненіе всегда соответствуетъ «*потребности*», какою бы эта послѣдняя ни являлась; затѣмъ, среднія измѣненія представляютъ посредствующія звенья этой цѣпи: *приемы, способы, методы*, помощью которыхъ индивидъ достигаетъ «*удовлетворенія*», соответствующаго тому заключительному состоянію, которое занимаетъ собою рядъ и приводитъ систему С., впредь до постановки новой жизнеразности, къ искомому равновѣсію.

До сихъ поръ мы привлекали къ изслѣдованію лишь одну отдѣльно-взятую систему С. Теперь намъ предстоитъ распространить добытые результаты сперва на соотношеніе между одной системой и какою-нибудь другой, а затѣмъ ужъ можно будетъ перейти и къ *совокупности всѣхъ системъ С.*

Изслѣдованіе начинается съ разсмотрѣнія соотношенія частныхъ системъ, образующихъ своею совокупностью систему С. Исходнымъ

члунетомъ служить здѣсь тотъ случай, когда поставленная для какой-нибудь частной системы жизнеразность устраняется не этою самою системою, а прежде передается ею другимъ частнымъ системамъ, пока, наконецъ, вмѣстѣ съ измѣненіемъ, совершающимся въ одной или нѣсколькихъ этихъ вторично-задѣтыхъ системъ устраняется жизнеразность и для первоначально-задѣтой системы. Солидарность частныхъ системъ и значеніе этой солидарности для системы С. вскрывается при этомъ разсмотрѣніи довольно наглядно. Примѣръ отрицательнаго случая можетъ еще лучше уяснить это положеніе. Отравляющаяся алкоголемъ система, поддерживаемая сперва другими частными системами, губить въ концѣ концовъ всю систему С и при этомъ сама погибаетъ вмѣстѣ съ нею.

Показавъ на взаимномъ соотношеніи частныхъ системъ основную мысль изслѣдованія, мы можемъ перейти къ вопросу о соотношеніяхъ системъ С между собою. Начнемъ съ того, что представимъ себѣ двѣ системы С, находящіяся въ такомъ функціональномъ соотношеніи, что измѣненія одной становятся условіемъ измѣненія для другой. Если первая система окажется благопріятною для поддержанія второй, то фиксированіе, увеличеніе, уменьшеніе и устраненіе измѣненій этой послѣдней произойдетъ въ смыслѣ *положительнаго*, въ противномъ случаѣ оно окажется *отрицательнымъ*. Фиксированіе можетъ быть произведено приближеніемъ одного индивида къ другому, удержаніемъ его въ своей обстановкѣ и т. д. Увеличеніе выразится въ приумноженіи сношеній, въ способствованіи возрастанію соотносительныхъ движеній и т. д. Уменьшеніе и устраненіе достигается соотвѣтственнымъ воздѣйствіемъ на даннаго индивида или же удаленіемъ его изъ обстановки претерпѣвающего.

Исходною точкою изслѣдованія, какъ сказано выше, служить то положеніе, что отдѣльная частная система не можетъ поддерживать своего существованія въ томъ случаѣ, когда остается оторвненною отъ другихъ системъ; точно также принимается нами и отдѣльная система С, какъ нуждающаяся въ помощи другихъ. Если, положимъ, индивидъ Т совершаетъ для индивида М постановку извѣстной жизнеразности d, то изъ всѣхъ возможныхъ устраненій этой жизнеразности d посредствомъ признанія Т окажутся устойчивыми только тѣ, при которыхъ поддержится и самъ индивидъ Т. Всею лучше совершится это въ томъ случаѣ, когда при сказанномъ устраненіи жизнеразности установится между обоими индивидами такое еоотношеніе, при посредствѣ котораго устранится не только d, но и всякая иная жизнеразность системы С индивида Т; иначе говоря, въ томъ случаѣ, когда жизнеразность d обусловитъ одновременно и для индивида Т такую особую жизнеразность, которая, въ свою очередь, будетъ устранена посредствомъ устраненія d.

Такимъ образомъ, чѣмъ *обойднее* устраненіе жизнеразности, тѣмъ въ большей степени станутъ для индивида Т возрастать

жизнеразности уже не со стороны системы С индивида М, а со стороны остальной обстановки. И чѣмъ болѣе поставленныя для Т жизнеразности получаютъ такое же значеніе и для М, тѣмъ болѣе влекутъ онѣ за собою и *обычн*я среднія измѣненія.

Все это приложимо въ полной мѣрѣ и къ группѣ системъ или къ системамъ *конгрегальнымъ*.

Всякая конгрегальная система, будь то семья, общество, государство, находитъ тѣмъ болѣе благоприятныя условія для своей устойчивости, чѣмъ болѣе *обобщенными* оказываются устраненія жизнеразностей, чѣмъ болѣе *обобщенными* являются самыя жизнеразности и чѣмъ болѣе онѣ являются возникшими исключительно изъ обстановки, поскольку эта послѣдняя можетъ считаться внѣ связи съ конгрегальною системою.

Выясненное выше значеніе момента II остается и для конгрегальной системы и получаетъ названіе *конгрегальнаго момента*; ему соответствуетъ, какъ то и понятно само собою, *конгрегальный моментъ*. Можно допустить, конечно, приложеніе этихъ терминовъ и для отдѣльных системъ С, но только въ тѣхъ случаяхъ, когда мы поведемъ рѣчь объ такомъ увеличеніи питанія или работы, которое не представляетъ собою исключительной особенности отдѣльных индивидовъ, а общее условіе всѣхъ соотносящихся системъ С и ужъ въ этомъ смыслѣ и данной отдѣльной системы.

Изъ предшествовавшаго слѣдуетъ, что при дальнѣйшемъ развитіи конгрегальныхъ системъ поддержать свою устойчивость могутъ только тѣ, устраненіе единичныхъ жизнеразностей которыхъ оказывается благоприятнымъ поддержанію устойчивости всей конгрегальной системы. Такія системы получаютъ названіе *положительныхъ*.

Отрицательныя конгрегальныя системы, напротивъ того, погибаютъ въ силу саморазложенія, протекающаго отъ постановленныхъ въ нѣдрахъ самой системы жизнеразностей, или же подъ вліяніемъ внѣшнихъ событій, въ силу недостаточнаго обобществленія жизнеразностей, поставленныхъ извнѣ. Можетъ случиться, впрочемъ, что системы эти изыщутъ пути для перехода въ положительные.

Чтобы уяснить себя условія этого перехода, рассмотримъ сперва соотношенія лишь двухъ системъ: системы С индивида Т и системы С индивида М. Обусловленные отдѣльно-взятою системою Т измѣненія постепенно развиваютъ въ системѣ М известную частную систему, отъ нихъ зависящую. Вліяніе системы Т при этомъ окажется тѣмъ болѣе значительнымъ, чѣмъ болѣе представится и она, съ своей стороны, подверженной соответственнымъ измѣненіямъ. Известныя измѣненія М могутъ, какъ мы знаемъ, послужить устраненію угнетающей ее жизнеразности, но такое устраненіе будетъ индивидуальнымъ. Конгрегальнымъ станетъ оно въ томъ случаѣ, если оно обусловится устраненіемъ жизнеразности у Т. Такимъ об-

разомъ, благопріятѣйшими условіями жизнеподдержанія М оказываются въ томъ, что его система займетъ по отношенію къ системѣ Т вспомогательное положеніе. Въ этомъ переходѣ и окажется превращеніе прежняго *односторонняго* отношенія къ устраненію жизнеразности въ *обоюдное*, что равнозначуще переходу отрицательной контр. системы въ положительную.

Предположимъ для примѣра, что вліяніе матери на ребенка долгое время служило для устраненія жизнеразностей у послѣдняго. Подъ этимъ вліяніемъ у ребенка образовалась такая частная система, которая при лишеніи помощи матери въ надлежащій моментъ немедленно же попадаетъ на жизнеразность:—увеличенія работы или же уменьшенія питанія. Допустимъ далѣе, что мать заболѣла. Жизнеразность матери совершить такимъ образомъ постановку жизнеразности и у ребенка и совершить ее посредствомъ варіированія конгрегальнаго комомента, такъ какъ въ этомъ именно и заключается конгрегальность обѣихъ системъ. Благопріятѣйшимъ выходомъ, очевидно, является тутъ проявленіе взаимности, переходъ системы С дитяти во вспомогательное отношеніе къ системѣ матери и соответственное силамъ способствованіе устраненію ея жизнеразности.

Перенесемъ теперь добытый результатъ на группу, состоящую изъ болѣе чѣмъ двухъ системъ.

Если какая-нибудь конгрегальная система (семья, племя, народъ и т. д.) успѣли уже образовать конгрегальный моментъ и комоментъ, т. е. располагаютъ извѣстною, усвоенною упражненіемъ работоспособностью, то всякое уклоненіе какой-либо отдѣльной системы отъ пользованія этою способностью совершаетъ по отношенію ко всѣмъ остальнымъ системамъ постановку жизнеразности. Устраненіе этихъ жизнеразностей можетъ быть произведено, или соответственнымъ измѣненіемъ предварительныхъ условій уклонившейся отдѣльной системы, т. е. преобразованіемъ ея въ смыслъ системы конгрегальной (отверженіе и устраненіе ея), или же постепеннымъ обращеніемъ уклонившейся формы измѣненія въ форму конгрегальную. (Принятіе уклоненія и приспособленіе къ нему).

По устраненіи всѣхъ жизнеразностей этого рода, у конгрегальной системы остаются только тѣ, происхожденіе которыхъ слѣдуетъ отнести къ обстановкѣ. Чѣмъ болѣе соединяются отдѣльныя системы для взаимнаго устраненія этихъ жизнеразностей, тѣмъ болѣе обобщественными становятся и самыя жизнеразности, а, слѣдовательно, тѣмъ они и устраняются.

И вообще: чѣмъ успѣшнѣе достигаютъ частныя системы своего жизнеподдержанія посредствомъ взаимнаго увеличенія жизнеустойчивости, тѣмъ благопріятнѣе условія поддержанія конгрегальной системы, и обратно.

«И самое благопріятѣйшее изъ всѣхъ мыслимыхъ условій поддержанія общей системы оказалось бы осуществленнымъ тогда,

когда поддержаніе каждой изъ частныхъ системъ совершалось бы посредствомъ увеличенія жизнеустойчивости остальныхъ и ни одна изъ нихъ не поддерживала себя уменьшеніемъ этой жизнеустойчивости; такимъ образомъ, случай, отвѣчающій совершенству отношеній системъ, былъ бы тотъ, когда всякая отдѣльная частная система, при наибольшемъ мыслимомъ увеличеніи жизнеустойчивости наибольшаго числа другихъ отдѣльныхъ частныхъ системъ, а общая система, при наибольшемъ мыслимомъ увеличеніи жизнеустойчивости всякой отдѣльной частной системы, могла бы достигнуть полнаго своего жизнеподдержанія».

«Тутъ у насъ и будетъ, слѣдовательно, самый благопріятный изъ всѣхъ мыслимыхъ случаевъ. Ни одна изъ отдѣльныхъ системъ не будетъ совершать постановки жизнеразностей той конгрегальной системы, въ составъ которой входятъ всѣ эти отдѣльныя системы; возникновеніе жизнеразностей не обуславливается болѣе составными частями конгрегальной системы, а исходитъ только отъ остальной обстановки. Въ случаѣ такого ряда, общая устойчивость достигается, съ одной стороны, стремленіемъ всякаго отдѣльнаго индивида совершать устраненіе жизнеразности наибольшаго числа другихъ индивидовъ, а, съ другой, стремленіемъ всѣхъ индивидовъ къ устраненію всякой значительной жизнеразности всякой отдѣльной системы;—соотносительно: стремленіемъ всѣхъ индивидовъ къ приближенію всякой отдѣльной системы къ устраненію ея жизнеразностей».

«Чѣмъ болѣе раздвинутыми въ пространство и время станемъ мы представлять себѣ условія положительнаго развитія конгрегальной системы, тѣмъ болѣе обширною и болѣе скрѣпленною будутъ они нами мыслиться, т. е. индивиды будутъ все болѣе и болѣе взаимозависимыми членами дѣла, и вмѣстѣ съ ослабленіемъ ихъ индивидуальнаго чувства будетъ возрастать въ нихъ чувство солидарности».

Произведенное изслѣдованіе конгрегальной системы даетъ возможность переходить при дальнѣйшемъ развитіи «Критики» отъ разсмотрѣнія состояній индивидуальной системы къ состояніямъ системы конгрегальной при выясненномъ уже значеніи понятія «жизненный рядъ» для той и другой. Не теряя изъ виду этого соображенія, мы займемся теперь вопросомъ о *варіированіи жизненнаго ряда посредствомъ поступательнаго развитія системы С* и въ этихъ видахъ подвергаемъ прежде всего разсмотрѣнію *переработку жизненнаго ряда приспособительно къ намѣченному результату*.

Когда совершается повторная постановка ряда, то самый рядъ можетъ, или оставаться неизмѣннымъ, или же подвергнуться измѣненію. Предстоитъ поэтому взглянуть на проявленіе того варіирования, которое мыслимо въ послѣднемъ случаѣ при условіи поступательнаго хода развитія системы С.

Такъ какъ полученный результатъ можетъ относиться только къ конечному состоянію ряда, то при разсмотрѣніи этого состоянія необходимо имѣть въ виду *продолжительность* измѣненія и степень усвоенія ею *утраченія*.

Предположимъ, что какой-нибудь индивидъ принимается за изученіе новой, неизвѣстной ему до того времени, науки. Каждый отдѣлъ этой науки получаетъ въ процессъ изученія значеніе жизненнаго ряда: у него есть свои подготовительныя условія, свое варіированіе хода усвоенія, свое конечное состояніе, удовлетворяющее индивидъ. Упражненіе имѣетъ здѣсь свою повторность, а усвоеніе свои степени вплоть до окончательныхъ. Если какой нибудь рядъ повторится, то каждый членъ его болѣе или менѣе усваивается: усваиваніе идетъ пропорціонально повторности, и время, требующееся для установленія конечнаго состоянія, сокращается. Далѣе: приблизительное, невѣрное, неточное усвоеніе членовъ ряда, мало-по-малу, выпадаетъ, члены эти перестаютъ отдѣляться одинъ отъ другого чуждыми ряду шатаніями и неопредѣленностями,—они устанавливаются тѣснѣе, рядъ становится гуще. И еще далѣе: конечныя состоянія, бывшія первоначально удаленными отъ исходнаго пункта, приближаются къ нему, а тѣ,—неопредѣленныя, неясныя, нетвердыя,—которыя стояли къ нему близко, напротивъ того, удаляются отъ него: конечныя состоянія мѣняются мѣстами. Такъ идетъ дѣло помимо вопроса о характерѣ установленной для ряда жизнеразности; эта послѣдняя значительно усложняетъ процессъ. Какова будетъ поставленная жизнеразность (жажда знанія, практическое приложеніе, конкурсный экзаменъ), такой характеръ примутъ и соотвѣтственныя конечныя состоянія: связанныя съ устраненіемъ жизнеразности будутъ установлены ранѣе тѣхъ, съ которыми такое устраненіе не связывается, или *пока* не связывается, и въ такомъ случаѣ эти конечныя состоянія выключатъ изъ жизненнаго ряда другія конечныя состоянія. Равнымъ образомъ можетъ произойти и включеніе въ рядъ новаго конечнаго состоянія, обусловленное иного рода подготовкою. Въ концѣ концовъ жизненный рядъ устанавливается такъ, что въ немъ остаются только необходимыя для устраненія жизнеразности члены, остальные же выключаются; самый рядъ становится черезъ это короче,—протекаетъ скорѣе и въ своемъ среднемъ отдѣлѣ становятся болѣе приспособленными по отношенію къ намѣченному результату.

Обратимся теперь къ варіированію конечнаго состоянія, наступающаго при дальнѣйшемъ развитіи системы С.

Начнемъ съ нѣкоторыхъ предварительныхъ разъясненій, необходимыхъ для перехода къ вопросу о выработкѣ міровоззрѣнія.

Представимъ себѣ, что та или иная обстановочная комбинація заключаетъ въ себѣ повторные признаки и такіе компоненты, которые, при повтореніи, появляются постоянно вновь, тогда какъ другіе—только иногда. Эти *наичаще повторяющіеся* элементы явля-

ются, какъ нѣчто существенное, какъ нѣчто, служащее для выработки понятія этой обстоновочной комбинаціи R_x . Назовемъ его b_x .

Мы знаемъ уже, что высказываніе E зависитъ не отъ одной только обстановки, но и отъ состоянія системы C . И эта система тоже не остается неизмѣнною, и у нея есть компоненты, также наибчаще повторяющіеся, и притомъ не только у нея одной, но и во всѣхъ человѣческихъ системахъ C . Назовемъ это наибчаще повторяющееся черезъ b_c .

Сопоставивъ C съ обстановкою R_x , мы замѣтимъ, что обуславливаемое этимъ сопоставленіемъ системное состояніе главнымъ образомъ наибчаще повторяющихся обоихъ разрядовъ, т. е. b_r и b_c . И все же, оно обусловлено ими лишь отчасти, такъ какъ подъ b_r и b_c разумѣется только часть компонентовъ R и C . Принимая же во вниманіе, что составъ всякаго конечнаго состоянія обуславливается, между прочимъ, и подготовкою C , мы должны будемъ допустить въ формѣ конечнаго состоянія извѣстныя *примѣси*, не обусловленная ни b_r , ни b_c . Выраженные высказываніями примѣси эти имѣютъ значеніе всего біологически-несостоятельнаго, излишняго, противорѣчиваго, неудовлетворительнаго, случайнаго и т. д.

Участь этихъ примѣсей можетъ оказаться двоякою: у C съ ограниченными способностями и недостаточнымъ временемъ для дальнѣйшаго развитія они соотносительно будутъ удержаны, и наоборотъ, при благоприятныхъ условіяхъ развитія C , примѣсямъ этимъ въ соотвѣтственной мѣрѣ придется быть выключенными.

Такимъ образомъ заключительнымъ измѣненіемъ, осуществленнымъ системою C , будетъ такое конечное состояніе, которое будетъ обусловлено не одними только наибчаще повторяющимися конечными состояніями C и R , но, сверхъ того, вмѣститъ въ себѣ и нѣкоторыя примѣси. Такому состоянію «Критика» придаетъ названіе *идіосиндема* (наисложнѣйшаго).

Изъ этого можно вывести, что если какая-нибудь система C оказывается обладающею временемъ и способностью для дальнѣйшаго своего развитія, то содержащіеся въ идіосиндемѣ компоненты, имѣющіе значеніе примѣсей, должны подлежать выключенію, а наибчаще-повторяющіеся, напротивъ того, полному развитію и сохраненію. Процессъ этотъ, долженствующій въ послѣднемъ итогѣ привести къ установленію *постояннаго* конечнаго состоянія, проходить до того стадіи *подпостоянныхъ*. Осуществляясь въ ходѣ историческаго процесса, подпостоянныя образуютъ ряды, обзоръіе которыхъ и даетъ содержаніе исторіи умственнаго развитія.

Изъ этого видно, что какъ бы ни было безгранично установленіе подпостоянныхъ для времени ихъ возникновенія, онѣ все таки не могутъ подлежать абсолютному установленію, такъ какъ въ нихъ рядомъ съ компонентами, обладающими полною самостоятельностью, содержатся и такіе, которые при дальнѣйшемъ развитіи ряда подпостоянныхъ окажутся подлежащими выключенію.

Перенесемъ теперь этотъ добытый для индивида результатъ на человеческое общество.

То, что пріобрѣтаетъ выработкой такихъ рядовъ подпостоянныхъ отдѣльная личность прежде всего для самой себя и для своего жизнесохраненія, унаслѣдывается переживающимъ эту личность поколѣніемъ; затѣмъ, дальнѣйшая выработка совершается на основѣ рядовъ подпостоянныхъ, установленныхъ индивидуальными усиліями многихъ личностей, и эти ряды принимаются уже, какъ отдѣльные члены для выработки новыхъ и новыхъ рядовъ высшаго и найвысшаго порядковъ.

«И, чѣмъ болѣе способна къ развитію, чѣмъ болѣе устойчива и чѣмъ болѣе объемлюща конгрегальная система, тѣмъ значительнѣйшею и сильнѣйшею окажется ея склонность къ выключенію всего того, что не служитъ сохраненію и дальнѣйшему развитію тѣхъ компонентовъ, которые представляютъ собою зависимые отъ наичаще повторяющихся, т. е., чѣмъ болѣе способна къ развитію и чѣмъ болѣе объемлюща конгрегальная система, тѣмъ болѣе будетъ она отрицательно комментировать тѣ формы конечнаго состоянія, которыя обосновываются на свойствахъ и особенностяхъ индивидовъ нисшаго и низжайшаго порядковъ».

«Изъ этого слѣдуетъ, что, чѣмъ въ болѣе позднее время родился индивидъ, и чѣмъ болѣе раздвинетъ онъ для семьи, въ которой родился, предѣлы ближайшей общественной среды вширь до того, что охватить все человечество, а ближайшую обстановку до такой степени, что охватить цѣлую часть свѣта, тѣмъ будутъ болѣе благопріятны условія для дальнѣйшаго развитія подпостоянныхъ въ указанномъ выше смыслѣ». Такой ходъ выработки подпостоянныхъ, какъ то и очевидно, скорѣе приведетъ къ установленію постоянной, чѣмъ неразумное охраненіе подлежащихъ выключенію компонентовъ. Во всякомъ случаѣ, указанный выше процессъ выработки постоянныхъ надо отнести къ функціи пространства и времени.

Изъ предшествовавшаго явствуетъ, что значеніе подпостоянныхъ опредѣляется ихъ подготовительною ролью въ процессъ выработки постоянной. Къ этому моменту тяготеетъ, конечно, всякая выработка мировоззрѣнія, и въ этомъ смыслѣ, все, до сихъ поръ разсматривавшееся, имѣетъ подготовительное по отношенію къ установленію постоянной значеніе.

Чтобы ясно представить себѣ характеръ того шага впередъ, который намъ предстоитъ сдѣлать, надо не терять изъ виду основного характера нашего изслѣдованія. Если бы изслѣдованіе это имѣло метафизическій характеръ и попыталось бы, положимъ, воспользоваться для своихъ цѣлей приемами, терминологіей и знаками «Критики чистаго опыта», то не впадая во внутреннее противорѣчіе, оно должно бы было избрать своею исходною точкою систему С, полагать Е зависимыми исключительно отъ С, а R под-

чинить Е однимъ изъ такихъ приѣмовъ, какіе были для этого изобрѣтаемы или могутъ быть изобрѣтены. Фиктивность такого построения разрушается всѣмъ ходомъ предшествовавшаго изслѣдованія, и читатель долженъ постоянно помнить истинное значеніе С, R и Е и ихъ соотношеній. Имя передъ глазами это значеніе, не трудно видѣть, что понятіе рода, вида, класса, могло образоваться въ качествѣ Е только въ силу повторности извѣстнаго конечнаго состоянія С, обусловлиаемаго повторностью соответственной части обстановки R. Это многократно-полагаемое конечное состояніе, которое для краткости мы будемъ разумѣть подъ терминомъ «многократная», можетъ, очевидно, относиться и къ повторности независимыхъ измѣненій системы С, относясь въ томъ и другомъ случаѣ къ группамъ различной степени общности. Понятно также, что и она неизбежно варьируетъ, и что постановка ея для извѣстнаго времени не означаетъ еще годности ея для всякаго времени. Это не препятствуетъ намъ, конечно, мыслить такое конечное состояніе системы С, которому придана извѣстная опредѣленность, допускающая возможность его установимости не только для той или этой составной части обстановки, но и для всякой, какой бы то ни было. Такое состояніе получаетъ названіе *многократной мыслимо-высшаго порядка*.

Значеніе Е такого состоянія С будетъ, очевидно, отвѣтъ на вопросъ: «то такое все?» высказанный въ формѣ: «все есть то-то». Такимъ отвѣтомъ данный индивидъ достигаетъ въ предѣлахъ своей системы С такого конечнаго состоянія, которое считается равномѣрно-установленнымъ для «всего», т. е. для всей совокупности R. Благодаря найденному имъ *самому общему понятію*, индивидъ этотъ долженъ быть въ состояніи, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не можетъ сказать, *что*, именно, такое есть встрѣченное имъ «неизвѣстное», описать это «неизвѣстное» согласно общимъ его признакамъ.

Если содержаніе Е, о которомъ идетъ рѣчь, т. е. содержаніе «понятія міра» въ исторіи человѣческаго развитія и не достигло въ высказываніяхъ требуемой чистоты, то все же распространеніе изслѣдованія и на него допускается уже потому, что образованіе совершенныхъ постоянныхъ путемъ логической послѣдовательности исходить отъ всего предшествовавшаго изслѣдованія, и еще и потому, что дальнѣйшія измѣненія, какъ исторически-осуществимыя для будущаго, все же такъ мыслимы.

Въ процессѣ выработки постоянной мы остановились на установленіи понятія многократной мыслимо-высшаго порядка. Эта многократная, какъ то и было выяснено, обладаетъ мыслимо-наибольшимъ объемомъ, но лишена еще мыслимо-наибольшей устойчивости, а потому ее и слѣдуетъ признать лишь подпостоянной. Она должна пройти еще процессъ приближенія къ совершенной постоянной, освободиться отъ присущихъ ей индивидуальныхъ призна-

ковъ и подвергнуться воздѣйствію конгрегальныхъ вліяній. Только этимъ путемъ выработается ея всеобщая установивомость.

Припомнимъ сказанное выше о роли и значеніи наичаще повторяющихся (конечныхъ состояній), мы придемъ къ убѣжденію, что установившіяся въ историческомъ процессѣ индивидуальныя многократныя мыслимо-высшаго порядка должны считаться нами идіосиндемами, слагающимися изъ двухъ компонентъ: во-первыхъ, изъ конечнаго состоянія, обосновывающимся на помощи повторяющихся обоихъ рядовъ (b_c и b_r) и, сверхъ того, извѣстныхъ измѣненій, не обусловленныхъ b_c и b_r .

Обозначивъ постояннаго компонента черезъ a , а остальные компоненты черезъ α и представляя затѣмъ приближеніе многократной къ совершенной постоянной, мы должны будемъ признать, что это приближеніе мыслится лишь какъ уменьшенія α .

Итакъ, чтобы исторически-развившіяся индивидуальныя многократныя могли стать «всеобщими понятіями» неограниченной установивомости, необходимо, чтобы «побочныя понятія», обозначенныя черезъ α , были уменьшены, и затѣмъ и окончательно исключены. При осуществленіи этого требованія получится «понятіе міра», отвѣчающее совершенной постоянной.

Сдѣлаемъ теперь обзоръ тѣхъ рядовъ, въ которые могутъ построиться всѣ мыслимыя многократныя.

Всѣ мыслимыя многократныя, различающіяся одна отъ другой лишь только различными значеніями α , согласно ходу уменьшенія этой α , могутъ образовать, во-первыхъ, *логическій* рядъ, въ которомъ первый членъ будетъ представлять максимумъ, а послѣдній минимумъ α , во-вторыхъ, *историческій* рядъ, члены котораго располагаются, согласно послѣдовательности ихъ установленія во времени, и, въ третьихъ, *критическій* рядъ, члены котораго представляютъ послѣдовательный ходъ дѣйствительно совершившихся уменьшеній α . Рядъ этотъ, какъ то и очевидно, составитъ изъ совпадающихъ членовъ 1-го и 2-го рядовъ, представляя дѣйствительное приближеніе многократной къ совершенной постоянной.

Значеніе этихъ рядовъ для исторіи философіи слишкомъ явно, чтобы о немъ распространяться. Нечего добавлять также, что такую исторію философіи, въ основаніе которой легли бы указанныя ряды, предстоить еще осуществить въ будущемъ.

Тѣ очерки и намеки, которые можно было дать въ сжатомъ, частью черезчуръ, можетъ быть, сжатомъ изложеніи, неизбежномъ въ журнальной статьѣ, задающейся такого рода темою, даютъ, какъ я то хорошо понимаю, слишкомъ отрывочное, бѣглое и неполное изложеніе даже и тѣхъ воззрѣній «Критики», которыхъ они касаются. Если же мнѣ удалось только возбудить интересъ къ эмпириокритической философіи, то я ужъ буду считать цѣль мою достигнутою. Я покушаюсь надѣяться, что читатель, прослѣдившій за аргументаціей моей статьи, убѣдится въ томъ, что не имѣтъ понятія

о воззрѣніяхъ Авенаріуса въ настоящее время, по меньшей мѣрѣ, неудобно, а игнорировать или же замалчивать ихъ просто такъ позорно. Я полагаю поэтому, что интересующіеся философіей и предпочитающіе ее тому празднословію, которое сплошь и рядомъ присвоиваетъ себѣ ея имя, попытаются ознакомиться съ нею непосредственно по сочиненіямъ самого Авенаріуса. Не одѣлавъ этого придется остаться безъ главнаго наслѣдія нашего вѣка и перейти въ наступающее XX столѣтіе, пожалуй, съ однимъ только нищенскимъ богажемъ, такъ называемыхъ, «глубокихъ философовъ».

Вл. Лесевичъ.

Новые матеріалы по вопросу о нормировкѣ рабочаго времени.

Извѣстія Общества для содѣйствія улучшенію и развитію мануфактурной промышленности. Отдѣлъ III-й. Статья 9: *Труды прядильно-ткацкаго Отдѣла коммисіи по вопросу о нормировкѣ рабочаго времени*, изданные подъ редакціей предсѣдателя этого Отдѣла Н. Н. Аляничкова. Москва, 1896 г.

Сборникъ этотъ содержитъ въ себѣ рядъ отвѣтовъ на вопросные листы, разосланные 77 членамъ Общества содѣйствія мануфактурной промышленности, причастнымъ къ пряденію и качеству, и 12-ти постороннимъ лицамъ, въ томъ числѣ профессору С. В. Шидловскому, который, съ своей стороны, внесъ предложенные ему вопросы на разсмотрѣніе «Общества охраненія народнаго здравія», образовавшаго по этому поводу тоже коммисію. На эти вопросные листы, сущность которыхъ сводится на вопросъ о сокращеніи рабочихъ часовъ и уничтоженіи ночныхъ работъ на фабрикахъ, было получено около 40 отвѣтовъ. Большинство ихъ исходитъ отъ владѣльцевъ и директоровъ фабрикъ, затѣмъ—отъ фабричныхъ инспекторовъ, фабричныхъ и санитарныхъ врачей, отъ служащихъ на фабрикахъ и отъ коммисіи при «Обществѣ охраненія народнаго здравія».

По вопросу объ уничтоженіи ночныхъ работъ большинство категорически заявляетъ о вредномъ влияніи ихъ на рабочихъ. Только два голоса диссонируютъ въ этомъ хорѣ: одинъ принадлежитъ фабриканту, пожелавшему остаться неизвѣстнымъ, который довольно, впрочемъ, нерѣшительно предполагаетъ, что «ночная работа при соблюденіи всѣхъ гигиеническихъ правилъ, не особенно тяжело отзывается на рабочихъ»; другой голосъ принадлежитъ очень извѣстному фабриканту И. Н. Коншину, который уже вполне рѣшительно заявляетъ, что «ночная работа для рабочихъ не вредна и сокращеніе часовъ едва ли потребно, если не превышаетъ 70 часовъ въ недѣлю». Это заявленіе звучитъ для насъ особенно странно, когда мы на слѣдующей же страницѣ сборника встрѣчаемъ такіа слова П. Т. Осадчаго (директора бумагопрядильной фабрики): «посмотрите на зарѣ на лицо присучальщика и другихъ,—и вы вы-

ведете заключеніе, что передъ вами чуть не манекенъ, а не осмысленный рабочій». Въ такомъ же смыслѣ высказывается и П. П. Минофьевъ (директоръ прядильно-ткацкой фабрики): «Мнѣ приходилось слышать, — говоритъ онъ, — что будто бы у рабочихъ приобрѣтается съ годами привычка, въ силу которой трудъ, исполняемый ими днемъ и ночью, какъ бы уравнивается и переносится ими въ одинаковой степени. Не знаю, сколько лѣтъ потребовалось бы для приобрѣтенія таковой привычки, но въ теченіе болѣе пятилѣтняго періода моихъ ночныхъ занятій въ фабрикѣ привычки этой я приобрѣсть не могъ, и въ концѣ пятилѣтняго періода исполненіе ночного труда было для меня такъ же тяжело, какъ и при началѣ его. Едва ли кто станеть утверждать, что извращеніе естественнаго распредѣленія времени въ природѣ можетъ пройти безнаказанно для человѣческаго организма. Я сказалъ, что провелъ годы при исполненіи ночныхъ работъ и на себѣ испыталъ ихъ изнуряющее вліяніе; но я долженъ добавить, что вліяніе это не было для меня такъ пагубно, какъ оно должно дѣйствовать на простаго рабочаго, потому что я находился, въ несравненно лучшихъ условіяхъ: я могъ сидѣть, когда мнѣ вздумается, ходить всюду по фабрикѣ и даже выходить изъ нея не надолго, чтобы подышать чистымъ воздухомъ, тогда какъ для рабочаго все это запрещено: онъ не долженъ сидѣть, какъ бы велика ни была его усталость, онъ не долженъ отходить отъ машины, хотя бы для того, чтобы пройтись немного и тѣмъ отогнать клонящій его сонъ; а ужъ подышать чистымъ воздухомъ, особенно въ зимнее время, онъ можетъ развѣ только въ форточку, да и то подъ страхомъ взысканія, если замѣтятъ». Фабричный врачъ К. Языковъ говоритъ, что онъ часто видѣлъ на своихъ пріемахъ «молодыхъ, но уже истощенныхъ, нервныхъ людей, которые жаловались на головныя боли, на общую слабость, на плохой сонъ», — и въ этихъ паціентахъ онъ нерѣдко безошибочно угадывалъ ткачей ночной смѣны, которыхъ, по его убѣжденію, прежде всего необходимо перевести, хотя бы временно, на дневную работу. Если мы вспомнимъ условія жизни фабричнаго, то отлично поймемъ, почему рабочій не можетъ днемъ отдохнуть какъ слѣдуетъ ни въ своей избѣ, ни въ сдаточной квартирѣ, ни въ фабричной казармѣ, «ибо вокругъ спящаго, — говоритъ Языковъ, — неумолчно кипитъ дневная работа и шумная жизнь семьи, ребятишекъ, улицы». Въ доказательство истощающаго вліянія ночной работы, г. Языковъ приводитъ слѣдующіе факты: за 1894 г. было 4 случая попаданія рукой подъ ножъ машины; изъ нихъ 3 произошли во время ночной смѣны и 1 въ послѣдній часъ вечерней смѣны; то же и въ 1893 г.: огромное число раненій на стригальныхъ машинахъ случилось ночью. «Когда меня будятъ ночью, — говоритъ г. Языковъ, — я знаю впередъ, что это или въ родильню, или ампутація пальцевъ на стригальной». П. А. Песковъ (старш. фабр. инспекторъ) приводитъ 2 таблицы,

краснорѣчиво свидѣтельствующія о вліяніи ночныхъ работъ на количество увѣцій среди рабочихъ. «Не смотря на то,—говоритъ онъ,—что дневныхъ рабочихъ было гораздо болѣе, чѣмъ суточныхъ, первые дали на 6 1/2% менѣе несчастныхъ случаевъ, чѣмъ послѣдніе, а если мы примемъ во вниманіе еще 5 случаевъ, происшедшихъ вечеромъ въ 5 часовъ, очевидно, въ концѣ смѣны, то вліяніе утомленія на число несчастныхъ случаевъ еще сильнѣе выразится». Но особенно рѣзко сказывается вліяніе ночной работы на несчастные случаи со смертнымъ исходомъ, что иллюстрируется во 2-й таблѣцѣ: изъ нея мы видимъ, что въ дневное время было всего только 4 случая, а въ ночное—6; такимъ образомъ, хотя работающихъ днемъ было гораздо больше, чѣмъ ночью, эти послѣдніе дали на 20% больше смертныхъ случаевъ.

Дѣйствуя вредно, иногда даже пагубно на здоровье рабочихъ, ночная работа отзывается неблагоприятно и на качествѣ самого товара. По словамъ А. Н. Быкова (фабр. инспектора), директора фабрикъ, мастера и техники, съ которыми ему случалось говорить по этому вопросу, всегда указывали на большое, сравнительно, количество брака ночью. Въ сборникѣ мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ подтвержденій этого, прямыхъ и косвенныхъ. П. Т. Осадчій, обрисовавъ жизнь рабочаго, который вѣчно недосыпаетъ, въ заключеніе говоритъ: «И мы хотимъ отъ него требовать работу, правильный уходъ за машинами, качество и количество товара и проч.; съ больного, такъ сказать, человѣка нельзя требовать работы здороваго». Съ тѣхъ поръ, какъ закономъ 1885 г. женщинамъ запрещено работать съ 9 час. вечера до 5 утра, условія ночной работы мужчинъ—по словамъ фабриканта А. В. Зотова—стали тяжелѣе на всѣхъ тѣхъ фабрикахъ, гдѣ мужскія смѣны чередуются съ женскими: «теперь мужскимъ смѣнамъ приходится работать ночью по 8 часовъ подрядъ, между тѣмъ какъ прежде продолжительность ночной работы обыкновенно не превышала 6 часовъ. Поэтому отменная ночной работы для всѣхъ категорій рабочихъ является въ настоящее время еще болѣе желательною».

Естественно, что человѣкъ, страдающій хронической усталостью, манкируетъ иногда работой не по небрежности, а по недостатку силъ или вслѣдствіе настоятельной потребности въ отдыхѣ. П. А. Песковъ приводитъ по этому поводу очень краснорѣчивый фактъ,—а именно: при полученіи свѣдѣній о количествѣ поступающихъ штрафныхъ денегъ, онъ постоянно наблюдалъ «очень рѣзкое уменьшеніе ихъ на тѣхъ фабрикахъ, которыя съ суточной работы переходили на дневную, при чемъ уменьшеніе это довольно значительно превышало происходившее уменьшеніе числа рабочихъ». Эта тѣсная связь ночныхъ работъ съ количествомъ прогуловъ прекрасно иллюстрируется цифрами, которыя приводитъ въ своемъ отзывѣ А. Г. Голгофскій (директоръ бумагопряд. фабрики): изъ общаго числа случаевъ нарушенія фабричныхъ правилъ 80,9% падаютъ на прогулы; а

такъ какъ—по словамъ А. Г. Голгофскаго—народъ въ его работѣ порядочный и довольно трезвый (это видно изъ того, что на 2000 чел. въ день приходится только 2,86 случаевъ небрежнаго отношенія къ работѣ, матеріаламъ и орудіямъ производства и только 2,32 случая нарушенія правилъ внутреннего распорядка), то «прогулъ ихъ можетъ быть объясненъ только усталостью и потребностью въ отдыхѣ, не смотря даже на то, что отдыхъ этотъ имъ обходится не дешево».

Не менѣе вредно отзывается ночная работа и на семейной жизни рабочихъ, на ихъ нравахъ и *психическомъ* здоровьѣ. Въ самомъ дѣлѣ, законъ 1885 г., отмѣнившій ночную работу женщинъ, фактически раскололъ семью рабочаго пополамъ, такъ какъ мужская смѣна стала чередоваться съ женской и мужъ, на протяженіи шести дней недѣли обреченъ былъ видѣться съ женой только урывками. Это — говорить С. А. Денисовъ (директоръ прид.-ткац. ф-ки) «влечетъ за собою полное нарушеніе установившагося семейнаго строя. Являются обидныя подозрѣнія, раздражаемыя сплетней, пропадаетъ интересъ къ семьѣ, а отсюда стремленіе къ пьянству, разгулу и проч.». Что касается дѣтей, то они роковымъ образомъ обречены оставаться въ забросѣ: «Дѣти,—говоритъ Г. И. Гусевъ (завѣдующій ткацкой фабрикой)—въ самомъ раннемъ возрастѣ поручаются безъ разбора нянькамъ—женщинамъ, уволеннымъ съ фабрики или увѣчнымъ, въ большинствѣ же случаевъ своимъ 5 и 7 лѣтнимъ подросткамъ. Съ первыхъ же дней жизни фабричныя условія отнимаютъ у ребенка мать и отца, и любовь къ дѣтямъ, какъ главный залогъ прочности семьи, мало-по-малу уступаетъ просто чувству покорности досадливой необходимости. Да и сами дѣти какъ растутъ? Недокормленные, недомытые, постоянно подъ щелчками, съ задатками всевозможныхъ болѣзней, мрутъ громаднымъ количествомъ... Такимъ образомъ, мы видимъ, что у фабрично-рабочихъ нѣтъ связи, постоянной семейной жизни, а есть только перерывы въ видѣ праздниковъ, которыми пользуются въ большинствѣ случаевъ, предаваясь поголовному пьянству, и чего тутъ только не происходитъ: ругань, драки, развратъ, и все это на глазахъ дѣтей,—и въ такихъ условіяхъ воспитывается будущее поколѣніе!» Мы могли бы привести не мало такихъ указаній на деморализацію семьи рабочаго, тѣсно связанную съ существованіемъ ночныхъ работъ,—но дѣло само какъ нельзя болѣе ясно говоритъ за себя: трудно придумать болѣе неблагоприятныя условія для семейной жизни фабричнаго люда.

Всѣ вышеприведенныя соображенія компетентныхъ лицъ, свѣдѣтельствующія о вредномъ влияніи ночныхъ работъ на физическое и психическое здоровье рабочихъ, на весь строй ихъ жизни, должны заставить каждого смотрѣть на существованіе ночныхъ работъ, какъ на очень крупное зло, противъ котораго уже началась борьба среди самихъ фабрикантовъ. «Примѣръ многихъ петербургскихъ и поль-

скихъ фабрикъ (оставляя въ сторонѣ блестящій примѣръ Англіи и другихъ западно-европейскихъ странъ) наглядно показываетъ,—говоритъ А. Н. Быковъ,—что правильная и доходная постановка фабричнаго дѣла безъ ночныхъ работъ возможна теперь не только на Западѣ, но и въ нашемъ отечествѣ; почему вопросъ объ уничтоженіи ночныхъ работъ повсемѣстно въ Россіи является вполне своевременнымъ и назрѣвшимъ». Въ доказательство того, что отмена ночныхъ работъ не нанесетъ нашей промышленности серьезнаго ущерба, А. Н. Быковъ указываетъ на слесарно-механическіе заводы въ Москвѣ, которые работаютъ по 11 часовъ и гдѣ ночная работа рѣдкость, на прядильно-ткацкія фабрики Петербурга и Польши, которыя не работаютъ ночью, а между тѣмъ и свободно выдерживаютъ конкуренцію московскихъ мануфактуръ съ ихъ обычной 24-хъ часовой работой. Но и на фабрикахъ московскаго района за послѣдніе годы дѣлаются кое-гдѣ опыты перевода съ суточной работы на дневную: рабочіе этихъ фабрикъ, какъ показываютъ наблюденія, имѣютъ болѣе здоровый и бодрый видъ, чѣмъ при 24-хъ часовой работѣ въ двѣ сѣмны; это подтверждается и отзывами врачей на тѣхъ фабрикахъ, гдѣ уничтожена ночная работа.

Въ связи съ вопросомъ объ уничтоженіи ночныхъ работъ стоитъ вопросъ о сокращеніи рабочаго дня, такъ какъ дневная работа, когда она черезъ-чуръ продолжительна, изнуряетъ рабочаго не меньше, чѣмъ ночная, и оказываетъ на его здоровье и на качество его труда такое же вредное вліяніе, что и работа по ночамъ. Здѣсь центръ тяжести вопроса лежитъ, именно, въ продолжительности работы. Обычная величина рабочаго дня 12—13 часовъ; но есть фабрики, гдѣ работаютъ по 14 и даже 16 часовъ въ одну сѣмну. П. И. Минофьевъ такъ изображаетъ типичную обстановку, въ которой работаютъ фабричные: «Высокая температура, достигающая въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ фабрикъ до 27° Реом., чрезвычайно сухой воздухъ, переполненный хлопковыми волокнами, тонкой землистой пылью и испорченный испареніями различнаго рода; постоянный однообразный грохотъ машинъ и такая же однообразная работа—вотъ часть тѣхъ условий, въ которыхъ рабочій изо дня въ день, изъ года въ годъ производитъ свою работу,—условія, породившихъ особое фабричное сословіе, рѣзко отличающееся отъ людей не-фабричныхъ своимъ изнуреннымъ видомъ и землистымъ цвѣтомъ лица...» При подобной обстановкѣ рабочій—по словамъ М. Я. Ковальскаго (старш. фабр. механика)—«только тогда можетъ работать съ пользой для дѣла и безъ большого вреда для своего здоровья», когда его рабочій день будетъ на столько сокращенъ, что рабочій получитъ возможность хотя сколько-нибудь сопротивляться указаннымъ вреднымъ условіямъ.

Въ какой же мѣрѣ долженъ быть сокращенъ рабочій день для того, чтобы работа перестала быть изнурительной для фабричныхъ?

Большинство признаетъ, что 12 часовъ работы въ день—слиш-

комъ много. «*Двенадцатичасовой рабочий день*,—говоритъ В. В. Зотиковъ (помощникъ директора прядильно-ткацк. фабрики)—какъ при *смынной*, такъ и при *дневной* работѣ, для рабочаго средней силы *утомителенъ*, даже и въ томъ случаѣ, если трудъ его происходитъ въ условіяхъ вполне благоприятныхъ». На основаніи долгаго опыта, онъ пришелъ къ заключенію, что при 12-часовой работѣ въ сутки, «чрезвычайно трудно, а въ иныхъ случаяхъ и невозможно поддерживать строгое отношеніе къ своей работѣ; при этомъ очень трудно достигнуть выработки издѣлій высокаго качества». А какъ влияетъ такой рабочий день на весь строй жизни фабричныхъ? С. А. Денисовъ (директоръ пряд.-ткац. фабрики) даетъ намъ краснорѣчивую картину того, какъ распределяется время рабочихъ при 12—13½ часовомъ рабочемъ днѣ. На обѣдъ, на проходъ изъ фабрики и въ фабрику онъ полагаетъ въ общемъ 2½ часа, следовательно, рабочий оказывается связаннымъ ежедневно съ фабрикой въ продолженіи 14½—16 час.; если прибавить сюда время, нужное для сна, то рабочему на удовлетвореніе его потребностей остается всего какихъ-нибудь 1½ часа. Это значитъ, что у рабочаго нѣтъ своей жизни внѣ фабрики. Въ виду этого, С. А. Денисовъ выражаетъ желаніе, чтобы норма рабочаго времени была сокращена по крайней мѣрѣ, до 11 часовъ въ сутки. Этого желаютъ и еще нѣкоторые изъ фабрикантовъ и директоровъ фабрикъ, причемъ большая часть прибавляетъ это «*по крайней мѣрѣ*». Н. Н. Алячиковъ въ своей докладной запискѣ (помѣщенной въ сборникѣ) говоритъ, что «даже 11-часовая дневная работа не можетъ считаться вообще легкой, иначе какъ при полномъ и удобномъ, не требующемъ большого времени на проходъ, снабженіи рабочихъ квартирами. Дѣйствительно, къ 11 часамъ рабочий долженъ прибавить, имѣя одинъ перерывъ для ѣды и отдыха среди дня, время на проходъ взадъ и впередъ (4 конца), на сборы, на запаздываніе въ фабрику съ уборкой машинъ и приходъ въ фабрику нѣсколько заблаговременно, во избѣжаніе риска подвергнуться взыску за несвоевременную явку на работу. Все это вмѣстѣ нерѣдко у рабочаго, живущаго на вольныхъ квартирахъ, беретъ еще 2, даже 2½ часа. Если прибавить сюда, что самый обѣдъ принимается на скорую руку, опѣша, и почти не сопровождается отдыхомъ, то окажется, что рабочий былъ за работой или между работой, но не на отдыхѣ, часовъ 14½—15. Остается отъ сутокъ часовъ 9—9½ на сонъ и дѣйствительный отдыхъ (я имѣю въ виду духовныя потребности), а женщинамъ и на уходъ за семьей (постирать, обмыть дѣтей, обшить всю семью, а иногда и приготовить пищу)». Поэтому нѣкоторые, во избѣжаніе рѣзкаго перехода, предлагаютъ ввести временно обязательнымъ 11-часовой день, съ тѣмъ, чтобы потомъ перейти къ 10-часовому. М. Я. Кональскій ссылается на примѣръ большинства желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ и многихъ механическихъ заводовъ, гдѣ уже теперь работаютъ 10—10½ час. добровольно, «находя такой способъ ра-

боты совершенно правильнымъ». А. Г. Розенблюмъ (старш. фабр. механикъ) утверждаетъ, что переходъ съ дневной работы въ 13, 14, 15 и даже больше часовъ на 11 можетъ быть произведенъ сразу безъ всякаго ущерба для фабрикантовъ и рабочихъ, и приводитъ въ доказательство этого примѣръ изъ своей личной практики. На одной крупной отбѣльно-отдѣлочной фабрикѣ онъ устроилъ опытъ сокращенія рабочаго дня съ 13 на 11 часовъ: въ такомъ порядкѣ фабрика проработала полгода, и за этотъ періодъ «нѣсколько перевѣсила выработку соответствующаго періода предыдущаго года при одинаковомъ числѣ рабочихъ и безъ прибавленія машинъ. Рабочіе стали бодрѣе, здоровѣе. Самые слабые поправились, визиты къ фельдшеру уменьшились». По мнѣнію А. Г. Розенблюма, можно постепенно перейти, не сокращая производства, и къ 10-часовому дню, такъ какъ, на его взглядъ, «при интенсивной работѣ въ 10 часовъ исчерпывается все возможное быть утилизированнымъ». Утвержденіе комиссіи «Общества охраненія народнаго здравія» идетъ дальше; по ея мнѣнію, съ точки зрѣнія общественной гігіены, сутки должны распределяться такъ: 8 час. на работу, 8 час. на непрерывный сонъ и 8 час. на отдыхъ и удовлетвореніе физическихъ и духовныхъ потребностей. А. Н. Державинъ (завѣдующій ткацкой фабрикой), вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, стоитъ за 9-ти или 8 часовую работу, какъ за идеалъ, къ которому должны стремиться промышленность и фабричное законодательство, но къ которому нужно подходить постепенно. Что касается смѣнной работы, то большинство, опираясь на опытъ нѣкоторыхъ фабрикъ, принимаетъ 18-часовую въ двѣ смѣны.

Выводъ, къ которому приводитъ матеріалъ, помѣщенный въ сборникѣ, ясенъ и неотразимо убѣдителенъ: въ общемъ почти всѣ лица, давшіе свои отзывы, сознаютъ или чувствуютъ какую-то большую ненормальность въ положеніи рабочаго; трудъ, который несутъ рабочіе, и изнурителенъ, и недостаточно производителенъ; прежде чѣмъ принимать какія-либо мѣры для урегулированія жизни рабочаго, необходимо поставить его трудъ въ болѣе здоровыя условія «Всѣ другія мѣропріятія,—говорить Г. И. Гусевъ,—можно сказать смѣло, безъ сокращенія времени работы не дадутъ благоприятнаго результата». А. В. Погожевъ (старш. санит. врачъ Моск. губ.) высказывается въ этомъ же смыслѣ: «Не станемъ, конечно, отрицать,—говоритъ онъ,—громаднаго продуктивнаго значенія устройства мастерскихъ и жилыхъ помѣщеній для рабочихъ и т. д., тѣмъ не менѣе нельзя не присоединиться къ послѣднему слову промышленовой гігіены, что *главнѣйшимъ залогомъ успѣховъ промышленности въ санитарно-гигиеническомъ отношеніи служитъ нормировка рабочаго дня*».

Въ виду этого, огромное большинство высказывается за нормировку рабочаго времени путемъ ходатайства передъ правительствомъ объ изданіи соответствующаго закона. Только трое предложили пре-

доставить введеніе нормировки инициативѣ самихъ фабрикантовъ: остальные не разсчитываютъ въ данномъ случаѣ на единодушное желаніе фабрикантовъ, для которыхъ достаточно было бы однихъ разъясненій и рекомендательныхъ мѣръ. «Наши хозяева-фабриканты — говоритъ Г. И. Гусевъ — въ большинствѣ еще каждый стоитъ на почвѣ узкой личной своей выгоды, многіе вовсе не интеллигентны, а потому представляемые имъ выгоды имъ не понятны или же просто сравнительно менѣе выгодны».

Какія же выгоды ожидаются для фабрикантовъ отъ нормировки рабочаго дня? Въ сборникѣ мы встрѣчаемъ много указаній на это: со стороны рабочихъ будетъ меньше прогуловъ, болѣе внимательное отношеніе къ работѣ, качество товара улучшится; кромѣ того, введеніе нормировки, — по словамъ одного фабричнаго инспектора — «косвеннымъ образомъ должно будетъ содѣйствовать техническому прогрессу производства, ибо многія фабрики роковымъ образомъ принуждены будутъ обращать особое вниманіе на усовершенствованіе технической стороны производства, что въ настоящее время въ нѣкоторыхъ случаяхъ, благодаря изобилію и дешевизнѣ рабочихъ рукъ, можно еще игнорировать»; нормировка будетъ въ интересахъ самихъ фабрикантовъ уже по одному тому, что тогда уничтожится неодинаковость величины рабочаго дня на однородныхъ фабрикахъ, которая создаетъ неодинаковыя условія конкуренціи и является неудобной по отношенію къ коммерческой сторонѣ производства. А. А. Федотовъ (директоръ бумагопрядильной фабрики) прямо заявляетъ, что необходимость сокращенія числа рабочихъ часовъ на фабрикахъ вызывается «прежде всего выгодами фабрикантовъ»: «Въ настоящее время, — говоритъ онъ, — бумагопрядильное производство достигло такого развитія, что отъ рабочаго требуется не сила, а пониманіе и ловкость, качества, которыя будутъ у рабочаго, стоящаго на высшей ступени, чѣмъ рабочій теперешняго времени. Уровень рабочаго долженъ быть поднятъ на столько выше, чѣмъ теперь, на сколько выше нашъ рабочій — рабочаго времени крѣпостного труда. Какъ уничтоженіе крѣпостного состоянія выразилось въ улучшеніи мануфактурной промышленности, такъ улучшеніе рабочаго быта вызоветъ подъемъ и улучшеніе ея въ настоящее время».

Эта истина, справедливость которой подтверждается опытомъ западно-европейской промышленности, можетъ быть признана неоспоримой; но «посильны ли тѣ жертвы, которыя уже обязательно потребуются съ стороны фабриканта» (какъ значится въ вопросныхъ листахъ), хотя, по убѣжденію нѣкоторыхъ, — только на первое время? Это самая большая сторона вопроса: одни боятся слишкомъ большихъ матеріальныхъ жертвъ, другіе — слишкомъ большой ломки привычнаго строя фабричной жизни, третьи — конкуренціи съ Лодзью. А. А. Филатовъ (помощникъ директ. пряд.-тканц. фабрики), дѣлая приблизительный расчетъ въ цифрахъ, приходитъ къ заклю-

• ченію, что при переходѣ съ суточной работы на 18-часовую въ 2 смѣны, жертвы со стороны фабрикантовъ будутъ незначительны и вполне посильны для нихъ, особенно въ виду того, что энергія рабочаго, при сокращеніи часовъ работы, несомнѣнно возрастетъ, и качество товара улучшится. Последнее подтверждается Н. Н. Алянчиковымъ, который въ доказательство того, какъ увеличивается интенсивность работы при переходѣ отъ 24 час. къ 18, приводитъ случай изъ собственной практики: «На моихъ глазахъ,—говоритъ онъ,—сейчасъ происходитъ переходъ ткацкой фабрики Товарищества Никольской мануфактуры на дневную; но и на дневной, т. е. болѣе тяжелой сравнительно съ 18-часовой работѣ, ткачъ вырабатываетъ въ часъ въ среднемъ до 12½% болѣе прежняго. Если къ этому прибавить то обстоятельство, что при 18-часовой работѣ можно замѣнять взрослыхъ мужчинъ женщинами, подростками и частью малолѣтними, т. е., по словамъ Н. Н. Алянчикова, «болѣе дешевымъ народомъ», дать такимъ образомъ заработокъ всѣмъ членамъ семьи, которая живетъ оплошъ и рядомъ въ фабричныхъ казармахъ, и, слѣдовательно, уменьшить % не работающихъ, но живущихъ въ хозяйскомъ помѣщеніи и требующихъ дополнительнаго расхода (казармы, школа, больница, баня, общій надзоръ и пр.),—сто убѣдимся еще болѣе въ привлекательности и почти безубыточности 18-час. работы сравнительно съ 24-часовой». Сопоставляемъ съ этими данными, которые С. А. Денисовъ заимствуетъ изъ личнаго опыта: «На фабрикѣ Т-ва Переславльской мануфактуры, которой я завѣдывалъ, практиковалась смѣнная 24-часовая работа съ 1848 г., почти безъ перерыва до 1880 г. Съ 1880 г. по 1889 г. фабрика работала только днемъ, при чемъ продолжительность дневной работы была 13¼ час. рабочаго времени, не считая времени на обѣдъ. Съ октября 1889 г., при сильномъ неудовольствіи со стороны рабочихъ, которые ожидали отъ такой перемѣны сокращенія и безъ того небольшого заработка, была мною введена 18-часовая смѣнная работа при увеличеніи сдѣльной расцѣнки только на 15% и при той же расцѣнкѣ для поденныхъ рабочихъ, при чемъ число машинъ, приходящееся на отдѣльнаго поденнаго рабочаго, было увеличено на 20%. Первый годъ работы при новыхъ условіяхъ далъ весьма благоприятные результаты, хотя нѣсколько ниже ожидаемыхъ. Средняя же заработка за 1892 г. была уже для большинства категорій рабочихъ (приводится табличка) немного ниже дневной, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ былъ измѣненъ самый порядокъ работы, нѣсколько выше... Рабочіе на столько освоились съ новыми порядками и видимо старались, что въ послѣдующемъ 1893 г. общая заработка пражки значительно возрасла въ сравненіи съ предыдущими годами».

Итакъ, нормировка рабочаго времени въ указанной формѣ не угрожаетъ, какъ показываютъ вышеприведенные факты, значительнымъ матеріальнымъ ущербомъ для фабрикантовъ; но зато можетъ

невыгодно отозваться на заработкѣ рабочихъ, для которыхъ даже незначительная потеря будетъ чувствительна. При переходѣ съ 24 час. на 18, т. е. при сокращеніи рабочаго времени на 25%, суточная производительность должна на первое время сократиться также на 25% приблизительно; но когда—по словамъ П. И. Минофьева—«рабочіе оправятся отъ прежняго переутомленія и интенсивность труда ихъ возрастетъ, то разница въ производительности выразится приблизительно въ размѣрѣ отъ 10 — 15%. Въ такомъ же размѣрѣ уменьшится и заработокъ рабочихъ; но такъ какъ уменьшеніе это будетъ для нихъ весьма ощутительно, то само собою разумѣется, что фабриканты должны пополнить эту убыль повышеніемъ разцѣнки. Такимъ образомъ, весь убытокъ, происшедшій отъ введенія этой реформы, долженъ пасть на фабрикантовъ, которые вознаградятся, до нѣкоторой степени, улучшеніемъ качества фабриката». Въ пользу увеличенія разцѣнки высказывается и еще кое-кто, напр. Г. С. Герасимовъ (директоръ правленія прядил. фабрики), А. А. Филатовъ и др. Слѣдовательно, нѣкоторыя жертвы со стороны фабрикантовъ неизбежны. Но при этомъ далеко не всѣ убѣждены, что ихъ жертвы съ лихвой покроются въ будущемъ указанными выгодами, хотя можно съ известной долей вѣроятности предположить, что жертвы, которыя обусловливаются вздорожаніемъ производства и уменьшеніемъ барышей отъ продажи меньшаго количества выработаннаго товара, будутъ переложены фабрикантами отчасти на потребителей; кромѣ того, сокращеніе рабочаго времени могло бы гарантировать до известной степени промышленность отъ перепроизводства и тѣмъ «способствовало бы бы ослабленію промышленныхъ кризисовъ» (А. Н. Быковъ). Вопросъ о послѣдствіяхъ, которыя могутъ быть вызваны отъменной ночныхъ работъ и нормировкой рабочаго дня, не получилъ еще опредѣленнаго рѣшенія. Но совершенно очевидно то, что А. Н. Державинъ (завѣдующій ткацкой фабрикой) называетъ *дилеммой*: «Съ одной стороны,—говоритъ онъ,—уничтоженіе ночныхъ работъ и переходъ на смѣнную 9-часовую работу желательны съ точки зрѣнія здоровья рабочаго; съ другой же стороны, значительное уменьшеніе числа рабочихъ часовъ вызоветъ нѣкоторыя временныя колебанія мануфактурнаго рынка не въ пользу центрального района. Эту дилемму многіе рѣшаютъ въ пользу первой постановки вопроса, указывая, что дѣло промышленности заключается не въ увеличеніи общей суммы богатства, а въ поднятіи благосостоянія народнаго, которое понижаетъ и чрезмѣрная продолжительность труда, и ночныя работы».

Въ сущности говоря, когда на одной чашкѣ вѣсовъ—здоровье рабочаго и упорядоченіе всей его жизни, а на другой—«нѣкоторое временное колебаніе мануфактурнаго рынка», то какъ-то странно звучать это слово: *дилемма*. Несомнѣнно, что отъ нормировки рабочаго времени рабочій непосредственно выиграетъ больше, чѣмъ

фабрикантъ, потому что у него улучшится въ корни весь строй его жизни. Но вотъ въ этомъ-то для фабриканта, принимающаго къ сердцу интересы рабочихъ, и заключается одна изъ привлекательныхъ сторонъ нормировки, тоже своего рода выгода, только не въ узко-корыстномъ смыслѣ этого слова,—и эта выгода можетъ для иныхъ быть сильнѣе всякихъ своекорыстныхъ соображеній. Намъ думается, что напр. для владѣльцевъ фабрикъ и директоровъ, рисующихъ въ своихъ отзывахъ жизнь фабричнаго люда такими мрачными и вмѣстѣ правдивыми красками, нелегко видѣть передъ собой типичнаго рабочаго, котораго—какъ говорить Г. И. Гусевъ—вы всегда можете опредѣлить «по блѣдному лицу, впалымъ глазамъ, однимъ словомъ, по какой-то мозглявости, которая во всѣхъ ихъ проглядываетъ». А фабричныя женщины и дѣти? Видъ подрывая здоровье женщинъ, фабричная работа—по словамъ д-ра Святловскаго—«вредитъ не только имъ самимъ, но и будущимъ поколѣніямъ и, слѣдовательно, затрогиваетъ прямо интересы націи». Дѣти сплошь и рядомъ рождаются хилыми, вскармливаются очень плохо. Д-ръ Александровъ изслѣдовалъ 652 дѣтей фабричныхъ рабочихъ шести фабрикъ Богородскаго уѣзда; оказалось, что % рахитиковъ среди изслѣдованныхъ очень великъ; при этомъ «можно предполагать съ большою вѣроятностью, что недостаточное кормленіе грудью составляетъ главную причину слабаго развитія дѣтей фабричнаго населенія»: матерямъ или некогда кормить, или у нихъ мало молока въ грудяхъ вслѣдствіе малокровія и истощенія (Изъ отзыва фабричнаго врача В. Н. Кипарисова).

Изнуряющее вліяніе фабричныхъ работъ съ особенной силой сказывается на женщинахъ, которыя, придя изъ фабрики, должны заниматься еще хозяйствомъ, кухней, дѣтьми, скотиной,—наконецъ, половину ночи бодрствовать надъ дѣтьми. «Невольно дивишься,—говоритъ К. Языковъ,—когда онѣ отдыхаютъ? Откуда берутъ онѣ силы на такую работу? Да ни откуда! Изъ картошки и ржаного хлѣба силы много не выжмешь! Онѣ не возобновляютъ своихъ силъ, но зато усердно ихъ тратятъ, черпая изъ запаснаго капитала, и потому скоро банкротятся,—словомъ, жгутъ свѣчу съ двухъ концовъ. Оттого мы и привыкли видѣть своихъ ткачихъ въ 24 года истощенными, постарѣвшими (какъ будто онѣ прожили всѣ 35 лѣтъ), худыми, блѣдно-зелеными, малокровными и—увы! часто, ужасающе часто, уже въ эти молодые годы—чахоточными. А вы, конечно, знаете, что значить чахоточная мать. Она умереть въ 25—30 лѣтъ. Жаль молодую загубленную жизнь. Но помните, что если послѣ нея осталось 4 дѣтей, то ужъ двое изъ нихъ навѣрное будутъ въ свое время чахоточными и, въ свою очередь, родятъ чахоточныхъ. Ужасъ! А если даже исключимъ чахотку, то нетрудно и непосвященному сказать, каковы могутъ быть дѣти у такой истощенной матери. Возьмете ли вы ее въ кормилицы своему ребенку? Да нѣтъ! Потому что ей и кормить-то нечѣмъ. Отсюда цѣлая армія

несчастныхъ дѣтей, истощенныхъ, золотушныхъ, болѣе чѣмъ на половину рахитичныхъ, т. е. изуродованныхъ на всю жизнь. Законъ старался уменьшить зло, давъ право работницамъ за двѣ недѣли до родовъ оставлять работу и пользоваться вспоможеніемъ изъ штрафнаго капитала. Но почему-то на практикѣ законъ этотъ остался мертвой буквой. По крайней мѣрѣ, мои роженицы приходять въ родильный пріютъ всѣ безъ исключенія *прямо отъ станка*, въ буквальный смыслъ слова».

Что касается заболѣваемости рабочихъ, она намного превышаетъ заболѣваемость окружающаго не фабричнаго населенія. «По статистикѣ д-ра Богословскаго,—говоритъ В. Н. Кипарисовъ,—на каждую душу населенія бумаго-прядильной фабрики, гдѣ онъ былъ врачомъ, приходится 1,21 заболѣваній въ годъ и ежегодно изъ каждыхъ 8 лицъ, проживающихъ на фабрикѣ, одно поступаетъ въ больницу. Цифры весьма большія сравнительно съ цифрами земско-лечебныхъ заведеній Московскаго уѣзда, пользовавшихся въ 1882 г., «ниболѣе болѣзненномъ», 205 на 1000. По имѣющимся у меня свѣдѣніямъ за нѣсколько лѣтъ относительно болѣзненности рабочихъ одной изъ ткацко-красильныхъ фабрикъ Богородскаго у. видно, что на cadaго изъ живущихъ на фабрикѣ приходится 0,9 заболѣваній въ годъ, каждый изъ заболѣвшихъ среднимъ числомъ 3 раза въ годъ побывалъ въ больницѣ, и изъ 11 человекъ одинъ пользовался коечнымъ лѣченіемъ. Усиленной заболѣваемости естественно соответствуетъ и усиленная смертность, низводная приростъ населенія фабрикъ до 0 и даже, есть примѣры, до величины отрицательной».

Таково вліяніе фабричныхъ условій на физическую жизнь рабочаго. Его духовная жизнь представляетъ не менѣе безотрадную картину, выражаясь обыкновенно лишь въ праздничномъ разгулѣ. У него, какъ указано выше, не остается времени для духовной жизни, да и прямо не хватаетъ силъ. Вмѣсто живого человека, онъ становится—по выраженію Г. И. Гусева—«одной принадлежностью машины». Но «дайте ему больше сна, больше отдыха, возвратите его семейству, и онъ будетъ здоровѣе, энергичнѣе, разумнѣе, меньше будетъ чувствовать потребность возбуждаться алкоголемъ и получить вкусъ къ болѣе разумнымъ удовольствіямъ, чѣмъ водка, драка и трактиръ» (В. Н. Кипарисовъ). Замѣтимъ отъ себя, что справедливость этого убѣжденія всегда косвенно подтверждалась практикой такихъ учреждений, какъ народный театръ въ Москвѣ въ 1872 г. или какъ театръ и гулянья при «Невскомъ обществѣ народныхъ развлеченій» въ Петербургѣ: примѣры эти ясно показываютъ, что въ рабочемъ, не смотря на то, что онъ задавленъ трудомъ, живетъ стремленіе къ лучшей жизни, къ лучшимъ формамъ развлеченій, извѣстнаго рода жажда свѣта. Это видятъ и понимаютъ многія изъ лицъ, стоящихъ близко къ фабричному люду. «При многихъ фабрикахъ—говоритъ Г. И. Гусевъ—устраиваются и устроены чтенія, театры, бібліотеки и другія развлеченія—все это, наравнѣ

съ оти́мной ночной работы и урегулированіемъ дневной, несомнѣнно поведетъ къ образованію и воспитанію рабочаго, и недалеко можетъ быть то будущее, когда и нашъ рабочій будетъ интеллигентнымъ». Нѣкоторые возражаютъ, что если сократить значительно рабочее время, то фабричному люду, при низкомъ уровнѣ его грамотности, при отсутствіи здоровыхъ развлеченій, некуда будетъ дѣвать своего досуга. Но этотъ доводъ говорить не *противъ* значительнаго сокращенія числа рабочихъ часовъ, а *за* поднятіе уровня грамотности и насажденіе здоровыхъ развлеченій среди рабочихъ, которымъ надо дать для этого потребный досугъ; въ противномъ случаѣ, мы оставляемъ рабочаго въ его заколдованномъ кругѣ: онъ не можетъ утилизировать съ пользой свой досугъ, потому что уровень его умственнаго развитія низокъ,—а уровень низокъ потому, что у него не остается ни досуга, ни силъ заняться своимъ умственнымъ развитіемъ.

Можно исчислять выгоды и убытки, которые связаны для фабрикантовъ съ нормировкой рабочего времени, но самымъ важнымъ по существу моментомъ при рѣшеніи этой задачи все-таки остается одинъ мотивъ, о которомъ говоритъ А. А. Микулинъ (старш. фабр. инспекторъ), отвѣчая на 1-й пунктъ вопроснаго листа («Чѣмъ вызывается вопросъ о необходимости сокращенія числа рабочихъ часовъ?..»): «Прежде всего, конечно, побужденіями гуманитарнаго свойства, признавая рабочаго не машиною, а человекомъ, который работаетъ не только для того, чтобы имѣть возможность жить животною жизнью, а чтобы получить возможность въ свободное время, котораго у него теперь нѣтъ, доставить себѣ какое-либо развлеченіе помимо ѣды и сна». »

Н. Тимновскій.

Морисъ Шиффъ.

Женевскій университетъ, а съ нимъ и весь ученый міръ несутъ за послѣдніе года тяжелыя, вознагражденныя утраты. Въ прошломъ году скончался въ Женевѣ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ и блестящихъ представителей науки послѣдней половины текущаго столѣтія Карлъ Фогтъ, а въ этомъ году новая могила раскрылась, чтобы скрыть на вѣки знаменитаго, цѣлое полустолѣтіе плодотворно трудившагося физиолога Шиффа. Мы не беремъ на себя задачи оцѣнивать научныя заслуги покойника, имя его довольно извѣстно ученому міру. Достаточно сказать, что онъ получилъ лестное прозваніе «швейцарскаго Клодъ-Бернара», котораго онъ былъ совре-

менникомъ, а затѣмъ продолжателемъ. Нѣтъ ни одной области болѣе или менѣе значительной въ физиологiи, гдѣ бы этотъ неутомимый и глубокий изслѣдователь не оставилъ неизгладимаго слѣда, то своими крупными открытіями, то рядомъ оригинальныхъ опытовъ, то беспощадной критикой скороспѣлыхъ обобщеній, то, наконецъ, смѣлой гипотезой привлекая интересъ къ какому либо вопросу и вызывая цѣлый рядъ новыхъ опытовъ. Въ теченіи 20-ти послѣднихъ лѣтъ онъ составлялъ славу и гордость женевского университета и привлекалъ сюда многочисленныхъ слушателей.

Но не одні только научныя заслуги Шиффа и его всемірная извѣстность привлекали къ нему слушателей, а въ той же, если не въ большей еще мѣрѣ и его высокія нравственныя качества, обаятельная, до глубокой старости сохранившаяся въ немъ юношеская любовь къ наукѣ и вѣра въ торжество разума и истины. Кто имѣлъ счастье, какъ мы, въ послѣдніе годы его жизни, присутствовать на лекціяхъ Шиффа, для того запечатлѣтся на всегда въ сердцѣ его лишенная всякихъ внѣшнихъ украшеній рѣчь, которая вмѣстѣ съ строго-логическимъ и яснымъ изложеніемъ предмета давала ключъ къ критическому отношенію къ главнымъ вопросамъ физиологiи, будила самостоятельную мысль слушателя, и пріучала его не принимать ничего на вѣру. Беспощадный анализъ фактовъ, неумолимая критика ходячихъ, недостаточно обоснованныхъ научныхъ положеній составляли обаятельную силу лекцій Шиффа. Нѣкоторые, правда, находили въ этомъ и ихъ слабость: намъ многократно приходилось слышать со стороны студентовъ и профессоровъ жалобы, что Шиффъ даетъ мало положительнаго, что онъ порождаетъ сомнѣніе въ теоріяхъ, пользующихся общепринятой извѣстностью. Мы готовы согласиться, что въ этомъ обвиненіи была доля правды, но та точка зрѣнія, на которой стоялъ Шиффъ, ставить ему такое отношеніе къ дѣлу въ заслугу, даже въ обязанность. Строгий поклонникъ экспериментальнаго метода, Шиффъ былъ самый ожесточенный врагъ догматизма, ему все казалось, что онъ дѣлаетъ недостаточно опытовъ предъ своими слушателями. «Я вынужденъ читать мои лекціи, какъ теологъ», говорилъ намъ какихъ нибудь два, три мѣсяца тому назадъ покойникъ, и въ голосъ его слышалась горькая иронія, смѣшанная съ тихой грустью. Считая физиологiю базисомъ всей медицинскій науки, прогрессъ которой немислимы безъ прогресса физиологiи, правильное пониманіе болѣзненныхъ процессовъ невозможнымъ безъ такового-же пониманія нормальныхъ явленій въ организмъ, Шиффъ съ грустью видѣлъ, какъ мало еще сдѣлано университетскимъ преподаваніемъ, чтобы поставить физиологiю во главѣ медицинскихъ наукъ. Онъ неустанно добивался, чтобы въ женевскомъ университетѣ была устроена физиологическая лабораторія для студентовъ и амфитеатръ для чтенія лекцій, гдѣ можно было бы удобно демонстрировать опыты. Несмотря на постоянныя, въ теченіе многихъ лѣтъ повто-

ряемыя напоминанія и просьбы, женевскій университетъ съ изумительнымъ равнодушіемъ обходилъ Шиффа, дѣлая многое для другихъ профессоровъ, ни въ какомъ случаѣ не превосходившихъ Шиффа ни важностью преподаваемаго предмета, ни высотой своихъ заслугъ предъ наукой и женевскимъ университетомъ. Извѣстные своей расчетливостью швейцарцы находили, что Шиффъ своею громкою ученою дѣятельностью достаточно дѣлаетъ знаменитымъ женевскій университетъ, чтобы стоило еще входить въ излишніе расходы для улучшенія его кассы.

Въ прошломъ году, во время вакацій, въ лабораторію Шиффа зашелъ одинъ довольно извѣстный голландскій ученый терапевтъ вмѣстѣ съ деканомъ женевского университета. Почтенный голландскій профессоръ, послѣ восторженныхъ и лестныхъ привѣтствій Шиффу, выразилъ свое изумленіе, что послѣдній, вмѣсто того, чтобы пользоваться вакаціями для весьма законнаго отдыха, продолжаетъ свои работы. «Помилуйте», возразилъ Шиффъ, «я только въ это то время собственно и начинаю работать. Въ теченіе года приготовленія въ лекціямъ отнимаютъ у меня очень много времени, а главное мѣшаютъ мнѣ сосредоточиться на моихъ собственныхъ работахъ». — «У васъ, должно быть, огромная аудиторія?» спросилъ голландецъ. — «О нѣтъ, у меня даже, собственно, нѣтъ помѣщенія, гдѣ бы я съ пользою могъ читать мои лекціи; я не перестаю до сихъ поръ заявлять объ этомъ университетскому совѣту, но, къ сожалѣнію, онъ остается глухъ къ моимъ мольбамъ!» Деканъ университета, присутствовавшій при этомъ разговорѣ, почувствовалъ, повидимому, неловкость въ виду такого обвиненія университетскаго совѣта предъ постороннимъ и иностраннымъ ученымъ; онъ попытался оправдаться тѣмъ, что у нихъ немногіе изъ профессоровъ имѣютъ собственныя залы для чтенія лекцій, что университетъ не имѣетъ средствъ устраивать для каждого профессора специальную аудиторію. «Но для каждого профессора и не нужно специальной залы», возразилъ Шиффъ, «для фзіолога же это необходимо! Какъ вы хотите, чтобы я могъ въ назначенный мнѣ часъ времени, послѣ того какъ мой предшественникъ кончитъ свою лекцію, успѣть перенести изъ моей лабораторіи, находящейся къ тому же этажемъ ниже и на другомъ концѣ зданія, всѣ сложныя и неудобопереносимыя приборы, животныхъ, все устроить, приготовить и успѣть затѣмъ читать мою лекцію?» Желая ли ободрить смущеннаго декана или чтобы какъ нибудь покончить этотъ вопросъ, видимо болѣзненно-тяжелый для обѣихъ сторонъ, голландскій ученый замѣтилъ: «Но почему, собственно, Шиффъ, вы такъ настаиваете на необходимости опытной демонстраціи вашихъ лекцій? Студенты, насколько я заключаю изъ моего профессорскаго опыта, не любятъ, чтобы на лекціяхъ производились опыты; меня даже просили, чтобы я пересталъ ихъ дѣлать, говоря: мы, вѣдь, вамъ вѣримъ, профессоръ, а ваши опыты только отвлекаютъ вни-

маніе!» Нужно было присутствовать при этой сценѣ, чтобы видѣть, какое негодованіе возбудили эти слова въ обыкновенно кроткомъ и спокойномъ Шиффѣ. «Какъ! они вамъ вѣрятъ на слово, какъ! ихъ вниманіе развлекается опытами, мѣшая имъ уловить фразы, чтобы безмысленно зазубрить, какъ катехизисъ, извѣстныя научныя положенія, но, вѣдь, это гибель для науки, гибель для самостоятельнаго научнаго изысканія!» И долго еще не могъ уговориться задѣтый за живое престарѣлый, уже и тогда больной Шиффъ.

Таково было его отношеніе къ преподаванію. Эти взгляды онъ проводилъ неуклонно за всю свою многолѣтнюю профессорскую дѣятельность, встрѣчая непреодолимые препятствія на пути къ ихъ осуществленію, рискуя сдѣлать себя невозможнымъ дальнѣйшее преподаваніе, съ грустью, почти съ отчаяніемъ видя, что его стремленія далеко не достигаютъ цѣли. Кто изъ насъ, его слушателей за послѣдніе года, забудетъ трогательную сцену, когда, однажды, послѣ ряда неудачныхъ попытокъ демонстрировать предъ своими слушателями нѣсколько опытовъ, Шиффъ покидаетъ въ срединѣ лекціи аудиторію, умоляя студентовъ подать университету петицію съ заявленіемъ, что они ничего не выносятъ изъ лекцій своего профессора вслѣдствіе полной невозможности производить опыты въ залѣ, назначенной для его лекцій. Бѣдный Шиффъ! только въ послѣднемъ учебномъ году университетъ наконецъ устроилъ кое-какъ его аудиторію, далеко, впрочемъ, неудовлетворяющую основнымъ его требованіямъ.

Беззавѣтная любовь къ наукѣ, чистая, безкорыстная преданность и долголѣтнее, неутомимое служеніе ея интересамъ соединились въ этомъ человѣкѣ съ невѣроятною скромностію. Не той ложной и лицемерной скромностію, которая хитро и трусливо прятать личное мѣстоименіе я, чтобы тѣмъ удобнѣе въ третьемъ лицѣ трубить о своихъ заслугахъ. Это была скромность человѣка, увѣреннаго въ самомъ себѣ, но пренебрегающаго мишурной обыденной славой, до которой такъ падохъ обыкновенный смертный. Отдавшись великому дѣлу науки, Шиффъ сдѣлался настоящимъ анахоретомъ, средневѣковымъ ученымъ идеальнаго типа, лабораторія была для него не мѣстомъ только, гдѣ работаютъ опредѣленное число часовъ въ день, она сдѣлалась чуть-ли не главнымъ его жилищемъ, гдѣ онъ проводилъ большую часть своей жизни. Предпринимая какое нибудь новое изслѣдованіе, Шиффъ буквально проводилъ дни и ночи въ лабораторіи, не довѣряя никому, самъ слѣдя за своими животными, забывая объ ѣдѣ и снѣ, — и это не преувеличеніе. Не могу не привести одинъ характерный для этого случай.

Разъ на лекціи Шиффъ, говоря о пищевареніи, передавалъ различные способы, употребляемые для того, чтобы поддерживать въ пробирныхъ стеклянкахъ съ подвергнутыми дѣйствию желудочнаго сока пищевыми веществами всегда одинаковую температуру въ 37°. Всѣ разобранные способы представляли нѣкоторые неудоб-

ства, а потому Шиффъ, не любившій къ тому же сложныхъ аппаратовъ, долго ломалъ голову, чтобы найти что-либо болѣе простое и практичное, и нашелъ... Нужно было видѣть его, когда онъ съ дѣтскимъ самодовольствомъ рассказывалъ, какъ былъ простъ и удобенъ придуманный имъ способъ. Вообразите: онъ привязывалъ эти пробирные сосуды у себя подъ мышками прямо на тѣлѣ. «Такимъ образомъ, сказалъ онъ, я могъ быть увѣренъ, что они будутъ находиться все время въ теченіе нѣсколькихъ дней подъ дѣйствіемъ одинаковой температуры человеческого тѣла!» Дѣйствительно, идея очень остроумна, но многіе ли согласятся подвергнуть себя втеченіе нѣсколькихъ дней такой пытке: ходить, работать и спать съ подвязанными подъ мышками стеклянными сосудами!

Это, конечно, мелочь, но она чрезвычайно характерна. Шиффъ всего менѣе въ жизни заботился о своихъ удобствахъ, когда дѣло шло объ интересахъ дорогою ему дѣла. Уже будучи старикомъ и больнымъ, часто онъ вставалъ по нѣскольку разъ ночью, чтобы проверить наблюденія надъ животными, которыхъ онъ приводилъ для этого къ себѣ на домъ! Въ послѣдніе дни своей жизни, совсѣмъ больной и еле двигавшійся, онъ все таки брелъ въ свою лабораторію, каждый разъ когда его ассистентъ почему либо не приходилъ къ нему доложить, какъ идутъ тамъ дѣла. На упреки ассистента, что онъ такъ не щадитъ своего здоровья, Шиффъ отдѣлывался обыкновенно шуткой, говоря, что онъ чувствуетъ себя хуже, если долго не побываетъ у своихъ старыхъ и вѣрныхъ пріятелей—животныхъ. Въ этой шуткѣ, впрочемъ, заключалась, можетъ быть, большая доля правды. Шиффъ до того привыкъ къ своей трудовой жизни, что перестать работать для него значило перестать жить, и дѣйствительно смерть, какъ бы сжалившись надъ нимъ, почти немедленно унесла его въ могилу, послѣ того, какъ онъ окончательно прекратилъ вслѣдствіе болѣзни свои работы.

Мы сказали, что Шиффъ отличался рѣдкою скромностью, этимъ лучшимъ украшеніемъ дѣйствительныхъ заслугъ. Ученый, привлекавшій вниманіе всего ученаго міра поразительною разносторонностью и обиліемъ своихъ работъ, оригинальностью своихъ взглядовъ, обладавшій рѣдкою теперь многообъемлющей эрудиціей, за всѣ 50 лѣтъ своей профессорской дѣятельности не написалъ почти ни одного произведенія, назначеннаго для болѣе обширнаго круга образованной публики, которое доставило бы ему громкую славу среди огромнаго большинства современниковъ. Его классическое сочиненіе въ этомъ родѣ, появившееся въ концѣ 60-хъ годовъ, было составлено по его лекціямъ его благодарными и талантливыми учениками. Лично ему принадлежащій учебникъ по нервной физиологіи, написанный еще въ 57 году, есть трудъ, конечно теперь устарѣвшій.

Студенты часто обращались къ Шиффу съ просьбой написать

учебникъ физиологiи, чувствуя крайній недостатокъ въ этомъ отношенiи въ наукѣ, и особенно побуждаемые къ тому критическимъ отношенiемъ самого Шиффа, который всегда затруднялся, какіе руководства рекомендовать своимъ слушателямъ, такъ какъ всѣ они страдаютъ, по его мнѣнію, тѣмъ недостаткомъ, что чрезвычайно догматичны и не даютъ достаточнаго критеріума для оцѣнки противорѣчивыхъ гипотезъ и теорій, которыми еще такъ богата современная физиологiя. На эти просьбы Шиффъ обыкновенно отвѣчалъ, что серьезно занятымъ ученымъ физиологамъ положительно нѣтъ времени писать учебники. Прискорбно, еслибы всѣ выдающіеся ученые были такого же мнѣнія на этотъ счетъ: тогда учащимся приходилось-бы довольствоваться учебниками, составленными не специалистами дѣла и при томъ нерѣдко съ спекулятивными цѣлями.

Многочисленные труды Шиффа, разбросанные въ специальныхъ журналахъ, на половину, а нѣкоторые и совсѣмъ позабытые за давностью лѣтъ; труды, не лишенные однако и до сихъ поръ глубокаго научнаго интереса, только недавно появились, наконецъ, въ болѣе или менѣе полномъ собраніи. Характерно, что Шиффъ и не подумалъ бы самъ предпринять ихъ изданіе, еслибы чуть не весь ученый міръ физиологовъ не пожелалъ почтить его 50-ти лѣтній юбилей рѣдкою честью—напечатать по подпискѣ собраніе его произведеній. Этой счастливой идеѣ мы обязаны тѣмъ, что скоро его научные заслуги будутъ, вѣроятно, оцѣнены по достоинству. Но сколько этотъ глубокій мыслитель и неутомимый исследователь долженъ былъ унести съ собой въ могилу оригинальныхъ мыслей, смѣлыхъ гипотезъ, не нашедшихъ мѣста во время бѣглыхъ, срочныхъ отчетовъ о своихъ опытахъ и открытіяхъ, нечатавшихся въ периодическихъ изданіяхъ!

Постоянная и исключительная забота объ интересахъ науки, на служеніе которой Шиффъ отдалъ всю свою жизнь, заставляла его не только съ пренебреженiемъ относиться къ тому, что могло дать ему всемірную извѣстность, но прямо таки бояться всякаго внѣшняго выраженія предъ нимъ уваженія со стороны его поклонниковъ. Эти опасенія доходили иногда до курьеза. Такъ, однажды, въ бытность его профессоромъ во Флоренціи, студенты задумали сдѣлать ему по какому-то случаю овацію. Шиффъ, случайно узнавшій объ этомъ и видя, что отворатить это было невозможно, тайно покинулъ городъ ко дню предназначавшагося торжества.

Три года тому назадъ въ день 70-ти лѣтней годовщины Шиффа, студенты, зная его пугливую скромность, рѣшили, совершенно его не предупреждая, устроить въ честь его настоящій апофеозъ. Всѣ, кто присутствовалъ на этомъ торжествѣ, никогда не забудутъ этого дня, столько было въ немъ грандіознаго и вмѣстѣ задушевно-простого. Какъ сейчасъ живо у насъ въ памяти смущеніе Шиффа, когда онъ, ничего не подозревая, вошелъ въ этотъ день на лекцію и былъ встрѣченъ шумными и единодушными аплодисментами своей

многочисленной аудиторіи. Оправившись отъ смущенія, онъ растрогался и сказалъ нѣсколько душевныхъ и простыхъ словъ. «Друзья мои, за что чувствуете вы меня? За мое прошлое, настоящее или будущее? Въ прошломъ я многое предпринималъ, но также многое не довелъ до конца и, въ будущемъ, конечно, не успѣю этого сдѣлать, такъ какъ немного уже осталось мнѣ жить. Что же касается до настоящаго, то я всегда съ вами и сегодняшний день ничѣмъ не отличается отъ всякаго другого. Я не ищу громкой извѣстности, но есть слава, которую я желалъ бы стяжать. Вы слыхали о Перуджини, учителѣ Рафаэля. Это былъ скромный художникъ, скромно работавшій, онъ былъ извѣстенъ только немногочисленному кругу близкихъ друзей и поклонниковъ. Вотъ слава, которой я завидую!»

Вечеромъ того же дня улицы Женевы представляли необычайное зрѣлище. На громадномъ протяженіи шла процессія студентовъ всѣхъ корпорацій женевского и многихъ другихъ университетовъ Швейцаріи, въ шапочкахъ и лентахъ различныхъ цвѣтовъ, съ шелковыми расшитыми золотомъ знаменами и съ пылающими просмоленными факелами въ рукахъ, свѣтъ которыхъ фантастически обливалъ огромныя сѣрыя массы домовъ и окна, униженные лицами любопытныхъ. Процессія эта въ стройномъ порядкѣ направлялась къ скромной квартирѣ Шиффа, небольшому двухъ-этажному домику, стоящему посреди большого двора. Вся эта толпа наполнила дворъ и залила его свѣтомъ дымящихся факеловъ. На балконѣ появилась семья и самъ растроганный до глубины души виновникъ торжества Шиффъ. Выслушавъ рѣчи студентовъ, полныя восторга и любви къ нему, Шиффъ горячо приветствовалъ молодежь, говорилъ, что честь, которую она ему оказываетъ, для него дороже всего, и затѣмъ долго и много говорилъ о великихъ задачахъ его любимой науки, о ея громадныхъ заслугахъ передъ человѣчествомъ, о ея грандіозномъ будущемъ и все болѣе и болѣе расширяющемся значеніи въ ряду другихъ наукъ.

Ученые труды, поглощавшіе всѣ силы и все время Шиффа, не сдѣлали его индифферентнымъ къ современной жизни, онъ перенесъ только ея интересъ въ сферу любимой имъ науки, отъ которой онъ такъ много ожидалъ; удалившись отъ міра въ свою лабораторію, онъ не удалился отъ жизни. Жгучіе вопросы челоѣчества находили всегда отзывъ въ его душѣ и время отъ времени, отрываясь отъ своихъ работъ, онъ шелъ на какое нибудь собраніе и здѣсь подавалъ свой вѣскій, авторитетный голосъ по поводу того или иного, волнующаго умы вопроса. Онъ находилъ до конца жизни время слѣдить за важнѣйшими общественными событіями. Симпатіи его всегда были на сторонѣ слабыхъ и незащищенныхъ. Много женщинъ студентовъ вспомнать съ благодарностью и любовью о Шиффѣ, неоспоримый научный авторитетъ котораго долгое время былъ живымъ укоромъ для закосѣлыхъ педантовъ, не хотящихъ признать женщину способной работать на ряду съ

мужчиной на великомъ поприщѣ науки. Теплое участіе Шиффа къ каждой учащейся женщинѣ, такъ мало еще встрѣчающей на своемъ пути сочувствія, такъ часто, напротивъ, преслѣдуемой презрительною ироніей и недовѣріемъ къ ея силамъ, составляло, можетъ быть, главную притягательную силу, которая влекла женщинъ въ женевскій университетъ. Многие изъ учившихся здѣсь женщинъ приобрѣтшихъ потомъ научную извѣстность, не мало, вѣроятно, обязаны своей карьерой Шиффу.

Шифръ былъ ожесточеннымъ врагомъ всякаго формализма, ему хотѣлось, чтобы университетъ былъ храмомъ науки въ самомъ чистомъ смыслѣ этого слова. Дѣленія на факультеты, дипломы, по его воззрѣніямъ, не соответствовали достоинству и задачамъ университета, который долженъ служить однимъ только интересамъ науки. Онъ желалъ, чтобы этотъ храмъ былъ свободно открытъ для всякаго, чтобы туда безъ малѣйшихъ стѣсненій могъ входить каждый и когда угодно, учиться и работать какъ и чему ему заблагоразсудится. Такія идеальныя воззрѣнія, конечно, были неосуществимы. Но что касалось лично Шиффа, онъ всегда поступалъ сообразно этимъ своимъ взглядамъ. Его аудиторія и лабораторія были открыты всегда и для всѣхъ.

Однажды, года четыре тому назадъ, университетскій совѣтъ нашелъ нужнымъ усилить контроль за посѣщающими лекціи. Нужно замѣтить, что плата за лекціи идетъ въ пользу профессоровъ, получающихъ вообще въ Швейцаріи весьма скромное жалованіе и, стало быть, этотъ побочный доходъ далеко не безразличенъ для профессора. Чтобы устранить возможность со стороны студентовъ пользоваться слабостью контроля для бесплатнаго посѣщенія лекцій, совѣтъ постановилъ впускать въ аудиторію только тѣхъ изъ нихъ, которые получили изъ университетскаго бюро специальную карту, которую они должны были показывать поставленному при входѣ въ аудиторію на этотъ случай педелю. Мѣра эта крайне не нравилась студентамъ, тѣмъ болѣе, что, по общему убѣжденію, она совсѣмъ не вызывалась необходимостью. Въ большинствѣ случаевъ, если студенты и посѣщали иногда лекціи профессора бесплатно, то только для повторенія или изъ особенной любви къ предмету, но уже послѣ того, какъ курсъ его они прослушали и плату за него разъ внесли. Несмотря, впрочемъ, на недовольство, швейцарскіе студенты, въ которыхъ духъ дисциплины чрезвычайно развитъ, скрѣпя сердце, готовы были уже подчиниться этой стѣснительной мѣрѣ, если-бы не слѣдующій инцидентъ. Въ зданіи медицинской школы, гдѣ читалъ свои лекціи Шиффъ, множество студентовъ и студентовокъ столпились у дверей его аудиторіи и никто не хотѣлъ войти первый. Дѣло въ томъ, что рѣшеніе совѣта застигло многихъ врасплохъ и они не захватили требуемыхъ картъ. На шумъ вышелъ находившійся поблизости деканъ и, узнавъ въ чемъ дѣло, выслушавъ протесты студентовъ противъ стѣснительной мѣры, сталъ

уговаривать студентовъ подчиниться требованію совѣта. Не успѣлъ онъ кончить, какъ съвозъ толпу, среди шумныхъ привѣтствій и жалобъ студентовъ, пробрался не видный въ толгѣ вслѣдствіе своего малаго роста Шиффъ. Когда онъ понялъ въ чемъ дѣло, лицо его засіяло доброй и вмѣстѣ дѣтски лукавой улыбкой и онъ съ живостью обратился къ стоявшему у двери педелю: «Ну, а меня-то вы пропустите? Я вѣдь тоже не имѣю карты!» Педель, конечно, почти-тельно посторонился и далъ ему дорогу; тогда Шиффъ, обращаясь къ студентамъ, сказалъ: «Кто изъ васъ хочетъ войти безъ карты, идите за мной!» Толпа студентовъ, аплодируя и весело смѣясь, вся ворвалась за Шиффомъ и разсѣлась быстро по мѣстамъ. Шиффъ и студенты сіяли отъ удовольствія, какъ дѣти радуясь своей продѣлкѣ. Но, принявъ серьезный видъ, Шиффъ сказалъ, что, дѣйствительно, совѣтъ на его просьбу дать ему болѣе просторную залу для лекцій, отвѣтилъ, что у него половина слушателей по крайней мѣрѣ не платитъ, что въ прошломъ году, напримѣръ, у него посѣщали бесплатно лекціи 42 человѣка. «Я знаю, господа, что это не совсѣмъ точно и даже какъ разъ наоборотъ, не 42, а 24 человѣка, но все-таки, для вашей собственной пользы, прошу тѣхъ изъ васъ, которые не платятъ, на будущій разъ спрашивать у меня позволеніе, чтобы я могъ оправдаться передъ совѣтомъ». Извѣстіе объ этомъ инцидентѣ разнеслось быстро по всему университету и совѣтъ взялъ обратно свою сдѣлавшуюся не популярной мѣру.

«Меньшинство», часто говаривалъ покойникъ, «всегда право, особенно въ вопросахъ справедливости и истины», и онъ всегда былъ въ наукѣ и жизни среди избраннаго лучшаго меньшинства.

Однажды въ Женевѣ образовалось общество, которое, подъ видомъ гуманныхъ цѣлей покровительства животнымъ, хотѣло добиться у правительства закона, запрещающаго вивисекцію. На собраніи этого общества рассказывались ужасы о мученіяхъ, которымъ ученые якобы подвергаютъ животныхъ. Шиффъ, ни кѣмъ не замѣченный, былъ въ числѣ собравшихся и долго, внимательно выслушивалъ lamentація ораторовъ, наконецъ не выдержалъ. Стремительно ринулся онъ на кафедру, откуда еще не успѣлъ сойти какой-то огромнаго роста католическій священникъ, нападенія котораго на жестокосердіе ученыхъ особенно задѣли Шиффа. Увидавъ передъ собою крохотнаго человѣчка, съ стремительными движеніями, съ лицомъ полнымъ страстнаго негодованія, съ блестящимъ проникательно устремленнымъ на него взоромъ и слыша возгласы: «Шиффъ, фізіологъ Шиффъ»,—колоссъ ораторъ до того перепугался, что буквально почти кубаремъ слетѣлъ съкаедры. Не обращая вниманія на этотъ инцидентъ, Шиффъ, въ рѣчи полной негодованія, разоблачилъ клевету, лицемеріе и ханжество обскурантовъ, тормозящихъ свободное изслѣдованіе, бичевалъ лицемеріе общества, съ такимъ холоднымъ равнодушіемъ относящееся къ страданіямъ своего ближняго и проливающего слезы о несчастныхъ лягушкахъ и кроликахъ,

мучимыхъ учеными. «Приходите ко мнѣ въ лабораторію, она открыта для всѣхъ, посмотрите и убѣдитесь, что тѣ несчастныя животныя, судьбу которыхъ вы такъ близко принимаете къ сердцу, подобраны мною на улицѣ въ самомъ ужасномъ видѣ, полуумирающіе отъ голода и холода, у меня-же они содержатся въ довольствѣ и теплѣ. Что-же касается до мнимыхъ жестокостей, то наука обладаетъ теперь могущественными средствами анестезіи, которые дѣлають операціи у животныхъ настолько же безболѣзненными, какъ и у людей».

Дѣйствительно, по отношенію къ Шиффу упрекъ въ жестокостяхъ надъ живыми былъ особенно несправедливъ. Онъ чувствовалъ къ нимъ вѣтлѣе состраданіе, но даже родъ какой то кѣжности и любви и, кажется, скорѣе согласился бы подвергнуть самого себя какому либо мучительному опыту, чѣмъ животное. Онъ постоянно напоминалъ, что такую то вивисекцію нужно дѣлать подъ самымъ глубокимъ наркозомъ, чтобы избавить животное отъ ненужныхъ страданій. Много разъ, передавая о чужихъ опытахъ, гдѣ почему либо анестезія по характеру опыта не могла быть употреблена, Шиффъ говорилъ, что у него никогда не доставало духу проверить этотъ страшно мучительный для животного опыта. Это сострадательное чувство къ низшимъ живымъ существамъ являлось у него результатомъ многолѣтней и огромной сферы наблюдательности. Онъ до того проникъ въ интимную сущность ихъ жизни, что, казалось, понималъ ихъ своеобразный языкъ. Часто показывалъ онъ намъ долго жившую у него собаку съ желудочной фистулой и серьезно увѣрялъ, что собака эта его чрезвычайно добросовѣстный и сознательный сотрудникъ. Когда мы недоувѣрчиво и съ удивленіемъ улыбались, Шиффъ увѣрялъ: «Право-же она чрезвычайно довольна, когда я пользуюсь ею для моихъ опытовъ, и становится грустною и какъ бы съ укоромъ смотритъ на меня, когда я прохожу мимо нея, послѣ того какъ долго оставлялъ ее въ покоѣ». Конечно это была шутка, но нѣтъ ничего удивительнаго, что столь смышленные животныя, какъ собаки, довѣрчиво относились къ Шиффу, такъ тщательно избѣгавшему причинить имъ боль, такъ внимательно наблюдавшему за ними и находившемуся съ ними въ такомъ постоянномъ общеніи.

Мы уже упоминали, что Шиффъ далеко не былъ только трудолюбивымъ и усидчивымъ кабинетнымъ ученымъ. Оторванный ходомъ событій отъ бурной эпохи 48 года, въ революціонную волну которой этотъ человѣкъ, одаренный пылкой и страстной натурой, окунулся было съ головою, Шиффъ весь пылъ своей души внесъ въ свои научные труды и сохранилъ его въ изумительной свѣжести до самыхъ преклонныхъ лѣтъ. Кто вспомнить какое всеобъемлющее значеніе имѣла наука, какой блестящій подъемъ человѣческаго духа царилъ въ ней, начиная со второй половины этого столѣтія, тому станетъ понятнымъ, почему такая энергическая на-

тура, какъ Шиффъ, могла всецѣло отдаться наукѣ. То была эпоха, когда наукѣ требовались не только сильные умы, но, можетъ быть еще въ большей мѣрѣ, сильные духомъ люди. То была эпоха, когда научную истину нужно было заставить признать не однимъ только путемъ логической и спокойной аргументаціи, но и смѣлой, страстной и мужественной проповѣдью.

Упомянувъ какъ то 'о существовавшей одно время quasi-наукѣ френологіи и показывая на какихъ ничего общаго съ наукой не имѣющихъ, часто курьезныхъ положеніяхъ она основывалась, Шиффъ передалъ между прочимъ, какъ курьезъ, мнѣніе о немъ одного фанатика френолога. Послѣ ожесточеннаго спора съ Шиффомъ, нападавшимъ на его науку, френологъ, въ доказательство, что по внѣшнему строенію черепа можно судить о всѣхъ духовныхъ свойствахъ человѣка, объявилъ, что у Шиффа онъ находитъ шишку «упорства и борьбы». «Ну, на этотъ разъ вы страшно ошибаетесь!» заявилъ ему Шиффъ, «нѣтъ человѣка болѣе спокойнаго и мирнаго, чѣмъ я!» «Это вамъ только такъ кажется», возразилъ френологъ, «потому что борьба до того сдѣлалась вашей стихіей, что вы даже не чувствуете, какъ духъ вашъ находится постоянно въ бореніи, а потому вамъ кажется, что вы спокойны!» Шиффъ улыбался, передавая этотъ разговоръ, видимо смѣясь надъ фанатическимъ заблужденіемъ френолога, но намъ кажется, что послѣдній оказался въ данномъ случаѣ далеко незауряднымъ знатокомъ человѣческой натуры, хотя, разумѣется, не его пресловутая наука была въ этомъ повинна.

Чрезвычайно малый ростъ, огромная голова, обрамленная длинными, падающими на плечи и прекрасно сохранившимися волосами и длинной бородой, убѣленными сѣдиной, открытый, высокій лобъ, сверкающій, пронизывающій взоръ изъ подъ нависшихъ густыхъ бровей—таковъ былъ обликъ Шиффа, производившій глубокое впечатлѣніе на всякаго, кто первый разъ его видѣлъ. Жутко становилось при бесѣдѣ съ нимъ выдерживать этотъ проникающій, казалось, въ глубину души взглядъ, но за то невыразимо пріятное чувство охватывало, когда въ этомъ для перваго впечатлѣнія суровомъ, испытующемъ взорѣ прочитывалось что то необыкновенно кроткое, любящее и вмѣстѣ пылливое. Съ Шиффомъ было необыкновенно пріятно бесѣдовать; его никогда невозможно было застигнуть врасплохъ, никогда онъ не отдѣлывался отъ собесѣдника какой нибудь шаблонной фразой, какъ бы утомленъ онъ ни былъ. Напротивъ, его собесѣднику самому нужно было быть постоянно на сторожѣ, чтобы не дать себя поймать на какомъ нибудь необдуманномъ словѣ или чтобы уловить смыслъ тонкаго юмора, который часто сквозилъ въ рѣчахъ Шиффа.

Скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ о чисто научной дѣятельности Шиффа. Мы не можемъ дать здѣсь не только оцѣнки его научныхъ трудовъ, но даже и сколько нибудь полнаго ихъ перечня;

ограничимся только упоминаніемъ о нѣкоторыхъ изъ наиболѣе важныхъ его открытій.

Шиффъ сдѣлалъ массу изысканій особенно въ нервно-мускульной физиологіи. Его первое сочиненіе въ этой области, написанное въ 1857 году, привлекло вниманіе ученыхъ того времени и было удостоено большой Монтионовской преміи. Но съ тѣхъ поръ Шиффъ такъ много работалъ въ этомъ направленіи, что самъ считалъ этотъ трудъ уже потерявшимъ научный интересъ, хотя главныхъ положеній, высказанныхъ тамъ, онъ держался до конца жизни. Онъ участвовалъ во многихъ открытіяхъ Клодь-Бернара; нѣкоторые сдѣлалъ съ нимъ одновременно, для многихъ же внесъ важныя поправки и дополненія.

Величайшее открытіе въ физиологіи, касающееся вазомоторныхъ нервовъ, приписываемое Клодь-Бернару, обязано въ той же мѣрѣ, если не въ большей, Шиффу. Онъ гораздо раньше Клодь-Бернара работалъ надъ этимъ вопросомъ и уже много подготовилъ для его открытія. Клодь-Бернаръ произвелъ только болѣе демонстративные опыты, доказывающіе существованіе вазомоторныхъ нервовъ въ сосудахъ, но только благодаря Шиффу узнали, что кровеносные сосуды управляются двумя родами нервовъ, вазоконстрикторами и вазо-расширителями. Существованіе послѣднихъ сдѣлалось общепринятымъ только въ сравнительно недавнее время, что пролило свѣтъ на чрезвычайно важную и обширную сферу явленій въ общей патологіи. Знаменитая теорія петногеновъ, уясняющая самый интимный процессъ пищеваренія, созданная Шиффомъ уже болѣе 30 лѣтъ, въ основаніе которой онъ не переставалъ приводить за все это время подавляющую массу экспериментальныхъ доводовъ, только теперь начинаетъ находить всеобщее признаніе.

Странная судьба почти большинства Шиффовскихъ открытій: они или совсѣмъ игнорируются большинствомъ ученаго міра или встрѣчаютъ непонятный отпоръ и нежеланіе ихъ признать. Между тѣмъ, намъ, за нашу очень еще недавній періодъ вниманія къ тому, что дѣлается въ мірѣ физиологіи и медицинскихъ наукъ, приходилось не разъ видѣть блестящее подтвержденіе взглядовъ нашего незабвеннаго учителя. Недавно еще мнѣніе, что нервъ не кончается тотчасъ же подъ сарколемой мышечнаго нервнаго волокна, а развѣтвляется далѣе между составляющими его волокнами на тончайшую сѣть окончаній, встрѣчало почти всеобщее недовѣріе. Шиффъ между тѣмъ въ теченіе многихъ лѣтъ приглашалъ гистологовъ заняться отысканіемъ этихъ развѣтвленій. Ихъ существованіе было для него несомнѣнно, безъ нихъ были бы непонятны, по его мнѣнію, самыя основныя нервно-мышечныя явленія. И дѣйствительно, недавно французскій гистологъ Ранвье посредствомъ остроумнаго и искуснаго окрашиванія препаратовъ хлористымъ зо-лотомъ показалъ эту сѣть нервныхъ развѣтвленій. Открытіе гликогена въ печени, этого главнаго источника тепла въ организмѣ, и

связанная съ нимъ теорія гликогенической функціи печени едва ли справедливо приписывается всецѣло Клодъ-Бернару. Шиффъ открылъ гликогенъ въ печени почти годомъ раньше, назвавъ его «животнымъ крахмаломъ», а классическій приводимый теперь во всѣхъ учебникахъ опытъ, доказывающій присутствіе сахара въ печени, признавался Шиффомъ до конца жизни недостаточнымъ для обоснованія гликогенной теоріи Клодъ-Бернара. У насъ, много разъ выдавшихъ воспроизведеніе опыта послѣдняго и контръ-опыта Шиффа, не остается ни малѣйшаго сомнѣнія, что Клодъ-Бернаръ, а съ нимъ и большинство ученыхъ ошибались, и мы надѣемся, что скоро ученый міръ рѣшитъ, чья теорія—Шиффа или К. Бернара наиболѣе соотвѣтствуетъ истинѣ.

Нельзя не упомянуть также о нервныхъ гангліяхъ въ стѣнкахъ сердца. Очень распространенная теорія, приписывающая этимъ гангліямъ способность дѣйствовать автоматически на дѣятельность сердца, обуславливать ритмъ сердечныхъ біеній и пр., находила въ Шиффѣ ожесточеннаго противника. Онъ произвелъ массу опытовъ, опровергающихъ эту ни на чемъ, по его мнѣнію, неоснованную теорію. Недавно еще казавшаяся незыблемой, она начинаетъ все менѣе и менѣе признаваться учеными.

Но не станемъ утомлять читателя этимъ сухимъ и бѣглымъ перечнемъ работъ ученаго фізіолога, сдѣлать который вполнѣ даже въ этомъ видѣ заняло бы очень много мѣста и едва ли соотвѣтствовало бы характеру нашей статьи. Мы хотѣли только показать, какъ иногда самыя плодотворныя открытія, самыя крупныя заслуги не находятъ должнаго вниманія и признанія. Неужели это зависитъ отъ того, что ученый, ихъ совершившій, изъ рѣдкой скромности гнушался столь обычными въ нашъ вѣкъ приемами, чтобы вульгаризировать свою славу? Боимся утверждать, но ни для кого не тайна тотъ фактъ, что реклама начинаетъ свивать себѣ гнѣздо даже и въ средѣ чистой науки, и пренебрегающій ею ученый рискуетъ быть забытымъ и остаться неизвѣстнымъ, какъ бы велико значеніе его ни было. Но неблагодарность современниковъ будетъ сторицею искуплена потомствомъ, ученыя заслуги Шиффа найдутъ, наконецъ, достойныхъ цѣнителей, а высокая нравственная личность этого ученаго будетъ горѣть яркимъ свѣтомъ, освѣщающимъ путь безкорыстнаго, самоотверженнаго служенія истинѣ.

8 октября 1896 года происходили похороны Шиффа, умершаго на 74 году своей жизни. Они были болѣе, чѣмъ скромны. Профессора университета, небольшая толпа студентовъ, по большинству иностранцевъ, близкіе друзья и родные покойника пришли проводить его скромный гробъ до могилы. Двѣ официальные рѣчи, произнесенныя надъ его гробомъ, только усилили впечатлѣніе обиднаго равнодушія швейцарцевъ къ дорогому покойнику. Странная судьба выдающихся людей, жившихъ и работавшихъ для славы Швейцаріи: они рѣдко оцѣниваются при жизни своими соотечественниками.

Эта холодность швейцарцевъ къ выдающимся заслугамъ выказалась въ поразительной степени въ прошломъ году на похоронахъ Карла Фогта, а нынче Шиффа, Между тѣмъ швейцарцы признають, что никто больше этихъ двухъ людей за послѣднюю четверть вѣка не сдѣлалъ для науки и славы швейцарскихъ университетовъ. Кальвинизмъ надолго, кажется, вытравилъ въ сердцахъ практичныхъ и благоразумныхъ швейцарцевъ всякій выходящій изъ сферы обыденности искренній и пылкій душевный порывъ...

П. Левашевъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Gedichte von Iwan Ssawitsch Nikitin. Übertagungen von Friedrich Fiedler. („Universal Bibliothek“). Leipzig.

Новая работа г. Фидлера — переводъ стихотвореній Никитина — закрѣпляетъ за нимъ давно сложившуюся извѣстность добросовѣстнаго и талантливаго переводчика на нѣмецкій языкъ произведеній русскихъ лириковъ. Г. Фидлеръ ставитъ себѣ чрезвычайно трудную задачу: онъ берется передать на чужомъ языкѣ произведенія ярко народныя, совершенно лишенные интернаціональнаго шаблона искусственной поэзіи и проникнутыя всѣмъ своеобразиемъ народной массы, не тронутой нивеллирующимъ вліяніемъ внѣшней культуры. Здѣсь все—отъ глубины почти первобытнаго міросозерцанія до мелочей повседневнаго обихода, отъ своеобразныхъ народныхъ образовъ и сравненій до особенныхъ ритмовъ стихотворной рѣчи—все чуждо иностранцу, и между тѣмъ все становится ему понятнымъ и близкимъ, покорно поддаваясь умѣлой передачѣ г. Фидлера. Характерно, что болѣе всего ему удаются переводы по истинѣ лучшихъ произведеній Никитина: признакъ настоящаго художественнаго дарованія; переводчикъ-ремесленникъ, ловко владѣющій стихомъ и поверхностно относящійся къ оригиналу, можетъ случайно перевести хорошо прескверное стихотвореніе; работа поэта-переводчика идетъ успѣшно лишь тамъ, гдѣ подлинникъ даетъ ему эстетическое наслажденіе—переживаніе процесса поэтического творчества, гдѣ достоинства подлинника вдохновляютъ его.

Жаль только, что г. Фидлеръ дорожитъ не только близостью къ духу оригинала: онъ старается передать оттѣнки его выраженія; трудно сказать, что для него важнѣе, и иногда въ погонѣ за дословностью онъ пользуется такими приѣмами,

которые едва-ли содѣйствуютъ его цѣли. Идиотизмы гораздо болѣе свойственны всякому языку, чѣмъ это кажется поверхностному взгляду, и потому возможностью перевести буквально надо пользоваться съ величайшей осторожностью. Если-бы переводчикъ предполагалъ, что стихотворенія Никитина могутъ представить собою для нѣмецкаго читателя только интересъ этнографическій, тогда, пожалуй, подстрочная передача была-бы вполнѣ умѣстна и законна. Но онъ перевелъ ихъ, очевидно, какъ живыя поэтическія произведенія; въ такомъ переводѣ дословная передача не всегда удобна. Извѣстно, напримѣръ, что въ такихъ готовыхъ, застывшихъ образахъ народной поэзіи, какъ „мать-сыра земля“ или „соловьѣмъ свистѣть“ совершился процессъ такъ называемаго „табвения внутренней формы“. Употребляя такой готовый образъ, мысль отвлекается отъ его дѣйствительнаго содержанія: она не имѣетъ въ виду ни приписать землѣ въ данномъ случаѣ извѣстную степень влажности, ни указать на сходство даннаго свиста съ соловьинымъ; это отвлеченіе отъ реальнаго смысла образа доходитъ до того, что въ народной поэзіи и въ живой рѣчи можно встрѣтить иногда эти образы съ эпитетомъ совершенно имъ противорѣчащимъ. Сербская народная поэзія такъ привыкла называть голову русой, что рассказываетъ, какъ въ поединкѣ съ „арапиномъ“, герой отсѣкъ ему „русую голову“. Неужто въ переводѣ поэтическомъ, рассчитанномъ на возбужденіе тождественныхъ эмоцій, надо сохранять эту бессмыслицу? Нѣтъ, „святая Русь“ не значитъ для русскаго въ наше время того-же, что для нѣмца значило-бы „das heilige Deutschland“, и „соловьѣмъ свистѣть“ едва-ли слѣдуетъ переводить „singen als Nachtigall“, тѣмъ болѣе, что и народная рѣчь имѣла при созданіи этого сравненія, кажется, только Соловья-Разбойника или Будимировича. Нерѣдко, прочитавъ переводъ г. Фидлера, вмѣстѣ съ восхищеніемъ точностью выносишь какое-то неопредѣленно досадное чувство: да, это буквально, мелочно-добросовѣстно, но, вѣдь, это не то, не то: Habenichts не нашъ бобыль, Fuhrmann не нашъ ящикъ, Krummholz не та дуга, подъ которой звѣнитъ даръ Валдая, и Kienspann, конечно, не лучина, одно напоминаніе о которой символизируетъ для насъ цѣлый міръ. Вѣдь, отъ Fausthandschuh въ роли рукавицы не такъ ужъ далеко до классической rothe Mamselle.

Не въ упрекъ переводчику напомнили мы объ этомъ: трудности, съ которыми ему пришлось бороться, иногда просто непобѣдимы; это особенно ясно видно изъ того, что перенесенія въ нѣмецкіе стихи русскихъ словъ вродѣ Kaftan и Ssa-шоваг производятъ еще худшее впечатлѣніе; они напоминаютъ модный романсъ парижскихъ бульваровъ:

«Fuyons, Xénia
De mon isba
Dans ma troika
A travers la steppe..

Возьмемъ еще для примѣра знаменитую элегію „Вырыта заступомъ яма глубокая“ (Изъ „Дневника семинариста“). Нельзя сказать, что она переведена дурно; ее, пожалуй, трудно перевести лучше. Но нѣтъ здѣсь того, что есть у Никитина: нѣтъ этой удивительной безыскусственности, которая даетъ поэту право приписать стихотвореніе своему умирающему герою.

Но за то очень хороши у г. Фидлера стихотворенія, гдѣ ему удалось уравновѣсить буквальный переводъ съ передачей настроенія оригинала; мы замѣтили уже, что это чаще всего — лучшія произведенія Никитина. Таковы, напримѣръ, *Жена ямщика, тѣсня* („Зашумѣла разгулялась“), *Утро на берегу озера*, *Почлегъ въ деревнѣ*, особенно послѣдняя строфа:

Und ein Bettlerbrod nach Jahren
Herber Arbeitspein!..
Eerne hier auf Gott vertrauen
Und geduldig sein!

Напомнимъ для сравненія подлинникъ:

Мыкать горе, вѣкъ трудиться,
Нищимъ умереть...
Вотъ гдѣ нужно-бы учиться
Вѣрить и терпѣть!

Переводъ, очевидно, очень удаченъ.

Мы хотѣли-бы указать г. Фидлеру на нѣкоторые пропуски: въ книжкѣ, имѣющей цѣлью познакомить иностранную публику съ нашимъ поэтомъ, странно не встрѣтить такихъ популярныхъ и характерныхъ его стихотвореній, какъ *Соха* („Ты соха-ли наша матушка“), *Утро* („Звѣзды меркнутъ и гаснутъ“), *Дядушка* („Лысый съ бѣлой бородою“) и друг. Но талантливые и проникнутые поэтическимъ чутьемъ переводы г. Фидлера заставляютъ смотрѣть на него не какъ на цехового переводчика, а какъ на настоящаго поэта, который свободенъ въ выборѣ темъ.

Вше одно замѣчаніе — по поводу біографической замѣтки, помѣщенной переводчикомъ въ нѣмецкомъ изданіи. Мы не совсемъ понимаемъ, что заставило его сгустить до безобразія черныя краски въ описаніи домашней обстановки Никитина и въ характеристикѣ его отца. Мы узнаемъ, что атмосфера, въ которой выросъ поэтъ, состояла изъ корыстолюбія, невѣжества и грубости; объ отцѣ Никитина рассказано, что онъ былъ ужасомъ семьи, пилъ запоемъ, билъ сына и, въ сущности, свелъ его въ могилу: ни одной свѣтлой черты. Кто-бы поду-

малъ, что на самомъ дѣлѣ Савва Евтѣичъ Никитинъ, по словамъ біографа его сына, „былъ человѣкъ замѣчательно умный и относительно образованный.... имѣлъ свою маленькую бібліотеку и хорошо зналъ нашихъ старинныхъ писателей до Пушкина... Давая сыну систематическое образованіе, отецъ готовилъ его къ университету, надѣясь видѣть въ немъ со временемъ лекаря“. Для характеристики отношеній между отцомъ и сыномъ г. Фидлеръ выбираетъ нѣсколько сценъ, гдѣ несчастный старикъ, потерявшій отъ своей пагубной и болѣзненной привычки образъ и подобіе человѣческое, доводилъ умирающаго сына до того, что тотъ называлъ его своимъ убійцей. Но, вѣдь, была и другая сторона. Когда сынъ въ школѣ пріобрѣлъ названіе „семинарскаго поэта“, отецъ былъ этимъ очень доволенъ и „о какомъ нибудь противодѣйствіи наклонностямъ сына онъ не могъ и думать“. Потомъ отецъ сталъ пить; но и здѣсь онъ былъ только неровень къ сыну, который платилъ ему тою-же неровностью. Почему г. Фидлеръ не рассказываетъ о томъ, что „когда С. Е. бывалъ въ трезвомъ состояніи, трудно было найти отца, который-бы такъ кротко и любовно относился къ сыну“? Почему онъ, рассказавъ о страшной сценѣ, когда старикъ кричалъ умирающему: „Иванъ Савичъ, подай ключи!“—не говоритъ о томъ, что отъ смерти сына старикъ осунулся и одряхлѣлъ на десять лѣтъ, былъ при погребеніи трезвъ и кротокъ и тихо плакалъ. Это придало-бы всему совсѣмъ иной колоритъ и, быть можетъ, больше способствовало-бы ознакомленію нѣмецкихъ читателей съ истиннымъ характеромъ чуждаго имъ народа, чѣмъ сплошная мазня черной краской, только поддерживающая ходячія банальности.

Переводъ г. Фидлера напомнилъ намъ о самомъ Никитинѣ. Въ октябрѣ минуло тридцать пять лѣтъ съ его смерти; кромѣ его земляковъ, объ этомъ никто не вспомнилъ. Онъ переходитъ въ ряды поэтовъ, которыхъ больше почитаютъ, чѣмъ читаютъ. А между тѣмъ, какъ здѣсь все свѣжо, жизненно, просто, какъ все ново, какъ не похоже на старческія созданія современныхъ поэтическихъ эфемеридъ...

Людвигъ Верне. Сочиненія. Пер. Петра Вейнберга. Томы I и II. Изданіе „Книгопродавческой Складчины“ (2-е) Спб. 1896.

Это второе изданіе сочиненій знаменитаго нѣмецкаго публициста наводитъ на грустные мысли: неужто только второе? Неужто понадобилась цѣлая четверть вѣка, чтобы, наконецъ, потребовалось новое изданіе произведеній писателя, котораго еще тогда называли „элементарнымъ“ — однимъ изъ тѣхъ, которые, не ограничиваясь какимъ нибудь излюблен-

нымъ специальнымъ вопросомъ публицистики, всю свою дѣятельность посвящаютъ истолкованію и защитѣ тѣхъ основныхъ началъ общественной жизни, которыя приходится защищать только по печальному недоразумѣнію. Указывали тогда же, что сочиненія Берне могутъ потерять живое значеніе, сохраняя лишь историческій интересъ только тамъ, гдѣ осуществлено уже все то, за что онъ боролся, и самая борьба отошла въ область преданія—какъ, на примѣръ, на его родинѣ; между тѣмъ какъ у насъ онъ не только не устарѣлъ, но можетъ быть названъ современнымъ писателемъ. Не устарѣлъ онъ,—какъ согласится всякій, имѣвшій случай присмотрѣться къ жизни современной Германіи,—и для своей родины. Мы же за двадцать пять лѣтъ, протекшіе съ тѣхъ поръ, какъ высказано было это мнѣніе, успѣли лишь приблизиться къ Берне: надо развернуть его на любой страницѣ, чтобы придти въ изумленіе, до какой степени незначительны тѣ варианты, съ которыми повторяется исторія.

Но и не эта шаблонность исторіи даетъ жизнь вѣчную сочиненіямъ Берне; пройдутъ годы, и въ самомъ дѣлѣ покроется прахомъ забвенія тотъ затхлый міръ, съ которымъ боролся нѣмецкій „классикъ публицистики“,—но книги его будутъ читаться, потому-что никогда не устарѣютъ двѣ черты ихъ автора: широкій размахъ его воззрѣній и искренность, отличающая всю его дѣятельность.

Въ одномъ частномъ письмѣ, обращенномъ къ благосклонному критику „Круглаго года“, покойный М. В. Салтыковъ говоритъ: „Мнѣ кажется, что писатель, имѣющій въ виду не одни интересы минуты, необязывается выставлять иныхъ идеаловъ кромѣ тѣхъ, которые изстари волнуютъ человѣчество. А именно: свобода, равноправность и справедливость. Что-же касается до практическихъ идеаловъ, то они такъ разнообразны, начиная съ конституціонализма и кончая коммунизмомъ, что останавливаться на этихъ стадіяхъ—значить добровольно стѣснять себя“. (См. *Утинъ*, Изъ литературы и жизни) Любопытно совпаденіе этихъ словъ съ воззрѣніями Берне. Практическіе идеалы и политическое положеніе его родины составляютъ лишь оболочку его произведеній; другіе, неисчерпаемые идеалы, между которыми высшій—свобода мысли—таково ихъ внутреннее содержаніе. Въ отвѣтъ на обвиненіе, что въ его „Парижскихъ письмахъ“ нѣтъ ничего *положительно*, онъ спрашиваетъ: „Надъ собою вы издѣваетесь или меня хотите поднять на смѣхъ? Какъ! Вы желаете, чтобы я писалъ вамъ трактаты и разсужденія? Вы хотите чтобы я говорилъ вамъ о свободѣ печати и о цензурѣ, о гласномъ судопроизводствѣ, о судѣ присяжныхъ, объ уничтоженіи всякихъ десятинныхъ пошлинъ, объ отмѣнѣ университетъ“

скихъ гильдій, о личной свободѣ?.. Обо всемъ этомъ прикажете разсказывать вамъ? *Развѣ до меня никто не дѣлалъ этого?*». Требованіе противниковъ „обозначить путь, по которому народъ долженъ совершать прогрессивное шествіе“, кажется ему дикимъ: всякая его строка есть указаніе на этотъ путь, надо только знать ея смыслъ; надо помнить, что путеводная звѣзда не принесетъ пользы слѣпому. И свѣтъ, брошенный Берне на далекія вершины, куда двинется это самое „прогрессивное шествіе народа“, будетъ маячить людямъ тогда, когда память о его противникахъ сохранится лишь благодаря его книгамъ.

Другая выдающаяся черта Берне—его страстная искренность.

„Ахъ, они думаютъ, что я пишу, какъ другіе, чернилами и словами, но я пишу не такъ, какъ другіе; я пишу кровью моего сердца и сокомъ моихъ нервовъ...“ Едва-ли найдется читатель, которому незнакомы эти слова; они давно вошли въ обиходъ, давно стали крылатыми; приходится, къ сожалѣнію, прибавить, что ихъ давно уже волочатъ по улицѣ. Что сдѣлало ихъ такими живучими? Въ нихъ нѣтъ ни особенной глубины, ни красоты образа, ни остроумія, столь характернаго въ ихъ творцѣ. Одного въ нихъ много: простой правды. Это почти не метафора, не иносказаніе. Въ писателѣ замкнутомъ и гордомъ, приучившемъ свою публику больше къ холодному сарказму, чѣмъ къ сердечнымъ изліяніямъ, въ упорномъ борцѣ за идею, неохотно пускающемъ чуждую ему толпу въ тайники своей души, прорывается въ послѣдніе дни жизни человѣкъ, который усталъ молчать о себѣ, который хочетъ, чтобы люди попросту поняли, какъ ему тяжело и больно. Доводы давно исчерпаны; въ тщетной борьбѣ съ мракобѣсіемъ исчерпаны всѣ усилія—и въ предсмертные дни, глядя съ тоскою на гибель своихъ надеждъ, на равнодушіе тѣхъ, къ кому онъ взывалъ всю жизнь, на яростное злорадство враговъ, Берне указываетъ на ту пропасть, которая отдѣляетъ его отъ Менпелей и Коцебу; не „инструкціи“ руководили имъ, какъ рабами реакціи, вольными и невольными; онъ отдалъ борьбѣ всю свою жизнь; онъ писалъ не чернилами, какъ эти холодные клеветники, а кровью сердца и сокомъ нервовъ, и если онъ теперь молчитъ, если онъ рѣдко поднимаетъ голосъ на пользу свою „глухо-нѣмого отечества“, то только потому, что ему слишкомъ трудно говорить: „у меня не всегда хватаетъ духу собственной рукой причинять себѣ боль и не всегда хватаетъ силъ долго переносить ее“.

Въ неоконченномъ предисловіи къ собранію своихъ сочиненій, найденномъ въ бумагахъ Берне послѣ его смерти, онъ говоритъ, между прочимъ, что подъ статьями политическими онъ выставляетъ годъ, когда онѣ написаны—„для того чтобы

указать не на ихъ старость, а на ихъ молодость: онѣ до сихъ поръ также новы и неистерты, какъ будто только вчера вышли изъ монетнаго двора мысли“. У насъ судьба ихъ двойственна: для немногихъ онѣ—ein überwundener Standpunkt, для громаднаго большинства—пугало. Пора перестать бояться ихъ.

Джонъ Морлей. О компромиссѣ. Переводъ съ англійскаго М. Ц. Съ приложеніемъ статьи того-же автора. „О воспитательномъ значеніи литературы.“ Изданіе (2-е) „Посредника“ для интеллигентныхъ читателей. Москва, 1896.

Больше 20 лѣтъ прошло съ выхода въ свѣтъ книги Морлея. Будущій членъ либеральнаго кабинета былъ извѣстенъ только какъ талантливый публицистъ и авторъ монографій о Бэркѣ и Вольтерѣ; въ роли практическаго политика онъ еще не выступалъ и былъ для единомышленниковъ не столько соратникомъ, сколько писателемъ-другомъ. И вотъ, книгою самаго общаго характера, не задѣвающей прямо ни одного частнаго боевого вопроса текущей политики, онъ дебютировалъ въ роли политическаго дѣятеля съ громкимъ успѣхомъ, который разомъ поставилъ его въ первые ряды партіи виговъ.

Книга беретъ вопросъ, весьма простой въ теоретическомъ построеніи элементарнаго сознанія, но усложненный въ высшей степени въ многообразныхъ комбинаціяхъ общественной жизни; и она даетъ ему рѣшеніе широкое, ясное и определенное; она освѣщаетъ его съ тѣхъ именно сторонъ, съ которыхъ онъ затемненъ въ общественномъ сознаніи. Она приводитъ въ систему и санкціонируетъ мысли, неясно бродящія въ каждой нетронутой жизни душѣ.

„Самое важное для міра—ставимъ-ли мы истину на первое мѣсто или на второе“. Взявъ эти слова архіепископа Уэтли эпиграфомъ къ своему разсужденію, Морлей рядомъ многообразныхъ доказательствъ выясняетъ, какъ мало основательны всѣ виды ходячихъ доводовъ за то, чтобы при полномъ признаніи въ теоріи права истины на первое мѣсто, подчинять ее на практикѣ всевозможнымъ ограниченіямъ. Право мыслить свободно и руководиться въ дѣйствіяхъ своими взглядами безъ страха предъ какимъ-бы то ни было авторитетомъ „есть принципъ въ наше время окончательно принятый въ томъ или другомъ смыслѣ каждою школою мыслителей, имѣющей хотя малѣйшій шансъ на господство въ будущемъ“. Но это право является, съ другой стороны, также первой обязанностью человѣка, ограниченіе которой должно быть подчинено чрезвычайно точнымъ и осторожно выработаннымъ нормамъ. Уваженіе къ господствующимъ воззрѣніямъ, съ одной стороны, и долгъ словомъ и дѣломъ проводить въ жизнь свои убѣ-

ждения, съ другой стороны, очевидно легко могутъ придти въ столкновение. Можетъ-ли быть разрѣшенъ этотъ конфликтъ, и какую изъ противныхъ сторонъ слѣдуетъ пожертвовать въ случаѣ непримиримаго противорѣчія? Несомнѣнно, возможна и нужна извѣстнаго рода разумная осмотрительность при выработываніи убѣжденій, разумная одержанность при высказываніи ихъ, разумная медлительность въ попыткахъ осуществитъ ихъ на практикѣ. Но также несомнѣнно, что неуловимые оттѣнки могутъ отличать ихъ отъ осмотрительности излишней, отъ сдержанности позорной, отъ медлительности пагубной. Вопросъ о компромиссѣ на практикѣ есть почти всегда вопросъ о нюансахъ; но всякое проникновеніе въ характеръ индивидуальнаго случая возможно лишь при помощи общихъ положеній. Каковы-же—спрашиваетъ себя авторъ—тѣ общія начала, которыми должна регулироваться практика соглашенія?

Сообразно тремъ возможнымъ видамъ компромисса—уступки постороннимъ обстоятельствамъ, во первыхъ въ выработываніи, во вторыхъ въ высказываніи и въ третьихъ въ осуществленіи убѣжденія—книга Морлея распадается на три основныхъ отдѣла. Въ главѣ объ интеллектуальной отвѣтственности и политическомъ духѣ изслѣдована допустимость компромисса при выработкѣ убѣжденія. Сомнѣнія въ отвѣтѣ быть не можетъ: „при выработываніи мнѣнія обо всемъ, что касается отвлеченнаго преимущества одного образа дѣйствій передъ другимъ, или что касается истины или ложности, или настоящаго значенія предложенія, тотъ фактъ, что большинство современниковъ нашихъ склоняется къ другому направленію, ничтоженъ и долженъ вѣсить на вѣсахъ не больше пыли“.

Но разъ мыслитель убѣдился въ томъ, что общепринятое мнѣніе ложно, долженъ-ли онъ умалчивать о своемъ несогласіи съ другими? Есть-ли основанія оставлять другихъ въ несомнѣнномъ заблужденіи? Существуетъ теорія, по которой люди и цѣлые классы просвѣщенные могутъ—а часто должны—скрывать отъ менѣ образованныхъ истину, которую познали, поддерживая въ нихъ заблужденіе, которое—по воззрѣніямъ школы, нашедшей себѣ блестящаго представителя въ Ренанѣ—вредно для людей просвѣщенныхъ и полезно для темной массы.

Не исчисленіемъ и преувеличеніемъ опасностей борется авторъ съ ложной идеей, въ которой видитъ ихъ возможный источникъ: точка зрѣнія оппортунизма чужда ему, и онъ нападаетъ на безнравственную мысль въ ея логикѣ, въ доводахъ ея паладиновъ. Онъ указываетъ на то простое положеніе, судьба котораго быть трюизмомъ въ теоріи и ересью на прак-

тикѣ и которое гласить, что ошибочное мнѣніе или убѣжденіе само по себѣ никогда не можетъ быть полезно. Говорятъ, что вредъ ложнаго мнѣнія покрывается полезностью прекрасныхъ ассоціацій, съ которыми оно можетъ быть связано; говорятъ, что средній человѣкъ—не опытный діалектикъ, что онъ не способенъ разобраться въ доводахъ за преимущества правды въ жизни, и потому хорошо поддерживать въ немъ высокія идеи, хотя бы посредствомъ слѣпонаго повиновенія обычаю и прочихъ суррогатовъ свободной мысли. Но авторъ спокойно отвѣчаетъ, что истина не нуждается въ поддержкѣ лжи—иначе она падетъ вмѣстѣ съ необходимымъ паденіемъ послѣдней. Говорятъ, что заблужденіе, если его разсматривать не отдѣльно, а въ связи съ общимъ состояніемъ извѣстнаго уровня мысли, приносить менѣе вреда, нежели принесло бы его уничтоженіе. Но авторъ возражаетъ, что критика отдѣльнаго заблужденія имѣетъ цѣлью—и послѣдствіемъ—искорененіе не одной ложной идеи, а цѣлаго строя такихъ идей. Однако, разрушивъ заблужденіе,—замѣчаютъ его защитники,—вы ставите на его мѣсто лишь отрицательную истину, которая не можетъ служить руководителемъ. Но за то—возражаетъ Морлей—отрицательная истина уводитъ насъ отъ безплодной траты силъ въ ненадлежащемъ направленіи и даетъ возможность примѣнить ихъ съ пользою. Можно, пожалуй, указать въ исторіи случаи, когда ложное мнѣніе объ истинахъ нравственныхъ и политическихъ имѣло видимость полезности. Но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что ложное основаніе благого порядка вещей способно лишь понизить его цѣнность, а между тѣмъ никто не станетъ утверждать, что благо не можетъ быть создано на истинномъ основаніи. Какъ ни высоко ставить результаты, добытые уже человѣчествомъ,—„исторія его есть громадное *ris aller*“: все хорошее, что уже достигнуто, могло быть достигнуто болѣе короткимъ и удобнымъ путемъ. И путь этотъ, безъ сомнѣнія, всегда дѣлали труднѣе и тяжелѣе тѣ люди, которые по тѣмъ или другимъ соображеніямъ молчали въ то время, когда кромѣ нихъ некому было говорить. Они носятъ въ себѣ миссію и дѣлаются преступниками противъ рода человѣческаго вмѣсто того, чтобы быть его благодѣтелями.

Гораздо сложнѣе вопросъ объ осуществленіи убѣжденія. Положеніе человѣка, сознаващаго истину и имѣющаго силу осуществить ее въ практической жизни другихъ, можетъ быть и менѣе непреклонно. Авторъ различаетъ въ этомъ случаѣ компромиссъ законный и незаконный. Компромиссъ можетъ означать два различныя положенія ума, одно изъ нихъ тормозящее, другое—нѣтъ. Онъ можетъ „означать обдуманное подавленіе или калѣченіе мысли ради того, чтобы

сдѣлать ее соотвѣтственной съ традиціонной идеей или ходячими предразсудками о данномъ предметѣ, каковъ-бы онъ ни былъ; или онъ можетъ означать разумное признаніе того факта, что масса современниковъ вашихъ еще не приготовлена или къ принятію новой идеи, или къ измѣненію порядковъ жизни сообразно съ идеею. Въ первомъ случаѣ человѣкъ компромисса отвергаетъ высшую истину или лицемѣрно скрываетъ свое согласіе съ нею. Во второмъ онъ мужественно держится ея, какъ своего знамени для своихъ цѣлей, но не принуждаетъ цѣлый свѣтъ немедленно принять ее и не ожидаетъ, чтобы цѣлый свѣтъ немедленно принялъ ее“.

Въ этой главѣ объ осуществленіи убѣжденія особенно хороши страницы, посвященныя различію вѣры въ истину своихъ воззрѣній и нетерпимости. Разсмотрѣніе этого вопроса приводитъ автора къ нѣкоторымъ превосходнымъ по своей простотѣ и ясности замѣчаніямъ о насильственныхъ средствахъ, какими иногда пытаются привести людей къ усвоенію извѣстныхъ убѣжденій. Но „вы не убѣдили человѣка, когда вы заставили его замолчать. Идея и сила принадлежать двумъ различнымъ элементамъ. Думать, что вы можете путемъ общественнаго неодобренія или другихъ насильственныхъ мѣръ подавить идеи человѣка—то же самое, что думать погасить звѣзду выстрѣломъ изъ винтовки... Вы можете стать закономъ наложить на меня пеню за то, что я буду признавать свѣтъ бѣлымъ, или за то, что я буду дѣйствовать такъ, какъ я бы дѣйствовалъ, признавая ледъ холоднымъ, и пени могутъ повліять на мое поведеніе. Но онѣ не измѣняютъ моего убѣжденія въ этомъ дѣлѣ ни на іоту, потому-что онѣ не могутъ сдѣлать этого. Слѣдовательно, единственнымъ результатомъ нетерпимости будетъ созданіе лицемѣровъ“.

Мы видѣли, что книга Морлея не есть апологія радикализма; она знаетъ цѣну умѣстному консерватизму и, предлагая общіе принципы, оставляетъ мѣсто свободѣ въ оцѣнкѣ каждаго индивидуальнаго случая: она даже настаиваетъ на этой оцѣнкѣ. Точка зрѣнія личной морали какъ будто обходится авторомъ. Клеймить безнравственность сдѣлки съ совѣстью съ жаромъ негодующаго проповѣдника какъ будто кажется смѣшнымъ этому уравновѣшенному политическому дѣятелю, привыкшему цѣнить общественное явленіе съ точки зрѣнія его полезности. Но это не та сегодняшняя, трусливая полезность, во имя которой чаще призывается, чѣмъ обходится компромиссъ. Весь вопросъ получаетъ здѣсь освѣщеніе одновременно жизненное и возвышенное. Какъ-бы авторъ ни громилъ недостатки родного строя, въ немъ чувствуется свѣтлый умъ, воспитанный этимъ самымъ свободнымъ и сильнымъ духовнымъ строемъ.

К. Вагнеръ. Молодежь, ея настоящее и будущее. Сочиненіе удостоенное преміи Французской Академіи. Перевелъ съ 16-го французскаго изданія Ө. Ө. Тровиньеръ СПб. 1897.

К. Вагнеръ. Мужество, какъ идеаль дѣятельной жизни. (Vaillance). Одобрено французскимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Перевела съ 11-го французскаго изданія С. Леонтьева. СПб. 1897.

Прекраснодушный и любвеобильный авторъ не повѣритъ, конечно, намъ, что его книжки, выдержавшія такое множество изданій, никому не нужны. Мы не беремся объяснять ихъ успѣхъ на ихъ родинѣ; но мы убѣждены, что этого успѣха у насъ онѣ имѣть не будутъ. Въ нихъ есть правда, но правда слишкомъ элементарная; въ нихъ есть вещи спорныя, но опровергать ихъ не стоитъ, потому-что не съ кѣмъ спорить: за этими печатными строками не чувствуешь опредѣленной и оригинальной индивидуальности, которая одна могла-бы дать цѣну этимъ разсужденіямъ, то наивнымъ, то нелѣпымъ. Эти книги можно читать, можно и не читать—ничего отъ этого не измѣнится. Но писать ихъ положительно не слѣдуетъ: дѣло это далеко не такъ просто, какъ кажется ихъ автору.

Быть моралистомъ очень легко—и очень трудно. *Легко* писать слашавыя и сентиментальныя книги, воздавая въ нихъ должную горячую и искреннюю хвалу всему высокому и прекрасному и сурово бичуя все низкое и недостойное. *Трудно* сдѣлать людей лучше посредствомъ моральныхъ проповѣдей. Это возможно только въ одномъ случаѣ: когда за отвлеченными совѣтами и разсужденіями сквозить яркая, сильная и самобытная личность автора; когда отпечатокъ этой личности на книгѣ настолько силенъ, что читатель входитъ съ нимъ въ непосредственное духовное общеніе, когда каждое его слово дышетъ самостоятельностью, когда трюизмы въ его устахъ кажутся парадоксами. Моралистъ долженъ побѣдить слушателя, а не просить у него снисхожденія. А здѣсь... „Искренность и простота тона, въ которомъ написана вся книга, невольно подкупаютъ читателя—говорится въ предисловіи издателя первой книжки — и заставляютъ его простить Вагнеру нѣкоторое слашавое прекраснодушіе, сквозящее въ послѣднихъ главахъ его сочиненія. Большая часть проповѣдуемыхъ имъ идеаловъ, все-таки, и чисты и прекрасны!“.

Нѣтъ, именно слашаваго прекраснодушія не простить автору читатель, а особенно читатель изъ молодежи. Никакой чистотой и красотой *большой части* (что за превосходное ограниченіе!) проповѣдуемыхъ идеаловъ нельзя исправить отсутствіе умственной оригинальности: васъ всѣ признаютъ хорошимъ человѣкомъ, но слушать васъ никто не станетъ. Чтобы вліять на молодежь, мало хорошихъ намѣреній: надо глубоко понимать ее; этого пониманія не видно въ авторѣ. Онъ, на-примѣръ, съ ужасомъ говорить о духѣ партійности въ моло-

дежи, забывая, что если гдѣ нибудь хороша и симпатична партійность, то это именно въ молодежи, что юноша это естественный человѣкъ партіи. Молодой человѣкъ наклеиваетъ на все ярлычки не потому, что его не поучаютъ быть широкимъ, а потому, что бѣденъ категоріями сужденія; есть способы умножить эти клѣточки и сдѣлать человѣка, дѣйствительно, шире, но способы эти лежатъ въ естественномъ занятіи молодого человѣка, въ саморазвитіи, а не въ тѣхъ жупелахъ, которыми г. Вагнеръ старается запугать молодежь: „молодой человѣкъ, зараженный духомъ партійности, становится прямо отвратительнымъ“. Какіе пустяки. Напомню автору, что въ знакомомъ ему романѣ Виктора Гюго „Отверженные“ есть нѣсколько фигуръ молодыхъ людей, не только зараженныхъ духомъ партійности, но даже умирающихъ отъ него. Можно быть какого угодно мнѣнія о духѣ партіи, за дѣло которой умираютъ эти молодые люди; но если они кажутся прекраснодушному автору предикъ къ молодежи не воплощеніемъ высшей красоты молодости, силы, свѣжести, а чѣмъ то „прямо отвратительнымъ“, если они напоминаютъ ему „собакъ, которымъ обрѣзаны уши, чтобы придать имъ болѣе свирѣпый видъ“, то онъ едва-ли сможетъ сказать молодежи что нибудь такое, что шло-бы отъ сердца къ сердцу.

Оговоримся, однако, что этимъ послѣднимъ замѣчаніемъ мы не имѣемъ въ виду затронуть общественное и политическое направленіе автора: его любвеобильное сердце, конечно, чуждо „отвратительной“ партійности — оно склонно больше къ тому направленію, которое лишь чуть-чуть отличается отъ настоящей широты. Достоевскій называлъ его „широкостью“; народъ говоритъ о немъ грубѣе: „и нашимъ, и вашимъ“.

Эдуардъ Тейлоръ. Первобытная культура. Второе изданіе (О. Н. Поповой) испр. и допол. подъ редакціей Д. А. Коропчевскаго. Два тома. Спб. 1896.

М. Гернсъ. Исторія первобытнаго человѣчества. Пер. Н. Березина. Съ 45 рисунками. Спб. 1896. Изд. журнала „Образованіе“.

І. (Я.) Гоннагеръ. Исторія человѣческой культуры. Пер. М. Чепинской. Изд. журнала „Образованіе“. Спб. 1896.

Если къ названіямъ книгъ, исчисленныхъ въ заголовкѣ, прибавить еще „Эволюцію и прогрессъ человѣчества“ Друммонда, „Исторію культуры“ Семенова, „Антропологию“ Кржи-вицкаго, „Доисторическаго человѣка“ Заборовскаго, „Соціологию“ Летурно и друг., то списокъ сочиненій по исторіи культуры, выпедшихъ за послѣдній годъ, окажется весьма

значительнымъ. Есть еще классическія произведенія въ этой еще юной, но уже обширной области наукъ, которыя еще ждутъ перевода; но многое уже переведено и, очевидно, читается. Это симптомъ очень пріятный: едва-ли можно рекомендовать что-либо болѣе настоятельно для обще-образовательныхъ цѣлей, чѣмъ изученіе исторіи въ той широкой ея формѣ, какую даютъ ей новые историки цивилизаціи. Трудно обхватить ту безчисленную массу вопросовъ въ разнообразнѣйшихъ областяхъ знанія и практической жизни, на которую проливаютъ свѣтъ изслѣдованія древнѣйшей исторіи человѣчества; трудно представить себѣ, какіе блестящіе результаты добыты благодаря остроумнымъ методамъ, примѣненнымъ въ этой наукѣ. И все же работы только начаты, поле изслѣдованія почти не затронуто; дальнѣйшіе успѣхи знанія только расширяютъ его. Съ другой стороны, необходимо дать обыкновенному читателю общедоступное изложеніе основныхъ положеній науки. Настоящаго знанія популярная наука, конечно, не даетъ; но она и не обѣщаетъ дать его. Передавая сложную мысль, какъ нѣчто готовое и законченное, не вводя въ самый процессъ научнаго творчества, популяризація большихъ научныхъ идей не дастъ вполнѣ точнаго и истиннаго представленія о тѣхъ воззрѣніяхъ, которыя возвѣщаетъ; но если-бы она имѣла въ виду исчерпывающее ознакомленіе съ наукой, она служила-бы не столько дѣлу истины, сколько распространенію заблужденій. Ея цѣли гораздо скромнѣе: раскрывая новую область идей, доселѣ невѣдомую читателю, она рассчитываетъ возбудить въ немъ вниманіе къ этой области знанія и заставить его обратиться къ „подлиннику“. Знаніе дается только детальнымъ изученіемъ первоисточниковъ и самостоятельной работой надъ матеріаломъ; но популярное изложеніе имѣетъ въ виду не замѣнить его, а дать лишь общія, руководящія положенія. Безпорядочность поверхностнаго знанія, почерпнутаго изъ популярныхъ книжекъ, нерѣдко представляется аргументомъ противъ нихъ; но оно предпочтительнѣе невѣжества, потому что невѣжество, вѣдь, тоже не *tabula rasa*, а непроницаемая масса еще худшихъ предразсудковъ. „Привидѣній нѣтъ, а есть естественныя науки“, кричитъ какой-то дикій человѣкъ у Достоевскаго; онъ ужасенъ, этотъ карикатурный дикарь, но припомните для сравненія то міровоззрѣніе, которое утверждаетъ, что привидѣнія есть, а о естественныхъ наукахъ не имѣетъ представленія; вѣдь какъ ни какъ, а привидѣній все-таки нѣтъ.

Классическій трудъ Тэйлора—одна изъ лучшихъ книгъ, ставящихъ естественныя науки на мѣсто привидѣній. Что въ ней особенно цѣнно—это методъ. Тэйлоръ не исчерпываетъ предмета; въ другомъ своемъ трудѣ, болѣе общедоступномъ

(Антропология, русск. пер. Ивина. Спб. 1882), онъ изложилъ основныя данныя науки „о человѣкѣ, какъ естественной группѣ“. Здѣсь онъ подвергаетъ самостоятельному изслѣдованію лишь нѣкоторые вопросы: значеніе „переживаній въ культурѣ“, происхожденіе и дѣятельность языка, искусство счисленія, смыслъ міра въ исторіи мысли, развитіе у низшихъ расъ анимизма—ученія о душахъ и другихъ нереальныхъ существахъ—и исторія нѣкоторыхъ обрядовъ и церемоній—вотъ все содержаніе книги Тэйлора. Авторъ видитъ значеніе знакомства съ первичными ступенями цивилизаціи не только въ его общемъ интересѣ, но въ важномъ практическомъ смыслѣ для пониманія настоящаго и сужденія о будущемъ. Возможность этого знакомства представляется ему безграничной,—пока не будетъ доказано противное. „Никакой родъ доказательствъ не долженъ быть оставленъ безъ вниманія ради отдаленности или сложности, мелочности или обыденности. Стремленіе новѣйшаго изслѣдованія все болѣе и болѣе направляется къ заключенію, что если законъ есть гдѣ-нибудь, онъ долженъ быть вездѣ. Отчаяваться въ пользѣ добросовѣстнаго собиранія и изученія фактовъ и объявлять какую-бы то ни было задачу неразрѣшимой вслѣдствіе ея трудности и недоступности, значитъ быть весьма плохимъ сторонникомъ науки. Тому, кто непремѣнно ищетъ безнадёжной работы, лучше всего заняться отысканіемъ предѣловъ научнаго изслѣдованія“. И дѣйствительно, одни методы языкознанія—этого спектральнаго анализа исторіи культуры—даютъ такіе результаты въ изученіи развитія мысли, что самыя смѣлыя надежды не могутъ казаться преувеличенными.

Книга Тэйлора, давно оцѣненная русской читающей публикой и оставившая неизгладимый слѣдъ въ нашей научной литературѣ, будетъ, конечно, имѣть новый успѣхъ, соответствующій ея глубокому значенію.

Книжки, изданныя редакціей „Образованія“, не вполне пригодны для первоначальнаго ознакомленія съ предметомъ. „Исторія первобытнаго человѣчества“ Гернеса представляетъ собою лишь незначительный отрывокъ изъ этой исторіи. За двумя небольшими вступительными главами общаго характера, вся книжка до конца занята фрагментарными очерками исторіи вѣншей культуры. Считая главными признаками человѣческой культуры языкъ, религію, общественность, скотоводство и земледѣліе, огонь, жилище, одежду, орудія и оружіе, авторъ совершенно обходитъ вопросъ объ исторіи первыхъ, посвящая имъ по полу-страничкѣ, и все свое вниманіе, по причинамъ, которыя остаются скрытыми отъ читателя, отдаетъ орудіямъ и оружію. Изложеніе удобопонятно и просто, рисунки очень недурны.

„Исторія человѣческой культуры“ недавно умершаго цюрихскаго историка Гоннегера гораздо полнѣе и многостороннѣе предыдущей, но изложена излишкомъ конспективно; иногда авторъ доходитъ до стиля настоящаго конспекта—безъ оказуемыхъ. Правда, брошюра Гоннегера и въ самомъ дѣлѣ есть конспектъ его большой исторіи культуры, но такой конспектъ пригоденъ для воспроизведенія въ памяти прочитаннаго, а не для введенія человѣка въ кругъ незнакомыхъ ему идей. Несомнѣнныя достоинства книжки Гоннегера—богатыя и основательныя критическія замѣчанія о литературѣ предмета и широкая постановка вопросовъ. Многочисленныя указанія автора на разнообразныя по содержанію и основнымъ идеямъ, но всегда въ высшей степени интересныя труды выдающихся нѣмецкихъ ученыхъ по общей исторіи культуры напоминаютъ, что мы до сихъ поръ не имѣемъ въ переводѣ ничего изъ этой первоначально важной для общаго развитія литературы: до сихъ поръ не переведены исторія культуры Гельвальда, Генне-амъ Рина, Липперта (большая)—и читатель по неволѣ обращается къ устарѣвшимъ книгамъ; переведены у насъ только англійскія сочиненія болѣе самостоятельнаго, но гораздо менѣе общаго характера.

Переводы послѣднихъ двухъ книжекъ не дурны, но какъ то неустойчивы, особенно въ транскрипціи собственныхъ именъ.

Русскій Біографическій Словарь. Томъ I (Ааронъ—Императоръ Александръ II). Издавъ подъ наблюденіемъ председателя Императорскаго Русскаго Историческаго Общества А. А. Половцова. СПб. 1896.

Русское Историческое Общество еще въ 1876 г. задумало издать біографическій словарь русскихъ „дѣятелей, заслужившихъ право на память въ потомствѣ“, и теперь приступило къ осуществленію этой мысли, выпустивъ въ свѣтъ первый томъ предполагаемаго труда, составившій большую книгу почти въ девятьсотъ страницъ убористой печати въ два столбца. Намѣреніе Общества, конечно, заслуживаетъ полнаго сочувствія, но, къ сожалѣнію, врядъ-ли можно безъ серьезныхъ оговорокъ сказать то-же самое объ его исполненіи. Въ предисловіи къ „Словарю“ глухо упоминается какая-то редакція его, выражающая надежду, что читатели „снисходительно отнесутся къ настоящему тому“ и „оцѣнятъ искреннее трудолюбіе“ ея. Во всякомъ случаѣ никто изъ членовъ этой скромной редакціи, если только она дѣйствительно существуетъ, не поставилъ на книгѣ своего имени, за исключеніемъ г. Половцова, о которомъ мы изъ того-же коротенькаго предисловія

узнаемъ, что онъ „принялъ на себя лично завѣдываніе этимъ дѣломъ“, и на котораго такимъ образомъ ложится вся отвѣтственность за собственно редакторскій трудъ по „Словарю“. Сознаемся откровенно въ своемъ невѣжествѣ, мы въ первый разъ встрѣчаемъ имя г. Половцова въ качествѣ специалиста по русской исторіи, и намъ совершенно неизвѣстны тѣ, должно быть, крупные труды его въ данной области, которые внушили ему столь смѣлую готовность „принять на себя лично“ редакторскія обязанности въ новомъ изданіи Русскаго Историческаго Общества. Не имѣя поэтому никакой возможности судить, насколько г. Половцовъ былъ подготовленъ къ этимъ обязанностямъ, мы тѣмъ не менѣе рѣшаемся сказать, что выполнены имъ онѣ не совсѣмъ успѣшно. Изданіе перваго тома „Біографическаго Словаря“ облегчалось цѣлымъ рядомъ существующихъ уже пособій, изъ которыхъ особенно выдаются „Энциклопедическій Словарь“, издававшійся русскими писателями и учеными, и „Критико-біографическій словарь“ С. А. Венгерова. Но значительная часть статей, вошедшихъ въ словарь Историческаго Общества, ни по полнотѣ и точности сопровождающихъ ихъ бібліографическихъ указаній, ни по своему содержанію, далеко не достигаетъ уровня этихъ элементарныхъ пособій. Такъ, хотя-бы въ статьяхъ объ Н. Ал. Абрамовѣ, объ Абрюцкомъ, Матв. Аврамовѣ и Адагуровѣ указанія на литературу весьма недостаточны и вмѣстѣ съ тѣмъ авторы этихъ статей не потрудились сослаться на словарь г. Венгерова, дающій несравненно болѣе полную бібліографію. То же самое повторяется въ статьѣ объ Аделунгѣ, что, казалось-бы, уже совсѣмъ неудобно въ изданіи Историческаго Общества. Въ этомъ изданіи до несоразмѣрности много мѣста удѣляется дѣятелямъ духовенства, но и посвященные имъ статьи часто столь-же небрежны. При статьяхъ напр. объ архіеп. Агаѳангелѣ или о пасхалистѣ ХVІ в. Агафонѣ литература указывается далеко не полно и опять нѣтъ ссылки на трудъ г. Венгерова, заключающій въ себѣ болѣе цѣнные указанія. Свѣдѣнія о раскольникахъ Аврааміи и Азаріи изложены у г. Венгерова гораздо полнѣе и отчетливѣе, нежели въ Біогр. Словарѣ, но тѣмъ не менѣе послѣдній не даетъ ссылки на предъидущій трудъ и не повторяетъ цѣликомъ его бібліографическихъ указаній. Въ другомъ случаѣ, въ статьѣ объ Автократовѣ, сообщая болѣе полныя сравнительно съ имѣющимися у г. Венгерова біографическія свѣдѣнія, Б. Оловаръ не знаетъ названной у г. Венгерова книги Автократова, изданной имъ безъ подписи, и воздерживается отъ всякой характеристики „его самобытной умственной дѣятельности“, которая у г. Венгерова характеризуется отзывами критики, сводившимися къ тому, что этотъ философъ не обладалъ даже

„умѣніемъ сколько-нибудь удовлетворительно выражаться по русски“. Впрочемъ, характеристики даже гораздо болѣе крупныхъ дѣятелей составляютъ въ Біогр. Словарѣ довольно рѣдкое явленіе, по большей-же части онъ даетъ сухой пересказъ чисто внѣшнихъ фактовъ. Статьи о такихъ крупныхъ дѣятеляхъ, какъ И. С. Аксаковъ и К. С. Аксаковъ, написанныя г. Трубачевымъ, представляютъ изъ себя что-то вродѣ формулярныхъ списковъ, томительно скучныхъ и безжизненныхъ. Въ первой изъ нихъ г. Трубачевъ рѣшился, правда, дать подобіе характеристики изображаемаго имъ писателя, но насколько онъ справился со своей задачей, пусть судить читатель. Мы приведемъ цѣликомъ относящееся сюда мѣсто статьи: „въ основѣ его (И. Аксакова) идеаловъ лежала горячая неподдѣльная любовь къ Россіи и сродственной ей славянской семьѣ, любовь къ правдѣ, въ томъ видѣ, какъ она ему представлялась. Были-ли эти идеалы немедленно осуществимы или выражали они только вдохновенные зачатки пожеланій, могущихъ или немогущихъ перейти въ дѣйствительность, — дѣло второстепенное въ оцѣнкѣ такого писателя, какимъ былъ И. С. Аксаковъ. Правители, законодатели, воеводы рѣшаютъ ходъ событій государственныхъ; писатель высказываетъ лишь то, что накипаетъ у него на сердцѣ, и потомство не можетъ не преклоняться предъ чистотою идеальныхъ влеченій, особливо (.) когда влеченія эти выступаютъ въ обаятельныхъ звукахъ волшебной русской рѣчи“ (100). Испугавшись, должно быть, оамъ наивности своихъ разсужденій, г. Трубачевъ въ біографіи К. Аксакова уже и не пытается разсуждать и, по нашему мнѣнію, хорошо дѣлаетъ. Имъ написано вообще не малое количество статей для „Б. Словаря“, но всѣ онѣ отличаются полнѣйшей бездарностью, а нѣкоторыя въ добавокъ еще страдаютъ необузданнымъ лиризмомъ казеннаго пошиба и порою даже отсутствіемъ простой грамотности (см. напр. 120). При всей надеждѣ редакціи на снисходительность читателей, ей не мѣшало-бы нѣсколько позаботиться о томъ, чтобы въ слѣдующихъ томахъ ея труда матеріалъ располагался болѣе цѣлесообразно и біографіи генераловъ, архимандритовъ и епископовъ не вытѣсняли именъ иныхъ „дѣятелей, заслужившихъ право на память въ потомствѣ“, а равно о томъ, чтобы самое содержаніе входящихъ въ этотъ трудъ статей не напоминало плохихъ гимназическихъ сочиненій и болѣе соотвѣтствовало, не скажемъ достоинству ученаго общества, такъ какъ мы не призваны объ немъ заботиться, но справедливымъ требованіямъ читателей.

Совершенно особое мѣсто занимаютъ въ вышедшемъ томѣ „Б. Словаря“ двѣ статьи, посвященныя біографіямъ императоровъ Александра I и Александра II. Въ сущности, это да-

же не статьи, а довольно большія по своему объему книги, такъ какъ первая изъ нихъ, написанная извѣстнымъ историкомъ Н. Шильдеромъ, занимаетъ около 240 страницъ, вторая же, принадлежащая С. Татищеву,—почти 500 страницъ. Главный интересъ „Словаря“ и сосредоточивается на этихъ двухъ большихъ работахъ, весьма различныхъ, впрочемъ, по своему характеру и цѣнности своего содержанія. Быть можетъ, въ другой разъ намъ удастся еще возвратиться къ этимъ любимымъ трудамъ и представить читателю болѣе подробный разборъ ихъ, пока же во всякомъ случаѣ мы ограничимся однимъ общимъ отзывомъ. Работа г. Шильдера даетъ талантливо написанную, яркую и полную характеристику имп. Александра I, причемъ біографія этого дѣятеля поставлена авторомъ въ тѣсную связь съ общей исторіей страны и общественной эпохи. Авторъ біографіи, пользующійся заслуженной репутаціей знатока Александровской эпохи, ввелъ въ свое изложеніе не малое количество новаго и важнаго матеріала, позволяющаго частью ярче изобразить настроеніе самого Александра въ разные періоды его жизни, частью яснѣе представить себѣ характеръ различныхъ правительственныхъ мѣропріятій за его время. Благодаря всему этому, работа г. Шильдера читается съ неослабѣвающимъ ни на минуту интересомъ. Авторъ довольно подробно останавливается на времени, предшествовавшемъ вступленію Александра на престолъ, обстоятельно излагая свѣдѣнія объ его воспитаніи въ дѣтствѣ и юности и объ отношеніяхъ къ нему Екатерины II и давая сжатую, но яркую и богатую новыми или мало эксплуатированными въ нашей литературѣ подробностями характеристику правленія Павла Петровича. Въ высшей степени интересно здѣсь впервые напечатанное авторомъ письмо Александра къ Лагарпу отъ 27 сент. 1797 г., которое было послано съ Новосильцовымъ и въ которомъ наслѣдникъ престола горько жаловался на установившіеся въ Россіи порядки, заставившіе его покинуть его прежній планъ отрѣченія отъ власти „Мнѣ думалось, писалъ здѣсь Александръ, что если когда-либо придетъ и мой чередъ царствовать, то, вмѣсто добровольнаго изгнанія себя, я сдѣлаю несравненно лучше, посвятивъ себя задачѣ даровать странѣ свободу и тѣмъ не допустить ее сдѣлаться въ будущемъ игрушкою въ рукахъ какихъ-либо безумцевъ“ (159). Это письмо позволяетъ т. о. установить тотъ фактъ, что правленіе Павла Петровича, такъ сильно повліявшее на все русское общество, сыграло весьма важную роль и въ развитіи идей Александра, послуживъ для него своего рода мостомъ въ переходѣ отъ мечтаній его ранней юности къ реформаторскимъ стремленіямъ начала царствованія. Какъ эти не вполне успѣшныя стремленія, такъ и внѣшняя по-

литика Россіи, съ 1805 г. сосредоточившая на себѣ почти исключительно вниманіе Александра, нашли себѣ обстоятельное изображеніе въ разсказѣ г. Шильдера. Менѣе останавливается послѣдній на реформахъ, произведенныхъ при участіи Сперанскаго, совсѣмъ не передавая м. пр. знаменитаго плана послѣдняго; зато разрывъ съ нимъ Александра изложенъ авторомъ біографіи съ большою тщательностью и, благодаря внесеннымъ въ это изложеніе новымъ подробностямъ, оно позволяетъ яснѣе представить себѣ остающееся еще нѣсколько загадочнымъ въ своихъ деталяхъ паденіе Сперанскаго. Новыя, хотя и не столь уже интересныя, подробности имѣются и въ двухъ послѣднихъ главахъ работы г. Шильдера, посвященныхъ эпохѣ рѣшительной борьбы съ Наполеономъ и послѣднему десятилѣтію жизни Александра. Такъ, укажемъ на приводимый авторомъ проектъ письма имп. Александра къ Наполеону по поводу Бухарестскаго мира, свидѣтельствующій, какъ сильно было въ 1812 г. у Александра желаніе избѣжать войны съ Франціей (247), на письмо королевы Гортензій Александрѣ отъ 25 марта 1815 г., въ которомъ она пыталась примирить его съ возвратившимся съ Эльбы Наполеономъ (332-3), наконецъ на излагаемыя авторомъ попытки Лагарпа и Паррота послѣ 1815 г. вернуть государя на путь либерализма (373), попытки, которыя не могли уже разсчитывать на успѣхъ, съ той поры, какъ Александръ сталъ искать въ помощь себѣ „не смѣлыхъ реформаторовъ, но прежде всего исправныхъ дѣлопроизводителей, бдительныхъ и строгихъ блюстителей внѣшняго порядка“ и передалъ „бремя заботъ по внутреннему управленію Имперіи въ жесткія руки Аракчеева“ (349). Написанной г. Шильдеромъ біографіи можно поставить въ упрекъ, что въ ней факты военной и дипломатической исторіи слишкомъ выдвинуты на первое мѣсто сравнительно съ внутренней жизнью народа. Съ отдѣльными мнѣніями автора можно не соглашаться, когда напр. онъ считаетъ войны 13-го и 14-го годовъ противорѣчившими выгодамъ Россіи (265), и даже находить въ нихъ порою противорѣчіе, но въ общемъ эта біографія является талантливымъ и очень полезнымъ трудомъ.

Несомнѣнно гораздо труднѣе была задача г. Татищева, который въ своей біографіи имп. Александра II долженъ былъ имѣть дѣло съ эпохой, болѣе близкой къ современности и весьма мало еще подвергавшейся историческому изслѣдованію. Но авторъ довольно легко справился съ затрудненіями своей темы, правда, не столько преодолѣвъ, сколько обходя ихъ. При всемъ солидномъ объемѣ его труда, онъ въ сущности мало содержателенъ. Большая часть его отдана разсказу о войнахъ и дипломатическихъ переговорахъ, а въ той меньшей,

гдѣ идетъ рѣчь о заботахъ Александра II по внутреннему устройству имперіи, изложеніе автора часто крайне небрежно и поверхностно. Посвящая большую главу жизни героя біографіи въ царствованіи Николая I, онъ не находитъ мѣста въ ней для указанія роли наслѣдника въ секретныхъ комитетахъ, назначавшихся для разсмотрѣнія крестьянскаго вопроса. Подобнымъ-же образомъ, довольно неполно излагая движеніе этого вопроса при Александрѣ II, онъ не передаетъ даже въ самыхъ общихъ чертахъ дѣйствительнаго его рѣшенія, но зато подробно повѣствуетъ о цѣломъ рядѣ праздниковъ и обѣдовъ, на которыхъ принималъ участіе императоръ, и находитъ возможнымъ перечислять всѣхъ лицъ, которыя вбивали гвозди въ древно пожалованнаго въ 1868 г. лейбъ-гусарамъ знамени (646). Къ тому-же наиболѣе острые моменты внутренней жизни государства въ описываемый періодъ изображены г. Татишевымъ далеко не въ такой степени *sine ira et studio*, какъ это приличествовало-бы историку. Безжизненное, на лѣтописный манеръ пестрое изложеніе, усвоенное авторомъ, немало способствуетъ общему неблагоприятному впечатлѣнію, выносимому изъ чтенія работы г. Татишева, хотя въ ней есть и нѣкоторые любопытные частные эпизоды, на которыхъ мы уже не можемъ сейчасъ останавливаться. Заканчивая свой отчетъ, не можемъ не пожелать въ интересахъ публики, чтобы г. Шильдеръ выпустилъ свою работу отдѣльной книгой, такъ какъ въ Біогр. Словарѣ, цѣна которому Русскимъ Ист. Обществомъ назначена чрезмѣрно высокая — 10 р., она можетъ быть доступна сравнительно небольшому числу читателей.

Шарль Летурно. Физіологія страстей. Переводъ съ французскаго В. В. Святловскаго. 1896. Ц. 1 р.

Хотя русскій переводъ „Физіологіи страстей“ и принадлежитъ въ данный моментъ къ числу „новыхъ книгъ“, но въ подлинникѣ это далеко не новая книга. Это обстоятельство слѣдуетъ имѣть въ виду при чтеніи книги. Конечно, когда читатель, напр., увидитъ, что авторъ (на стр. 194), желая указать на частоту душевныхъ заболѣваній въ большихъ городахъ, пользуется данными, согласно которымъ Парижъ имѣетъ всего 890,000, а Лондонъ всего 1.400,000 жителей, — то легко догадаешься, что данныя, которыми пользуется авторъ, довольно устарѣли. Но въ другихъ мѣстахъ книги, напр., въ главѣ объ эмоціи, эта отсталость не такъ замѣтна.

Впрочемъ, было бы крайне несправедливо утверждать, что книга Летурно и въ другихъ своихъ отдѣлахъ столь же не соответствуетъ новѣйшимъ даннымъ, какъ въ вышеприведенномъ примѣрѣ статистики Парижа и Лондона.

Если-бы книга Летурно была обращена къ специалистамъ, то многочисленныя работы, появившіяся послѣ ея выхода въ свѣтъ, конечно, сдѣлали-бы ее устарѣвшею. Но авторъ имѣлъ въ виду другую цѣль: онъ хотѣлъ познакомить широкую публику съ фیزیологическою основою и психическимъ проявленіемъ страстей; а разработка этихъ вопросовъ за послѣднее время не настолько подвинулись впередъ, чтобы это могло особенно отразиться на популярномъ изложеніи.

„Страсть есть сильное и длительное желаніе, которое властно управляетъ разумнымъ существомъ“ (стр. 100). Такимъ образомъ, „основой страсти является желаніе“ (стр. 101), а желаніе есть не что иное, какъ психологическое выраженіе неудовлетворенной потребности. „Потребность, т. е., сознанный органическій импульсъ, образующій основу страсти, можетъ быть сведена къ тремъ большимъ группамъ потребностей питательныхъ, сенситивныхъ и мозговыхъ... но, чтобы заслужить названіе *страсти*, нужно, чтобы потребность была усилена или видоизмѣнена, благодаря специальной организации, т. е., благодаря тому, что врачи варварски окрестили *идіосинкразіей*, или благодаря воспитанію, привычкѣ и пр. Къ этимъ-то аномальнымъ формамъ преувеличенной потребности, ставшей сущюю жизни, и нужно примѣнять слово *страсть*“ (стр. 100).

„Изъ предыдущаго опредѣленія слѣдуетъ, что невозможно вполне перечислить всѣ страсти. Всякое желаніе можетъ вырости до степени страсти, а кто можетъ сосчитать желанія человѣка? Если бы это и было возможно для насъ, людей кавказской расы, то спустя сто лѣтъ пришлось бы измѣнить весь списокъ и даже нынѣ нуженъ былъ бы особый перечень для всякой расы, даже для всякаго народа. Но если и нельзя составить списка всѣхъ страстей, то можно вообще легко ихъ классифицировать, и эта классификація будетъ повтореніемъ классификаціи потребностей, впечатлѣній, эмоцій, т. е. первичныхъ элементовъ страсти. И такъ, легко сгруппировать въ три отдѣла всѣ человѣческія страсти, и при такомъ распредѣленіи мы можемъ быть увѣрены, что не погрѣшимъ ни противъ прошлаго, ни противъ будущаго и дадимъ схему, пригодную для всѣхъ человѣческихъ расъ, подъ какою бы широтою онѣ ни жили. У человѣка есть страсти питательныя, сенситивныя и мозговныя“ (стр. 101).

Этихъ выписокъ вполне достаточно, чтобы читатель познакомился со взглядомъ Летурно на фیزیологію страстей.

Мы примемъ за исходный пунктъ опредѣленіе страсти, какъ сильнаго и длительнаго желанія, и оставимъ безъ разсмотрѣнія вопросы объ отношеніи страстей къ другимъ психическимъ явленіямъ. Замѣтимъ только, что и эти вопросы (напр.,

вопросъ объ отношеніи эмоцій и страстей) разработанъ у автора не вполне удачно. Мы остановимся только на двухъ вопросахъ: о классификаціи страстей и объ условіяхъ возникновенія ихъ.

Классификація страстей имѣетъ у Летурно одно достоинство: она основана на отправленіяхъ организма. Но дѣло въ томъ, что мысль классифицировать чувствованія соотвѣтственно отправленіямъ организма не нова: уже Аристотель высказывалъ эту мысль, а въ настоящее время она господствуетъ въ психологіи чувствованій. Приложение же этой мысли у нашего автора неудачно. Авторъ понялъ свою задачу черезчуръ прямолинейно, благодаря чему во всѣхъ трехъ классахъ страстей встрѣчаются соединенія разнородныхъ элементовъ. Такъ, напр., къ числу „питательныхъ“ страстей авторъ относитъ „страсть къ вину“. Но „страсть къ вину“ имѣетъ только одну общую черту со „страстью къ ѣдѣ“, а именно ту, что и ѣда и вино входятъ въ организмъ черезъ ротъ. Очевидно, этого слишкомъ мало для соединенія ихъ въ одинъ и тотъ же классъ „сильныхъ и длительныхъ желаній“, ибо „желанія“, лежащія въ основѣ страсти къ вину, совершенно несходны съ „желаніями“, лежащими въ основѣ обжорства. Потребитель вина руководится, во-первыхъ, „желаніемъ“ извѣстныхъ вкусовыхъ ощущеній, а во-вторыхъ, (и это самое главное) „желаніемъ“ вызвать извѣстное общее возбужденіе, являющееся слѣдствіемъ чисто мозговыхъ процессовъ. А по классификаціи самого Летурно первое желаніе должно лежать въ основѣ „сенситивныхъ страстей“, а второе—въ основѣ „мозговыхъ страстей“. Классъ „сенситивныхъ“ страстей тоже составленъ неудачно. Къ нимъ авторъ причисляетъ всѣ эстетическія эмоціи, которыя, такимъ образомъ, рассматриваются *исключительно* въ ихъ зависимости отъ внѣшнихъ органовъ чувствъ. Глухой Бетховенъ, продолжающій создавать музыкальныя произведенія, является нагляднымъ опроверженіемъ подобной точки зрѣнія. Наконецъ, и классъ „мозговыхъ страстей“ образованъ неудачно. Самъ авторъ понимаетъ, что, „строго говоря, всѣ страсти имѣютъ мозговое происхожденіе“ (стр. 122), но онъ оправдывается тѣмъ, что „въ низшихъ страстяхъ... мозгъ играетъ весьма малую роль“ (стр. 122). Но едва ли можно согласиться съ тѣмъ, что, напр., при эстетическомъ созерцаніи „мозгъ“ играетъ меньшую роль, чѣмъ при половой любви, которую авторъ относитъ къ числу „мозговыхъ страстей“.

Переходя къ вопросу о возникновеніи страстей, мы опять должны указать на недостатки книги. Авторъ не даетъ по этому вопросу вполне яснаго и опредѣленнаго отвѣта. Но онъ, очевидно, склоняется къ тому отвѣту, что страсть возникаетъ

у людей соотвѣтственно съ исключительно сильнымъ развитіемъ соотвѣтствующихъ органовъ. Говоря вообще, справедливость этого утвержденія трудно оспаривать: слишкомъ очевидно, что дѣятельность каждаго органа должна быть пропорціональна его развитію. Однако, выражаясь нѣсколько парадоксально, можно замѣтить, что справедливость этого утвержденія слишкомъ очевидна, чтобы на немъ стояло особенно останавливаться. Мало того, если дѣло идетъ не о *силѣ и утилитности* дѣятельности извѣстнаго органа, а о *страстности*, оединенной съ этою дѣятельностью, то, очевидно, нужно принять во вниманіе и другіе факторы. Справедливость нашего замѣчанія сдѣлается яснѣе всего при разсмотрѣніи тѣхъ страстей, которыя поставлены нашимъ авторомъ на первомъ мѣстѣ по „благородству“. Это—страсть къ „отысканію истины“. Если у Огюста Конта и Спинозы страсть къ наукѣ и можетъ быть объяснена могучимъ развитіемъ ихъ мозга, то, за то, къ Борда-Демулему, горѣвшему не меньшею страстью къ наукѣ, подобное объясненіе неприложимо, ибо, по сознанію самого Летурно, у „Борда-Демулена... умъ былъ неизмѣримо слабѣе“ (стр. 177). Съ другой стороны Гете, мозгъ котораго былъ, конечно, очень хорошо развитъ, не обнаруживалъ и десятой доли страстности Борда-Демулена. Конечно, Гете былъ совершенно холоденъ сравнительно, напр., съ монахомъ Соути, который самъ о себѣ выражался такъ: „вскрыть ящикъ съ новыми и старыми книгами... райское удовольствіе, и я полагаю, что даже св. Петръ не сдѣлаетъ мнѣ большаго удовольствія, когда скажетъ: входите, ваше мѣсто здѣсь“ (стр. 170).

Намъ пришлось указывать главнымъ образомъ на недостатки книги Летурно, и благодаря этому читатель можетъ составить неправильное мнѣніе о достоинствахъ книги. Поэтому мы заключимъ нашу рецензію слѣдующимъ общимъ замѣчаніемъ. Если книга Летурно и не является „вкладомъ въ науку“, если самостоятельная теоретическая часть въ ней и слаба, то, съ другой стороны, несомнѣнно, что ея авторъ настоящій ученый, хорошо усвоившій духъ современной науки и результаты научныхъ изысканій. Его книга содержитъ множество поучительныхъ свѣдѣній и указаній, а ея общая тенденція видна изъ слѣдующихъ словъ, которыми авторъ начинаетъ свое „предисловіе“ и которыми мы закончимъ нашу рецензію:

„Одна общая идея вытекаетъ изъ этой книги, это именно та великая современная идея, которую Ламаркъ, Дарвинъ и ихъ ученики пустили во всесвѣтный оборотъ, идея эволюціи, т. е., постепеннаго развитія. Описывая страсти, мы попытались набросать крупными штрихами тотъ путь, по которому слѣ-

дуютъ отдѣльныя лица и общества, желающія подняться изъ животнаго состоянія до состоянія истинно человѣческаго“.

Цезарь Ломброзо. Безуміе прежде и теперь. Переводъ съ итальянскаго. Изданіе Н. Лейненберга. Одесса. 1897 г.

Эта небольшая брошюрка занята рѣшеніемъ вопроса о томъ, увеличивается ли число душевныхъ разстройствъ съ развитіемъ цивилизаціи. Небольшой объемъ брошюры указываетъ на то, что авторъ не пытается дать окончательный отвѣтъ на поставленный имъ вопросъ. Въ самомъ дѣлѣ, тѣ историко статистическія данныя, которыми пользуется авторъ при бѣгломъ обзорѣ случаевъ душевныхъ разстройствъ въ разные времена и у различныхъ народовъ, скорѣе иллюстрируютъ, чѣмъ обосновываютъ мысль автора.

Общій выводъ, къ которому приводитъ автора его историко-статистическое изысканіе, таковъ: „И такъ, у грубаго некультурнаго населенія почттаніе и поклоненіе безумнымъ умножаетъ ихъ численность, толпа слѣдуетъ за ними и находитъ въ нихъ своихъ вожakovъ; у культурныхъ же народовъ безуміе касается не націи, а индивидовъ, и считается здѣсь несчастіемъ. Уже одного этого обстоятельства достаточно, чтобы ослабить значеніе несомнѣнно доказаннаго факта, что ростъ помѣшательства находится въ прямомъ отношеніи къ цивилизаціи“ (стр. 42—3).

Мы не станемъ оспаривать этотъ выводъ, но только замѣтимъ, что изслѣдованіе Ломброзо, подобно другимъ изслѣдованіямъ въ этой области, страдаетъ однимъ существеннымъ недостаткомъ: авторъ не отдѣляетъ тѣхъ помѣшательствъ, которыя связаны съ самою сущностью цивилизаціи, отъ тѣхъ, которыя являются результатомъ воздѣйствія случайныхъ, побочныхъ продуктовъ цивилизаціи. Алкоголь, табакъ, морфій, кокаинъ, эфиръ и т. д., все это продукты цивилизаціи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, источники огромнаго числа помѣшательствъ. Но если бы даже было доказано, что человѣчество никогда не избавится отъ алкоголя, табака и т. п., то, вѣ-таки, тотъ, кто желаетъ достигнуть яснаго пониманія связи цивилизаціи и помѣшательства, долженъ выдѣлнить въ особую группу помѣшательства, вызваннаго употребленіемъ этихъ побочныхъ продуктовъ цивилизаціи. Дѣкари, разъ что алкоголь дѣлается имъ доступнымъ, предаются пьянству съ необузданностью, далеко превосходящею невоздержанность цивилизованныхъ націй; слѣдовательно, потребности въ алкогольѣ не есть продуктъ цивилизаціи, а продуктъ цивилизаціи является только возможность удовлетворять эту потребность. Прогрессъ химіи привелъ къ открытію алкоголя и морфія, а это усилило пьян-

ство и породило морфинизмъ, но пьянство и морфинизмъ также не могутъ считаться вытекающими изъ сущности цивилизаціи, какъ, напр., мошенничество не можетъ считаться продуктомъ даровитости, хотя и несомнѣнно, что даровитый человѣкъ, если захочетъ, то сумѣетъ лучше обмошенничать, чѣмъ человѣкъ бездарный.

Совсѣмъ другими признаками отличаются душевныя разстройства, связанныя съ самою сущностью цивилизаціи, т. е., съ болѣе интенсивною духовною жизнію. Эти разстройства такъ неизбежно связаны съ цивилизаціей, что возможенъ вопросъ о томъ, не ведетъ ли цивилизація къ вырожденію. Въ сущности, здѣсь вопросъ сводится къ слѣдующему: какъ велика та работа, которую можетъ вынести нервная система средняго человѣка? Что съ цивилизаціей количество потребной работы увеличивается,—это несомнѣнно; а слѣдовательно можно утверждать *a priori*, что и число нервныхъ системъ, не выдерживающихъ этой работы, должно увеличиться. Однако, если мы, избѣжавши вышеуказаннаго смѣшенія понятій, т. е., отдѣливши помѣшательства, связанныя съ сущностью цивилизаціи, отъ помѣшательствъ, не связанныхъ съ нею, захотимъ опредѣлить, какъ велика только первая группа душевныхъ разстройствъ, то, конечно, придемъ къ результатамъ гораздо болѣе утѣшительнымъ, чѣмъ это обыкновенно думаютъ.

Безспорно, чрезмѣрная работа нервной системы ведетъ къ многочисленнымъ ея разстройствамъ, но нужно помнить, что и недостаточная дѣятельность тоже ведетъ къ неустройствамъ. Напримѣръ, „меряченіе“, которымъ страдаютъ многіе жители нашего крайняго сѣвера, связано съ недостаткомъ и однообразіемъ ощущеній.

Памяти Константина Дмитриевича Ушинскаго. По случаю 25-лѣтія со дня кончины К. Д. Ушинскаго (21 Декабря 1870 г. 21 Декабря 1895 г.) Сиб. 1896.

Имя Ушинскаго не нуждается въ пропагандѣ, и совсѣмъ не съ этой цѣлью весьма опрятно издана настоящая брошюра; на ея обложкѣ и выходномъ листѣ красуется надпись: „весь сборъ съ изданія поступаетъ на сельскія читальни“. Эта цѣль вполне достойна того имени, которому десять лицъ посвятили свои рѣчи, собранныя въ настоящемъ изданіи; оно напечатано на средства семьи Ушинскаго, открывается сообщеніемъ о стипендіяхъ его имени, учрежденныхъ С.-Петербургскимъ городскимъ общественнымъ управленіемъ въ земской учительской школѣ и на высшихъ женскихъ и педагогическихъ курсахъ, а заканчивается извѣщеніемъ о преміи въ память Ушинскаго,

учрежденной его семьей и имѣющей выдаваться чрезъ каждые три года за лучшее сочиненіе по дѣлу народнаго образованія въ Россіи. Послѣднею въ брошюрѣ напечатана рѣчь Я. Г. Гуревича: „К. Д. Ушинскій, какъ редакторъ журвала Министерства Народнаго Просвѣщенія“ (стр. 199 и сл.). Ушинскій редактировалъ этотъ журналъ всего два года (1860—1861 гг.) и придалъ ему исключительный характеръ органа педагогическаго и дидактическаго. Теперь это—журналъ ученый, почти никѣмъ не читаемый, педагогикѣ и дидактикѣ въ немъ отведено ничтожное мѣсто, и то скорѣе изъ приличія; при Ушинскомъ журналъ этотъ читали, ибо онъ сдѣлался средоточіемъ лучшихъ педагогическихъ силъ, самъ редакторъ поднималъ въ журналѣ не мало интересныхъ педагогическихъ вопросовъ и писалъ о воскресныхъ школахъ. Связавъ личность этого редактора съ общимъ характеромъ его дѣятельности, г. Гуревичъ тоже поднимаетъ вопросъ (стр. 205) о томъ, чѣмъ „лучше всего почтить память этого дорогаго намъ даровитаго русскаго педагога, такъ энергически и плодотворно потрудившагося на пользу разумнаго воспитанія русскаго юношества и вообще для дѣла народнаго образованія“. Если с раведливо замѣчаніе М. Л. Песковскаго, что Ушинскій, редактируя министерскій органъ, „властно приковалъ къ себѣ все русское общественное мнѣніе“ (стр. 31), то едва ли можно не присоединиться къ предложенію г. Гуревича, чтобы немедленно приняты были рѣшительныя мѣры для возстановленія С.-Петербургскаго педагогическаго общества, однимъ изъ учредителей и дѣятельныхъ участниковъ котораго былъ Ушинскій. Это общество въ наши дни тоже могло бы приковать къ себѣ общественное вниманіе, еслибъ, возрождаясь, оно избрало въ себя задачи того великаго движенія, которое извѣстно у насъ подъ именемъ „распространенія университетскаго образованія“. Бездѣла это предложеніе г. Гуревича, которое слѣдуетъ подчеркнуть, не имѣло бы значенія: быть можетъ любопытно сопоставить его съ попыткой подобнаго рода, предпринятой въ Москвѣ, гдѣ по инициативѣ проф. П. Г. Виноградова предполагается учредить при университетѣ Педагогическое Общество, въ уставѣ котораго предвидится дѣятельность въ духѣ University Extension. Въ рѣчи П. ф. Каптерева „Ушинскій объ общественныхъ и антропологическихъ основахъ воспитанія“ мы какъ разъ встрѣчаемъ жалобу (стр. 50) на то, что „у насъ почти совершенно отсутствуютъ педагогическія общества, съѣзды, кружки, а педагогическая литература не пользуется широкимъ распространеніемъ, педагогическіе вопросы считаются спеціальными, а не общественными“. Жалуюсь, авторъ весьма кстати подчеркиваетъ плодотворныя мысли Ушинскаго объ общественности воспитанія и необхо-

димости устройства педагогических факультетовъ для подготовки педагоговъ. Эти мысли были высказаны очень давно, и все-таки, надо признаться, въ сферѣ педагогической мы ушли съ тѣхъ поръ не особенно далеко. Недовольство педагогами нашей средней школы простирается такъ далеко, что они не безъ основанія подмѣчаютъ агитацію семьи противъ нихъ, а слѣдовательно, и противъ всего школьнаго режима. Семья критикуетъ школу, школа негодуетъ на семью, печать не является авторитетной посредницей въ этой враждѣ, становясь въ лицѣ отдѣльныхъ направленій на сторону той, то другой. И въ этомъ случаѣ любопытно присмотрѣться къ дѣятельности Ушинскаго. М. Д. Песковский въ своей рѣчи „Значеніе чествованія К. Д. Ушинскаго, его заслуги и труды не безъ остроумія замѣтилъ, что Ушинскому „принадлежитъ честь, такъ сказать, *открытія* у насъ того, что называется „педагогическою областью“. Ушинскій же первый занимался и *разработкою* этой области“ (стр. 18). Открытіе и разработка велись Ушинскимъ гласно, въ печати, которая въ его рукахъ заставляла читателя думать не о порожденіи формальнаго антагонизма между семьей и школой, а о выработкѣ положительныхъ идеаловъ. „Ушинскій, читаемъ въ упомянутой рѣчи (стр. 31), первый истолковалъ проявившееся тогда въ русскомъ обществѣ, подъ вліяніемъ Пирогова, педагогическое движеніе, осмыслилъ его, далъ тонъ и направленіе печати въ обществѣ въ характерно проявившемся въ ту пору стремленіи къ пересоздаванію всего учебно-воспитательнаго дѣла въ Россіи. Эта руководящая роль оставалась за Ушинскимъ до конца его жизни“. Грубая попытка сорвать авторитетъ этой руководящей роли Ушинскаго, о которой говорятъ въ брошюрѣ (стр. 36, 37, 103) гг. Песковский и Семеновъ, лишь содѣйствовала ей большей популярности. Послѣдній ораторъ въ своихъ рѣчахъ „Дѣятельность К. Д. Ушинскаго въ Смольномъ институтѣ“ (стр. 105 и сл.) и „Педагогическія идеи К. Д. Ушинскаго“ (стр. 135) особенно подчеркнул эту популярность Ушинскаго, какъ творца реформы преподаванія въ Смольномъ и какъ автора школьной книги для чтенія съ общеобразовательнымъ характеромъ. Если припомнить, какъ мало и въ наше время заботятся объ общеобразовательномъ характерѣ начальной и средней школы, какъ рано спѣшать къ узкой спеціализаціи и забиваютъ головы учащихся сухими формулами и грамматическими исключеніями, то идеи Ушинскаго и тутъ могутъ оказать нѣкоторую помощь. „Ушинскій находилъ, читаемъ у г. Семенова (стр. 106), что классная книга для первоначальнаго чтенія должна преслѣдовать *общеобразовательныя* цѣли, должна быть свободной отъ всякой тенденціозности, что главнѣйшая задача книги—образовать чело-

отка, быть „мастерскою гуманности“. Руководствуясь опредѣленно выраженной точкой зрѣнія, Ушинскій и написал свои знаменитыя книжки *Родное Слово* и *Дѣтскій Миръ*. Е. Я. Корсакова въ рѣчи „Голосъ изъ семьи“ пытается обрисовать житейскую ихъ роль, замѣчая, что въ рукахъ Ушинскаго былъ „секретъ умѣнья найти мѣру интереса“, обнаруженный содержаніемъ „Родного Слова“ (стр. 61). Это „Родное Слово“ и „Руководство къ преподаванію по Родному Слову“ вызвали рѣчь В. Я. Аврамова, въ которой онъ обрисовываетъ „Значеніе К. Д. Ушинскаго для народныхъ учителей и школъ“ (стр. 183 и сл.). Авторъ не остановился съ достаточной подробностью на своемъ любопытномъ сюжетѣ и относительно многихъ существенныхъ пунктовъ ограничился намеками. Мы не будемъ претендовать за это на г. Аврамова: всѣ мы, пишущіе и говорящіе, вынуждены прибѣгать къ метафорѣ и намеку тамъ, гдѣ рѣчь могла бы литься свободно при нормальныхъ условіяхъ житейской обстановки, не выговариваться до конца и рисковать быть понятыми не совсѣмъ согласно съ нашей основной точки зрѣнія. Г. Аврамовъ думаетъ, что современная народная школа лучшими своими сторонами прежде всего обязана Ушинскому, и если бы онъ „ничего болѣе не написалъ, кромѣ „Родного Слова“ и „Дѣтскаго Мира“, то и тогда имя его было бы священно для русской народной школы и увѣковѣчено въ исторіи русской педагогіи“. Но русская народная школа и сейчасъ не достигла до осуществленія всѣхъ благихъ предначертаній Ушинскаго; мало того: за тридцать послѣднихъ лѣтъ успѣло народиться не мало новыхъ явленій, которыя идутъ еще дальше предположеній стараго педагога. Во многихъ школьных неурядицахъ виноваты прежде всего сами учителя (стр. 193), а потомъ и извѣстныя внѣшнія обстоятельства, которыя даютъ ростъ нашей общественности, а вмѣстѣ съ ней школы и просвѣщенія. „Укажу для примѣра, говоритъ г. Аврамовъ, на недостаточность довѣрія къ учащимъ, на крайнюю скудость каталога класснаго чтенія, на затрудненія въ открытіи повторительныхъ и воскресныхъ школъ, на крайне плохой подборъ чтеній съ фонаремъ, на ничтожность подготовки, даваемой учительскими семинаріями, наконецъ — на переполненіе школъ учащимися, на убожество и нищенское существованіе нашихъ народныхъ школъ“. Проволя параллель между дореформенной и новой школой, ораторъ (на стр. 84) замѣтилъ, что въ старое время церковно-приходскія школы на бумагѣ значились тысячами, а на самомъ дѣлѣ насчитывались сотнями. Итакъ, разбираемый сборникъ, несмотря на однообразіе тона и полное отсутствіе какъ критическаго элемента, такъ и научной разработки, представ-

ляетъ большой интересъ, а прекрасная цѣль, съ какой онъ изданъ, заставляеть ожидать его скорого переизданія.

Комиссія по организаціи домашняго чтенія, состоящая при учебномъ отдѣлѣ общества распространенія техническихъ знаній.—Программы домашняго чтенія на 2-й годъ систематическаго курса М. 1896.

По статьѣ проф. П. Н. Милюкова, помѣщенной въ мартовской книжкѣ нашего журнала, читателямъ знакомо то великое движеніе, которое въ послѣднее время охватило Англію и Америку, извѣстно подъ специальнымъ названіемъ *University Extension* и находится у насъ въ лицѣ московской комиссіи по организаціи домашняго чтенія еще въ зародышевомъ состояніи. Появившійся въ печати сборникъ программъ домашняго чтенія на второй годъ систематическаго курса свидѣтельствуешь о достаточной энергіи, съ какой комиссія взялась за осуществленіе весьма сложной задачи. Обращаясь съ предложеніемъ своей помощи по преимуществу къ провинціи, комиссія, какъ извѣстно, поставила своей задачей руководить домашнимъ самообразованіемъ при посредствѣ ежегодно издаваемыхъ сборниковъ программъ, доставки книгъ отдѣльными экземплярами, либо цѣлыми болѣе или менѣе обширными „подборами“, а также письменныхъ сношеній съ читателями по изучаемымъ послѣдними вопросамъ. Помѣщенный во второмъ выпускѣ программъ „правила для сношеній читателей съ комиссіей“ переработаны сравнительно съ правилами перваго выпуска. Особенно важнымъ является дополненіе (стр. XI и XII) къ нимъ о составленіи и доставкѣ комиссіей читателямъ цѣлыхъ „подвижныхъ подборовъ“ книгъ, что составляетъ значительный шагъ впередъ въ учено-просвѣтительной дѣятельности московской комиссіи: при такомъ способѣ снабженія книгами медвѣжьихъ угловъ нашей провинціи достигается, во-первыхъ, наибольшая дешевизна пользованія ими, а во-вторыхъ, организація домашняго чтенія цѣлыми группами читателей. Совмѣстное чтеніе и живое обсужденіе прочитаннаго вообще чрезвычайно полезно и желательно въ провинціи, бѣдной просвѣтительными средствами и учеными организаціями. Переработаны для второго выпуска и „планы систематическаго чтенія по семи основнымъ отдѣламъ программъ“ (стр. 1—18); всего болѣе переработка коснулась отдѣловъ наукъ математическихъ и общественно-юридическихъ. Что касается основной части сборника, то она содержитъ программы по слѣдующимъ семи отдѣламъ наукъ: 1) математическимъ, 2) физико-химическимъ, 3) біологическимъ, 4) философскимъ, 5) общественно-юридическимъ, 6) историческимъ и 7) по исто-

рін литературы. По отдѣлу наукъ математическихъ дано двѣ отдѣльных программы: одна преслѣдуетъ исключительно общеобразовательныя цѣли, другая для болѣе обширныхъ специальныхъ занятій. Помѣщенная въ разбираемомъ выпускѣ общеобразовательная программа по математикѣ имѣетъ въ виду „не выработку техническихъ навыковъ и не подробности теоріи, а уясненіе основныхъ понятій *содержанія* и главныхъ идей *метода* высшаго анализа“. Какъ первый опытъ у насъ подобнаго рода общеобразовательныхъ курсовъ, эта программа по математикѣ представляетъ большой интересъ и нуждается въ критикѣ прежде всего отъ лица самихъ читателей. За то совсѣмъ неудобно помѣщеніе въ сборникѣ двухъ *паралельныхъ* программъ по философіи: г. Грота и г. Бѣлкина. Программа г. Грота намъ представляется совсѣмъ неудачной, особливо въ виду ея неразработанности и поверхностности. По исторіи русской литературы дано двѣ *концентрическихъ* программы: одна—для читателей, незнакомыхъ съ курсомъ русской литературы средне-учебныхъ заведеній, другая—для читателей болѣе подготовленныхъ и желающихъ посвятить больше труда и времени изученію этого предмета. Наличность двухъ программъ по исторіи русской литературы, изъ которыхъ первая есть механическое сокращеніе второй, неудачна по выполненію. Программа коммисіи по исторіи русскои литературы граничитъ съ большимъ каталогомъ произведеній и пособій, не дѣлая читателя хозяиномъ груды наваленныхъ фактовъ. Что такое литературная исторія, какіе въ нее входятъ вопросы, какія она ставитъ себѣ цѣли и какъ стремится къ ихъ осуществленію—на все это программа коммисіи по исторіи литературы даже не пытается отвѣчать, на ней съ особенной яркостью отражается основной недостатокъ большинства программъ—отсутствіе педагогической перспективы. Послѣдній недостатокъ частью свойственъ даже прекрасной программѣ по всеобщей и русской исторіи. Вторая часть сборника заключаетъ въ себѣ программу чтенія по этнографіи, третья—по отдѣльнымъ вопросамъ *) (поставлено двѣ темы по біологіи: 1) наблюденія надъ птицами, встрѣчающимися въ данной мѣстности въ дикомъ состояніи, и 2) наблюденія надъ крупными бабочками). Этнографическая программа посвящена вопросамъ мѣстной этнографіи (общее изученіе инородческой группы населенія Россіи) и отличается чрезмѣрной сложностью и недостаткомъ руководящихъ вѣтей для неопытныхъ читателей, которые могутъ свести свои занятія на простое этногра-

---

*) При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду программы чтенія по отдѣльнымъ вопросамъ, помѣщенные въ сборникѣ. „Программъ домашняго чтенія на первый годъ систематическаго курса“ (М. 1895.).

фическое коллекционерство, курьезная сторона которого такъ ярко сказалась въ этнографической экспертизѣ по дѣлу мультанскихъ вотяковъ. Для многихъ угловъ нашей провинціи научное ознакомленіе съ вопросами этнографіи было бы особенно важно, такъ что приходится пожалѣть о неосторожности программы, поставившей факты олимпкомъ впереди сдержанія и метода науки. Частичныя замѣчанія, для нѣкоторыхъ программъ очень неблагоприятныя, не портятъ общаго впечатлѣнія, которое выносишь послѣ просмотра разбираемаго сборника: работа комиссіи представляется намъ въ высшей степени замѣчательной и цѣнной по своимъ результатамъ. Этотъ коллективный ученый трудъ комиссіи въ интересахъ ищущей самообразованія публики представляетъ собою фактъ глубокаго общественнаго значенія, на который приходится смотрѣть съ чувствомъ самаго искренняго уваженія. Комиссія предлагаетъ въ сущности университетскіе курсы, рассчитанные лишь на *высшій* по своему умственному развитію элементъ сложнаго и причудливаго провинціальнаго общества, на лицъ, „которые желаютъ серьезно и основательно ознакомиться съ тѣмъ или другимъ научнымъ отдѣломъ, но не имѣютъ возможности изучить этотъ отдѣлъ въ высшей школѣ“. Мы должны считать это заявленіе комиссіи слишкомъ скромнымъ: нѣкоторые отдѣлы ея программъ вполнѣ по зубамъ лишь окончившимъ нашу высшую школу, которая за послѣднее время сильно забросила *общеобразовательные* интересы. Во всякомъ случаѣ данныя программы удовлетворяютъ не многихъ; большинство, и большинство подавляющее, остается по прежнему безъ всякой духовной пищи и устами многихъ отдѣльныхъ лицъ горько жалуется на свою безпомощность. Вотъ на этихъ то людей и должна комиссія обратить все вниманіе, если хочетъ остаться во главѣ движенія къ самообразованію, которое охватило провинцію. Энциклопедическія программы и публичные курсы въ провинціи—вотъ дальнѣйшія вѣхи въ дѣятельности комиссіи, успѣвшей снискать всеобщее уваженіе.

Мы сдѣлали бы крупную ошибку, еслибы не подчеркнули одной особенности, которая рѣзко бросается въ глаза при изученіи дѣятельности комиссіи: необыкновенной дешевизны ея изданій (1 выпускъ 25 коп. за 12 печатныхъ листовъ; 2-й выпускъ—40 коп. за 22 печатныхъ л.) и ничтожности взноса за право пользоваться письменнымъ руководствомъ комиссіи. „Сознавая огромную важность того дѣла, читаемъ въ предисловіи (стр. VIII), за которое взялась, комиссія съ величайшей благодарностью приметъ и съ полной готовностью воспользуется всякаго рода практическими указаніями, какія будутъ сдѣланы лицами, сочувствующими ея задачѣ. Коммис-

сія считаетъ долгомъ замѣтить, что назначенныя ею нормы взносовъ, даже при даровомъ трудѣ руководителей, оказываются едва достаточными для выполнения поставленныхъ ею себѣ задачъ. Только благодаря нѣсколькимъ крупнымъ пожертвованіямъ, коммиссія могла приступить къ своему дѣлу, но для того, чтобы не пришлось отъ него отказаться, необходима дальѣйшая общественная помощь". Намъ думается, что общество должно горячо откликнуться на призывъ коммиссіи.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

Еодоръ Сологубъ. Тѣни. Разказы и стихи. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.
С. Васюковъ. Очерки и разказы. Изд. второе, значительно дополненное, кн. маг. М. М. Ледерле. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

Ал. Будищевъ. Столные волки. Разказы. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Аполлонъ Коринфскій. Вольная птица и другіе разказы. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Аполлонъ Коринфскій. Тѣни жизни. Стихотворенія 1895 — 1896 гг. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Кн. А. П. Кугушевъ. Стихотворенія. М. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кузя. Разказъ для дѣтей **Н. Г. Вучетича** („Дѣтская библ.“ Н. Г. Вучетича). Изд. Высочайше утвержд. Южно-Русскаго О—ва Печатнаго Дѣла. Одесса. 1896 г. Ц. 15 к.

Кружнымъ путемъ. Романъ въ пяти частяхъ **М. Зинина.** (Сергій Шарапова). Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Новичъ. Съ чужихъ полей. Сборникъ стихотворныхъ переводовъ. Спб. 1897 г. Ц. 40 к.

Ночныя его. Снѣжинки. Изъ литературнаго увража — нѣчто мемуарное. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Поэмы, думы и пѣсни. **В. К. Булгаковъ.** Спб. 1897 г. Ц. 2 р. 50 к.

Собраніе сочиненій **Бьернстьерне Бьернсона.** Томъ IV. Переводъ **М. В. Лучицкой.** Изд. книгопродавца—издателя **Ф. А. Иогансона.** Кіевъ. 1896 г. Ц. 35 к.

Ольга Шапиръ. Любовь. Романъ. Спб. 1897 г. Ц. 2 р.

Исторія физики. Опытъ изученія логики открытій въ ихъ исторіи. Ч. III. Физика въ XVII вѣкѣ. Отд. I. Эпоха опыта и механической философіи. Проф. **Н. А. Любимова.** Спб. 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.

Д-ръ мед. П. И. Кубасовъ. О грибахъ паразитахъ. (Бактеріологическія и клиническія изслѣдованія) Спб. 1896 г.

Вліяніе алкоголя на нервную систему. Популярная лекція д-ра **В. Цигенъ.** Перевелъ съ нѣм. врачъ **Я. Вратинъ.** Спб. 1896 г. Ц. 20 к.

Сочиненія **Гельмгольца,** № 3. О зрѣніи. Изд. журнала „Научное Обозрѣніе“. Спб. 1896 г. Ц. 15 к.

Кометы и падучія звѣзды. Популярно-научныя бесѣды **Е. Предтеченскаго.** Изд. **Ф. Павленкова.** Спб. 1896 г. Ц. 40 к.

В. Витковский. Миръ планетъ. Астрономическая лекція. Спб. 1897 г.

Краткое руководство къ собиранію растений и составленію научнаго гербарія. Составили **А. Флеровъ** и **Б. А. Федченко**. Изд. авторовъ. М. 1896 г. Ц. 10 к.

Амуръ. (Природа и люди Амурскаго края) **Ф. Волгина**. Изд. П. П. Сойкина. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Къ характеристикѣ физическаго типа якутовъ. Антропологическій очеркъ **Н. Л. Геккера** („Записки Восточно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Рус. Географ. Общ. по этнографіи“, Томъ III. Вып. I-ый). Иркутскъ. 1896 г.

«Страна чудесъ и страховъ». Очеркъ урмановъ Тарскаго и Муромцевскаго лѣсничествъ. Докладъ **А. Богдановскаго** въ Тобольскомъ музеѣ 2 Ноября.

Монголія и монголы. Результаты поѣздки въ Монголію, исполненной въ 1892—1893 гг. **А. Позднѣвымъ**. Томъ I. Изд. Имп. Рус. Геогр. Общ. Спб. 1896 г.

Извѣстія. Имп. Рус. Географ. Общества, издаваемые подъ ред. секретаря общества. Т. XXXII. 1896 г. Вып. III. Спб. 1896 г.

Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ. по общей географіи. Т. XXX, № 1. Наблюденія надъ качаніями поворотныхъ маятниковъ Ренсолда, произведенныя въ Пулковѣ, Москвѣ и Московской губ. **Ив. Ивероновымъ**. Спб. 1896 г.

Первобытная культура. **Эдуарда В. Тэйлора**. Второе изд. подъ ред. **Д. А. Коропчевскаго** **О. Н. Поповой**. Томъ II. Спб. 1897 г. Ц. за два тома 4 р.

Г. Фр. Кольбъ. Исторія человѣческой культуры. Переводъ съ 3-го нѣм. изд. подъ ред. **А. А. Рейнгольда**. Вып. I. и II. Изд. **Ф. А. Югансона**. Кіевъ. 1896 г. Ц. по подпискѣ 2 р. 50 к.

Максимъ Ковалевскій. Происхожденіе современной демократіи. Т. III. Изд. **К. Т. Солдатенкова**. М. 1897 г. Ц. 2 р.

Л. М. Шахрай. Маккавей. Историческій этюдъ для еврейскаго юношества. («Наша Старина», № 1). Изд. второе, кн. маг. **Я. Х. Шермана**. Одесса. 1896 г. Ц. 15 к.

Діонео. Инквизиція и евреи въ Испаніи въ XV вѣкѣ. Историческій очеркъ. Изд. кн. маг. **Я. Х. Шермана** («Наша Старина», № XXI.). Одесса. 1896 г. Ц. 15 к.

Женскій вопросъ въ средніе вѣка. Проф. **К. Бюхера**. Перев. съ нѣм. **Л. С. Зака**. («Библ. общественныхъ знаній». Серія II. Вып. 1-й). Одесса. 1896 г. Ц. 20 к.

Л. Гейссеръ. Исторія французской революціи. Переводъ съ нѣм. подъ ред. **А. Трачевскаго**. Изд. 2-ое т-ва **И. Сытина** и К°. Спб. 1897 г.

Ч. Вѣтринскій. (Вас. Е. Чешахивъ) **Т. Н. Грановскій** и его время. Историческій очеркъ. М. 1897 г. Ц. 1 р. 60 к.

Ю. Белохъ. Исторія Греціи. Переводъ съ нѣм. **М. Гершензона**. Т. I. Изд. **К. Т. Солдатенкова**. М. 1897 г. Ц. 2 р.

Г. Геттнеръ. Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка. Т. I. Англійская литература (1660—1770). Переводъ **А. Н. Пыпина**. Изд. второе **О. Н. Поповой**. («Культурно-историческая бібліотека»). Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

М. М. Поезія **Надсона**. Спб. 1897 г. Ц. 15 к.

І. Шерръ. Всеобщая исторія литературы. Переводъ съ послѣдняго

нѣм. изд. подъ ред. и съ прим. П. И. Вейнберга. Вып. XV-ый и XVI-ый, Изд. Д. В. Байкова и К°. М. 1896 г.

Александръ Введенскій. Условіе допустимости вѣры въ смыслъ жизни. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Еддоръ Шперкъ. Дialeктика бытія. Аргументы и выводы моеѣ философіи. Спб. 1897 г. Ц. 40 к.

Огюсть Контъ и позитивизмъ. Статьи Д. С. Милля, Г. Спенсера и Л. Уорда. Изд. маг. «Книжное Дѣло». М. 1897 г. Ц. 1 р.

А. Шопегауеръ. Метафизика любви. Переведъ съ нѣм. Р. Кресинъ. Харьковъ. 1896 г. Ц. 30 к.

Генрихъ Ибсенъ. Его жизнь и литературная дѣятельность. Очеркъ Н. М. Минскаго. Съ портретомъ Ибсена. Изд. Ф. Павленкова («Жизни замѣчательныхъ людей»). Спб. 1896 г. Ц. 25 к.

Шекспиръ. Его жизнь и литературная дѣятельность. Очеркъ. И. И. Иванова. Съ портретомъ Шекспира. Изд. Ф. Павленкова. («Жизни замѣчательныхъ людей»). Спб. 1896 г. Ц. 15 к.

Энрико Ферри. Преступники въ искусствѣ. Переводъ съ франц. Н. Л. М. 1896 г. Ц. 20 к.

В. Вундтъ. Очеркъ психологіи. Переведъ съ нѣм. Г. А. Паперна. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1897 г. Ц. 75 к.

Психическіе факторы цивилизаціи. Лестера Уорда. Переводъ съ англійскаго Л. К. Давыдовой. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1897 г. Ц. 80 к.

Психическіе факторы цивилизаціи. Лестера Уорда. Переводъ съ англійскаго Е. И. Бошнякъ. М. 1897 г. Ц. 1 р.

Прогрессивная нравственность. Опытъ этики Томаса Фаулера. Переводъ съ англійскаго А. Погодина, подъ ред. Вл. Соловьева. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1896 г. Ц. 40 к.

Женщина предъ судомъ современной науки. Жака Лурбе. Переводъ съ франц. Е. А. Предтеченскаго. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1897 г. Ц. 30 к.

Исторія религіи. А. Мензенса. Переводъ съ англійскаго М. Чепинской. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Общественный прогрессъ и регрессъ. Г. Греефа. Перев. съ франц. Г. Паперна. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Представительное правленіе. Публицистическіе очерки Дж. Стюарта Милля. Переводъ съ англійскаго подъ ред. Р. И. Сементковскаго. Изд. Ф. Павленкова, Спб. 1897 г. Ц. 60 к.

Наслѣдство и раздѣлъ. Составилъ Я. В. Абрамовъ. Изд. Ф. Павленкова («Популярно-юридическая библ.» № 2). Спб. 1896 г. Ц. 25 к.

Уставъ о гербовомъ сборѣ и алфавитный переченьъ актовъ и документовъ, подлежащихъ гербовому сбору. Составилъ А. Н. Гусевъ. Изд. восьмое Ф. А. Югансона. Изд. неофициальное. Кіевъ. 1896 г. Ц. 1 р.

И. Т. Тарасовъ. Очеркъ науки полицейскаго права. Пособіе для слушанія лекцій и для притотвленія къ экзамену. М. 1897 г. Ц. 4 р. 50 к.

В. А. Гольцевъ. Воспитаніе, нравственность, право. Сборникъ статей. Второе изд. т—ва И. Д. Сытина. М. 1897 г. Ц. 75 к.

Проф. Л. А. Камаровскій. Восточный вопросъ. Изд. кн. маг. Гросманъ и Кнебель. («Вопросы науки, искусства, литературы и жизни», № 12). М. 1896 г. Ц. 25 к.

Р. Орженцкій. Ученіе о дѣйности у классиковъ и канонистовъ. Политико-экономическій очеркъ. Одесса. 1896 г.

Девальвация. Ю. Тришкана. Кіевъ. 1896 г. Ц. 50 к.

А. Гурьевъ. Реформа денежнаго обращенія. Часть вторая. Вып. III-ий. Спб. 1896 г. Ц. за 2 ч. 2 р.

С. М. Варацъ. Задачи вексельной реформы въ Россіи. (По поводу Проекта вексельнаго устава 1893 г.). Спб. 1896 г.

А. Гурьевъ. Матеріалы для библиографіи русской экономической литературы по денежному вопросу. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Г. Бутми. Къ вопросу о денежной реформѣ. 4) Золото или серебро? Одесса. 1896 г.

Московскія хлѣбопекарни въ 1896 г. Составлено Статистическимъ отдѣломъ Моск. Гор. Управы. М. 1896 г.

Б. Ф. Брандтъ. Борьба съ пьянствомъ за-границей и въ Россіи. Кіевъ. 1897 г. Ц. 60 к.

Дневникъ педагогическихъ курсовъ для сельскихъ учителей и учительницъ земскихъ народныхъ училищъ Конотопскаго уѣзда, состоявшихся 17 мая—7 июня 1896 г. подъ руководствомъ Д. И. Тихомирова и М. В. Мельникова. М. 1896 г.

Руководство къ устройству бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читаленъ. Составлено комитетомъ по устройству Сельскихъ библиотекъ и читаленъ (Харьковскаго Общ. распространенія въ народѣ грамотности). Изд. 2-ое, исправл. и дополн. Харьковъ. 1896 г. Ц. 25 к.

Докладъ о всеобщемъ начальномъ обученіи. А. П. Шимкова. Чит. въ общемъ собраніи членовъ Х. О. грамоты 27-го марта 1895 года. Харьковъ. 1896 г.

Къ вопросу о всеобщемъ обученіи въ городахъ. Н. Вычковъ. Изъ журнала „Вѣстникъ Воспитанія“. М. 1896 г.

О необходимости обученія техникумъ подавнію первой помощи при несчастныхъ случаяхъ. Цъва Бертенсона. Спб. 1896 г. Ц. 20 к.

Отчетъ о дѣятельности бывшаго С.-Петербур. Ком. Грамотности Имп. Вольнаго Эконом. Общества за 1895 годъ. Спб. 1896 г.

Орловское общество любителей изящныхъ искусствъ. Отчетъ за 1895—6 г. Орелъ. 1896 г.

Отчетъ общества по устройству народныхъ чтеній въ г. Тамбовѣ и Тамб. губ. за 1895—6 годъ. Тамбовъ. 1896 г.

Отчетъ о дѣятельности Троицкосавско-Кяхтинскаго отдѣленія Приамурскаго отдѣла Имп. Геогр. Общ. за 1895 годъ. Иркутскъ. 1896 г.

Дѣйствія органовъ Павловскаго крестьянскаго общества за май 1896 года, за июль и августъ 1896 г. М. 1896 г.

Сельскохозяйственные учрежденія: фермы, опытные поля и станціи, садовыя заведенія и пр. Справочная книжка. Ч. I-ая. Сельскохозяйственные фермы. Изд. Департамента Земледѣлія. Спб. 1896 г.

Нѣмецко-руско-французскій и французско-руско-нѣмецкій лѣсотехническій словарь. Состав В. Н. Кутузовъ. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 1896 г.

Хозяйственно-статистическія свѣдѣнія по Симбирской губерніи. Отдѣлъ второй. Текущая статистика. Годъ первый. Вып. I-ый. Симбирскъ. 1896 г.

Журналы Ярославской губернской оцѣночной комиссіи. Ярославль. 1896 г.

Une semaine coopérative. 25 Octobre — 1-er Novembre 1896. Paris 1896.

Английско-русскій карманный словарь. Составилъ Э. Гокинсъ. Изд. 1-ое. Ф. А. Югансона. Кіевъ. 1896 г. Ц. 60 к.

Изъ Франціи.

На этотъ разъ мнѣ хотѣлось-бы обратить вниманіе читателей на одну довольно интересную пьесу, которую играютъ въ данный моментъ въ Парижѣ и которая представляетъ, даже по мнѣнію официальныхъ критиковъ буржуазіи (напр., Ларруме въ «Фигаро»), серьезную попытку одного изъ «молодыхъ» драматурговъ расширить обычный кадръ французской сцены и внести туда побольше реальной жизни и ея серьезныхъ вопросовъ. Пьеса эта, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ которой я нахожусь, недавно поставлена на сцену «Водевиля»: это—«Дѣлежъ» (Le Partage) Альбера Гинона, довольно мало извѣстнаго до сихъ поръ театральнаго писателя. Темой ея является столкновение сильнаго чувства любви съ установившимися формами брака и семьи и выросшими на этой почвѣ идеями и аффектами заинтересованныхъ лицъ. Авторъ задается цѣлью указать на мучительныя противорѣчія современнаго человѣка въ сферѣ самыхъ кровныхъ и близкихъ ему интересовъ.

Я передамъ довольно подробно содержаніе «Дѣлежа», заранее оговариваясь передъ читателемъ, что не ручаюсь за второстепенныя детали: пьеса до сихъ поръ не напечатана, и я пользуюсь лишь замѣтками, которыя я наскоро набросалъ для себя, возвратившись изъ театра. Занавѣсъ взвивается—и мы на берегу моря, во время купальнаго сезона, въ изящной виллѣ Бернара Ружье, богатаго торговца шелками. Самъ хозяинъ, впрочемъ, пока остается въ Парижѣ: онъ занятъ окончательной передачей своей фирмы одному знакомому коммерсанту, ибо задумалъ удалиться отъ дѣлъ съ благопріобрѣтенными милліонами и зажить на склонахъ дѣтъ безпечальной жизнью крупнаго рабѣ. Но у этого пятидесятилѣтняго человѣка молодая красивая жена, въ которой онъ до сихъ поръ души не чаетъ, хотя живутъ они уже восемь лѣтъ. Луизетта—имя жены—родилась въ бѣдной семьѣ, но получила такъ называемое «хорошее» образованіе и своей живостью и общей пылкостью натуры составляетъ рѣзкій контрастъ со своимъ уравновѣшеннымъ мужемъ. Счастлива-ли она? Судя по тому, какъ весело она хохочетъ съ семилѣтней дочерью, уча ея прыгать черезъ веревочку, можно сказать: да. Но искреннее-ли то веселье? Почему-бы и нѣтъ? Изъ разговора четы Вульнуа—кузины Бернара и ея мужа—мы узнаемъ, что до сихъ поръ Луизетта чувствуетъ, если и не страстную любовь, то глубокую симпатію и искреннюю признательность къ своему мужу, который окружилъ ее и всяческимъ комфортомъ, и атмосферой ласки и попеченія. Такой взглядъ на отношенія супруговъ Ружье высказываетъ, по крайней мѣрѣ, г. Вульнуа,

типъ непризнаннаго генія изъ композиторовъ, который, впрочемъ, все больше и больше начинаетъ забывать свои артистическія неудачи за удовольствіями стола и тому подобными прованческими вещами. Не такъ добродушно смотритъ на своихъ родственниковъ кузина Бернара, характерная фигура озлобленной и въ то же время лицемѣрной приживалки, скрывающей свою лютую зависть къ счастливымъ людямъ подъ маскою горячей преданности. У нея, кромѣ того, особая причина снѣдаться злобою при видѣ семейной жизни своего кузена: она рассчитывала забрать въ руки Бернара или, по крайней мѣрѣ, занять при немъ выгодный постъ экономки богача; и вдругъ этотъ уже немолодой человѣкъ до безумія влюбляется въ двадцатилѣтнюю дѣвушку и дѣлаетъ ее женой и полноправной хозяйкой... Какъ бы то ни было, г-жа Вульнуа не особенно вѣрить въ прочность семейнаго счастья Ружье и обращаетъ вниманіе своего недалекаго и изрядно тряпичнаго мужа на «страстные глаза» Луизетты: «стоитъ только влюбиться ей, разсуждаетъ супруга Вульнуа, и посмотримся мы-таки разныхъ исторій у нашихъ родственниковъ»...

А пока Луизетта проводитъ вотъ уже третій мѣсяцъ въ скромномъ приморскомъ мѣстечкѣ, Криквиллѣ, имѣя лишь очень немногихъ знакомыхъ и отдавая немало времени на игры съ дочерью. Въ ея виллѣ живетъ на хлѣбахъ изъ милости уже упомянутая чета Вульнуа, а изъ случайныхъ сосѣдей сезона она часто встрѣчается только съ нѣскою г-жей Тальвандъ, вдовой, у которой есть единственный сынъ, красивый молодой человѣкъ тридцати съ небольшимъ лѣтъ. Г-жа Тальвандъ любитъ своего Раймонда до безумія, отравляя зачастую его жизнь этой любовью, ревнуя его ко всякой женщинѣ, которой онъ увлекается, постоянно расписывая ему неисчерпаемыя сокровища, таящіяся въ сердцѣ матери, и вѣчно призывая его къ порядку и къ этому самому сердцу: словомъ, онъ какъ былъ въ ея глазахъ ребенкомъ, такъ и остался, и ея ревнивыя слезы смѣняются лишь радужными воспоминаніями о томъ времени, когда Раймондъ прибѣгалъ изъ гимназіи и бросался въ объятія матери. Мы присутствуемъ какъ разъ при сценѣ, которую любящая собственница—мать устраиваетъ своему сыну, заклиная его разорвать всякія сношенія съ какой-то легкомысленной красой, и сынъ торжественно даетъ ей это обѣщаніе. И не мудрено: онъ уже мѣсяцъ какъ страстно любитъ Луизетту и... страстно любитъ ею. Да вотъ передъ нашими глазами разыгрывается и другая сцена, которая не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ характера ихъ отношеній. Мать Раймонда уходитъ, обмѣнявшись нѣсколькими словами съ появляющейся на сценѣ Луизеттой, и влюбленные падаютъ въ объятія другъ къ другу...

Происходитъ то, что обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ: ласки, смотрѣніе другъ другу въ глаза, повтореніе въ сотый разъ и «какъ ты мила», и «какъ ты прекрасна», и «какъ я

люблю тебя», и «какъ я тебя обожаю», рядъ совершенно неинтересныхъ для посторонняго лица вопросовъ и отвѣтовъ, прямо сказать, вокальныхъ зоологическихъ упражненій, въ которыя вкладываетъ особый смыслъ лишь потрясенная нервная система влюбленныхъ. Помните знаменитый афоризмъ зачастую циничнаго, но всегда проницательнаго Шамфора... Мы имѣемъ здѣсь дѣло, именно, съ любовью такого типа, но лишь доходящую до значительной интенсивности. И онъ, и она собственно недурные люди, но опьяненіе страстью заставляетъ ихъ не думать ни о чемъ внѣ круга нахлынувшихъ на нихъ ощущеній «взаимности», въ потокъ которыхъ они плаваютъ уже мѣсяцъ. Она, напримеръ, такъ характеризуетъ свое душевное состояніе: «нѣтъ, я чувствую только, что я безумно, неизмѣримо счастлива. Жизнь приобретаетъ для меня особый интересъ съ тѣхъ поръ, какъ мы любимъ другъ друга. И мнѣ лишь стыдно за себя, что у меня почти нѣтъ угрызеній совѣсти: мнѣ даже хотѣлось бы, кажется, быть менѣе счастливой и болѣе страдать». Рисуя въ свою очередь планы будущаго, молодой человѣкъ прямо заявляетъ, что онъ никогда и ничѣмъ не намѣренъ заниматься, кромѣ обожанія своей Луизетты,—благо у него съ матерью есть небольшая (по здѣшнимъ понятіямъ) рента въ двѣнадцать тысячъ франковъ въ годъ; и желаетъ лишь, чтобы блаженная жизнь, какую онъ ведетъ теперь, продолжалась. Онъ, впрочемъ, и не принадлежитъ къ категоріи людей, серьезно задумывающихся надъ жизнію: на то у него «нѣтъ ни вѣры ни во что, ни силы воли, ни энергіи», какъ самъ онъ признается, сваливая вину на обстоятельства, среди которыхъ выростало его поколѣніе: войну съ нѣмцами и разгромъ Франціи, коммуны и междоусобную рѣзню. Эта тема, сказать кстати, но нова между французскими буржуазными писателями: ее вы найдете и въ психологическихъ этюдахъ Бурже. И когда я слышалъ тирады Тальванда, мнѣ припоминались разсужденія моднаго романиста пересыпающія его разсказъ (въ «Figaro») о кровавой недѣлѣ. Словомъ, въ первомъ актѣ герой «Дѣлежа» рисуется красивымъ и добрымъ животнымъ, если подъ этимъ словомъ разумѣть человѣка, который не въ состояніи возвыситься надъ міромъ чисто-личныхъ ощущеній и, не мудрствуя лукаво, протягиваетъ руку за тѣмъ, что судьба предлагаетъ ему...

Но увы! Судьба не только даетъ, но и отнимаетъ. Неумолимо развертывается желѣзная цѣпь необходимости, и пока наши пылкіе любовники поглощены своимъ счастіемъ и условливаются между собой, какъ встрѣчаться имъ по возвращеніи въ Парижъ. въ ихъ жизнь врывается новый элементъ, вооруженный всевозможными правами и полномочіями, и владеть концѣмъ... — «Мама, — кричитъ задыхаясь отъ восторга и скорого бѣга, дочь Луизетты: «мама, а къ тебѣ одинъ господинъ пришелъ! Знаешь какой? Папа!» И на сценѣ появляется Бернаръ Ружье, пріѣхавшій нечаянно изъ Парижа.

чтобы сдѣлать пріятный сюрпризъ женѣ. Присмотритесь къ нему: тоже, если хотите, недурной человѣкъ! Правда, онъ довольно цинично объясняетъ, что улучилъ время съѣздить къ женѣ, благодаря тому, что «дуракъ—преемникъ» его, которому онъ очень выгодно спустил свою фирму, просилъ его обождать нѣсколько дней для окончательнаго сведенія счетовъ. Но коммерческая честность—моральный продуктъ особаго рода: онъ не навязывалъ силкомъ своего торговаго дома нерасчетливому коммерсанту,—тѣмъ хуже для послѣдняго! За то съ какой любовью онъ взираетъ на свою жену, какъ трогательно онъ любитъ потолстѣвшими на морѣ ножами своей дочки, съ какимъ добродушіемъ онъ пожимаетъ руки вышедшимъ ему на встрѣчу супругамъ Вульнуа, и даже для молодого человѣка, съ которымъ знакомить его жена, у него находится ласковое слово.

А она, властительница его думъ, у ногъ которой онъ складываетъ свое пожилое, но пылающее законнымъ огнемъ сердце? Истая парижанка, выработавшая въ себѣ страшную выдержку, она какъ будто потемнѣла на минуту, но сейчасъ-же справилась, и только быстрый, но выразительный взглядъ, брошенный ею на милаго, выдаетъ ту бурю самыхъ противоположныхъ чувствъ, которая бушуетъ у нея въ душѣ. Мужъ уходитъ на минуту за багажемъ, затерявшимся по оплошности носильщика, и наши любовники пользуются этими мгновеньями, чтобы крѣпко-крѣпко, въ безумной тоскѣ, прижаться другъ къ другу и наскоро условиться, какъ имъ видѣться наединѣ: Бернаръ объявилъ, что онъ пробудетъ съ недѣлю въ вылѣ, а потомъ повезетъ жену и дочь въ столицу... Вотъ и супругъ съ отысканнымъ чемоданомъ. Онъ бросаетъ страстный взоръ на Луизетту, которую онъ находить еще болѣе плѣнительною, чѣмъ когда-либо, и приписываетъ расцвѣтъ ея красоты морскимъ ваннамъ, да волненію отъ пріятнаго сюрприза, причиненнаго его внезапнымъ пріѣздомъ. «Пойдемъ, милая, спать», игриво обращается онъ къ предмету своей законной любви, раскланиваясь со всей кампаніей и приглашая молодого человѣка «почаще бывать у нихъ». И, обнимая жену, онъ удаляется вмѣстѣ съ нею подъ кровъ семейныхъ ларь и пенатовъ... А солнце уже утопаетъ въ глубинахъ океана, заливая послѣдними пурпурными лучами и морской берегъ, и уставшія шумѣть за день деревья, и роскошную виллу. Наступаетъ часъ, когда вся природа проникнута плѣнительной, слегка меланхоличной поэзіей, и когда такъ безумно хочется быть возлѣ другого, бьющагося въ унисонъ сердца... Ступай, бѣдный побѣдитель Луизетты, поброди у скалъ, и, можетъ быть, морской прибой насмѣшливо споетъ тебѣ пѣсню о томъ, что было въ этотъ-же часъ вчера, когда Луизетта сидѣла съ тобой въ «маленькой комнатѣ», къ которой сегодня еще летѣли ея мечты.. «Пойдемъ спать»: солнце сѣло.

Второй актъ переноситъ насъ въ Парижъ. Мы въ богато-меблированномъ салонѣ Бернара. Гувернантка—англичанка даетъ урокъ

маленькой Симонѣ, дочери Ружье. Дѣвочка капризничаетъ, и на помощь гувернанткѣ приходитъ мать. Но вскорѣ является Раймондъ и, между тѣмъ какъ гувернантка и дѣвочка удаляются, у него съ Луизеттой завязывается оживленный разговоръ... Но какъ мало походятъ ихъ теперешнія рѣчи на тѣ, которыя мы слышали отъ нихъ на берегу моря. Оба страдаютъ и оба, оставшись наединѣ, добрую половину этого счастливаго момента тратятъ на то, что мучаютъ другъ друга, хотъ и не желаютъ этого. Они не могутъ, конечно, отдаваться чувству любви такъ свободно, какъ прежде. Приходится изощряться, придумывать разныя хитрости, чтобы видѣться другъ съ другомъ; а свидѣлись, и каждый поневолѣ дѣлится своими горькими размышленіями съ товарищемъ не столько по любви, сколько по несчастію. И всего невыносимѣе для обоихъ терзанія ревности. «Гдѣ ты былъ вчера вечеромъ?»—мрачно спрашиваетъ она. Онъ, опуская голову, отвѣчаетъ односложно: «Съ пріятелями!» «Были женщины?» и тревога слышится въ ея голосѣ. «Были», опять коротко отвѣчаетъ онъ. «Красивыя?»—съ возрастающимъ волненіемъ допытывается она. «Такъ, ничего себѣ»,—уже совершенно машинально роняетъ Раймондъ, и вы чувствуете, что въ это время его преслѣдуетъ подобная же манія, и что мысль его вертится въ обычномъ кругѣ мучительныхъ представлений. «Какія-же?» «А кто ихъ знаетъ? Была, напримѣръ, мадамъ Корано!...» «А, эта высокая брюнетка? Но, вѣдь, она, говорятъ, поразительно глупа», вдругъ съ комичной важностью протаргиваетъ она, и на минуту ея жизнерадостный отъ природы характеръ беретъ верхъ, и ея лицо озаряется улыбкой, и она хочетъ передать эту мгновенную вспышку веселья своему милому. Но милому не до того: теперь ей, въ свою очередь, предстоитъ выдержать нападеніе его ревнивыхъ подозрѣній. «Да что ты меня спрашиваешь, моя дорогая, на счетъ женщинъ? Что всѣ онѣ значатъ для меня, когда моя мысль неуклонно слѣдуетъ за тобой»... И его лицо тускнѣетъ, а голосъ падаетъ. «Нѣтъ, я не могу такъ жить: вотъ уже три мѣсяца, какъ я схожу съ ума, и всего невыносимѣе мнѣ думать, что въ то время, какъ я одинъ, ты съ нимъ, и можешь быть...» Безумныя и почти циничныя слова срываются у него съ губъ подъ вліяніемъ ревности, и ревности, главнымъ образомъ, физической. Помните, читатель, сцену въ «Денизѣ» Дюма-сына, когда добродѣтельный молодой человекъ, графъ де-Барданиъ, безумствуетъ, разыскивая въ «прекрасной головкѣ» и «за чистымъ взглядомъ глазъ» любимой дѣвушки «точное сознаніе одного факта»,—того, что она «принадлежала», можетъ быть, Фернанду де-Тузеттѣ? Признаться, эта сцена всплыла у меня въ памяти, когда я слушалъ рѣчи актера, игравшаго Раймонда, а нѣкоторые слова такъ мнѣ показались даже прямымъ вхомя пьесы Дюма. И Раймондъ терзаетъ себя, стараясь узнать, какой «фактъ» хранить въ себѣ «головка» его возлюбленной, и что за ощущенія изъ супружеской жизни оттиснулись въ ея мозгу, «вотъ за этими

прелестными глазами». И онъ ставитъ ей вопросы, которые характеризуютъ современнаго мужчину. «Вѣдь, я знаю, какая ты страстная: кто мнѣ поручится, что иногда ты и съ нимъ»... Бѣдная женщина тщетно старается отклонить теченіе его мыслей. Онъ снова и снова возвращается къ мучающимъ его вопросамъ и, истерзавъ себя, наконецъ, восклицаетъ въ изнеможеніи: «нѣтъ, я не могу, не хочу дѣлать тебя!» Но тутъ уже она, въ свою очередь, не выдерживаетъ, и изъ устъ ея вырывается полная трагизма фраза: «а, ты страдаешь, потому что не желаешь дѣлать меня? Но какъ же должна страдать я, я, которую вы дѣлаете?».

Во время этой патетической, отчасти, можетъ быть, навѣянной Дюма, но во всякомъ случаѣ сильной сцены входитъ мужъ, который пока является наиболѣе счастливымъ изъ трехъ. Онъ не орегъ, превысшенностями не занимается и курьезнымъ разговоромъ съ Раймондомъ (заявившимъ, мимоходомъ сказать, мѣсто у одного издателя), доказываетъ ясно, что онъ понимаетъ гораздо больше толкъ въ шелковыхъ матеріяхъ, чѣмъ въ книгахъ: «эхъ, молодой человѣкъ, шелкъ не то, что романъ». Возьмите хорошую ткань: вы ее сейчасъ отличите, и будьте увѣрены, что она долго проносится. А вотъ, развернулъ я двѣ книги, одну хорошую, другую дурную. И что же? обѣ онѣ мнѣ кажутся одинаковаго качества». Но, съ одной стороны, онъ такъ искренно любитъ свою жену, такъ заботится о своей семьѣ. Съ другой, въ самой любви Раймонда къ Луизеттѣ страсть къ женщинѣ играетъ гораздо большую роль, чѣмъ какое бы то ни было «родство душъ». Очевидно, мы имѣемъ тутъ дѣло не съ какимъ-нибудь психологическимъ диссонансомъ между супругами, а съ тѣмъ слѣпымъ, какъ природа и какъ природа же, всемогущимъ инстинктомъ, который бросаетъ двухъ людей въ объятія другъ-друга, заставляя забывать страданія третьяго лица.

Но прежде всего эта страсть сталкивается съ другою страстью, ревнивою любовью матери къ сыну. По моему, критики, считающіе себя тонкими цѣнителями жизни и искусства, въ родѣ Леметра, напрасно стараются усмотрѣть въ этой любви какой-то смутный, но ужасающій въ самой смутности своей видъ физической, чуть не кровосмѣсительной ревности. Мало-ли приходится намъ видѣть ежедневно нѣжныхъ родственниковъ, которые готовы на вѣкъ закабалить, обратить въ раба, въ простую вещь предметъ ихъ семейныхъ аффектовъ. Но несомнѣнно, что эта точка зрѣнія собственника и сближаетъ ихъ съ ревнивою половой любовью. Послѣ сцены между мужемъ, женой и любовникомъ, въ которой первый рисуется вполне счастливымъ, а оба послѣднихъ терзаемыми ревностью, мы присутствуемъ при разговорѣ между Луизеттой и матерью Раймонда, пришедшей къ любовницѣ сына съ цѣлью убѣдить ее разорвать съ молодымъ человекомъ и возвратитъ его такимъ образомъ нѣжному сердцу матери, грозя въ противномъ случаѣ открыть все мужу Луизетты. Діалогъ между двумя женщинами, начинающійся

попыткой Луизетты завоевать расположеніе г-жи Тальвандъ, скоро превращается въ настоящую дуэль, въ которой каждая соперница стремится нанести побольше рану другой. Наконецъ, задыхаясь отъ волненія и получивъ прямо въ лицо эпитетъ «безчестной обманщицы», Луизетта устаетъ въ этой свирѣпой борьбѣ и пытается выйти изъ невыносимаго положенія хотя бы цѣною скандала: она внезапно зоветъ мужа изъ другой комнаты и, представляя ему г-жу Тальвандъ, объявляетъ, что эта дама желаетъ ему что-то сказать. Этотъ неожиданный поступокъ повергаетъ мать Раймонда въ крайнее замѣшательство и, лепеча отъ волненія и негодованія, она едва въ состояніи объяснить Ружье, что ей желалось лишь поблагодарить его за ласковый пріемъ, оказываемый имъ ея сыну. Но, когда Ружье снова уходитъ къ себѣ, а Луизетта удаляется въ другую комнату, ярость охватываетъ мать Раймонда и, потрясая сжатыми кулаками въ сторону ушедшей, она въ бѣшенствѣ кричитъ нѣсколько разъ: о, подлая, подлая (gueuse)!

Какъ разъ въ этотъ самый моментъ приходятъ супруги Вульнуа,—жена, припихиваясь и прислушиваясь, стараясь поскорѣе оріентироваться въ необычной сценѣ, а мужъ по обыкновенію слѣдуя за женой, вставляя робкія замѣчанія, но сейчасъ же подчиняясь волѣ своей энергичной половины. Кипя и волнуясь, мать Раймонда немедленно же изливаетъ передъ ними свое негодованіе на «безстыдную комедіантку», а кузину Бернара медомъ не корми: она съ жадностью и крайнимъ удовольствіемъ пьетъ каждое слово раздраженной женщины, и когда та уходитъ, тутъ же составляетъ планъ кампаніи, какъ бы разсорить мужа съ женой и такимъ образомъ втереться въ домъ Ружье. Надѣвая маску родственной привязанности и вмѣстѣ съ тѣмъ стыдливо огорченного чувства честной женщины, она сначала полунамекami, а затѣмъ все болѣе и болѣе прямо и рѣшительно старается раскрыть «своему дорогому Бернару» глаза на измѣну жены. А когда тотъ, ошеломленный этой роковою для него вѣстью, не хочетъ вѣрить и въ бѣшенствѣ выгоняетъ супруговъ Вульнуа, ловкая кузина спускаетъ тонъ и начинаетъ увѣрять, что она и не думаетъ заподозрѣвать собственно честь Луизетты, а лишь желаетъ обратить вниманіе своего родственника на то, что молодая женщина «компрометируетъ себя» съ г. Тальвандомъ; причѣмъ ссылается на авторитетъ «очень почтенныхъ лицъ»...

Подозрѣніе заброшено въ душу дотогѣ счастливаго человѣка, и хаосъ разнообразныхъ, всколыхнутыхъ доносомъ чувствъ ярко отражается въ его мучительныхъ сомнѣніяхъ, въ его припоминаніи нѣкоторыхъ мелочей обращенія жены съ Раймондомъ и, наконецъ, въ тяжелой сценѣ съ маленькой Симоной, когда онъ начинаетъ издалека, стыдась и робѣя даже передъ ребенкомъ, спрашивать свою дочь, не замѣчала-ли она чего-нибудь страннаго между своей матерью и г. Тальвандомъ, когда тѣ остаются одни,—и вдругъ спохватывается, сознаетъ низость бессознательной роли, на которую

онъ осуждаетъ бѣдное маленькое существо, и бросаетъ всякіе дальнѣйшіе распросы, рыдая и осыпая поцѣлуями недоумѣвающую Симону... Но онъ хочетъ во что-бы-то ни стало вывести себя изъ ужаснаго состоянія неизвѣстности и рѣшается немедленно же переговорить съ женой, которая выходитъ на его голосъ. Смертельно блѣдная но напрягая всѣ свои усилія, Луизетта на прямой вопросъ мужа, правда-ли, что она обманываетъ его съ Раймондомъ, отвѣчаетъ отрицательно. Но въ ея отвѣтѣ чувствуется такъ мало правды и внутренней убѣдительности, что, если Ружье вѣритъ ея словамъ, такъ, очевидно, лишь желая обмануть самъ себя и уцѣпиться хоть за что-нибудь, чтобы не упасть въ пропасть отчаянія, которая раскрывается передъ его глазами. Какъ-бы то ни было, онъ предлагаетъ женѣ, если она «дѣйствительно любитъ» его, немедленно же отправиться въ путешествіе, чтобы положить конецъ сплетнямъ. Послѣ мучительнаго колебанія, Луизетта соглашается оставить на время Парижъ, и мужъ уходитъ, чтобы сейчасъ же сдѣлать распоряженія на счетъ отъѣзда. Но входитъ Раймондъ, и зрителю приходится присутствовать при сценѣ безумнаго объясненія между двумя любовниками,—ею, умоляющей своего «дорогого возлюбленнаго» (*cher amour*) быть терпѣливымъ и дожидаться ея возвращенія; имъ, уговаривающимъ ее немедленно же бросить все и уѣхать съ нимъ. Всесильная и слѣпая страсть беретъ верхъ надъ сомнѣніями и колебаніями Луизетты: вы находитесь, такъ сказать, при послѣднемъ издыханіи выработанныхъ культурою чувствъ и мнѣній, сталкивающихся со всемогущимъ инстинктомъ, и самымъ убѣдительнымъ аргументомъ со стороны Раймонда является яркая, почти зоологическая фраза: «хочешь быть со мною, спать и просыпаться на моей груди»? Луизетта падаетъ въ объятія возлюбленнаго и рѣшается оставить и домъ, и мужа, и даже дочь... Но изъ сосѣдней комнаты выбѣгаетъ мужъ и бросается на похитителя, хватая его за горло. И посреди этихъ свирѣпыхъ борцовъ, Луизетта, блѣдная, безумная, въ своемъ роскошномъ шелковомъ платьѣ, падаетъ безъ чувствъ на паркетъ...

Актъ третій. Комната больной въ домѣ Ружье. Луизетта уже съ недѣлю лежитъ въ агоніи: изъ устъ доктора, который разговариваетъ съ Бернаромъ, въ то время, какъ больную перенесли на нѣсколько минутъ въ сосѣдній pokoj, мы узнаемъ, что Луизетта давно была подвержена болѣзни сердца, и что эта болѣзнь сразу приняла крайне опасный характеръ подъ вліяніемъ какого-то сильнаго потрясенія... Докторъ не настаиваетъ на этомъ пунктѣ,—не его дѣло, да мы знаемъ уже, что это было за потрясеніе,—но онъ замѣчаетъ, что мужъ держитъ Луизетту въ нравственномъ карантинѣ, упорно избѣгая входить въ ея комнату, и считаетъ долгомъ предупредить Бернара, что женѣ его остается жить всего нѣсколько часовъ и что съ своей стороны онъ совѣтовалъ бы мужу «облег-

читать эти послѣдніе моменты» Луизетты. Посѣдѣвшій, страшно постарѣвшій, сгорбившійся, мужъ беззвучнымъ голосомъ благодарить доктора за совѣтъ и рѣшается увидѣться съ умирающей. А пока въ домѣ ходятъ на ципочкахъ прислуга и сестра милосердія изъ монашенокъ,—богатые люди современной Франціи не любятъ свѣтскихъ сестеръ милосердія,—кузина Бернара съ своимъ мужемъ, слѣдующимъ за ней, какъ тѣнь, забираетъ, мало-по-малу, хозяйство въ свои руки: ключи убитаго горемъ и машинально отвѣчающаго на все Ружье переходятъ къ высокопоставленной родственницѣ, которая плаваетъ теперь, какъ рыба въ водѣ, «исполнивъ свой тяжелый родственный долгъ» доноса и пуская все болѣе и болѣе корни въ разгромленномъ семействѣ... Вотъ и сама Луизетта, которую кладутъ на постель. Блѣдная, умирающая, съ лихорадочно горящими глазами, она продолжаетъ и въ эти послѣдніе часы переходить черезъ рядъ потрясеній. Вотъ возлѣ нея маленькая Симона, и, сознавая свою близкую кончину, мать терзается тѣмъ, что ей предстоитъ навсегда разстаться съ дочерью, которую она сама хотѣла кинуть въ пароксизмъ страсти. Вотъ возлѣ нея мужъ, который «прощаетъ, прощаетъ ей все», но, слыша ея мольбу позволить ей «увидѣться съ *тѣмъ*», снова вздрагиваетъ словно подъ ударомъ хлыста и бросаетъ ей слова: «ты умираешь—и твоя послѣдняя мысль все о любовникѣ»—и Луизетта падаетъ въ обморокъ. Вотъ у ногъ ея, умолая о прощеніи, корчится мать Раймонда, ревнивая любовь которой тоже воспротивилась «дѣлежу». И вотъ наконецъ,—послѣ сцены между Бернаромъ Ружье и этой матерью, умоляющей обманутаго мужа позволить Луизеттѣ повидаться съ Раймондомъ,—мы присутствуемъ при заключительной сценѣ свиданія двухъ влюбленныхъ. Опять безумный лапетъ страсти, но уже среди рыданій и трагической обстановки Смерти, которая бросаетъ свою все растущую тѣнь на послѣдній «обмѣнъ фантазій». Пьеса заключается крикомъ умирающей: «Раймондъ, будь вѣренъ», и въ то время, какъ любовникъ, шатаясь, отходитъ отъ трупа, изъ соседней комнаты выходитъ мужъ, направляясь къ смертной постели. Нѣсколько мгновеній оба участника въ «дѣлежѣ» смотрятъ многозначительно другъ на друга... Взрывъ аплодисментовъ, и занавѣсъ падаетъ...

«Sale femme!» (низкая женщина), кричитъ возлѣ меня какая-то пылкая француженка, которая, можетъ быть, вопреки такому негодovanію на Луизетту, какъ разъ является въ данный моментъ «дѣлимымъ».—That's very, very christian (это совсѣмъ по христіански!), убѣжденно обращается за мной англичанинъ къ своей супругѣ, что, можетъ быть, не помѣшаетъ ему въ жизни, не смотря на восхищеніе нравственной красотой Бернара, разнести въ дребезги второго «дѣлителя».

Таково содержаніе этой очень неглупой, хотя грѣшащей мелодраматическимъ третьимъ актомъ пьесы. Что касается до оцѣнки ея, то, каюсь, я испытываю немалое замѣшательство, принимаясь за эту часть задачи. Дѣло въ томъ, что пьеса эта, не будучи первостепенной, затрагиваетъ такой сложный психологическій клубокъ, что распутать его крайне трудно, не возбудивъ массы страстныхъ возраженій и не затронувъ очень прочно установившихся мнѣній и нравственныхъ вкусовъ. Мнѣ сдается, что настоящая оцѣнка пьесы могла бы быть сдѣлана лишь человѣкомъ, который бы соединялъ рѣдкое знаніе антропологии и исторіи человѣческихъ учреждений съ крупнымъ художественнымъ талантомъ: только въ этомъ случаѣ психологическій анализъ, опирающійся на эволюцію чувствъ и подкрѣпляемый яркими и вмѣстѣ изящными образами, могъ бы зайти далеко, не оттолкнувъ на первыхъ же порахъ привыкшей къ обычнымъ воззрѣніямъ публики. Но, увы, гдѣ найти такого мыслителя—художника въ нашей хваленной цивилизаціи, разорвавшей и разнесшей человѣка по клѣткамъ специальностей? Я нимало и не претендую быть этимъ фениксомъ. Но пусть же читатель выслушаетъ отъ меня мнѣніе человѣка, который страстно интересуется вопросами общежитія и людской солидарности и съ этой высшей, по его понятіямъ, точки зрѣнія разсматриваетъ игру различныхъ пружинъ въ психическомъ механизмѣ современнаго человѣчества.

Знаете, дорогіе читатели и читательницы, какое чувство всплыло у меня наверхъ подъ свѣжій впечатлѣніемъ драмы? Искренняя братская жалость къ людямъ, создавшимъ себѣ тотъ самый адъ, въ которомъ они терзаются!.. Оставимъ въ сторонѣ кузину Бернара, дѣйствующую исключительно по расчету. Но прочія всѣ лица являются и попеременно, и сразу взаимными палачами и жертвами на почвѣ личныхъ страстей и аффектовъ. Не буду спорить насчетъ того, что чуткія и деликатныя — по теперешнимъ воззрѣніямъ — сердца возмущаются тѣмъ ужаснымъ, хотя и полусознательнымъ эгоизмомъ, какой проявляютъ въ своей любви Раймондъ и Луизетта. Даже и съ эстетической точки зрѣнія некрасиво выходитъ, что въ тотъ самый моментъ, когда невѣрная жена разстается съ жизнію и со всѣми близкими людьми, ея мысль исключительно направляется въ сторону ея любовника: снова забыта дочь, которая неповинна въ несчастіи; снова забытъ мужъ, который до сихъ поръ любитъ ее и у котораго она старается вырвать позволеніе проститься съ человѣкомъ, разбившимъ счастье этого мужа. Самый видъ той кровати, на которой лежитъ умирающая, стараясь по-прежнему страстно охватить, — увы, слабѣющими руками, — своего милаго, самый этотъ видъ производитъ какое-то отталкивающее впечатлѣніе: вѣдь, это не прежнія свиданія на берегу моря, когда, опьяненные страстію, оба любовника такъ же мало думали о чемъ-либо, кромѣ самихъ себя, какъ левъ и львица, сошедшіеся для ночного радеву

въ горахъ Атласа; при послѣднемъ свиданіи это былъ не дуэтъ, а зловѣщее тріо, въ которомъ участвовала Смерть...

И, однако, и, однако, написалъ я это, и уже сомнѣніе начинается вкрадываться въ мысль: не черезчуръ-ли строго отнесся я къ влюбленнымъ, и не въ самый-ли моментъ послѣдняго разставанья, который коробитъ наши рутинныя эстетическія понятія, ихъ взаимное зоологическое тяготѣніе принимаетъ наиболѣе человѣчныя формы? Что осталось отъ прежней цвѣтущей Луизетты, этого молодого и здороваго существа, которое наивно признавалось, что чувствуетъ лишь счастье любви и—очень мало угрызений? Съ другой стороны, надо умышленно закрывать глаза, чтобы не видѣть, что преобладающей чертой ихъ любви была физическая страсть, и одно сомнѣніе смѣняется другимъ: не возмутительны-ли, однако, оба эти человѣка, которые изъ-за животнаго акта безжалостно разбиваютъ счастье близкихъ людей? Но тутъ вопросъ усложняется: приставляйте, если хотите, къ этому «акту» самый рѣзкій эпитетъ, чтобы уже однимъ этимъ занести его въ разрядъ низменныхъ проявленій человѣческаго организма,—вы не вычеркнете его изъ современной жизни, мало того, вы будете вынуждены сознаться, что онъ до сихъ поръ играетъ въ человѣческой психологіи огромную роль, и зачастую въ своей зоологической, еле-еле украшенной поэзіей, формѣ. Возьмите нѣсколько величайшихъ произведеній художественнаго творчества, рисующихъ безумную любовь, любовь—страсть, которая разбиваетъ социальныя и прочія преграды, и, не смотря на разность эпохъ, вы увидите, что эти цвѣты поэзіи прикрываютъ сплошь и рядомъ статую Приапа который считался недаромъ у римлянъ покровителемъ садовъ. Присмотритесь хотя бы къ Федрѣ, которая занимала воображеніе столькихъ поэтовъ. Вотъ вамъ Федра Эврипида, которую пожираетъ страсть къ пасынку своему, Ипполиту. Въ сопровожденіи своей кормилицы она выходитъ изъ дворца, тщетно стараясь избавиться отъ преслѣдующаго ее образа юноши, и изъ устъ ея льются жалобы:

«Поддержите мое тѣло, выпрямите мою голову; я чувствую слабость во всѣхъ сочлененіяхъ, подруги. Держите, рабыни, мои прекрасныя руки. Таготитъ меня этотъ покровъ на головѣ. (Къ кормилицѣ). Сними его, разбросай мои волосы по плечамъ» *).

Эта гордая и сильная женщина не находитъ себѣ мѣста и, — пусть мнѣ извинитъ читатель это классическое сравненіе, — живо напоминаетъ несчастную Іо въ «Скованномъ Прометей» Эсхила, Іо, превращенную въ корову и несущуюся по полямъ подъ жгучими уколами овода. Но вы хотите остановить меня здѣсь, хотите указать на идеальный элементъ въ любви Федры, у которой-де кормилица едва-едва успѣваетъ вырвать имя любимаго ею человѣка и которая произноситъ горячія тирады на-счетъ чести? Увы, его нѣтъ,

*) Hippol., стихъ 199—203.

этого идеального элемента! Не душевная красота Ипполита, не долгие разговоры съ нимъ вызвали любовь мачихи къ юношѣ: страсть вспыхнула сразу въ ея груди, какъ рассказываетъ о томъ сама Афродита:

«Увидѣвъ его (Ипполита), когда онъ пришелъ изъ дома Питея въ землю Пандіона для вѣнча и участія въ священнѣхъ мистеріяхъ, Федра, благородная супруга его отца, запылала въ сердцѣ страшною любовью благодаря моимъ стараніямъ» *).

А чтобы не оставалось сомнѣнія въ характерѣ этой любви, послушайте, какъ отвѣчаетъ сама Федра на вопросъ хора, который желаетъ знать, что кричитъ Ипполитъ во дворцѣ кормилицъ, ушедшей объясняться за госпожу юношѣ:

«Онъ ясно называетъ ее постыдной сводницей (τῇν κακὴν προμή-στριαν), предавшей ложе своего господина» **).

Но то была Федра языческая, Федра античнаго міра, гдѣ матеріальный элементъ несомнѣнно преобладалъ въ любви между двумя полами. Послушайте, однако, Федру изыскаго Расина, бывшаго искреннимъ католикомъ и создавшаго изъ древней царицы Трезены, по словамъ Шатобриана, типъ «христіанки, подвергшейся осужденію», типъ «грѣшницы, которая падаетъ живою въ руки Божества» ***). Что идеальнаго вы находите въ такой любви? Вотъ одинъ изъ разговоровъ Федры съ кормилицей:

„Едва я связала себя узами гименея съ сыномъ Эгея и когда, казалось бы, мое спокойствіе и мое счастье были обезпечены, Аѳины показали мнѣ моего гордаго врага. Я увидѣла его, я покраснѣла, я побѣднѣла при его видѣ; смятеніе овладѣло моею растерянной душой; мои глаза ничего не видѣли больше, я не могла говорить; я чувствовала, какъ все мое тѣло холодило и горѣло; я узнала Венеру и ея страшный пламень... Тщетно мои руки жгли ладанъ на алтаряхъ: въ то время, какъ уста мои призывали имя богини, я молилась Ипполиту; и безпрестанно видя его, я у самаго подножія возженныхъ мною алтарей приносила все въ жертву этому богу, котораго я не могла назвать. Я всюду старалась избѣгать его. О, верхъ злополучія! Мои глаза находили его въ чертахъ его отца. Наконецъ, я дерзнула возмутиться противъ самой себя: я напрыгла все свое мужество и стала преслѣдовать его. Чтобы изгнать врага, котораго я обожала, я притворилась злой и несправедливой мачихой. Я настаивала на его изгнаніи, и мои вѣчныя жалобы вырвали его изъ объятій отца. Я вздохнула свободнѣе... Увы, тщетныя предосторожности! Жестокая судьба! Самъ супругъ мой привелъ меня въ Трезену, и я увидѣла врага, котораго удалила: моя свѣжая рана сейчасъ же снова открылась. И теперь это уже не страсть, скрытая въ моихъ жилахъ: это сама богиня Венера, охватившая свою добычу. ****)

Обратите вниманіе не ея безумное признаніе Ипполиту, на слова: «узнай же Федру и ея всю любовную страсть (toute sa fureur): я

*) Ibid., ст. 24—28.

**) Ibid., ст. 589—590.

***) Chateaubriand, Génie du christianisme, 2-e partie, livre III, ch. III.

****) Phèdre, ст. 269—304, passim.

люблю» *); на грубо-матеріальныя картины счастья влюбленныхъ, которыя развертываетъ передъ ней ея ревнивое воображеніе, когда она узнаетъ, что Ипполитъ и Арикія любятъ другъ друга: «Какъ они видѣлись (обращается она къ кормилицѣ)?.. Почему же ты ничего не сказала мнѣ объ ихъ страсти, которой они предавались украдкой? Что же, ихъ часто видѣли разговаривающими, ищущими другъ друга? Убѣгали ли они въ глубь лѣса, чтобы укрыться тамъ?» **) и т. д.

И если бы я не былъ ограниченъ предѣлами журнальной статьи, я могъ бы привести длинный рядъ художественныхъ, даже идеализированныхъ типовъ, у которыхъ половая страсть чуть ли не цѣликомъ покрываетъ понятіе любви. Словомъ, легко громить низменный эгоизмъ героевъ и героинь, которымъ занавѣска алькова мѣшаетъ видѣть широкій міръ Божій, не говоря уже о страданіяхъ близкихъ людей. Но болѣе человѣчно и болѣе научно даже, если хотите, жалѣть этихъ жертвъ Афродиты.

Въ пьесѣ Гинона конецъ возмущилъ часть публики и немало драматическихъ критиковъ: какъ, мужъ позволяетъ находиться у смертнаго ложа жены ея любовнику? да это—тряпка. это знаменитый типъ «прибитаго и довольнаго» супруга, изображеннаго Боккаціо, это въ нѣкоторомъ родѣ ренегатъ и бѣглецъ изъ рядовъ «людей порядка», отстаивающихъ законъ и нравственность! Думаю, что русскій читатель, отнесется къ пьесѣ проще и человѣчнѣе. И, именно, этотъ актъ прощенія указываетъ, что широкіе идеалы гуманности врываются все больше и больше во французскій театръ, до сихъ поръ слишкомъ сильно отражавшій на себѣ взгляды господствующихъ классовъ. Не безъ борьбы, не безъ колебанія соглашается подавленный горемъ Бернаръ на просьбу г-жи Тальвандъ допустить ея сына къ умирающей,—и кто изъ насъ, людей, живущихъ среди воззрѣній современнаго строя, съ легкимъ сердцемъ дастъ такое согласіе? Но все же Раймондъ въ концѣ концовъ можетъ проститься съ женщиной, рѣшавшейся бросить изъ-за него все на свѣтѣ. Бернаръ видѣлъ, какая черта преобладала въ отношеніяхъ Раймонда и Луизетты,—не забудемъ, что онъ слышалъ изъ сосѣдней комнаты безумный разговоръ своей жены съ любовникомъ, который окончательно уговорилъ ее бѣжать съ нимъ перспективой «спать и просыпаться на его груди». И чувство мужа, менѣе жгучее, но болѣе прочное и серьезное, не могло-ли ему подсказать, что, прощая влюбленнымъ ихъ свирѣпый эгоизмъ плоти, онъ въ сущности предастъ забвенію физическую «измѣну» любимой имъ женщины, т. е. ту ея сторону, гдѣ она была болѣе звѣремъ, чѣмъ человѣкомъ?

Полагаю, что, какъ бы ни были остры приступы физической

*) Ibid., ст. 672—673.

**) Ibid., ст. 1231—1236.

ревности у современнаго человѣка, развитая личность справится скорѣе съ ними, чѣмъ съ той идеальной измѣной любимаго существа, которая переноситъ духовный центръ тяжести на третье лицо и въ немъ заставляетъ видѣть солнце идейной жизни. Обратите вниманіе на слѣдующія строки, въ которыхъ, если и можно найти отголосокъ физической страсти, то отголосокъ, теряющійся въ идейномъ тяготѣніи къ человѣку.

„Я уважаю, я люблю своего мужа, какъ нѣжная дочь обожаетъ своего добродѣтельнаго отца, которому она принесла бы даже въ жертву своего возлюбленнаго; но я нашла человѣка, который могъ бы быть этимъ возлюбленнымъ, и хотя я осталась вѣрна своему супружескому долгу, моя искренность не могла скрыть чувствъ, которыя я подчиняла этому долгу. Мой мужъ, крайне чувствительный и въ своей любви, и въ своемъ самолюбіи, не могъ вынести мысли о самомъ ничтожномъ измѣненіи въ той идейной власти, которую онъ имѣлъ надо мной; его воображеніе приняло мрачный оттѣнокъ, его ревность стала раздражать меня; наше счастье далеко отлетѣло отъ насъ; онъ обожалъ меня, я приносила себя въ жертву ему, и мы были несчастны. Еслибы я была свободна, я слѣдовала бы по пятамъ за нимъ, чтобы уменьшить его страданія и утѣшить его старость; душа, подобная моей, не оставляетъ жертвы неоконченной. Но Роланъ огорчился при мысли о жертвѣ, и сознаніе того, что я приношу ему такую, разрушаетъ его счастье; онъ страдаетъ отъ того, что принимаетъ жертву, и въ то же время не можетъ обойтись безъ нея“ *).

Тріо, психическія отношенія котораго изображены здѣсь, принадлежатъ къ категоріи далеко не банальныхъ людей: жена, пишущая эти строки,—знаменитая г-жа Роланъ, «единственный мужчина Жиронды», какъ говорили о ней; мужъ ея—нѣсколько педантичный, но очень почтенный дѣятель революціи; человѣкъ, къ которому шли мечты г-жи Роланъ,—сумрачный, но героическій Бюзо. Вотъ вамъ чистая любовь, любовь безъ физическаго «неизгладимаго отпечатка», о которомъ говоритъ Леметръ: легче-ли отъ того старому Ролану, который столь долгое время былъ лучшимъ товарищемъ, идейнымъ другомъ жены? И, однако, именно въ этомъ направленіи должна быть совершена душевная работа развитого человѣка, чтобы и физическая, и идейная ревность къ данному лицу растворилась въ менѣе интенсивномъ, можетъ быть, но болѣе широкомъ чувствѣ общечеловѣческой солидарности...

Н. К.

---

*) *Mémoires de Madame Roland écrits durant sa captivité*; Paris, 1864, т. II изданія Faugère, стр. 236—237.

Изъ Германіи.

На картѣ послѣднихъ имперскихъ выборовъ 1893 года, составленной официальнымъ статистическимъ бюро, цѣлый рядъ выборныхъ округовъ Баваріи окрашенъ въ сѣрую краску, а въ помѣщенной внизу таблицѣ политическихъ партій соответственная сѣрая клѣтка означена словомъ «неопредѣленно». Статистики «имперскаго бюро» въ Берлинѣ были, очевидно, очень плохо освѣдомлены на счетъ политическихъ явленій второго по величинѣ союзнаго государства Германіи. Сѣрая краска на выборной картѣ, не смотря на свою новизну, отражала тѣмъ не менѣе вполне «опредѣленные» факты государственной жизни: она свидѣтельствовала первое выступленіе крестьянскаго сословія на аренѣ активной общественно-политической дѣятельности. Это выступленіе было первымъ рѣшительнымъ отказомъ отъ стародавней опеки буржуазныхъ партій, и его успѣхъ достаточно характеризуется тѣмъ, что чисто крестьянскіе кандидаты съ перваго же раза сумѣли собрать около себя 8,3% всѣхъ поданныхъ голосовъ при выборахъ въ баварскій ландтагъ и 11% голосовъ, поданныхъ при выборахъ въ германскій рейхстагъ.

Главнымъ центромъ крестьянскаго движенія въ Германіи продолжаетъ оставаться Баварія, хотя, какъ мы увидимъ ниже, и на сѣверѣ въ послѣднее время все болѣе пробуждается сомнѣніе въ тождествѣ аграрныхъ и крестьянскихъ интересовъ. Возникновеніе же движенія впервые среди баварскихъ крестьянъ объясняется тѣмъ простымъ фактомъ, что Баварія есть по преимуществу крестьянская страна. Въ настоящей статьѣ мы не можемъ входить въ подробное разсмотрѣніе причинъ любопытнаго явленія: почему восточная Пруссія сдѣлалась страной крупнаго землевладѣнія, а въ Баваріи сохранилось мелкое крестьянское владѣніе. Здѣсь можно лишь указать, что причины эти лежатъ, во-первыхъ, въ аграрной политикѣ, предшествовавшей крестьянскому освобожденію, и, во-вторыхъ, въ самихъ условіяхъ, на которыхъ совершилось освобожденіе крестьянъ въ Пруссіи и Баваріи. До начала эпохи освобожденія земельная собственность въ Баваріи была распределѣна такъ, что около 56% всѣхъ крестьянскихъ дворовъ находилось въ рукахъ духовенства. Фактъ сосредоточенія земельной собственности въ рукахъ духовенства имѣлъ ту хорошую сторону, что ослаблялъ силу баварской знати по отношенію къ баварскимъ князьямъ. Крестьянская земля, отошедшая въ пользу церквей и монастырей, хотя и закрѣпляла за духовенствомъ цѣлый рядъ крестьянскихъ поколѣній, но въ то же время ускользала отъ сосредоточенія въ ру-

кахъ рыцарей и знати. Этой послѣдней принадлежало около 24% крестьянскихъ дворовъ, но ихъ разбросанность мѣшала образованію крупныхъ хозяйствъ. Кромѣ того слѣдуетъ имѣть въ виду еще одну особенность баварскаго законодательства. Уже съ 16-го столѣтія каждый неимущій человекъ считался подозрительнымъ, его опасались какъ бродяги, живущаго однимъ разбоемъ. Дворяне между тѣмъ охотно дробили крестьянскіе дворы, чтобы селить на нихъ безземельныхъ поденщиковъ и создавать для себя необходимую рабочую силу. Противъ такого дробленія направлено было законодательство 16-го и 17-го вѣка, а послѣдствіемъ законодательныхъ мѣръ въ указанномъ направленіи былъ недостатокъ рабочихъ рукъ, необходимыхъ для веденія крупнаго, хозяйства. Въ восточной Пруссіи обстоятельства складывались иначе: здѣсь духовенство не имѣло той силы, что въ Баваріи; здѣсь командующимъ классомъ было юнкерство, въ угоду которому бранденбургскіе курфюрсты и князья смотрѣли сквозь пальцы на процессъ постепеннаго исчезновенія крестьянскаго сословія. Вторая половина 18-го вѣка была временемъ наиболѣе сильнаго проявленія этого процесса, извѣстнаго въ исторіи подъ именемъ Bauernlegen. Переписи 1882 и 1895 годовъ не нашли здѣсь почти никакихъ слѣдовъ настоящаго крестьянства.

Если мы затѣмъ сравнимъ условія крестьянскаго освобожденія въ Пруссіи и Баваріи, то на сторонѣ послѣдней окажется большое преимущество, заключающееся въ томъ, что она не знаетъ принципа выкупа путемъ уступки земли; что натуральныя и прочія тягости, подлежавшія въ Пруссіи выкупу, здѣсь устранялись безъ всякаго вознагражденія; что, наконецъ, тамъ, гдѣ прусскій крестьянинъ обязывался къ внесенію 25 долей долговой ренты, баварскій долженъ былъ внести только 18 долей. Для облегченія выкупа государство приняло на себя обязательство вознагражденія помѣщиковъ, взамѣнъ чего взыскиваетъ теперь выкупныя суммы съ самихъ крестьянъ въ видѣ особыхъ четырехъ-процентныхъ выкупныхъ платежей. Эта процедура, извѣстная подъ именемъ Bodenzinse, продолжится еще до 1934 года, когда наконецъ исчезнутъ послѣдніе слѣды крѣпостного состоянія.

Различіе въ распредѣленіи земельной собственности на сѣверѣ и югѣ Германіи ясно будетъ изъ слѣдующихъ данныхъ, добытыхъ послѣдними переписями 1882 и 1895 годовъ. Изъ всей земли, находящейся въ сельско-хозяйственной обработкѣ, на долю крупнаго землевладѣнія, т. е. на долю участковъ свыше 100 гектаровъ, въ Силезіи приходится 34,5%, въ Бранденбургѣ 36,3, Восточной Пруссіи 38,6, Западной Пруссіи 47,1, Познани 55,3, Помераніи 57,4, въ шести восточныхъ провинціяхъ вмѣстѣ—44,5%. Въ противоположность къ этому, въ Баваріи изъ 681,521 землевладѣльческихъ хозяйствъ только 594, слѣдовательно всего 2,3%, находится въ рукахъ крупнаго землевладѣнія. Изъ означеннаго числа хозяйствъ Баваріи на долю тѣхъ, что измѣряются менѣе чѣмъ гек-

таромъ *), приходится 25,5⁰/₀; участки въ 1—2 гект. составляютъ 13⁰/₀; участки въ 2—5 гект.—24,3⁰/₀; участки въ 5—10 гект.—17,8⁰/₀; участки въ 10—20 гект.—12,7⁰/₀; участки въ 20—50 гект.—6,1⁰/₀; участки въ 50—100 гект.—0,5⁰/₀; свыше 100 гект.—только 0,1⁰/₀. Такимъ образомъ характеръ сельскаго хозяйства въ Баваріи по преимуществу крестьянскій, причемъ 80%, или ⁴/₅ всѣхъ хозяйствъ приходится на долю мелкихъ и самыхъ мелкихъ, изъ остальныхъ 20%. болѣе половины (12,7%) владѣній размѣрами 10—20 гект. не выходятъ за предѣлы скромной хозяйственной самостоятельности. Баварія представляетъ среди союзныхъ государствъ страну, въ которой наибольшая часть народа живетъ на счетъ сельскаго хозяйства, т. е. хлѣбопашества, скотоводства и лѣсоводства. Не смотря на глубокія перемены въ общественно-хозяйственной жизни, обнаруженныя переписью 1895 года, сельско-хозяйственная промышленность все еще составляетъ главную сферу промысловой дѣятельности приблизительно половины баварскаго народа: ею занято 46,4% населенія, тогда какъ только 28⁰/₀, занято въ фабрично-заводскомъ дѣлѣ, 8,5⁰/₀—въ торговлѣ и транспортныхъ предпріятіяхъ, 1⁰/₀ въ домашнемъ и 5,3⁰/₀ въ общественномъ хозяйствѣ; у 18,8 не означенъ родъ дѣятельности. Сверхъ того, значительная часть населенія занимается сельскимъ хозяйствомъ какъ подспорнымъ дѣломъ. Все это въ совокупности достаточно указываетъ, какимъ важнымъ факторомъ сельское хозяйство является въ жизни баварскаго народа и какое сильное вліяніе оказываетъ оно на ходъ государственной дѣятельности.

Быстрое развитіе индустріи, торговли и обращенія не могли между тѣмъ не отразиться и на баварскомъ сельскомъ хозяйствѣ, подпавшемъ вліянію иностранной конкуренціи и всемірнаго рынка. Послѣдствіемъ этого явились упадокъ доходности земель и ростъ земельной задолженности. Ипотечные долги, лежащіе на баварскомъ сельскомъ хозяйствѣ, по умѣренному расчету измѣряются 1¹/₂ миллиардами марокъ, 60 милл. м. процентовъ подлежатъ ежегодной уплатѣ. Такъ какъ чистый доходъ сельско-хозяйственнаго производства опредѣляется въ 250 милл. марокъ, то почти цѣлая четверть этого дохода уходитъ на проценты по долгу. Задолженность изъ года въ годъ растетъ.

При такихъ условіяхъ неудивительно, что жалобы и требованія со стороны крестьянъ становятся все явственнѣе, — и все настойчивѣе привлекаютъ къ себѣ всеобщее вниманіе. Въ прежнее время можно было говорить о крестьянской политикѣ развѣ въ томъ смыслѣ, что партія центра опиралась исключительно на крестьянскія массы, интересы которыхъ и должна была отстаивать въ рейхстагѣ и ландтагахъ. Эта партія фактически жила милостію крестьянъ.

*) Баварская мѣра земли называется Tagwerk (Tag—день; Werk—дѣло); 1 гектаръ—2,9 тагверкамъ.

янства. Либерализмъ съ давнихъ поръ черпалъ свои силы изъ иждрь городской буржуазіи; консервативная партія «представляла» зависимый отъ нея классъ сельской прислуги и сельскихъ рабочихъ, а социаль-демократія—фабрично-заводской пролетаріатъ. Центръ же, опираясь на сельское населеніе католическихъ странъ, выдаетъ себя по преимуществу печальникомъ крестьянства. Но парламентская практика этой партіи далеко не отвѣчала тѣмъ обѣщаніямъ, какія давались въ пылу избирательной агитаціи. Какъ только кончалась избирательная горячка и господа депутаты, вдали отъ глазъ народа, становились лицомъ къ лицу съ высшими сферами, такъ тотчасъ начинались такъ назыв. *Umfälle*, т. е. предательство интересовъ избирателей, или извѣстный въ парламентскомъ нарѣчій—*Kuhhandel*, т. е. торгъ и продажа голосовъ за какія-либо уступки правительства въ угоду ультрамонтанизма. Эта практика предательства насущныхъ интересовъ народа въ пользу усиленія власти католической церкви открыла, наконецъ, глаза избирателямъ, и могущественная нынѣ партія начинаетъ чувствовать подъ собою колебаніе почвы. Первоначально политически безучастная и своей неподвижностью служившая твердой опорой господствующему порядку крестьянская масса начинаетъ теперь задумываться надъ своимъ положеніемъ, надъ его связью съ общимъ характеромъ государственныхъ и общественныхъ отношеній, а также и надъ тѣмъ, какъ усилить свое непосредственное вліяніе на ходъ государственной жизни. Само собою разумѣется, что крестьяне въ новой для нихъ области политики не всегда попадаютъ на вѣрную дорогу. Ихъ незнакомствомъ съ веденіемъ общественныхъ дѣлъ, ихъ неопытностью въ партійномъ искусствѣ злоупотребляютъ часто или политическіе честолюбцы, или ихъ старые опекуны, способные пустить пыль въ глаза какимъ-нибудь магическимъ средствомъ, вродѣ пресловутаго плана графа Кавица и т. п. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что прусскому «союзу сельскихъ хозяевъ» удалось забросить свои сѣти даже въ среду баварскихъ крестьянъ и породить въ нихъ иллюзіи, которыя лишь постепенно уступаютъ мѣсто реальнымъ стремленіямъ.

Баварскій крестьянинъ пользуется репутаціей человѣка, у котораго, что называется, своя голова на плечахъ, или, какъ выражаются баварцы, свой собственный черепъ—*sein eigener Schädel*. Въ прежніе годы, до тѣхъ поръ пока «культурная борьба» не наводила Баварію особаго сорта пасторами-подстрекателями, адѣшній крестьянинъ жилъ въ ладу со своимъ батюшкой, который, хоть и не блисталъ широкимъ образованіемъ, но за то самъ большей частью выходилъ изъ народа и отличался извѣстнымъ демократическимъ добродушіемъ. Баварецъ шелъ, когда слѣдовало, въ церковь, въ своихъ нравахъ былъ либераленъ и отъ своего духовнаго отца легко получалъ отпущеніе грѣховъ. Присоединеніе къ имперіи, вызвавшее колоссальный ростъ крупнаго капитала, индустріи,—

баварскому крестьянину принесло лишь одни убытки. Таможенные перегородки, охранявшія его замкнутость, пали, устойчивости внутреннего рынка наступилъ конецъ. Взаимъ того явился расцвѣтъ милитаризма, требовавшій отъ народа его лучшіе соки, налагавшій на него все большія тягости. Прусскій духъ далъ себя чувствовать. Баварское правительство, не смотря на сохраненныя за Баваріей «резерватныя права» (армія, почта, желѣзныя дороги), стало прислушиваться къ голосу Берлина. Проникновеніе бездушной бюрократіи во всѣ сферы управленія, казарменный тонъ и прусская «развязность» окрасили нравы полиціи и юстиціи,—таковы были ближайшіе результаты благословеннаго единства. Подъ ихъ вліяніемъ у баварскаго народа стала развиваться непріязнь ко всему, что отдавало прусской гегемоніей; баварское крестьянство, болѣе чѣмъ какой либо другой классъ, проникнуто антипрускимъ, партикуляристическимъ характеромъ.

Элементы для движенія были такимъ образомъ на лицо. Въ округахъ съ разсѣяннымъ крестьянскимъ населеніемъ большая часть этихъ элементовъ собралась уже около знамени рабочей партіи. Въ Нижней же Баваріи, съ подавляющимъ католическимъ и крестьянскимъ населеніемъ, традиціи ультрамонтанства были еще такъ прочны, что требовались десятки лѣтъ напряженной публицистической и агитаціонной работы, что-бы создать организованное и самостоятельное крестьянское движеніе. Эта работа легла почти всецѣло на извѣстнаго нынѣ депутата отъ Баваріи въ рейхстагъ и издателя-редактора небольшой газеты «Баварское Отечество». (Bayerisches Vaterland)—д-ра Зигля. Установившаяся за нимъ кличка «пруссоеда» (Pressenfresser) въ сущности не исчерпываетъ характеристики этого во многихъ отношеніяхъ замѣчательнаго человѣка. Кто слышалъ его рѣчи въ рейхстагъ и на собраніяхъ, кто читалъ его газету,—для того ясно, что онъ имѣетъ дѣло съ оригинальной личностью, въ которой какъ въ фокусѣ сконцентрировались всѣ особенности его родного народа и который не дрогнулъ бы сложить голову за свои убѣжденія, какъ это и грозило ему въ эпоху франко-прусской войны за его «сепаратистскія стремленія». Самъ родомъ изъ Нижней Баваріи, онъ, какъ никто лучше, зналъ весь моральный и духовный складъ своихъ земляковъ, сообразно съ которымъ и ковалъ свои агитаціонныя стрѣлы. Языкомъ, не оставлявшимъ ничего болѣе желать по части рѣзкости и остроумія, своей виртуозной, а подчасъ и очень курьезной логикой, онъ такъ ловко приспособлялся къ ходу крестьянской мысли, что долгіе годы подрядъ онъ былъ незамѣнимымъ и обоготворяемымъ ораторомъ нижнебаварскаго крестьянства. Здѣсь неустанно слышенъ былъ его голосъ противъ патріотовъ партіи центра, противъ единой имперіи, противъ Пруссіи, бюрократіи и милитаризма. Деревенское духовенство стараго покроя поддерживало его своимъ сотрудничествомъ въ «Баварскомъ Отеествѣ», своей агитаціей въ пользу распрост-

раненія его газеты въ народѣ и пр. Если такимъ образомъ въ Нижней Баваріи, раньше чѣмъ гдѣ бы то ни было, крестьяне стали тѣсно спланиваться другъ съ другомъ и на свой страхъ дѣлать «собственную политику», то это есть по преимуществу заслуга д-ра Зигли, его необыкновенной въ своемъ родѣ газетной и устной агитаціи.

Крестьянское движеніе въ строгомъ смыслѣ слова началось собственно въ началѣ 1893 года, слѣдовательно почти одновременно съ возникновеніемъ аграрнаго движенія прусскихъ Junkersъ и съ попытками агентовъ «союза сельскихъ хозяевъ» вербовать для себя сторонниковъ въ южной Германіи. Въ мартѣ 1893 года было созвано въ нижнебаварскомъ городѣ Страубингѣ собраніе сельскихъ хозяевъ отъ имени прусскаго «союза». Рѣчь явившагося оратора, хотя и встрѣчена была съ большимъ одобреніемъ, но вопросъ о присоединеніи къ «союзу сельскихъ хозяевъ» былъ разрѣшенъ отрицательно. Тенденція большинства склонялась къ тому, чтобы не присоединяться отнынѣ ни къ какой изъ существующихъ политическихъ партій, а основать самостоятельный «нижнебаварскій крестьянскій союзъ». На первыхъ же двухъ-трехъ крестьянскихъ собраніяхъ, слѣдовавшихъ одно за другимъ, съ элементарной силой прорвался накопленный протестъ противъ традиционныхъ фразъ всякаго рода благодѣтелей и утѣшителей. Одинъ изъ главныхъ теперешнихъ крестьянскихъ вожakovъ, сельскій хозяинъ Виландъ заявлялъ тогда: «Нѣтъ, пускай господинъ прелатъ не пытается пускать намъ пылъ въ глаза и рассказывать разныя сказки... Новая имперская политика да гибкая совѣсть партіи центра, да торговые договоры, да податныя тягости,—вотъ что виной въ нашей крестьянской нуждѣ. Господинъ прелатъ рассказываетъ старыя исторіи про то, что религія въ опасности. Не правда!.. Крестьяне по прежнему добрые католики. Другое дѣло—существованіе наше въ опасности, потому что за насъ никто путемъ заступиться не хочетъ. Ладно, мы на будущее время станемъ выбирать людей, которые по иному заговорятъ. Наша партія отнынѣ «крестьянскій союзъ». Не надо намъ въ депутаты нѣ графовъ, ни чиновниковъ, ни профессоровъ; наши депутаты крестьяне. Отнынѣ нашъ лозунгъ: самосохраненіе и единеніе!»

Тутъ случился депутатъ ландтага и пытался взять подъ свою защиту партію центра. «Съ болью въ сердцѣ закликаю я васъ: оставьте свою политику. Всякій депутатъ долженъ принадлежать къ какой-нибудь партіи, иначе онъ не знаетъ, что ему дѣлать и о чемъ идти рѣчь!»...

— Центръ—это лучшая партія!—продолжаетъ депутатъ.

— Не лучшая!—слышится снова голосъ изъ собранія—а самая ручная, потому что ѣсть прямо «изъ руки» прусскаго правительства... Баварцами хотимъ мы быть!

— Я прошу васъ указать тѣ случаи, когда центръ не исполнилъ своего долга...

— Военные законопроекты, поблажки министрамъ, торговые договоры!..

— Въ этомъ виноваты либералы!—умоляетъ депутатъ.

— А вы съ ними за одно голосовали!—слышится неумолимый отвѣтъ собранія.

Первый ораторъ, Виландъ, заявляетъ въ заключеніе, что когда въ парламентахъ наберется достаточно крестьянскихъ депутатовъ, тогда они сами образуютъ свою фракцію. «Это-то и будетъ настоящая фракція крестьянскаго союза».—прибавилъ онъ. «А то взять бы хоть нашего крестьянскаго представителя графа Прайзинга: онъ за все что угодно голосовалъ, только не за то, что намъ желательно. Нѣтъ, съ этими графами, баронами да профессорами мало толку: они не держатъ слова и все одно что вѣтранныя мельницы».

По приведеннымъ въ этихъ діалогахъ образцамъ можно получить представленіе о томъ до грубости рѣшительномъ тонѣ, какой царилъ на крестьянскихъ собраніяхъ. Въ этомъ же тонѣ продолжалась неутомимая агитація, охватившая весь нижнебаварскій округъ королевства. Первоначально движеніе не имѣло прочной программы. Во всѣхъ собраніяхъ борьба противъ центра велась съ такимъ ожесточеніемъ, что чѣмъ дальше, тѣмъ все рѣже стали показываться на аренѣ крестьянской агитаціи въ конецъ запуганные «черные братья». Во главѣ движенія уже съ самаго начала стали Виландъ да еще провинціальный врачъ Гехъ, не уступавшій своей рѣзкостью прочимъ агитаторамъ «крестьянскаго союза».

Баварія находилась наканунѣ выборовъ въ баварскій ландтагъ. Повсюду шли приготовленія, какъ внезапно пришла вѣсть о распусценіи рейхстага, послѣдовавшемъ въ маѣ 1893 года изъ за военнаго законопроекта. Едва сложившійся «крестьянскій союзъ» вынужденъ былъ такимъ образомъ ринуться въ избирательную борьбу на два фронта... Во всѣхъ шести избирательныхъ округахъ Нижней Баваріи союзъ выставилъ по кандидату и избирательномъ воззваніи формулировалъ общій характеръ своихъ стремленій.

Въ духѣ этого воззванія по всей Нижней Баваріи загорѣлась еще неслыханная до того агитаціонная работа. Д-ръ Зигль, хотя и не совсѣмъ сходилъ съ «крестьянскимъ союзомъ», былъ однако, въ виду его заслугъ и популярности, выставленъ въ числѣ крестьянскихъ кандидатовъ. При первомъ же натискѣ, 15 іюня 1893 года, три кандидата изъ шести, въ томъ числѣ и д-ръ Зигль, прошли въ рейхстагъ. Въ однихъ нижнебаварскихъ округахъ крестьянскіе кандидаты собрали около себя 40,951 голосовъ, которые естественнымъ образомъ потерялъ центръ и которые для едва сформировавшагося союза означали громадный успѣхъ. Это было хорошее предзнаменованіе для предстоявшихъ выборовъ въ ландтагъ. Вскорѣ послѣ имперскихъ выборовъ, 23 іюня 1893 года, было созвано въ извѣстный уже намъ Страубингъ собраніе крестьянъ и мѣщанъ, чтобы установить свое поведеніе при выборахъ и выработать воз-

звание ко всему среднему сословию Н. Бавария. Комитетъ «Союза» воспользовался этимъ случаемъ, чтобы предъявить наконецъ собранію и болѣе или менѣе опредѣленную программу. Я не стану перечислять здѣсь всѣ 15 параграфовъ программы, отмѣчу лишь наиболѣе важные пункты ея. Они требовали: — измѣненія поземельнаго, промысловаго и домового налоговъ и введенія прогрессивной подоходной подати; передачи въ руки государства ипотечнаго кредита, страхованія скота и движимостей; пересмотра лѣсныхъ законовъ; облегченія сельскихъ тягостей по призрѣнію бѣдныхъ; передачи въ руки государства народныхъ школъ въ цѣляхъ облегченія тягостей общины; большей бережливости въ государственномъ хозяйствѣ; учрежденія сельско-хозяйственныхъ палатъ; закупки необходимыхъ для баварской арміи лошадей и фуража непосредственно у крестьянъ и скотоводовъ и т. п. Къ этому присоединились еще нѣкоторые требованія общаго политическаго характера.

Въ іюлѣ 1893 года были назначены выборы въ баварскій ландтагъ. Восемь кандидатовъ «крестьянскаго союза» вышли побѣдительно изъ борьбы, но въ одномъ изъ нихъ избиратели должны были немедленно разочароваться. Это былъ нѣкій бургомистръ Пеннъ, который во время выборовъ совершенно отказывался отъ партіи центра, а какъ только попалъ въ парламентъ, тотчасъ же присоединился къ ней на условіяхъ полноправнаго члена. Что оставалось дѣлать съ такимъ измѣнникомъ? Ничего другого, какъ публично лишить его довѣрія крестьянъ, — что и было исполнено на особомъ народномъ собраніи. Этотъ случай не былъ, впрочемъ, единственнымъ.

Какъ-бы то ни было, но въ этомъ году впервые появились въ баварскомъ ландтагѣ и германскомъ рейхстагѣ непосредственные представители «крестьянскаго союза», — въ рейхстагѣ подъ руководствомъ д-ра Зигля, въ ландтагѣ подъ руководствомъ д-ра Рацингера. По отношенію къ баварскому ландтагу это событіе было тѣмъ знаменательнѣе, что въ томъ-же 1893 году вмѣстѣ съ крестьянскими депутатами въ него проникли въ первый разъ и пять социал-демократовъ. Отъ появленія крестьянскихъ депутатовъ въ ландтагѣ было, впрочемъ, на первыхъ порахъ мало практической пользы, потому что этой новой фракціи не доставало единства и систематически обдуманной тактики. Д-ръ Рацингеръ безусловно выдающаяся личность, съ широкимъ философскимъ и историческимъ образованіемъ, съ рѣдкимъ по своей искренности и убѣдительности даромъ слова. Въ этомъ отношеніи онъ могъ стоять во главѣ и гораздо болѣе крупной партіи, чѣмъ тѣ шесть душъ наивной деревенщины, которыя отнюдь не подготовлены были для парламентской карьеры. Въ началѣ еще шло все ладно. Д-ръ Рацингеръ, обосновывая предложенный имъ адресъ королю, замѣчалъ между прочимъ: «Я стремлюсь къ выясненію широкихъ цѣлей нами намѣченныхъ... Тѣ слои населенія, которые въ

подвальныхъ этажахъ влчатъ жалкое существованіе, тѣ слои народа, изъ хижинъ которыхъ выглядываетъ горькая нищета, — эти слои ожидаютъ отъ насъ, что мы развернемъ знамя широкихъ принциповъ и постараемся создать въ странѣ лучший порядокъ вещей...» Одновременно съ этимъ онъ сдѣлалъ запросъ правительству, что оно намѣрено предпринять для предотвращенія дальнѣйшаго задолжанія крестьянства и его послѣдствій... «Мы желаемъ — замѣтилъ онъ — поставить крестьянское движеніе на совершенно инныя основанія, чѣмъ тѣ, которыми руководятся сѣверо-германскіе аграріи; мы желаемъ общее благо поставить цѣлью нашихъ стремленій и тѣмъ самымъ поставить крестьянское движеніе на нравственныя основанія...» Но въ этомъ безусловно даровитомъ и умномъ человѣкѣ были еще живы начала, заложенные въ немъ въ пору его подготовки къ духовной карьерѣ католическаго пастора, — и понятно, что, не смотря на свою оппозицію реакціонному большинству ландтага, онъ нерѣдко погружался въ дебри ультрамонтанства, съ которымъ, вообще говоря, жестоко воевалъ. При такихъ условіяхъ трудно было ожидать мирной и солидарной дѣятельности. Комитетъ «крестьянскаго союза», ревниво слѣдившій за поведеніемъ своихъ депутатовъ, обратилъ вниманіе д-ра Рацингера не то, что, согласно статутамъ союза, депутаты обязаны сносятся съ комитетомъ по всѣмъ вопросамъ, возникающимъ въ парламентѣ. Своевольный докторъ отвѣтилъ, что не признаетъ такой диктатуры, и выступилъ изъ союза и изъ фракціи. Этотъ фактъ имѣлъ роковое значеніе на ближайшія судьбы еще не окрѣпшаго крестьянскаго движенія, расколовъ его на враждующія между собою радикальную и клерикальную группы.

Тѣмъ временемъ дѣятельная агитація Виланда, Геха и др. не ослабѣвала. Они неустанно разъѣзжали по всей Нижней Баваріи, созывая собраніе за собраніемъ, организовали новыя секціи, и въ своей газетѣ «Нижнебаварскій Указатель» вели съ партіей центра непримиримую полемику. Всеобщее возбужденіе, вызванное обсужденіемъ въ рейхстагѣ извѣстной «Umsturzvorlage», усилило и крестьянскую агитацію, въ которой слышался самый рѣшительный протестъ противъ реакціоннаго законопроекта. Этотъ всеобщій протестъ послужилъ даже до извѣстной степени новымъ примирительнымъ элементомъ для враждовавшихъ группъ.

Настоятельной потребностью въ примиреніи воспользовалась крестьянская группа, предводимая представителемъ столь очерченного крестьянами сословія бароновъ — франконскимъ барономъ Тюнгеномъ, тѣмъ самымъ, который прославился оскорбленіемъ бывшаго канцлера графа Каприви. Это была не добрая слава грубаго аграрія на счетъ безусловно благороднаго джентельмена. Но прусскія власти имѣли неосторожность тащить баварскаго барона къ своему коронному суду, отымая тѣмъ самымъ у него возможность предстать предъ судомъ присяжныхъ, который въ Баваріи рассматри-

васть литературные процессы. Промах прусской администрации окружил таким образом барона своего рода ореолом мученичества...

Самъ по себѣ баронъ Тюнгенъ всего болѣе приближался къ тенденціямъ своихъ прусскихъ собратьевъ, юнкеровъ изъ «Союза сельскихъ хозяевъ». Отсюда и главными символами его аграрно-политическаго вѣроисповѣданія былъ проектъ Каница, биметализмъ и т. п. Агитационный опытъ барона и его безцеремонность въ обращеніи съ людьми и правдой, съ другой стороны—недостатокъ подходящихъ людей во франконской области,—помогли ему сдѣлаться вѣжакомъ. Тѣ же качества помогли ему воспользоваться броженіемъ и дрызгами въ Нижней Баваріи, гдѣ дѣйствительно печальное положеніе крестьянства сдѣлало его чувствительнымъ ко всякаго рода обѣщаніямъ. Въ партіи центра населеніе разочаровалось безповоротно и вздумало пытаться счастье на аграрныхъ планахъ Каница. Рядомъ съ этимъ шло безотчетное у всѣхъ желаніе объединиться, примириться—въ результатѣ получался союзъ на условіяхъ программы, заключавшей на ряду съ безусловно передовыми требованіями цѣлый рядъ требованій безусловно реакціонныхъ. Этотъ новый союзъ получилъ названіе «баварскаго крестьянскаго союза». Въ его программѣ, заключавшей упомянутые уже выше пункты, появились, подъ вліяніемъ Тюнгена, въ самомъ переднемъ углу основныя требованія прусскаго «Союза сельскихъ хозяевъ».

Мнѣ пришлось этимъ лѣтомъ побывать на генеральномъ собраніи делегатовъ объединеннаго крестьянскаго союза. Всего какихъ-нибудь полтора часа ѣзды отъ Мюнхена, и я очутился въ маленькомъ городкѣ Фрейзингѣ. Типичная баварская провинція съ признаками многовѣковой католической культуры. Отъ всего вѣетъ церковнымъ благолѣпіемъ. Неправильныя, изгибами тянущіяся улицы идутъ среди ряда домовъ, напоминающихъ базилики, монастыри и т. п. На каждомъ шагѣ—съ воротъ, изъ нишъ зданій—смотреть лики святыхъ, а на самомъ видномъ мѣстѣ городка, на высокомъ холмѣ возвышается громадный, точно крѣпостью окруженный замокъ-резиденція епископа... Старая культура не обнаруживаетъ однако нетерпимости по отношенію къ новой. Благодаря этому, мы встрѣчаемъ здѣсь рядъ прекрасныхъ зданій для народныхъ и среднихъ школъ; видимъ несомнѣнные признаки такъ называемаго благоустройства по части сообщенія, снабженія водой, ассенизаціи; видимъ повсюду газовое освѣщеніе, частью уже замѣненное электричествомъ; не менѣе чѣмъ 10,000 населенія насчитываемъ, три газеты и пр. Обратимся однако къ генеральному собранію.

Болѣе ста делегатовъ отъ различныхъ секцій «баварскаго крестьянскаго Союза». Признаюсь, собраніе это въ общемъ на меня произвело мало утѣшительное впечатлѣніе, — въ особенности по сравненію съ тѣмъ крестьянскимъ собраніемъ верхней Баваріи, на ко-

торомъ я присутствовалъ за нѣсколько недѣль до собранія въ Фрей-
вингѣ и о которомъ упомяну еще ниже...

Делегаты въ большинствѣ казались мнѣ такъ называемыми у насъ хозяйственными мужичками. На ихъ лицахъ и въ ихъ наружномъ видѣ трудно было узнать столь горько оплакиваемую сельско-хозяйственную нужду. При ближайшемъ разспросѣ оказалось, что большинство изъ нихъ или владѣльцы мельницъ, или хозяева заведеній съ бакалейными и красными товарами, или содержатели деревенскихъ трактировъ. Подлинныя хлѣбопашцы составляли на собраніи едва замѣтное меньшинство. Несомнѣнно, что упомянутое большинство собранія—народъ все разбитой, но также несомнѣнно, что это сортъ людей наиболѣе подходящий для такихъ вожаковъ, какъ баронъ Тюнгенъ и его сподвижники изъ среды прусскихъ консерваторовъ и «сельскихъ хозяевъ». Я не удивился поэтому, что, рядомъ съ ожесточенной оппозиціей правительству и его торговой политикѣ,—услышалъ здѣсь рѣчи, какія неоднократно слышалъ въ Берлинѣ отъ пресловутаго президента «Союза сельскихъ хозяевъ» барона Плецца, отъ антисемитскаго вождя Либермана фонъ-Зоненберга и прочей компаніи. Около Тюнгена увивается его ближайшій штабъ изъ мельниковъ, лавочниковъ и редакторовъ подчиненной ему прессы. Они курятъ ему фиміамъ, прославляютъ его предковъ и молятъ его остаться ихъ президентомъ, когда Тюнгенъ подъ разными предлогами напускаетъ на себя роль Годунова. Для объективнаго слушателя было между тѣмъ ясно, что тюнгеновское владычество способно лишь дискредитировать крестьянское движеніе, потому что заслоняетъ подлинныхъ крестьянъ и опирается на наименѣ симпатичные и благонадежные элементы. Къ счастью это владычество, какъ и слѣдовало ожидать, было недолговѣчнымъ.

Средоточіемъ крестьянскаго движенія въ Баваріи былъ и остается по сіе время нижне-баварскій округъ. Это объясняется тѣмъ, что этотъ округъ составляетъ центръ баварскаго сельскаго хозяйства въ тѣсномъ смыслѣ слова. Въ верхней Баваріи недовольство населенія не менѣе сильно, но его причиной служатъ не столько низкія цѣны на хлѣбъ, сколько специально для горныхъ крестьянъ чувствительное и крайне застарѣлое законодательство по лѣсоводству, охотѣ и т. п. Само собою разумѣется, что въ этомъ недовольствѣ играютъ роль и болѣе общія причины, какъ милитаризмъ, податныя тягости, своекорыстная политика партій центра и т. п. Отъ лѣсныхъ законовъ 1852 года горные крестьяне терпятъ въ своихъ насущнѣйшихъ потребностяхъ, каковы право пастбы скота, пользованія дровами. Съ другой стороны законъ объ охотѣ отъ 1850 года вызывалъ горькія жалобы, потому что онъ охранялъ дичь въ интересахъ барской охоты и въ такихъ размѣрахъ, которые прямо ложились бременемъ на крестьянъ, не получавшихъ за то никакого вознагражденія. Читатели, быть можетъ, припомнятъ описанную мною, съ годъ тому назадъ, крестьянскую драму, разыгравшуюся въ горной деревушкѣ

Фухемиль и служащую достаточной иллюстраціей рокового противорѣчія крестьянскихъ и господскихъ интересовъ въ этомъ краѣ... Частью подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ такихъ исторій, частью же подъ вліяніемъ движенія въ нижней Баваріи, началось въ томъ же 1893 году броженіе и въ горной Баваріи. Какъ это ни странно, но и здѣсь дѣятельнымъ организаторомъ и инициаторомъ былъ нѣкій д-ръ Клейтнеръ. Это уже четвертый по счету докторъ. Одно время такъ таки и говорили о Bauernbunddoktoren, причемъ среди этихъ докторовъ крестьянскаго союза были представлены всѣ научныя категоріи: д-ръ правъ Зигль, д-ръ теологіи Рацингеръ, д-ръ медицины Гэхъ и наконецъ нашъ новый знакомый д-ръ философіи Клейтнеръ. Намъ думается, что горнымъ крестьянамъ всѣхъ лучше посчастливилось на счетъ доктора, выпавшаго на ихъ долю. Я столкнулся съ нимъ на собраніи «верхне-баварскаго союза крестьянъ», о которомъ упомянулъ выше. Этотъ союзъ обязанъ своимъ возникновеніемъ главнымъ образомъ дру Клейтнеру. Союзъ начался съ очень маленькихъ размѣровъ спеціального союза лѣсныхъ крестьянъ (Waldbauernbund), затѣмъ, подъ вліяніемъ выборной агитаціи въ рейхстагъ и ландтагъ, разросся до «верхне-баварскаго крестьянскаго союза» вообще. На первыхъ же порахъ было здѣсь подано за крестьянскаго кандидата 8857 голосовъ изъ общаго числа 83,846 голосовъ, поданныхъ за крестьянскихъ кандидатовъ во всѣхъ восьми округахъ баварскаго королевства.

Когда я раннимъ лѣтомъ этого года впервые лицомъ къ лицу столкнулся съ дѣятелями союза горныхъ крестьянъ, то этотъ союзъ достигъ уже прочной и довольно/многочисленной организаціи. Онъ, правда, по численности уступалъ ниже-баварскому союзу, но ему безусловно принадлежало идейное преобладаніе и опредѣленность стремленій.

Изъ Мюнхена опять неполныхъ два часа ѣзды, но въ противоположномъ отъ Фрейзинга направленіи. Собраніе делегатовъ было назначено въ маленькомъ, но живописномъ Розенгеймѣ, лежащемъ почти у самаго подножія баварскихъ Альпъ. Поѣздъ пробѣгаетъ по прекраснымъ долинамъ, разбѣченнымъ превосходными шоссеиными дорогами и устѣяннымъ однодворными хуторами,—этимъ господствующимъ здѣсь типомъ крестьянскаго расселенія. Миниатюрный Розенгеймъ весь утопаетъ въ зелени и въ виду громадныхъ горныхъ высотъ кажется точно сплошнымъ садомъ. Длинная аллея ведетъ къ главной церковной площади, на которой толпится прибывшій изъ разныхъ концовъ народъ, чтобы въ свободное воскресенье соединить пріятное съ полезнымъ. Не въ примѣръ Фрейзингу, настѣ охватываетъ здѣсь своеобразная деревенская атмосфера. Народъ все настоящій крестьянскій, мозольный. Въмѣсто пиджаковъ — подлинный крестьянскій нарядъ, хотя нельзя сказать, чтобы ужъ очень удобный: сапоги на высокихъ до крайности суживающихся подборахъ, голенищи бутылками до того узкими, что спрашиваешь

себя, какъ онѣ вообще влѣзаютъ на ногу. Брюки также очень узкіе. Наконецъ такая же узкая и короткая куртка, уснащенная безконечнымъ количествомъ громаднаго размѣра металлическихъ и костяныхъ пуговицъ. На головѣ горная шляпа; совершенно бритая фizioномія и въ зубахъ неизмѣнная трубка.

«Gut Gott!» Здравствуй! любезно и безъ подобострастія встрѣчаютъ меня крестьянскія группы, между которыми я пробираюсь... «Должно—человѣкъ отъ газетъ», слышу я позади себя...

Въ громадный залъ мѣстнаго ресторана собралось до 150 делегатовъ различныхъ секцій горной области. Распорядительный комитетъ ликуетъ, что такъ много народу откликнулось на его зовъ. И на лицахъ самихъ делегатовъ замѣтно выраженіе гордаго довольства. Программа сѣзда состояла изъ предобѣденнаго собранія однихъ делегатовъ, къ которому были допущены и представители прессы, и во-вторыхъ — изъ послѣобѣденнаго публичнаго собранія, въ которомъ могъ присутствовать каждый.

Верхне-баварскіе крестьяне съ самаго начала стали въ рѣзкую оппозицію къ ниже-баварскому крестьянскому движенію подъ руководствомъ Тюнгена, потому что не безъ основанія подозрѣвали въ Тюнгенѣ желаніе перетянуть все движеніе въ русло прусскаго инкверства. Эти разногласія не исключали однако многихъ общихъ пунктовъ, хотя съ другой стороны программа верхнебаварцевъ шла много дальше. Она не ограничивалась одними экономическими требованіями, а заключала въ себѣ и рядъ самыхъ животрепещущихъ требованій политическихъ. Я не говорю уже о характерномъ для крестьянъ подчеркиваніи самостоятельности Баваріи противъ «все возобновляемыхъ вторженій прусскихъ претензій»; объ усиленіи крестьянскаго вліянія въ народномъ представительствѣ и въ вопросахъ внутренней и внѣшней политики. Программа требуетъ дагѣ сохраненія мира въ области религіозной и противодѣйствія государственной опеки и вмѣшательству въ дарованную конституціей внутреннюю и внѣшнюю свободу исповѣданій. Она требуетъ введенія всеобщаго избирательнаго права для выборовъ въ ландтагъ и для мѣстнаго самоуправленія; полнѣйшей свободы союзовъ, собраній и организацій для всѣхъ гражданъ безъ различія пола и т. д.

Собраніе делегатовъ было посвящено пересмотру программы, успѣхамъ агитаціи и организаціи, выясненію отношеній союза къ различнымъ партіямъ и къ крестьянскому движенію вообще. Собраніе имѣло основаніе быть довольнымъ достигнутыми за послѣдній годъ результатами. Союзъ окрѣпъ, разросся. Ни одинъ болѣе или менѣе населенный горный пунктъ не остался не задѣтымъ агитаціонной работой. Повсюду, гдѣ недостаточно было мѣстныхъ силъ, съ готовностью появлялся д-ръ Клейтнеръ, у котораго и въ самомъ Мюнхенѣ было много работы по городскому самоуправленію. Клейтнеръ, повидимому, большой любимецъ крестьянъ: у него имѣются на то и необходимыя данныя. Онъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, крѣпкій, выно-

сливый. Звучная чистая рѣчь, съ блестками юмора и остроумія, привлекаетъ вниманіе слушателей. Главное же преимущество—искреннее желаніе быть полезнымъ движенію, служить истолкователемъ, совѣтчикомъ, гдѣ сама крестьянская мысль не можетъ разобраться... «Я хочу быть вашимъ кузнецомъ, оружейнымъ мастеромъ — *Waffenschmied*», чистосердечно заявляетъ онъ собранію... «Я не добиваюсь отъ васъ депутатскаго мандата, или какихъ либо другихъ почестей. Я не хочу быть шишкой въ распорядительномъ комитетѣ союза. Я простой членъ союза, но какъ человекъ, которому посчастливилось получить образованіе, я хочу служить вамъ моими знаніями, хочу быть вашимъ оружейнымъ мастеромъ, чтобы ковать вамъ духовное и научное оружіе, необходимое для вашей борьбы...». Эту роль научнаго истолкователя д-ръ Клейтнеръ выполняетъ съ дѣйствительно похвальнымъ рвеніемъ. То, что онъ предложилъ вниманію своей крестьянской аудиторіи въ одно только это, оставшееся для меня достопамятнымъ воскресеніе, составляло цѣлую энциклопедію историческихъ, политическихъ и экономическихъ знаній. Каждый § программы, каждый пунктъ разногласій съ другими программами и партіями находили въ его рѣчи (вѣрнѣе: рѣчахъ, такъ какъ онъ въ промежутки времени отъ 10 часовъ утра и до 6 часовъ вечера съ часовымъ обѣденнымъ перерывомъ говорилъ два раза по 2½ часа и кромѣ того участвовалъ въ дебатахъ)—такое толковое и многостороннее обоснованіе, какое рѣдко встрѣчаешь въ жару политической борьбы партій.

Несомнѣнное интеллектуальное превосходство Клейтнера, благодаря дѣйствительной чистотѣ его побужденій и чрезвычайно умной тактикѣ, не заслоняло самостоятельной индивидуальности прикосновенной къ союзу массы крестьянства. Онъ сумѣлъ найти въ этой самой массѣ людей, которые взяли на себя ближайшее веденіе дѣлъ и ближайшее руководство движеніемъ. Тѣ типическія черты, которыя приписываются обыкновенно характеру горныхъ жителей, свойственны и горнымъ крестьянамъ Баваріи. Оттого между ними легче было найти подходящихъ руководителей съ природными умственными дарованіями и твердымъ независимымъ характеромъ. Такимъ человекомъ представился мнѣ прежде всего первый президентъ верхнебаварскаго крестьянскаго союза крестьянинъ Эйзенбергеръ, еще молодой, энергичный и умный мужикъ. Союзу грозило потерять этого дѣльнаго своего вожака, такъ какъ Эйзенбергеръ послѣ трехъ лѣтъ упорной работы хотѣлъ сдать руководительство въ чьи либо другія руки. Это вызвало большую тревогу. Со всѣхъ сторонъ стали просить его остаться и впредь на своемъ посту... «Союзъ не можетъ разстаться съ Эйзенбергеромъ, ему нуженъ этотъ *железный* человекъ»—слышались намеки на первую, желѣзную половину его фамиліи... Онъ очевидно не лукавилъ; у него были повидимому самые серьезные мотивы сложить съ себя на время обузу общественнаго служенія. Поэтому

слѣдующій его доводъ произвелъ на меня впечатлѣніе нѣсколько наивной, но и совершенно искренней правды.

«Слушайте, крестьяне!»—заявилъ онъ послѣ долгаго упорства возбужденнымъ, но рѣшительнымъ тономъ: «вы все знаете, что въ послѣдніе годы я работалъ не покладая рукъ. Мнѣ хотѣлось упрочить наше дѣло и привлечь къ нему все наше населеніе. Я объѣзжалъ всю горную область и не оставилъ безъ вниманія ни одного хутора, гдѣ бы не разъяснилъ нашу программу, гдѣ бы не заставлялъ читать наши газеты. Мнѣ не жаль потраченного времени. Но мнѣ приходилось то и дѣло отлучаться изъ дому и отъ того произошло разстройство въ моихъ собственныхъ дѣлахъ. Мало того: я на наше общее крестьянское дѣло потратилъ свыше 200 марокъ личныхъ денегъ. Больше капитала у меня нѣтъ, а потому рѣшительно вамъ говорю: я останусь на посту своемъ лишь въ томъ случаѣ, если мнѣ воротятъ потраченные мною деньги. Иначе я не справлюсь со своимъ собственнымъ хозяйствомъ. И еще слушайте, крестьяне: я останусь на этомъ посту на время, чтобы дать и другимъ возможность подвизаться на отвѣтственной должности. Послѣ этого я стану обыкновеннымъ членомъ союза и покажу, что въ этомъ именно качествѣ слѣдуетъ прежде всего быть аккуратнымъ въ своемъ домѣ и преданнымъ своему союзу. Къ сожалѣнію, наши крестьяне въ этомъ отношеніи еще многого оставляютъ желать».

Само собою разумѣется, что собраніе единодушно общало выполнить условія Эйзенбергера. Когда этотъ пунктъ былъ исчерпанъ, то тотъ-же Эйзенбергеръ взомель на трибуну, чтобы прочесть свой рефератъ, объявленный на очереди дня. Тема реферата носила своеобразное наименованіе: «О томъ, какъ въ ближайшее время крестьянъ водать за нось». Передать здѣсь эту хлесткую, на память сказанную рѣчь невозможно уже потому, что она въ своихъ характерныхъ оборотахъ прямо не переводима. Она обличала въ ораторѣ упорно работающую критическую мысль и вполне определенное сознаніе поставленныхъ движеніемъ цѣлей. Она представляла прежде всего сжатый очеркъ положенія крестьянъ, отношенія къ нему законодательства и правящихъ партій, возникновенія крестьянскаго движенія и наконецъ разныхъ теченій въ этомъ движеніи. Въ этомъ послѣднемъ пунктѣ Эйзенбергеръ подвергъ безпощадной критикѣ личность барона Тюнгена и предводимый имъ союзъ.

Господство Тюнгена не долго продолжалось. Съ окончаніемъ лѣтнихъ работъ этого года агитація снова оживилась, и ближайшимъ результатомъ ея было устраненіе Тюнгена отъ предсѣдательскаго поста, на который избранъ Виландъ. Одновременно съ этимъ почувствовалось настоящее желаніе примирить и объединить верхне-и нижне-баварскія группы въ обще-баварскій крестьянскій союзъ. Была избрана редакціонная коммиссія для выработки пунктовъ объе-

диненной программы. Въ настоящій моментъ дѣло объединенія еще не завершено, но программа коммисіей выработана и опубликована. На ней очевидны болѣе радикальныя вліянія верхне-баварскихъ крестьянъ. Приведу главнѣйшіе пункты этого проекта.

Баварскій союзъ крестьянъ стремится всѣми законными средствами къ поддержанію и политическому, и экономическому подъему крестьянства путемъ единенія крестьянъ и развитія въ нихъ сознанія солидарности.

Что касается экономическихъ требованій проекта объединенной программы, то, за недостаткомъ мѣста, могу лишь указать, что не нахожу въ ней ни плановъ графа Каница, ни другихъ панацей. Это все требованія реальныя и сводятся къ реформамъ застарѣлаго и недостаточнаго законодательства на пользу какъ сельскаго хозяйства, такъ равно и хозяйственной жизни государства вообще. Нѣкоторый изъ этихъ требованій читатель уже встрѣтилъ разсѣянными на протяжении этой статьи.

Въ интересахъ цѣльности освѣщенія интересующаго насъ явленія слѣдуетъ еще кратко отмѣтить, что въ самое послѣднее время во многихъ провинціяхъ Пруссіи также возникаютъ зачатки самостоятельной организаціи крестьянъ въ противность крупно-землевладѣльческому «союзу сельскихъ хозяевъ». Недавно въ Кеслингѣ (Померанія) состоялось собраніе 500 крестьянскихъ делегатовъ изъ различныхъ частей Пруссіи и было положено основаніе крестьянскому союзу «Nordost». Крестьяне хотятъ взять свои дѣла въ собственныя руки,—говорилъ предсѣдатель собранія, крестьянинъ Штенгаузеръ. Большинство говорившихъ на собраніи высказалось за необходимость противодѣйствія «Союзу сельскихъ хозяевъ», такъ какъ интересы крупнаго и мелкаго землевладѣнія далеки отъ совершенной общности. Въ 12 пунктахъ были сформированы требованія ферейна и для пропаганды ихъ основана газета «Deutscher Bauernfreund». Кстати назову нѣкоторые органы «Баварскаго крестьянскаго союза». Въ самомъ Мюнхенѣ такимъ органомъ считается «Neue Freie Volkszeitung», главные же органы союза разсѣяны по провинціямъ. Таковы «Bayerische Landeszeitung» съ приложеніемъ «Bayerischer Bauernbund» въ Вюрцбургѣ; «Bundeszeitung» въ Пфаркирхенѣ; «Niederbayerischer Anzeiger»; «Fraunsteiner Wochenblatt»—органъ верхне-баварца Эйзенбергера.

Мы видѣли, что при первомъ же натискѣ крестьянскаго движенія одна баварская партія центра потеряла свыше 80 тысячъ крестьянскихъ голосовъ.

Главная потеря центра приходилась на древнекатолическую область Нижней Баваріи, гдѣ такіе даже внушительные кандидаты, какъ графъ Прайзингъ и губернаторъ фонъ-Липовскій, вытѣснены были изъ своихъ насиженныхъ позицій крестьянскими претендентами. Понятно поэтому, что напуганная этими событіями партія сочла нужнымъ принять особыя мѣры. Этой цѣли долженъ былъ

служить основанный центромъ «христіанскій крестьянскій фрейнтъ» (Christlicher Baneruferein)...

Начало политическаго сезона въ Германіи богато событиями, такъ что хроникеру нѣмецкой жизни не представляется недостатка въ сенсационныхъ фактахъ. Сколько копій поломано было изъ-за однихъ «бисмарковскихъ разоблаченій», дошедшихъ даже до разсмотрѣнія рейхстага! А затѣмъ кровопролитный инцидентъ карлсрусскаго лейтенанта фонъ-Бризавица, о которомъ также было сдѣлана интерпелляция правительству. Наконецъ, въ послѣдніе дни на сценѣ берлинскаго окружнаго суда разыгрался первый актъ сенсационнаго политическаго процесса, на которомъ я позволю себѣ нѣсколько остановить вниманіе читателя.

Одинъ своеправный берлинскій судья, нынѣ уже покойный Браузеветтеръ, убѣждалъ при своей жизни, что не существуетъ гласности. И вотъ мы видимъ, что въ той самой судебной залѣ, гдѣ брошена была эта фраза, канцлеръ германской имперіи и статсъ-секретарь иностранныхъ дѣлъ, послѣ тщетнаго испробованія разныхъ путей, ищутъ защиты и помощи у этой самой гласности... Но въ чемъ дѣло?

Уже съ давнихъ поръ появляются въ нѣмецкой прессѣ статьи и замѣтки, въ которыхъ дѣлаются особаго рода нападки на приближенныхъ къ императору лицъ и на отдѣльныхъ министровъ. Это не были обыкновенныя статьи, въ которыхъ нѣмецкая пресса сплошь да рядомъ критикуетъ политику правительства или дѣятельность администраціи. Нѣтъ,—эти статьи имѣли специальный оттѣнокъ, въ виду котораго то и дѣло напрашивалось предположеніе, что онѣ исходятъ посредственно или непосредственно изъ круга высшихъ государственныхъ чиновниковъ, которые въ свою очередь наравятъ сдвинуть съ поста или немилыхъ имъ товарищей по службѣ, или вообще лицъ, составляющихъ ближайшую свиту Вильгельма II. Этого рода статьи были рассчитаны на то, что тѣ лица, на кого падутъ подозрѣнія въ авторствѣ и инспирированіи соотвѣтственныхъ газетъ, легко будутъ лишены своихъ постовъ и скомпрометированы въ своей репутаціи, такъ какъ извѣстно, что Вильгельмъ II въ такихъ случаяхъ шутить не любитъ. Это и было цѣлью данныхъ статей. Онѣ должны были снѣть подозрѣнія, колебать положеніе извѣстныхъ государственныхъ дѣятелей, выставляя ихъ въ свѣтъ интриги и иллюзорности. Въ прежнее время такимъ способомъ были устранены графъ Каприви, министръ внутреннихъ дѣлъ фонъ-Келлеръ, военный министръ Бронсаръ фонъ-Шеллендорфъ. Теперь же вся интрига сосредоточилась на статсъ-секретарѣ иностранныхъ дѣлъ фонъ-Маршаллѣ, причемъ имѣлось въ виду и престарѣлаго князя Гогенлоэ представить не совсѣмъ въ благопріятномъ свѣтѣ. Фонъ-Маршалль пытался подавить интригу околѣ-

ными путями. Видя однако, что дѣло ведется въ серьезъ, и опасаясь участи Каприви, Келлера и др., статсъ-секретарь иностранныхъ дѣлъ прибѣгъ къ послѣднему средству, какое ему оставалось: онъ спровоцировалъ скандальный процессъ, чтобы отдать свое дѣло суду гласности. Онъ остановился сначала на двухъ журналистахъ самаго мелкаго калибра и надѣялся, что изъ хода дѣла, изъ допроса свидѣтелей выяснится, кто собственно стоитъ за кулисами интриги и руководить ея пружинами. Г. фонъ-Маршалль не ошибся въ своихъ ожиданіяхъ.

Поводомъ для процесса служилъ тотъ тостъ, который былъ сказанъ нашимъ Государемъ при послѣднемъ свиданіи съ Вильгельмомъ II въ Бреславлѣ. Этотъ тостъ гласилъ: *Je puis vous assurer, Sire, que Je suis animé des mêmes sentiments traditionels que Votre Majesté.* Телеграфное агентство Вольфа въ торопяхъ передало въ газеты этотъ тостъ съ измѣненіемъ послѣднихъ словъ на «*que Mon père*». Вскорѣ затѣмъ въ берлинской газетѣ «*Die Welt am Montag*» стали появляться статьи, объяснявшія измѣненіе тоста англійскими вліяніями. Послѣдовавшая далѣе травля въ антисемитскихъ и аграрныхъ органахъ не оставляла никакого сомнѣнія, что фальсификація тоста приписывается вѣдомству иностранныхъ дѣлъ. Г. фонъ-Маршалль принялся энергично за дѣло и ему удалось обнаружить тѣхъ лицъ, которые сбывали въ печать инсинуаціи противъ министра. Это оказались два журналиста, изъ которыхъ одинъ Лекертъ едва достигъ совершеннолѣтія, а другой фонъ-Людовъ, болѣе тертый авантюристъ, разжалованный офицеръ, а впоследствии агентъ-провокакторъ берлинской политической полиціи. Съ теченіемъ процесса эти два рыцаря все болѣе отодвигались на задній планъ, оказавшись не болѣе какъ маріонетками въ рукахъ болѣе могущественнаго актера—г. фонъ-Тауша, комиссара политической полиціи.

Процессъ изобилуетъ драматическими моментами, которыхъ здѣсь не исчерпать. Это была цѣлая драма, когда статсъ-секретарь фонъ-Маршалль, обращаясь въ сторону полицейскаго комиссара фонъ-Тауша, громкимъ голосомъ заявилъ: «если вы находите нужнымъ для своихъ цѣлей пользоваться услугами такихъ лицъ, то это ваше дѣло. Но если эти лица такими жалкими средствами стараются дискредитировать меня и мое вѣдомство въ глазахъ страны, тогда я отдаю себя въ руки гласности и долженъ заклеить низкую интригу...»

Безопасной энергіи г. фонъ-Маршалль общество обязано теперь раскрытіемъ страшной государственной язвы, которая едва ли для кого была секретомъ, но которую трудно было разоблачить въ виду ея тайнаго и всеокрушающаго могущества. Это та система, однимъ изъ носителей которыхъ является фонъ-Таушъ. Съ 1878 г., т. е. съ введенія кн. Бисмаркомъ исключительнаго закона и со времени сформированія политической полиціи въ настоящемъ ея видѣ, фонъ-Таушъ былъ ея фактическимъ главой, хотя юридически надъ

нимъ стоять еще цѣлая лѣстница инстанцій. Но такова ужъ сущность этой отрасли службы, что простой комиссаръ, у котораго въ рукахъ были всѣ нити и корни, могъ, помимо своего ближайшаго начальника—президента полиціи и вышшаго начальника—министра внутреннихъ дѣлъ, вершить судьбы министровъ и страны. Сколько ужаса, сколько горя и слезъ лежатъ на черной совѣсти такого фонъ-Тауша! Не слѣдуетъ забывать, что изъ 18 лѣтъ его дѣятельности 12 лѣтъ приходится на время дѣйствія исключительныхъ законовъ—эту ужасную эпоху изгнаній, заточеній, раззореній и разбитыхъ жизней вообще. То были жизнь и благополучіе обыкновенныхъ смертныхъ. А теперь вдругъ рѣдкое зрѣлище борьбы вышшаго государственнаго дѣятеля противъ скрытой интриги полицейскаго комиссара. То была борьба съ такъ называемыми внутренними врагами, а здѣсь борьба полиціи съ цѣлою правительственной системой, съ дѣятелями новаго курса, которыхъ прошенные и не-прошенные слуги стараго бисмарковского курса считаютъ ничѣмъ инымъ, какъ узурпаторами.

Лекерть и Люцовъ ушли въ тюрьму. На скамьѣ подсудимыхъ остался «свидѣтель» фонъ-Таушъ, арестованный по обвиненію въ лжеприсягѣ. Со всѣхъ сторонъ слышится вопросъ: кто тѣ лица, по внушенію которыхъ дѣйствовалъ фонъ-Таушъ? Слѣдуетъ ожидать, что будущій процессъ дастъ какія нибудь разъясненія на этотъ вопросъ, такъ какъ фонъ-Таушъ, уходя въ тюрьму, будто бы грозился не скрывать отъ нихъ ничего. А онъ, надо полагать, много знаетъ.

И еще слышится теперь со всѣхъ сторонъ требованіе: долой всю эту систему Тауша и компаніи!

Поживемъ, увидимъ.

А. Ковровъ.

Дневникъ журналиста.

I.

На дняхъ вышелъ русскій переводъ третьяго тома «Капитала» Карла Маркса, огромный томъ въ сорокъ шесть листовъ убористой печати, огромный трудъ, составляющій высокую заслугу уважаемаго переводчика, одного изъ самыхъ видныхъ русскихъ экономистовъ. «Переводъ теоретической части *Капитала*, труда, ставшаго основаніемъ всей современной теоретической политической экономіи,—законченъ (замѣчаетъ переводчикъ въ своемъ предисловіи къ русскому изданію). Обязательство передъ русскою публикою, принятое

двадцать пять лѣтъ тому назадъ, исполнено» (стр. IX). Переводчикъ могъ съ полнымъ внутреннимъ удовлетвореніемъ произнести эти слова и русская публика ихъ выслушаетъ съ благодарностью. По плану труда «Капиталъ» долженъ былъ составить четыре тома. Только первый томъ, посвященный капиталистическому процессу производства, преимущественно въ его генезисѣ, былъ выпущенъ въ свѣтъ самимъ авторомъ. Второй томъ, посвященный законамъ капиталистическаго обращенія, и третій, занимающійся «процессомъ капиталистическаго производства, взятомъ въ цѣломъ» — были вчернѣ составлены Марксомъ, но обработаны, отредактированы и выпущены въ свѣтъ Фридрихомъ Энгельсомъ уже послѣ смерти знаменитаго его друга. Четвертый томъ, историческій, оставленъ въ обрывкахъ и фрагментахъ, дешифровать и связать которые, хоть въ какое либо подобіе книги, могъ-бы только Энгельсъ, не успѣвшій довершить это дѣло. Сочиненіе такимъ образомъ какъ бы неполно, но существенная его часть, теоретическая, завершается третьимъ томомъ, а значительная часть воззрѣній, имѣвшихъ войти въ четвертый томъ, уже вошла въ одну изъ прежнихъ книгъ автора: «Критика нѣкоторыхъ положеній политической экономіи», тоже недавно переведенную на русскій языкъ. Такимъ образомъ, съ выходомъ третьяго тома «Капитала» и русская публика имѣетъ изъ знаменитаго труда все, что имѣетъ публика иностранная. Желательно, чтобы она вполне ознакомилась съ нимъ въ его цѣломъ, послѣ чего сами собою отпадутъ нѣкоторые поспѣшные выводы, сдѣланные изъ недостаточно продуманнаго знакомства съ однимъ первымъ томомъ.

«Процессъ капиталистическаго производства, взятый въ его цѣломъ» — таково, какъ мы уже упомянули, заглавіе третьяго тома, заглавіе, само по себѣ еще мало объясняющее чрезвычайное разнообразіе и чрезвычайную значительность содержанія этого тома. Какъ прямое продолженіе и развитіе идей перваго тома, это содержаніе станетъ нѣсколько понятнѣе изъ бѣлаго сравненія этихъ томовъ труда Маркса. Первый томъ, какъ извѣстно, начинается анализомъ явленія, именуемаго «товаромъ», и того процесса, при помощи котораго *продуктъ* превращается въ *товаръ*, когда въ исторической смѣнѣ экономическихъ фазисовъ натуральное хозяйство замѣняется товарнымъ. Этотъ же анализъ, являющійся исходною точкою всѣхъ дедукцій, изъ которыхъ построенъ трудъ автора, приводитъ его къ выясненію явленій мѣновой и потребительной цѣнности, ихъ возникновенія, взаимоотношенія и развитія. Трудовое мѣрило цѣнности, установленное еще Давидомъ Рикардо, получаетъ въ этомъ анализѣ блестящее и многостороннее развитіе. Исслѣдованіе вопроса о деньгахъ, ихъ значенія и роли составляетъ продолженіе изслѣдованія мѣновой цѣнности, послѣ чего авторъ останавливается на вопросѣ превращенія денегъ въ капиталъ, что его приводитъ, вообще, къ возникновенію капитала и развитію ка-

питализма. Теорія прибавочной цѣнности, находящейся въ извѣстныхъ постоянныхъ отношеніяхъ съ цѣнностью необходимой и вмѣстѣ съ нею составляющей мѣстовую цѣнность, представляется однимъ изъ самыхъ плодотворныхъ завоеваній, какиъ дѣлала когда либо экономическая наука. Глубокій и блестящій анализъ, широта воззрѣній и многосторонняя плодотворность дѣлаютъ эти главы кардинальными во всемъ первомъ томѣ, le pivot всего труда, какъ сказалъ бы старикъ Фурье. Законы накопленія капитала въ процессѣ капиталистическаго производства завершаютъ первый томъ, который, такимъ образомъ, разлагаетъ экономическую жизнь на ея основные элементы и анализируетъ ихъ каждый въ отдѣльности. Разсмотрѣнію ихъ, «взятыхъ въ цѣломъ», въ связи, взаимной зависимости и вліяніи, и посвященъ третій томъ. Этимъ однимъ опредѣляется его громадное значеніе, вообще, и въ частности для расчлененнаго анализа самого перваго тома.

Товаръ, цѣнность, цѣна, деньги, капиталъ, трудъ, прибавочная цѣнность, капиталистическое производство въ его генезисѣ и главныхъ фазахъ (но не въ его полномъ составѣ) составляютъ содержаніе перваго тома. Анализъ капиталистическаго обращенія и единство процесса капиталистическаго производства и капиталистическаго обращенія, составляющія содержаніе втораго тома, дополняютъ и завершаютъ анализъ отдѣльныхъ элементовъ и вводятъ въ постепенно осложняемый анализъ третьяго тома, анализъ взаимодѣйствія элементовъ и тѣхъ новыхъ экономическихъ явленій, которыя представляются результатомъ этого взаимодѣйствія. Прибыль, доставляемая капиталисту его предпріятіемъ, заимствуется имъ изъ прибавочной цѣнности, но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что прибыль и прибавочная цѣнность одно и то же. Достаточно припомнить, что и торговныя предпріятія, вовсе (по Марксу) не создающія прибавочной цѣнности, приносятъ прибыль. Дѣйствительно, прибыль есть явленіе болѣе сложное и требующее спеціальнаго анализа. «Превращеніе прибавочной стоимости въ прибыль и нормы прибавочной стоимости въ норму прибыли», — такъ называется первый отдѣлъ третьяго тома, занимающій собою первыхъ сто страницъ книги. Вѣрный испытанному методу классической политической экономіи, нашъ авторъ начинаетъ съ самаго простаго случая, гипотетическаго и въ дѣйствительности не встрѣчающагося, со случая, когда *вся* прибавочная цѣнность даннаго предпріятія и *не болѣе того* поступаетъ въ прибыль капиталисту. И этотъ случай требуетъ, однако, продолжительнаго и тщательнаго анализа. Дѣло въ томъ, что прибавочная цѣнность получается лишь въ процессѣ воспроизводства одного переменнаго капитала, тогда какъ прибыль приноситъ вся совокупность затраченнаго капитала, постоянного и переменнаго. Это-то изслѣдованіе прибыли и ея нормы въ условіяхъ изолированнаго капитала, постепенно осложняемыхъ разными

экономическими явлениями, кроме конкуренции других капиталовъ, и составляетъ главное содержаніе перваго отдѣла.

Нигдѣ, однако, капиталъ не существуетъ изолированно, въ воздѣйствія другихъ капиталовъ, которые своею конкуренціею приводятъ всѣ прибыли къ одному среднему уровню. Какъ это происходитъ и какимъ образомъ, не смотря на это, мѣновая цѣнность товара всегда равна количеству общественно-необходимаго труда, затраченнаго на производство товара, — является содержаніемъ второго отдѣла: «Превращеніе прибыли въ среднюю прибыль». На какихъ-нибудь пятидесяти страницахъ авторъ блистательно рѣшаетъ вопросъ, который со времени Рикардо является камнемъ преткновенія для всѣхъ экономистовъ. Особенно со времени выхода перваго тома «Капитала», гдѣ дано было такое широкое оправданіе рикардіанской теоріи цѣнности, этотъ вопросъ усиленно занималъ теоретиковъ политической экономіи. Преимущественно поэтому и ожидался третій томъ съ такимъ нетерпѣніемъ. Этотъ коротенькій отдѣлъ, конечно, надолго прикуетъ къ себѣ вниманіе и критику экономистовъ всѣхъ странъ и народовъ.

Еще во второмъ томѣ была показана склонность капитала (въ странахъ, развивающихъ свое производство) измѣнять свое строеніе въ томъ смыслѣ, что относительное мѣсто постояннаго капитала возрастаетъ, а переменнаго уменьшается. Анализъ процесса превращенія индивидуальных прибылей въ среднюю обнаруживаетъ это явленіе съ полною очевидностью. Однако, прибавочная цѣнность, создаваясь лишь въ процессѣ воспроизводства *переменнаго* капитала, становится, стало быть, относительно *всего* капитала все меньше и меньше. Норма прибыли, слѣдовательно, должна все понижаться и понижаться. Исслѣдованіе этого «закона наклонности нормы прибыли къ пониженію» составляетъ содержаніе третьяго отдѣла обозрѣваемой книги. Если второй отдѣлъ имѣетъ первоостепенное значеніе для экономической науки вообще, то этотъ третій отдѣлъ, по нашему мнѣнію, изъ всего третьяго тома имѣетъ наибольшую важность для развитія *доктрины* собственно капитализма. *Необходимое* пониженіе прибыли могло бы даже скорѣе и лучше привести къ превращенію капиталистическаго хозяйства въ самостоятельное народное, нежели сосредоточеніе капиталовъ, явленіе, на которое обращаютъ вниманіе теоретики школы. Разнообразныя силы, противодействующія естественной склонности прибыли къ пониженію, рассмотрѣны авторомъ особенно обстоятельно. Остроумны и оригинальны замѣчанія о значеніи развитія акціонерныхъ капиталовъ для этого процесса. Авторъ находитъ, что это развитіе одно изъ существенныхъ препятствій для пониженія прибылей. Это развитіе акціонерныхъ капиталовъ является, съ другой стороны, очень существенною задержкою и для сосредоточенія капиталовъ «въ немногихъ рукахъ», что, однако, по теоріи, и должно предшествовать хозяйственному преобразованію капиталистической страны.

Эти три первые отдѣла, только что обозначенные нами, исчерпываютъ анализъ прибыли промышленнаго капитала, но въдѣ существуеъ еще капиталъ торговый, въ процессѣ воспроизводства котораго прибавочная цѣнность не создается. Откуда онъ получаетъ прибыль? Четвертый и пятый отдѣлы посвящены этому вопросу и связаннымъ съ нимъ явленіями процента, кредита, банковаго дѣла. Шестой отдѣлъ посвященъ вопросу о рентѣ. Если второй отдѣлъ всѣми ожидался, какъ серьезное научное приобрѣтеніе, то, повидимому, мало ожидали, что такимъ же важнымъ научнымъ приобрѣтеніемъ явится и этотъ шестой отдѣлъ, посвященный вопросу, который, казалось, менѣе занималъ покойнаго мыслителя. Между тѣмъ, не смотря на чрезвычайную необработанность, почти фрагментарность этого предпоследняго отдѣла посмертнаго труда, нельзя съ перваго же шага не признать за нимъ первостепеннаго значенія.

Рикардо, несомнѣнно, самый выдающійся мыслитель классической экономической школы, составилъ себѣ вполне заслуженную славу теоріей цѣнности и теоріей ренты. Но то и другое было скорѣе замѣчательно даровитыми предвидѣніями, нежели ученіемъ, вполне отвѣщающимъ требованіямъ строгой научности. Превращеніе теоріи цѣнности Рикардо въ научное ученіе, глубоко и многосторонне освѣщающее все экономическое строеніе современныхъ обществъ, и составило славу автора «Капитала». Нельзя сказать, что такое же превращеніе въ законченную научную систему и теоріи ренты Рикардо находимъ мы въ упомянутомъ шестомъ отдѣлѣ обзрѣваемой книги, но можно сказать, что мы имѣли бы такую систему, если бы судьба дозволила автору довести свой трудъ до конца. Извѣстно, что Рикардо признавалъ рентой тотъ прибавочный доходъ, который приноситъ земледѣльческое хозяйство вслѣдствіе благопріятныхъ условій, независимыхъ отъ труда и капитала хозяина. Плодородіе почвы, близость большого города, судоходная рѣка, даровой двигатель на участкѣ и т. п., вотъ тѣ условія, которыя, по Рикардо, должны учитываться и учитываются рентою. Всю эту сторону анализа рикардіанской школы признаетъ и нашъ авторъ, но называетъ такую ренту *дифференціальною*, отличая отъ другой, всегда однако уплачиваемой земледѣльцемъ, именно отъ ренты *абсолютной*. Дѣло въ томъ, что строеніе земледѣльческаго капитала отличается отъ строенія капитала промышленнаго болѣе значительнымъ участіемъ въ немъ капитала переменнаго. Это даетъ въ земледѣліи относительно большую прибавочную цѣнность. По закону, установленному во второмъ отдѣлѣ, земледѣліе удержатъ эту надбавку не можетъ. Процессъ уравненія прибылей возьметъ ее для распредѣленія между другими производствами. Земледѣлецъ ее непремѣнно отдастъ и удержатъ не въ состояніи. Вотъ тутъ и является землевладѣлецъ, который и беретъ часть того, что взяли бы и другія производства. Естественно, чѣмъ мо-

неполнѣе форма землевладѣнія, чѣмъ менѣе мобилизована поземельная собственность, чѣмъ устойчивѣе землевладѣніе, тѣмъ устойчивѣе и абсолютная рента. Теорія ренты Рикардо справедлива, но это теорія только части ренты и дополненіе ее теоріей абсолютной ренты является очень крупнымъ научнымъ приобретениемъ. Это дополненіе устраняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ тѣ возраженія противъ рикардіанской теоріи, которыя основывались на противорѣчіи ея съ фактами: не существуетъ, дескать, земель безъ ренты и рента обыкновенно выше рикардіанской нормы.

Мнѣ кажется, что наброски Маркса по теоріи ренты особенно важны для экономически отсталыхъ странъ, тогда какъ рикардіанская теорія въ ея чистомъ видѣ находитъ болѣе яркое приложеніе въ странахъ капиталистическаго земледѣлія. Возьмемъ, на примѣръ, ирландскаго коттера въ до-гладстоновскихъ условіяхъ его хозяйства. Это хозяйство почти вовсе не имѣетъ постояннаго капитала (жалкія орудія, да мѣшокъ картофеля для посѣва) при относительно очень значительномъ переменномъ (содержаніе всей семьи коттера). Не естественно ли, что прибавочная цѣнность уплываетъ ландлорду, какъ безъ него уплыла бы владѣльцамъ другихъ предпріятій, обладающихъ болѣе или менѣе значительнымъ постояннымъ капиталомъ? Это прямой выводъ изъ закона выравниванія прибылей, установленнымъ во второмъ отдѣлѣ обозрѣваемаго тома, и изъ закона абсолютной ренты, установленной въ шестомъ отдѣлѣ *). И наша деревенская нужда найдетъ новое освѣщеніе съ точки зрѣнія этихъ экономическихъ законовъ.

Тѣмъ съ большимъ прискорбіемъ читаемъ мы слѣдующее мѣсто въ предисловіи русскаго переводчика: «Намъ русскимъ приходится особенно пожалѣть, что не самъ авторъ обработалъ его (третій томъ) для печати, такъ какъ по словамъ редактора (Энгельса) въ основу шестого отдѣла—ученія о рентѣ—должны были лечь изслѣдованія условій нашего землевладѣнія и землепользованія, насколько они выяснились главнымъ образомъ въ земскихъ статистическихъ работахъ, которыми наука, можно сказать, до сихъ поръ почти совсѣмъ еще не воспользовалась, какъ она мало до сихъ поръ пользовалась и остальными статистическими изслѣдованіями нашей хозяйственной жизни. Къ сожалѣнію, по словамъ Энгельса (1895 г.): «въ рукописяхъ автора нѣтъ ничего, относящагося къ его взглядамъ и выводамъ о земельной собственности въ Россіи... Все, что я могъ найти, заключается въ простыхъ и весьма обширныхъ выпискахъ изъ русскихъ источниковъ, какъ статистическихъ, такъ и экономическихъ; но въ нихъ нѣтъ — а это болѣе или менѣе *противъ* его

---

*) По терминологіи доктрины ирландскій коттеръ вовсе не имѣетъ капитала, а только средства производства (которыя по терминологіи классической и называются капиталомъ), но отъ этой замѣны терминовъ въ данномъ случаѣ нѣтъ никакого нарушенія основной мысли.

обыкновенія—какихъ бы то ни было его собственныхъ вставокъ и замѣчаній». А между тѣмъ еще въ 1872 году самъ авторъ писалъ: «во второмъ томѣ *Капитала*, въ отдѣлѣ о земельной собственности я займусь весьма обстоятельно русскими формами землевладѣнія». Данные русскаго землевладѣнія должны были, надо думать, послужить основой для главы о «возникновеніи капиталистической земельной ренты», такъ какъ данные эти не только могутъ служить иллюстраціею всѣхъ докапиталистическихъ земельныхъ отношеній, но кромѣ того они изобилуютъ подтвержденіемъ самой теоріи прибавочной стоимости, потому что различныя, такъ сказать, историческія фазы развитія прибавочной стоимости, возникновеніе и постепенное обособленіе ея, въ русской дѣйствительной жизни встрѣчаются одновременно» (XXIV—XXV). Самъ Энгельсъ въ своемъ редакторскомъ предисловіи тоже упоминаетъ объ этомъ невыполненномъ намѣреніи своего покойнаго друга. «Для этого отдѣла о земельной рентѣ (читаемъ мы у Энгельса) въ семидесятыхъ годахъ Марксъ предпринялъ совершенно новое специальное изслѣдованіе. Въ продолженіе многихъ лѣтъ онъ изучалъ въ оригиналѣ статистическія изслѣдованія и другія изданія о землевладѣніи, которые стали необходимы въ Россіи послѣ реформы 1861 года и которые русскіе друзья предоставляли въ его распоряженіе въ такой полнотѣ, какую только можно пожелать; при этомъ онъ дѣлалъ изъ нихъ выписки, имѣя въ виду воспользоваться ими при новой переработкѣ этого отдѣла. При разнообразіи формъ какъ землевладѣнія, такъ и эксплуатаціи земледѣльческихъ производителей въ Россіи, въ отдѣлѣ о земельной рентѣ Россія должна была бы сыграть такую же роль, какую въ первомъ томѣ о промышленномъ наемномъ трудѣ играла Англія. Къ сожалѣнію, планъ этотъ такъ и остался не выполненнымъ» (стр. XXXII).

Энгельсъ имѣетъ полное основаніе сильно сожалѣть, что «планъ этотъ такъ и остался не выполненнымъ». Отъ этого много потеряла наука. Мы, русскіе, имѣемъ двойное основаніе сожалѣть, но этимъ теперь горю не поможешь. Мы, однако, должны помнить, что изученіе именно русскаго земледѣлія долгое время занимало покойнаго мыслителя и что это обстоятельство должно было оставить слѣды и въ тѣхъ теоретическихъ построеніяхъ, часть которыхъ даетъ намъ шестой отдѣлъ третьяго тома «Капитала». Тѣмъ поучительнѣе должно быть для насъ изученіе этого отдѣла.

Седьмой отдѣлъ заключаетъ въ себѣ сводъ ученія о распредѣленіи доходовъ. Отдѣлъ этотъ недописанъ.

Такое содержаніе третьяго тома знаменитаго труда. Даже это болѣе, чѣмъ бѣглое и поверхностное, обзорнѣе этого тома обнаруживаетъ богатство и значительность идей, впервые имъ выпускаемыхъ въ обращеніе. Полная теорія прибыли, окончательное утвержденіе трудового мѣрила цѣнности, новая теорія ренты — таковы главнѣйшія заслуги посмертнаго труда Маркса. Основанія полити-

ческой экономіи, заложенные трудами Адама Смита, Рикардо и Милля, въ этомъ новомъ трудѣ получаютъ свое завершеніе и научную систему, которой, конечно, не страшны критики и посерьезнѣе статей г. Слонимскаго, недавно появившихся на страницахъ *Вѣстника Европы*...

Признаться, эти невѣроятно смѣлыя и развязныя статьи одно время внушила мнѣ идею нѣсколько заняться ею на страницахъ этого *Дневника*. Но въ предисловіи русскаго переводчика III тома я прочелъ, между прочимъ, слѣдующія, обратившія мое вниманіе строки: «И среди русскихъ критиковъ попадаются такіе, которые берутся за разборъ *Капитала*, не только не потрудившись вникнуть въ его содержаніе, но даже неудосужившись прочесть разбираемое. Отъ этого и критика ихъ оказывается настолько нелѣпою..., что всякій, имѣющій хоть малѣйшее представленіе о классической политической экономіи въ современномъ ея видѣ, сгорить со стыда, если вздумаетъ публично обратить вниманіе на нее». Я не знаю, кого имѣетъ въ виду почтенный авторъ этихъ строкъ, но я согласился съ нимъ, что на всякое чхданье не надраствуешься, и оставилъ мысль писать о статьяхъ г. Слонимскаго...

Это игнорированіе широковѣщательныхъ и безсодержательныхъ критикъ не всегда бываетъ удобно. Для этого надобно, чтобы они въ самомъ дѣлѣ были уже до послѣдней степени безсодержательны. Потому что заблужденія вообще очень прилипчивая болѣзнь и отпоръ ихъ распространителямъ бываетъ зачастую очень необходимъ. Такъ, должно быть, думалъ старикъ Энгельсъ, когда въ своемъ редакторскомъ предисловіи къ третьему тому *Капитала* написалъ нѣсколько ядовитыхъ страницъ по адресу нѣкоторыхъ комментаторовъ и критиковъ этой книги. Три страницы посвятилъ онъ, между прочимъ, и экономическимъ упражненіямъ Ахилла Лорія; однако, мы имѣемъ достаточно своихъ собственныхъ славныхъ Ахилловъ, чтобы стоило останавливаться на итальянскомъ. Теперь мы и займемся однимъ изъ такихъ собственныхъ продуктовъ родной умственной культуры. Какъ и Ахилль Лорія, нашъ Ахилль считаетъ себя экономическимъ материалистомъ; пишетъ, не размышляя о предметѣ работы; изобрѣтаетъ порохъ въ XIX в.; очень строгъ ко всѣмъ, кто полагаетъ, что это давно сдѣлано Бартольдомъ Шварцемъ.

Отъ высокаго до смѣшного только одинъ шагъ, изрекъ въ 1812 году Наполеонъ въ Варшавѣ, поспѣшая во Францію за новыми войсками вѣсто загубленныхъ на равнинахъ дикой Сарматіи. Но если отъ высокаго до смѣшного, въ самомъ дѣлѣ, такое небольшое разстояніе, то и того оно меньше отъ великаго до ничтожнаго. Авторъ *Капитала* и его громадный трудъ, нынѣ законченный переводомъ на русскій языкъ, и американскій докторъ философіи г. Гурвичъ, авторъ претенціозной брошюрки, болѣе претенціозной, нежели всѣ три тома *«Капитала»*—это, говорятъ намъ,

учитель и «ученикъ»!! Разстояніе, какъ будто, небольшое, если повѣрить тому, что намъ говорятъ...

II.

Предъидущая главка была уже написана, когда мнѣ принесли двѣнадцатую книжку «Міра Божія» за настоящій 1896 годъ. Въ ней я нашелъ рецензію о книжкѣ г. Гурвича.

Остановимся на короткое время на этой рецензіи. «Любопытная исторія этой книги (замѣчаетъ редакция журнала). Г. Гурвичъ, съ десять лѣтъ тому назадъ, написалъ рефератъ на основаніи работъ рязанскаго статистика г. Григорьева. Этотъ рефератъ былъ имъ читанъ тогда же въ одномъ изъ ученыхъ обществъ въ Москвѣ. Затѣмъ, уже въ Америкѣ его перевелъ на англійскій языкъ и издалъ отдѣльной книгой. Нынѣ его снова перевели на русскій» (стр. 23). Надо думать, что книжка представляетъ большую цѣнность, если заслужила этотъ фокусъ двойного перевода. Рецензентъ «Міра Божія», повидимому, этого не думаетъ: «Такова въ главныхъ чертахъ (читаемъ мы въ цитируемой рецензіи) рисуемая г. Гурвичемъ широкая картина настоящаго и будущаго русской деревни. Каковы-же, спрашивается, данныя, на основаніи которыхъ написана эта картина, которыя даютъ автору право такъ рѣшительно предсказывать будущее *русской* деревни, *русскою* крестьянина? Къ сожалѣнію, въ отвѣтъ на этотъ вопросъ приходится признать, что грандіозное зданіе выводовъ и заключеній г. Гурвича построено на чрезвычайно неустойчивомъ фундаментѣ: изъ предисловія къ русскому изданію мы узнаемъ, что работа г. Гурвича сдѣлана на основаніи земско-статистическихъ сборниковъ по *двумъ* (двумъ!) уѣздамъ Рязанской губерніи и только для нѣкоторыхъ главъ авторъ воспользовался сборниками по тремъ уѣздамъ Воронежской губерніи, затѣмъ въ *одномъ* мѣстѣ использованы данныя по Борисоглебскому уѣзду Тамбовской губерніи и въ *одномъ*—по двумъ уѣздамъ Смоленской губерніи. Г. Гурвичъ полагаетъ, однако, что «приблизительное сходство основныхъ цифръ даетъ намъ право распространить наши выводы на всю среднюю полосу Россіи», въ текстѣ же своей книги вездѣ говорить о «Россіи» и «русской деревнѣ» вообще. Итакъ, *два* уѣзда въ качествѣ источника для изученія русской деревни, и еще *шесть* уѣздовъ въ качествѣ источниковъ вспомогательныхъ, и это въ то время, когда общая масса статистическихъ свѣдѣній земствъ превысила 300 томовъ, когда г. Благовѣщенскій въ своей работѣ, написанной въ 1893 году, свелъ уже данныя по 123 уѣздамъ, а въ работѣ канцеляріи комитета министровъ, напечатанной въ 1894 году, использованы сборники уже по 180 уѣздамъ! Г. Гурвичъ ссылается на «крайнюю затруднительность полученія книгъ изъ Россіи», но прежде всего русской публикѣ, которой онъ нынѣ предлагаетъ редактированный имъ переводъ своего труда, нѣтъ никакого дѣла до этого

обстоятельства; если г. Гурвичъ не располагалъ матеріалами по данному вопросу, онъ просто не имѣлъ научнаго права писать свою книгу, а затѣмъ, если г. Гурвичъ, можетъ быть, и не могъ достать сотенъ томовъ подлинныхъ сборниковъ, то едва-ли такъ трудно ему было бы достать цифровую свѣдку г. Благовѣщенскаго или извѣстныхъ сводныхъ работы гг. Карышева и В. В... Если бы онъ имѣлъ въ рукахъ хотя бы эти работы, онъ навѣрно усомнился бы въ своемъ правѣ распространять свои рязанскіе выводы на всю хотя бы среднюю Россію» (—24). Далѣе рецензентъ подтверждаетъ свой приговоръ рядомъ примѣровъ. Интересующіеся ихъ найдутъ въ упомянутомъ журналѣ. Для насъ же было интересно привести этотъ отзывъ журнала, вообще сочувственнаго той литературной группѣ, къ которой принадлежитъ г. Гурвичъ и которая (судя по изданію перевода его брошюры г-жею М. Водовозовой) приняла «трудъ» г. Гурвича, какъ нѣчто важное и значительное. Эта ссылка на отзывъ упомянутого журнала избавляетъ меня до нѣкоторой степени (впредь до новыхъ возможныхъ журнальныхъ случайностей) отъ очень скучной и непріятной обязанности разбирать и анализировать этотъ «трудъ». О его важности, значительности или цѣнности я могу больше не говорить и съ этой стороны его не оценивать, а прямо перейти къ болѣе интересному вопросу о тѣхъ идеяхъ, броженіе которыхъ въ русскомъ обществѣ знаменуетъ, между прочимъ, и эта брошюра г. Гурвича. Покажемъ, это почти единственная попытка нарисовать на основаніи фактическихъ данныхъ (а не однихъ теоретическихъ соображеній) ходъ современнаго экономическаго развитія Россіи, какъ оно понимается представителями упомянутой литературной группы. Фактическія данныя легковѣсны и недостаточны, какъ то и признаетъ цитированный рецензентъ, но за всѣмъ тѣмъ вполне достойно нашего вниманія остановиться нѣсколько на той «широкой картинѣ настоящаго и будущаго русской деревни», которая представляется уму названныхъ писателей и которая до сихъ поръ почти всего отразилась въ брошюрѣ г. Гурвича.

Въ этой «широкой картинѣ» — двѣ стороны: упадокъ народнаго хозяйства, это во-первыхъ, и во-вторыхъ, ростъ и укрѣпленіе капиталистическаго земледѣлія. Въ этой широкой рамѣ, охватывающей всѣ стороны экономической сельской жизни, рельефно вырисовывается и ярче другихъ выдѣляется специальная эволюція, ведущая къ разложенію поземельной общины и къ переходу къ частной поземельной собственности. Распаденіе большой семьи на мелкія дополняетъ эту картину, которая и въ своемъ цѣломъ и въ существенныхъ своихъ частностяхъ является совершенно необходимымъ и неизбѣжнымъ продуктомъ исторической эволюціи, развитія капитализма, во-первыхъ, и «перехода отъ первобытнаго коммунизма», во-вторыхъ. Значитъ, 1) упадокъ народнаго хозяйства; 2) преуспѣяніе капиталистическаго земледѣлія; и 3) неизбѣжность

и необходимость этихъ процессовъ, съ которыми бесполезно бороться,—такова (въ примѣненіи къ русской сельской жизни) основная сущность тѣхъ идей, броженію которыхъ мы обязаны, между многими прочими, и появленіемъ труда г. Гурвича. Остановимся на каждомъ изъ этихъ трехъ положеній.

Упадокъ народнаго хозяйства и шатаніе общины—это, конечно, не тотъ порохъ, который изобрѣли наши экономическіе матеріалисты. Еще сорокъ лѣтъ тому назадъ Константинъ Аксаковъ, въ ядовитой критикѣ тогда проектированнаго и затѣмъ обратившагося въ законъ *Положенія* о крестьянахъ, указывалъ на опасность для развитія общины вновь создаваемыхъ условій административной опеки и выдѣленія властнаго сельскаго начальства, властнаго тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе невѣжественное, и чѣмъ въ свою очередь болѣе подчиненное полиціи. Въ то же почти время публицисты «Современника» видѣли такую же опасность въ недостаточномъ размѣрѣ крестьянскихъ надѣловъ. Реформа осуществилась, принесла много добра и радости, но въ нѣкоторыхъ частностяхъ, уже предсказанныхъ упомянутыми писателями, заключала въ себѣ зародыши для потрясенія народнаго экономическаго развитія. Совершенное потрясеніе реформой соперничающей крупной хозяйственной формы отчасти задерживало этотъ процессъ, благодаря быстрому и широкому развитію системы народныхъ арендъ. Но, съ другой стороны, преднамѣренное отчасти, а отчасти естественное пробужденіе торговли и промышленности влекло страну къ переходу отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, и создавало условія для подрыва народнаго хозяйства, *если не произойдетъ* того же отчасти преднамѣреннаго и отчасти естественнаго движенія въ сторону развитія народнаго хозяйства и условій его существованія, которыя отвѣчали бы новому нарождающемуся порядку вещей.

Иначе, постепенный упадокъ народнаго благосостоянія и народнаго хозяйства становились естественнымъ послѣдствіемъ перелета неблагоприятныхъ условій. На первыхъ же порахъ этотъ начинающійся упадокъ народнаго хозяйства обратилъ вниманіе изслѣдователей народной жизни. Книга г. Флеровскаго «Положеніе рабочаго класса въ Россіи», вышедшая тридцать лѣтъ тому назадъ, даже заслужила упрекъ въ слишкомъ мрачныхъ краскахъ нарисованной картины. Параллельно съ этой попыткой охватить въ одной картинѣ экономическое положеніе всего русскаго народа, попыткой, для своего времени даже слишкомъ смѣлою, шли частныя изслѣдованія по отдѣльнымъ районамъ и по отдѣльнымъ вопросамъ, работы Елисеева, Лалоша, Чаславскаго, Васильчикова, Яссона, гдѣ со вниманіемъ отмѣчались эти прискорбныя явленія постепеннаго упадка народнаго благосостоянія и народнаго хозяйства. Половина семидесятыхъ годовъ вновь увидѣла попытку сводной работы, охватывающей всю страну. Это была замѣчательная книга Васильчикова «Землевладѣніе и земледѣліе», для которой было

собрано русскими изслѣдователями гораздо больше матерьяла, нежели для работы г. Флеровскаго.

Книга кн. Васильчикова уже несомнительно и безъ колебанія констатировала процессъ постепеннаго упадка народнаго хозяйства и прямо заявляла, что если условія существованія этого хозяйства не перемѣнятся, то народному благосостоянію угрожаетъ весьма серьезная опасность. Васильчиковъ указывалъ на необходимость привести платежи, возложенные на народное землевладѣніе, въ соотвѣтствіе съ доходностью земли. Осторожнѣе нѣсколько высказывался онъ о недостаточности крестьянскихъ надѣловъ и предлагалъ учрежденіе крестьянскаго банка и правильную организацію переселенческаго дѣла. Не столько въ интересахъ народнаго хозяйства, сколько въ интересахъ охраненія плодородія почвы, Васильчиковъ предлагалъ законодательно регулировать мелкоарендные отношенія, оградивъ права арендаторовъ отъ произвола владѣльцевъ, и взялъ для этого за образецъ первый ирландскій ландбилль Гладстона, тогда недавно лишь изданный (въ 1872 г., а книга Васильчикова вышла въ 1875 г.); все это, конечно, очень осторожно и далеко не исчерпываетъ причинъ процесса, который тревожилъ автора. Болѣе того, основная причина совершенно не принята во вниманіе, но другія непосредственныя и тоже чрезвычайно значительныя причины были уже или удовлетворительно указаны, или намѣчены, а самъ процессъ постепеннаго упадка народнаго хозяйства обрисованъ яркими и сильными чертами. Какъ сказано, это произошло въ 1875 году, за 21 годъ до изобрѣтенія пороха гг. Гурвичемъ и Санинымъ, причемъ однако Васильчиковъ себя Бертольдомъ Шварцемъ не считалъ и, хорошо зная и называя своихъ предшественниковъ.

Черезъ годъ послѣ книги Васильчикова, въ 1876 году, вышло въ свѣтъ изслѣдованіе Янсона «О надѣлахъ и платежахъ», производшее прямо потрясающее впечатлѣніе ослѣпительною яркостью картины этого процесса упадка народнаго хозяйства. Янсонъ не изслѣдовалъ отдаленныхъ причинъ, но ближайшія — непомѣрность платежей и маломѣрность надѣловъ — послѣ его изслѣдованія могъ не признать только не желающій признать во что бы то ни стало. Янсонъ не предлагалъ и программы, но онъ тѣмъ съ большею силой заставилъ другихъ приняться за это. Въ томъ же 1876 году, когда вышла книга Янсона, въ осеннюю сессію екатеринославскаго губернскаго земскаго собранія было возбуждено ходатайство въ установленномъ порядкѣ о необходимости расширить крестьянское землевладѣніе, при чемъ екатеринославское земство полагало достигнуть этого не переселеніями и не крестьянскимъ банкомъ, а дополнительнымъ надѣленіемъ на началахъ 1861 г. Черезъ два года, въ 1878 г. пятый всероссійскій съѣздъ сельскихъ хозяевъ, собравшійся въ Одессѣ, призналъ критическое положеніе народнаго хозяйства и указалъ на необходимость расширенія народнаго землевладѣнія.

Такимъ образомъ, критическое положеніе и постепенный упадокъ

народнаго хозяйства были не только доказаны, но и вошли въ общее сознание уже двадцать лѣтъ назадъ. Очевидно, не этотъ пороухъ надо изобрѣтать въ настоящее время, хотя заниматься этимъ вопросомъ и постоянно внимательно слѣдить за развитіемъ народной экономической жизни, какъ она отражается въ нашей богатой статистической и монографической литературѣ, не только слѣдуетъ, но является нравственною обязанностью современной литературы и передъ націей, которая ее содержитъ, и передъ этими прежними нынѣ умолкшими работниками русскаго слова, столь много и столь плодотворно потрудившимися въ свое время, плодотворно—увѣ!--болше для *уясненія* народнаго состоянія, нежели для его *преустынія*. Последнее не въ предѣлахъ литературной компетенціи.

Работы семидесятыхъ годовъ, на которыхъ мы до сихъ поръ останавливались, замѣчательны по тщательному и въ то время очень не легкому обследованію условий народнаго быта и народнаго хозяйства. Эти работы, дѣйствительно, даютъ «широкую картину» русской деревни того времени. Мы указали уже, что онѣ останавливаются на ближайшихъ непосредственныхъ причинахъ подмѣченного процесса, оставляя въ сторонѣ главную причину, vlastное вторженіе капитализма въ русскую экономическую жизнь. Быть можетъ, указаніе на эту причину и есть тотъ пороухъ, который надо было изобрѣтать г. Гурвичу и его единомышленникамъ? При всемъ добромъ желаніи что нибудь уступить и на ихъ долю, и въ этомъ случаѣ не приходится этого сдѣлать. Тогда же, около двадцати лѣтъ тому назадъ, въ концѣ семидесятыхъ и на порогѣ восьмидесятыхъ годовъ, появились въ печати два крупныхъ по объему и замѣчательныхъ по заключающимся въ нихъ идеямъ труда, посвященные именно этому вопросу о вторженіи капитализма въ русскую экономическую жизнь. Въ журналѣ «Слово» напечатанъ былъ рядъ статей г. Николая—она подъ общимъ заглавіемъ «Очерки нашего пореформеннаго хозяйства» (въ книгѣ, вышедшей подъ тѣмъ же заглавіемъ въ 1893 г., онѣ составили первую часть, озаглавленную «Капитализація земледѣльческихъ доходовъ»), а въ «Отечественныхъ Запискахъ» вскорѣ послѣ того начали появляться статьи г-на В. В. затѣмъ собранныя и объединенныя въ одну книгу подъ заглавіемъ «Судьбы капитализма въ Россіи». Оба труда констатируютъ вторженіе капитализма въ русскій экономическій бытъ, оба этимъ вторженіемъ объясняютъ упадокъ народнаго благосостоянія и оба изслѣдуютъ русскій капитализмъ въ масштабѣ, совершенно недоступномъ для тѣхъ нѣсколькихъ жидкихъ страничекъ, которыя до сихъ поръ ему посвящали г. Гурвичъ и всѣ его единомышленники, вмѣстѣ взятые *).

*) Изъ этихъ строкъ отнюдь не должно слѣдовать, что я смѣшиваю труды названныхъ двухъ авторовъ и еще менѣе того, что я принимаю ея выводы г-на В. В.

того же времени на этот капиталистический процессъ въ Россіи обратилъ вниманіе и Н. К. Михайловскій, вызвавшій этимъ известное письмо Карла Маркса, напечатанное нѣсколько позже въ «Юридическомъ Вѣстникѣ». О статьяхъ Зибера, печатавшихся около того же времени, знаетъ даже г. Гурвичъ. Въ семидесятыхъ же годахъ вышелъ на русскомъ языкѣ и первый томъ «Капитала». Да, несомнѣнно и по этому вопросу о капитализмѣ вообще, и объ его вторженіи въ русскую экономическую жизнь въ частности и въ особенности, Америка открыта давно. Оставалось внимательно слѣдить за этимъ процессомъ, наблюдать народную жизнь и тщательно регистрировать ея теченіе. Восьмидесятые годы добросовѣстно и многосторонне выполняли эту задачу, такъ что и въ этомъ отношеніи весь матеріалъ былъ собранъ и подготовленъ, когда въ девятидесятые годы появились наши открыватели Америки и изобрѣтатели пороха. Съ этой стороны, ни книжка г. Гурвича, ни какой либо другой «трудъ» его единомышленниковъ, не сказали ничего новаго, а лишь отрывочно и неумѣло повторили то, что давно до нихъ было сказано другими писателями, тѣми другими, на которыхъ, однако, группа г-на Гурвича ополчилась за яко бы игнорированіе этого самого процесса упадка народного хозяйства и потрясенія народной общины!

Было бы несправедливо утверждать, что среди изучавшихъ въ 60, 70 и 80 годахъ русскую сельскую жизнь, вовсе не было лицъ, со страхомъ закрывавшихъ глаза передъ суровою дѣйствительностью и пытавшихся отрицать и фактъ упадка народного хозяйства, и фактъ шатанія общиннаго уклада народной жизни, и фактъ вторженія капитализма въ русскую жизнь. Такіе близорукіе наблюдатели несомнѣнно были. Встрѣчаются они и теперь. Но отождествлять ихъ со всею русскою экономическою литературою этого тридцатилѣтія было бы очень недобросовѣстно, если бы только такое отождествленіе не являлось большею частью плодомъ простаго незнакомства.

Итакъ, въ «широкой картинѣ настоящаго и будущаго русской деревни», которая рисуется передъ умомъ г. Гурвича и его литературной группы, первая часть написана давно другими, имъ только переписана, и въ существенномъ не возбуждаетъ споровъ. Да, народное хозяйство приходитъ постепенно въ упадокъ; капиталистическій процессъ, вторгшись въ русскую экономическую жизнь, накладываетъ свою тяжелую руку и на деревню; передъ этимъ властнымъ наступленіемъ мало по малу отступаютъ прежнія формы экономическаго быта; община, большая семья, артель, кустарные и домашніе промыслы, натуральное хозяйство, все подвергается этимъ ударамъ, все слабѣетъ, все медленно готовится къ вымиранію и все рано или поздно и обречено на вымираніе, *если мы не сумѣемъ найти въ своей умственной и нравственной культурѣ, въ своихъ организованныхъ общественныхъ силахъ, въ своихъ руково-*

дѣющихъ классахъ достаточно разума и совѣсти, знанія и патриотизма, чтобы спасти наше отечество и нашъ народъ отъ горестныхъ путей западно-европейскаго экономическаго развитія. Только въ строкахъ, отмѣченныхъ курсивомъ гг. Струве, Гурвичъ, Санинъ и другіе ихъ единомышленники могутъ быть не согласны съ нами, но въ этомъ они не согласны и съ тѣмъ, ученикомъ кого они себя величаютъ. Ибо въ его извѣстномъ, вышеупомянутомъ письмѣ въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» онъ высказывается именно въ смыслѣ идей, высказанныхъ въ выше отмѣченныхъ курсивомъ строкахъ. Къ этому мы еще возвратимся ниже, а теперь перейдемъ ко второй части *широкой* картины.

III.

Въ книгѣ г. Гурвича есть глава «Крупное сельское хозяйство» и затѣмъ въ приложеніи «Замѣтки о развитіи капиталистическаго сельскаго хозяйства въ Россіи». Эти послѣднія составляютъ какъ сообщено въ приложеніи, «отрывокъ изъ книги И. А. Гурвича *Переселеніе крестьянъ въ Сибирь*». Москва. 1888 г. Перепечатывается съ нѣкоторыми сокращеніями». Въ этомъ отрывкѣ нѣтъ ничего оригинальнаго. Довольно жидковатое переизложеніе (на 20 разгнѣтыхъ страницахъ небольшого формата) общезвѣстныхъ фактовъ «съ нѣкоторыми сокращеніями» (какъ и предупреждаетъ издательница). За то довольно оригинальна выше названная глава въ текстѣ, призванная доказать, что «капиталистическое» хозяйство развивается и прогрессируетъ въ русской деревенской жизни. Доказательства эти такъ оригинальны, что становятся даже курьезны.

Право, читая, я долго не вѣрилъ собственному впечатлѣнію и все думалъ, что вотъ вотъ начнется это нѣчто похожее или хотя бы уподобляющееся обыкновенному экономическому изслѣдованію... Впрочемъ, судите сами.

«Въ слѣдующей таблицѣ (пишетъ г. Гурвичъ) сгруппированы результаты сдѣланнаго выше сравненія капиталистическаго и дворянскаго землевладѣнія» (стр. 201): Могу васъ увѣрить, читатель, что такъ и напечатано: «капиталистическаго» и «дворянскаго»!! Могу къ этому прибавить, что и вообще въ упомянутой главѣ эти два термина противопоставляются, такъ что «капиталистическое» значитъ «не дворянское» и наоборотъ... Возвратимся, однако, къ таблицѣ, упомянутой въ цитированныхъ строкахъ. Она резюмируетъ «изслѣдованіе» нашего автора о развитіи капиталистическаго земледѣлія. Я не люблю пестрить изложеніе таблицами, но на этотъ разъ прошу прощенія у читателя и настоятельно рекомендую просмотрѣть внимательно цитируемую таблицу, которая отъ слова до слова слѣдующая:

Отрицательные при- знаки.	Средняя ве- личина имѣ- нія. Деся- тинъ.		Положительные при- знаки.	Средняя ве- личина имѣ- нія. Деся- тинъ.	
	Землевлѣдѣ- ніе капита- листовъ.	Землевлѣдѣ- ніе дворянъ.		Землевлѣдѣ- ніе капита- листовъ.	Землевлѣдѣ- ніе дворянъ.
Земля исключительно сдается въ аренду мелкими участками .	128	273	Ведется крупное хо- зяйство.	289	734
Земля обрабатывается только хозяевами .	108	233	Примѣняется трудъ пролетаріевъ . . .	351	783
Земля не удобряется	138	280	Земля удобряется. .	363	816
Земля обрабатывается крестьянскимъ ско- томъ	138	326	Держатся рабочіи ло- шадѣ	326	896
Пшеница не сѣется .	197	501	Сѣется пшеница. . .	478	898
Земля обрабатывается крестьянской сохой .	191	428	Имѣются плуги . .	520	1044

Правда, слово «капиталистическое» въ таблицѣ замѣнено сло-
вомъ «капиталистовъ», но, вѣдь, таблица призвана доказать тор-
жество капитализма!.. И доказываетъ это она очень оригинально:
купцы владѣютъ капиталами, и потому ихъ владѣнія «капиталисти-
ческія» и, если, тасуя факты, можно выудить нѣкоторыя преиму-
щества купеческихъ помѣстій, то все это и есть успѣхъ капита-
лизма! Но отъ этого въ разрядѣ «капиталистическаго» землевлѣдѣ-
нія (какъ оно называется въ цитированномъ выше предисловіи
къ таблицѣ и въ другихъ мѣстахъ главы) оказываются имѣнія,
всю землю сдающія въ мелкую аренду! Съ другой стороны въ
разрядѣ некапиталистическомъ зачислены имѣнія съ крупнымъ хо-
зяйствомъ и батраками! Это довольно курьезный анализъ. Онъ
дополняется тѣмъ страннымъ выводомъ, что и въ тѣхъ признакахъ,
которые г. Гурвичъ считаетъ отрицательными, и въ тѣхъ, которые
онъ признаетъ положительными, купеческія (капиталистическія, по
его терминологіи) имѣнія мельче, т. е. (по его мнѣнію) опережаютъ
дворянскія... Что же изъ этого слѣдуетъ, кромѣ того, что купеческія
имѣнія, вообще, мельче дворянскихъ? А если не мельче (какъ то
можно-бы заключить изъ таблицы на стр. 191), то больше уже
ничего не слѣдуетъ, и изслѣдованіе пришло въ абсурду*). Къ со-

*) Замѣчу, впрочемъ, что свѣдѣнія таблицы на стр. 191 относятся ко
всему дворянскому и купеческому землевлѣдѣнію, а вычисленія цитированной
таблицы со стр. 201, повидимому, только къ помѣстьямъ больше 50 дес. Если
это такъ, то въ виду того, что, по словамъ самого г. Гурвича, купцы не

жалѣнію, это самое снисходительное сужденіе, которое можно про-извести надъ этою табличкою и ея составителемъ. Она составлена на основаніи данныхъ, приведенныхъ самимъ авторомъ на 190—202 стр. и заимствованныхъ изъ земскаго сборника по Рязанскому уѣзду. Пользуюсь цифрами, приведенными самимъ г. Гурвичемъ, и составляю слѣдующую контртаблицу, имѣющую доказать, что «капиталистическое», по-просту говоря, купеческое землевладѣніе во всѣхъ отношеніяхъ болѣе отсталое, нежели дворянское. Въ послѣднемъ столбцѣ указаны страницы книжки г. Гурвича, съ которыхъ заимствованы введенныя въ эту табличку данныя:

	Купцы	дворяне	стр.
Имѣній безъ пашни	16,3 %	0,7 %	193
Имѣній съ пашней безъ удобренія	15,0 %	8,0 %	196
Имѣній безъ посѣва пшеницы	58,4 %	41,1 %	197
Батраковъ держится одинъ на	48 дес.	45 дес.	200

И т. д., и т. д.

Я не выдаю эту таблицу за правильную. Напротивъ она составлена по методу г. Гурвича: приведены лишь данныя, благопріятныя дворянскому землевладѣнію. Она въ этомъ видѣ годится не больше таблички самого г. Гурвича, т. е. никуда не годится, но знаменательно, что г. Гурвичъ этихъ и подобныхъ данныхъ не ввелъ въ свою вышеприведенную сравнительную таблицу, хотя они заключаются въ имъ самимъ приведенныхъ матерьялахъ. Воображаю, что бы мы нашли, если бы заглянули въ самые источники... Судя по этому образцу, могли бы ожидать многого.

Зачѣмъ же, однако, понадобилось г. Гурвичу это смѣшеніе купеческаго съ капиталистическимъ? А зачѣмъ и эта подтасовка для доказательства болѣе, яко бы, высокаго состоянія купеческаго хозяйства сравнительно съ дворянскимъ? Дѣло въ томъ, что фактъ значительнаго перехода дворянскихъ имѣній въ купеческія руки общезвѣстенъ и, если бы можно было доказать высшую купеческую капиталистическую культуру, то и весь этотъ процессъ можно было бы зачислить въ доказательство преуспѣянія капиталистическаго сельскаго хозяйства! Такъ и поступаетъ г. Гурвичъ... Это главный аргументъ г. Гурвича, послѣ котораго можно себя избавить отъ разбора другихъ. Меня только интересуешь, зачѣмъ все это понадобилось г. Гурвичу? Вѣдь, не можетъ же онъ самъ вѣрить достовѣрности плодовъ продѣланной имъ манипуляціи! Право, чудакъ... Неужели званіе доктора философіи нельзя получить въ Аме-

---

покупаютъ мелкихъ участковъ (а дворяне ими владѣютъ въ изобиліи), исключеніе владѣній меньше 50 дес. должно бы значительно поднять среднюю величину дворянскаго владѣнія и очень мало повліять на среднюю величину купеческаго владѣнія. Дворянская средняя послѣ этого могла бы превзойти среднюю купеческую, что и доказывается цитированной таблицею. И доказывается ею только это.

рикѣ по болѣе дешевой цѣнѣ? Вѣдь, это цѣна совѣсти... Въ Европѣ можно получить цѣною труда. Вѣроятно; не невозможно и въ Америкѣ.

Но что же, въ самомъ дѣлѣ, подѣлываетъ капитализмъ не въ брошюрѣ г. Гурвича, а въ русской деревнѣ? Для уясненія этого вопроса полезнѣе всего заглянуть въ книгу г. Николая—она «Очерки нашего пореформеннаго хозяйства». Она издана три года раньше «Труда» гг. Гурвича и Санина, и не характерно ли въ самомъ дѣлѣ ея игнорированіе этими «ислѣдованіями»? Книга г. Николая—она намъ отвѣтитъ, что, во-первыхъ, въ широкомъ масштабѣ происходитъ капитализація земледѣльческихъ доходовъ, а во-вторыхъ, медленнѣе и постепеннѣе, но тоже несомнительно развивается капитализація кустарныхъ и домашнихъ промысловъ (обрабатывающихъ). О капитализаціи же промысловъ земледѣльческихъ книга не даетъ данныхъ и не даетъ по простой причинѣ: такого процесса въ сколько нибудь значительномъ масштабѣ въ нашей экономической жизни доселѣ не проявлялось. *Да этого вовсе и не надобно для перехода страны къ капиталистической формѣ экономического развитія.* Въ большей части Западной Европы и даже въ такихъ капиталистическихъ странахъ, какъ Бельгія, Голландія, Швейцарія, Франція, земледѣльческіе промыслы избѣгли капитализаціи. Это не помѣшало образованію многочисленнаго рабочаго пролетаріата, потому что въ широкомъ масштабѣ происходила и происходитъ капитализація земледѣльческихъ доходовъ. Не помѣшало это и угнетенному критическому состоянію крестьянскаго земледѣлія, потому что капитализація кустарныхъ и домашнихъ промысловъ лишила земледѣльческое населеніе зимняго заработка. И у насъ, какъ то неопровержимо доказали и упомянутыя работы г. Н.—она и многочисленные убѣдительныя другія изслѣдованія, развиваются оба процесса, и капитализація земледѣльческихъ доходовъ, и капитализація сельскихъ кустарныхъ и домашнихъ промысловъ, оба вышѣшъ ложаѣсь тяжелымъ бременемъ на народное благосостояніе и на народное хозяйство. Стало быть, все въ должномъ порядкѣ. Все происходитъ по законамъ экономической эволюціи. Капитализмъ «шепсвуетъ путемъ своимъ желѣзнымъ» и своей паутиной все тѣснѣе и тѣснѣе оплетаетъ нашъ мужицкій міръ, этотъ трудовой міръ, слабый экономически, отсталый культурно, безпомощный по невѣжеству, подавляемый тяжелыми некультурными условіями своего быта... Чего же еще надобно гг. экономическимъ материалистамъ? Затѣмъ гоняются за мечтой капитализаціи и земледѣльческаго промысла? Вѣдь, это нарушило бы и стройность теоретическаго построенія, и закономерность исторической эволюціи! Все придетъ въ свой срокъ, всякому овощу свое время... И, однако, хлопочутъ. Должно бытъ, не напрасно.

Конечно, не напрасно: защищать процессъ народнаго раззоренія, не сопровождаемый никакимъ ультимативнымъ прогрессомъ, было

бы, пожалуй, не только неудобно, но для большинства этихъ наивныхъ доктринеровъ даже нравственно невозможно. Совсѣмъ другое дѣло, если вслѣдствіе *естественнаго* упадка отсталого народнаго хозяйства, должна была бы процвѣсти высшая культура, произошло бы обобществленіе земледѣльческаго производства чрезъ его капитализацію, что подготовило бы и возрожденіе самостоятельнаго народнаго производства, но уже высоко культурнаго и обобществленнаго... Русская деревенская дѣйствительность не хочетъ покуда подтвердить эту схему. Да и какъ могла бы она это сдѣлать, если и въ болѣе культурныхъ и богатыхъ странахъ крупное земледѣліе переноситъ въ настоящее время очень тягостный кризисъ! Странно было бы, если бы только русское крупное хозяйство, самое бѣдное и наименѣе усовершенствованное, было свободно отъ кризиса и являло бы міру примѣръ всесторонняго культурнаго прогресса! Оно, конечно, и не является такого примѣра, какія бы таблицы ни с оставляли гг. Гурвичъ съ товарищами. Земледѣльческій кризисъ поразившій всѣ страны Европы и Америки и всего тяжѣе отразившійся на капиталистическомъ сельскомъ хозяйствѣ, охватилъ неизбежно и Россію, и здѣсь угнеталъ сильнѣе тѣ слабые ростки капиталистическаго земледѣлія, которые успѣли взойти на нашей нивѣ.

Въ идеяхъ, изложенныхъ въ третьемъ томѣ «Капитала», можно найти новое освѣщеніе этого явленія. Дѣло въ томъ, что капиталистическое земледѣліе имѣетъ всегда болѣе или менѣе значительный постоянный капиталъ (постройки, хозяйственные обзаведенія, живой и мертвый инвентарь, сѣмена, туки, запасы матерьяловъ), тогда какъ земледѣліе народное можетъ довести до совершеннаго *minimum'a* тѣ средства производства, которыя соответствуютъ постоянному капиталу крупнаго хозяйства. Съ другой стороны, именно, благодаря этому, производительность труда въ мелкомъ хозяйствѣ меньше, а, слѣдовательно, рабочей силы требуется больше, что еще сильнѣе обозначаетъ перевѣсъ постоянного капитала въ крупномъ хозяйствѣ, и его значеніе для этого хозяйства. Но прибавочная цѣнность создается лишь въ процессѣ воспроизводства переменнаго капитала, затѣмъ распределяется въ качествѣ прибыли и на постоянный капиталъ и *только этимъ* обезпечиваетъ хозяйству согласіе постоянного капитала участвовать въ производствѣ. Если въ настоящее время по причинамъ, которыя на этотъ разъ оставимъ въ сторонѣ, доходность земледѣлія повсемѣстно упала (фактъ, не возбуждающій сомнѣнія), то это значитъ, что прибавочная цѣнность тоже упала; ее пришлось уступить или другимъ производствамъ, сумѣвшимъ создать для себя иное строеніе капитала, или просто торговому капиталу, сумѣвшему поставить на рынокъ производство дѣйственныхъ земледѣльческихъ странъ. Мелкому земледѣлію, которому не нужно обезпечивать участіе въ производствѣ постоянного капитала отчисленіемъ на его долю части прибавочной цѣнности, гораздо легче

уступить промышленному и торговому капиталу хотя бы всю прибавочную цѣнность, что совершенно немыслимо для капиталистическаго хозяйства, которое при этомъ лишилось бы всего постоянного капитала. Мелкому земледѣлію такая уступка тѣмъ удобнѣе, что недоуступленное промышленному и торговому капиталу, оно все равно уступило бы въ видѣ абсолютной ренты.

Если таковы общія условія для развитія капиталистическаго земледѣлія, то изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы въ разныхъ мѣстахъ такой обширной страны, какъ Россія, не могли создаваться, то тамъ, то здѣсь, условія, благоприятныя возникновенію капиталистическаго сельскаго хозяйства. Вспомнимъ, прежде всего, о законѣ дифференціальной ренты. Гдѣ дифференціальную ренту крупное хозяйство (конечно, на собственной, не арендованной землѣ) можетъ въ сколько нибудь замѣтномъ размѣрѣ усчитать въ свою пользу, тамъ оно можетъ даже процвѣсти на счетъ этой дифференціальной ренты. Надо помнить, что обладаніе дифференціальной рентой, т. е. умѣніемъ и возможностью использовать естественныя и общественныя преимущества имѣнія, обыкновенно требуетъ затраты капитала и при мелкой арендѣ остались бы втунѣ. Здѣсь выгодно основать капиталистическое хозяйство. Такихъ случаевъ должно быть весьма не мало по лицу Россіи. Даже тотъ общеизвѣстный фактъ, что у насъ въ Россіи крупное хозяйство лучше выдерживаетъ кризисъ на окраинахъ, ближе къ мѣстамъ экспорта продуктовъ, есть случай вліянія дифференціальной ренты.

Второй случай, при которомъ и въ настоящее время можно ожидать появленія доходнаго капиталистическаго хозяйства въ деревнѣ, это введеніе *новыхъ* специальныхъ культуръ, если по условіямъ рынка ихъ продукты хорошо спрашиваются. Такъ было, напр., съ культурою льняного сѣмени въ Новороссійскихъ степяхъ, съ подсолнечною культурою въ Воронежской губерніи и пр. Но въ этомъ случаѣ выгоды такой специальной культуры очень скоро привлекаютъ и увлекаютъ и другихъ хозяевъ, и доходность скоро выравнивается съ среднею земледѣльческою доходностью, что и произошло въ упомянутыхъ культурахъ. Выигрываютъ нѣкоторые хозяева, взявшіе инициативу, не болѣе, но въ общей картинѣ движенія формъ хозяйства и эти случаи занимаютъ свое мѣсто и оказываютъ свое, хотя и временное, вліяніе, смѣняемое одно другимъ и въ этомъ смыслѣ получающее даже и длительный характеръ.

Оба приведенные случая, вліяніе дифференціальной ренты и введеніе новыхъ специальныхъ культуръ, представляются явленіями, по самому существу своему, не допускающими широкаго распространенія (нельзя же яблоками завалить міръ и замѣнить хлѣбъ), но есть еще случай, при которомъ капиталистическое хозяйство можетъ преуспѣвать на русской почвѣ. Это случай, когда оно не повышаетъ, а понижаетъ типъ, когда оно отъ земледѣльческаго переходитъ къ скотоводческому. Цѣнностей такое хозяйство произведетъ

гораздо меньше земледѣльческаго, но за то и издержки производства уменьшены еще въ большей пропорціи. Этотъ процессъ капитализаціи сельско-хозяйственнаго промысла не съ повышеніемъ, а съ пониженіемъ его типа и валовой доходности, могъ бы приобрести болѣе широкое распространеніе, и едва ли не онъ одинъ возможенъ и вѣроятенъ, если судьба не дозволитъ оправиться народному хозяйству. Правда, нива, которая родитъ сѣно, уже не принесетъ хлѣба, а земля, которая кормитъ быковъ и барановъ, не можетъ въ то же время кормить людей. Русскому народу пришлось бы уйти въ Азію, чтобы уступить мѣсто скоту, воспитываемому для улучшенія пищи разнаго иностраннаго потребителя! Конечно, этого въ большомъ масштабѣ не будетъ, но много испытаній можетъ принести этотъ процессъ, если бы упадокъ народнаго хозяйства и сокращеніе площади народнаго производства на владѣльческихъ земляхъ привели бы къ этому залуженію пахотныхъ земель. Высшей культуры, во всякомъ случаѣ, не получилось бы. Съ экономической точки зрѣнія, такая капитализація возможна не только самая широкая, но даже всеобщая, но съ точки зрѣнія государственной и національной ея значительное распространеніе безусловно немислимо и рѣшительно недопустимо. Десять лѣтъ тому назадъ въ Англіи законодательнымъ актомъ было воспрещено дальнѣйшее залуженіе пахотныхъ земель Горной Шотландіи въ виду прямой опасности обезлюженія страны. То же одѣлало бы каждое государство, если бы замѣтило нѣкоторое обобщеніе этого процесса.

Капиталистическое сельское хозяйство для своего возникновенія и опредѣленія должно обладать капиталами, агрономическими знаніями и контингентомъ опытныхъ постоянныхъ рабочихъ-пролетаріевъ. Тридцать пять лѣтъ тому назадъ, въ эпоху освобожденія, ни одного изъ этихъ условій на лицо не было въ Россіи. Время ихъ постепенно создавало и теперь и концентрація капитала достаточно подвинулась, и бездомнаго (если не безземельнаго формально) люда появилось немало, есть и агрономы. Всего этого недостаточно для всеобщаго преобразованія хозяйственнаго строя русской деревни, но уже довольно для возникновенія тамъ, гдѣ условія благоприятны, капиталистическихъ хозяйствъ. Они и возникаютъ и должны возникать, но въ нихъ затруднительно видѣть даже хотя бы только первыхъ прилетѣвшихъ грачей приближающейся капиталистической весны. Общія условія еще слишкомъ неблагоприятны обобщенію этого процесса капитализаціи земледѣльческаго промысла. Но если капитализація земледѣльческихъ доходовъ и подспорныхъ зимнихъ промысловъ земледѣльской массы продолжаетъ свое фатальное развитіе, а капитализація самаго земледѣльческаго промысла, вслѣдствіе всеобщаго кризиса, становится все менѣе вѣроятною, то гдѣ же выходъ изъ этого противорѣчія, разрѣшающагося только въ процессѣ упадка и народнаго благосостоянія, и сельско-хозяйственной культуры? Отвѣтъ много

разъ давали, глухіе (они, можетъ быть, оглушенные) не слышатъ. Если обобществленіе производства чрезъ капитализацію не вѣроятно, то надо достигнуть обобществленія безъ капитализаціи. Но если возможно достигнуть обобществленія земледѣльческаго производства безъ его капитализаціи, т. е. безъ народнаго раззоренія, то обязательно избрать этотъ путь и въ томъ случаѣ, если бы путь капитализаціи и оказался доступнымъ. Иначе говоря, необходимо стремиться, чтобы разрозненные слабыя подворныя хозяйства соединялись въ крупныя общественныя на общинныхъ и арендованныхъ земляхъ. Для послѣдняго необходимо регулированіе аренднаго права, но и для перваго нужна законодательная санкція. Нужно еще многое другое: болѣе культурныя условія народнаго быта, распространеніе просвѣщенія, агрономическое знаніе, затрата средствъ, безкорытный трудъ, просвѣщенные общественные дѣятели... Многое, очень многое требуется, потому что *tout s'enchaîne dans ce monde*, но и задача—достойна великаго народа... Пятнадцать лѣтъ тому назадъ Марксъ писалъ, что если Россія не воспользуется своей экономической организаціей для плѣссообразнаго направленія своей экономической исторіи, то будетъ потерянь, быть можетъ, единственный случай во всемірной исторіи, когда великая нація могла-бы избѣгнуть тяжелыхъ и несправедливыхъ путей капиталистической эволюціи. Всѣ, кто себя называютъ его учениками, всячески теперь сѣются доказать (даже такими остроумными приемами, какъ выше цитированныя таблицы изъ книжки г. Гурвича), что ихъ учитель былъ кругомъ не правъ, что указанная имъ возможность не существуетъ и что лица, раздѣляющія его взглядъ, жалкіе слѣпцы, нелѣпыя «субъективисты» и пр., и пр. Въ этомъ отношеніи, Господь съ ними, съ учениками, пусть себѣ бранятся на здоровье себѣ и на утѣху своихъ, кому это нравится, но надо же, наконецъ, сдѣлать хотя бы первую попытку доказать невозможность того, что ихъ учитель признавалъ возможнымъ. Пора бы, кажется... А что народное хозяйство приходитъ въ упадокъ, это не они показали и доказали. Не ими же раскрыты и причины.

Съ г. Гурвичемъ и его книгою, я думаю, можно на этомъ и кончить, но къ третьему тому «Капитала» и къ вопросамъ нашей экономической эволюціи я, вѣроятно, еще буду имѣть случай возвратиться на страницахъ этого «Дневника»..

С. Юмаковъ.

Литература и жизнь.

Мы видѣли пристрастіе Ибсена къ таинственнымъ магическимъ силамъ, роковымъ образомъ опредѣляющимъ судьбу человѣка. («Строитель Сольнесъ», «Маленькій Эйольфъ», «Эллида»). Но тогда мы взглянули на это пристрастіе только какъ на одинъ изъ элементовъ, затемняющихъ смыслъ произведеній Ибсена. Таково оно и есть. Но при сопоставленіи съ нѣкоторыми другими чертами Ибсеновыхъ драмъ оно получаетъ еще и иное значеніе.

Въ самой «Эллидѣ», въ которой, «необъяснимая», таинственная магическая сила чаръ моряка, дѣйствующая даже на огромномъ разстояніи, играетъ такую важную роль, есть намеки и на другія роковыя силы, столь же властно вліяющія на судьбу людей, но не столь таинственныя и необъяснимыя или, по крайней мѣрѣ, достаточно всѣмъ знакомыя. Стараясь объяснить Арнхольму, и самому себѣ, перемѣнчивость настроенія Эллиды, ея мужъ приходитъ къ заключенію, что «если доискиваться коренной причины, то это у нея врожденное свойство, Эллида—дѣтя моря, вотъ въ чемъ дѣло». На вопросъ собесѣдника, что это собственно значить, Вангелъ отвѣчаетъ: «Развѣ же вы не замѣтили, что люди тамъ, у открытаго моря, составляютъ какъ бы особый народъ. Они словно живутъ жизнью самаго моря. Въ ихъ мысляхъ и ощущеніяхъ слышится прибой волнъ, въ нихъ есть и приливъ и отливъ. И никогда не пересадите вы ихъ на другую почву. О, мнѣ слѣдовало раньше подумать объ этомъ! Я совершилъ истинный грѣхъ передъ Эллидой, оторвавъ ее отъ родины и заставивъ ее переселиться сюда». Такимъ образомъ природныя условія, въ которыхъ человѣкъ родился и выросъ, являются чѣмъ то роковымъ, непреодолимымъ, чѣмъ то такимъ, что кладетъ носимыя печать на всю нравственную физіономію человѣка и на всю его жизнь. Правда, Эллида въ концѣ концовъ сбрасываетъ съ себя это роковое иго, но вѣдь она освобождается и отъ магическаго вліянія моряка.

Въ драмѣ «Ингеръ изъ Эстрота» видную роль играетъ датскій рыцарь Нильсъ Ликъ, объ которомъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ рассказываетъ: «Какъ только какая нибудь женщина встрѣчала его взглядъ, устремленный на нее, она никогда не могла позабыть его, мысли ея противъ воли слѣдовали за нимъ, куда бы онъ ни шелъ, и она угасала отъ печали». Новая жертва датскаго обольстителя, Элина, начавшая заочно ненавистью къ нему, собственно за его репутацію сердца, кончаетъ, подобно другимъ, страстною любовью. Она говоритъ Нильсу Ликку: «Развѣ

осталась у меня воля?... Какая таинственная сила отуманила мой разумъ [и увлекла меня какъ бы въ волшебную сѣть?] Элины кажется, что даже ея заглазная ненависть къ Нильсу была «предчувствіемъ, таинственнымъ влеченіемъ» къ нему. Опять нѣчто непреодолимое, роковое и вѣстѣ таинственное, но не такое, однако, таинственное, какъ пожаръ дома по желанію Сольнеса, гибель маленькаго Эйольфа или чары моряка въ «Эллидѣ». Въ устахъ Элины «таинственная сила» и «волшебная сѣть» — только риторика влюбленности, и если въ концѣ концовъ сила любви остается для насъ тайной, то мы все таки можемъ разложить эпизодъ Нильсъ-Элина на его простѣйшіе элементы, каковы: красота Нильса, его импонирующая репутація Донъ-Жуана, его опытность и знаніе женскаго сердца, его смѣлость и «вкрадчивыя рѣчи». Все это до извѣстной степени снимаетъ покровъ таинственности съ удачи Нильса, и во всякомъ случаѣ мы имѣемъ здѣсь дѣло съ явленіемъ настолько привычнымъ, что ставить его въ спеціаль- ный счетъ пристрастія къ магически таинственному и необъясни- мому—не приходится. Но сила чаръ Нильса Ликва есть все-таки для Элины внѣшняя роковая, непреодолимая сила, которой она тщетно думаетъ противопоставить свою волю и свое сознаніе.

Есть и еще роковая сила, часто дѣйствующая въ произведеніяхъ Ибсена: сила наслѣдственности. Она поминается въ «Норѣ», въ «Эллидѣ», играетъ значительную роль въ «Дикой уткѣ», своеобразно мелькаетъ въ «Брандѣ» и получаетъ рѣшающее значеніе въ «Привидѣніяхъ» и «Росмерсгольмѣ». Здѣсь отмѣтимъ только неоснова- тельность или, по крайней мѣрѣ, близорукость нѣкоторыхъ упре- ковъ, дѣлаемыхъ Ибсену по поводу его пристрастія къ наслѣдст- венности, упрековъ и насмѣшекъ. Нордау (да, кажется, и нѣкоторые другіе критики) видятъ въ этомъ пристрастіи кокетство Ибсена «на- учностью» и «современностью». Это уравнивало бы Ибсена съ Эми- лемъ Зола со стороны щегольства послѣдняго «научностью» же и «со- временностью» на полѣ наслѣдственности и детерминизма. Сравни- вать таланты французскаго романиста и норвежскаго драматурга не приходится, но что касается искренности и серьезности творчества и пониманія своихъ задачъ, то во всякомъ случаѣ Ибсенъ никогда не ломался такъ, какъ ломался въ своихъ теоретическихъ и критиче- скихъ статьяхъ Зола, съ комическою важностью коверкая науч- ные термины, сравнивая себя съ Клодомъ Бернаромъ и т. п. Правда, и Ибсенъ не совсѣмъ кстати поминаетъ «законъ эволюціи» въ «Маленькомъ Эйольфѣ», а вышеупомянутые магическіе эффекты навѣяны, можетъ быть, сравнительно недавними изслѣдованіями и одно время модными опытами гипнотизма. Но вѣдь Ибсенъ предъ- являетъ свои магическіе эффекты совсѣмъ не въ научномъ освѣ- щеніи. Если вліяніе Сольнеса на Кайю Фосли и Гильду Вангелъ, чары моряка въ «Эллидѣ», бабы-крысоловки въ «Маленькомъ Эй- ольфѣ» и подлежатъ объясненію гипнотизмомъ, то пожаръ до-

на жени Сольнеса, какъ онъ освѣщается самимъ Сольнесомъ, есть чудо, къ которому современная наука и подойти не можетъ, и подходить не захочетъ. Передъ ея судомъ это—простое случайное совпаденіе или, самое большее, результатъ «предчувствія», основаннаго на безсознательномъ записываніи въ памяти признаковъ грозящей бѣды (или, съ точки зрѣнія Сольнеса, пріятности). Сольнесъ очень старается подчеркнуть то обстоятельство, что онъ намѣтилъ исходнымъ пунктомъ пожара трещину въ дымовой трубѣ, а пожаръ начался совсѣмъ въ другой сторонѣ. Но это еще не значитъ, что другіе признаки ветхости дома, неосторожное обращеніе домочадцевъ съ огнемъ и т. п. не отмѣчались имъ безсознательно и не складывались въ «предчувствіе» пожара. Однако это простое объясненіе не приходитъ въ голову Сольнесу. Какъ смотреть на это дѣло самъ Ибсенъ — мы не знаемъ, но во всякомъ случаѣ не видимъ съ его стороны кокетничанья наукою и современностью. Когда ими щеголялъ Эмиль Зола, то онъ прежде всего объявилъ войну всякой таинственности, а у Ибсена даже *врачъ* Вангель считаетъ эпизодъ Эллы и моряка «необъяснимымъ» и весь образъ моряка,—какъ и образъ крысоловки въ «Маленькомъ Эйольфѣ»,—окруженъ ореоломъ таинственности.

Можетъ показаться, что Ибсенъ кокетничаетъ всетаки современностью, но въ ея не только не научныхъ, а даже прямо анти научныхъ проявленіяхъ. Всѣ эти маги, декаденты, цимбалисты, символисты, демонолатры, и какъ ихъ еще тамъ зовутъ, претендуютъ еще на титулы «новыхъ», «молодыхъ», современныхъ по преимуществу. А виѣстъ съ тѣмъ они стремятся, въ пику наукѣ, водрузить знамя тайны даже тамъ, гдѣ ему уже давнымъ давно нѣтъ мѣста. И такъ какъ Ибсенъ завѣдомо приноситъ чрезмѣрныя жертвы на алтарь символизма, то, можетъ быть, онъ и другими своими сторонами примыкаетъ къ этой странной бандѣ. Можетъ быть, это одинъ изъ тѣхъ легкомысленныхъ и легковѣсныхъ людей, которые, какъ щепка, влекутся всякимъ новымъ теченіемъ, не соображая, кто, куда и зачѣмъ ихъ несетъ, лишь бы купаться въ новой, послѣдней волнѣ. Не принадлежитъ ли Ибсенъ къ этой многочисленной, какъ всякая мелочь, породѣ? Но, каковы бы ни были недостатки Ибсена, а онъ и «мелочь» вообще несомнѣстима. Что же касается въ частности цимбалистской мелочи, то взять хоть бы только слѣдующее. Цимбалисты разныхъ наименованій почти всѣ безъ исключенія тяготеютъ къ порнографіи, одни подъ предлогомъ «возрожденія», другіе подъ предлогомъ «декаданса», нѣкоторые же изъ нихъ переходятъ въ этомъ направленіи за предѣлы всякой благопристойности и даже здраваго смысла. А мы отчасти видѣли, какъ щепетилецъ, даже до анти-художественности, въ этомъ отношеніи Ибсенъ. Не только нѣтъ ни въ одной изъ его пьесъ тѣхъ словесныхъ *nudités*, которыя на разные, часто поразительно извращенные фасы комбинируются цимбалистами, не

только избѣгаетъ онъ изображеній такъ называемаго *adultère'a* каковыми изображениями живетъ, можно сказать, вся беллетристика, но и вообще до чрезмѣрности скупъ на картины любви. Наиболѣе общее, что имъ сказано о любви, вложено въ уста отца маленькаго Эйольфа: любовь подлежитъ, какъ и все на свѣтѣ, «закону эволюціи», неотвратимому закону измѣненій. Она остываетъ, какъ у отца маленькаго Эйольфа, распускается въ менѣе острыхъ чувствахъ дружбы, привычки, или преобразуется, одухотворяясь, облагораживаясь, какъ у Ревекки Вестъ въ «Росмерсгольмѣ», и т. п.

Это—характерное, но, разумѣется, не единственное отличіе Ибсена отъ цимбалистовъ. Сами магическіе эффекты, повидимому, нужны ему не ради ихъ таинственности, а какъ одно изъ выраженій роковыхъ силъ, непреодолимо принудительно управляющихъ судьбою человѣка. Поэтому то мы и видимъ въ его драмахъ, рядомъ съ магическими силами, подавляющее вліяніе природы, всеохватывающую силу любви, тяготѣніе наслѣдственности, непреклонный «законъ эволюціи», наконецъ, просто фатальное стеченіе обстоятельствъ, разныя случайныя, повидимому, совпаденія, недоразумѣнія, ошибки, изъ которыхъ роковымъ образомъ развиваются сложныя и важныя событія. Въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ такъ называемымъ «естественнымъ ходомъ вещей», представляющимъ цѣпь причинно связанныхъ явленій. Но мнѣ кажется, что Ибсену довольно безразлично, какъ называется эта неразрывная желѣзная цѣпь, въ чемъ состоитъ ея первая и главная причина и ея общій теоретическій смыслъ, какъ одинъ изъ основныхъ элементовъ міроразумѣнія. Для него важенъ фактъ существованія этой желѣзной цѣпи, отдѣльные моменты которой суть вліяніе родины, наслѣдственность и т. п., а всю совокупность ея, напри- мѣръ, «сѣверные богатыри» приписываютъ работѣ миеологическихъ Норнъ,—и пусть; отецъ маленькаго Эйольфа безличному «закону эволюціи»,—и пусть. Если это такъ (а я не утверждаю этого съ рѣшительностью и высказываю только предположеніе), то въ общемъ философскомъ міровоззрѣніи норвежскаго драматурга есть очень самъ по себѣ важный пробѣлъ, который однако, въ виду неотступно преслѣдующей Ибсена специальной задачи, значительной роли не играетъ.

Въ «Императоръ и Галилеянинъ» христіанка Макрина обращается къ Юліану съ такими словами: «Ты ничто иное, какъ бичъ въ рукахъ Божіихъ, посланный поражать насъ за наши грѣхи. Горе намъ, что такъ должно было случиться! Горе намъ, что, разединенные и безъ любви другъ къ другу, мы уклонились отъ истиннаго пути! Не было болѣе царя во Израилѣ. И вотъ почему Господь поразилъ тебя безуміемъ и ты увѣровалъ, что долженъ преслѣдовать насъ. Какой разумъ былъ помраченъ, чтобы разнудать его противъ насъ! Какое цвѣтущее дерево было оборвано,

чтобы надѣлать изъ его вѣтвей хлыстовъ для нашихъ отягченныхъ грѣхами плечъ! Тебѣ были предостереженія, и ты не внялъ имъ. Тебя звали голоса, и ты не послушался ихъ. Для тебя были начертаны огненные письма, и ты не понялъ ихъ и стеръ... О! какъ могли наши братья и сестры надѣяться восторжествовать надъ этимъ посланнымъ?—прибавляетъ Макрина, обращаясь къ Василию: развѣ ты не видишь, Василий, что въ немъ Господь хочетъ казнить насъ смертію?» Размышляя передъ смертію о своей неудачной судьбѣ, Юліанъ говоритъ: «въ насъ есть таинственная сила, властно располагающая исходомъ человѣческихъ предприятий». Философъ Максимъ, оплакивая смерть Юліана, называетъ его «жертвою необходимости», говоритъ и подчеркиваетъ (курсивъ у Ибсена), что *хотѣть* значитъ *быть принужденнымъ хотѣть*. Этотъ многозначительный курсивъ не одинъ разъ встрѣчается въ драмѣ. Передъ самымъ объявленіемъ Юліана цезаремъ Максимъ даетъ ему магическое представленіе; причемъ таинственный голосъ такъ отвѣчаетъ на вопросы Юліана: «Зачѣмъ я былъ созданъ?—Чтобы служить духу.—Въ чемъ состоитъ мое назначеніе?—Ты долженъ основать царство.—Какимъ путемъ?—Путемъ свободы.—Въ чемъ состоитъ путь свободы?—Онъ есть путь необходимости.—Какъ я достигну цѣли?—Ты будешь *хотѣть*.—Чего я долженъ хотѣть?—Того, къ чему ты *вынужденъ*». Отъ дальнѣйшихъ разъясненій таинственный голосъ отказывается, но за то Максимъ вызываетъ три тѣни или призрака, «три краеугольных камня гнѣва необходимости, три великія опоры отрицанія». Это Каинъ, Іуда Искаріотъ и—самъ Юліанъ въ будущемъ. Послѣдній призракъ, впрочемъ, не появляется, а объ немъ только идетъ темная, загадочная рѣчь. Что же касается Каина и Іуды, то они объясняютъ, что ихъ назначеніе при жизни состояло именно въ томъ, чтобы совершить преступленія братоубійства и предательства: они *хотѣли* совершить эти преступленія, потому что были *принуждены хотѣть*, дабы на развалинахъ двухъ соотвѣтственныхъ царствъ воздвиглось высшее и объединяющее ихъ третье.

Ибсенъ, разумѣется, не отвѣтственъ за тотъ переплетъ язычества, юдаизма и христіанства, представителемъ котораго является философъ Максимъ. Эти мечты о «третьемъ царствѣ», эти навивно-ухищренныя оправданія Каина и Іуды и даже поклоненіе имъ—суть подлинныя историческія черты. Но если не личности эти, то понятія о нихъ Максима имѣютъ, очевидно, для Ибсена какое то особенно важное значеніе. «Краеугольные камни гнѣва необходимости»; «первая жертва избранія», какъ называетъ Максимъ въ отдѣльности Каина; «добровольный рабъ, послужившій дальнѣйшему развитію міра», какъ онъ называетъ Іуду; «великій освобожденный подъ давленіемъ необходимости», какъ онъ величаетъ Юліана; надо *хотѣть*, а *хотѣть* значитъ *быть вынуж-*

деннымъ хотѣть»,—все это на первый взглядъ очень темныя выраженія, но ясно, по крайней мѣрѣ, одно: мы и здѣсь имѣемъ дѣло все съ тою же желѣзною цѣпью, властно опредѣляющею судьбу человѣка, которую для «сѣверныхъ богатырей» держатъ въ своихъ рукахъ дѣвы Норны, которую другіе называютъ «естественнымъ ходомъ вещей» или «закономъ эволюціи», которая наконецъ въ частности выражается законами наслѣдственности, вліяніемъ природы, гинотическимъ вліяніемъ и проч.

Помѣщая своихъ героевъ въ различныя общественныя условія, въ различныя историческія эпохи и въ различныя страны, Ибсенъ предоставляетъ каждому изъ нихъ по своему формулировать роковую силу хода вещей, а самъ онъ лишь наблюдаетъ многочисленныя варьяціи столкновенія этой роковой силы съ чувствомъ отвѣтственности, возникающимъ въ душѣ его героевъ. Всѣ дѣйствующія лица «Сѣверныхъ богатырей» твердо знаютъ, что ткань ихъ жизни есть дѣло рукъ Норнъ и что всѣ они *должны* были дѣйствовать именно такъ, какъ дѣйствовали. Точно также въ видѣніи Юліана Кайнъ, Иуда и самъ Юліанъ *принуждены* были хотѣть того, чего они хотѣли. Но это не мѣшаетъ адоквитымъ стрѣламъ оскорбленной чести и угнетенной совѣсти терзать сѣверныхъ богатырей, какъ не мѣшаетъ и Кайну съ горечью восклицать въ видѣніи: «Зачѣмъ я не былъ моимъ братомъ!», и Иудѣ являться на вызовъ Максима съ веревкой на шеѣ, этимъ символомъ угрызений совѣсти. И въ этомъ драма, въ этомъ корень всѣхъ драмъ Ибсена. При этомъ, что касается причинъ, поводовъ или мотивовъ для возникновенія мучительной работы оскорбленной чести и угнетенной совѣсти, то Ибсенъ опять таки предоставляетъ ихъ въ вѣдѣніе самихъ дѣйствующихъ лицъ, довольствуясь съ своей стороны лишь констатированіемъ и изображеніемъ факта страданія. Орнульфъ съ фіордовъ, исландскій вождь, считаетъ свою честь помраченною тѣмъ обстоятельствомъ, что Сигурдъ и Гуннаръ похитили его дочерей, родную и приемную, и по отношенію къ Сигурду признаетъ свою честь восстановленною, когда тотъ соглашается уплатить выкупъ (300 серебряныхъ монетъ и шелковый плащъ съ золотымъ кружевомъ). Ибсенъ не мѣряетъ этого пенятія о чести своимъ аршиномъ. Для него важно одно: Орнульфъ въ теченіи пяти лѣтъ, протекавшихъ съ похищенія его дочерей, страдалъ оскорбленной честью, страданія эти стали наконецъ невыносимы, и онъ розыскалъ похитителей, чтобы либо получить отъ нихъ выкупъ, либо помѣряться съ ними въ «честномъ бою», кровавомъ, съ смертельнымъ исходомъ. А что какія то триста серебряныхъ монетъ съ придачей шелкового плаща уравниваются при этомъ въ цѣнѣ съ человеческой жизнью,—это уже дѣло Орнульфа, а не Ибсена. Когда какой нибудь московскій бояринъ былъ челомъ своему государю, что ему «не виѣстно» быть у пріема пословъ или въ палатѣ,

или за царскимъ столомъ ниже такого то другого боярина, и просилъ царя не отнимать у него, «холопа» своего, его «честишки», то можетъ казаться, что это и въ самомъ дѣлѣ была не честь, а «честишка», хлопотать изъ за которой смѣшно и глупо. Конечно, съ нашей теперешней точки зрѣнія это смѣшно и глупо, а пожалуй и противорѣчиво: называть себя «холопомъ», а свою честь уничижительнымъ словомъ «честишка» и все таки стоять за нее. Положимъ, что не всегда обиженный бояринъ прибѣгалъ къ этому специально московскому уничижительному обороту рѣчи, но дѣло не въ этой мелкой формальности. Обиженный бояринъ готовъ былъ принять и позорнѣйшее наказаніе — битье батогами, лишь бы не сидѣть ниже менѣе «родословнаго» сослуживца. Но это только и значить, что для боярина XVII вѣка телѣсное наказаніе было либо совсѣмъ не позорно, либо менѣе позорно, менѣе безчестило его, чѣмъ сидѣнье ниже такого то. При томъ же это былъ пунетъ, на которомъ онъ, такъ искренно именовавшій себя «холопомъ», иногда съ чрезвычайнымъ упорствомъ отказывался повиноваться. А такъ какъ физическую боль наказанія или матеріальный ущербъ отъ конфискаціи имущества упорствующій бояринъ во всякомъ случаѣ способенъ былъ чувствовать, то ясно, что онъ дѣйствительно глубоко страдалъ отъ помраченія своей чести, какъ онъ ее понималъ. И еслибы Ибсенъ могъ написать драму изъ московской жизни XVII вѣка, то, конечно, оттѣнилъ бы эту общечеловѣческую черту страданія оскорбленной чести въ отжившей исторической обстановкѣ мѣста и времени. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ въ этой же обстановкѣ нашелъ бы соотвѣтственную формулу необходимости всего сущаго вообще, каждаго шага, каждой частности въ отдѣльности, а, слѣдовательно, и той бѣды, которая постигла оскорбленнаго боярина. Или, быть можетъ, не прибѣгая къ такой формулѣ, онъ просто такъ расположилъ бы ходъ событій, что ихъ причинная связь оказалась бы неразрывною цѣпью, изъ которой ни одного звена нельзя выкинуть, а въ концѣ ея оказалась бы непереносная обида. И тѣмъ не менѣе бояринъ не примирился бы съ этой необходимой, неизбежной обидой: она зіяла бы и сочилась, какъ зияетъ и сочится душевная рана строителя Сольнеса, нанесенная не оскорбленною честью, а другимъ, не менѣе острымъ оружіемъ, — угнетенною совѣстью; какъ символъ угрызений совѣсти—веревка остается на шеѣ Іуды въ видѣніи Юліана, хотя предатель и говоритъ, что онъ «принужденъ» былъ совершить свое преступленіе, и Максимъ, и Юліанъ этому вѣрятъ.

Рудинъ писалъ статью «о трагическомъ въ жизни и искусствѣ», но такъ и не кончилъ. Онъ «не совсѣмъ еще сладилъ съ основ-

ною мыслью» и «не довольно уяснилъ себѣ трагическое значеніе любви». На робкое замѣчаніе Натальи, что, по ея мнѣнію, «трагическое въ любви, это—несчастливая любовь», Рудинъ отвѣтилъ: «Вовсе нѣтъ! это скорѣе комическая сторона любви... Вопросъ этотъ надобно совсѣмъ иначе поставить... надо поглубже зачерпнуть». И затѣмъ заговорилъ на ту, повидимому, не идущую къ дѣлу тему, что въ любви «все тайна».

Рудинъ не окончилъ своей статьи, да и начала ея мы не знаемъ, а потому не можемъ судить объ той постановкѣ вопроса, въ силу которой «несчастливая любовь» есть «скорѣе комическая сторона любви». А дѣло, очевидно, въ какой то особой постановкѣ вопроса, потому что любовь, какъ и всякая другая страсть, можетъ получить и трагическое, и комическое освѣщеніе. И хотя замѣчаніе Натальи наивно, но она стоитъ всетаки ближе къ истинѣ, чѣмъ Рудинъ: «несчастливая любовь» есть во всякомъ случаѣ «скорѣе» «трагическое въ любви», чѣмъ «комическая сторона любви». Несчастливая любовь есть источникъ страданій, а страданіе есть необходимый элементъ трагедіи. Но дѣло въ томъ, что не всякое страданіе можетъ стать сюжетомъ трагедіи, и не всегда и не всякій художникъ можетъ найти для страданія трагическое освѣщеніе. Для этого страданіе должно получить прежде всего общечеловѣческій характеръ. Шестидесятилѣтняя старуха можетъ влюбиться въ двадцатилѣтняго юношу и глубоко страдать отъ нераздѣленной любви, но это явленіе слишкомъ исключительное и ненормальное, чтобы удержаться на высотѣ трагедіи. Такая героиня по необходимости будетъ все время ходить по краю пропасти, отдѣляющей трагическое отъ смѣшного, отвратительнаго и жалкаго. По этой же причинѣ темы историческія, въ родѣ вышеупомянутой бѣды московскаго боярина XVII вѣка, или съ сильной этнографической окраской, требуютъ для трагической обработки либо выдающагося художественнаго таланта, либо такого проникновенія какою нибудь общечеловѣческою идеей, которое выдвигало бы ее изъ слишкомъ намъ чуждой, исторической и этнографической, обстановки на первый планъ. Иначе это будетъ, въ лучшемъ случаѣ, можетъ быть, очень вѣрная драматизированная историческая хроника или этнографическая картина, но не трагедія. А въ худшемъ случаѣ произойдетъ опять то же хожденіе по краю пропасти, отдѣляющей трагическое отъ жалкаго, отвратительнаго и комическаго. Дѣдо не въ любви или какой бы то ни было другой страсти, какъ таковой. Всякая страсть можетъ получить «трагическое значеніе», если она становится источникомъ страданія, достаточно возвышеннаго, чтобы отражать въ себѣ нѣчто общечеловѣческое и вызывать въ насъ состраданіе. И трагедія въ основныхъ своихъ чертахъ никогда не выбивалась и не можетъ выбиться изъ предѣловъ, указанныхъ ей еще греческими трагиками: это—столкновеніе личности, лич-

ной воли и личного разума съ роковыми стихійными силами необходимости, такъ или иначе понимаемыми. Мѣняются взгляды на относительное значеніе борющихся элементовъ, мѣняются моральные выводы изъ столкновенія, мѣняются требованія, предъявляемыя тою изъ другою литературною школою относительно исхода трагедій, но сущность «трагическаго въ жизни и въ искусствѣ» остается неизмѣнною отъ греческихъ классиковъ до Ибсена. Это не мѣшаетъ, конечно, каждому художнику вносить нѣчто свое, оригинальное въ постановку и разработку трагическаго сюжета.

Въ недавно вышедшей біографіи Ибсена, написанной г. Минскимъ («Біографическая бібліотека Ф. Павленкова»), находимъ, между прочимъ, слѣдующія строки:

«Послѣдняя драма Ибсена: «Маленькій Эйольфъ», кажется намъ и неудачной, и, что всего удивительнѣе, неоригинальной. У Ибсена иногда является желаніе въ самомъ концѣ своихъ отрицательныхъ пьесъ ставить неожиданный плюсъ. Такъ, «Брандъ» кончается словами: «онъ есть deus caritatis», противорѣчащими всей пьесѣ, «Перъ Гинтъ» — сценой съ Сольвейгъ, тоже идущей въ разрѣзъ съ идеей поэмы. Такимъ неожиданнымъ финаломъ всей дѣятельности Ибсена является «Маленькій Эйольфъ», — проповѣдь любви къ ближнимъ и благотворительности. Если мы не ошибаемся, эта пьеса, равно какъ и «Докторъ Паскаль» Эмиля Золя, написаны не безъ тайнаго намѣренія соперничать съ Толстымъ, замѣнить проповѣдь русскаго романиста домашними средствами. И та, и другая попытки намъ кажутся ровно неудачными».

Намъ теперь дѣла нѣтъ до «Доктора Паскаля» и Эмиля Золя, оставимъ ихъ въ покоѣ. Но г. Минскій, преклояющійся передъ умомъ, талантомъ и характеромъ Ибсена, объявляющій его «первокласснымъ гениемъ», притомъ далеко еще не сказавшимъ своего послѣднаго слова; г. Минскій, мнѣ кажется, слишкомъ унижаетъ этого во всякомъ случаѣ крупнаго человѣка, приписывая ему такой маленькій мотивъ, какъ соперничество съ Толстымъ на почвѣ подраженія. Какую, въ самомъ дѣлѣ, лагушечью, «видомъ малую и не безсмертную» душу надо имѣть, чтобы заняться «проповѣдью любви къ ближнему и благотворительности» въ отмѣну какихъ то прежнихъ своихъ убѣжденій, но не въ силу дѣйствительной ихъ перемѣны, а собственно потому, что Толстой этой проповѣдью занимался! Если это вѣрно, то не вѣренъ весь портретъ Ибсена, нарисованный г. Минскимъ. Но хотя я и не могу признать портретъ работы г. Минскаго вѣрнымъ, по совершенно другимъ соображеніямъ, однако приведенное предположеніе, кажется мнѣ, могло родиться только въ головѣ современнаго русскаго человѣка изъ тѣхъ, что не имѣютъ за душой ни одного настоящаго, искреннаго убѣжденія, а примыкаютъ къ тому или

другому теченію по чисто ви́шнимъ мотивамъ,—потому что оно модное, потому что оно «послѣднее слово», потому что оно создаетъ почву для «соперничества» и т. п.

«Маленькій Эйольфъ» дѣйствительно далеко не изъ лучшихъ произведеній Ибсена, но во многихъ отношеніяхъ эта драма особенно для него характерна, и г. Минскій совершенно напрасно смущается ея примирительнымъ концомъ, этимъ, какъ онъ выражается, «плюсомъ» къ «отрицательной пьесѣ». Во-первыхъ, онъ и самъ указываетъ нѣкоторые другіе плюсы въ пьесахъ Ибсена; во-вторыхъ онъ недоказалъ, а лишь сказалъ, что эти плюсы приклеены произвольно, не вытекаая изъ самого хода дѣйствія; в-третьихъ онъ указалъ далеко не всѣ плюсы. Съ точки зрѣнія г. Минскаго, недостаточно ясно выраженной, но легко всетаки различимой, неожиданнѣйшимъ плюсомъ должны оказаться и конецъ «Праздникъ въ Солгаугѣ» (любящая пара соединяется бракомъ, Маргитъ уходитъ въ монастырь), и конецъ «Столповъ общества» (опять таки любящая пара соединяется бракомъ, Берникъ обращается къ честной жизни), и еще многое другое. А когда критикъ встрѣчается въ изучаемомъ писателѣ столько неожиданностей, съ своей точки зрѣнія, то это значитъ, что онъ стоитъ на ложной, ошибочной точкѣ зрѣнія.

Я съ самаго начала оговорился, что не буду касаться біографіи Ибсена и хода его духовнаго развитія, а беру лишь его драмы даже независимо отъ ихъ хронологическаго порядка. Очень понимаю, что этимъ задача суживается, но только суживается, а не теряетъ своего *raison d'être*. Дѣло въ томъ, что Ибсенъ не великій художникъ, но настоящій художникъ, въ произведенія котораго многое прорывается помимо его воли и сознанія. Именно, прорывается. Его творчество представляетъ собою, какъ бы сравнительно узкую дверь, въ которую беспорядочно, другъ друга толкая и придавливая, даже калѣча, а иногда не успѣвая даже какъ слѣдуетъ сложиться, ломится множество образовъ, и авторъ, при всемъ желаніи, не въ силахъ ихъ дисциплинировать, управиться съ ними, такъ что иной разъ и самыя двери трещатъ. Отсюда, при немногочисленности основныхъ мотивовъ, плодovitость Ибсена, крайняя сложность и запутанность его драмъ, грубая подчеркнутость или, напротивъ, блѣдная недодѣланность многихъ дѣйствующихъ лицъ. Отсюда же—возможность для критики говорить объ томъ, что въ его драмахъ *казалось*, независимо отъ того, что онъ *хотѣлъ сказать*.

Какъ уже сказано въ прошлый разъ, центральный пунктъ вниманія Ибсена едва ли не во всѣхъ его драмахъ есть сюжетъ книги, надъ которою работаетъ отецъ маленькаго Эйольфа: «отвѣтственность чловѣка». Вопросъ объ отвѣтственности явственно не даетъ покою Ибсену на всемъ протяженіи его литературной дѣятельности. Какъ онъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ для себя;

приходилъ ли онъ въ различные періоды своей жизни къ различнымъ рѣшеніямъ; какъ отражались эти различныя рѣшенія на другихъ сторонахъ его философскаго міросозерцанія и нравственно-политическаго образа мыслей,—все это, конечно, очень интересно. Но и помимо всего этого остаются самыя драмы, представляющія собою нѣчто въ родѣ картинной галлерей, гдѣ почти каждая картина имѣетъ сюжетомъ отвѣтственность, какъ ее понимаютъ, принимаютъ или отвергаютъ разные люди. Размѣры картинъ мѣняются: то маленькій этюдъ изъ жизни захолустнаго норвежскаго городка, то огромное полотно, посвященное крупному историческому моменту. Большинство картинъ загромождено множествомъ ненужныхъ деталей, раздвигавшихъ вниманіе зрителя параллельныхъ завязокъ и развязокъ, смутныхъ, недодѣланныхъ, передѣланныхъ, искалѣченныхъ образовъ, непроизвольно проскакивающихъ въ двери творчества черезъ порогъ сознанія. Но имѣющими очи они въ концѣ концовъ не мѣшаютъ усмотрѣть основной сюжетъ: отвѣтственность въ двоякой формѣ вины и заслуги, совѣсти и чести, трагически освѣщенныхъ; а это трагическое освѣщеніе достигается столкновеніемъ личной воли и сознанія съ роковой силой необходимости. Я совершилъ грѣхъ и не могъ не совершить его при данныхъ обстоятельствахъ, *вынужденъ* былъ совершить, но совѣсть все-таки неумолимо гложетъ меня; я претерпѣлъ обиду, и не могъ не получить ее, но примириться съ ней мнѣ воспрещаетъ моя честь:—таковъ главный пунктъ вниманія Ибсена, интересовавшій и читателя, хотя онъ, читатель, можетъ быть едва чуетъ его сквозь толщу разныхъ ненужностей. Пусть этотъ бунтъ личности противъ роковыхъ стихійныхъ силъ безуменъ, но съ тѣхъ поръ, какъ зародились въ человѣчествѣ уязвленная совѣсть и оскорбленная честь, и вплоть до тѣхъ поръ, какъ онъ перестанутъ его терзать, этотъ бунтъ былъ, есть и будетъ для мыслящаго и чувствующаго человѣка интереснѣйшимъ моментомъ жизни. Я говорю: для мыслящаго и чувствующаго человѣка,—потому что люди съ лягушечьей душой, или съ головой, нафаршированной непродуманными теоріями детерминизма, могутъ, конечно, только плечами пожимать, глядя на это праніе противъ рожа необходимости. Я говорю далѣе: съ тѣхъ поръ, какъ зародилась уязвленная совѣсть и оскорбленная честь, и до тѣхъ поръ, пока онъ не погаснуть,—потому что было время, когда человѣкъ ничего не стыдился и ничѣмъ не оскорблялся, а будущее неизвѣстно: быть можетъ, насъ ждетъ тамъ не только измѣненіе нынѣшнихъ поводовъ для страданій уязвленной совѣсти и оскорбленной чести, а полная атрофія способности страдать, потому ли, что все станетъ «добро зѣло», или потому, что вновь наступитъ пора жестокости... Что касается исхода трагедіи уязвленной совѣсти и помраченной чести, то, надо отдать справедливость Ибсену, онъ смотритъ на дѣло несравненно шире, чѣмъ его біографъ, г. Мин-

скій, требующій отъ него, во имя послѣдовательности и вѣрности своимъ убѣжденіямъ, непремѣнно неблагополучнаго, отрицательнаго, мрачнаго исхода. Ибсенъ не скупится на этого рода исходы, но каковы бы ни были его собственные взгляды, онъ знаетъ, что въ жизни трагедія, настоящая, потрясающая трагедія не всегда оканчивается мрачно; знаетъ и изображаетъ это. А въ предлагаемой статьѣ намъ дѣла нѣтъ до того, чему Ибсенъ хочетъ поучать читателей и зрителей: мы обращаемся въ его картинную галерею не за поученіями, а за изображеніями, оставляя за собою право сдѣлать изъ нихъ свои собственные выводы. Прошу замѣтить: я не говорю, что Ибсенъ не хочетъ поучать или что его поученіями не стоитъ заниматься, я просто не касаюсь этой стороны дѣла. Задача г. Минскаго совершенно другая, сама по себѣ столь же законная, конечно, какъ и моя, но, очевидно благодаря ложной точкѣ зрѣнія, онъ фактически не правъ, объявляя конецъ «Маленькаго Эйольфа» «неожиданнымъ», какимъ то чужимъ клиномъ, вбитымъ въ творчество Ибсена какими то сторонними соображеніями.

Повторяю, драма «Маленькій Эйольфъ», со всѣми ея достоинствами и недостатками, съ ея общей архитектурой и во всѣхъ ея подробностяхъ, есть одно изъ характернѣйшихъ произведеній Ибсена. Посмотримъ на нее нѣсколько ближе.

У супруговъ Альмерсовъ, Альфреда и Риты, есть маленький сынъ, Эйольфъ. Это слабый, болѣзненный мальчикъ, хромой, ходитъ съ костылемъ. Родился онъ не такимъ, но когда онъ былъ еще груднымъ ребенкомъ, мать оставила его однажды спящимъ, подъ присмотромъ своего мужа, но ватѣмъ вернулась и «пожирающимъ пламенемъ своей красоты» увлекла мужа, а мальчикъ, какъ разъ въ минуту ихъ упоенія страстью, упалъ и остался на всю жизнь калѣкой. Но не долга была эта жизнь: девяти лѣтъ Эйольфъ, благодаря своей слабости и неловкости, утонулъ, и только всплывшій на поверхность воды костыль отъ него остался.

Читатель, знакомый съ Ибсеномъ, хотя бы только по моимъ бѣглымъ замѣткамъ, уже догадывается, конечно, что смерть маленькаго Эйольфа становится источникомъ жесточайшихъ угрызений совѣсти для его родителей. Но мученія эти, по крайней мѣрѣ для самого Альфреда Альмерса, если не для Риты, начались не со смертью Эйольфа. Видъ маленькаго калѣки всегда возбуждалъ въ немъ волненія совѣсти, и вѣроятно именно это заставляетъ его усиленно работать надъ сочиненіемъ объ «отвѣтственности человѣка», а ватѣмъ бросить и эту работу, чтобы перейти отъ слова къ дѣлу и всю жизнь свою отдать на воспитаніе маленькаго Эйольфа, за несчастіе котораго онъ чувствуетъ себя отвѣтственнымъ. Но какъ разъ въ то время, когда онъ принимаетъ это рѣшеніе, мальчикъ погибаетъ. Обратите вниманіе на тѣ смягчающія вину Альмерса обстоятельства, которыя скопляетъ Ибсенъ.

Едва ли многие из романистов, драматургов, поэтов, вообще беллетристов, задумавъ положеніе Альмерса, избѣжали бы искушенія сдѣлать Эйольфа плодомъ такъ называемой незаконной любви и тѣмъ, съ извѣстной точки зрѣнія, усугубить и, во всякомъ случаѣ, расцвѣтитъ вину Альмерса. Ибсену это совсѣмъ не нужно. У него вседѣло разыгрывается въ предѣлахъ, повидимому, обыденной дѣйствительности: мальчикъ «спокойно спалъ на своемъ тюфачкѣ», а родители предавались обычнымъ и естественнымъ, вполне «законнымъ» супружескимъ ласкамъ. Какой то фатумъ устроилъ совпаденіе момента этихъ страстныхъ ласкъ съ паденіемъ ребенка, навсегда испортившимъ его жизнь. И опять какой то фатумъ устраиваетъ совпаденіе гибели маленькаго Эйольфа съ рѣшеніемъ отца отдать ему всю свою жизнь, всего себя. На этотъ разъ фатумъ воплощается, съ одной стороны, въ «бабѣ-красовкѣ», которая своими непреодолимыми чарами (или гипнотическимъ внушеніемъ) заманила Эйольфа въ воду, а съ другой—въ Ритѣ, которая, въ порывѣ бѣшеной ревности, пожелала, чтобы мальчикъ умеръ, — и желаніе ея исполнилось, какъ исполнилось желаніе строителя Сольнеса, чтобы сгорѣлъ домъ его жены. Не смотря, однако, на эти обстоятельства, смягчающія отвѣтственность Альмерса, растворяющія ее въ цѣломъ рядѣ обыденныхъ, естественно-необходимыхъ или непреодолимыхъ событій, щемлящая работа совѣсти не даетъ Альмерсу покоя. А Ибсенъ, одной рукой скопья эти смягчающія обстоятельства, другую—вводитъ въ жизнь своего героя новыя источники угрызений совѣсти. Оказывается, что чувство, связывающее Альмерса съ женой, есть главнымъ образомъ или даже исключительно чувственность, къ которой прибавляется элементъ, еще болѣе низменный: женясь на Ритѣ, онъ собственно продался (мотивъ, какъ уже знаетъ читатель, нерѣдкій у Ибсена); по крайней мѣрѣ, онъ такъ думаетъ, вспоминая свою бѣдность и рѣзкую перемену своего матеріальнаго положенія послѣ женитьбы на богатой Ритѣ. Онъ зналъ во всякомъ случаѣ, что эта женитьба дастъ ему возможность спокойно «учиться и работать» и обезпечить его сводную сестру Асту, съ которою его связываютъ самыя нѣжныя чувства. Въ этихъ отношеніяхъ мы опять встрѣчаемъ нѣчто очень характерное для Ибсена. Въ теченіи драмы выясняется, что Аста не сестра Альмерса, — она есть плодъ «незаконнаго» увлеченія своей матери, да и чувства ея къ Альмерсу не сестринскія, но она не даетъ имъ разыграться и уѣзжаетъ, говоря Альмерсу на прощанье: «бѣгу отъ тебя и отъ себя самой». Вы опять узнаете Ибсена, на этотъ разъ со стороны его шепетильности въ дѣлахъ любви: объ одномъ «веселомъ грѣхѣ» мы только узнаемъ изъ пьесы, а въ дѣйствіи его нѣтъ, есть только плодъ его—Аста, а другому грѣху авторъ не даетъ совершиться, заставляя Асту бѣжать отъ искушенія. Но все это, разумѣется, способствуетъ чрезмѣрной сложности и запутанности драмы, а мы

еще совѣтъ обошли личность инженера Борхгейма, равно какъ и то осложняющее обстоятельство, что Альмерсъ задолго до катастрофы прозвалъ Асту, неизвѣстно почему, Эйольфомъ, и большой и маленький Эйольфы какъ бы сливаются иногда въ одно лицо. Нѣтъ, наконецъ, въ драмѣ недостатка и въ символическихъ разговорахъ о «горахъ», «пропастяхъ», «небесахъ», «глубинѣ», «звѣздахъ».

Читатель видитъ, что если пьесу «Маленькій Эйольфъ» и можно назвать «не оригинальной», то развѣ только въ томъ смыслѣ, что Ибсенъ здѣсь во многомъ повторяетъ самого себя. Но мы уже видѣли и еще увидимъ, что онъ повторяетъ себя очень часто, лишь на разные лады комбинируя нѣсколько основныхъ своихъ мотивовъ и вводя ихъ въ разные рамки, но неизмѣнно при этомъ и, повидимому, непроизвольно вызывая безнужную и затемняющую дѣло толкотню образовъ. Многихъ плѣняетъ происходящая отсюда смутность, неясность, въ которой они видятъ глубину. Глубина не въ этой смутности, и такіе цѣнители напоминаютъ человѣка, который любовался бы въ прекрасной, но изрытомъ осною лицѣ, именно, этими оспенными язвинами...

Эйольфъ умеръ, Аста уѣхала, супруги Альмерсы остаются одни, въ настоящемъ нравственномъ аду, переполненномъ скорбными воспоминаніями, угрызениями совѣсти и взаимными упреками. Совмѣстная жизнь становится невыносимою, и Альмерсъ рѣшаетъ уѣзжать. Но тутъ происходитъ слѣдующій эпизодъ. Дѣйствіе происходитъ въ имѣніи Альмерса, въ которомъ на морскомъ берегу есть какая та деревушка. До слуха угрызавшихся и перекоряющихся супруговъ доносится оттуда «сильный шумъ и восклицанія сердитыхъ голосовъ». Узнавъ въ чемъ дѣло, Альмерсъ говоритъ женѣ: «По настоящему слѣдовало бы уничтожить эту деревушку. Вотъ мужчины пришли домой пьяные, по своей привычкѣ. Ребятишекъ своихъ колотятъ. Слышишь, какъ режутъ? А матери зовутъ на помощь». Рита предлагаетъ послать кого нибудь помочь имъ, но Альмерсъ гнѣвно отвергаетъ это предложеніе: вѣдь и маленький Эйольфъ погибъ на глазахъ этихъ людей, и они не помогли ему, съ какой же стати онъ, Альмерсъ, будетъ теперь помогать имъ? Мало того, онъ рѣшается даже согнать жителей деревушки съ мѣста, и пусть эта толпа бѣдняковъ убирается куда хочетъ, потому что маленький Эйольфъ долженъ быть отомщенъ. Онъ требуетъ, чтобы Рита непременно исполнила это послѣ того, какъ онъ уѣдетъ. Рита возражаетъ, что она этого не сдѣлаетъ, а, напротивъ, возьметъ заброшенныхъ ребятишекъ къ себѣ и будетъ ихъ воспитывать. Альмерсъ пораженъ, и между супругами происходитъ такой діалогъ:

Альмерсъ. Сущее безуміе! Я не знаю никого на свѣтѣ менѣе, чѣмъ ты, способнаго на подобное дѣло!

Рита. Ну, что-жъ! Мнѣ придется стать на его высоту, поучиться ему, поупражняться!

Альмерсъ. Если все, что ты говоришь, серьезно, то, право, надо думать, что ты подверглась перерожденію.

Рита. Да, во мнѣ произошелъ переворотъ, Альфредъ. И это благодаря тебѣ. Въ душѣ моей образовалась пустота. Я и хочу попробовать заполнить ее чѣмъ-нибудь, похожимъ на любовь.

Альмерсъ (*нѣкоторое время въ задумчивости смотритъ на Риту*). Это правда, мы немного сдѣлали для тѣхъ бѣдняковъ, что живутъ тамъ внизу.

Рита. Мы ровно ничего для нихъ не сдѣлали.

Альмерсъ. Изрѣдка развѣ случалось вспоминать о нихъ!

Рита. И никогда съ состраданіемъ.

Альмерсъ. Мы-то, у которыхъ денегъ куря не клюютъ!

Рита. Наши карманы были закрыты для нихъ. Сердца—тоже.

Альмерсъ. (*одобрительно кивая головой*). Поэтому-то не мудрено, что никто изъ нихъ не отважился рисковать жизнью для спасенія маленькаго Эйольфа.

Рита (*понижая голосъ*). Скажи, Альфредъ, ты твердо увѣренъ, что мы сами рѣшились бы подвергнуть себя такой опасности?

Альмерсъ (*въ смущеніи*). Рита! Неужели ты сомнѣваешься, что...

Рита. Полно, вѣдь мы крѣпко привязаны къ землѣ.

Альмерсъ. Наконецъ, что ты, въ сущности, намѣрена сдѣлать для этихъ брошенныхъ дѣтей?

Рита. Прежде всего, я хочу попытаться сдѣлать ихъ жизнь счастливѣе и благороднѣе.

Альмерсъ. Если тебѣ это удастся, то Эйольфъ не даромъ поживъ на свѣтѣ.

Рита. И есть смыслъ въ томъ, что онъ отнять у насъ!

Альмерсъ (*пристально смотритъ на нее*). Только пойми, Рита, что не любовь побуждаетъ тебя на такой подвигъ.

Рита. Нѣтъ. Или, по крайней мѣрѣ, пока еще нѣтъ.

Альмерсъ. Что же въ такомъ случаѣ?

Рита (*не отвѣчая на вопросъ прямо*). Ты часто говаривалъ съ Астой объ „отвѣтственности человека“.

Альмерсъ. Да, объ этой книгѣ, которую ты ненавидишь.

Рита. Я все еще продолжаю ненавидѣть ее. Но я присутствовала, когда ты говорилъ, и слушала. Теперь я хочу пойти этимъ путемъ. Самостоятельно, на свой ладъ.

Альмерсъ (*качая головой*). Тутъ, конечно, не при чемъ мое неоконченное сочиненіе.

Рита. Нѣтъ. У меня еще другое побужденіе.

Альмерсъ. Какое?

Рита (*тихо, съ печальной улыбкой*). Видишь ли, мнѣ хотѣлось бы угодить этимъ большимъ, широко раскрытымъ дѣтскимъ глазкамъ.

Альмерсъ (*пораженный, смотритъ на нее*). Не могу ли я... помочь тебѣ, Рита?

Рита. Ты жаль бы?

Альмерсъ. Да, еслибъ былъ увѣренъ, что могу быть полезнымъ.

Рита (*колеблется*). Но вѣдь въ такомъ случаѣ тебѣ пришлось бы остаться здѣсь.

Альмерсъ (*понижая голосъ*). Развѣ попытаться...

Рита (*едва слышно*). Да, Альфредъ, попытаемся...

Далѣе діалогъ стѣзжаетъ на символическія тѣмы о «высотахъ» и «звѣздахъ». Можно, конечно, сказать, что этотъ символизмъ не украшаетъ финала «Маленькаго Эйольфа» и что финалъ наступаетъ слишкомъ быстро, чѣмъ портится художественное впечатлѣніе. Но и символизмъ, и антихудожественная торопливость вообще

свойственны Ибсену. Едва ли найдется хоть одна его пьеса, которой нельзя было бы предъявить этот упрек, по крайней мѣрѣ относительно той или другой частности. А затѣмъ и въ другихъ отношеніяхъ финалъ «Маленькаго Эйольфа» столь же подлинно Ибсеновскій, какъ и вся пьеса. И, можетъ быть, меньше всего тутъ слѣдуетъ искать подражанія Толстому въ его проповѣди любви къ ближнимъ. Что именно проповѣдуетъ или хочетъ проповѣдывать Ибсенъ,—мы этого не касаемся, но фактъ тотъ, что, по словамъ Альмерса, «не любовь побуждаетъ Риту на подвигъ», и сама Рита съ этимъ соглашается. Она хочетъ только заполнить образовавшуюся въ ея душѣ пустоту «чѣмъ нибудь похожимъ на любовь». Настоящая любовь, можетъ быть, и придетъ съ теченіемъ времени, но пока, въ драматическомъ дѣйствіи, ея нѣтъ, а двигателемъ является совѣсть. Если же на почвѣ этой работы совѣсти мы имѣемъ въ «Маленькомъ Эйольфѣ» примирительный финалъ, то и это, по малой мѣрѣ, не противорѣчитъ общей литературной физиономіи Ибсена. Мы уже видѣли такой же примирительный финалъ въ «Праздникѣ въ Сольгаугѣ»: Маргитъ, «испытавъ весь ужасъ, все раскаяніе и муки души, готовый продать себя для земныхъ благъ», рѣшается «искупить свой грѣхъ» въ стѣнахъ монастыря и благословляетъ союзъ Гудмунда и Сигны, для которыхъ «настанетъ утро, настанетъ день счастья, день блаженства». Сейчас мы увидимъ во многихъ отношеніяхъ еще болѣе характерный примирительный финалъ.

Въ «Сѣверныхъ богатыряхъ» Сигурдъ совершаетъ подвигъ, заслугу, честь котораго предоставляетъ по дружбѣ Гуннару. Богатый до излишества расцвѣчающими подробностями, но почти бѣдный въ комбинаціи *основныхъ* мотивовъ, Ибсенъ строитъ драму «Столпы общества» на весьма сходномъ, или, скажемъ, параллельномъ основаніи. Только въ «Сѣверныхъ богатыряхъ» дѣло идетъ почти исключительно о чести, а въ «Столпахъ общества»—главнымъ образомъ о совѣсти: изъ дружбы Іоганнъ Теннезенъ беретъ на себя вину, грѣхъ Карстена Берника. Въ результатѣ этотъ Берникъ такая же ворона въ павлиньихъ перьяхъ, какъ и Гуннаръ. Только вполне безсовѣстная. Онъ пользуется всеобщимъ уваженіемъ и, повидимому, совершенно свыкся съ мыслью, что оказываемый ему почетъ имъ дѣйствительно заслуженъ; онъ готовъ даже, для сохраненія этого почта, на новый и еще болѣе тяжкій грѣхъ, а именно утопить (въ буквальномъ смыслѣ слова утопить, въ морѣ) своего великодушнаго друга. Драма, по обыкновенію, осложнена и запутана множествомъ вводныхъ лицъ и подробностей, и рассказывать ея содержаніе я не буду. Для насъ важенъ теперь конецъ драмы. Роя другому яму, Берникъ самъ едва уцѣлѣлъ на ея краю; думая утопить Теннезена, онъ едва не утопилъ своего сына

(Олафа, «маленького Олафа»), и лишь счастливая случайность, не только независимая от воли Бернака, а прямо противъ его воли происшедшая, спасла мальчика. Потрясенный этимъ обстоятельствомъ, равно какъ и всѣмъ ходомъ драмы, Берникъ произноситъ публичную покаянную рѣчь. Объ этой рѣчи, какъ по ея содержанию и характеру, такъ и по эффектной обстановкѣ, при которой она произносится, пожалуй, можно сказать, что она напоминаетъ Толстого, но не со стороны проповѣди любви къ ближнему, а со стороны пробудившейся совѣсти. Разумѣю заключительную сцену «Власти тьмы». И у Ибсена, и у Толстого покаянные рѣчи героевъ произносятся въ моментъ торжественныхъ празднествъ, въ которыхъ героямъ предстоитъ играть видную, и именно почетную роль; и у Ибсена, и у Толстого публичное покаяніе героевъ является совершенною, ошеломляющею неожиданностью для собравшагося на празднество народа. Можно указать и еще черты сходства, но для этого надо бы было рассказывать содержаніе «Столповъ общества» въ подробности. Мудрено однако вывести отсюда заключеніе, что Ибсенъ подражаетъ Толстому, такъ какъ «Столпы общества» появились почти за десять лѣтъ до «Власти тьмы» (1877—1886). Изъ этого не слѣдуетъ, конечно, и того, чтобы Толстой въ свою очередь подражалъ Ибсену, и я опѣшу подчеркнуть одну рѣзкую и очень для насъ здѣсь важную разницу между двумя драмами.

У Толстого Никита самымъ своимъ покаяніемъ осуждаетъ себя на изгнаніе изъ общества, чтобы гдѣ нибудь на каторгѣ искупить свою вину тяжкими трудами и страданіями. У Ибсена дѣло поставлено совсѣмъ иначе. Вотъ начало покаянной рѣчи Берника.

«Сограждане! Вашъ ораторъ сказалъ, что мы стоимъ сегодня на порогѣ новой эры,—и я надѣюсь, что его слова оправдаются. Но чтобы это было возможно, мы должны обратиться къ правдѣ,—которой до сихъ поръ у насъ нигдѣ и ни въ чемъ не было мѣста. (*Удаленіе среди присутствующихъ*). Я долженъ начать съ того, что отстраню отъ себя похвалы, которыми вы, г-нъ адъютантъ, засыпали меня, какъ это водится въ подобныхъ случаяхъ. Я не заслужилъ ихъ, потому что до сего дня я не былъ безкорыстнымъ человѣкомъ. Если я и не всегда стремился къ денежной выгодѣ, то все же мнѣ теперь ясно, что при большинствѣ моихъ дѣйствій побудительными мотивами являлась жажда власти, вліянія и почта... Передъ моими согражданами я не чувствую за это угрызѣній совѣсти; потому что я и теперь еще думаю, что могу стать въ ряду самыхъ достойныхъ людей нашего города». Разсказавъ потомъ объ одной затѣянной имъ, но еще ни приведенной въ исполненіе нечистой спекуляціи, Берникъ говоритъ: «Я намѣренъ былъ оставить все за собой, да я и теперь думаю, что эти земли принесутъ наибольшую пользу, если останутся въ однѣхъ рукахъ; Но вы можете сами выбирать. Если вы пожелаете, я готовъ

управлять ими по моему лучшему разумѣнію». Затѣмъ Берникъ кается въ томъ грѣхѣ, который пятнадцать лѣтъ тому назадъ взял на себя его 'великодушный другъ, Іоганъ Теннезенъ, и прибавляетъ: «Теперь уже невозможно опровергнуть тѣ злыя и живые слухи, которые распространились тогда. Но на это я не могу жаловаться: пятнадцать лѣтъ тому назадъ я поднялся благодаря этимъ слухамъ; привести ли они теперь къ моему паденію, это пусть каждый обсудитъ съ самимъ собой. Но не принимайте теперь никакого рѣшенія. Я прошу cadaго возвратиться домой, собраться съ мыслями и заглянуть въ собственную душу. Когда волненіе уляжется, тогда будетъ видно, потерялъ ли я отъ этого или выигралъ. Прощайте, мнѣ еще во многомъ, очень многомъ надо раскаться; но это касается уже только моей совѣсти».

Такимъ образомъ, хотя Берникъ и кается, подобно Никитѣ во «Власти тьмы», но вовсе не намѣренъ удалиться изъ общества, а напротивъ съ гордостью, которая, благодаря торопливости автора, можетъ показаться даже наглостью, предлагаетъ свои услуги обществу, надѣется оправдать его довѣріе, если таковое послѣдуетъ. Никита, движимый лишь совѣстью, знаетъ себя только отрицательную цѣну,—вину свою или, вѣрнѣе, свои многоясленныя вины. За Берникомъ тоже много грѣховъ числится, и онъ тоже движется совѣстью, но она не давитъ его окончательно, какъ давитъ Никиту у Толстого, или, Маргитъ у самого Ибсена; ибо, кромѣ отрицательной своей цѣны, опредѣляемой совѣстью, Берникъ знаетъ и свою положительную цѣну, опредѣляемую честью: онъ знаетъ свою даровитость, свою энергію, свои достоинства вообще, которыя онъ въ теченіи пятнадцати лѣтъ успѣлъ проявить не грѣхами только, а и на дѣйствительной службѣ обществу. И, сознательно или безсознательно, но Ибсенъ такъ располагаетъ обстоятельства, что они болѣе или менѣе смягчаютъ жестокіе итоги, подводимые совѣстью Берника. Въ молодости онъ совершилъ грѣхъ и имѣлъ подлость зломъ отплатить Іогану Теннезену, взявшему на себя этотъ грѣхъ, и вплоть до своего покаянія Берникъ стоитъ на почвѣ лжи и лицемерія. Но на этой дрянной почвѣ передъ глазами читателей не вырастаютъ уже новые цвѣты зла и преступленія: они только замышляются, взрости имъ Ибсенъ не позволяетъ. Общественные интересы, которые должны были пострадать отъ задуманной Берникомъ нечистой спекуляціи, остаются неприкосновенными; Іоганъ Теннезенъ очищается отъ введённыхъ на него пятнадцать лѣтъ тому назадъ обвиненій и счастливо уѣзжаетъ въ Америку на счастливую жизнь съ любимой дѣвушкой; домашняя, семейная жизнь Берника освѣщается послѣ его покаянія новымъ яркимъ и теплымъ свѣтомъ и т. д. И одно изъ дѣйствующихъ лицъ, Лона Гессель, когда то кровно обиженная Берникомъ, но послѣ его покаянія все простившая, все забывшая,

кончается драму словами: «Свобода и правда, — вот столпы общества».

Послушаемъ же теперь г. Минскаго. На всякое чиханіе, конечно, не наздравствуешься, но то, что чихаетъ въ данномъ случаѣ г. Минскій, во первыхъ, поможетъ мнѣ выяснить свою мысль, а во вторыхъ, насколько я знакомъ съ литературой объ Ибсенѣ, не г. Минскимъ выдуманно, а повторяется очень часто. «Неизвѣстно—говорить г. Минскій,—какъ общество отнесется къ раскаявшемуся грѣшнику. Но какъ-бы ни сложилась судьба Берника *), идея пьесы, отъ этого не мѣняется. Ибсенъ показываетъ, что общее благо, признаваемое обыкновенно чѣмъ то благороднымъ и даже священнымъ, въ дѣйствительности является ничѣмъ инымъ, какъ лишнимъ стимуломъ для лжи и преступленій. Общество таково, что только обманщики могутъ быть его опорами и защитниками. Люди таковы, что служеніе общему благу является въ ихъ рукахъ щитомъ для прикрытія собственного самолюбія и тщеславія».

Боюсь надоесть читателю, но еще больше боюсь быть непонятымъ и потому напоминаю: я не касаюсь міровоззрѣнія Ибсена, потому что недостаточно знакомъ съ нимъ, я извлекаю свои матеріалы исключительно изъ его драмъ, въ которыхъ, благодаря необузданности творческаго темперамента Ибсена, многое пробивается помимо его воли и сознанія. Поэтому, еслибы даже самъ Ибсенъ подтвердилъ сужденіе г. Минскаго, я сказалъ бы, что въ драмахъ я не нахожу того, что видитъ въ нихъ г. Минскій и, кажется, еще многіе другіе критики. И пусть судить читатель, дѣйствительно ли такъ безпросвѣтно и безнадежно мраченъ финалъ «Столповъ общества», какъ утверждаетъ г. Минскій; дѣйствительно ли въ этой драмѣ «Ибсенъ показываетъ», что, «общее благо, признаваемое обыкновенно чѣмъ то благороднымъ и даже священнымъ», на самомъ дѣлѣ есть «ничто иное, какъ лишній стимулъ для лжи и преступленій». Лона Гессель говоритъ, что «свобода и правда—вотъ столпы общества», и на этомъ кончается драма, опускается занавѣсъ, а г. Минскій умозаключаетъ, что «только обманщики могутъ быть опорами и защитниками общества»... Я думаю напротивъ, что «Столпы общества» скорѣе уже построены по старинной формулѣ: добродѣтель торжествуетъ, а пороки наказаны (наказаны въ лицѣ нераскаянныхъ соумышленниковъ Берника по затѣянной имъ двусмысленной спекуляціи, далѣе въ лицѣ претендента на руку невѣсты Іоганна Теннезена,—лицемера Рерлунда, да пожалуй и самого Берника въ его прошломъ).

Ибсенъ не только въ «Столпахъ общества», а и во многихъ

---

*) Г. Минскій называетъ героя «Столповъ общества» Берникъ, въ изданіи г. Юровскаго онъ называется Берникъ. Кто правъ—не знаю. Думаю, что не г. Минскій, потому что и въ книгѣ Горна и Швейцера мы встречаемъ Берника.

другихъ драмахъ не падить красокъ для изображенія лживости, лицемерія, жестокости, всевозможныхъ пороковъ современнаго общества. Но это бы еще не выдѣляло его изъ длиннаго ряда другихъ писателей, не менѣе его карающихъ современность. У насъ, напримѣръ, есть Салтыковъ, «Благонамѣренныя рѣчи» котораго несравненно даже ярче показываютъ, что кроется иногда за заботами объ «общемъ благѣ», ярче и, несмотря на всю тенденціозность, художественнѣе. Можетъ показаться, что недостатокъ яркости восполняется у Ибсена глубиной, такъ какъ онъ не приурочиваетъ свои обличенія съ такою страстностью къ вполнѣ определенному моменту, а паритъ на большей высотѣ, съ которой видны и скандинавскіе викинги, и Юліанъ Отступникъ, и какой то Берникъ, и рыцари XIV и XVI вѣка, и докторъ Штокманъ, и фантастическія путешествія Цера Гинта, и проч. Я не думаю, чтобы это было вѣрно, но не стану отвлекаться въ сторону. Возьмемъ одного Ибсена. Не современное только общество бичуетъ онъ; онъ, повидимому, враждебенъ самому принципу общества. Въ «Союзѣ молодежи» талантливый прощальца, адвокат Стенсгардъ ведетъ за собой общество, какъ стадо барановъ, и хотя онъ проваливается въ сѣть своихъ собственныхъ ухищреній (мимоходомъ сказать, чисто водевильнаго характера, совершенно недостойныхъ серьезнаго писателя), но ему все-таки не безъ основанія предсказываютъ блестящую карьеру. Въ «Докторѣ Штокманѣ» («Врагъ народа») низость и подлость общества доводятъ героя до изрѣченій: «самый опасный врагъ истины и свободы, это—сплоченное, свободное большинство»; «глупцы составляютъ подавляющее большинство на всемъ пространствѣ міра», однако «самый сильный человекъ въ этомъ мірѣ тотъ, кто остается одинокимъ». Все это какъ бы подтверждаетъ мнѣніе г. Минскаго и, конечно, онъ не упускаетъ случая сослаться на «Доктора Штокмана», но затѣмъ останавливается въ недоумѣніи: «Конфликтъ между личностью и обществомъ—говоритъ онъ—только указанъ Ибсеномъ, но не разрѣшенъ. Остается неяснымъ, что должна дѣлать одинокая и сильная личность, смотрящая на толпу, какъ на сборище идіотовъ и негодяевъ».

Того, кто ищетъ у Ибсена поученій, этотъ вопросъ, конечно, долженъ очень занимать. Но мы ищемъ не поученій, а изображеній, а потому и вопросъ ставится для насъ иначе: не какъ *должна*, по мнѣнію Ибсена, поступать личность въ случаѣ конфликта съ обществомъ? а—какъ она въ его драмахъ въ такихъ случаяхъ дѣйствительно поступаетъ?

Прежде всего надо замѣтить, что общество представляетъ собой въ драмахъ Ибсена такую же роковую, стихійную силу, какъ и наслѣдственность или «законъ эволюціи» съ одной стороны, велѣнія Норнъ, магическіе эффекты и т. п.—съ другой. Съ особенною силою выступаетъ это въ «Союзѣ молодежи», въ «Док-

торѣ Штокманнѣ, въ «Брандѣ», вообще вездѣ, гдѣ общество хоть частію является въ видѣ «толпы», т. е. въ видѣ не столько организованной, сколько однопредметно увлеченной и психически зараженной массы. За этой массой могутъ стоять вожаки, руководствующіея тѣми или другими, благородными или своекорыстными соображеніями, но сама масса движется съ стихійною непреклонностью пониженной воли и отуманеннаго сознанія, и если поперекъ ея дороги становится одинокая личность, для послѣдней наступаетъ трагическій моментъ, отражающійся въ душѣ личности все тою же работою либо совѣсти, либо чести. Но и въ организованномъ обществѣ, въ самомъ строѣ общественномъ, каковъ бы онъ ни былъ, есть нѣчто, для каждой данной личности, стихійное, роковое. Ея воля и сознаніе не участвовали въ выработкѣ тѣхъ законовъ, нравовъ, обычаевъ, предразсудковъ, общественныхъ отношеній, которыя она застаётъ, очутившись въ данномъ обществѣ въ качествѣ мыслящаго, чувствующаго и дѣйствующаго индивида. Отсюда почва для трагическаго столкновенія личности, побуждаемой опять такою работою совѣсти или чести, съ обществомъ. Такимъ образомъ конфликтъ личности съ обществомъ является у Ибсена лишь частнымъ случаемъ конфликта личной воли и сознанія съ силами роковой необходимости вообще. Трагическая сторона этого столкновенія состоитъ въ мученіяхъ уязвленной совѣсти и оскорбленной чести, а не въ гибели героя, которая есть въ нѣкоторыхъ драмахъ и отсутствуетъ въ другихъ. Но за то во всѣхъ мы встрѣчаемъ борьбу съ гнетущею необходимостью или съ тѣмъ, что таковою кажется, борьбу и разнообразнѣйшія комбинаціи условій, благопріятствующихъ и неблагопріятствующихъ этой борьбѣ.

Du glaubst zu schieben und wirst geschoben,—говорить умный Мефистофель и повторяютъ за нимъ многіе, иногда тоже умные, а иногда совсѣмъ не умные люди. Нѣкоторые герои Ибсена могли бы отвѣтить: ja, ich bin geschoben, aber zum Schieben. Они знаютъ, что есть независимыя отъ ихъ воли могучія стихійныя, «роковыя» силы, и, казалось бы, это знаніе упраздняетъ, какъ ихъ собственную отвѣтственность за свои поступки, такъ и отвѣтственность другихъ: все равно необходимо, все равно совершается потому, что wir sind geschoben,—остается «не плакать и не смѣяться, а понимать». Но герои Ибсена смѣются и плачутъ, да и во всемъ человѣчествѣ льются слезы раскаянія, истекаютъ кровью сердца отъ обиды, раздается смѣхъ торжества и побѣды, смѣхъ горькой ироніи, гнѣвный смѣхъ сатиры. Должно быть, эти вопли уязвленной совѣсти и оскорбленной чести тоже необходимы (иначе бы вѣдь ихъ не было), должно быть, ихъ тоже понимать надо, а не отметать. Но уязвленная совѣсть и оскорблен-

ная честь не замкнутся въ себѣ, а рвутся наружу, стремятся заявить себя въ дѣйствіяхъ, и эти дѣйствія, какъ бы ни были они разумны или безумны, опять же необходимы, какъ и все на свѣтѣ, хотя бы они были направлены противъ необходимости же. Необходима, наконецъ, и гибель или, по крайней мѣрѣ, поврежденіе той или другой изъ столкнувшихся необходимостей. Какъ ориентироваться дѣйствующія лица Ибсеновыхъ драмъ въ этой безконечно сложной сѣти, въ которой всѣ плюсы такъ же необходимы, какъ и всѣ минусы, все благородное, какъ и все подлое, все разумное, какъ и все безумное?

Ориентироваться въ ней вполне и во всѣхъ подробностяхъ не дано человѣческому разуму и чувству. Слишкомъ этотъ разумъ ограниченъ даже у самыхъ разумныхъ, слишкомъ это чувство бѣдно и «крѣпко землѣ» даже у самыхъ великодушныхъ. Мистикъ Максимъ въ драмѣ «Императоръ и Галилеянинъ», и по собственному мнѣнію, и по мнѣнію Юліана и другихъ, проникъ въ тайны бытія глубже, чѣмъ кто нибудь изъ смертныхъ. Знаетъ онъ, между прочимъ, какъ мы уже видѣли, и то, что *хотѣть* значить быть *принужденнымъ* хотѣть (*geschoben sein*). Это подтверждаетъ и Іуда въ вышеупомянутомъ видѣніи: онъ былъ *geschoben*, принужденъ совершить свое подлое преступленіе, дабы именно имъ послужить необходимому историческому ходу вещей. Но и въ видѣ заgrabной тѣни, вызванной изъ небытія чарами Максима, Іуда является съ знакамъ грызущей совѣсти, съ веревкой на шеѣ, и на вопросъ Юліана: было ли съ необходимостью предопредѣлено именно ему предать Учителя? онъ отвѣчаетъ: «въ этомъ загадка», и исчезаетъ, отказываясь отъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій. Такимъ образомъ, и для проникшаго въ тайны бытія Максима, и для вызваннаго изъ небытія Іуды остаются неразгаданныя загадки въ сѣти «принужденныхъ хотѣній» и дѣйствій. А потому и всезнающій Максимъ можетъ ошибаться. Онъ вдохновлялъ Юліана, предсказывая ему побѣду и основаніе «третьяго царства», и вотъ его странная, прерывистая рѣчь надъ трупомъ Юліана: «Я любилъ его и предалъ... нѣтъ, не я!.. Предалъ, какъ Кантъ, какъ Іуда... Вашъ Богъ расточителенъ, галилеяне! Много ему душъ надо... Такъ ты не былъ истиннымъ... о, жертва необходимости?.. Стоить ли жить послѣ этого? все есть только игра и тщета. *Хотѣть*—значить *быть принужденнымъ хотѣть* (курсивъ въ подлинникѣ)... О, мой любимый... всѣ указанія обманули меня, всѣ знаменія говорили двойственнымъ языкомъ, и вотъ почему я видѣлъ въ тебѣ того, кто долженъ примирить два царства». Правда, разочаровавшись въ Юліанѣ и горько кааясь въ своей ошибкѣ, мудрецъ Максимъ не остается безъ надеждъ на будущее. Онъ кончаетъ свою рѣчь словами: «Наступитъ третье царство! Духъ человѣческій вернетъ себѣ свое наслѣдство, и тогда принесутся искупительныя жертвы за тебя и за твоихъ двухъ гостей». Подъ

гостями Максимъ разумѣть Каина и Іуду. Но вотъ пятнадцать вѣковъ прошло, исторія судить объ Юліанѣ, какъ о всякомъ другомъ историческомъ дѣятелѣ, а отъ той мистической комбинаціи, въ которую Максимъ включалъ Юліана вмѣстѣ съ Каиномъ и Іудой, человѣческая мысль уходитъ все дальше и дальше. Максимъ, мудрый Максимъ, обладавшій всѣми знаніями своего времени и въ частности такъ хорошо знавшій Мефистофельскую формулу: *du glaubst* и т. д.,—мудрый Максимъ еще разъ ошибся. А и эта ошибка была столь же необходима, Максимъ столь же «принужденъ» былъ впасть въ нее, какъ принужденъ иной открыть несомнѣнную, великую истину. Все это—пестрые узоры, вышиваемые самою необходимостью на ея собственномъ одноцвѣтномъ фонѣ. Присмотримся ближе къ нѣкоторымъ изъ этихъ узоровъ.

Мы слышали отъ Гильды Вангель (въ «Строителѣ Солнестѣ») о «хилой» и «коренастой» совѣсти и о томъ, что хорошо бы имѣть «настоящую, сочную, здоровую совѣсть, чтобы смѣло идти къ желанной цѣли», вотъ какъ древніе викинги. И Маргитъ («Праздникъ въ Солъгаугѣ»), если читатель помнитъ, въ минуту колебаній совѣсти говоритъ: «въ чужихъ краяхъ женщины не такъ слабодушны, какъ мы; онѣ не задумаются привести мысль въ исполненіе; она завидуетъ той женщинѣ, которая «хотѣла на дѣлѣ исполнить то, что задумала втайнѣ». И Гильда, и Маргитъ замышляютъ злое, по ихъ мнѣнію, дѣло, противъ котораго и возстаетъ ихъ совѣсть, но, повидимому, иногда обремененная совѣсть препятствуетъ осуществленію и такого дѣла, которое носитель этой обремененной совѣсти считаетъ добрымъ, полезнымъ, великимъ. Съ особенною ясностью видно это въ драмѣ «Росмерсгольмъ».

Я, къ сожалѣнію, не имѣю времени остановиться на «Росмерсгольмѣ» съ такою подробностью, съ какою мнѣ хотѣлось бы это сдѣлать и какой эта драма заслуживаетъ, и долженъ ограничиться лишь нѣсколькими эпизодами.

Владѣлецъ Росмерсгольма, Іоганъ Росмеръ, вдовецъ, жена котораго утопилась, какъ онъ думаетъ, въ припадкѣ сумашествія,—человѣкъ кабинетный и, не будучи поэтому человѣкомъ партіи, держится однако консервативнаго образа мыслей. Но подъ вліяніемъ нѣкой Ревекки Вестъ, Росмеръ преобразается: рѣзко измѣняетъ свой образъ мыслей и желаетъ вступить на путь практической дѣятельности. Узнавъ объ этомъ, братъ его жены, Кроль, пытается переубѣдить его. Онъ говоритъ: «Фамиліи преданія налагаютъ на тебя извѣстныя обязанности, Росмеръ. Вспомни,—Росмерсгольмъ былъ съ незапамятныхъ временъ центромъ порядка и дисциплины, очагомъ всѣхъ признанныхъ, уважаемыхъ избраннымъ обществомъ мнѣній. Вся округа носитъ на себѣ печать Росмерсгольма. Если узнаютъ, что ты отрекся отъ того, что я

хотѣлъ бы назвать идеей Росмеровъ,—произойдетъ не поправимая смута». Росмеръ отвѣчаетъ: «Любезный Кроль, я иначе смотрю на вещи. Мнѣ кажется, что я безусловно обязанъ распространить немного свѣта и радости въ мѣстности, которую Росмеры долгіе годы держали во мракѣ и нравственной подавленности».

Здѣсь Росмеръ стоитъ на той же почвѣ, на которой стоитъ въ «Маленькомъ Эйольфѣ» Альмерсъ, когда со стыдомъ вспоминаетъ, что вѣдь они, супруги Альмерсы, во всю свою жизнь ничего не сдѣлали для жителей деревушки. Но Росмеръ беретъ дѣло шире. Онъ совѣстится за цѣлый рядъ своихъ предковъ, державшихъ зависящее отъ нихъ окрестное населеніе во мракѣ и угнетеніи. Пробудившаяся, подъ вліяніемъ Ревекки, совѣсть налагаетъ на Росмера отвѣтственность за грѣхи предковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ побуждаетъ къ дѣятельности: въ провотиположность уязвленнымъ совѣстью же Гильдѣи Маргитъ, онъ чувствуетъ въ себѣ силу исполнить задуманное. Но вотъ картина измѣняется. Передъ Росмеромъ раскрывается тайна смерти его жены: она не въ припадкѣ сумашествія бросилась въ воду, а сознательно, видя, какъ усиливается вліяніе Ревекки Вестъ, и чувствуя, что не дружескія отношенія и не единство только взглядовъ связываютъ Росмера и Ревекку, а—любовь, и бѣдная женщина поторопилась очистить мѣсто своей преемницѣ. Эта страшная истина не вдругъ выясняется передъ Росмеромъ, а съ рѣдкою у Ибсена постепенностью, но уже при первыхъ намекахъ на нее Росмера начинаютъ грызть совѣсти, а вмѣстѣ съ тѣмъ у него опускаются руки передъ тѣмъ дѣломъ, на которое онъ еще недавно былъ вполне готовъ. Онъ навсегда потерялъ, по его словамъ, «самое спокойное, самое радостное изъ всѣхъ чувствъ: спокойствіе совѣсти». Напрасно Ревекка напоминаетъ ему о его планахъ практической дѣятельности (какъ почти всегда у Ибсена, очень неясно и расплывчато выраженныхъ),—онъ отрекается отъ нихъ: та цѣль, говоритъ онъ, «для меня недостижима послѣ того, что я узналъ», нельзя бороться съ чувствомъ грѣха на душѣ; «чтобы какое нибудь дѣло восторжествовало, оно должно имѣть бодрого и незапятнаннаго вождя». Наконецъ, и Ревекка заражается этою болѣзнью совѣсти. Она окончательно раскрываетъ тайну смерти жены Росмера, въ которой (смерти) принимала сознательное и планомерное участіе; кается вообще во всемъ своемъ прошломъ и рассказываетъ, что близость съ Росмеромъ, «духъ Росмеровъ» облагородилъ ее, но вмѣстѣ съ тѣмъ навсегда лишилъ ее счастья: теперь совѣсть грызетъ ее постоянно, требуя искупленія, а искупить свои грѣхи она можетъ только смертью. Росмеръ давно уже находится въ томъ же положеніи, и вотъ оба они, рука объ руку, бросаются въ воду въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ утонула когда то жена Росмера.

Мельхиоръ де-Вогье, въ какой то своей статьѣ, восторгнулся фразой Ревекки: «духъ Росмеровъ облагораживаетъ, но убиваетъ счастье», видя въ этой фразѣ одну изъ «аксіомъ», данныхъ Ибсеномъ. Максъ Нордау (Entartung, II, 239, примѣчаніе) издѣвается по этому поводу и надъ Вогье, и надъ Ибсеномъ. Ему кажется, что приведенная фраза есть не только не «аксіома», а просто бессмысленный наборъ словъ. Я не знаю статьи Вогье и, значить, не могу судить о томъ, какъ мотивировано его мнѣніе. Но что касается приведенной фразы Ревекки, то отношеніе къ ней Макса Нордау можетъ служить хорошимъ образчикомъ грубости его пониманія многихъ сторонъ Ибсеновскихъ драмъ. Въ своемъ обычномъ стремленіи усложнить свою фабулу и внести въ положеніе своихъ дѣйствующихъ лицъ нѣчто непреодолимо стихійное, Ибсенъ не въ одномъ только этомъ мѣстѣ говоритъ о «духѣ *Росмеровъ*», а не *Росмера* только (напримѣръ, всѣ Росмеры никогда не смѣются). Это—вліяніе непреклонной силы наслѣдственности. Осложненіе это совершенно не нужно для хода драмы, да и вводитъ автора въ противорѣчіе: мы только что видѣли, что Росмеры въ теченіи многихъ поколѣній отнюдь не содрогались совѣстью, держа все окрестное населеніе въ темнотѣ и нравственномъ угнетеніи, а вотъ послѣдній Росмеръ содрогнулся, тѣмъ самымъ оборвавъ нить наслѣдственности. Но если мы оставимъ это ненужное осложненіе въ сторонѣ, то фраза Ревекки окажется дѣйствительно аксіомой. «Духъ *Росмера* облагораживаетъ, но убиваетъ счастье». Что это значитъ? «Духъ Росмера» есть въ данномъ случаѣ исключительно пробужденіе совѣсти и едвали нужно доказывать, что пробужденіе это съ одной стороны дѣйствительно облагораживаетъ, а съ другой — дѣйствительно наноситъ несовѣстимыя со счастьемъ раны, которыя съ теченіемъ времени могутъ, конечно, и зажить. Однако занимательна теперь для насъ не эта аксіома, художественныя иллюстраціи къ которой могутъ представлять высокій интересъ, но которая не нуждается въ логическомъ изслѣдованіи. Интересно то, что въ Росмерѣ и въ Ревеккѣ пробудившаяся совѣсть убиваетъ не только счастье, а и возможность и желаніе дѣйствовать, бороться, послѣ чего имъ только и остается, что умереть.

А вѣдь еще такъ недавно совѣсть, разбуженная вліяніемъ Ревекки, не только не обязывала Росмера складывать руки или умирать, а являлась напротивъ стимуломъ дѣятельности и жажды жизни, широкой, яркой жизни. Можетъ быть это оттого, что тогда Росмеръ чувствовалъ отвѣтственность не за свои собственные, личные грѣхи, а за грѣхи предковъ? Надо замѣтить, что и въ этомъ отношеніи Росмеръ стоитъ не одиноко въ Ибсеновой коллекціи разнаго рода людей съ разныхъ сторонъ ущемленныхъ совѣстью. Нечеловѣчески суровый, не гнушійся, какъ палка, фанатикъ Брандъ задумывается: «Одного требую я: чтобы я могъ быть

самимъ собой. Желаніе неприкосновенности моего я—законно.. Гм! выполнѣть самимъ собой? А какъ же быть съ наслѣдствомъ? Какъ быть съ грѣхами предковъ?» И далѣе, въ разговорѣ съ матерью, онъ изумляетъ ее словами: «если послѣ твоей смерти твой домъ окажется и совсѣмъ пустымъ, я все же наслѣдую твою долговую книгу». Эту «долговую книгу» Ибсенъ обязываетъ своихъ дѣйствующихъ лицъ принимать и физически: въ «Привидѣніяхъ» молодой Освальдъ Альвингъ расплачивается болѣзнью и смертью за грѣхи отца.

Итакъ, можетъ быть разница эффектовъ пробужденной совѣсти въ разные моменты жизни Росмера объясняется тѣмъ, что въ одномъ случаѣ онъ считаетъ себя отвѣтственнымъ за грѣхи предковъ, а въ другомъ—за свои собственные. Это объясненіе несомнѣнно вѣрное, но не полное, потому что не захватываетъ многихъ другихъ, частію разсмотрѣнныхъ, частію не разсмотрѣнныхъ нами случаевъ. Супруги Альмерсы въ «Маленькомъ Эйольфѣ», Берникъ въ «Столпахъ общества», переживъ острѣе моменты парализующей жизне-и-дѣеспособности совѣсти, въ концѣ концовъ не опускаютъ, однако, рукъ и тою же совѣстью побуждаются къ новой жизненной работѣ, а между тѣмъ грѣхи ихъ чисто личные. Полное объясненіе мы получаемъ, введя въ наши размышленія элементъ чести. Припомнимъ, что Берникъ, какъ ни потрясенъ онъ сознаніемъ своихъ винъ, сознаетъ и свои заслуги, совѣсть не убила въ немъ чести, а потому загладитъ свои вины, искупитъ ихъ онъ можетъ не удаленіемъ изъ жизни въ монастырь, какъ Маргитъ, не удаленіемъ изъ жизни въ могилу, какъ Росмеръ и Ревекка, а самою жизнью, которая отъ этого станетъ только богаче и краше. Такъ же и Росмеръ въ первый періодъ драмы. Совѣсть побуждаетъ его принять «долговую книгу» предковъ, но Ревекка сумѣла разбудить въ немъ не только совѣсть, а и честь, внушивъ ему сознаніе силы на великое дѣло распространенія свѣта и свободы тамъ, гдѣ были мракъ и гнетъ. Вѣроятно, Ревекка, которая, вообще, гораздо сильнѣе Росмера, и потомъ сумѣла бы поддержать равновѣсіе въ его душѣ, но она сама заболѣла параличемъ совѣсти.

Любопытныя художественныя комбинаціи элементовъ чести и совѣсти читатель найдетъ въ «Претендентахъ на корону». Какъ и всегда загроможденная побочными фигурами и ненужными осложнениями, драма эта, однако, рѣзко выдвигаетъ впередъ два образа — короля Гакона и герцога Скуле, они то и суть претенденты на корону, норвежскую. Одинъ изъ нихъ, Скуле, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, признаваемыхъ и противникомъ, есть неудачникъ или, какъ выражается Гаконъ, «Божій пасынокъ». Судьба его представляется Гакону «загаочною». Но на самомъ дѣлѣ мы имѣемъ тутъ дѣло лишь съ тою же «загадкою», которую Иуда и Максимъ не умѣли разрѣшить относительно перваго изъ

нихъ и которую можно найти въ судьбѣ каждаго человѣка, какъ въ цвѣтномъ узорѣ, вышитомъ необходимою на ея собственномъ одноцвѣтномъ фонѣ. Если же мы будемъ искать того особеннаго дара природы или исторіи, или, вообще, какой нибудь роковой силы, который опредѣлилъ собою особенную судьбу Скуле, то найдемъ его въ «хилой совѣсти», какъ сказала бы Гильда Вангель. Гильда сказала бы этими словами правду, но не полную, одностороннюю правду, какъ такую же одностороннюю правду сказала бы она, приписавъ противнику Скуле, Гакону, «коренастую совѣсть». Гаконъ идетъ къ своей цѣли прямо и неуклонно. Скуле же есть одинъ изъ тѣхъ людей, о которыхъ у Іисуса сына Сирахова сказано: «горе грѣшнику, на двѣ стези ходящу». Онъ постоянно колеблется, принимаетъ одно рѣшеніе и тотчасъ же отмѣняетъ, хватаясь за другое. Но было бы очень поверхностно сводить разницу въ поведеніи Гакона и Скуле къ тому, что называется рѣшительнымъ и нерѣшительнымъ характеромъ. Гильда глуше смотритъ на дѣло, когда, даже не упоминая о характерѣ, говоритъ, что надо имѣть «здоровую совѣсть, чтобы смѣло идти къ желанной цѣли». Исторія Берника, Росмера и еще многое другое, объ чемъ намъ уже некогда распространяться, вносятъ нѣкоторую поправку или дополненіе къ этому положенію: и болѣзненная, ущемленная совѣсть можетъ не только не задерживать «смѣлаго движенія къ желанной цѣли», а даже быть могучимъ стимуломъ дѣятельности. И Гакону знакомы угрызения совѣсти (напримѣръ, по поводу его жестокаго рѣшенія относительно матери), но онъ знаетъ и никогда не упускаетъ изъ вида и свою положительную цѣну. Не говоря уже о его формальномъ правѣ на корону, онъ твердо увѣренъ, что именно онъ можетъ устроить Норвегію къ ея славлѣ, величію и благополучію. У него есть, по сознанію его противника, «истинно королевская идея», (объединенія Норвегіи), честь выработки и осуществленія которой принадлежитъ ему. У Скуле нѣтъ этой вѣры въ свое право, въ свою честь, и ничѣмъ не уравновѣшенный или слабо уравновѣшенный голосъ совѣсти постоянно парализуетъ его энергію.

Въ «Императорѣ и Галилеянинѣ» такимъ колеблющимся, то вѣрующимъ въ свое право и силу, то не вѣрующимъ является Юліанъ. Что же касается христіанъ, то они, конечно, оказываются представителями голоса совѣсти, удрученными не только собственными грѣхами, а грѣхами всего міра. Если мы, однако, приглядимся и ко всей массѣ христіанъ, дѣйствующихъ въ драмѣ, и къ отдѣльнымъ фигурамъ, составляющимъ эту массу, то увидимъ значительное разнообразіе: одни совершенно подавлены сознаніемъ своей грѣховности, въ другихъ голосъ совѣсти уравнивается голосомъ чести, — великой чести носителей и провозвѣстниковъ новой истины. Количественная пропорція этихъ элементовъ и качественный характеръ ихъ сочетанія опредѣляютъ

собой степень активнаго или пассивнаго отношенія дѣйствующихъ лицъ драмы къ жизни...

Пора кончить, хотя я далеко не исчерпалъ не только всего Ибсена,—на это я и не претендовалъ,—а даже намѣченной доли его литературнаго багажа. Утѣшаю себя мыслью, что читатель, сколько нибудь заинтересованный предлагаемою точкою зрѣнія, самъ приложитъ ее къ тѣмъ драмамъ, которыхъ я не успѣлъ коснуться. Особенно жалѣю объ томъ, что не пришлось остановиться на одномъ важномъ пунктѣ. Нѣкоторые изъ дѣйствующихъ лицъ Ибсена выражаютъ свою программу жизни словами: «быть самимъ собой», нѣкоторымъ другимъ эту программу усиленно рекомендуютъ третьи лица. И многіе, если не ошибаюсь, именно, здѣсь видятъ самую «суть» Ибсена. Нетрудно будетъ доказать, однако, что и эта формула есть лишь одна изъ страницъ все той же книги «объ отвѣтственности человека». Но это тема настолько всетаки обширная, что я не рѣшаюсь приступить къ ней теперь же, достаточно уже утомивъ вниманіе читателя.

Мнѣ вспоминается эпиграмма на «критика Остроухова», нѣсколько лѣтъ тому назадъ вложенная нѣкоторымъ романистомъ въ уста одного изъ своихъ дѣйствующихъ лицъ:

Когда мнѣ Остроухова случается прочесть,
Душа моя уязвлена бываетъ. Совѣсть, честь
Затягиваютъ пѣсню. Радъ бы на осину влѣзть
И удавиться. Такія, право, терпишь муки,
Что хочется всему сказать прости, и руки
Наложить. А отчего?
Во-первыхъ, отъ стыда, и, во-вторыхъ—отъ скуки.

Будь я на мѣстѣ критика Остроухова (а если вставить въ эпиграмму вмѣсто его фамиліи мою, размѣръ стиха не пострадаетъ), я былъ бы, съ одной стороны, очень польщенъ, а съ другой очень огорченъ. Въ самомъ дѣлѣ, Вольтеръ былъ, вѣдь, очень близокъ къ истинѣ, когда говорилъ, что въ литературѣ всѣ роды хороши, кромѣ скучнаго. Нехорошо, когда, по выраженію Щедрина, читатель только почитываетъ то, что писатель пописываетъ, но, пожалуй, еще хуже, когда читатель даже не почитываетъ, ну, а кому нужна читать скучное? Въ частности, и мнѣ будетъ очень прискорбно, если я всѣмъ вышеизложеннымъ о чести и совѣсти только навелъ скуку на читателя или даже отогналъ его отъ чтенія. Съ другой стороны, однако, критикъ Остроуховъ долженъ быть очень польщенъ: какого еще свидѣтельства силы его слова нужно, если оно побуждаетъ людей, чувствующихъ за собой нѣчто постыдное, лѣзть на осину? Я лично, впрочемъ, не только не видалъ такихъ результатовъ своей дѣятельности, но и не желалъ бы ихъ видѣть.

До сихъ поръ недостаточно оцѣненный и даже недостаточно изученный Гл. Успенскій яркими красками изобразилъ первые шаги русской пробудившейся «больной совѣсти», съ ея тенденціей урѣзывать жизненный бюджетъ человѣка, наложить на него тѣ или другія эпитеміи, а, пожалуй, и «на осину» взвести. Съ тѣхъ поръ много воды утекло. Кое гдѣ заснула совѣсть, «пропала совѣсть», какъ называется одна изъ сазонокъ Щедрина, и многіе, оглядываясь на свое недавнее прошлое, даже съ искреннимъ изумленіемъ спрашивали себя: да чего же я стыдился? за чѣмъ велъ «долговую книгу»? развѣ не законъ природы, что щука ѣстъ карася? А вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ же, рядомъ, дошло до своихъ послѣднихъ фазисовъ ученіе Льва Толстого, въ которомъ нашла свое полное выраженіе сила односторонней, неуравновѣшанной работы совѣсти, парализующей дѣеспособность. Думаю, что пора, давно пора, воздать должное совѣсти, но не въ ея парализующей формѣ, а въ ея сочетаніи съ честью; не для того, чтобы удалиться изъ жизни въ келью подъ елью или на осину, а чтобы принять въ этой жизни дѣятельное участіе. Можетъ быть, это и значить «быть самимъ собой».

Ник. Михайловскій.

Хроника внутренней жизни.

Поиски за мѣстными органами министерства земледѣлія. — Могилевская эпопея и ея параллели. — Правительственное сообщеніе о студенческихъ беспорядкахъ.

I.

Когда, около трехъ лѣтъ тому назадъ бывшее министерство государственныхъ имуществъ преобразовано было въ «министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ» — новое учрежденіе встрѣчено было съ большими упованіями. И въ значительной части прессы, и во многихъ общественныхъ кругахъ придавали очень важное значеніе введенію въ составъ государственныхъ учреждений особаго, спеціальнаго «вѣдомства», посвященнаго интересамъ земледѣлія и земледѣльческихъ классовъ населенія. Отъ обновленнаго министерства ждали чуть не коренного переворота въ условіяхъ нашей сельско-хозяйственной жизни. Читатели, которые слѣдили за тѣмъ, что говорилось и писалось по поводу сельскохозяйственнаго кризиса восьмидесятихъ годовъ и народнаго бѣдствія 1891—92 г., помнить, конечно, какъ часто разсужденія о томъ,

гдѣ искать выхода изъ тяжелаго положенія, въ которомъ находилось наше земледѣліе, сводились, какъ къ какой-то панацее, къ учрежденію особаго министерства земледѣлія.

Очень скоро однако эти большія ожиданія смѣнились такимъ же разочарованіемъ. Насколько охладѣлъ интересъ къ дѣятельности учрежденія, пришествіе котораго еще недавно такъ горячо привѣтствовалось, можно судить по тому, между прочимъ, какъ мало вниманія привлекла къ себѣ только что закончившаяся вторая сессія сельскохозяйственнаго совѣта министерства, хотя главный вопросъ, которому была посвящена эта сессія—организація мѣстныхъ сельскохозяйственныхъ учреждений—никакъ нельзя считать лишнимъ общаго значенія.

Главною причиною этого разочарованія являлась, конечно, неосновательность самыхъ надеждъ, его породившихъ.

Если бы дѣятельность министерства земледѣлія была обставлена условіями во много разъ лучшими, чѣмъ тѣ, въ которыхъ она въ дѣйствительности находилась, и самый темпъ этой дѣятельности былъ много энергичнѣе,—во всякомъ случаѣ она никакъ не могла бы удовлетворить тѣхъ надеждъ, которыя на нее возлагались. Теперь, когда мы уже имѣемъ за собою нѣкоторый охлаждающій опытъ, трудно понять даже, какъ могли многіе серьезные и разсудительные люди ждать непомѣрно большихъ результатовъ отъ сравнительно очень малыхъ причинъ.

То или иное положеніе земледѣльческаго производства въ странѣ, тотъ или иной уровень благосостоянія земледѣльческаго населенія—все это такіе крупныя факты, зависящіе отъ очень сложнаго разнообразія многочисленныхъ причинъ и условій, связанныхъ съ различными сторонами государственной и общественной жизни,—что какъ то странно даже и доказывать, что здѣсь очень мало можно сдѣлать путемъ тѣхъ или иныхъ перестановокъ въ составѣ и строѣ министерскихъ департаментовъ. Скажемъ болѣе: едва ли можно думать, чтобы какая нибудь система *спеціальныхъ мѣръ*, замкнутыхъ непосредственно въ области сельскаго хозяйства, могла внести коренное улучшеніе въ положеніе дѣлъ,—до такой степени собственно сельскохозяйственные интересы переплетаются съ другими, болѣе крупными и общими интересами. Мы не имѣемъ возможности входить здѣсь въ подробныя разсужденія объ относительномъ значеніи прямыхъ и косвенныхъ вліяній въ сферѣ сельскохозяйственныхъ явленій и о роли общихъ и специальныхъ факторовъ земледѣльческаго прогресса. Напомнимъ только, въ видѣ иллюстраціи, одинъ примѣръ. Въ настоящее время со всѣхъ сторонъ слышится очень настойчивыя указанія на необходимость широкаго распространенія сельскохозяйственныхъ знаній. Но какъ достигнуть этого въ странѣ съ населеніемъ въ большей части своей безграмотнымъ? Вопросъ объ общемъ начальномъ обученіи естественно выдвигается на первый планъ; только въ зависимости отъ него можетъ полу-

чить правильную постановку и болѣе тѣсный вопросъ о специальномъ, сельскохозяйственномъ образованіи. Съ другой стороны, мы знаемъ, съ какою массою общихъ условій нашей соціальной жизни переплетается вопросъ объ успѣшномъ ходѣ народнаго образованія.

Въ виду всего этого результаты дѣятельности центральнаго учрежденія, вѣдающаго спеціальныя нужды сельскаго хозяйства и сельской промышленности, по общимъ условіямъ самой сферы его дѣятельности, необходимо должны были ограничиваться довольно скромными рамками. Эти рамки суживались еще болѣе тою постановкою, которую дѣло сельскохозяйственнаго управленія получило у насъ.

Развитіе сельскохозяйственной промышленности страны находится въ зависимости отъ двойного ряда причинъ; съ одной стороны для этого нужно усовершенствованіе самой *техники* земледѣльческаго *производства* (понимая это слово въ широкомъ его значеніи), а съ другой—благопріятное сочетаніе *экономическихъ* *условій* этого производства.

Кругъ вѣдѣнія образованнаго у насъ въ 1894 г. министерства земледѣлія ограниченъ былъ почти исключительно одною только первою, *техническою* стороною дѣла. Область экономическихъ мѣропріятій, соприкасающихся съ интересами сельскаго хозяйства, была, за очень немногими исключеніями, совсѣмъ выдѣлена изъ его компетенціи. Вопросы землевладѣнія и землепользованія, вопросы податнаго обложенія сельскихъ классовъ, мѣры таможенной политики, связанной съ интересами сельскохозяйственной промышленности, хлѣбная торговля и условія перевозки хлѣбныхъ грузовъ, мѣры обезпеченія народнаго продовольствія и обмѣненія крестьянскихъ полей, сельскохозяйственный кредитъ (кромѣ спеціально меліоративнаго)—всѣ эти отрасли управленія, распределенныя между разными центральными учрежденіями, остались внѣ круга компетенціи спеціальнаго сельскохозяйственнаго вѣдомства, вѣдающаго такимъ образомъ не общую совокупность, а только одну, хотя и очень крупную категорію сельскохозяйственныхъ нуждъ и интересовъ.

Таковы были вѣншія рамки, поставленныя для дѣятельности новаго министерства. Но и въ предѣлахъ этихъ рамокъ характеръ и значеніе этой дѣятельности во многомъ должны были зависѣть отъ того направленія, которое она приметъ. Въ настоящее время, когда мы имѣемъ предъ собою отчетныя данныя за два первые года работы министерства земледѣлія, направленіе это въ значительной степени уже опредѣлилось и выяснилось. Мы вовсе не имѣемъ въ виду входить здѣсь въ оцѣнку правильности и цѣлесообразности того пути, на который вступило министерство въ своихъ работахъ; отмѣтимъ только, что этотъ путь былъ нѣсколько отличенъ отъ тѣхъ ожиданій и предположеній, которыя строились

въ то время, когда министерство земледѣлія было еще не существующимъ фактомъ, а предметомъ пожеланій.

Отъ новаго министерства, правильно или нѣтъ, но ожидали прежде всего *принципальной постановки* вопросовъ объ общихъ нуждахъ и потребностяхъ земледѣльческой промышленности и земледѣльческихъ классовъ населенія страны, установленія правильной перспективы между этими потребностями и планомѣрной работы, сосредоточенной хотя бы на нѣсколькихъ только коренныхъ крупныхъ вопросахъ, но широко ихъ охватывающей. Министерство земледѣлія избрало другой путь. Оно остановилось на программѣ такъ наз. «дѣловой», составленной изъ ряда частичныхъ, отдѣльныхъ мѣропріятій, касающихся очень многихъ сторонъ сельскохозяйственной жизни, мѣропріятій, среди которыхъ трудно отыскать слѣды известнаго общаго, систематическаго плана, но изъ которыхъ каждое въ отдѣльности имѣетъ въ виду удовлетвореніе той или иной общей или мѣстной потребности, ощущаемой известною группою хозяйствъ (преимущественно частновладѣльческихъ), или выясненіе положенія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ отраслей сельскохозяйственнаго производства главнымъ образомъ съ технической его стороны.

Довольно богатый и полный матеріалъ для ознакомленія съ результатами работъ, въ такомъ направленіи выполненныхъ за два первые года дѣятельности министерства земледѣлія, даютъ намъ извлеченія изъ отчетовъ министерства, опубликованныхъ въ печатномъ его органѣ («Извѣстія министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ»). Мы займемся этимъ матеріаломъ въ одной изъ ближайшихъ нашихъ «Хроникъ», теперь же мы хотѣли бы остановиться только на одной страничкѣ изъ исторіи дѣятельности министерства земледѣлія въ первомъ ея, организаціонномъ періодѣ, — именно на судьбахъ вопроса о *мѣстныхъ органахъ* министерства. Этому вопросу посвящена была, какъ мы уже упоминали, главная часть занятій только что закончившейся второй сессіи «сельскохозяйственнаго совѣта». Опубликованными отчетами о работахъ совѣта мы и воспользуемся для излагаемыхъ ниже замѣтокъ по данному вопросу.

Вопросъ объ устройствѣ мѣстныхъ органовъ сельско-хозяйственнаго управленія возникъ уже давно. Еще при разсмотрѣніи въ государственномъ совѣтѣ проекта учрежденія министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, было высказано заключеніе, что «преобразованіемъ центрального учрежденія соотвѣтственно возростающимъ нуждамъ отечественнаго земледѣлія не можетъ быть ограничена задача, предстоящая правительству по переустройству установленій, вѣдающихъ сельско-хозяйственную часть», такъ какъ «для успѣха дѣла нужны, кромѣ центральныхъ, еще и мѣстныя установленія». Устройство такихъ мѣстныхъ сельско-хозяйствен-

ныхъ органовъ являлось, по мѣнѣю департаментовъ государственнаго совѣта, «одною изъ коренныхъ мѣръ къ достиженію преслѣдуемой реформою (сельско-хозяйственнаго управления) цѣлей».

Помимо этого прямого указанія, данное министерству земледѣлія при самомъ его учрежденіи, были и другія соображенія, заставлявшія министерство выдвинуть данный вопросъ на ближайшую очередь въ своихъ работахъ. Еще въ первомъ отчетѣ министерствомъ проводился тотъ общій выводъ, что «первенствующее значеніе въ дѣлѣ улучшенія сельскаго хозяйства должно принадлежать *мѣстной инициативѣ*, по отношенію къ которой правительству надлежитъ играть роль могущественнаго покровителя, заступника и объединителя разрозненныхъ дѣйствій отдѣльныхъ учреждений и лицъ». Установленіе ближайшей связи между дѣятельностью министерства и мѣстной сельско-хозяйственной дѣятельностью приобрѣтало при этомъ особое значеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ выдвигалась впередъ и вопросъ о тѣхъ органахъ, при посредствѣ которыхъ могла бы осуществиться эта связь. Проектъ устройства мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ органовъ министерства земледѣлія составленъ былъ еще въ 1894 году. Но и до сихъ поръ однако настоящій вопросъ остается еще въ стадіи предположеній. Объясняется это разными причинами; отчасти онѣ лежатъ въ самомъ существѣ дѣла, главнымъ же образомъ ихъ надо искать въ особенностяхъ того направленія, въ которомъ министерство земледѣлія повело поиски за своими мѣстными органами.

Съ понятіемъ объ административныхъ органахъ естественно связывается представленіе о существованіи извѣстнаго опредѣленнаго круга предметовъ, управленіе которыми составляетъ задачу данныхъ органовъ. Чѣмъ же будутъ управлять проектируемые органы министерства земледѣлія?

Законъ возлагаетъ на министерство земледѣлія «попеченіе о распространеніи и усовершенствованіи земледѣлія, скотоводства и другихъ отраслей сельскаго хозяйства». Общій кругъ дѣятельности, направленной къ достиженію этой цѣли, намѣчается слѣдующими чертами въ докладѣ «о мѣстныхъ, по сельско-хозяйственной части, органахъ министерства земледѣлія», представленномъ сельско-хозяйственному совѣту въ послѣдней его сессіи.

Въ ряду условий, необходимыхъ для улучшенія *техники земледѣльческаго производства*, на первое мѣсто—по словамъ названнаго доклада—должно быть поставлено тщательное *изученіе* естественно-историческихъ особенностей земледѣльческихъ районовъ государства, т. е. изслѣдованіе ихъ почвы и климата. «Организація почвенныхъ изслѣдованій, равно какъ и устройство, для изученія мѣстныхъ метеорологическихъ условий, возможно частой сѣти метеорологическихъ станцій являются, поэтому, необходимыми и притомъ основными звеньями сельско-хозяйственныхъ мѣропріятій». Слѣдующимъ составнымъ звеномъ въ цѣпи этихъ мѣропріятій

«должны служить заботы объ обезпеченіи хозяйства каждого изъ естественныхъ районовъ государства необходимыми ему *опытными данными*, путемъ устройства возможно широкой сѣти *опытныхъ станцій и полей*. Сельско-хозяйственный *опытъ* такъ-же необходимъ для сознательнаго улучшенія хозяйственной техники, какъ и изслѣдованіе основныхъ условій хозяйства. «Ни одинъ приемъ сельско-хозяйственной культуры не можетъ считаться абсолютно совершеннымъ. Сельско-хозяйственная наука даетъ лишь общіе методы для установленія наиболѣе выгодныхъ приемовъ, приложеніе же ихъ къ хозяйству должно всецѣло отражать на себѣ совокупность мѣстныхъ условій и является въ силу этого дѣломъ чисто мѣстнымъ».

Наконецъ, краеугольнымъ камнемъ мѣропріятій по улучшенію сельскаго хозяйства должны быть заботы о распространеніи въ народѣ *сельско-хозяйственныхъ знаній*. Для такого распространенія есть два главные пути: систематическое ознакомленіе съ данными сельско-хозяйственной науки, съ одной стороны, и непосредственный примѣръ—съ другой. Къ категоріи мѣропріятій, идущихъ въ первомъ направленіи, относятся: «распространеніе свѣдѣній по сельскому хозяйству чрезъ посредство высшихъ, среднихъ и низшихъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній, организація бесѣдъ и чтеній по сельско-хозяйственнымъ вопросамъ и распространеніе общедоступныхъ сельско-хозяйственныхъ изданій. Другая категорія названныхъ мѣропріятій обнимаетъ собою: устройство образцовыхъ хозяйствъ и фермъ, организацію отдѣльных показательныхъ опытовъ, демонстраціи улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій и машинъ и проч.

Три указанные момента сельско-хозяйственныхъ мѣропріятій—*изслѣдованіе* хозяйственныхъ условій, сельско-хозяйственный *опытъ* и, наконецъ, *проведеніе* сельско-хозяйственныхъ знаній и умѣній въ жизнь—опредѣляютъ собою кругъ основныхъ мѣръ для воздѣйствія на *технику* сельско-хозяйственнаго промысла.

Что касается мѣропріятій, имѣющихъ цѣлью улучшеніе *экономическихъ условій* сельско-хозяйственнаго производства, то они представляются гораздо болѣе обширными и сложными, но, какъ мы уже упоминали выше, большая часть вопросовъ, касающихся экономической стороны сельско-хозяйственной жизни,—находится внѣ сферы непосредственной компетенціи министерства земледѣлія. По отношенію къ главной массѣ вопросовъ этой категоріи—говоритъ цитруемый нами докладъ—«министерство является лишь представителемъ общихъ интересовъ и нуждъ сельскаго хозяйства передъ высшими правительственными учрежденіями»; мѣстная же дѣятельность министерства земледѣлія въ экономической сферѣ должна наравляться главнымъ образомъ «къ изученію мѣстныхъ экономическихъ условій и къ всестороннему изслѣдованію мѣстныхъ и общихъ экономическихъ нуждъ сельскаго хозяйства».

Приведенный перечень не исчерпывает собою всѣхъ задачъ дѣятельности министерства земледѣлія по сельско-хозяйственной части. Но во всякомъ случаѣ онъ охватываетъ собою тѣ изъ нихъ, которыя слѣдуетъ считать основными или которымъ, по крайней мѣрѣ, приписывается такой характеръ самимъ министерствомъ.

Какой же матеріалъ для административной дѣятельности цѣлой сѣти специальныхъ мѣстныхъ учреждений (предполагаемыхъ къ устройству въ каждой губерніи) могутъ представить собою, въ настоящемъ ихъ видѣ, тѣ мѣры, которыя предприняты уже или намѣчены министерствомъ земледѣлія для выполненія всѣхъ перечисленныхъ задачъ.

Естественно-историческія или экономическія изслѣдованія въ области сельскаго хозяйства, когда они предпринимаются правительствомъ, должны быть организуемы, конечно, не мѣстными административными учреждениями. То же самое нужно сказать и объ организаціи сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній и въ значительной мѣрѣ о всѣхъ прочихъ заведеніяхъ и устройствахъ опытнаго или показательнаго характера. Администрированіе же всѣхъ существующихъ уже на мѣстахъ учреждений такого рода едва ли можетъ требовать особой сѣти правительственныхъ мѣстныхъ органовъ. Припомнимъ, что общее число всѣхъ высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, состоящихъ въ вѣдѣніи министерства земледѣлія (по даннымъ, представленнымъ на нижегородской выставкѣ настоящаго года), составляетъ только 89, съ 3860 учащимися во всей Россіи. Опытныхъ станцій имѣется 6, опытныхъ полей—только 19 (считая тутъ и основанныя земствами). Не особенно широкія до сихъ поръ почвенныя работы и метеорологическія наблюденія, устроенныя по почину министерства, не нуждаются, конечно, въ мѣстномъ руководствѣ съ технической ихъ стороны, а что касается извѣстныхъ, чисто административныхъ или скорѣе канцелярскихъ ихъ надобностей, то онѣ безъ всякаго затрудненія могутъ выполняться и существующими уже губернскими органами государственныхъ имуществъ. Точно также безъ всякаго посредства особыхъ мѣстныхъ учреждений могутъ выполняться и выполняются въ настоящее время предпринимаемые министерствомъ работы, касающіяся различныхъ земельныхъ улучшеній.

Все это вмѣстѣ не можетъ не возбуждать сомнѣній въ томъ, существуетъ ли въ настоящее время достаточное поле для дѣятельности специальныхъ органовъ мѣстнаго сельско-хозяйственного управленія? Не нарушается ли естественный порядокъ дѣла, когда администрирующія учреждения выдвигаются на сцену ранѣе, чѣмъ могли получить сколько-нибудь широкое развитіе тѣ категоріи явленій, которыя должны служить объектомъ ихъ администрированія?

Это одна сторона вопроса. Но существуетъ еще и другая, не менѣе важная.

Въ настоящее время уже существуютъ мѣстныя учрежденія, въ

кругъ обязанностей которыхъ входятъ тѣ же задачи, которымъ должны служить и мѣстные органы министерства земледѣлія. Это—учрежденія *земскія*. Законъ возлагаетъ на земство попеченіе объ усовершенствованіи мѣстнаго сельскаго хозяйства. Извѣстныя систематическія начинанія въ этомъ направленіи были уже приняты земствомъ задолго ранѣе того, какъ было приступлено къ преобразованію министерства государственныхъ имуществъ въ министерство земледѣлія. Надо замѣтить при этомъ, что именно земскія учрежденія, въ силу присущихъ имъ особенностей, совмѣщаютъ въ себѣ такія условія для развитія мѣстной сельской хозяйственной дѣятельности, какихъ не могутъ представлять подчиненныя бюрократическіе органы того или другого вѣдомства въ кругѣ мѣстныхъ установленій.

Не смотря на тѣ ограниченія, которымъ подверглись за послѣднее время предѣлы земской компетенціи, земская дѣятельность все таки шире, чѣмъ дѣятельность какого нибудь другого мѣстнаго учрежденія, захватываетъ собою область мѣстнаго хозяйства. Въ задачу земскихъ учрежденій входитъ попеченіе объ интересахъ этого хозяйства въ его *цѣломъ*. Сельско-хозяйственные нужды и потребности составляютъ предметъ попеченій земскихъ учрежденій на-ряду съ другими отдѣлами мѣстнаго хозяйства, съ которыми онѣ находятся въ тѣсной и неразрывной связи. Поэтому въ земской дѣятельности эти нужды всего скорѣе могутъ получить всестороннее освѣщеніе, и самыя мѣропріятія, направленные на ихъ удовлетвореніе—предоставить извѣстную планомѣрность и правильную перспективу.

Съ другой стороны, въ земствѣ представлены всѣ группы мѣстныхъ сельскихъ хозяевъ, и крупныхъ, и мелкихъ. Хотя современный строй земскаго представительства очень далекъ отъ совершенства, но, во всякомъ случаѣ, земство является единственнымъ пока органомъ *общаго* представительства мѣстныхъ интересовъ. Такимъ образомъ и по составу своему земскія учрежденія могутъ считаться органомъ наиболѣе компетентнымъ для всесторонняго выясненія нуждъ мѣстнаго сельскаго хозяйства.

Наконецъ, что всего важнѣе, земскія учрежденія суть органы мѣстнаго *самоуправленія* и какъ таковыя обладаютъ извѣстною долей самостоятельности. Въ земскихъ учрежденіяхъ возможна, поэтому, такая степень самостоятельности и инициативы, которой никакъ не могутъ обнаруживать подчиненныя административныя инстанціи. Земство обладаетъ не только правомъ самостоятельно на мѣчать планъ своихъ мѣропріятій для поднятія сельскаго хозяйства, но и правомъ самообложенія для выполнения такихъ мѣропріятій. Поэтому въ земской дѣятельности можетъ проявляться гораздо болѣе самостоятельнаго творчества, нежели въ работахъ тѣхъ органовъ, которые по самому существу своему приурочены къ роли

простыхъ исполнителей преподанныхъ отъ начальства инструкцій и указаній.

Для развитія мѣстныхъ начинаній, направленныхъ на поднятіе сельскаго хозяйства, это творчество болѣе чѣмъ гдѣ либо нужно. Здѣсь все еще находится въ сферѣ попытокъ, опытовъ и исканій. Съ другой стороны, самыя условія разныхъ раіоновъ земледѣльской Россіи и разныхъ группъ земледѣческаго населенія настолько разнообразны, что мѣстная сельско-хозяйственная дѣятельность не можетъ носить на себѣ вездѣ одинъ и тотъ же общій характеръ.

Въ исторіи земской дѣятельности уже можно указать примѣры какъ широко и плодотворно проявлялось земское творчество въ той самой области, на которую направлены заботы сельско-хозяйственного вѣдомства. Министерская программа въ край угла въ ряду мѣропріятій, имѣющихъ въ виду улучшеніе земледѣческаго производства, ставитъ изслѣдованіе естественныхъ и хозяйственныхъ условій этого производства. Но мы хорошо знаемъ, что никто не сдѣлалъ для этого изслѣдованія болѣе земства. Земская статистика, эта совершенно оригинальная отрасль мѣстныхъ изученій, давшая уже такъ много для выясненія русской хозяйственной дѣйствительности, создавалась, выросла и окрѣпла на земской почвѣ. Благодаря земству двинулась впередъ и другая, болѣе специальная отрасль изслѣдованій—*почвенныхъ*. Сплошныя изслѣдованія почвъ и научно-составленныя почвенныя карты имѣются только для двухъ губерній Россіи—Нижегородской и Полтавской. Въ обоихъ случаяхъ эти изслѣдованія выполнены были по земскому почину, для земскихъ надобностей и на земскій счетъ.

Въ виду всего этого, органомъ мѣстнаго сельско-хозяйственного управленія всего естественнѣе считать земство. На возможное развитіе и оживленіе земской дѣятельности и должны были направляться, поэтому, заботы объ обезпеченіи выполненія на мѣстахъ разныхъ сельско-хозяйственныхъ улучшеній.

Проектъ, составленный въ 1894 году министерствомъ земледѣлія, стоялъ на совершенно иной точкѣ зрѣнія. Въ каждой губерніи предполагалось создать особыя сельско-хозяйственныя учрежденія, по типу своему приближающія къ тѣмъ многочисленнымъ «присутствіямъ», которыя образованы въ составѣ губернской администраціи для заведыванія разными отраслями мѣстнаго управленія. Сельско-хозяйственный «комитетъ», составленный подъ предѣлительствомъ губернатора изъ представителей разныхъ губернскихъ учреждений, представителей мѣстнаго земства и нѣсколькихъ хозяевъ, — долженъ былъ руководить всѣми мѣропріятіями по сельско-хозяйственной части въ каждой губерніи.

На губернскій комитетъ возлагалось «выясненіе мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ нуждъ и изысканіе способовъ и средствъ къ ихъ удовлетворенію». Отъ него должны были исходить «предположенія и заключенія о мѣрахъ, принятіе коихъ признается же-

лательнымъ для развитія и усовершенствованія сельско-хозяйственной промышленности». Ему предоставлялось «наблюденіе за дѣятельностью земскихъ учреждений по воспособленію мѣстному земледѣлію и сельско-хозяйственной промышленности» и предварительное разсмотрѣніе земскихъ ходатайствъ предъ правительствомъ, касающихся сельскаго хозяйства. Комитеты должны были также имѣть «наблюденіе за цѣлесообразною дѣятельностью мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ обществъ», на нихъ возлагалось собраніе на мѣстахъ необходимыхъ для министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ свѣдѣній по сельскому хозяйству и т. д. Главною рабочею силою въ комитетѣ являлся «губернскій инспекторъ сельскаго хозяйства», назначаемый министромъ земледѣлія. Этотъ инспекторъ долженъ былъ «имѣть ближайшее и постоянное въ губерніи по сельско-хозяйственной части наблюденіе». Ему же принадлежалъ и ближайшій контроль за сельско-хозяйственною дѣятельностью земства. Въ этихъ видахъ на него возлагалось предварительное разсмотрѣніе земскихъ смѣтъ и раскладокъ и представленіе губернатору заключеній, какъ по всѣмъ земскимъ ассигнованіямъ на воспособленіе сельскому хозяйству, такъ и, вообще, по всѣмъ постановленіямъ земскихъ собраній, относящимся до сельско-хозяйственной части. Губернскій инспекторъ вводился ex officio въ составъ земскаго собранія (при обсужденіи сельско-хозяйственныхъ вопросовъ), а также и въ составъ разныхъ административныхъ присутствій и совѣтовъ, такъ или иначе соприкасающихся съ земскою дѣятельностью по сельскому хозяйству. Земскимъ учрежденіямъ—подчиняемымъ двойному контролю со стороны губернскаго инспектора въ первой инстанціи и губернскаго комитета во второй—проектъ предоставлялъ за то право учреждать особые сельско-хозяйственные комитеты или совѣты, приглашать на свою службу агрономовъ, заводить нисшія сельско-хозяйственные училища, образцовыя фермы, опытные и показательныя поля и т. п.,—право, которымъ земскія учрежденія уже давно, впрочемъ, пользовались и осуществляли его на практикѣ.

Не трудно видѣть, что проектъ этотъ имѣлъ ввиду не столько развитіе на мѣстахъ какихъ либо новыхъ мѣропріятій для улучшенія сельскаго хозяйства, сколько усиленіе административной опеки надъ земскою дѣятельностью въ этомъ направленіи. Тамъ, гдѣ эта дѣятельность успѣла уже принять извѣстные размѣры—новыя учрежденія могли оказать на нее «регулирующее» и задерживающее вліяніе; тамъ же, гдѣ земскія мѣропріятія находились еще въ зародышѣ или совсѣмъ еще не начинались, тамъ колеса этого сложнаго контрольнаго механизма должны были по необходимости вращаться въ пустомъ пространствѣ. Какъ это все могло способствовать развитію и усиленію мѣстной инициативы, которой въ программѣ министерства придавалось такое видное значеніе, мы не беремся объяснить.

Предположенія о мѣстныхъ органахъ сельскохозяйственнаго управленія, переданныя на заключеніе особыхъ «совѣщаній», составленныхъ въ каждой губерніи мѣстными губернаторами, не встрѣтили здѣсь сочувствія. Министерскій проектъ вызвалъ возраженія и съ другихъ сторонъ. Онъ былъ снятъ съ очереди и уже въ сильно переработанномъ видѣ внесенъ былъ на заключеніе собиравшагося въ ноябрѣ—декабрѣ текущаго года «сельскохозяйственнаго совѣта» министерства.

Новый проектъ отказывается отъ мысли объ учрежденіи особыхъ губернскихъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ. Отъ прежняго проекта остается только губернский инспекторъ, называемый теперь «уполномоченнымъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ по сельскохозяйственной части»; помимо другого наименованія и самыя функціи этого уполномоченнаго очерчены болѣе тѣсными и скромными рамками, нежели обязанности губернскаго инспектора сельскаго хозяйства.

Съ другой стороны, проектъ подчеркиваетъ необходимость дѣятельнаго участія земскихъ учреждений въ осуществленіи мѣръ для подъема сельскохозяйственнаго производства страны. Но эта необходимость признается преимущественно по соображеніямъ финансовымъ.

«Не подлежитъ сомнѣнію—читаемъ мы въ объяснительномъ докладѣ къ министерскому проекту,—что общая сумма, какъ единовременныхъ, такъ и ежегодныхъ расходовъ, необходимыхъ въ дополненіе къ теперешнимъ ежегоднымъ ассигнованіямъ для надлежащей постановки агрономической помощи сельскому хозяйству даже въ одной Европейской Россіи, во много разъ должна превысить настоящій сельскохозяйственный бюджетъ министерства земледѣлія. Такимъ образомъ вѣдомство это отнюдь не могло бы, не только теперь, но и на будущее время, всецѣло взять на себя дѣло устройства и содержанія главнѣйшихъ орудій распространенія различныхъ сельскохозяйственныхъ улучшеній, и значительная часть этого дѣла неизбежно должна принадлежать перечисленнымъ уже ранѣе мѣстнымъ силамъ и мѣстнымъ же средствамъ». Къ этимъ мѣстнымъ силамъ проектъ относитъ прежде всего *земскія учрежденія*, затѣмъ *сельскохозяйственные общества* и, наконецъ, возникающія у насъ въ послѣднее время *сельскохозяйственныя товарищества* взаимной помощи и *отдѣльных лицъ изъ числа хозяевъ*, которые тоже могутъ принять участіе въ общей работѣ надъ подъемомъ сельскаго хозяйства. Сельскохозяйственное вѣдомство должно пользоваться сотрудничествомъ всѣхъ этихъ силъ. «Собирать во-едино работу всѣхъ этихъ учреждений и лицъ, не нарушая ничьихъ правъ и ничьей законной свободы»—такова должна быть задача мѣстныхъ органовъ министерства.

Какъ упомянуто выше, въ качествѣ такихъ органовъ предполагается учредить должность «уполномоченныхъ министерства земле-

дѣлія и государственныхъ имуществъ», по одному въ каждой губерніи. На этого уполномоченнаго проектъ возлагаетъ представительство министерства земледѣлія въ земскихъ учрежденіяхъ, сельскохозяйственныхъ обществахъ и во всѣхъ случаяхъ совместной дѣятельности министерства съ мѣстными силами, надзоръ за предпріятіями и учрежденіями министерства по сельскохозяйственной части, участіе въ организаціи и веденіи на мѣстахъ операцій по выдачѣ ссудъ на сельскохозяйственные улучшения. Ему же должно принадлежать «руководство собираніемъ необходимыхъ для министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ сельскохозяйственно-статистическихъ данныхъ». Наконецъ, къ обязанностямъ уполномоченнаго проектъ относитъ: «заботу о постоянномъ общеніи центральнаго сельскохозяйственнаго органа съ мѣстной экономической жизнью, путемъ текущаго использованія совокупности всѣхъ мѣстныхъ трудовъ по изслѣдованію условій этой жизни и ея нуждъ, равно какъ и разработку на мѣстахъ, по требованіямъ министерства, отдѣльныхъ экономическихъ вопросовъ мѣстнаго сельскаго хозяйства.» Иными словами, предполагаемый уполномоченный чиновникъ министерства является необходимымъ посредникомъ между провинціею и центральнымъ вѣдомствомъ: даже «текущее использование» результатовъ мѣстныхъ изслѣдованій нуждается въ его участіи и посредствѣ.

Что касается земской сельскохозяйственной дѣятельности, то новый проектъ не подчиняетъ ей, правда, такой стѣснительной регламентаціи, которую устанавливалъ проектъ первоначальный, создававшій, какъ мы видѣли, цѣлую іерархію надзирающихъ и опекающихъ земство органовъ,—но, во всякомъ случаѣ, и онъ рассматриваетъ земство, какъ такое же частное учрежденіе, какъ сельскохозяйственные общества и товарищества взаимопомощи. Правительственный «уполномоченный» не вторгается въ кругъ собственно земскихъ распоряженій, но, съ другой стороны, и земству министерскій проектъ не считаетъ возможнымъ «передовѣрить» нѣкоторую часть функций, принадлежащихъ правительственнымъ органамъ. Всѣ эти функции цѣликомъ возлагаются на уполномоченнаго чиновника. Даже вступать въ «общеніе съ центральнымъ сельскохозяйственнымъ органомъ» земскія учрежденія могутъ не иначе, какъ чрезъ посредство названнаго чиновника.

Излагаемый нами законопроектъ предполагаетъ только два нововведенія по отношенію къ земству, и нельзя сказать, чтобы оба они были удачны. Однимъ изъ этихъ нововведеній является *обязательное* устройство при земскихъ управахъ, губернскихъ и уѣздныхъ, особыхъ коллегіальныхъ сельскохозяйственно-экономическихъ учреждений. Подобныя учрежденія—такъ наз. сельскохозяйственные или экономическіе совѣты и комитеты—и теперь существуютъ во многихъ земствахъ, въ той формѣ, въ какой это оказывается удобнымъ по мѣстнымъ условіямъ, и нерѣдко ихъ дѣя-

тельность бывает очень почтенна. Но, конечно, не существованием таких комитетов обуславливается темпъ и направление земскихъ работъ, и обязательное ихъ установление нисколько не подвинетъ дѣла тамъ, гдѣ оно почему либо не клеится.

Другое нововведеніе проекта—предоставленіе уполномоченному министерства участія не только въ составѣ предполагаемыхъ коллегіальныхъ сельско-хозяйственныхъ учреждений земства, но и въ земскихъ собраніяхъ, губернскихъ и уѣздныхъ, совершенно не согласно съ началами земскаго представительства, установленными положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ.

Изложенный проектъ вызвалъ очень оживленные дебаты въ сельско-хозяйственномъ совѣтѣ. Возраженія, предъявленные представителями сельскаго хозяйства въ этомъ совѣтѣ *), касались, главнымъ образомъ, роли земства и уполномоченныхъ министерства земледѣлія въ веденіи мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ дѣлъ: земскія функции признавалось необходимымъ значительно расширить, а обязанности уполномоченнаго сократить.

Въ окончательной редакціи, принятой совѣтомъ, участіе земскихъ учреждений въ мѣстномъ сельско-хозяйственномъ управленіи намѣчено такъ **):

«Для взаимодѣйствія министерства и земскихъ учреждений въ дѣлѣ восполненія мѣстному сельскому хозяйству на земство возлагается: а) выясненіе мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ и экономическихъ нуждъ и мѣръ къ ихъ удовлетворенію; б) доставленіе заключеній по всякаго рода вопросамъ, вносимымъ министерствомъ на обсужденіе земства; в) обсужденіе совмѣстно съ представителемъ министерства сельско-хозяйственныхъ начинаній, осуществляемыхъ въ губерніи на общія средства правительства и земства; г) наблюденіе за правильнымъ исполненіемъ отдѣльныхъ сельско-хозяйственныхъ мѣръ и за направленіемъ дѣятельности сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній, опытныхъ и показательныхъ полей и пр. съ точки зрѣнія мѣстныхъ интересовъ; д) заведываніе тѣми и другими изъ упомянутыхъ учреждений, по соглашенію съ министерствомъ. По всѣмъ, касающимся сельскаго хозяйства, дѣламъ земствамъ предоставляется непосредственно чрезъ управы сноситься съ министерствомъ земледѣлія».

Предположеніе объ обязательномъ устройствѣ особыхъ сельско-хозяйственныхъ коллегій при земскихъ управахъ совѣтомъ отклонено. Что касается участія уполномоченнаго министерства въ земскихъ собраніяхъ, то оно признано возможнымъ только по пригла-

*) Которыхъ, замѣтимъ мимоходомъ, никакъ нельзя считать представителями земства. Среди 15 членовъ совѣта, приглашенныхъ министромъ изъ числа сельскихъ хозяевъ, было только два предсѣдателя губернскихъ земскихъ управъ.

**) Цитуемъ по отчету, помѣщенному въ № 338 «Русскихъ Вѣдомостей».

шенію предсѣдателя собранія, съ правомъ голоса совѣщательнаго.

За передачею перечисленныхъ выше обязанностей по сельскохозяйственной части земскимъ учрежденіямъ (которые ставятся вмѣстѣ съ тѣмъ въ непосредственныя отношенія къ центральнымъ органамъ министерства земледѣлія)—уполномоченный министерства остается—по смыслу принятымъ сельскохозяйственнымъ совѣтомъ предположеній—простымъ исполнительнымъ агентомъ, завідующимъ подвѣдомственными министерству учрежденіями на мѣстахъ (если это завідуваніе не поручено земству, по соглашенію съ нимъ) и представляющимъ министерство въ различныхъ губернскихъ коллегіяхъ. Это, конечно, далеко отъ тѣхъ широкихъ рамокъ, которыми очерчена была роль инспектора сельскаго хозяйства въ первоначальномъ министерскомъ проектѣ и функціи уполномоченнаго по сельскохозяйственной части въ видоизмѣненномъ проектѣ, обсуждавшемся въ сельскохозяйственномъ совѣтѣ.

Какая судьба постигнетъ изложенныя предположенія совѣта и въ какую окончательную форму отольются постановленія объ организаціи мѣстнаго сельскохозяйственнаго управленія, теперь еще трудно сказать.

Во всякомъ случаѣ, исторія поисковъ за мѣстными сельскохозяйственными органами, главные моменты которой мы старались наметить выше, далеко не лишена интереса.

Въ концѣ концовъ эти поиски неизбежно привели къ земству. Но для этого понадобился очень длинный и кружной путь. Только послѣ того, какъ оказались неудачными попытки найти выходъ въ другомъ направленіи, выдвинуто было впередъ то рѣшеніе вопроса, которое съ самаго начала ясно указывалось самимъ существомъ дѣла.

II.

Читатель вѣроятно помнитъ разсказъ Лѣскова — «Инженеры-безсребренники». Дѣло происходитъ еще при Николаѣ Павловичѣ и рѣчь идетъ объ «инженерской кружкѣ», въ которую уже тогда отлагались «инженерные проценты», подлежащіе товарищескому раздѣлу. Время тогда было, какъ извѣстно, очень строгое, но такимъ дѣламъ, какъ «инженерные проценты», такая строгость, по видимому, ни мало не мѣшала,—и инженеры «купались въ золотѣ». «Это,—говоритъ Лѣсковъ,—ни для кого не было большой тайной, но все таки «купанье» принимало порой размѣры, обращающія на себя вниманіе государя. Тогда производилось «освѣженіе личнаго состава», которое, однако, нисколько не помогало дѣлу: лица, вновь прибывавшія для освѣженія, немедленно-же ощущали полную невозможность противостоять общему направленію, и вскорѣ ста-

новились такими-же, какъ и прежніе. Кто по нежеланію или неумѣнью, или изъ страха самъ не лѣзъ въ золотое русло, чтобы «купаться въ золотѣ», такихъ чрезвычайно предупредительно и ласково сами старшіе окунали въ ванны домашнимъ порядкомъ».— Такимъ образомъ, самая служебная дисциплина, крѣпость которой особенно характеризовала николаевскія времена, служила лишь для укрѣпленія «обычая». Герой Лѣскова, дѣйствительное лицо, изображенное авторомъ на основаніи семейныхъ воспоминаній (семья Ферморовъ)—попадаетъ въ одну изъ частей, гдѣ «система самовознагражденія» была поставлена самымъ правильнымъ образомъ. Никто, кромѣ самого начальника, не имѣлъ надобности входить въ какія бы то ни было отношенія съ подрядчиками и поставщиками... Никто отъ постороннихъ ничего не принималъ, но каждому ежемѣсячно, при выдачѣ казеннаго жалованья, раздавалась прибавка или «дачка», о происхожденіи которой извѣстно было только, что она «идетъ изъ кружки». Какъ составлялась эта кружка,—всѣмъ было понятно: старшій «бралъ» и потомъ дѣлилъ, какъ «попъ на причетъ». Далѣе авторъ рассказываетъ, какъ молодой мечтатель и фанатикъ честности, Николай Ферморъ, идетъ противъ освященнаго временемъ и дисциплиной обычая, признается сумасшедшимъ и—гибнетъ, не смотря на то, что въ его судьбѣ принималъ личное участіе самъ государь...

Я привожу это небольшое напоминаніе потому, что весь рассказъ, не претендуя на художественность, даетъ лишь вѣрное изображеніе дѣйствительнаго эпизода, съ его характерными бытовыми чертами. Рассказъ относится къ 30 годамъ настоящаго столѣтія. Послѣ этого знаменитая «кружка» мелькала въ разные времена въ прессѣ. Помнится, въ 70-хъ годахъ она какъ-то вынырнула въ одномъ изъ горныхъ округовъ, затѣмъ о ней упоминали въ одномъ изъ своихъ очерковъ Щедринъ. И вотъ, теперь, въ концѣ столѣтія—передъ нами опять цѣлая эпопея, въ которой объ «инженерномъ процентѣ» говорится самымъ компетентнымъ образомъ. Очевидно мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ устойчивымъ, выдержавшимъ даже натискъ реформъ. Старое хищеніе уступило передъ этимъ натискомъ во многихъ сферахъ жизни. Страннымъ образомъ, оно осталось однако въ инженерной и особенно «путейской средѣ». И замѣчательно, съ какой точностію «могилевская эпопея» развертывается передъ нами все ту-же бытовую картину, вплоть до «инженеровъ безсребренниковъ», которыхъ послѣ попытокъ «купанья въ ваннѣ домашними мѣрами»—признаютъ сумасшедшими, потерпимыми на службѣ!

«Вскорѣ по назначеніи т. с. Витте министромъ путей сообщенія,—г. Витте неоднократно высказывалъ своему товарищу, т. с. Иващенкоу, мнѣніе о необходимости подробной ревизіи *округовъ путей сообщенія*, указывая на постоянно доходяшіе до него слухи

о неурядицах по шоссейнымъ дѣламъ» *). Выборъ для ревизіи палъ сначала **) на могилевскій округъ, потому что онъ представляется наиболѣе крупнымъ и еще потому, что о немъ ходили разные слухи. Эта-то ревизія, произведенная товарищемъ министра путей сообщенія, и доставила матеріалъ для настоящаго дѣла.

Оказалось, что въ бытность Авринскаго 1-го начальникомъ округа всѣ работы на шоссейныхъ путяхъ были сосредоточены въ рукахъ нѣсколькихъ подрядчиковъ - монополистовъ, которые и подѣляли округъ между собою, такъ сказать, въ вѣчное владѣніе: нѣкто г. Шмерлингъ бралъ обыкновенно подряды въ восточной части округа, Шнеерсонъ—въ западной, Этингеръ—въ центрѣ, Арештейнъ и Видбергъ—на югѣ. Такимъ образомъ, въ могилевскомъ округѣ оказались занятыми и югъ, и сѣверъ, и востокъ, и западъ. Цѣлой системой организаціи торговъ, ихъ сдачи и приѣма работъ—было достигнуто, что никто посторонній не могъ проникнуть въ этотъ замкнутый кругъ монополистовъ. Дѣло было поставлено такъ прочно, что порой подрядчики начинали и оканчивали работы ранѣе объявленій объ ихъ сдачѣ,—и торги представляли уже простую формальность. Это монопольное положеніе подрядчиковъ создано было не отсутствіемъ конкуренціи, а невозможностью ея, въ виду особыхъ отношеній, существовавшихъ между подрядчиками и начальствомъ округа: Авринскимъ, Мышенковымъ и Пославскимъ. Объявленія о торгахъ не печатались своевременно и «посторонніе конкуренты немогилевского округа никогда во время явиться не могли. Но еще болѣе стѣсняли конкуренцію краткіе сроки, къ которымъ могли заранѣе подготовиться только «свои подрядчики», узнавшіе все «интимными путями», много ранѣе официальныхъ объявленій, и наконецъ—цѣлая система незаконныхъ льготъ для одной стороны и столь-же незаконныхъ стѣсненій для другой. Дѣло, по нѣкоторымъ показаніямъ, доходило до того, что въ 1891 году заподраженный казною щепень перетаскивался съ казенной стороны на сторону подрядчика; благодаря этой остроумной мѣрѣ казна платила дважды за одинъ и тотъ-же матеріалъ, а обнаруженіе подобныхъ злоупотребленій не вызывало благосклоннаго вниманія начальства къ открывателю. Въ обвинительномъ актѣ приводятся случаи, когда въ официальныхъ отчетахъ гг. инженеровъ за работы, стоившія, напр., 686 рублей, показывался расходъ въ 7.975 рублей, а въ одномъ случаѣ скромная цифра 3 р. замѣнена 458 рублей ***).

*) «Нов. Время», № 7457.

**) Была-ли произведена ревизія другихъ округовъ или она остановилась на яркой могилевской картинѣ,—свидѣній, къ сожалѣнію, не имѣемъ.

***) Интересно, что подрядчики были все евреи. Почему? Объясненіе этого дается однимъ сообщеніемъ обвинительнаго акта: «инженерный процентъ» имѣлъ очевидную тенденцію все возрастать, и въ то время, какъ отчисленія на округъ достигали 12% до 18%, предпринимательская прибыль, не смотря на всѣ «послабленія», опредѣляется обвинительнымъ актомъ всего

Все это, разумеется, не могло служить на пользу могилевских сухопутныхъ коммуникацій, и если, по словамъ г. Фаддѣева,—ранѣе, въ періодъ пренебреженія къ шоссеинымъ дорогамъ, одинъ верстовой столбъ ставился на 5 в., а мосты ремонтировались лишь на половину, то и послѣ во многихъ мѣстахъ шоссеиныя дороги походили на значительно испорченныя грунтовыя; тонкая щебенная кора проваливалась подъ копытами лошадей и полосы шоссе, живописно пролегавшія по могилевскимъ равнинамъ, нерѣдко указывали только мѣсто, которое обывателямъ слѣдуетъ осторожно объѣзжать сторонкой, чтобы не испортить коммуникаціонной декораціи.

Само собою разумеется, что такое дружеское содѣйствіе въ строительствѣ дорожныхъ подрядчиковъ со стороны гг. инженеровъ не оказывалось даромъ. Обвинительный актъ утверждаетъ, что за четырехлѣтіе, предшествовавшее 1892 году, получено съ Аренштейна и Витенберга г-мъ Авринскимъ 52.018 рублей, а г. Бренертомъ 50 тысячъ. Если принять въ соображеніе, что, кромѣ Аренштейна и Витенберга, были и другіе подрядчики, а кромѣ Авринскаго и Бренерта—еще другое путейское начальство, то станетъ понятно, какіе огромные «накладные» расходы поглощали т. называемый «инженерный процентъ». Въ двухъ счетахъ Шмерлинга найдены записи: «въ округъ 6.600 р., тоже 19.000», «чрезъ Аренштейна въ округъ 19.500 р.». Такія указанія найдены и въ другихъ бумагахъ. По показанію Аренштейна—въ округѣ установился обычай, по которому подрядчикъ долженъ былъ изъ суммъ, отпускаемыхъ на производство работъ, вносить опредѣленный процентъ, какъ чинамъ правленія округа, такъ и начальнику дистанціи. Въ этомъ-же смыслѣ высказались и другіе свидѣтели-подрядчики и ихъ доверенные.

Какъ видите, это уже настоящая традиціонная «кружка». Существованіе ея не отрицали и обвиняемые. Такъ г. Пославскій, признавая фактъ,—отрицалъ лишь свою виновность, на томъ основаніи, что *это установилось издавна* и что онъ за это злоупотребленій не совершалъ». Самъ глава округа г. Авринскій высказался по этому поводу слѣдующимъ необыкновенно характеристическимъ образомъ: «Въ Могилевскомъ округѣ путей сообщенія, равно, какъ и въ другихъ округахъ Имперіи (что мнѣ, какъ ветерану инженерной службы въ округахъ, хорошо извѣстно), путемъ обычая установилась практика, по которой инженеры пользовались опредѣленнымъ процентомъ съ суммъ, отпускавшихся изъ округа на работы и заготовленія. Этотъ инженерный процентъ былъ послѣдствіемъ крайней скудости средствъ, получаемыхъ инженерами отъ казны. Но это не одна причина. Инженерный процентъ—это цѣлая система, изменить которую мы не въ силахъ».

въ размѣрѣ до 6%. Такимъ низкимъ процентомъ, при столь сложной вдобавокъ системѣ его полученія,—очевидно могли удовлетворяться только предприниматели евреи.

Эти слова г. Авринского, «старого ветерана путейского дѣла» — составляют основную и самую сильную ноту защиты. Въ дѣлѣ есть указаніе на то, что и въ могилевскомъ округѣ являлись своего рода лѣсковскіе праведники, стремившіеся бороться съ «системой». Такъ, нѣкто г. Смирновъ, служившій начальникомъ дистанціи въ Гомелѣ, «отличавшійся правилами высокой честности», былъ внезапно смѣщенъ и причисленъ къ округу подъ предлогомъ психической болѣзни (новая черта, сближающая его съ лѣсковскимъ «праведникомъ»), въ дѣйствительности же именно за свою неподкупность. Такъ, другой инженеръ г. Мясоѣдовъ, на время замѣнившій г. Бренерта, устранилъ прежнихъ монополистовъ подрядчиковъ, — но навлекъ на себя этихъ гнѣвъ г-на Авринского и вынужденъ былъ искать другой службы, болѣе выгодной «въ нравственномъ отношеніи». Правда, роль г. Авринского въ этихъ обоихъ случаяхъ мало служить ему къ оправданію, но не забудемъ, что въдѣ г. Авринскій когда то самъ былъ молодъ, самъ начиналъ карьеру и еще въ тѣ времена, когда только вырабатывается житейскій опытъ, — на его глазахъ другіе г-г. Авринскіе опускали своихъ молодыхъ подчиненныхъ въ золотую ванну домашними средствами, а упорныхъ «безсребренникамъ» доказывали не словами только, но и самымъ дѣломъ, что они вредные безумцы, возстающіе противъ «порядка вещей». Это цѣлая цѣпь, уходящая въ прошлое, это именно система, практикуемая на глазахъ у всѣхъ и для всѣхъ завѣдомо, это то сложное, тонкое, придичное хищничество, которое по выраженію Щедрина, — никто даже не приравниваетъ къ взяточничеству и казнокрадству. «Тамъ (въ прежнихъ формахъ казнокрадства) — втрѣчались и мертвыя тѣла, и взломы сундуковъ». Здѣсь же наоборотъ — все тонко, чисто и даже благородно. Здѣсь почти даже отсутствуютъ дѣйствующія лица. Это — «порядокъ вещей и ничего больше».

Это написано давно, но это совершенно точно охватываетъ и могилевскую эпопею. «Порядокъ вещей», — не все ли равно, какіе лица своими біографіями иллюстрируютъ этотъ порядокъ! Они приходятъ и уходятъ, а порядокъ вещей остается неизмѣннымъ. И мы глубоко убѣждены, что въ мѣстномъ могилевскомъ обществѣ, котораго и г. Авринскій, и его потерпѣвшіе сотоварищи были лучшимъ украшеніемъ — все сочувствіе на ихъ сторонѣ. А если не прямое сочувствіе, то во всякомъ случаѣ симпатія самыхъ искреннихъ сожалѣній. Какъ, — этотъ ветеранъ службы въ округахъ, этотъ пріятный собесѣдникъ, всегда державшій себя съ такимъ достоинствомъ, этотъ отличный семьянинъ — долженъ быть сразу отторгнуть отъ общества и признать преступникомъ! Но почему же именно онъ?

«Въ другихъ мѣстахъ, — говоритъ съ горечью щедринскій герой, путейскій майоръ Стрѣловъ, срывшій, какъ извѣстно, гору на ровномъ мѣстѣ, — въ другихъ мѣстахъ двѣ горы срыть можно, а здѣсь

живъ за одной горюшки пропадать приходится!» Это-ли въ самомъ дѣлѣ не случайность! Правда, съ точки зрѣнія чисто моральной, и обществу, и самому г. Авринскому можно и должно было бы указать на тѣхъ «праведниковъ», которые уходили со службы, но съ «системой» не мирились. Значить,—«если-бы всѣ поступали такъ-же», тогда... Тогда, разумѣется, все въ могилевскомъ округѣ, да и во многихъ другихъ отрасляхъ нашей жизни было-бы гораздо благополучнѣе. Дѣло, однако, въ томъ, что въ сложныхъ общественныхъ дѣлахъ всѣ эти силлогизмы, начинающіеся словами «если-бы всѣ»—представляютъ простое сотрясеніе воздуха. Никогда не бываетъ, чтобы «всѣ» поступали такъ, какъ поступаютъ нѣкоторые «праведники», и никогда никакое общественное болото не останется безъ обитателей. Какъ, только известный уровень нравственности не подходитъ подъ тѣ или другія условія,—«праведники» непременно будутъ вытѣснены или уйдутъ сами, какъ уходять изъ низкой комнаты люди очень высокаго роста, а образовавшаяся пустота немедленно заполнится людьми ростомъ пониже. Среднія свойства такъ же формуруются по шаблонамъ, и этому не помогутъ даже такіе громкіе процессы, каковъ могилевскій. Они полезны, въ смыслѣ указанія на общія условія, укоренившіяся въ данной средѣ, это правда. Но сами по себѣ—это только ударъ по поверхности застоявшагося болота. Слѣдъ тотчасъ-же затянется, а въ глубинѣ все будетъ по старому.

Это «затягиваніе» въ сущности началось еще до окончанія процесса и не могло не отразиться на самомъ приговорѣ. Въ самомъ дѣлѣ: нужны были совершенно экстренныя обстоятельства, чтобы поднять могилевское дѣло. Новый министръ путей сообщенія предлагаетъ здѣсь прямо личную инициативу, ревизія поручается товарищу министра. Болото всколыхнулось, его обитатели озадачены и испуганы. Каждый боится за себя, никто не шадитъ другого. Но вотъ, понемногу переполохъ проходитъ, дѣльцы спохватываются, и ко времени суда самая фізіономія дѣла явно мѣняется. На глазахъ, такъ сказать, вмѣсто «обреченнаго» хищника,—на скамьѣ подсудимыхъ восстанавливаются черты почтеннаго члена общества, постигнутаго «случайностью». Дороги, которыя на предварительномъ слѣдствіи изображались чуть не западными, превращаются въ приличные пути сообщенія, а инженеры, ихъ строившіе—въ приличныхъ людей, ничѣмъ не выдѣляющихся изъ толпы: и жили скромно, и пользу отечеству приносили. Дѣло, при этихъ условіяхъ, кончается просто обвиненіемъ инженеровъ въ принятіи подарковъ, безъ нарушенія служебнаго долга, и приговоромъ сената Авринскій и Пославскій обязуются только вернуть—первый 28, а второй 6 тысячъ рублей «инженернаго процента».

Въ дѣлѣ есть одинъ эпизодъ, чрезвычайно интересный. Я говорю о показаніяхъ г-на Фаддѣева, бывшаго управляющаго департамента шоссейныхъ и водяныхъ сообщеній. Имя г-на Фаддѣева небезыз-

вѣстно русской читающей публикѣ. Г. Фаддѣевъ въ холерный годъ былъ специально командированъ на Волгу, съ очень широкими полномочіями, ставившими его въ положеніе представителя «сильной власти», для быстрого водворенія порядка въ виду эпидеміи, какъ водворялъ его инженеръ г. Вендрихъ—во время голода на жѣлѣзныхъ дорогахъ. Въ свое время газеты цитировали краткіе и порой очень энергическіе приказы г. Фаддѣева, и не менѣе энергическія «карантинныя распоряженія», однимъ почеркомъ пера закрывавшія для движенія тѣ или другія пристани.

Показаніе г. Фаддѣева на судѣ является, по нашему мнѣнію, наиболѣе интереснымъ, именно потому, что указываетъ, какъ мало могутъ тутъ помочь усилія отдѣльныхъ лицъ. Къ сожалѣнію, въ газетныхъ отчетахъ оно приведено нѣсколько сбивчиво и далеко не полно. По словамъ г-на Фаддѣева, злоупотребленія, подобныя могилевскимъ, объясняются коренными недостатками существующей системы. Урочныя положенія и правила технической отчетности совершенно не соотвѣтствуютъ существующимъ нынѣ условіямъ. Самый честный человѣкъ не можетъ безъ формальныхъ нарушеній исполнять свои обязанности, и самъ свидѣтель дѣлалъ представленія въ министерство о необходимости преобразованій. При этомъ было признано, что положеніе дѣйствительно требуетъ измѣненій. Но вопросъ съ 1880 года остался неразрѣшеннымъ, и все шло по старому, причемъ вся отчетность неизбѣжно вызываетъ пререканія съ контролемъ (независимо отъ дѣйствительныхъ злоупотребленій). Ко всему этому нужно прибавить, что вознагражденіе служащихъ необыкновенно низко, порой не равняется даже необходимымъ расходамъ на канцелярію—и вотъ, совершенно понятно, что на глазахъ у всего общества и всѣмъ завѣдомо устанавливается порядокъ, при которомъ люди платятъ своимъ служащимъ больше, чѣмъ получаютъ сами.

При такихъ условіяхъ остается удивляться не тому, что «инженерный процентъ» сохраняетъ свою устойчивость и противится всякимъ «вѣяніямъ», а лишь тому,—какъ устойчива и неприкосновенна сама система, на почвѣ которой онъ вырастаетъ. Могилевскій округъ не исключеніе. «Процентъ» имѣетъ мѣсто на водяныхъ путяхъ, какъ и на сухопутныхъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ въ приволжскихъ газетахъ сообщалось о томъ, что у одного изъ самыхъ мелкихъ служащихъ «водяной дистанціи» злые люди похитили его скромныя сбереженія. Эти скромныя сбереженія человѣка, получавшаго что-то около 18 рублей въ мѣсяцъ, составили 22 тысячи наличными и нѣсколько болѣе находилось на вкладѣ въ банкѣ. Злополучный «водяной» сталъ на время героемъ дня. Было рассчитано, что при самыхъ героическихъ лишеніяхъ ему нужно было около 150 лѣтъ для сбереженія той суммы, которая у него украдена. Насчитывалось пропорціонально,—каковы могутъ быть сбереженія остальныхъ дистанціонныхъ властей. Года два назадъ въ

тѣхъ-же газетахъ была разоблачена самымъ подробнымъ образомъ цѣлая система хищенія, которому подвергается въ теченіе есятковъ лѣтъ такъ называемый судовой сборъ, взимаемый въ пользу городовъ и казны съ оцѣнки перевозимыхъ товаровъ. Это опять «порядокъ вещей», въ которомъ отдѣльныя личности совершенно исчезаютъ и который можетъ быть устраненъ только двумя путями: или «если есть дистанціонные дѣтели и пароходчики согласятся» въ одинъ прекрасный день отказаться отъ установившагося обычая, — или, если будетъ измѣнена самая система сбора. Нисколько не удивительно, что до сихъ поръ не случилось первое. Но не удивительно-ли, что ничего не сдѣлано во второмъ направленіи? И «обычай», разоблаченный до послѣднихъ деталей, продолжаетъ существовать у всѣхъ на виду. Самое слово «инженеръ» принимаетъ на Волгѣ какой-то специфическій оттѣнокъ, а въ прошломъ, напримѣръ, году корреспонденціи съ Волги рисовали картину настоящей уже войны судовладельцевъ съ «путейцами», — войны, доходившей до прямыхъ столкновений. Писались жалобы, принимались временныя мѣры, — но общій порядокъ, держащій почему-то все вѣдомство на дореформенномъ уровнѣ, остается неприкосновеннымъ. А пока это такъ, — всѣ громкіе процессы будутъ бессильны исправить зло, и любой округъ, любая водяная дистанція, о которой когда-нибудь въ будущемъ «начнется» новая ревизія, развернетъ передъ нами ту же старую, давно знакомую, давно до послѣднихъ деталей нарисованную бытовую картину.

О. Б. А.

III.

Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» отъ 5-го декабря обнародовано слѣдующее правительственное сообщеніе, касающееся недавнихъ студенческихъ беспорядковъ:

«Съ давнихъ поръ, въ университетахъ имперіи, студенты группировались въ кружки: по общности происхожденія изъ одной мѣстности, окончанія курса въ одной гимназій или принадлежности къ народности, представителей которой въ данномъ университетѣ было немного. Вновь поступающіе въ университетъ розыскивали старшихъ товарищей по гимназіямъ, земляковъ, и примыкали къ «землячеству», которое обыкновенно носило соотвѣтствующее названіе: «рязанское землячество», «орловское», «сибирское», «украинское», и т. д. Первоначально землячества преслѣдовали исключительно задачи матеріальной взаимопомощи, и съ этою цѣлью учреждали свои кассы, устраивали подписки, лотереи, вечеринки и собираемыя оредства выдавали въ ссуду или пособіе нуждающимся товарищамъ-землякамъ. Съ теченіемъ времени, въ нѣкоторыхъ университетахъ, землячества начали расширять свои задачи и вводить

въ свою программу, кромѣ матеріальной помощи, стремленіе къ самообразованію. Возникли земляческіе «кружки саморазвитія», при чемъ на этой почвѣ многія землячества отнеслись къ дѣлу односторонне, посвятивъ себя исключительно изученію социологіи и новѣйшихъ политико-экономическихъ теорій. Всѣ кружки съ такимъ направленіемъ весьма скоро обратились къ изученію господствующихъ революціонныхъ ученій, къ чтенію запрещенныхъ цензурою сочиненій и произведеній подпольной печати, а затѣмъ и сами, въ большей или меньшей степени, стали выражать сочувствіе революціонному движенію, оказывать, изъ земляческихъ средствъ, пособія въ пользу политическихъ ссыльныхъ и заключенныхъ («красный крестьянинъ партіи народной воли»), и, наконецъ, члены такихъ землячествъ стали пополнять собою ряды активныхъ революціонеровъ.

«Въ этотъ періодъ существованія землячествъ, появилась мысль, въ видахъ увеличенія оборотовъ земляческихъ кассъ, соединить средства отдѣльныхъ группъ въ одну общую кассу, которая, подъ управленіемъ выборныхъ отъ землячествъ депутатовъ, удовлетворяла бы нужды членовъ землячествъ и вѣдала бы нѣкоторые общестуденческіе интересы.

«На этомъ основаніи, въ концѣ 80-хъ годовъ, въ московскомъ университетѣ образовалась, такъ называемая, «центральная касса», въ которую вошло большинство существовавшихъ землячествъ, при чемъ депутаты отъ землячествъ, призванные къ заведыванію кассою, вскорѣ присвоили себѣ право вмѣшиваться въ разные студентскія дѣла и рѣшать ихъ отъ имени присоединившихся къ кассѣ земляческихъ группъ. Въ непродолжительномъ времени при «центральной кассѣ» организовался «студентскій судъ», который сталъ по своему усмотрѣнію разбирать не только недоразумѣнія между студентами и требовать удаленія тѣхъ изъ нихъ, которые, по мнѣнію депутатовъ, были недостойны званія студента, но присвоили себѣ даже право осуждать дѣятельность профессоровъ и учебнаго начальства, публикуя свои рѣшенія особыми листками, издававшимися на гектографѣ.

«Нѣсколько лѣтъ тому назадъ «центральная касса» уступила мѣсто новому обще-студенческому учрежденію, присвоившему себѣ наименованіе «союзнаго совѣта объединенныхъ землячествъ». Къ этому учрежденію первоначально присоединилось 24 землячества; нынѣ же «союзный совѣтъ» располагаетъ голосами 45 землячествъ, считающихъ въ своихъ рядахъ около 1.500 студентовъ, что составляетъ менѣе половины общаго числа студентовъ московскаго университета.

«Союзный совѣтъ объединенныхъ землячествъ», совмѣщая въ себѣ функціи распорядительныя и судебныя по всѣмъ обще-студентскимъ дѣламъ, считаетъ себя выразителемъ желаній всего московскаго студенчества и присваиваетъ себѣ право руководить

самовластно мнѣніемъ студентовъ во всѣхъ вопросахъ университетской, общественной и даже государственной жизни.

«Такъ, «союзный совѣтъ», по своему усмотрѣнію, возбуждаетъ волненія въ университетѣ или прекращаетъ ихъ; нѣсколько лѣтъ тому назадъ «союзный совѣтъ», признавъ несоответствующимъ своимъ взглядамъ направленіе дѣятельности одного изъ профессоровъ, прислалъ ему свое рѣшеніе съ требованіемъ объ оставленіи катедры. Во время тулонскихъ празднествъ, «союзный совѣтъ», отъ имени всего студенчества, выразилъ французскимъ студентамъ «свое негодование по поводу рабѣнства свободной націи передъ представителями самодержавнаго режима». Въ концѣ 1894 г. и въ началѣ 1895 г., «союзный совѣтъ» возбудилъ агитацію не только среди московскихъ студентовъ, но, черезъ посредство своихъ эмиссаровъ, и въ другихъ университетскихъ городахъ, о подачѣ петиціи на Высочайшее Имя объ отмѣнѣ нѣкѣ дѣйствующаго университетскаго устава и замѣнѣ его уставомъ 1863 года, о допущеніи въ университеты женщинъ, объ отмѣнѣ инспекціи, о свободѣ преподаванія, о подчиненіи студентовъ вѣдѣнію только университетскаго суда и т. п. Возбужденное «союзнымъ совѣтомъ» волненіе среди студентовъ въ Имперіи принудило администрацію принять противъ этого тайнаго кружка болѣе строгія мѣры, вслѣдствіе чего, въ началѣ 1895 года, наличный составъ «союзнаго совѣта» былъ арестованъ во время сходки, и отобранные по обыскамъ у членовъ «совѣта» документы подвергнуты тщательному изслѣдованію. Разслѣдованіе выяснило организацію этого общества, преслѣдовавшаго въ своей дѣятельности, кромѣ обще-студенческихъ дѣлъ, и вопросы политическаго свойства, ничего общаго съ задачами университета и вопросами самопомощи не имѣющіе.

«Въ началѣ нынѣшняго академическаго года, возстановившійся «союзный совѣтъ» призналъ своевременнымъ возбудить безпорядки въ московскомъ университетѣ и затѣмъ распространить ихъ и на прочіе университеты имперіи. Въ виду отсутствія какихъ-либо болѣе или менѣе достаточныхъ основаній къ неудовольствію студентовъ, «союзный совѣтъ» рѣшилъ выставить поводомъ къ общему протесту назначеніе, на одну изъ кафедръ медицинскаго факультета, профессора, не пользующагося симпатіями слушателей. Первоначально этотъ поводъ былъ отвергнутъ землячествами, но на послѣдующемъ голосованіи вопросъ о безпорядкахъ прошелъ большинствомъ 90 голосовъ при 1.000 баллотировавшихъ. Несмотря, однако, на это рѣшеніе, значительное большинство студенчества, не входящее въ составъ «объединенныхъ землячествъ», не нашло совмѣстнымъ съ своими интересами согласиться на возбужденіе безпорядковъ по столь незначительной причинѣ, и нарушеніе порядка не состоялось, за исключеніемъ отдѣльных случаевъ проявленій дѣтскихъ протестовъ со стороны нѣкоторыхъ студентовъ, которые во время лек-

цій означеннаго профессора громко кашляли, сморкались и выходили съ шумомъ изъ аудиторіи.

«Слѣдуетъ отмѣтить здѣсь, что, опекая столь заботливо достоинство студенчества, «союзный совѣтъ» не упускалъ изъ виду и своихъ «общественныхъ обязанностей» и, получивъ извѣстіе о незначительной забастовкѣ рабочихъ на одной изъ костромскихъ фабрикъ, тотчасъ-же выпустилъ воззваніе къ студентамъ, приглашая ихъ придти на помощь стачникамъ. Шапка, со вложеннымъ въ нее воззваніемъ, ходила по рукамъ студентовъ во время лекцій, для сбора пожертвованій, а также два землячества ассигновали для этой цѣли 170 рублей изъ земляческихъ средствъ.

«Для правильного сужденія о цѣляхъ организаціи «союзнаго совѣта», его ближайшихъ задачахъ и способахъ дѣйствія представляется полезнымъ помѣстить здѣсь текстъ общихъ соображеній, изложенныхъ въ воззваніи «союзнаго совѣта объединенныхъ московскихъ землячествъ», отъ 21-го октября сего года:

«I. Союзный совѣтъ полагаетъ, что главною цѣлью союза землячествъ должна быть подготовка борцовъ къ политической дѣятельности.

«II. Союзный совѣтъ считаетъ, что организованный активный протестъ въ данную эпоху все усиливающейся реакціи будетъ имѣть громадное и широкое воспитательное значеніе.

«III. Союзный совѣтъ находитъ фактъ съ профессоромъ X. достаточно важнымъ мотивомъ для поднятія организованныхъ беспорядковъ—съ цѣлью борьбы противъ современнаго университетскаго режима, какъ частичнаго проявленія общегосударственной политики,—беспорядковъ, къ которымъ должно привлечь студенческія массы тѣхъ университетскихъ городовъ, гдѣ имѣются студенческія организаціи.

«IV. Союзный совѣтъ проситъ землячества и другіе университеты дать отвѣты на слѣдующіе вопросы:

«1. Присоединяются-ли землячества и университеты къ мнѣнію союзнаго совѣта, что слѣдуетъ открыто протестовать въ настоящее время противъ общаго университетскаго режима, воспользовавшись исторією съ означеннымъ профессоромъ?

«2. Если присоединяются, то предоставляютъ-ли союзному совѣту право организовать протестъ и выработать программу требованій?

«3. Согласны-ли подчиниться программѣ требованій и дѣйствій, выработанныхъ союзнымъ совѣтомъ послѣ опроса землячествъ и другихъ университетовъ?

«V. Землячества, не подавшія своихъ отвѣтовъ союзному совѣту къ 5-му ноября, должны будутъ подчиниться общему рѣшенію.

«VI. Каждое землячество должно представить статистическія данныя съ указаніемъ количества лицъ, принявшихъ пункты, предложенные союзнымъ совѣтомъ, и числа отвергнувшихъ ихъ.

«Въ защиту высказанныхъ положеній союзный совѣтъ считаетъ нужнымъ привести нижеслѣдующіе мотивы:

«Современный университетскій режимъ есть лишь частичное проявленіе общегосударственной политики. Борьба противъ насилія и произвола университетскаго начальства, студенчество будетъ закататься и воспитываться для политической борьбы съ общегосударственнымъ режимомъ. Систематическое проведеніе реакціонныхъ началъ въ жизнь университетовъ со стороны правительства сопровождалось полною деморализаціею профессуры и упадкомъ чувства собственного достоинства въ студенчествѣ»... «Безпорядки, поставленные на общегосударственную почву, взволновать студенческую среду, вызовутъ къ активной жизни наилучшіе элементы, для которыхъ станетъ ясенъ смыслъ и значеніе протеста. Выразивъ активный протестъ, студенчество покажетъ, что его нельзя безнаказанно оскорблять, и что бываетъ предѣлъ его терпѣнію. Исторія съ профессоромъ Х является достаточнымъ поводомъ для возбужденія обще-студенческаго движенія»...

«Неуспѣхъ агитація по избранному «союзнымъ совѣтомъ» поводу понудилъ это сообщество вызвать безпорядки инымъ способомъ, а именно, произвести уличную демонстрацію съ политическою окраскою, и на почвѣ тѣхъ мѣръ, которыя несомнѣнно будутъ приняты администраціею, поднять учащееся юношество на безпорядки и въ стѣнахъ университета. Такимъ поводомъ былъ избранъ полугодовой день несчастнаго событія на Ходынскомъ полѣ, и съ этою цѣлью «союзный совѣтъ» выпустилъ воззваніе къ студентамъ, приглашавшее ихъ явиться 18 ноября на Ваганьково кладбище, для служенія панихиды по погибшимъ, «и своимъ присутствіемъ», какъ говорить текстъ воззванія отъ 14-го ноября, «выразить съ одной стороны сочувствіе жертвамъ небрежности администраціи, а съ другой, — протестъ противъ существующаго порядка, допускающаго возможность подобныхъ печальныхъ фактовъ».

«Обнаруженное «союзнымъ совѣтомъ» намѣреніе произвести демонстрацію внѣ стѣнъ университета вызвало распоряженіе администраціи подвергнуть аресту всѣхъ участниковъ этого тайнаго кружка, въ числѣ 56 человекъ, причемъ по обыскамъ, произведеннымъ 16-го и 17-го ноября, у этихъ лицъ найдены въ значительномъ количествѣ вещественныя доказательства, удостоверяющія ихъ принадлежность къ «союзному совѣту» и агитаціонную дѣятельность этого сообщества. Независимо документовъ означеннаго характера, у многихъ изъ членовъ «союзнаго совѣта» найдены документы, относящіеся до дѣятельности революціоннаго сообщества, именуемагося «рабочимъ союзомъ», и преступныя изданія подпольной печати.

«Не смотря, однако, на арестъ членовъ центральной студенческой организаціи, 18-го ноября, утромъ, группа студентовъ, численностью до 500 человекъ, возбужденныхъ вышеуказаннымъ воз-

званіемъ, направилась къ Ваганькову кладбищу, но у Прѣсенской заставы была остановлена полиціею. Отказавшись разойтись, толпа повернула назадъ и, по Никитской улицѣ, направилась къ университету. По дорогѣ нѣкоторая часть студентовъ разошлась по домамъ, но около университета къ толпѣ присоединилась часть студентовъ, находившихся у воротъ, а также вышедшихъ изъ университета. Въслѣдствіе отказа разойтись, толпа была проведена въ расположенный близъ университета манежъ, гдѣ всѣ участники демонстраціи переписаны, а затѣмъ освобождены, за исключеніемъ 36-ти человекъ, замѣченныхъ въ руководствѣ безпорядковъ и подстрекательствѣ товарищей. Кромѣ студентовъ, въ толпѣ оказалось нѣсколько слушательницъ женскихъ курсовъ и не принадлежащихъ къ составу университета лицъ.

«19-го ноября въ университетѣ собралась сходка болѣе 400 человекъ студентовъ, которая послала 20 депутатовъ для предъявленія ректору требованія объ освобожденіи арестованныхъ товарищей. Ректоръ отказался принять депутатовъ, въ виду того, что сходки и коллективные заявленія воспрещены уставомъ университета, но, несмотря на это, уполномоченные сходки насильно вошли въ квартиру ректора, который отказался выслушать ихъ заявленіе и предложилъ удалиться. Въслѣдъ затѣмъ ректоръ вышелъ къ собравшимся на сходку студентамъ и продолжительно уговаривалъ ихъ разойтись; въ виду же отказа большинства толпы исполнить это требованіе, учебное начальство принуждено было обратиться для ареста ослушниковъ къ содѣйствію полиціи, которая вошла въ университетъ и препроводила участниковъ сходки въ манежъ, гдѣ и были записаны 403 человека, отправленные затѣмъ въ тюремный замокъ.

«20 и 22 ноября въ университетѣ собрались вновь шумныя сходки, участники которыхъ, въслѣдствіе упорнаго отказа разойтись, также были арестованы, по требованію учебнаго начальства, мѣрами полиціи, причемъ задержаны: въ 1 день—206, а во 2—66 человекъ. Изъ общаго числа арестованныхъ—711 человекъ, нѣкоторые обратили на себя особое вниманіе администраціи и учебнаго начальства, какъ организаторы и руководители безпорядковъ, въслѣдствіе чего дѣло о нихъ, а также объ арестованныхъ 17 ноября членахъ «союзнаго совѣта», имѣетъ быть направлено въ порядкѣ ст. 32—36 Высочайше утвержденнаго положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія. Винодность же остальныхъ 662 студентовъ была рассмотрѣна университетскимъ судомъ, который, раздѣливъ ихъ на три категоріи, постановилъ:

«1) студентовъ первой категоріи, въ числѣ 26 человекъ, участвовавшихъ въ названныхъ сборищахъ, при отягчающихъ вину обстоятельствахъ или ранѣе замѣченныхъ въ университетѣ въ проступкахъ и нарушеніяхъ правилъ, уволить изъ университета съ правомъ поступленія въ другіе университеты съ начала будущаго академическаго года;

«2) студентовъ второй категоріи, въ числѣ 175 человѣкъ, участвовавшихъ въ сборищахъ два раза—подвергнуть тому же наказанію,—и

«3) студентовъ третьей категоріи, въ числѣ 461, участвовавшихъ въ сборищахъ одинъ разъ, уволить изъ университета съ правомъ обратнаго поступленія съ начала будущаго учебнаго года.

«Но, принимая во вниманіе, что студенты участвовали въ сборищахъ, какъ свидѣтельствуя обстоятельства дѣла, подъ давленіемъ лицъ, преслѣдующихъ цѣли, несовмѣстимыя съ правильнымъ теченіемъ университетской жизни, правленіе рѣшило ходатайствовать относительно студентовъ второй и третьей категорій, въ числѣ 636 человѣкъ, передъ министромъ народнаго просвѣщенія, о смягченіи указанныхъ выше наказаній, а именно: подвергнуть этихъ студентовъ дисциплинарнымъ взысканіямъ соотвѣтственно степени ихъ вины, по опредѣленію правленія, на основаніи дѣйствующихъ правилъ для студентовъ, съ послѣдствіями, указанными § 37 сихъ правилъ, и съ предупрежденіемъ, что означенные студенты, въ случаѣ новаго участія въ сходкахъ и недозволенныхъ сообществахъ, будутъ исключаемы изъ университета безъ всякаго смягченія ихъ участи.

«Ходатайство правленія Императорскаго московскаго университета о лицахъ, отнесенныхъ ко II и III категоріямъ, было уважено министромъ народнаго просвѣщенія, и они въ теченіе 25, 26 и 27 ноября освобождены изъ-подъ стражи, въ числѣ 636 чел.

«Вслѣдъ за сѣмъ, 27 ноября, въ стѣнахъ университета было вывѣшено нижеслѣдующее объявленіе:

«Ректоръ Императорскаго московскаго университета, согласно распоряженію гг. министровъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, сѣмъ сообщаетъ студентамъ, что: а) всѣ тѣ изъ нихъ, которые будутъ участвовать вновь въ сходкахъ или иныхъ коллективныхъ проявленіяхъ неповиновенія университетскому начальству, а равно полиціи, будутъ арестованы и немедленно высланы изъ Москвы, причемъ они будутъ считаться уволенными безъ прошенія: б) не желающіе подчиниться установленнымъ университетскимъ правиламъ и распоряженіямъ начальства, могутъ получать обратно свои документы въ установленный начальствомъ университета срокъ и будутъ считаться уволенными по прошенію».

«Чтеніе лекцій въ университетѣ непрерывно продолжалось, а съ 23 ноября порядокъ явнымъ образомъ болѣе не нарушался, въ виду чего можно надѣяться, что благоразуміе студентовъ старшихъ курсовъ одержитъ верхъ надъ искусственно возбужденной «союзнымъ совѣтомъ» агитаціей, и нормальный порядокъ возстановится безъ особаго ущерба для правильнаго теченія университетской жизни.

«Не довольствуясь возбужденіемъ безпорядка въ московскомъ университетѣ, «союзный совѣтъ» разослалъ своихъ делегатовъ въ другіе университеты, а также увлекъ своимъ примѣромъ и слушателей

Императорскаго московскаго техническаго училища. Во многихъ университетахъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ собирались въ теченіе этихъ дней болѣе или менѣе шумныя сходки, для обсужденія предложенія московскаго «союзнаго совѣта» о возбужденіи общестуденческихъ безпорядковъ, съ цѣлью добиться возстановленія устава 1863 г. и разныхъ другихъ неосновательныхъ требованій, а также освобожденія арестованныхъ въ Москвѣ студентовъ, но сходки эти, подъ вліяніемъ увѣщанія учебнаго начальства, расходились, не вызывая до сего времени необходимости обращенія къ мѣрамъ полиціи.

«Настоящее сообщеніе, разъясняющее, на основаніи документальныхъ данныхъ, дѣйствительное значеніе и цѣли общестуденческихъ организацій и союзовъ, представляетъ для всѣхъ тѣхъ лицъ, коимъ дороги интересы учащагося юношества, а равно для благоразумнаго большинства самихъ студентовъ, твердое основаніе правильно оцѣнить безразсудство и опасность пути, на который увлекаются незрѣлые молодые люди усиліями тайныхъ политическихъ агитаторовъ, стремящихся сдѣлать изъ нихъ послушное орудіе къ достиженію своихъ преступныхъ цѣлей»

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство“

по сбору пожертвованій на постановку памятниковъ на могилахъ писателей.

Остатокъ къ 1-му декабря . . . . . 1363 р. 10 к.
5 декабря уплачено по счету К. Сетинсона
за постановку на Волковомъ кладбищѣ двухъ
новыхъ памятниковъ на могилахъ Н. С. Курочкина и М. В. Авдѣева и за починку памятника В. С. Курочкина . . . . . 350 р. » »

Остатокъ къ 1-му января 1897 г. . . . . 1013 р. 10 к.

Прим. На могилахъ Н. С. Курочкина и М. В. Авдѣева положены полированные плиты изъ чернаго гранита, съ рельефными надписями, и нижнія плиты изъ путиловскаго камня—на фундаментъ, съ двумя рядами кованнаго цокля.

На могилѣ В. С. Курочкина сдѣланъ новый фундаментъ и вычищенъ прежній памятникъ.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

НОВАЯ КНИГА:

В. Ф. Брандтъ. БОРЬБА СЪ ПЬЯНСТВОМЪ

за границей и въ Россіи.

Цѣна 60 к., съ перес. 75 к.

Подписчики „Русскаго Богатства“ за пересылку не платятъ.

СКЛАДЫ ИЗДАНІЯ:

Въ Петербургѣ—Контора «Русскаго Богатства», Васейная ул., 10.

Въ Москвѣ—Отдѣленіе конторы «Русскаго Богатства», Никитскія
ворота, д. Гагарина.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

(начатый проф. И. Е. АНДРЕЕВСКИМЪ)

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

К. К. АРСЕНЬЕВА и заслуженнаго профессора **Ө.Ө. ПЕТРУШЕВСКАГО**

при участіи редакторовъ отдѣловъ:

Проф. А. Н. Бекетовъ (біологич. науки), С. А. Венгеровъ (исторія литературы), Проф. А. И. Воейковъ (географія), Проф. Н. И. Каръевъ (исторія), А. И. Сомовъ (изящн. искусства), Проф. Д. И. Менделѣевъ (химико-технич. и фабрично-завод.), Проф. В. Т. Собичевскій (сельско-хозяйственный и животноводство), Владиміръ Соловьевъ (философія), Проф. Н. Ө. Соловьевъ (музыка).

Энциклопедическій словарь выходитъ каждыя два мѣсяца покутомами, въ 30 лист. убористой печати. Въ настоящее время вышли 84 полутома. Всего полутомовъ предполагается до пятидесяти. Цѣна за каждый полутомъ (въ переплетѣ) 8 руб., за доставку 40 коп. Въ Москвѣ и другихъ университетскихъ городахъ за доставку не платятъ.

Словарь охватываетъ собою свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ наукъ, искусствъ, литературы, исторіи, промышленности и прикладныхъ знаній.

Текстъ помѣщаемыхъ въ словарь статей составляется самостоятельно русскими учеными и специалистами, причемъ все касающееся Россіи обрабатывается наиболее полно и тщательно.

Заявленія о подпискѣ принимаются: въ конторѣ журнала «Русское Богатство»—Петербургъ, *Басейная ул., д. 10.*

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА на слѣд. услов.: при подпискѣ вносится задатокъ отъ 10 руб., послѣ чего выдаются имѣющіеся на-лицо полутомы; остальная сумма долга выплачивается ежемѣсячными взносами отъ трехъ рублей.

Издатели: Ф. А. Брокгаузъ (Лейпцигъ), И. А. Ефронъ (С.-Петербургъ).

Сочиненія Н. ГАРИНА:

Очерки и рассказы. Томъ I. Изданіе второе. Ц. 1 р. 25 к.,
съ перес. 1 р. 50 к.

Очерки и рассказы. Томъ II. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Гимназисты. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Подписчики «РУССКАГО БОГАТСТВА» за пересылку не платятъ.

СОЧИНЕНІЯ ВЛ. Г. КРОРОЛЕНКО.

Очерки и рассказы. Книга первая. 7 изданіе. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Очерки и рассказы. Книга вторая. Изданіе третье. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Въ голодный годъ. Изданіе второе. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Слѣпой музыкантъ. Этюдъ. Изданіе пятое. Ц. 75 к., съ перес. 90 к.

С К Л А Д Ы:

Контора журнала «Русское Богатство» — С.-Петербургъ, Бассейная ул., 10 и Отдѣленіе конторы журнала «Русское Богатство» — Москва, Никитскія ворота, д. Гагарина.

Подписчики «Русскаго Богатства» за пересылку не платятъ.

Литературно-критическія характеристики.

М. А. Протопопова.

В. Г. Бѣлинскій. — Левъ Толстой. — Н. В. Шелгуновъ. — Всеволодъ Гаршинъ. — С. Т. Аксаковъ. — А. М. Жемчужниковъ. — Глѣбъ Успенскій. — О. М. Рѣшетниковъ. — Н. Н. Златовратскій. — Н. Е. Петровпавловскій (Каронинъ).

Изданіе редакціи журнала «Русское Богатство».

Цѣна 2 р. 20 к., съ перес. 2 р. 50 к.

Подписчики «Русскаго Богатства» за пересылку не платятъ.

„ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ“

БИОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Въ составъ библиотеки войдетъ около 200 биографій замѣчательныхъ людей.

Вышли отдѣльными книжками 170 биографій слѣдующихъ лицъ:

I. Представители религии и церкви: Будда (Сакія Муни), Григорій VII, Гусь, Кальвинъ, Конфуцій, Лойола, Савонарола, Торквемада, Цвингли.—Аввакумъ (глава рус. раскола), патриархъ Никонъ.

II. Государственные люди и народные герои: Бисмаркъ, Гарibaldi, Глостонъ, Грахъ, Кромвель, Линкольнъ, Мирабо, Томасъ Моръ, Ришелье.—Воронцовъ, Дашкова, Иоаннъ Грозный, Канкринъ, Меншиковъ, Потемкинъ, Скобелевъ, Сперанскій, Богданъ Хмѣльницкій.

III. Ученые. Беккариа и Бентамъ, Бокль, Галилей, Гарвей, А. Гумбольдъ, Даламберъ, Дарвинъ, Дженнеръ, Кеплеръ, Кетле, Кондорсе, Коперникъ, Кювье, Лавуазье, Лапласъ и Эйлеръ, Линней, Ляйблль, Мальтусъ, Милль, Монтескье, Паскаль, Ньютонъ, Прудонъ, Адамъ Смитъ, Фарадей.—К. Бэръ, Боткинъ, Ковалевская, Лобачевскій, Пироговъ, Соловьевъ (историкъ), Струве.

IV. Философы: Аристотель, Беконъ, Дж. Вруно, Гегель, Кантъ, Огюстъ Контъ, Лейбницъ, Локъ, Сенека, Спиноза, Шопенгауеръ.

V. Филантропы и дѣятели по народному просвѣщенію: Говардъ, Оуэнъ, Песталлоци, Франклинъ.—Каразинъ, (основатель хар. университета), баронъ Н. А. Корфъ, Новиковъ, К. Д. Ушинскій.

VI. Путешественники: Колумбъ, Ливингстонъ, Стэнли.—Пржевальскій.

VII. Изобрѣтатели и люди широкаго почина: Гуттенбергъ, Дагеръ и Нипсъ (изобрѣтатели фотографіи). Лессепсъ, Ротшильды, Стефансонъ и Фултонъ (изобрѣт. жел. дорогъ и пароходовъ), Уаттъ, Эдисонъ и Морзе.—Демидовы.

VIII. Писатели русскіе и иностранные.

Иностранные писатели: Андерсенъ, Байронъ, Бальзакъ, Берне, Беранже, Боккаччо, Вомаши, Вольтеръ, Гейне, Гете, Гюго, Дантъ, Дефо, Диккенсъ, Жоржъ Зандъ, Золя, Карлейль, Лессингъ, Маколей, Мильтонъ, Мицкевичъ, Мольеръ, Рабле, Руссо, Свифтъ, Сервантесъ, В. Скоттъ, Теккерей, Шиллеръ, Джоржъ Элиотъ.

Русскіе писатели: Аксаковы, Бѣлинскій, Гоголь, Гончаровъ, Грибоедовъ, Державинъ, Добролюбовъ, Достоевскій, Жуковский, Кантемиръ, Карамзинъ, Кольцовъ, Крыловъ, Лермонтовъ, Ломоносовъ, Никитинъ, Писаревъ, Писемскій, Пушкинъ, Салтыковъ (Щедринъ), Сенковский (баронъ Брамбеусъ), Левъ Толстой, Тургеневъ, Февизинъ, Шевченко.

IX. Художники: Леонардо де Винчи, Микель Анджело, Рафаэль, Рембрандтъ.—Ивановъ, Крамскій, Перовъ, Федотовъ.

X. Музыканты и актеры: Бахъ, Бетховенъ, Вагнеръ, Гарриксъ, Мейерберъ, Моцартъ, Шопенъ, Шуманъ.—Волковъ. (основатель русск. театра), Глинка, Даргомыжскій, Сѣровъ, Щепкинъ.

Цѣна каждой книжки 25 к. Биографіи продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. Луковникова.

(Спб., Лештуковъ пер., № 12).

Приготавливаются къ печати биографіи слѣдующихъ лицъ:

Александра II, Вашингтона, Вирхова, Дидро, Екатерины II, Лютера, Магомета, Макиавелли, Меттерниха, Наполеона I, Некрасова, Островскаго, Пастера, Петра Великаго, Ренана, Сократа и Платона, Суворова, Гл. Успенскаго, Франциска-Ассизскаго, Фридриха II, Шекспира и др.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

Съ 1894 г. издается въ Петербургѣ Ф. ПАВЛЕНКОВЫМЪ

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ

СКАЗОЧНАЯ БИБЛИОТЕКА.

Въ составъ этой библіотеки войдутъ избранныя сказки всѣхъ странъ и народовъ. Всѣхъ книжекъ предполагается выпустить отъ 150 до 200. Въ каждой книжкѣ помѣщается одна большая или нѣсколько маленькихъ сказокъ, иллюстрированныхъ болѣе или менѣе значительнымъ количествомъ рисунковъ. Всѣ книжки нумеруются отъ первой до послѣдней. Цѣна книжекъ отъ 5 до 25 коп.

До 1 сентября 1895 г. выпущено 70 книжекъ, въ составъ которыхъ вошли слѣдующія сказки:

ММ

книжекъ

Сказки Андерсена.

1. Дочь болотнаго царя. Съ 15 рис., портретомъ и біографіей Андерсена (15 коп.).
2. Райскій садъ. Съ 6 рис. (8 коп.).
3. Домовой и лавочникъ. Свинья-копилка. На птичьемъ дворѣ. Красныя башмачки. Съ 2 рис. (10 коп.).
4. Супъ изъ колбасной палочки. Съ 6 рис. (6 к.).
5. Оле-Луке-Ойе, Ленъ, Свинья. Капля воды. Съ 3 рис. (10 к.).
6. Пѣты маленькой Иды. Сосѣднія семейства. Пастушка и трубочность. Съ 10 рис. (10 к.).
7. Стѣнная царица. Съ 16 рис. (15 к.).
8. Анна Лизбета. Съ 10 рис. (5 к.).
9. Самое невѣроятное. Комета. Небесный листъ. Съ 9 рис. (5 к.).
10. На дюнахъ. Съ 8 рис. (15 к.).
11. Послѣдній сонъ стараго дуба. Калѣва. Съ 3 рис. (8 к.).
12. Бузинная старушка. Дѣвочка, наступившая на хлѣбъ. Съ 9 рис. (8 к.).
13. Колоколь. Стойкій оловянный солдатикъ. Мотылекъ. Съ 7 рис. (6 к.).
14. Ибъ и Христиночка. Сновидѣніе. Перо и чернильница. Съ 10 рис. (10 к.).
15. Камень мудрости. Съ 5 рис. (8 к.).
16. Большой морской змѣй. Свѣчи. Съ 4 рис. (5 к.).
17. Золотое сокровище. Блоха и профессоръ. Съ 10 рис. (6 к.).
18. Дикіе лебеди. Съ 6 рис. (8 к.).
19. Сынъ привратника. Съ 9 рис. (8 к.).
20. Морская царица. Должна же быть разница. Съ 10 рис. (10 к.).
21. Соловей. Жаба. Съ 11 рис. (8 к.).
22. Попутчикъ. Съ 7 рис. (8 к.).
23. Исторія пяти горошинъ. Елка. Дѣвочка со спичками. Съ 6 рис. (6 к.).
24. Калоши счастья. Съ 7 рис. (10 к.).
25. Она нигуда не годилась. Старый домъ. Дѣтская болтовня. Съ 7 рис. (8 к.).
26. Исторія одной матери. Кто же въ этомъ сомнѣвается. Навозный жукъ. Съ 9 рис. (8 к.).
27. Везобразный утенокъ. Маргаритка. Серебряная монетка. Съ 13 рис. (8 к.).
28. Тѣнь. Мѣдный кабанъ. Какъ старикъ ни сдѣлаетъ—все хорошо. Съ 9 рис. (10 к.).
29. Бутылочное горлышко. Подъ ивой. Съ 13 рис. (10 к.).
30. Дѣва льдовъ. Съ 19 рис. (18 к.).

Сказки Гауфа.

31. Холодное сердце. Съ 10 рис., портретомъ и біографіей Гауфа (18 к.).
32. Сказка о Калифъ-акстѣ. Молодой англичанинъ. Съ 10 рис. (12 к.).
33. Преданіе о золотомъ. Маленькій Мукъ. Съ 16 рис. (15 к.).
34. Карликъ-носъ. Съ 10 рис. (12 к.).
35. Привлеченіе Саида. Съ 11 рис. (15 к.).
36. Принцъ-Самозванецъ. Еврей Абнеръ, который ничего не видитъ. Съ 7 рис. (10 к.).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Сказки Густафсона.

37. Корона морского царя. Друга короля Османа. Неумѣстная гордость. Король Карій. Съ 10 рис., портретомъ и биографіей Густафсона (10 к.).
38. Пастухъ и принцесса. Цвѣты радости. Такъ водится на войнѣ. Баржа. Съ 10 рис. (10 к.).
39. Храмъ истины. Король, страдавшій бессонницей. Каменная глыба. Скоро-спѣвка. Попугай и жаворонокъ. Съ 12 рис. (10 к.).
40. Парижская кукла. Бѣлка. Исторія одного дерева. Земной глобусъ папы. Съ 10 рис. (10 к.).
41. Три брата. Маленькій сборникъ сказокъ. Съ 9 рис. (10 к.).

Сказки Жоржъ-Зандъ.

42. Говорящій дубъ. Красный молотокъ. Съ 9 рис., портретомъ и биографіей Жоржъ-Зандъ. (18 к.).
43. Розовое яблоко. Съ 5 рис. (12 к.).
44. Великанъ Іеусъ. Съ 6 рис. (15 к.).
45. Крылья мужества. Съ 9 рис. (25 к.).
- №№ 46—70. Русскія народныя сказки. Цѣна каждаго номера—10 к.

Въ составъ слѣдующихъ книжекъ войдутъ: Сказки Карменъ Сильвы; сказки Абьернсена, Братьевъ Гриммъ, Герро, и пр. и пр. При первой книжкѣ сказокъ того или другого автора въ большинствѣ случаевъ помѣщается его краткая біографія.

БИБЛИОТЕКА ПОЛЕЗНЫХЪ ЗНАНІЙ.

- 1) Ручной трудъ. Составилъ Графиня. Домашнія занятія ремеслами. Съ франц. Съ 400 рис. Ц. 1 р. 50 к.—2) Электрическіе звонки. Боттона. Съ краткими свѣдѣніями о воздушныхъ звонкахъ. Съ 114 рис. Пер. съ англ. и дополнитъ Д. Головъ. Ц. 1 р. — 3) Руководство къ рисованію акварелью А. Кассана. Съ франц. Съ 150 рис. Ц. 1 р. 50 к. — 4) и 5) На всякій случай. А. Альмедингена. Научно-практическія свѣдѣнія по полеводству, садоводству, огородничеству, домоводству, по борьбѣ съ вредными насекомыми, грибами и паразитами, а также съ фальсификаціей пищевыхъ и другихъ веществъ. Двѣ части. Цѣна каждой 50 коп.—6) Домашній опредѣлитель подѣлокъ. А. Альмедингена. Ц. 60 к.—7) Дѣтскій докторъ. Руководство для матерей и воспитателей. Д-ра Варіо. Съ франц. подъ редакціей профес. Пономарева. Ц. 1 р.—8) Гигіена дѣтства. Э. Перье. Ц. 50 к. — 9) Уходъ за больными въ семьѣ. Энцлера. Ц. 50 к.—10) Уходъ за больными дѣтми. Э. Перье. Ц. 50 к.

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА.

- 1) Экстазы человѣка П. Мантегацца. Въ 2-хъ частяхъ. Ц. 1 р. 50 к., 2) Психологія вниманія. Д-ра Рибо. Ц. 40 к.; 3) Берегите легкія! Гигіеническія бесѣды д-ра Нимейера. Съ 30 рис. Ц. 75 к.; 4) Современные психопаты, д-ра А. Кюллера. Ц. 1 р. 50 к.; 5) Предсказаніе погоды. А. Дамье, съ рис. Ц. 1 р. 25 к.; 6) Физиологія души. А. Герцена. Ц. 1 р.; 7) Психологія великихъ людей. Г. Жоли. 2-е изд. Ц. 1 р.; 8) Дарвинизмъ. Э. Ферьера. Общедоступное изложеніе идей Дарвина. Ц. 60 к., 9) Міръ грѣхъ. Д-ра Симона. Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, гипнотизмъ, иллюзіи. Ц. 1 р., 10) Первобытные люди. Дебьера. Со многими рис. Ц. 1 р.; 11) Законы раздражанія. Гарда. Ц. 1 р. 50 к.; 12) Геніальность и помѣшательство. Ц. Ломброзо. Съ портр. автора и нѣсколькими рис. 2-е изд. Ц. 1 р.; 13) Общедоступная астрономія. К. Фламмаріона. Съ 100 рис. 3-е изд. Ц. 1 р.; 14) Гигіена семьи. Гебера. Ц. 50 к.; 15) Бактеріи и ихъ роль въ жизни человѣка Мигулы. Съ 35 рис. Ц. 1 р.; 16) Наука о жизни. Попул. физиологія человѣка. И. Лункевича. Съ 92 рис. Ц. 1 р. 17) Электричество въ природѣ. Ж. Дори. Съ 102 рис. Ц. 1 р. 25 к.; 18) Усталость. Моссо. Съ 80 рис. Ц. 1 р. 25 к.; 19) Гигіена женщины. Женщины-врача Тило. Ц. 40 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ПУШКИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

Русланъ и Людмила. Съ 8 картинками, ц. 10 к.—Кавказскій плѣнникъ. Съ 3 карт., ц. 3 к.—Братья Разбойники. Съ 3 карт., ц. 2 к.—Багчисарайскій фонтанъ. Съ 3 карт., ц. 3 к.—Цыгане. Съ 3 карт., ц. 3 к.—Полтава. Съ 5 карт., ц. 6 к.—Галубъ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Сказка о царѣ Салтанѣ. Съ 3 карт., ц. 4 к.—Сказка о попѣ и работникѣ Балдѣ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Сказка о мертвой царевнѣ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Сказка о золотомъ пѣтушкѣ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Сказка о рыбацкѣ и рыбкѣ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Пѣсни западныхъ славянъ. Съ 3 карт., ц. 4 к.—Евгеній Онѣгинъ. Съ 11 карт., ц. 20 к.—Графъ Нулинъ. Съ 3 карт., ц. 2 к.—Домикъ въ Коломнѣ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Мѣдный всадникъ. Съ 3 карт., ц. 3 к.—Анджело. Съ 3 карт., ц. 3 к.—Борисъ Годуновъ. Съ 9 карт., ц. 10 к.—Скупой рыцарь. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Моцартъ и Сальери. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Каменный гость. Съ 3 карт., ц. 3 к.—Пиръ во время чумы. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Русалка. Съ 4 карт., ц. 3 к.—Выстрѣлъ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Метель. Съ 2 карт., ц. 3 к.—Гробовщикъ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Станционный смотритель. Съ 3 карт., ц. 3 к.—Барышня-крестянка. Съ 2 карт., ц. 4 к.—Пиковая дама. Съ 3 карт., ц. 5 к.—Дубровский. Съ 5 карт., ц. 10 к.—Арапъ Петра Великаго. Съ 3 карт., ц. 6 к.—Капитанская дочка. Съ 11 карт., ц. 20 к.—Исторія Пугачевского бунта. Съ мног. карт., ц. 20 к.—Всѣ поэмы. Съ 21 карт., ц. 25 к.—Всѣ сказки. Съ 6 карт., ц. 10 к.—Всѣ баллады и легенды. Съ 4 карт., ц. 10 к.—Всѣ драматич. произведенія. Съ 17 карт., ц. 20 к.—Повѣсти Бѣлкина. Съ 7 карт., ц. 10 к.—Всѣ письма. Съ 26 портретами лицъ, которыми писалъ Пушкинъ, ц. 25 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛЕРМОНТОВСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

1) Демонъ. Съ 9 рис. Ц. 6 к.—2) Ангелъ Смерти. Съ 5 рис., Ц. 3 к.—3) Измаиль Вей. Съ 9 рис. Ц. 10 к.—4) Хаджи-Абрекъ. Съ 5 рис., Ц. 3 к.—5) Бояринъ Орша. Съ 7 рис. Ц. 4 к.—6) Пѣсня про купца Калашникова. Съ 7 рис. Ц. 3 к.—7) Мцыри. Съ 7 рис. Ц. 4 к.—8) Аулъ Бастунджи. Съ 5 рис. Ц. 3 к.—9) Литвинка. Съ 5 рис. Ц. 3 к.—10) Каллы. Съ 3 рис. Ц. 2 к.—11) Кавказскій плѣнникъ. Съ 3 рис. Ц. 3 к.—12) Корсаръ. Съ 3 рис. Ц. 2 к.—13) Черкесы. Съ 3 рис. Ц. 2 к.—14) Джулио. Съ 3 рис. Ц. 3 к.—15) Казначейша. Съ 5 рис. Ц. 4 к.—16) Герой нашего времени. Съ 23 рис. Ц. 25 к.—17) Вѣла. Съ 9 рис. Ц. 8 к.—18) Тамань. Съ 5 рис. Ц. 3 к.—19) Княжна Мери. Съ 9 рис. Ц. 12 к.—20) Фаталистъ. Съ 3 рис. Ц. 2 к.—21) Призракъ. Съ 3 рис. Ц. 3 к.—22) Маскарадъ. Съ 5 рис. Ц. 10 к.—23) Испанцы. Съ 5 рис. Ц. 10 к.—24) Ашикъ-Керибъ. Съ 5 рис. Ц. 2 к.—25) Княгиня Литовская. Романъ. Съ 5 рис. Ц. 8 к.—26) Люди и страсти Трагедія. Съ 5 рис. Ц. 8 к.—27) Станный человѣкъ. Драма. Съ 5 рис. Ц. 8 к.—28) Два брата. Драма. Съ 5 рис. Ц. 5 к.—29) Всѣ баллады и легенды. Съ 3 рис. Ц. 5 к.—30) Повѣсти изъ современной жизни. Съ 9 рис. Ц. 7 к.

ЛИТЕРАТУРНОЕ РАЗВИТІЕ

РАЗЛИЧНЫХЪ ПЛЕМЕНЪ И НАРОДОВЪ.

Шарля Летурно.

Содержаніе. Начало литературы.—Литература черныхъ расъ.—Литература желтыхъ расъ.—Литература народовъ бѣлой расы.—Прошлое и будущее литературы. Переводъ съ франц. В. СВЯТЛОВСКАГО. Цѣна 1 р. 50 к.

Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. Луковникова.

(Спб., Лештуковъ пер., № 12).

Издатели: Н. Михайловская.
Вл. Короленко.

Редакторы: П. Быковъ.
С. Поповъ.

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY